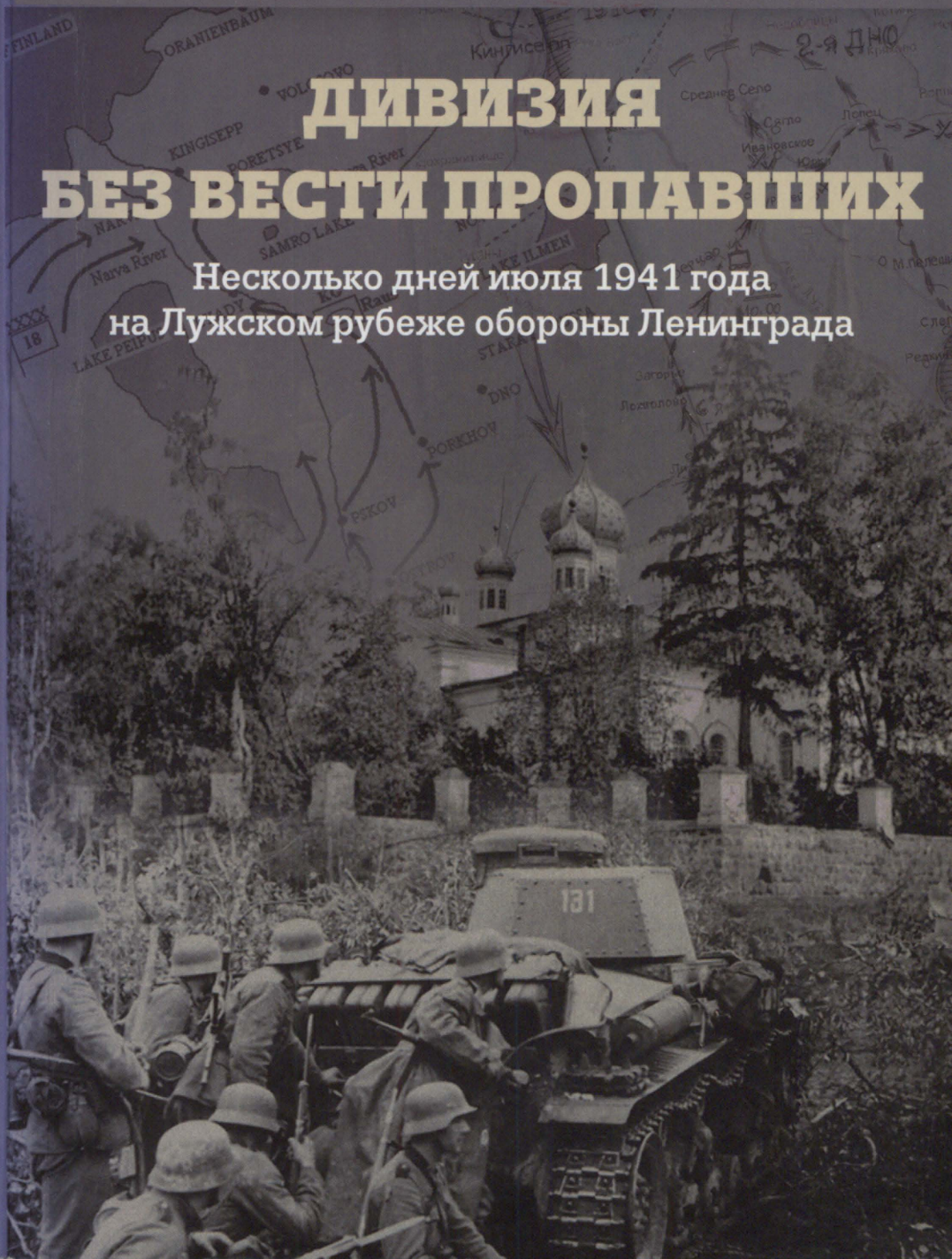


В. Г. Рохмистров

В. Г. Рохмистров ДИВИЗИЯ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ

ДИВИЗИЯ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ

Несколько дней июля 1941 года
на Лужском рубеже обороны Ленинграда





В. Г. Рохмистров

**ДИВИЗИЯ БЕЗ ВЕСТИ
ПРОПАВШИХ**

**Несколько дней июля 1941 года
на Лужском рубеже обороны Ленинграда**

Некоммерческое партнерство
«Научно-образовательное культурологическое общество»
Санкт-Петербург
2014



УДК 63.3(2)622.1
Р 79

*Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию
со средствами массовой информации Санкт-Петербурга*

Рохмистров В. Г.
Р 79 Дивизия без вести пропавших. Несколько дней июля 1941 года на Лужском рубеже обороны Ленинграда. — СПб.: НОКО, 2014. — 480 с.: ил.
ISBN 978-5-905625-11-4

В последние годы правда о минувшей войне начинает все более разбавляться вымыслом — а необходимость этой правды становится все более важной... В новой книге В. Г. Рохмистрова, созданной на основе писем немецкого солдата, боевых дневников гитлеровских дивизий, приказов советских военачальников и воспоминаний ленинградских ополченцев, рождается такая картина боев на Лужском рубеже, о которой большинство читателей и не подозревало. Однако главной мыслью книги является то, что война, которая в принципе никому не дает возможности оставаться человеком, все же не сумела истребить человеческое как в рядах Красной Армии, так и в рядах вермахта.

Книга адресована как специалистам, так и самому широкому кругу читателей.

УДК 63.3(2)622.1

ISBN 978-5-905625-11-4

© В. Г. Рохмистров, 2014
© Научно-образовательное
культурологическое общество, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Посвящаю эту книгу
простым ленинградцам,
жарким летом 1941 года
заслонившим родной город
своими телами*

История зарождения этой книги не совсем обычна.

В начале 2011 года волею судеб мне в руки попали письма немецкого ефрейтора Иоганна Генриха Вике, следовавшего в 1941 году с группой армий «Север» на Ленинград. Ефрейтор Вике с момента мобилизации в мае 1941 до окончательного возвращения домой в феврале 1942 года едва ли не каждый день писал жене обо всем, что ему казалось в «русском походе» примечательным. Вкратце ознакомившись с этим любопытным историческим документом, я связался с правообладателем текстов, чтобы узнать его намерения относительно этой семейной реликвии. Сын ефрейтора Петер Вильгельм Вике сообщил мне, что был бы рад увидеть эти письма изданными на русском языке.

Начав переводить письма Вике, я по ходу дела стал подробнее интересоваться историческим контекстом, обусловившим их появление на свет, а также деталями личной судьбы ефрейтора, в связи с чем время от времени связывался с Петером. Пытаясь адекватно передать и откомментировать письма, я неожиданно для себя узнал, что в истории первого года Великой Отечественной войны есть немало и до сих пор не проясненных моментов. Также я узнал о страстном желании Петера Вике, родившегося 23 сентября 1941 года, посмотреть те места, о которых писал его отец. По словам Петера, отец никогда ничего не рассказывал дома о своей боевой юности, и сын узнал о том, что его отец воевал в России, только после смерти Иоганна Генриха в 1996 году, разбирая его архив.

В течение долгих лет перевода архива из рукописного в машинописный вид Петеру очень много приходилось читать об этом периоде, изучать карты, сохраненные отцом, и фотографии, сделанные им в России, и вот — наши края сделались для него едва ли не второй родиной.

Тем же летом мы вместе с Петером осуществили его мечту и проехали «через 70 лет по следам отца». Это было незабываемое путешествие, о котором можно было бы написать отдельную книгу. Но сейчас речь не об этом. Моя книга — это всего лишь попытка помочь читателю как можно яснее представить хотя бы несколько дней из тех, о которых писал когда-то давно, теперь уже в прошлом веке, молодой немецкий ефрейтор-радиист Иоганн Генрих Вике своей жене.

* * *

В дореволюционном учебнике русской словесности П. Смирновского в разделе упражнений приводятся простые предложения: «Дуб — дерево. Роза — цветок. Олень — животное. Воробей — птица...» Это всего лишь примеры, которые должны были помочь детям, начинающим изучать грамматику русского языка, освоить параграф — мужской, женский и средний род существительных. Однако два последних предложения этого ряда неожиданно приобрели значение подлинных сентенций: «Россия — наше отечество. Смерть неизбежна».

Судя по тому, что учившийся по этому учебнику Владимир Набоков привел их в качестве эпиграфа к самому русскому из своих романов, эти простые слова поражали сознание юных гимназистов и оставались у них глубоко в памяти на всю жизнь. Чрезвычайная простота и всеобщая известность этих истин удерживали русского образованного человека от постоянного поминания самих изречений. Но — и «Дар» Набокова тому свидетель — жизнь русского образованного человека проходила под глубинным гипнозом этих простых слов.

Воевавшие в Первую мировую войну, особенно после ее перехода в войну Гражданскую, полностью осознали всю роковую суть этого приговора.¹ Вступившие же во Вторую мировую в момент ее перехода в Великую Отечественную проживали единство этих двух неожиданно сведенных вместе сентенций в большинстве своем неосознанно.

В этой книге я хочу поговорить о тех советских людях, кто, независимо от того, читали они роман Набокова или учебник Смирновского, либо же никогда ни о том, ни о другом ничего даже не слышали, с первых же дней войны на деле продемонстрировали роковую неразрывность двух этих предложений.

* * *

В последнее время в нашей стране появляется все больше и больше исследований, посвященных трагическим событиям Великой Отечественной войны. Это неудивительно; после стольких лет господства коммунистической идеологии, не допускавшей никаких иных трактовок истории, кроме официально принятой, наступил период свободных высказываний и открытого доступа к документам и информации. Но мы и здесь опять безнадежно отстали. Если

¹ Латинское слово «сентенция» можно перевести на русский язык не только как «мысль, изречение», но и как «приговор».

американцы предварили этот момент открытия архивов серьезной аналитической работой крупных военных специалистов, то у нас анализ происходивших событий только лишь начинается. И производится он, увы, не силами грамотных военспецов из Академии генерального штаба, а силами любителей-энтузиастов.

Командование американской армии сразу же после Второй мировой войны, в отличие от наших прагматиков, завладело немецкими военными архивами и пленило массу высокопоставленных военных специалистов. Американцы, не откладывая дела в долгий ящик, решили по горячим следам разобрать и проанализировать опыт немецких офицеров. В результате группа пленных под руководством генерал-полковника Франца Гальдера, бывшего начальника Главного штаба сухопутных войск гитлеровской Германии, написала серию докладов, аналитических статей и разборов. Одним из результатов этой работы стала замечательная книга Эрхарда Рауса «Танковые сражения на Восточном фронте», которая в 2005 году вышла на русском языке. Я сейчас не буду говорить о множестве достоинств этой книги, отмечу лишь то, что она во многом перекликается с письмами следовавшего в фургоне радистов 6-й танковой дивизии Иоганна Генриха Вике.

* * *

За прошедшие с начала Великой Отечественной войны 70 лет уже стало штампом говорить о совершенно неожиданном, вероломном нападении Германии на Советский Союз и этим объяснять все неудачи. Да, люди живут мифами. Однако подлинный миф по сути своей предназначен вовсе не для того, чтобы затуманивать сознание и успокаивать совесть, а как раз наоборот — для обретения большей ясности в понимании происходящего. Иными словами, никогда не следует подменять настоящий миф, стремящийся выявить и подчеркнуть главную суть события, сказкой, призванной утешить сознание верой в то, что все на самом деле происходит во благо и разумно.

Сейчас уже ни для кого не нов вполне трезвый взгляд, подмечающий, что не таким уж безобидным и беспомощным был Советский Союз в июне 1941-го. Присоединение Прибалтики, аннексия части Польши, вероломное нападение на Финляндию ясно свидетельствуют о вполне откровенной военной активности советского государства. В архивах есть даже документы, свидетельствующие не только о тайных союзах и договоренностях с нацистами, но и о разработке военной кампании против самой Германии. Конечно же, существование таких разработок вовсе не свидетельствует о непреклонном, да еще и близком, намерении действительного нападения.

Это обычная практика военных — разрабатывать планы возможных военных кампаний против потенциальных противников. В случае действительных приготовлений подобный процесс развивается совсем другим образом.

Как ныне хорошо известно, прежде чем разразилась Первая мировая война, германский план нападения на Францию и Россию готовился долгие годы, целые десятилетия. Еще М. Д. Скобелев предупреждал Александра III о начале этих приготовлений. План много раз изменялся и уточнялся, прежде чем был принят как руководство к действию. Также ныне прекрасно известно, что решение о нападении Германии на Советский Союз в июне 1941 года было окончательно утверждено уже в декабре 1940-го. Такие дела не затеваются в одну неделю, но готовятся долго и тщательно, в режиме чрезвычайной секретности. Советский же план военной кампании с Германией начал разрабатываться вчерне только в начале 1941 года. Таким образом, говорить о подготовке нападения Советского Союза на Германию можно только условно. Сталин в этом случае откровенно проиграл Гитлеру, так же как проиграл Гитлеру и Черчилль в случае с Норвегией. Осуществить внезапность нападения — одно из важнейших слагаемых военного успеха — Германия смогла несомненно.

Начальник Главного штаба сухопутных войск вермахта генерал Франц Гальдер так и пишет в своем дневнике в первый день войны: «Утренние сводки свидетельствуют о том, что все армии (кроме 11-й) перешли в наступление согласно плану. Тактической внезапности, очевидно, удалось достичь на всей линии фронта».¹

* * *

Существует предание, что Наполеон говорил своим маршалам: «Если я возьму Киев, я буду держать Россию за ноги. Если я захвачу Петербург, я возьму Россию за голову. Если я займу Москву, я поражаю Россию в самое сердце». Как известно, Бонапарт выбрал Москву и направил именно на нее основные силы своей полумиллионной армии.

Свидетельств о том, что нечто подобное говорил своим генералам Адольф Гитлер, не существует. Однако, осознанно или нет, немецкий штаб решил отбросить в сторону колебания великого полководца и направил по полумиллионной армии сразу на все три эти города. Странная уверенность в том, что после захвата трех разновременных столиц с Россией будет покончено, словно парализовала мышление генералов вермахта, и они совершенно терялись, когда

¹ Гальдер, 2007. С. 7.

кто-нибудь задавал им вопрос: «А что вы будете делать дальше, после того как дойдете до Урала?»

Ведь грамотные генералы, закончившие Академию, прекрасно понимали, что устраивать границу по реке Волге вряд ли разумно и надо идти хотя бы до Урала. Немцы почему-то полагали, что когда они полностью захватят всю европейскую часть Советского Союза, Красная Армия будет полностью разбита, и русские больше сопротивляться не будут.

Неверно употребленный малограмотным фюрером образ библейского «колосса на глиняных ногах» затуманил глаза всей нации. Все как будто забыли о том, что истинное пророчество в Книге Даниила касалось длительной многовековой истории, начинающейся с гибели золотой головы — Вавилонского царства и кончающейся развалом могучей Римской империи, которая собственно и являлась глиняными ногами царств. Но и эти глиняные ноги разваливались в течение четырех столетий, а не недель или месяцев, да и, развалившись, к тому же поглотили своих победителей.

Однако даже до Урала, согласно первоначальному плану блицкрига, они доходить не собирались, конечной целью была линия Архангельск — Астрахань.

И поначалу продвижение немецких войск по советской территории было воистину стремительным. Этому способствовало множество факторов.

Во-первых, уже упоминавшийся фактор внезапности — важнейшее условие успеха всякого наступления.

Во-вторых, как минимум трехкратное превосходство сил на каждом участке фронта. Также обязательное условие успеха любого наступления.

Уже этих двух факторов вполне достаточно для несомненного преимущества в начальной стадии боевых действий. Тем более что был еще и третий, также игравший на руку наступавшей стороне. Немецкие армии были к этому моменту хорошо «разогреты» в предыдущей европейской кампании, а советские войска в большинстве своем еще не привыкли вести настоящие боевые действия, в которых необходима решительность, умение быстро ориентироваться и еще очень многие военные навыки, что нарабатывается лишь ежедневной практикой.

Кроме того, против Советского Союза в данном случае сработало даже то, что должно было вне всяких условий иметь положительно влияние. Только что присоединенные государства Прибалтики, призванные стать буфером на пути вторжения, по горькой иронии судьбы сыграли роль как раз прямо противоположную. Эта противоположная роль изначально предполагавшегося стратегически положительного маневра слагается из четырех факторов.

Ф а к т о р п е р в ы й. Стремясь отгородиться от агрессора, наши стратеги привели к тому, что наша страна оказалась с ним нос к носу, избавив германскую сторону от необходимости решать вопрос прохода войск через территории сопредельных государств. А ведь этим как минимум ставился под большое сомнение фактор внезапности нападения.

Ф а к т о р в т о р о й. Строительство оборонительных сооружений на новой границе требовало в такой ситуации быстрых, решительных и оперативных действий, каковых, увы, не последовало. Новая граница в оборонительном отношении была не готова к моменту вторжения врага.

Ф а к т о р т р е т и й. Не успев создать надежной линии обороны вдоль новой границы Советского Союза на территории только что присоединенных прибалтийских государств, наши военные тем не менее успели забросить укрепления, находившиеся на прежней советской границе.

Командующий Ленинградским военным округом М. М. Попов позднее вспоминал: «Значительно хуже обстояли дела в Псковско-Островском УРе, созданном на старой границе с Эстонией, который с выносом нашей госграницы далеко на запад считался уже ненужным, в связи с чем на долговременные сооружения, рассчитанные на два батальонных района, был оставлен малочисленный гарнизон в составе одной пулеметной и одной учебной рот, которых явно не хватало даже для охраны имевшихся сооружений. Кроме того, значительная часть вооружения и оборудования была демонтирована, а сами сооружения законсервированы...»¹

Нельзя не сказать и еще об одном очень немаловажном аспекте, который вполне может быть признан четвертым фактором. Советское государство с большим подозрением относилось к своим собственным гражданам, а уж о населении насильно присоединенных прибалтийских республик и вовсе говорить не приходилось. В результате в первые дни войны органы НКВД «громил» изнутри свои же соединения, созданные на территории ПрибОВО, что, естественно, еще более ослабляло возможности нашей обороны. Вопрос о том, что многие, возможно, были такими мерами обижены совершенно незаслуженно, до сих пор остается неисследованным. Эта безостановочная борьба со своими также немало способствовала успеху немецкого наступления, особенно в первые месяцы.

Однако я не стал бы придавать последнему фактору чрезмерно важное значение. Конечно, были и такие, кто сознательно (или полусознательно) в первую же неделю войны сдался врагу, дабы впоследствии воевать против ненавистного сталинского режима.

¹ Оборона Ленинграда. С. 32.

Таковым, например, оказался генерал П. В. Богданов, оставивший в первые дни войны без центрального руководства целую дивизию Красной Армии.

Тем не менее большинство из попавших в плен советских граждан, впоследствии влившихся в ряды антисталинистов, очень быстро поняли, что Родиной не торгуют. Доказательством тому служит прежде всего дальнейшая судьба того же Богданова.

Сталины и Гитлеры приходят и уходят, а Россия и Германия остаются. Проблема Курбского должна быть давно уже раз и навсегда снята. Ты можешь распорядиться собственной жизнью по своему усмотрению. Но, даже оказавшись в бегах, не следует рядиться в одежды Лжедмитрия. Благо Родины никогда не может быть принесено на штыках интервентов. Выберешь ты судьбу Андрея Курбского или Василия Шибяева — это твое личное дело. Но никогда не вставай на стезю Григория Отрепьева, потому что это касается уже не только тебя самого, это несет страдания и боль дорогому сердцу Отечеству.

А Отечество и в самом деле было в те дни в опасности.

В отличие от Наполеона, ударившего по Москве, согласно общему замыслу плана «Барбаросса» первоначально предполагалось захватить Ленинград.

«В районе предстоящих боевых действий, разделенном Припятскими болотами на южный и северный участки, основной упор должен быть сделан на северный участок. Здесь должны будут действовать две группы армий. Южной из этих групп — в центре общего фронта — ставится задача прорыва наиболее мощными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и к северу от нее на территорию Белоруссии и уничтожения дислоцированных там сил противника. Так, сильным подвижным частям должны быть созданы условия для поворота на север. Здесь в тесном взаимодействии с северной группой армий, наступающей с территории Восточной Пруссии на Ленинградском направлении, немецким войскам предстоит уничтожить силы противника в Прибалтийском регионе. Только после достижения вышеизложенных целей, за которыми предстоит захват Ленинграда и Кронштадта, следует продолжить наступательные операции по овладению важнейшими линиями коммуникаций и ключевыми оборонительными узлами на пути к Москве...»¹

Немцы были настроены вполне серьезно. На Ленинград двинулась группа армий «Север» под командованием фельдмаршала фон Лееба.

Главным ударным кулаком группы армий «Север» была 4-я танковая группа под командованием генерал-полковника Гепнера.

¹ Поражение германского империализма. С. 201.

Из приложения к приказу командующего 4-й танковой группой в связи с предстоящими боевыми действиями на востоке

2 мая 1941 г.

«Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа. Это — давняя борьба германцев против славян, защита европейской культуры от московско-азиатского нашествия, отпор еврейскому большевизму.

Эта борьба должна преследовать цель превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью. Каждый бой должен быть организован и проводиться с железной волей, направленной на безжалостное и полное уничтожение противника. Никакой пощады прежде всего представителям сегодняшней русской большевистской системы...»¹

Это воззвание подписал Эрих Гепнер — 56-летний генерал-полковник, выпускник Берлинской военной академии (1914 г.), командующий 4-й танковой группой, брошенной на захват Ленинграда, человек вполне грамотный и вполне сложившийся. Он видел в безжалостном сокрушении России едва ли не подлинно христианскую миссию.

Германская нация приняла христианство раньше русской на полтысячелетия.

И вот в Германии пришел к власти Адольф, который в кругу своих соратников (1933) говорил: «Ничто не удержит меня от того, чтобы искоренить христианство в Германии, истребить его полностью вплоть до мельчайших корешков... Для нашего народа имеет решающее значение, будет ли он следовать жидовскому христианству с его мягкотелой социальной моралью или — героической вере в бога природы, бога собственного народа, бога собственной судьбы, собственной крови».²

Один безумный язычник (Гитлер) ополчился против другого не менее безумного язычника (Сталина), а следовали им и с той и с другой стороны люди во многом глубоко верующие.

Риттер фон Лееб, главнокомандующий группы армий «Север» был искренним католиком и противником нацистских идей. Однако динамика *большого размаха* увлекла и его в русло совершенно бесчеловечной бойни.

И удивительным образом и та и другая сторона наперегонки бросились возрождать Церковь в России.

¹ 1941 год. М.: МФ «Демократия», 1998. Т. 2. С. 151.

² Раушинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М.: Миф, 1993. С. 54.

Всем известно, что 22 июня 1941 года было воскресным днем. Но не столь многие знают, что это воскресенье было по церковному календарю днем всех святых по всему миру пострадавших...

И в первый же день войны, за 11 дней до сталинской речи, патриарший местоблюститель Сергей (Старгородский), митрополит Московский и Коломенский написал свое знаменитое «Послание пастьерам и пасомым христианской Православной Церкви.

«Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству...

Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред Родиной и верой, и выходили победителями.

Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им по плоти и вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом...

Вспомним святых вождей русского народа, например Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших души свои за народ и Родину...

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины.

Господь нам дарует победу».¹

¹ 1941 год. Страна в огне. В 2 кн. Кн. 2: Документы и материалы. М.: ОлмаМедиа-Групп, 2011. С. 84–85.

ПРИБАЛТИЙСКАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ ВОЙНЫ

22. 6. 1941 — воскресенье

Боевой дневник группы армий (ГА) «Север»¹

«03.00. В зоне группы армий „Север“ 1-й воздушный корпус в составе 76 штурмовиков и 90 истребителей пересекает советскую границу с целью атаки 7 аэродромов.

Воздушное руководство восточного моря ставит минные заграждения на красный Кронштадт; минирование морского канала Ленинград — Кронштадт.

03.05. Все войска группы армий „Север“ выдвигаются на бой с Красной Армией...

11.15. Нач. ген. штаба сообщил ...у врага бешеный радиообмен...»²

Последняя фраза говорит о многом. Так и представляешь лихорадочные попытки наших командиров разобраться в происходящем и принять адекватные обстановке решения. Можно только догадываться о том, какие потоки вопросов, восклицаний и проклятий неслись в эфир.

Немцы, должно быть, ужасно веселились. Для них началась очередная «веселая война».

11.30. 4-я Т<анковая> Гр<уппа> 10.30 8-я Т<анковая> Д<ивизия> взяла Сяряджюс. Одна группа выдвинулась на Арегалу...

15.30. Летчики обнаружили западнее и юго-западнее Шауля танковое соединение. Из 100 танков 40 разбито...

18.19. Нач. 4-й Танковая Группа докладывает... Группа не надеется сегодня достичь Рассейня...

Командование просит следующую за ней 290 П<ехотная> Д<ивизия> как можно скорее пересечь Дубиссу...

18.45. ...Генерал-полковник Гепнер надеется, что 6-я Танковая Дивизия достигнет сегодня Рассейня (при этом он, похоже, совсем потерял интерес к Шауляю)...

¹ Я перевожу здесь немецкое Kriegstagebuch (КТВ) буквально. А. Исаев предпочитает употреблять название аналогичного русского документа Журнал боевых действий (ЖБД). Скорее всего, он делает правильно. Однако в контексте данного исследования мне представляется более целесообразным «развести» эти документы.

² NARA, t 311, r 53, 1, f 7,065,769.

Журнал боевых действий Северо-Западного фронта (СЗФ)

«Оперативная сводка, принятая в 23.00 22 июня 1941.

НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА К<расной> А<рмии>
<...>

КОРПУС ГОТОВИТСЯ НАСТУПЛЕНИЮ ЗАНИМАЯ В ТЕЧЕНИЕ НОЧИ ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В РАЙОНЕ РАССИЕНЫ ТЧК СЛЕДСТВИЯ БОМБАРДИРОВКИ ПРОВОДНАЯ СВЯЗЬ С 8 А С 14-00 ОТСУТСТВУЕТ=ПОТЕРИ ВЫЯСНЯЮТСЯ...».¹

Дневник начальника главного штаба сухопутных войск (ОКХ²) вермахта

Гальдер: «Все армии, кроме 11-й армии группы армий „Юг“ в Румынии, перешли в наступление согласно плану. Наступление наших войск, по-видимому, явилось для противника на всем фронте полной тактической внезапностью.³ Пограничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать... Командование ВВС сообщило, что за сегодняшний день уничтожено 850 самолетов противника, в том числе целые эскадрильи бомбардировщиков, которые, поднявшись в воздух без прикрытия истребителей, были атакованы нашими истребителями и уничтожены...»

На фронте группы армий „Север“ танковая группа Гепнера, ведя успешные бои, продвинулась до реки Дубисса и овладела двумя неразрушенными переправами. На этом участке в ближайшие дни следует ожидать появления свежих сил противника из глубины, которые будут пытаться приостановить наше наступление».⁴

Манштейн: «В первый день наступления корпус должен был продвигаться на 80 км в глубину, чтобы овладеть мостом через Дубиссу около Айроголы. Я знал рубеж Дубиссы еще с Первой мировой

¹ ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 57-1, С. 22-26.

² Oberkommando des Heeres (ОКН) — пер. с нем.: Высшее командование сухопутных войск. Далее — ОКХ.

³ Здесь любопытно отметить расхождение оценок начальника генерального штаба и командующего группой армий «Север». Фон Лееб: «Общее впечатление: наше наступление не было неожиданностью для противника, поскольку он, по всей видимости, отвел свои главные силы. Тем не менее на отдельных участках наши атаки в преддawnные часы оказались для него сюрпризом» (Лебедев. С. 20.)

⁴ Гальдер, 2004. С. 24

войны. Участок представлял собой глубокую речную долину с крутыми, недоступными для танков склонами. В Первую мировую войну наши железнодорожные войска в течение нескольких месяцев построили через эту реку образцовый деревянный мост. Если бы противнику удалось взорвать этот большой мост у Айроголы, то корпус был бы вынужден остановиться на этом рубеже. Враг выиграл бы время для организации обороны на крутом берегу на той стороне реки, которую было бы трудно прорвать. Было ясно, что в таком случае нечего было рассчитывать на внезапный захват мостов у Двинска (Даугавпилс). Переправа у Айроголы давала нам незаменимый трамплин для этого.

Какой бы напряженной ни была поставленная мною задача, 8 тд (командир — генерал Бранденбергер), в которой я в этот день больше всего был, выполнила ее. После прорыва пограничных позиций, преодолевая сопротивление врага глубоко в тылу, к вечеру 22 июня ее передовой отряд захватил переправу у Айроголы. 290 дивизия следовала за ним быстрыми темпами, 3 пд (мот<оризованная>) в полдень прошла через Мемель (Клайпеда) и была введена в бой за переправу южнее Айроголы.

Первый шаг удался.¹

А. Исаев в книге «Иной 1941» отмечает один характерный момент, свойственный этой немецкой кампании, особенно в начальный ее период. Интересующее нас направление экспансии «находилось в полосе наступления ХХХХI моторизованного корпуса 4-й танковой группы. Пользуясь своей подвижностью, немецкие танковые и моторизованные части вышли на исходные позиции в последний момент перед началом кампании. В ночь на 22 июня 1-я и 6-я танковые дивизии ХХХХI корпуса пересекли Неман и к 3.00 подошли к границе Советской разведкой, если опираться на разведсводки Прибалтийского военного округа, группировка механизированных частей противника вскрыта не была».²

Одна из главных героинь этой истории — 6-я танковая дивизия — в этот день, следуя от Тильзита через Таураге, к исходу дня должна была занять Рассейняй. Изготовился к удару на Рассейняй и наш мехкорпус.

Но что могли сделать даже два наших мехкорпуса — 3-й и 12-й — против одной только части группы армий «Север» — 4-й танковой группы?

В состав группы армий «Север» входили следующие соединения:
- 18-я полевая армия под командованием генерал-полковника фон Кюхлера (начальник штаба — полковник Хассе), в которую вхо-

¹ Манштейн. С. 188.

² Исаев, 2011. С. 41.

дили 1-й, 26-й и 38-й армейские корпуса (7 пехотных и одна охранная дивизии);

– 16-я полевая армия под командованием генерал-полковника Буша (начальник штаба — полковник Вутман) включала 2-й, 10-й и 28-й армейские корпуса (8 пехотных и одна охранная дивизии);

– 4-я танковая группа под командованием генерал-полковника Геппнера, в составе которой действовали 41-й моторизованный корпус генерал-полковника Рейнгардта (1-я и 6-я танковые дивизии, 36-я механизированная дивизия СС «Тотенкопф» и 269-я пехотная дивизия) и 56-й моторизованный корпус генерала пехоты фон Манштейна (8-я танковая дивизия, 3-я моторизованная дивизия, 290-я пехотная дивизия).

В резерве командования группы армий «Север» оставались 23-й и 50-й армейские корпуса.

Нас в этой книге, прежде всего, будет интересовать 6-я танковая дивизия.

Раус: «Тактическая организация 6-й танковой дивизии перед наступлением 22 июня 1941 года была следующей:

Боевая группа „фон Зекендорф“
Подполковник барон Эрих фон Зекендорф
114-й моторизованный полк
57-й танковый разведывательный батальон
Рота 41-го батальона истребителей танков
6-й моторизованный батальон (только утром)

Боевая группа „Раус“
Полковник Эрхард Раус
11-й танковый полк
I/4-й моторизованный полк¹
II/76-й артиллерийский полк
Рота 57-го танкового саперного батальона
Рота 41-го батальона истребителей танков
Батарея II/411-го зенитного полка
6-й мотоциклетный батальон (вторая половина дня)

Главные силы дивизии
Генерал-майор Франц Ландграф
Штаб, II и III/4-й моторизованный полк
Штаб I и III/76-й танковый артиллерийский полк
57-й танковый саперный батальон (без одной роты)
41-й батальон истребителей танков (без двух рот)

¹ Обозначение расшифровывается следующим образом: 1-й батальон 4-го моторизованного полка. И так же во всех остальных случаях. Сначала стоит номер отделения (Abteilung) — рота, батальон, батарея, затем — подразделения — армия, дивизия, полк.

Приданы
II/59-й артиллерийский полк
II/114-й зенитный полк (без одной батареи)»¹

В этот день уже почувствовали свою судьбу и жители северной столицы.

Ленинград. Смольный

Антюфеев²: «22 июня было воскресенье, день отдыха. Но некоторые крупные предприятия работали. Кроме того, люди, услышав по радио весть о вероломном нападении фашистских орд на нашу страну, устремились на свои предприятия, в учреждения, учебные заведения.

Мне удалось побывать на митингах у скороходовцев и электросиловодов... Всюду трудящиеся Ленинграда горячо и взволнованно говорили о своей решимости дать отпор ненавистному врагу.

Я был в кабинете А. А. Кузнецова, когда туда вошел заведующий военным отделом горкома партии И. А. Верхоглаз. Он сообщил, что десятки тысяч людей требуют немедленно отправить их на фронт, но согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР мобилизацию надлежит начать 23 июня. Алексей Александрович посоветовался с членами бюро горкома партии, затем позвонил в ЦК ВКП(б). Общее мнение сводилось к тому, чтобы начать в Ленинграде мобилизацию немедленно.

Вечером 22 июня работники большинства мобилизационных пунктов приступили к формированию команд...»³

Командование же Ленинградского военного округа пока еще не ощутило, откуда идет к нему реальная угроза.

Главком ВВС Ленинградского округа А. А. Новиков: «Согласно предвоенным планам, главные силы округа были сосредоточены на севере от Ленинграда, преимущественно на Карельском перешейке. Именно отсюда мы ожидали наибольшей опасности городу. Угроза Ленинграду с юго-запада, т. е. со стороны Восточной Пруссии, в расчет почти не принималась, и в плане нашей обороны возможность прорыва противника на этом направлении, по существу, не учитывалась. Наше высшее командование исходило из тех соображений, что с юго-запада Ленинград надежно прикрыт войсками Прибалтийского особого военного округа, а от границ Восточной Пруссии до Ленин-

¹ Паус. С. 50–51.

² Антюфеев Леонтий Макарович с 1939 по 1944 год заведовал оргинструкторским отделом Ленинградского горкома партии. С июля по сентябрь 1941 года являлся членом Военного совета Ленинградской армии народного ополчения.

³ Ополченцы. С. 13.

града более 750 км. Вот почему до войны в округе не проводилось сколько-нибудь серьезных оборонительных мероприятий для защиты города с юго-запада...»¹

Командующий Северным фронтом М. М. Попов: «Оценивая происходящие события, мы приходили к выводу, что первый день войны оказался для наших вооруженных сил, да и для всей страны, очень тяжелым, что немало встревожило и нас, прошедших этот день в относительно спокойных условиях.

К. А. Мерецков порекомендовал приступить к выбору и рекогносцировке возможных оборонительных рубежей между Псковом и Ленинградом, с немедленным вслед за этим развертыванием на них оборонительных работ с привлечением свободных войск, а главное — местного населения.

Такой совет бывшего начальника Генерального штаба, бесспорно лучше кого-нибудь другого знавшего наши возможности и перспективы развития событий, заставил призадуматься. Мы опасались, не вызовет ли это нездоровых и упадочнических настроений. Конечно, будучи в принципе согласным с К. А. Мерецковым, с его советами и рекомендациями, я счел необходимым этот вопрос тщательно согласовать и обсудить с руководителем Ленинградской городской парторганизации А. А. Кузнецовым. Однако, чтобы не терять времени, после беседы с К. А. Мерецковым я вызвал к себе своего заместителя, достаточно опытного генерала К. П. Пядышева, которому и была поручена подготовка рубежей на юго-западе Ленинграда...»²

23. 6. 1941 — понедельник

Боевой дневник ГА «Север»

«07.50. Нач. 4-й ТГр докладывает: плохие дороги и разрушенный в Таурге мост замедляют продвижение танк. группы...

10.10. Нач. 4-й ТГр докладывает нач. ген. штаба: между 09.00 и 09.30 в направлении Кидайняй и Рассейняй большие танковые силы и мотоколонна противника. Просьба обрушить на них удар воздушного флота. —

Похоже, противник принял контрмеры против наших прорвавшихся вперед танков...»³

¹ Новиков. С. 51–52.

² Оборона Ленинграда. С. 43–44.

³ NARA, t 311, r 53, f 7065776–7065777.

Дневник начальника ОКХ вермахта

Гальдер: «Утренние донесения за 23. 6 и полученные в течение ночи итоговые оперативные сводки за 22. 6 дают основание сделать вывод о том, что следует ожидать попытки общего отхода противника. Командование группы армий „Север“ считает, что решение об отходе было принято противником еще за четыре дня до нашего наступления...»¹

Только теперь пересеклись мнения Гальдера и его бывшего командира, а теперь просто старого друга фон Лееба.

Раус: «На второй день войны, уже уйдя на значительное расстояние от границы, обе боевые группы продолжали стремительно двигаться вперед, чтобы помешать противнику занять позиции вдоль высот Расейнай. Мы стремились как можно быстрее выйти в важный район Дубиссы. 6-я танковая дивизия получила приказ занять литовский город Расейнай, после чего дивизия должна была наступать на восток и захватить два автомобильных моста через реку Дубисса в Бетигале и Кибарителиай²...»³

Журнал боевых действий СЗФ

«НАЧАЛЬНИКУ ГЕНШТАБА КА

Копии: КОМАНДУЮЩИМ ЗапВО, КБФ, 8, 11 и 27 А.

ОПЕРСВОДКА № 02 к 10.00.23.6.41. ШТАБ СЗФ ПАНЕВЕЖИС
КАРТА 500.000 И 100.000.

1. Войска СЗФ с утра 23. 6, продолжая сдерживать наступление противника как в Шауляйском, так и Каунас-Алитуском направлении, силами трех тд и одной мд (3 и 12 мк) наносят концентрический удар по основной группировке противника действующей в Шауляйском направлении с целью ее разгрома.

В течение минувшей ночи происходила артиллерийско-пулеметная перестрелка и действия авиации обеих сторон.

2. 8 А в течение дня сдерживала натиск до шести пд, трех мд и боле одной тд противника <...>

48 с<трелковая>д<дивизия? под давлением танковых частей противника отходила на рубеж ст. ЭРЖВИЛКАС, КОЛНУЙ; ее два стрелковых батальона и два артиллерийских полка, прибывшие последними эшелонами, распоряжением командования дивизии остановлены в районе РОССИИЕНЫ, где подготавливают рубеж для обороны. Перед фронтом дивизии установлено не менее пятидесяти танков.

¹ Лебедев. С. 24.

² Скорее всего, у Катаускаяй. Раус далее пишет (С. 58), что этот мост находился по дороге на Шилуву.

³ Раус. С. 53.

По данным штарма танки неустановленной численности наступают вдоль северного берега р. НЕМАН.

Штадив 48 — в лесу южнее ВИДУКЛЕ.

11 сд продолжает выгрузку в районе РАДВИЛИШКИС, ШЕДУВА.¹

Части 12 мк в ночь на 23. 6 заняли исходное положение для наступления на СКАУДВИЛЕ:

23 тд — в районе ТВЕРЯЙ, ГАРЕНАЙ, имеет задачу наступать на ЛУКАВА, СКАУДВИЛЕ;

28 тд — РАУДЕНА с задачей наступать в направлении УЖВЕНТИС, КАЛТИНЕНАЙ, СКАУДВИЛЕ;

202 мд из района КЕЛМЕ в готовности наступать на СКАУДВИЛЕ.

Данных о действиях частей корпуса с утра 23. 6, ввиду отсутствия связи не имеется. Приняты меры по восстановлению связи, одновременно высланы делегаты.

з)² 2 тд 3 мк с утра 23. 6 во взаимодействии с 12 мк наносит удар противнику с направления РОССИЕНЫ на ТАУРОГЕН;

5 тд³ и 84 мд (3 мк) в прежних районах расположения.

Штарм 8 — КУРТУВЕНАЙ.

6. Оперативная сводка от штаба 11 А не поступила.

<...>

Связь с авиационными дивизиями нарушена.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА СЗФ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ (КЛЕНОВ)

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ШТАБА СЗФ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР (ТРУХИН)

№ 08⁴

Отпечатан ОДИН экземпляр

23. 6. 41 г. А. С.»⁵

Далее в этой же папке документов подшита телеграфная выклейка, текст которой несколько отличается от распечатанной копии.⁶

«ПО ДАННЫМ, ТРЕБУЮЩИМ ПОВЕРКИ, КОННИЦА НЕМЦЕВ СИЛОЮ ДО КБР ПРОСОЧИЛАСЬ ЮГО-ВОСТ. М. ШИЛАЛЕ НАПРАВЛЕНИИ М. КАЛТИНЕНАЙ. В ЧАСТЯХ КОРПУСА ОЩУЩАЕТСЯ НЕДОСТАТОК БОЕПРИПАСОВ, РЕЗИНЫ И ЗАП.ЧАСТЕЙ=

В) 11 СК 125 СД: 749 СП УДЕРЖИВАЕТ РУДУКИШКЯЙ, РЕПЕДАУБЕ, ЛЕС СЕВ. ЛАПСУРВАС., 675 СП, ПОТЕРЯВ ПОЧТИ

¹ Здесь вписано от руки и впоследствии вычеркнуто: «е) в частях ощущается недостаток боеприпасов, резины и запчастей. ж)».

² Буква приписана от руки.

³ «5 тд» зачеркнуто и вписано от руки на полях слева: «По данным требующим проверки 5 тд 22.3 вела тяжелые бои с танками пр-ка на переправах через Неман и к наступлению темноты была оттеснена от переправ».

⁴ Номер вписан от руки.

⁵ ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 57-1, с. 6-8.

⁶ Там же, с. 10

ПОЛНОСТЬЮ 3-Й БАТАЛЬОН, УДЕРЖИВАЕТ РАЙОН ЛАПСУР-ВАС, ЮАПЕТРИ, БАЛЬЧИШКИ., 766 СП, ПОТЕРЯВ ДО 40 ПРОЦ. СВОЕГО СОСТАВА, ПРИВОДИТСЯ В ПОРЯДОК В РАЙОНЕ М. ----СКАУДВИЛЕ, ПОСЛЕ ЧЕГО БУДЕТ ВВЕДЕН В ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ¹

ПРОТИВНИКУ С НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЕНЫ НА ТАУРОГЕН И) ШТАРМ 8 КУРТУВЕНАЙ.

=ТРЕТЬЕ.= ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ОТ ШТАБА 11 А НЕ ПОСТУПИЛА <...>²

УЧАСТОК: ЛОМЯЙ, ПОЕГЛОНЕ. ПРИДАННЫЙ ДИВИЗИИ 1/286 СП ЗАНИМАЕТ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ РАЙОН ЛЕС СЕВ. БАТАКЯЙ. ШТАДИВ 125 — ЛЕС ЮЖНЕЕ М. СКАУДВИЛЕ.

НА ФРОНТЕ ДИВИЗИИ 22.00 РУЖЕЙНО-ПУЛЕМЕТНАЯ ПЕРЕСТРЕЛКА.

ПО ДОНЕСЕНИЮ НАШТАРМА ТАНКИ ПР-КА 23.30 22.6 ПРОРВАЛИ ФРОНТ 125 СД НА КЕЛМЕ, СКАУДВИЛЕ.

Г) 48 СД: О ДВУХ БАТАЛЬОНАХ 328 СП СВЕДЕНИЙ НЕТ. ОТДЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ И ОБОЗЫ ЗАДЕРЖИВАЮТСЯ М. КОЛНУИ, М. РОССИЕНЫ. 19.00 ПОДОШЕДШИЙ: БАТАЛЬОНЫ 268 СП, БАТАЛЬОН 328 СП, 10 АП, 14 ГАП — ЗАНИМАЮТ ОБОРОНУ РУБЕЖЕ МИНЯНЫ, М. РОССИЕНЫ.

2/268 СП ПОД ДАВЛЕНИЕМ ДВУХ БАТАЛЬОНОВ ПЕХОТЫ И БАТАЛЬОНА ТАНКОВ ОТХОДИТ В ПОДГОТОВЛЕННЫЙ БАТАЛЬОННЫЙ РАЙОН ЛИБЕШКЯЙ. 301 СП ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ОТХОДИТ В РАЙОН РЕЙСТРАЙ ЮЖНЕЕ СТ. ЭРЖВИЛКИ. КОМАНДИРОМ 48 СЛ ОРГАНИЗОВАНА РАЗВЕДКА ВДОЛЬ ДОРОГИ РОССИЕНЫ, СКИРСТЫМОНИ. ШТАДИВ 48 — ЛЕС ЮГО-ВОСТ. М. ВИДУКЛЕ». <...>

Я привожу здесь эти документы практически без сокращений, чтобы читатель мог ясно увидеть, что у командиров Красной Армии в первые дни войны не было полной растерянности и что гибли наши люди у границы не совсем беспомощно. Мост у Таурге был разрушен не каким-то чудом, и танковые дивизии изготовились к контрудару не наугад. Однако тройное превосходство сил наступающих делало свое дело.

Боевой дневник ГА «Север»

«14.30 6-я ТД 4-й ТГр взяла Рассейняй...»³

¹ Здесь лист обрывается, далее с новой страницы, похоже, окончание другого текста.

² По всей видимости, 11 стр. вставлена раньше, чем следовало, так как на 12 стр., похоже, продолжение 10 стр.

³ NARA, t 311, r 53, f 7, 065, 778.

Журнал боевых действий СЗФ

«НАЧАЛЬНИКУ ГЕНШТАБА КА<...>

ОПЕРСВОДКА № 03 к 22.00 23. 6. 41. ШТАБ СЗФ ПАНЕВЕЖИС.
<...> 48 сд отошла севернее Россиены.¹

12 мк и 2 тд (3 мк) с 11.45–12.00 должны были перейти в контра-
таку:

23 тд с направления ТВЕРАЙ, ЛАУКУВА, СКАУДВИЛЕ;

28 тд с направления РАУДЕНА, УЖВЕНТИС, КРАЖАЙ, СКАУДВИЛЕ;

202 мд из КЕЛМЕ на СКАУДВИЛЕ.

12 мк практически перешел в наступление (с опозданием) только в 13–15 часов.² В ходе марша подвергся 4 раза нападению авиации противника. Марш проходил медленно и только в 18.00 28 тбр развернулась для атаки танков, но танки противника после неудачной атаки ПТР отошли на СКАУДВИЛЕ.

2 тд 3 мк из РОССИЕНЫ должна была атаковать на СКАУДВИЛЕ. Ввиду отсутствия связи с мк, данные о результате атаки неизвестны...³

Москва, Генштаб, Вагутину, 23. 6. 41 13.40

«Открытым текстом, изъятием ленту

Одна наша часть районе Рассейняй уничтожила целиком 100 мотополк, 40 танков, 18 орудий противника. Атаку развиваю. Прошу направить одну авиадивизию бомбардировщиков удара морскому десанту⁴ немцев Либава».⁵

Исаев: «Оценка противником действий 12-го мехкорпуса 23 июня была невысокой: „Перед фронтом [1-я тд.— А. И.], очевидно, сражаются части двух мотомеханизированных бригад, предполагавшихся у Тельшая. Руководство этими бригадами, похоже, неорганизованное и вялое“. В качестве бригад числились, судя по всему, 28-я и 202-я дивизии. В итоге в журнале боевых действий 1-й танковой дивизии ехидно констатировалось: „Поскольку противник использует свои моторизованные силы, находящиеся на левом фланге дивизии, нерешительно и бессвязно и до сего момента состоялось боевое соприкосновение, похоже, только с передовыми частями, для прикрытия левого фланга хватит усиленного 1-го батальона мотоциклистов и 4-го разведбата“.⁶ Впрочем, если бы Черняховский смог атаковать в пер-

¹ Вписано от руки.

² В приведенной на стр. 56 той же папки телеграфной расклейке «в 13.15 часов».

³ ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 57–1. с. 37–39.

⁴ Так в документе.

⁵ ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 57–1, с. 66. Написано от руки. На следующей странице приводится телеграфная выкладка. Передал плк Киносян...

⁶ NARA, t 315, r 16, f 939.

вой половине дня 23 июня, его дивизию бы ждало избиение силами новейших немецких танков, почти неуязвимых для 45-мм орудия БТ. Такие случаи в ходе приграничного сражения тоже имели место, например под Пружанами и Войницей.<...>

Во второй половине дня продолжавшие наступление две боевые группы 6-й танковой дивизии вышли к Дубиссе. Группа Рауса захватывает мост через реку ниже по течению от железнодорожного моста в Лидувенае, ставшего жертвой „бранденбуржцев“. В соседней группе Зекедорфа, несмотря на тяжелые условия местности, лидером наступления становятся мотоциклисты. Они же первыми сталкиваются с советскими мотомеханизированными частями, о которых старательно предупреждала разведка. Рота мотоциклетного батальона обходным путем через лес вышла к мосту через Дубиссу. Почти одновременно к тому же мосту вышел советский передовой отряд (около 40 грузовиков) из 2-й танковой дивизии. Скорее всего, это было подразделение 2-го мотострелкового полка. Типичным решением советских командиров подвижных соединений в Приграничном сражении было выбросить вперед мотострелковый полк для прикрытия развертывания танков для контрудара. Однако немцам удается отбросить мотострелков из дивизии Солянкина и занять оборону. Обычно в подобных случаях разыгрывалось кровавое сражение за плацдарм. В данном случае силы немцев оказались чересчур слабы, всего одна рота. Прибывшие с востока на выручку мотострелкам танки 2-й танковой дивизии охватывают плацдарм с двух сторон (по 5 танков на каждом берегу). Немецкие мотоциклисты были вынуждены, понеся тяжелые потери, оставить ценный мост. Взрывать его никто не собирался — он был нужен обеим сторонам».¹

Ленинград. Смольный

Антюфеев: «Военком Московского района И. В. Галковский сказал, что на призывные пункты, не ожидая повесток, явилось более девяноста процентов всех военнообязанных...

Когда мы ночью подводили итоги первого дня работы военкоматов, А. А. Кузнецов сказал, что их осаждают добровольцы — пожилые и молодые люди, не подлежащие по тем или иным причинам мобилизации в Красную Армию и Военно-Морской Флот.

— Надо отобрать добровольцев, — заключил Алексей Александрович, — в отряды для охраны предприятий, военных объектов, борьбы с вражескими лазутчиками и диверсантами...»²

¹ *Исаев, 2011. С. 82–84.*

² *Ополченцы. С. 13–14.* Еще до конца июня в Ленинграде было создано 168 добровольческих истребительных батальонов, в которые вошло свыше 36 тысяч человек.

Начальник инженерного управления Ленинградского фронта Б. В. Бычевский: «...утром 23 июня меня вызывает командующий, вернувшийся из Мурманска, и предупреждает:

– Будем создавать дополнительные оборонительные рубежи на псковском направлении в районе Лути. Подробные указания получите у генерал-лейтенанта Пядышева.

К вечеру стало известно, что войска Прибалтийского особого военного округа, теперь Северо-Западного фронта, отходят с тяжелыми боями к Западной Двине.

Вместе с заместителем командующего генерал-лейтенантом К. П. Пядышевым мы засели за разработку схемы новых рубежей.

Константина Павловича за десять лет службы в Ленинградском округе я узнал довольно хорошо. В тридцатых годах он руководил военно-учебными заведениями. Проводил много учений, маневров. Во время рекогносцировок укрепленных районов часто возглавлял комиссии, и мы вместе исходили пешком не одну сотню километров вдоль границы. Его грудь украшали два ордена Красного Знамени, полученные за боевые подвиги во время гражданской войны. Богатая военная эрудиция, ровный характер и большой такт в обращении с подчиненными тоже вызывали к нему симпатию у окружающих.

Пядышев проводит на карте линию от Кингисеппа на Лугу и к озеру Ильмень.

– Это будет лужская позиция. Видимо, придется выделять отдельную группу войск для ее обороны...»¹

24. 6. 1941 – вторник

Дневник начальника ОКХ вермахта

Гальдер: «Войска группы армий „Север“ почти на всем фронте (за исключением 291-й пехотной дивизии, наступающей на Либаву (Лиепая), отражали танковые контратаки противника, которые, предположительно, вел 3-й танковый корпус русских при поддержке нескольких мотомеханизированных бригад. (3-й танковый корпус дислоцировался здесь еще в мирное время). Несмотря на это, усиленному правому крылу группы армий удалось продвинуться до Волькомира (Укмерге). На этом участке фронта русские также сражаются упорно и ожесточенно.

В общем, теперь стало ясно, что русские не думают об отступлении, а, напротив, бросают все, что имеют в своем распоряжении, навстречу вклинившимся германским войскам. При этом верховное командование противника, видимо, совершенно не участвует в руководстве операциями войск».²

¹ Бычевский. С. 7.

² Гальдер, 2004. С. 33.

Документы СЗФ

«ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА № 05 К 22 ЧАСАМ 24 ИЮНЯ 1941 г. О ХОДЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ВОЙСК ФРОНТА ЗА 23 И 24 ИЮНЯ 1941 г.

<...> 1. По всему фронту частей Северо-Западного фронта противник продолжает атаки танками, пехотой, одновременно высадкой во многих районах авиационных десантов, расстраивает связь и организует террористические группы.

Наши части, ведя упорные бои, в ряде направлений отходят. Во многих соединениях управление и связь нарушены.

<...> 3. 8-я армия в течение 24. 6. 41 г. ведет оборонительные бои на своем правом фланге, одновременно выполняя контрудар 12-м механизированным корпусом и 2-й танковой дивизией (3-го механизированного корпуса).

10-й и 11-й стрелковые корпуса с 9-й артиллерийской бригадой противотанковой обороны в течение дня удерживали ранее занимаемый рубеж, отражая атаки противника.

Вследствие нерешительности и неактивности командира корпуса [генерал-майора] Шестопалова результатов действий 12-го механизированного корпуса не ощущается.

2-я танковая дивизии (3-го механизированного корпуса) 23. 6. 41 г. разгромила 100-й моторизованный полк — до 40 танков и 40 орудий противника. 2-я танковая дивизия к 16.00 24. 6. 41 г.— в районе Россиены (без горючего). Противник подтянул резервы и в 16.00 24. 6. 41 г. перешел в наступление. Принимаются меры доставки горючего самолетами».¹

«ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ОТ 24 ИЮНЯ 1941 г. НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СССР ОБ ОБСТАНОВКЕ НА ФРОНТЕ К 22 ЧАСАМ 45 МИНУТАМ 24 ИЮНЯ 1941 г.

МОСКВА НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СССР

КП — ПАНЕВЕЖИС 24. 6. 41 22.45

НА № 016/Ш

12-й механизированный корпус в районе Калтиненай медлит атаковать 120–200 танков и до пехотной дивизии противника в районе Келме. Виновен Шестопалов.

2-я танковая дивизия 23. 6. 41 г. разгромила 100-й моторизованный полк (до 40 танков и 40 орудий противника). 2-я танковая дивизия — Россиены, нет горючего.

В 16.00 24. 6. 41 г. противник от Скаудвиле перешел в наступление на Россиены.

¹ ЦАМО, ф. 221, оп. 2467сс, д. 39, л. 286–293.

5-я танковая дивизия в 14.00 23.0.41 г. вела бой с противником в районе Родзишки. Положение и местонахождение дивизии 24.6.41 г. неизвестно».¹

«ПРИКАЗАНИЕ ШТАБА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ОТ 24 ИЮНЯ 1941 г. НАЧАЛЬНИКАМ ШТАБОВ АРМИЙ И МЕХАНИЗИРОВАННЫХ КОРПУСОВ ФРОНТА ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ГРУППИРОВКИ И НУМЕРАЦИИ ВОЙСК ПРОТИВНИКА ПЕРЕД ВОЙСКАМИ ФРОНТА

Начальникам штабов 8, 11, 27-й армий

Начальникам штабов 5-го и 12-го механизированных корпусов

Несмотря на то что войска Северо-Западного фронта уже двое суток ведут бои на всем фронте, до сего времени почти ни в одном из звеньев командования нет сведений о силе и группировке противника.

Поступающие сведения и сводки разноречивы,² путаны и вследствие этого мало ценны.

Это объясняется тем, что начальствующий состав забыл о необходимости вести тщательную разведку всеми средствами в процессе всего боя и вне его.

До настоящего времени на фронте захвачены единицы пленных, к тому же о нумерации частей, к которым они принадлежат, штабу армии до сего времени неизвестно.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Принять немедленно меры к установлению группировки и нумерации частей противника перед фронтом армии.

Систематически организовывать разведку боем, поиски, засады, высылку лазутчиков с целью захвата в плен.

Организовать тщательное и постоянное наблюдение во всех звеньях, ведущих бой.

О взятых в плен, нумерации частей, к которым принадлежат пленные, о выявленных группировках противника немедленно доносить, не дожидаясь очередной сводки, в вышестоящий штаб.

Все личные документы убитых, тяжелораненых и пленных немедленно направлять в Разведывательный отдел штаба фронта.

Разведывательные органы полностью использовать для выполнения их непосредственной задачи.

Заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта
(подпись)

Начальник Разведывательного отдела полковник Сафонов»³

¹ ЦАМО, ф. 221, оп. 2467сс, д. 39, л. 320-323.

² Так в оригинале. Здесь и далее тексты советских архивных документов приводятся без изменений.

³ ЦАМО, ф. 221, оп. 2467сс, д. 39, л. 324.

«НАЧАЛЬНИК ШТАБА 8 АРМИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЛА-
РИОНОВ

Оперативная сводка
МОСКВА. ВАТУТИНУ

1. Районы основных группировок противника:

а) КВЕДАРНА, РОССИЕНЫ, ТАУРОГЕН — не менее четырех¹ пд, до одной (испр.— одна) танковой одивизии, одной бронедивизии и кавбригада. В конце дня 24. 6 установлено в движении на РОССИЕНЫ с юга не менее танковой бригады;

б) на направлении КАУНАС действовали свыше шести пд и не менее одной (испр.— двух) танковой (-ых) дивизии.

2. Рубежи, занимаемые противником к исходу 24. 6:

а) САЛАНТАЙ, КУЛЕЙ, РЬЭТАВАС, ТВЕРАЙ, КРАЖАЙ, КЕЛМЕ, р. ДУБИССА. Около 18.00 мото-механизированные части (до одной дивизии) прорвали фронт 8А в направлении ШАУЛЯЙ. Данных о результатате (-ах) этого (зачеркнуто и надписано карандашом — прорыва) еще (зачеркнуто) не установлено (испр.— известно);

б) по западному берегу р. НЕВЯЖИС противник вышел фронт: КОМПЫ до устья реки. На остальных участках фронта точной группировки противника дать невозможно по причине отсутствия связи с частями 11А. <...>

Ф. Кузнецов
П. Кленов»²

Дневник командующего ГА «Север»

Фон Лееб: «16.30. Разговор с генерал-полковником Гепнером: южный передовой отряд 6-й танковой дивизии увяз в ожесточенных боях с противником у реки Дубисса восточнее Расейняй, продвижения не имеет, несет большие потери. Левое крыло 6-й танковой дивизии и 1-я танковая дивизия наносят удар в северном направлении <...>

21.30 <...> Танковые атаки велись также и на правом фланге 18-й армии, однако их удалось отразить. Все это свидетельствует о том, что противник не намерен беспорядочно отступать, а делает это поэтапно. Какую цель он преследует, пока непонятно...»³

Ленинград. Смольный

Попов: «Уже утром следующего дня (24 июня) К. П. Пядышев доложил о составе, порядке и сроках работ рекогносцировочных групп,

¹ Зачеркнуто и вписано цв. карандашом — семи.

² ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 57-2, л. 560.

³ Лебедев. С. 25-26.

о примерной организации и последовательности оборонительного строительства. Основным рубежом намечалась река Луга почти на всем ее протяжении и далее Мшага, Шимск до озера Ильмень, с развитым и укрепленным предпольем, бравшим свое начало от реки Плюсы. Второй рубеж обороны предполагалось создавать по линии Петергоф, Красногвардейск (Гатчина), Колпино. И наконец завершающий рубеж намечался по линии Автово, окружная железная дорога до ст. Предпортовая, Средняя Рогатка и поселок Рыбацкое на Неве. При взгляде на карту с нанесенными на ней рубежами, конечно, бросались в глаза большие разрывы между ними. Однако отсутствие необходимого числа свободных войск и недостаточная уверенность в возможности массового привлечения населения на работы вынудили согласиться с предложенной схемой. В тот же день, когда еще на границе с Финляндией было по-прежнему спокойно и наши войска там продолжали совершенствовать оборону, немцы продолжали наступление в Прибалтике, и их передовые части на ряде участков уже подошли к Западной Двине, которая находилась примерно на полпути между госграницей и Псковом. Дальше уже откладывать было нельзя, и мы собрались на Военный совет фронта с участием А. А. Кузнецова и Т. Ф. Штыкова, где К. П. Пядышев подробно доложил схему оборонительных рубежей на псковском направлении, а также некоторые расчеты, связанные с необходимостью привлечения рабочей силы и механизмов. После ряда вопросов и обмена мнениями схема обороны была утверждена. Также было решено немедленно приступить к работам сперва саперными и даже понтонными частями, которые предложил начальник инженерного управления фронта Б. В. Бычевский. Однако, несмотря на то что все члены Военного совета высказались единогласно за мобилизацию населения как области, так и самого Ленинграда, мы с А. А. Кузнецовым, понимая всю политическую значимость этого вопроса, решили все же посоветоваться с А. А. Ждановым, срочно возвратившимся из отпуска.

Выслушав нашу информацию об обстановке на Северо-Западном фронте и решении об укреплении подступов к Ленинграду с юго-запада, А. А. Жданов в принципе согласился с нами, хотя и обратил внимание на все неприятности, связанные с привлечением ленинградского населения на оборонительные работы в первые же дни войны. Учитывая значение этих мероприятий, А. А. Жданов решил все же посоветоваться с И. В. Сталиным и сразу же доложил ему об этом по телефону. Разговор носил несколько затяжной характер. По фразам Жданова чувствовалось, что ему приходится убеждать Сталина, а по окончании переговоров, положив трубку, он сказал, что Сталин дал свое согласие, указав одновременно на необходимость провести большую разъяснительную работу среди населения...»¹

¹ Оборона Ленинграда. С. 44–45.

25. 6. 1941 — среда

Дневник начальника ОКХ вермахта

Гальдер: «Противник организованно отступает, прикрывая отход танковыми соединениями, и одновременно перебрасывает большие массы войск с севера к Дюне на участок между Ригой и Якобштадтом (Екабпилсом)...»¹

Раус: «После того как единственный тяжелый танк в течение 2 дней блокировал дорогу, она начала-таки действовать. Наши грузовики доставили на плацдарм снабжение, необходимое для последующего наступления. Войска получили свободу передвижения и смогли участвовать в концентрической атаке XLI танкового корпуса против советского 3-го механизированного корпуса. До тех пор пока наши коммуникации оставались перерезанными, было бы ошибкой пытаться ввязаться в бой, который вел полковник фон Зекендорф...»²

Исаев: «Несмотря на обескураживающее столкновение с новыми танками противника, немцы поначалу не хотели отказываться от наступательных действий. Получив поддержку с воздуха, группа Зекендорфа попыталась перейти в наступление. Главным препятствием оказываются советские танки, в первую очередь тяжелые. Разыгрался танковый бой. Одно из классических его описаний выглядит следующим образом:

„Чтобы остановить основные силы противника, были введены в действие 114-й моторизованный полк, два артдивизиона и 100 танков 6-й танковой дивизии. Однако они встретились с батальоном тяжелых танков неизвестного ранее типа. Эти танки прошли сквозь пехоту и ворвались на артиллерийские позиции. Снаряды немецких орудий отскакивали от толстой брони танков противника. 100 немецких танков не смогли выдержать бой с 20 дредноутами противника и понесли потери. Чешские танки Pz.35(t) были раздавлены вражескими монстрами. Такая же судьба постигла батарею 150-мм гаубиц, которая вела огонь до последней минуты. Несмотря на многочисленные попадания даже на расстоянии 200 метров, гаубицы не смогли повредить ни одного танка. Ситуация была критической. Только 88-мм зенитки смогли подбить несколько КВ и заставить остальных отступить в лес“.

Нельзя не отметить, что количество тяжелых танков на поле боя возрастает. Если утром их было всего 7–8, то теперь уже 20. Скорее всего, они вводились в бой по мере прибытия, заправки или устранения

¹ Лебедев. С. 29.

² Раус. С. 77.

ния мелких поломок. Танкист из 2-й танковой дивизии Д. И. Осадчий вспоминал тот бой: „Когда боевые порядки смешались, пришлось вести огонь с коротких остановок. Противник отвечал тем же, горели БТ и Т-26. Неуязвимыми оказались КВ с их мощной броневой защитой, от снарядов на их броне оставались лишь вмятины. А ведь плотность танков была так велика, что практически любой выпущенный снаряд достигал цели»¹».²

Как бы скептически ни оценивали немцы возникшее на их пути в первые дни войны противодействие, тем не менее потери они несли. За первые четыре дня боев одна только 6-я танковая дивизия, согласно Боевому дневнику, потеряла 73 человека убитыми 209 ранеными, к тому же 20 человек пропавшими без вести, что фактически можно приравнять к убитым. Итого почти целых три роты.

Конечно же, наши войска несли несравнимо большие потери. Однако надо учесть тот факт, что противник нападал из расчета как минимум трое на одного и при этом терял почти роту в день только из одного боевого соединения. Таким образом, в конце концов, можно было лишиться и преимущества.

Ленинград. Смольный

Бычевский: «25 июня немецко-фашистские войска прорвались на подступы к Даугавпилсу. Возникла реальная угроза падения города и выхода передовых отрядов противника к Западной Двине. К этому времени определилось направление главных ударов вражеских армий в Прибалтике: они нацелились на Ригу и Псков. Напряженная обстановка требовала быстрых решений и действий.

В тот же день состоялось заседание Военного совета фронта. Кроме генерал-лейтенанта М. М. Попова и корпусного комиссара Н. Н. Клементьева на нем присутствовали секретарь горкома партии А. А. Кузнецов и секретарь обкома Т. Ф. Штыков.

Военный совет заслушал и утвердил доложенную генерал-лейтенантом К. П. Пядышевым принципиальную схему обороны на юго-западном фланге фронта. Было решено немедленно начать инженерные работы на намеченных рубежах силами населения ближайших районов и одновременно приступить к мобилизации трудящихся Ленинграда на оборонительное строительство.

Генерал-лейтенанту Пядышеву предстояло возглавить командование будущей Лужской группой войск. Он предложил сразу же перебросить на юг две-три дивизии с Карельского перешейка. Командующий в принципе против этого не возражал, но хотел посоветоваться

¹ ВИЖ, 1988.

² Исаев, 2011. С. 96.

с наркомом обороны. Хотя на границе с Финляндией пока царила тишина, активных действий там можно было ожидать с часу на час.

Саперных частей для работ на Лужском рубеже у нас было крайне мало, и Военный совет разрешил использовать курсантов Военно-инженерного училища. Начальника училища подполковника А. Д. Цирлина назначили начальником инженерных войск Лужской группы. Майору М. М. Зязину, работавшему в училище, поручили сформировать управление военно-полевого строительства.

Михаил Матвеевич — старый сапер. Мы знакомы давно и понимаем друг друга с полуслова.

— Сколько человек будет работать на строительстве? — спрашивает он.

— Сколько сумеете мобилизовать с помощью Лужского райкома партии. Указания туда даны. От нас придет майор Иванов и подполковник Лисовский с саперами и понтонерами.

— Какие войска будут занимать оборону, с кем согласовывать места сооружений?

— Еще не известно. Пока начинайте рыть противотанковые рвы и готовить огневые позиции для артиллерии перед Лугой.

Зязин уехал, а мы с подполковником Пилипцом и майором Ивановым принялись обсуждать порядок минирования Лужского предполья...»¹

26. 6. 1941 — четверг

Документы СЗФ

«ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ОТ 26 ИЮНЯ 1941 г. НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СССР ОБ ОБСТАНОВКЕ НА ФРОНТЕ К 20 ЧАСАМ 35 МИНУТАМ 26 ИЮНЯ 1941 г.

ОСОБО СЕКРЕТНО

Народному комиссару обороны СССР

26. 6. 41 20.35

Докладываю положение войск Северо-Западного фронта.

1. Противник продолжает окружение Либава.

2. 8-я армия — 12-й механизированный корпус и 5-я танковая дивизия в тылу противника без горючего. Командир 3-го механизированного корпуса донес открыто 25. 6. 41 г.: „Помогите, окружен“. Стрелковые соединения на фронте Плателяй, Кражай, Келме, Шиауленай, Шедува. В ночь на 27 июня начнет отход [на] р. Лиелупе и далее на северный берег Зап. Двина до Екабпилс. Соединения армии понесли потери и нуждаются в их немедленном пополнении, которое начало по мобилизации поступать, но не может быть одето, так как обмундиро-

¹ Бычевский. С. 7–10.

вание двух стрелковых дивизий осталось в бывших пунктах дислокации. Соединения потеряли часть оружия, что уточняется.

11-я армия — штаб и Военный совет армии, по ряду данных, пленен или погиб. Немцы захватили шифрдокумент. 5, 33, 188, 128-я стрелковые дивизии неизвестно в каком состоянии и где находятся. Много отставших и убежавших, задерживаемых [на] направлении Двинск. Много брошено оружия.

11-я армия не является организованным боеспособным соединением.

На вильнюсском направлении необходимо развертывание новой армейской группировки немедленно. За счет пополнения, видимо, погибших дивизий, прошу разрешить формирование новых четырех стрелковых дивизий.

Прошу усилить фронт десятью артиллерийскими полками [в] счет погибших. 11-я стрелковая дивизия свежая, но ее гаубичный артиллерийский полк разбит авиацией.

Военно-воздушные силы фронта понесли тяжелые потери [вследствие] малого количества аэродромов. В данное время эффективно поддерживать, прикрывать наземные войска и нападать на противника не способны.

Экипажей сохранено 75 %. Потери материальной части 80 %.

Прошу усилить фронт тремя смешанными авиационными дивизиями. Пополнить части военно-воздушных сил фронта материальной частью в первую очередь и летным составом.

Прошу об отпуске 200 тысяч комплектов обмундирования и снаряжения для обеспечения отобюрозованных и для новых четырех стрелковых дивизий оружия. 22-й, 24-й стрелковые корпуса отобюрозовываются на зимних квартирах. 29-й стрелковый корпус отошел восточнее Вильнюса. Положение уточняю.

Двинское направление. Двинск заняли танки противника. Потребовал восстановить положение. Ввиду бомбежки противником узлов связи и разрушения их враждебными нам элементами связь плохая.

Прошу 26. 6. 41 г. передать в мое распоряжение три бомбардировочные и две истребительные дивизии на усиление военно-воздушных сил.

Прошу включить в состав фронта новых шесть стрелковых дивизий вместо бывших территориальных, передислоцируемых для переучивания.

[Командующий войсками
Северо-Западного фронта
генерал-полковник] Ф. Кузнецов
[Член Военного совета фронта
корпусный комиссар] Диброва
[Начальник штаба фронта
генерал-лейтенант] П. Кленов»¹

¹ ЦАМО, ф. 221, оп. 2467сс, д. 39, л. 269.

«БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ОТ 26 ИЮНЯ 1941 г. КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 8-й АРМИИ, КОМАНДИРАМ 12-го и 3-го МЕХАНИЗИРОВАННЫХ КОРПУСОВ НА ОРГАНИЗАЦИЮ ВЫХОДА 2-й ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

СОВ. СЕКРЕТНО

Командующему 3-й армией, командирам 12-го и

3-го механизированных корпусов

25. 6. 41 22.00

2-я танковая дивизия находится в окружении без горючего и может погибнуть.

ПРИКАЗЫВАЮ:

Подготовить один крепкий танковый батальон из ваших дивизий и вместе с ним взять горючее и снаряды; тщательно подготовить этот батальон; ударом на Россиены по тылу противника, к которому подобраться внезапно, обеспечить дивизию горючим и помочь выбраться из окружения.

Куркину после заправки организовать выход из окружения в направлении Шавли, связавшись с дивизией Черняховского.

Батальону начать действия утром 27. 6. 41 г.

[Командующий войсками

Северо-Западного фронта
генерал-полковник] Ф. Кузнецов

[Член Военного совета фронта
корпусный комиссар] Диброва

[Начальник штаба фронта
генерал-лейтенант] П. Кленов»¹.

«БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ОТ 26 ИЮНЯ 1941 г. КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 8-й АРМИИ НА ОТХОД И ОРГАНИЗАЦИЮ ОБОРОНЫ НА РУБЕЖЕ р. ЛИЕЛУПЕ, ВИЕСИТЕ, ЕКАБПИЛС

Рига, генералу Сафронову

Немцы в 9 часов 40 минут заняли Двинск и распространяются на северо-восток и северо-запад. Данных о положении 11-й армии нет.

Приказываю передать Собенникову, использовав все для этого средства, следующее: 1) отойти и организовать оборону по р. Лиелупе, Виесите, Екабпилс. Крепко прикрывать рижское направление, особенно прочно обеспечить свой левый фланг Виесите, Екабпилс;

2) всеми мерами обеспечьте выход 12-го механизированного корпуса из окружения и направьте его в район Иецава. По выходе 2-й танковой дивизии, отвести ее за свой левый фланг — Екабпилс;

3) штаб армии иметь в Рембате;

¹ Там же, л. 346–348.

4) генералу Сафронову доложить мое решение Народному комиссару обороны и просить утвердить.

[Командующий войсками
Северо-Западного фронта
генерал-полковник] Ф. Кузнецов
[Член Военного совета фронта
корпусный комиссар] Диброва.
[Начальник штаба фронта
генерал-лейтенант] П. Кленов».¹

Дневник барона фон Грисенбека, ординарца командующего ГА «Север» Лееба

«Группа армий „Север“ добилась сегодня большого успеха: 200 танков русских уничтожены перед фронтом 18-й армии. В этом заслуга 1-й и 6-й танковых дивизий из состава 41-го механизированного корпуса. Из этих 200 танков 29 были сверхтяжелыми».²

27. 6. 1941 — пятница

В немецких штабах

Гальдер: «Группа армий „Юг“. Войскам фон Клейста удалось не только отразить все атаки противника на южном фланге танковой группы, но и продвинуться дальше на юго-восток своим правым флангом...

Брошенные против нашего южного фланга силы русских, очевидно, представляют собой наспех сколоченные формирования...

После этого нашими войсками будет снято все, что русское командование на Украине (которое, надо отдать ему должное, действует правильно) может противопоставить группе армий „Юг“<...>

На фронте группы армий „Центр“ все развивается, как и ожидалось <...>

Группа армий „Север“ сильными подвижными группами продолжает движение в сторону Двинска, в то время как танковый корпус Рейнгардта продвигается на Екабпилс. Левое крыло пехотного корпуса наступает на Ригу. Таким образом, все идет по плану...»³

Барон фон Грисенбек: «Настроение у Лееба просто великолепное. Он полагает, что противник, противостоящий нам, уже разбит.

¹ ЦАМО, ф. 221, оп. 2467сс, д. 39, л. 339.

² Лебедев. С. 30.

³ Гальдер, 2007. С. 25–26.

Успех, которого никто спустя неделю даже не мог ожидать. Лееб еще держит под Дюнабургом две свои танковые дивизии (1-ю и 6-ю), но как только к Дюнабургу подойдет пехота, то 56-й моторизованный корпус тотчас же рванется вперед. Через четыре-пять недель русская армия будет разбита. Сложности, возникающие в полосе ответственности групп армий „Центр“ и „Юг“, будут быстро устранены благодаря нашим успехам. Лееб говорит, что наши следующие штаб-квартиры — это Ковель (с 1.7), затем Дюнабург, потом Псков, затем Петербург! Многие среди нас полагают, что мы продвинемся вплоть до Урала».¹

Гальдер: «На всех участках фронта характерно небольшое число пленных наряду с очень большим количеством трофейного имущества (в том числе горючего)...»²

Ленинград. Смольный

Попов: «27 июня на заседании Военного совета фронта после всестороннего обсуждения предложений, внесенных секретарями горкома и обкома партии, было принято постановление о прекращении строительства Ленинградского метро, электростанций и других объектов с передачей всей высвобождающейся рабочей силы, персонала, механизмов и автотранспорта на оборонительные работы.

<...> Это широкое привлечение общественности оказало не поддающуюся оценке помощь войскам фронта.

В тот же день было принято и другое важное решение — об организации на добровольных началах дивизий народного ополчения (ДНО)...»³

Антюфеев: «...речь шла о срочном возведении оборонительных сооружений на южных, юго-западных и западных подступах к Ленинграду, откуда могут угрожать войска группы армий „Север“. Так как войска Северо-Западного фронта вели тяжелые оборонительные бои в Прибалтике, несли большие потери, а войска Северного фронта занимали оборону вдоль наших границ в Заполярье, Карелии, на Карельском перешейке, то встал вопрос о том, какие соединения и части могут защищать Ленинград на тех линиях, где будут возведены новые укрепленные районы. Еще до совещания у нас, работников горкома партии, родилась идея о создании добровольческой армии. О ней и шла сейчас речь...

¹ Лебедев. С. 35.

² Лебедев. С. 36.

³ Ополченцы. С. 45.

В Ставку был послан запрос о разрешении сформировать армию добровольцев...»¹

Как видим, наши власти не могли предпринять ни одного серьезного шага без согласования с Москвой и с центральным партийным руководством. Этот чрезвычайный паралич местной воли продолжается в России и по сей день. Москва хочет руководить всем, никому не оставляя возможности на самостоятельные решения. Хорошо это или плохо? История показывает...

28.6.1941 — суббота

Документы СЗФ

«ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА ОТ 28 ИЮНЯ 1941 г. НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СССР О ПОЛОЖЕНИИ ВОЙСК ФРОНТА

К 28 ИЮНЯ 1941 г.

Серия „Г“

Народному комиссару обороны СССР

Положение фронта.

8-я армия, понесшая 40 % и более потерь, отходит на северный берег Зап. Двины. 2-я танковая дивизия, видимо, погибла. 11-я армия как соединение не существует. Положения 5, 33, 188, 128, 23 и 126-й стрелковых дивизий, 5-й танковой дивизии и 84-й моторизованной дивизии не знаю. Военно-воздушные силы фронта ввиду понесенных потерь неспособны противостоять противнику, но ежедневно ведут борьбу.

Управление 27-й армии выдвинуто на место управления 11-й армии.

Поступивший в состав фронта 21-й механизированный корпус — организационно не законченное и совершенно не имеющее материальной части соединение.

41-й стрелковый корпус — состояния не знаю.

Связи для твердого управления не имею. Военный совет фронта отдает себе полный отчет в значении рубежа Зап. Двина.

Для чего прошу утвердить:

1) оставление для реорганизации в течение 2 дней 181-й и 183-й стрелковых дивизий в составе фронта;

2) срочно дать пополнение для укомплектования войск фронта;

3) пополнить мобилизационные запасы обмундирования, снаряжения и оружия на двести тысяч человек;

4) помочь восстановить 12-й механизированный корпус, 9-ю и 10-ю артиллерийские бригады противотанковой обороны;

¹ Ополченцы. С. 14–15.

- 5) обеспечить фронт формированиями военного времени;
- 6) обязать тов. Ершакова помочь частью сил фронту;
- 7) ввиду недостатка сил и средств в районе Двинск контрудар начну 1–2 июля.

[Командующий войсками
Северо-Западного фронта
генерал-полковник] Ф. Кузнецов
[Член Военного совета фронта
корпусный комиссар] Диброва.
[Начальник штаба фронта
генерал-лейтенант] П. Кленов»¹

Дневник начальника ОКХ вермахта

Гальдер: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего солдата. Лишь изредка сдаются в плен, в первую очередь там, где в войсках большой процент монгольских народностей. Часть русских сражается, пока их не убьют, другие бегут, сбрасывают с себя форменное обмундирование и пытаются выйти из окружения под видом крестьян. Моральное состояние наших войск всюду оценивается как очень хорошее, даже там, где им пришлось вести тяжелые бои...»²

Любопытное свидетельство о преобладании среди пленных монгольских народностей. Вике в своем письме от 27 июня (накануне!) также пишет об этом.

Гальдер не случайно обратил столь пристальное внимание на этот факт. Он, вероятно, наглядно подтверждал их представление о «колоссе на глиняных ногах».

¹ ЦАМО, ф. 344, оп. 2759сс, д. 4, л. 44.

² Лебедев. С. 38.

ВТОРАЯ НЕДЕЛЯ ВОЙНЫ

29. 6. 1941 — воскресенье

Дневник Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ¹)

«Наряду с усилением войск группы армий „Север“, которое непременно следует провести, на севере предстоит решить:

- а) либо немедленное продолжение наступления на Москву;
- б) либо нанесение удара по Ленинграду.

Фюрер пока склоняется к тому, чтобы повернуть фронт на Ленинград, чтобы тем самым как можно скорее очистить от русских Балтийское море (обеспечение подвоза), оказать поддержку финским войскам и высвободить левое крыло для обеспечения удара на Москву...

Генерал Йодль обращает внимание на то, что движение танковых соединений через Петербург может превысить их моторесурс...»²

Одна из главных заповедей видного немецкого военного теоретика Карла фон Клаузевица гласит, что главный удар по противнику всегда должен быть один; наряду с ними должны наноситься лишь вспомогательные удары. Согласно плану «Барбаросса» первоначально следовало взять Ленинград, а затем развернуть силы, освободившиеся после взятия Ленинграда, на Москву. Однако, как видим, в Верховном главнокомандовании вермахта уже после первой недели войны начинают возникать разногласия. Гитлер склонялся к тому, чтобы следовать первоначально разработанному замыслу. А генералитет вермахта, по всей видимости увлекшись быстрым продвижением на московском направлении, уже начал искать причины для перенесения главного удара на Москву.

Как бы там ни было, на этот момент немецкое наступление пока еще развивалось в основном согласно плану, и к началу июля немцы уже вышли к советской границе 1940 года. В первые дни войны немецкие войска стремительно поглощали расстояние. В среднем они продвигались почти на 50 км в сутки.

Ленинград

В этот день в Ленинград из Ставки верховного командования пришло сообщение о разрешении формирования армии добровольцев.

В этот же день во всех пятнадцати районах города началась запись добровольцев.

¹ Oberkommando der Wehrmacht (OKW) — пер. с нем.: Верховное главнокомандование сухопутных вермахта. Далее — ОКВ.

² Лебедев. С. 39.

Даниил Гранин¹: «В ополчение шли известный артист Николай Черкасов и учитель Леонид Попов, профессор Огородников и заместитель парторга судостроительного завода Александр Ермолаев. Не было ни заслуженных, ни великих, никто не думал о том, как лучше использовать свои знания. Может быть, это было бесхозяйственным, безрассудным, но все же это было выше любых соображений о пользе — стать солдатом! В этом был высший смысл тех дней, это считали самым нужным».²

Антюфеев: «Таких примеров было очень много. Не только рабочие, но и инженеры, преподаватели, деятели науки и культуры не хотели мириться с отказом местных и районных комиссий. Известно, например, что выдающийся советский композитор Д. Д. Шостакович принимал самые энергичные меры, чтобы записаться добровольцем в ополчение».³

30. 6. 1941 — понедельник

Дневник ОКВ

«Фюрер намерен повернуть крупные силы танковой группировки, действующей на фронте группы армий „Центр“, на север, на Ленинград, чтобы быстро овладеть Ленинградским промышленным районом. Затем танковые соединения должны наступать из района Ленинграда в направлении Москвы...»⁴

Дневник начальника ОКХ вермахта

Гальдер: «Фюреру представляется особенно важным ускорить наступление пехотных соединений группы армий „Север“ на Ленинград, но одновременно с этим следует продолжать наступление подвижными соединениями, не ожидая подтягивания пехоты. Он не уверен в том, что сил, имеющихся в моем распоряжении, будет достаточно для выполнения этой задачи (особенно это касается подвижных соединений)...»⁵

Гитлер не склонен был разделять оптимизм своего начальника штаба Гальдера по поводу постоянного поддержания быстрого темпа продвижения вперед пехотных соединений. Моторизованные ударные кулаки, на его взгляд, начинают все больше и больше отрываться

¹ Писатель, бывший боец 1-й дивизии народного ополчения.

² *Ополченцы*. С. 7.

³ Там же. С. 17.

⁴ *Лебедев*. С. 41.

⁵ Там же.

от основной массы войск. Это становится опасным. Гальдер, как видим, не разделяет его опасений. Кроме того, он не видит пока причин отказываться от наступления на Москву.

Москва

Образован Государственный комитет обороны (ГКО) под председательством И. В. Сталина.

Началась эвакуация из Москвы населения, предприятий и учреждений.

1. 7. 1941 — вторник

Дневник командующего ГА «Север»

Риттер фон Лееб: «4-я танковая группа намерена продвигаться по двум дорогам: севернее озера и северо-восточнее Дюнабурга (Даугавпилса). Дано согласие на это, так как танковая группа тем самым сможет направить по каждой из дорог по одной дивизии и, таким образом, не возникнет опасений, что обе армии задержат ее продвижение...»¹

Риттер фон Лееб тоже не считает, что танковые авангарды должны сдерживаться продвижением вперед пехотных армий. Ему не терпится скорее взять Ленинград и выполнить свою основную задачу в этой военной кампании.

Совинформбюро

«На МУРМАНСКОМ направлении наши войска ожесточенными боями задерживают продвижение превосходящих сил противника.

На КЕКСГОЛЬМСКОМ направлении противник в нескольких местах перешел в наступление и пытался углубиться в нашу территорию. Решительными контрударами наших войск атаки противника были отбиты с большими для него потерями.

На ДВИНСКОМ направлении наши части ведут упорные бои с танками и пехотой противника, противодействуя его попыткам прорваться к переправам на р. Западная Двина.

На МИНСКОМ направлении продолжают бои с подвижными частями противника. Наши войска, широко применяя заграждения и контрудары, задерживают продвижение танковых частей противника и наносят ему значительное поражение.

На ЛУЦКОМ направлении наши войска остановили наступление крупных соединений противника. В многодневных боях на этом

¹ Лебедев. С. 42.

направлении противник понес большие потери в людском составе и материальной части.

Осуществляя планомерный отход, согласно приказу наши войска оставили Львов».¹

2. 7. 1941 — среда

Дневник начальника ОКХ вермахта

Гальдер: «4-я танковая группа должна, выставив заслоны южнее и севернее Чудского озера, оцепить Ленинград...»²

Здесь исследователь Юрий Лебедев замечает: «2. 7. 1941 г. впервые в дневнике Гальдера прозвучало слово, определяющее судьбу Ленинграда как блокадного города. О захвате он речи не ведет, а определяет применительно к Ленинграду слово *umstellen* — „оцепить“, „окружить“...»³

4-я танковая группа Гепнера нанесла удар в стык между 8-й и 27-й армиями Северо-Западного фронта. 27-я армия стала отходить на северо-восток в направлении на Опочку, открыв дорогу на Остров и Псков. К исходу дня немецкие части вышли в район 20–25 километров южнее Резекне.

Исаев: «Главную работу по прорыву к Пскову и Острову выполнили соединения XXXXI танкового корпуса Рейнгартта. Обе его дивизии наступали с плацдармов на Западной Двине, сбивая сопротивление попадавших на пути советских частей, иногда довольно упорное. В ЖБД 6-й танковой дивизии отмечается: „Продвижение останавливается перед Велозеном. Упорный противник с противотанковыми средствами и используемыми в качестве огневых точек 52-тонными танками оказывает яростное сопротивление. 3-я рота 4-го сп находит на поле боя после атаки более 60 убитых врагов, но не может взять ни одного пленного“.⁴ Скорее всего, это были последние танки 2-й танковой дивизии Солянкина — больше в этом районе танкам КВ было взяться неоткуда. Сейчас тяжело даже представить себе, через что прошли экипажи этих танков. Марш от Ионавы, бои

¹ Сводки, сообщения Совинформбюро и Приказы верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР. 1941–1945 гг. (<http://www.soldat.ru/doc/sovinfburo/>).

² Лебедев. С. 45.

³ Лебедев. С. 45.

⁴ Исаев цитирует здесь фрагмент записи в КТБ 6-й тд от 2 июля 1941 г. (NARA, t 315, r 323, f 52). Исаев неверно транскрибирует название населенного пункта. На самом деле речь идет о небольшом латышском городке Виляны. В самом начале цитируемого документа так и сказано: «В 4.10 57 полк выступил по левой дороге на Велонен. Около моста на Малте в 5.00 вражеское сопротивление, мост взорван...»

под Расейньем, отступление неведомыми путями к Западной Двине, переправа через нее и бои уже на ее северном берегу. При этом только мастерство механиков-водителей позволило КВ не остаться „скульптурой“ на обочине где-то по дороге».¹

Ленинград. Смольный.

Первое заседание военного совета ЛАНО²

Антюфеев: «Решался вопрос о принципах формирования дивизий. После обмена мнениями решили: формировать их по районам, каждую численностью десять тысяч человек; срок готовности — несколько дней; присвоить им порядковые номера...»³

3. 7. 1941 — четверг

В немецких штабах

Гальдер: «...уже сейчас можно сказать, что задача по разгрому главных сил армии русских по эту сторону Западной Двины и Днепра в целом выполнена. Я не подвергаю сомнению заявление захваченного в плен русского командира корпуса о том, что восточнее Западной Двины и Днепра нам будут противостоять не более чем разрозненные силы противника, которых явно недостаточно, чтобы помешать выполнению оперативных планов германской армии. Таким образом, не будет преувеличением заявить о том, что Русская кампания была выиграна в течение двух недель...»⁴

Начальник генерального штаба Франц Гальдер фактически констатирует здесь, что первая часть общего замысла плана «Барбаросса» — за двадцать дней достигнуть рубежа: Днепр (до района южнее Киева), Мозырь, Рогачев, Орша, Витебск, Великие Луки, южнее Пскова, южнее Пярну — выполнена. После этого предполагалась оперативная пауза продолжительностью двадцать дней, во время которой следовало сосредоточить и перегруппировать соединения, согласно второй части общего замысла — захвата Ленинграда и Кронштадта. Для этой цели центральная группировка войск должна была частично присоединиться к группе армий «Север», дабы в дальнейшем, быстро покончив с Ленинградом, накрыть обратной волной Москву с тыла.

¹ *Исаев А. 1941. С. 191–192.*

² Ленинградская армия народного ополчения.

³ *Ополченцы. С. 18.*

⁴ *Гальдер, 2007. С. 49–50.*

Однако логика развития боевых действий затмила сознание высшего руководства вермахта. Гальдер же, по всей видимости, уцепившись за имеющуюся в общем замысле плана «Барбаросса» лазейку, звучащую следующим образом: «только неожиданно быстрое крушение сопротивления русских может послужить оправданием попытки достигнуть двух главных целей одновременно» — в безудержном азарте решил превзойти самого Наполеона — пустился сразу в трех направлениях. Ему на руку сыграло то, что каждый командующий группы армий в неменьшем азарте тянул одеяло на себя. Даже Гитлер не смог преодолеть жадного упрямства своего начальника штаба. Что уж говорить о его старом друге Риттере фон Леебе.

Гальдер: «Таким образом, не будет преувеличением заявить о том, что Русская кампания была выиграна в течение двух недель. Конечно, не следует считать, что она уже закончена. Огромные географические просторы и упорное сопротивление противника всеми средствами потребуют еще много недель наших усилий...»¹

Риттер фон Лееб: «Из-за сильных дождей дороги разбиты. Основные силы дивизий 16-й и 18-й армий можно будет направить через реку Дюна (Даугава) лишь 5 июля.

4-й танковой группе приказано освободить трассу Якобштадт (Екабпилс) — Модон (Мадонна) для прохода 18-й армии.

В 11.00 к нам прибыл полковник Шмундт, главный адъютант фюрера. Фюрер в высшей степени доволен тем, как развиваются боевые действия. Он придает большое значение скорейшей нейтрализации русского флота, с тем чтобы немецкие транспорты снабжения вновь могли курсировать по Ботническому заливу. Исходя из этого, так важен быстрый захват Петербурга и Ревеля (Таллин)...»²

Однако Гальдер явно преследует какие-то другие цели.

Гальдер: «Вчера вечером в штаб группы армий „Север“ были посланы по телеграфу приказы, согласно которым танковая группа Гепнера должна овладеть районом между Великими Луками, озером Ильмень и Псковским озером и обеспечить себя заслоном с востока. И только по получении нового приказа ОКХ она должна продолжать наступление за линию озера Ильмень, Псковское озеро на север с двойной целью: закрыть проход между Финским заливом и Чудским озером и заблокировать (abzuschliessen) Ленинград в районе между Финским заливом и Ладожским озером...»³

¹ Гальдер, 2007. С. 49–50.

² Лебедев. С. 46.

³ Лебедев. С. 47–48.

Москва. Кремль

Иосиф Сталин обратился к народу: «Братья и сестры...»

Ленинград. Смольный

Антюфеев: «3 июля А. И. Субботина и меня вызвал командующий Северным фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов. В его кабинете был в это время А. А. Жданов.

— Обстановка на фронте резко ухудшилась,— сказал командующий фронтом,— наши войска ведут тяжелые оборонительные бои на подступах к Пскову и Острову. Необходимо ускорить отправку ополченских дивизий на фронт.

— Как это сделать оперативнее и лучше? — спросил у нас А. А. Жданов.

Мы ответили, что надо отказаться от формирований по строго территориальному принципу, а брать сформированные полки из разных районов и сводить их в дивизии...

Во 2-й Московской дивизии народного ополчения уже были сформированы первый полк из добровольцев электросиловцев, второй — преимущественно из скороходовцев. Военный совет ЛАНО влил в это соединение третий полк из добровольцев Ленинского района...»¹

4. 7. 1941 — пятница

4-я танковая группа заняла Резекне, достигла южной окраины Острова, с ходу форсировала реку Великая и захватила Остров.

4 июля в командование Северо-Западным фронтом вступил генерал-майор П. П. Собенников.

Раус: «Непосредственно позади русской границы находилась „Линия Сталина“, о прочности укреплений которой мы не знали ничего. Этот оборонительный пояс глубиной до 3 километров состоял из бетонных дотов. Мы предполагали, что их качество может быть различным, так как 1-я танковая дивизия утром 4 июля уже вышла к дороге возле железнодорожной станции Бранчаниково,² таким образом вклинившись в эту оборонительную позицию<...> После тщательной разведки мы нашли большое количество дотов по обе стороны дороги. Эти доты были заняты советскими солдатами, в частности — на высотах к юго-востоку от противоположного

¹ Ополченцы. С. 18–19.

² Ж. д. станция Бранчаниново находится на ветке Пыталово — Остров (примерно посередине).

берега реки Лиа.¹ Генерал Ландграф решил тщательно подготовить прорыв и нанести удар 5 июля, а не пытаться наступать сегодня прямо с марша. Главной причиной такого решения была необходимость сосредоточить войска, так как за время стремительных переходов в последние 2 дня и боев в районе Балтинавы дивизия сильно растянулась. Кроме того, уже начало темнеть, и мы опасались, что русские будут упорно сопротивляться...»²

5.7.1941 — суббота

В районе г. Остров советские войска контратаковали противника и выбили немецкие войска из города.

Раус: «Готовить этот удар было ничуть не проще, чем нанести его. Наступать предстояло по узкой полоске между реками Лиа и Удража. Русские сопротивлялись очень упорно и защищали каждую позицию до конца. Первое наступление захлебнулось на линии дотов, после чего каждый из них пришлось штурмовать отдельно. Завязался ближний бой, в котором мы использовали тактику штурмовых частей при поддержке саперов и противотанковой артиллерии. Прорвать оборону удалось только к вечеру 6 июля, после того как в ходе непрерывного 15-часового боя были захвачены около 20 дотов. Это были самые ожесточенные бои с начала русской кампании, и еще ни разу за целый день дивизия не продвигалась на столь малое расстояние. Именно здесь 6-я танковая дивизия приобрела первый опыт борьбы с русскими укреплениями, который в самом ближайшем будущем принес много пользы...»³

Шостакович: «Я вступил добровольцем в ряды народного ополчения. До этих дней я знал лишь мирный труд. Ныне я готов взять в руки оружие. Я знаю, что фашизм и конец культуры, конец цивилизации — однозначны. Исторически победа фашизма нелепа и невозможна, но я знаю, что спасти человечество от гибели можно только сражаясь».⁴

¹ Река Лжа, левый приток реки Утроя.

² Раус. С. 87.

³ Раус. С. 88.

⁴ Ленинградская правда. 1941. 5 июля. № 158.

ТРЕТЬЯ НЕДЕЛЯ ВОЙНЫ

6. 7. 1941 — воскресенье

4-я танковая группа вновь захватила Остров. Немецкая 16-я армия прикрывает правый фланг 4-й танковой группы, а 18-я армия заходит левым крылом на север с целью занятия Эстонии.

Дневник начальника ОКХ вермахта

Гальдер: «Тактика наступления русских. Трехминутная артиллерийская подготовка, затем пауза, после чего атака пехоты в боевом порядке до 12 волн, поддержка тяжелым вооружением отсутствует. Солдаты начинают кричать ура, находясь на большом удалении от наших войск. Невероятно высокие потери среди личного состава русских...»¹

7. 7. 1941 — понедельник

В немецких штабах

Риттер фон Лееб: «С 9 часов утра до обеда у нас находился главнокомандующий сухопутными войсками (ОКХ). Группа армий „Север“ должна овладеть Петербургом, по возможности высвободив при этом части для ведения боевых действий в районе озера Ильмень...»²

Гальдер переигрывает всех. Он не только убедил Гитлера в необходимости отказаться от передачи 3-й танковой дивизии фон Леебу, но еще и начинает оттягивать от фон Лееба части к востоку, предполагая, вероятно, все более и более усиливать давление на Москву.

Риттер фон Лееб: «Выдвижение 4-й танковой группы из района южнее озера Ильмень и Псковского озера запланировано на 10 июля.»³

4-я танковая группа прорвалась через боевые порядки 41-го стрелкового корпуса И. С. Кособудцкого и наступает на Псков.

14-я армия Северного фронта остановила продвижение противника на Мурманском направлении.

Началась **Киевская стратегическая оборонительная операция** войск Юго-Западного фронта М. П. Кирпоноса против главных сил группы армий «Юг».

¹ Гальдер, 2007. С. 57.

² Лебедев. С. 53.

³ Там же.

По итогам дня 7 июля командование 41-го моторизованного корпуса сделало следующую оценку действий советских войск: «Оценка противника — упорно сражающиеся при поддержке артиллерии и танков арьергарды пытаются держать дефиле между Псковом и озером Пейпус открытым для отходящих с запада частей».¹ Такая стратегия была для советского командования вполне логичной: нужно было вывести 111-ю и 118-ю стрелковые дивизии из потенциального окружения.

Ввиду упорного сопротивления советских войск, оседлавших шоссе Остров—Псков, командование направило боевую группу Вестховена из 1-й танковой дивизии на захват переправы через р. Череху у Будника, к востоку от Лопатино. Считалось, что Лопатино и мост на шоссе будут упорно обороняться, и их захват будет стоить больших жертв. Однако и на подступах к Буднику немцам пришлось преодолевать сопротивление советских частей в полевых укреплениях. В девятом часу утра переправа у Будника была захвачена, образован плацдарм. Тем временем шоссе мост у Лопатино был взорван.

Все эти маневры потребовали затрат времени, и в итоге на Псков вышли не 1-я и 6-я танковые дивизии от Острова, а 36-я моторизованная дивизия по другому берегу реки Великой. Она фактически оттесняла главные силы советского 41-го стрелкового корпуса на Псков и по мере их отхода смогла выйти к городу. Во второй половине дня 8 июля 36-я моторизованная дивизия захватила западную часть Пскова. Однако, несмотря на использование группы диверсантов полка «Бранденбург-800», взрыв мостов через р. Великую немцам предотвратить не удалось. Был образован лишь плацдарм слабыми силами после переправы на восточный берег р. Великой на надувных лодках.

«В ЖБД 1-й танковой дивизии по итогам дня 8 июля отмечается: „Противнику несомненно удалось, хотя и с большими потерями, прикрыть отход основной массы своих войск“».²

Из донесения 4-й танковой группы: «Потери танковой группы на 7. 7. 1941 включительно составили: убитых офицеров — 108, раненых офицеров — 208, убитых унтер-офицеров и рядовых — 1413, раненых унтер-офицеров и рядовых — 4115, пропавших без вести — 209, в том числе 4 офицера...»³

Итого, танковая группа теряла примерно по 400 человек в день, как видим, темп потерь в немецких войсках в первые две недели войны не снижался.

¹ NARA, t 314, r 979, f 356

² *Исаев, 2011. С. 228.*

³ *Лебедев. С. 68.*

8. 7. 1941 — вторник

В немецких штабах

Риттер фон Лееб: «4-я танковая группа вчера продолжила свое успешное продвижение. Противник, судя по всему, отходит все дальше на восток и в направлении Ленинграда.

С целью дальнейшего продвижения отдано следующее распоряжение: 4-я танковая группа выходит в район между озером Ильмень и Псковским озером с задачей развернуться на Ленинград. Ленинград должен быть блокирован между Ладожским озером и Кронштадтской бухтой...»¹

4-я танковая группа вышла к реке Великая и заняла западную часть Пскова. Войска Северо-Западного фронта перешли к обороне на рубеже Псковского укрепрайона — река Великая—река Череха.

В своем дневнике Гальдер оставил запись о совещании в Ставке Гитлера 8 июля 1941 г., на котором «Фюрер принял твердое решение уничтожить Москву и Ленинград и сделать места, где они расположены, необитаемыми. Это избавит нас от необходимости кормить население этих городов в течение зимы. Москва и Ленинград будут разрушены силами авиации. Танки не должны применяться для выполнения этой задачи». И далее Гальдер приводит собственные слова фюрера немецкой нации: «Такая национальная катастрофа лишит своих центров не только большевизм, но и московитский (русский) национализм».²

На том же совещании 8 июля, на котором Гитлер пообещал сравнять Ленинград с землей, он сформулировал свое видение дальнейшего наступления группы армий «Север». Гальдер пометил в дневнике, что «в качестве новой идеи подчеркнута необходимость блокировать территорию, примыкающую к Ленинграду с востока и юго-востока, сильным правым крылом танковой группы Гепнера».³ В этом начальник штаба Сухопутных войск был согласен с фюрером, далее он написал: «Такая идея является правильной».⁴

9. 7. 1941 — среда

В немецких штабах

Гальдер: «4-я танковая группа выходит на рубеж Порхов — Псков, однако она не выйдет за него и не начнет наступление на Ленинград,

¹ Лебедев. С. 55.

² Гальдер, 2007. С. 63.

³ Лебедев. С. 58.

⁴ Гальдер, 2007. С. 64.

прежде чем LVI моторизованный корпус, совершив маневр на северо-восток, подтянется ближе к XXXXI армейскому корпусу».¹

Риттер фон Лееб: «На основании телеграммы от ОКХ, предписывающей 4-й танковой группе продвигаться главными силами на юго-восточном и южном фланге в направлении Ленинграда, 4-я танковая группа получила распоряжение, переданное по телефону: правым крылом обогнуть район западнее озера Ильмень, направив туда свой основной удар. Ей же предоставляется возможность начать наступление 41-м моторизованным корпусом через Псков в направлении Лути. Кроме того, она должна в максимально короткие сроки освободить дорогу вдоль восточного берега Псковского озера для прохода 18-й армии...»²

Боевой дневник ГА «Север»

«01.30 Нач. ген. штаба нач. 4-й т. группы, 16-й и 18-й О<отдельный> А<рмейский>К<орпус>:

09.25 4-я ТГр стоит между оз. Ильмень и Псковом и готова к броску на Ленинград. Выступает 10.7. Она замыкает Ленинград между Ладожским оз. и Кронштадтской бухтой так плотно, как только ее силы позволят. Заняв Нарвское дефиле между Нарвской бухтой и оз. Пейпус, предотвращает отход врага из Эстонии...

10.40 Нач. ген. штаба майору Шадтке:

<...>

3. Главком спрашивает, насколько серьезны опасения насчет левого фланга ТГр XXXXI АК и позволяют ли они двинуться на Лугу, пока не подошел LVI АК.

ТГр отклоняет предложение нач.штаба перебросить пехотный полк 16-й АК на грузовиках ТГр на защиту левого фланга. Войска не должны подвергаться опасности, что могло бы привести к потере мобильности...

11.00...

3. ТГр наконец-то дала возможность XXXXI АК двинуться к Пог. Горе.³ Приказ ТГр двинуться на Лугу будет одобрен Главкомом тотчас же, как только подтянется LVI АК...

19.15 доклад в ОКХ: 4-я ТГр с XXXXI АК наконец-то выдвинута к линии Порхов — Пог.Гора, чтобы с этой линии двинуться на Ленинград тотчас, как только LVI АК подтянется на северо-восток и примкнет ближе к XXXXI АК...»⁴

¹ Гальдер, 2007. С. 68.

² Лебедев. С. 59–60.

³ Возможно, Бор-Гора.

⁴ NARA, t 311, r 53, f 065847–065848.

41-й моторизованный корпус 4-й танковой группы обошел Псков с востока и начал развивать наступление на Лугу. 9 июля войска Северо-Западного фронта оставили Псков, чем завершилась Прибалтийская стратегическая оборонительная операция.

Далее 4-я танковая группа изготовилась к броске на Ленинград по Киевскому шоссе.

Исаев: «Использование крупного шоссе в качестве оси наступления было типичным решением для немецких „блицкригов“. Также традиционно для немецкой практики боевых действий 1-я танковая дивизия была разбита на боевые группы, наступавшие по параллельным маршрутам. Первая, так называемая боевая группа Вестховена, была „мотопехотной“. Она строилась вокруг мотопехотного полка, и ей была придана всего рота танков. Соответственно вторая группа была „танковой“. Она называлась боевой группой Крюгера и объединяла танковый и мотопехотный полки. Лидером каждой боевой группы была „бронегруппа“ из танков и батальона на БТР. Только в одном случае это была рота (18 машин), а в другом — почти два батальона. Впереди группы Крюгера наступала ударная группа Кнопфа (37-й саперный батальон). Саперы расчищали дорогу танкам. Инженерное обеспечение действий танков стало одним из „ноу хау“ Второй мировой... Крюгером был сформирован передовой отряд из 10 Pz.III, 2 Pz.IV, мотопехоты на 16 БТРах, двух самоходных 20-мм зенитных автоматов и батареи легких гаубиц».¹

Таким же образом была разделена и 6-я танковая дивизия.

– Боевая группа подполковника Эриха Фридриха барона фон Зекендорфа состояла в начале июля из 2-х батальонов стрелкового полка и арт. батареи 75-мм орудий;

– Танковый развед. батальон майора Линбрунна включал батальон истребителей танков и мотоциклетный батальон;

– Боевая группа полковника Эрхарда Рауса включала танковый полк (239 танков) майора Колля, два батальона мотопехоты, арт. батарею 105-мм пушек (12 орудий), а к моменту маршброска на Лугу ей была придана зенитная батарея из 12-ти 88-мм зенитных орудий;

– Саперный танковый батальон лейтенанта Гебхарта;

– Батальон истребителей танков лейтенанта Венгенрота.²

Итак, немецкие танковые дивизии представляли собой весьма самостоятельные подвижные соединения, способные выполнять многообразные боевые задачи. Благодаря этому момент внезапности продолжал работать и далее.

¹ Исаев, 2011. С. 41.

² ANNEX A: Task Organization to Operation BARBAROSSA (<http://www.2ndbn5thmar.com/history/6thPzDiv1941.pdf>)

Разделение боевых групп между несколькими маршрутами позволяло эффективнее использовать имеющиеся силы. Если одна боевая группа застревала, то продвижение второй и угроза тылу могли заставить противника отходить. Также успешнее наступавшая боевая группа могла нанести удар во фланг и тыл обороне перед фронтом своего соседа.

Время от времени германские генералы выбирали наступление по двум неравноценным маршрутам, с использованием ударной мощи сразу двух дивизий. Именно по такому сценарию была использована 6-я танковая дивизия в первые недели войны с СССР. В ее распоряжении не было крупных шоссе, дивизия двигалась по проселкам.

Группе армий «Север» предстояло пройти около 750 км. Это вполне реальное расстояние для двух-трех недель активных боевых действий хорошо накатанной мощной военной машины.

И поначалу немецкий «блицкриг» развивался согласно планам Верховного главнокомандования вермахта. Территория буферных государств была поглощена в считанные дни. В начале июля немецкие войска уже преодолели и старую границу России, а 9 июля — на девятнадцатый день войны — достигли Пскова. Теперь 520 км были позади, и осталось пройти всего 230. Однако дальше продвижение немецких войск начало на всех направлениях замедляться.

Официальная советская трактовка, представленная в изданной в 70-х гг. XX века Военным издательством Министерства обороны СССР «Истории Второй мировой войны», выглядит следующим образом:

«В середине июля 1941 г. обстановка на фронте для Советской Армии продолжала оставаться неблагоприятной. Боевые действия проходили в 120 км от Ленинграда, в районе Смоленска и на подступах к Киеву <...>.

Большого напряжения достигла борьба на северных и северо-восточных подступах к Ленинграду <...>.

Наступление на Ленинград в середине июля вела немецкая 4-я танковая группа. Ее левофланговый 41-й моторизованный корпус наносил удар по кратчайшему направлению — через Лугу, а другой, 56-й моторкорпус, — в обход с востока через Новгород. На подходе к Лужской линии они встретили упорное сопротивление советских войск. Боевые действия Лужской оперативной группы поддерживала авиация Северного и Северо-Западного фронтов.

Дивизии немецкого 41-го корпуса, не сумев отбросить передовые отряды Лужской оперативной группы, повернули на северо-запад, рассчитывая прорваться к Ленинграду через Кингисепп. Но и здесь попытки врага преодолеть Лужскую линию обороны закончились неудачей. <...>

Таким образом, возросшее сопротивление Советской Армии во второй половине июля сорвало планы немецко-фашистско-

го командования завершить захват Прибалтики и сходу овладеть Ленинградом...»¹

Эта официальная оценка событий представлена и в предисловии к книге Ю. С. Кринова «Лужский рубеж», написанном доктором исторических наук Ю. Перечневым. Согласно ей, немцы стали искать обходные пути, наткнувшись на крепкую оборону, созданную защитниками Ленинграда в районе Луги. Но и на обходных путях у них ничего не получилось. В официальной истории осторожно не сказано о том, что немцев при обходном маневре задержали на рубеже реки Луги 2-я дивизия народного ополчения и курсанты, но и не дается точного определения, почему обходной маневр закончился неудачей.

В нашей историографии всеми возможными средствами создается ощущение, что только героизм и самоотверженность защитников города остановили немцев в июле на дальних подступах к Ленинграду и не позволили им сходу захватить город.

Немецкая сторона с этим не согласна.

Высокая мобильность немецких соединений в июле месяце все еще продолжала приносить плоды. Немецкие механизированные соединения раз за разом форсированными маршами выходили в новые районы сосредоточения и наносили сокрушительные удары. Советская разведка не успевала отслеживать эти перемещения, а советское командование соответственно реагировать на них. Но теперь это происходило уже не в первые дни войны, когда еще вовсю работала порожденная внезапностью нападения «растерянность» личного состава и командования Красной Армии, и носило немного иной характер — характер постоянно запаздывающей реакции. Мобильность немецких соединений воистину была чрезвычайно высока. Никто не ожидал тогда столь быстрого появления вражеских войск на Псковщине.

Представление о тактике действий немецких соединений у наших командиров к этому моменту уже было вполне отчетливым.

Из Докладной записки начальника артиллерии 11 армии генерал-майора артиллерии Соловьева с описанием боевых действий с 22 июня по 9 июля 1941 года:

«4. В результате боевых действий выявлено, что действия противника являлись разрозненными, т. е. небольшими колоннами (подвижными отрядами — мотоциклисты, броневики, мото-пехота и небольшая группа танков). Бой, как правило, завязывают мотоциклисты, в дальнейшем огонь ружейный заменяется губительным минометным огнем (55-мм минометы и меньших калибров). Живая сила — пехота — атаки не принимает и боится этих атак. Массированные действия танков и артиллерии — основа. <...>»

¹ История второй мировой войны 1939–1945. М.: Воениздат, 1975. Т. 4. С. 60–66.

5. По части отхода наших частей еще с границы отрицательно сказался не вооруженный по сути дела отряд строителей, они начали в беспорядке отходить и за ними подверглись панике часть (мало устойчивая) комначсостава и рядового состава кадра. В основном бойцы и командиры дрались с упорством...»¹

Как видим, с упорством дрались бойцы и в Прибалтийской оборонительной операции. И этому в последнее время находится все больше и больше подтверждений. Однако громадный перевес в живой силе и технике делал свое неизбежное дело, фактически сводя на нет самые героические усилия.

Что же случилось после вступления немецких войск на псковскую землю?

Только ли возросли сопротивление войск Красной Армии и мощь оборонительных сооружений? Вряд ли. Официальная трактовка слаба уже в том отношении, что в событиях такого размаха никогда не следует объяснять что-либо какой-то одной причиной, даже если ее определять как главную среди множества других. Ведь там, где сталкиваются интересы двух крупных противоборствующих соединений, такую главную причину как минимум каждая из сторон будет определять, исходя из своих интересов и представлений.

События, происходившие в июле 1941 года между Псковом и Ленинградом, служат отчетливым доказательством этого правила. Здесь даже на первый беглый взгляд выявляется сразу несколько факторов, объясняющих замедление дальнейшего продвижения немецких войск.

Во-первых, продвигавшиеся вперед немецкие войска расходились «веером», все больше увеличивая ширину фронта, а тем самым и ослабляя силу ударных кулаков. При таком растягивании сил ослабление натиска происходит неизбежно, и мы увидим в дальнейшем, что это также может претендовать на роль главной причины.

Во-вторых, перестал работать в полную силу фактор внезапности, что тоже немаловажно во всех военных кампаниях; а это ведет ко все большей уверенности и осмысленности в действиях обороняющихся. Недаром Гальдер в своем дневнике все чаще начинает отмечать, что «продвижение вперед замедлилось» и, как правило, добавляет самоуспокоительное — «из-за плохих дорог», что уже является явным лукавством, поскольку именно мобильность и оперативность продвигавшихся вместе с передовыми танковыми группами инженерных войск была одним из величайших достижений в организации немцами этой военной кампании. Кстати, этот «колыбельный припев» Гальдера указывает на то, что во всяком событии есть не только действительные причины тех или иных действий, но еще и выступающие в роли причин их *объяснения*. Такие объяснения только сбивают с толку и ничему не учат, поэтому нам и следует разобраться в про-

¹ 1941 год. Страна в огне. С. 120.

исходивших тогда событиях как можно более беспристрастно, чтобы не подменить причин их объяснениями.

Мало ли кто что чем объясняет — нам надо понять действительные причины.

В поисках же действительных причин не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что сражения все более и более начинали разворачиваться на собственно русских территориях. Ведь если мы посмотрим на карту современной России, то увидим, что немцам тогда удалось занять не так уж и много исконно русских территорий.

Теперь присмотримся к происходившему между Псковом и Ленинградом более пристально, чтобы отчетливее понять, а, может быть, даже и прочувствовать, что именно случилось, и почему именно случилось так, а не иначе.

И для начала отметим исходные позиции интересующего нас прежде всего в группе армий «Север» соединения — 6-й танковой дивизии.

Согласно Боевому дневнику, 6-я танковая дивизия немцев в этот день находилась перед Болдино.¹ Здесь имеется в виду не знаменитое село, а деревня километрах в 50 севернее.

Боевая группа Рауса при содействии 269 пехотной дивизии к 8-ми утра захватила мост и обеспечивала продвижение основных сил дивизии.

К 11-ти утра дивизия уже прошла Болдино и находилась в 2-х километрах юго-восточнее. Затем к 11.30 боевая группа Коэля вышла к дороге Псков—Порхов, до которой чуть более 5 километров. Здесь немцы натолкнулись на упорное сопротивление и плотный артиллерийский заслон. Развернулось сражение за важный в стратегическом значении перекресток дорог.

Боевая группа Зекендорфа, совершавшая обходной маневр, потеряла от огня нашей артиллерии два танка, и немцы приостановили наступление до подхода 90-й пехотной дивизии.

Погода в этот день была жаркой, до 32 градусов. Дивизия потеряла 15 человек убитыми и 13 было ранено.

Ленинград. Штаб Северного фронта

Маркиан Михайлович Попов, генерал-лейтенант, командующий войсками фронта:

«За высокими окнами, скрытыми плотными светомаскировочными шторами, отступала короткая июльская ночь.

Начальник штаба фронта генерал Д. Н. Никишев, член Военного совета корпусной комиссар Н. Н. Клементьев, командующий Лужской

¹ NARA, t 315, r 323, f 073.

оперативной группой генерал К. П. Пядышев и я подытоживали дела за минувшие сутки.

Обсудили положение на севере, и вновь разговор пошел о событиях на псковском направлении. Под ударами сильных танковых группировок противника войска Северо-Западного фронта, измотанные в приграничных сражениях, с тяжелыми боями отходили на восток.

Несколько дней назад Ставка усилила нашего соседа свежим 41-м стрелковым корпусом. И нас интересовало, сумеет ли командующий Северо-Западным фронтом генерал Ф. И. Кузнецов восстановить положение под Псковом.

Еще и еще анализируем оперативную карту. Хочется точнее предусмотреть возможные варианты развития боевых действий. Где, какими силами противник будет наносить главный удар? От Финского залива по берегам рек Луга, Мшага и Шелонь до озера Ильмень на карте красная ниточка — Лужская оборонительная позиция. Почти 250 километров. Рубеж, на котором мы должны остановить врага.

А сил мало. Под Кингисеппом, на правом фланге, пока лишь 194-я стрелковая дивизия и Ленинградское пехотное училище имени С. М. Кирова. У курсантов на 18-километровом фронте только пять орудий. Сверхголодная норма. Спрашиваю у начальника штаба, решил ли генерал Свиридов вопрос об усилении кировцев артиллерией? Он отвечает, что начальник артиллерии фронта обещал выделить один дивизион из 1-го Ленинградского артиллерийского училища.

Под Лугой, на Псковском шоссе, заняла позиции 177-я стрелковая дивизия полковника Машошина, усиленная артиллерийской группой полковника Одинцова. Обоих командиров знаю. Толковые, энергичные люди, с богатым опытом.

Комдив 177-й, не теряя времени, выдвинул один стрелковый полк в предполье на рубеж реки Плюссы. Это довольно сильный заслон, прикрывающий главную полосу обороны Лужской позиции.

А что на левом фланге? Где 70-я стрелковая дивизия? Позавчера мы вернули ее с псковского направления. На вопрос отвечает генерал Пядышев:

– 70-я выходит в район Медведя и заполнит промежуток между 1-й дивизией народного ополчения и 1-й горнострелковой бригадой...

А сколько у нас останется еще не занятых войсками промежутков, открытых флангов?! И снова кроим-перекраиваем, ищем, откуда можно взять хотя бы батальон.

С сортавальского направления сняли 237-ю стрелковую дивизию и из 10-го мехкорпуса взяли две танковые дивизии – 21-ю и 24-ю.

Итак, реально четыре стрелковые и две танковые дивизии. Есть надежда, что подойдут еще две дивизии народного ополчения.

Не ошиблись ли мы, полагая, что противник пойдет на Лугу? А если ударит на флангах? И все же я почему-то уверен: фон Лееб должен пойти на Лугу. Ведь это кратчайший путь до Ленинграда.

Генерал Пядышев отправляется к себе. Еще раз напомнил Константину Павловичу, что Лугу надо держать всеми силами. Она — ключ к Ленинграду!

Телефонный звонок из Москвы. Говорит Василевский:

— Немцы взяли Псков! Слышите, немцы взяли Псков...

Василевский повесил трубку. Я взглянул на товарищей. Они, видимо, уловили, что речь шла о чем-то чрезвычайном.

— Псков пал. Немедленно звоните Пядышеву.

— Он, вероятно, еще не доехал,— заметил Никишев.

— Каупфельдту, Краснопевцеву, Крылову, Машошину. Всем быть в боевой готовности!

Да, сообщение не из приятных. Инженерные работы еще не закончены, хотя на строительстве оборонительных сооружений день и ночь трудятся десятки тысяч ленинградцев. Не накопили еще нужного количества вооружения и боеприпасов. Дивизии народного ополчения, новые артполки еще только развертываются. Словом, падение Пскова поставило нас в тяжелые условия.

Звоню Андрею Александровичу Жданову. С первого дня войны мы, командование фронта, работаем в полном контакте с Ленинградской партийной организацией.

Трудно переоценить ту помощь, которую получаем от областного и городского комитетов партии. Радует четкость, оперативность в решении любых задач. Примером служат товарищи А. А. Жданов и А. А. Кузнецов.

Жданов выслушал мой доклад. Несколько минут в трубке было слышно его астматическое дыхание.

— Что ж, товарищ Попов, будем драться! В Ленинграде им не бывать...»¹

¹ Кринов. С. 15–18.

НАЧАЛО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Лужский оборонительный рубеж

Создание Лужского оборонительного рубежа (ЛОР) фактически началось 23 июня 1941 года, ибо проводившиеся там до этого работы носили чисто подготовительный характер геодезического обследования местности.

Распоряжение о начале работ по созданию дополнительного рубежа обороны на псковском направлении в районе Луги было отдано командующим Ленинградского военного округа генерал-лейтенантом М. М. Поповым,¹ по совету заместителя наркома обороны генерала армии К. А. Мерецкова. Работами руководил генерал-лейтенант К. П. Пядышев.

Уже на второй день войны, несмотря на то что линия фронта находилась очень далеко от Ленинграда, начались рекогносцировки позиций, составивших вскоре Лужский оборонительный рубеж. Чрезвычайно интенсивная работа шла одновременно по многим направлениям: планирование, подготовка к строительству, формирование строительных подразделений и многое другое.

25 июня силами воинских частей были начаты строительные работы. Только на устройстве заграждений были заняты пять саперных, один инженерный, два понтонных и восемь строительных батальонов.

Помимо строительства оборонительного рубежа инженерные части и подразделения действовали в отрядах заграждения, которые были созданы командованием Северного фронта с целью выиграть время на подготовку обороны на Лужском рубеже и направлены главным образом на шоссе Луга—Псков.

Для невиданного по размахам строительства требовалось мобилизовать все возможные и невозможные ресурсы: были задействованы многие гражданские строительные организации. 27 июня к ним подключается не только местное население, но и жители Ленинграда. Например, известно, что из Ленинграда прибыло 60 тысяч человек.

Оборонительные сооружения Лужского рубежа строились руками в основном женщин и подростков (мужчины уходили в армию и ополчение). В общей сложности в строительстве оборонительных

¹ С 24. 7. 1941 г. М. М. Попов стал командующим Северного фронта.

сооружений приняло участие свыше полумиллиона человек гражданского населения.

Для руководства оборонительными работами 28 июня 1941 года было сформировано Управление строительства № 1, которое возглавил старший преподаватель фортификации Военно-инженерного училища майор М. М. Зязин. Общее руководство и планирование работ осуществлялось Инженерным управлением Северного фронта, возглавляемым Б. В. Бычевским.

Лужский оборонительный рубеж состоял из двух полос обороны протяженностью около 250 км и глубиной 10–12 км. Перед передним краем и в глубине обороны устанавливались мины, выкапывались противотанковые рвы, устраивались лесные завалы, производилось искусственное заболачивание местности. Основная линия Лужского оборонительного рубежа, в состав которого вошли и позиции Кингисеппского укрепрайона, правым флангом упиралась в берег Финского залива и шла по берегам реки Луги до озера Ильмень полукольцом охватывая Ленинград с запада и юго-запада по реке Луге, и от ее верховий через болота и по рекам Мшага и Шелонь.

В большинстве своем фортификационные сооружения этого рубежа относились к полевым и временным типам. Одновременно было создано немало капитальных построек: бутобетонные, бутовые пулеметные и орудийные ДОТы, сборные железобетонные огневые точки и многое другое. Следует особо отметить большое число орудийных казематированных сооружений.

10 7. 1941 — четверг

Накануне, 9 июля, немцы захватили старинный русский город Псков, а в этот день — девятнадцатый день войны — ускоренными темпами продвигавшийся вперед враг, не собираясь давать нам передышку, рванул к Ленинграду!

Подступы к северным территориям России прикрывали Северный и Северо-Западный фронты. Северный фронт был создан 24 июня 1941 года и прикрывал территорию Кольского полуострова и Карелии, защищая Ленинград с севера. Фронтом командовал генерал-лейтенант М. М. Попов, начальником штаба был генерал-майор Д. Н. Никишев. Северо-Западный фронт, созданный на базе Прибалтийского особого военного округа, с началом войны вел бои на территории Прибалтики. 2 июля немецкие войска нанесли удар в стык его 8-й и 27-й армий и прорвались в направлении Острова и Пскова. За неумелое управление войсками командование Северо-Западного фронта в полном составе было снято со своих постов. С 4 июля в командование фронтом вступил генерал-лейтенант П. П. Собенников. Членом военного совета был назначен корпусной комиссар В. Н. Богаткин, а начальником штаба стал генерал Н. Ф. Ватугин — заме-

ститель начальника Генерального штаба, находившийся на фронте с 22 июня 1941 года.¹

Вражеская экспансия осуществлялась по уже отработанной схеме — основной удар наносился по центру, а с левого и правого флангов проводились вспомогательные удары, в перспективе имевшие целью обход одним из флангов центрального сектора обороны противника с последующим взятием противостоящих сил в кольцо. Так было и на этот раз. Центральная группа немецких войск устремилась по прямой дороге Псков—Луга (кратчайшему пути к Ленинграду), часть войск устремилась в направлении Гдова и далее к Кингисеппу, а другая часть — на Новгород.

8 июля 1941 года главное командование германских вооруженных сил поставило войскам группы армий «Север» следующую задачу: продолжать стремительное наступление на ленинградском направлении, разгромить войска Северо-Западного и Северного фронтов, отрезать во взаимодействии с финской армией Ленинград с востока и юго-востока от остальной территории СССР и уничтожить город. Финская армия, реализуя элементы плана «Голубой песец»,² получила задачу перейти 10 июля в наступление на Онежско-Ладожском и Карельском перешейках. Таким образом, с самого начала битвы за Ленинград приоритетное направление удара в группе армий «Север» предполагалось на правом фланге с первоочередной задачей перерезать дорогу Москва—Ленинград и тем самым отсечь от Москвы северную столицу.

В этих условиях главная задача советских войск на данном театре военных действий состояла в том, чтобы не допустить прорыва противника к Ленинграду и Новгороду, а также прикрыть Таллин, являвшийся главной базой Балтийского флота.

Потеря Ленинграда могла резко ухудшить положение советских вооруженных сил не только на северо-западном направлении, но и на всем советско-германском фронте. В этот период Государственный комитет обороны (ГКО) издал распоряжение о реорганизации в управлении фронтами. Кроме командований Западного и Юго-Западного направлений, для объединения усилий вооруженных сил по обороне Ленинграда Ставка Верховного главнокомандования (преобразованная из Ставки главного командования) директивой от 10 июля создала главное командование Северо-Западного направления во главе с Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым, с подчинением ему Северо-Западного и Северного фронтов, а также Балтийского и Северного флотов. Начальником штаба направления стал генерал-майор М. В. Захаров, а членом Военного совета А. А. Жданов. Одно-

¹ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. М.: Библиотека / Мосгорархив, 1995. Кн. 1. С. 118.

² *Thomas L. Jentz. Panzertruppen 1942–1945. Schiffer Military History, 1996. P. 43–44.*

временно войскам Северо-Западного направления была поставлена задача: активной и упорной обороной не допустить прорыва противника к Ленинграду и коммуникациям, связывающим этот город со страной, прикрыв в то же время частью сил главную базу Балтийского флота — Таллин.

В Эстонии продолжала сражаться 8-я армия. На правом фланге Ленинградского фронта наседавших немцев сдерживала 118 стрелковая дивизия, с боями отходившая на Гдов. На этом направлении в Кингисеппе уже был выставлен заслон, там заняла оборону 191 стрелковая дивизия.

Сдерживали наступление немцев, отходя от рубежа к рубежу вдоль Новгородского шоссе, наши 70-я стрелковая дивизия и остатки 3-й танковой дивизии 1-го мехкорпуса. В составе дивизии оставался только 6-й танковый полк (27 танков), 5-й танковый полк действовал отдельно. Именно сюда в этот день и устремился 56-й моторизованный корпус Манштейна, основу ударного кулака которого составляли 8-я танковая и 3-я моторизованная дивизии. Поддерживала прорыв 290-я пехотная дивизия. В резерв придавались моторизованная дивизия СС «Мертвая голова» и две дивизии 16-й армии. Сила очень внушительная.

Несмотря на то что главный удар немецких войск был нацелен на Новгород, а бои в этот день происходили в основном на территории Псковской области, 10 июля считается днем начала битвы за Ленинград. Именно в этот день впервые вступила в бой против прорвавшейся немецкой танковой группы 177-я стрелковая дивизия, которая по распоряжению командующего Лужской оперативной группой (ЛОГ) генерал-лейтенанта К. П. Пядышева заняла оборонительные позиции в предполье Лужского рубежа обороны — между Псковом и Лугой. Дивизия представляла собой полноценное свежее боевое соединение, возглавляемое решительным и опытным командиром-орденоносцем полковником Андреем Федоровичем Машошиным. Начальником штаба дивизии был также опытный военный Иван Семенович Павлов.

Дивизии была придана переброшенная из-под Кандалакши 24-я танковая дивизия, а также значительное количество артиллерии (до 150 орудий разных калибров) под руководством опытных артиллерийских офицеров.

Для прикрытия войск группы с воздуха привлекалась авиация всего Северного фронта под командованием генерал-майора авиации А. А. Новикова.

10 июля три немецких дивизии, две танковые (1-я и 6-я) и 36-я моторизованная 41-го моторизованного корпуса 4-й танковой группы немецких войск при поддержке авиации сначала нанесли удар севернее Пскова по частям 118-й стрелковой дивизии. Вынудив ее отойти к Гдову, они устремились на Лугу. Через день немцы достигли

реки Плюсса и уже вплотную завязали бои с войсками прикрытия Лужской оперативной группы.

Командный пункт 177-й стрелковой дивизии находился около Луги в парке на Лангиной горе. Оттуда и поступали все приказы на передовую. На рубеж Плюсса были выдвинуты 483-й полк и 710-й гаубичный артиллерийский полк. В их задачу входило прикрытие Киевского шоссе и железной дороги. Другие полки 177-й дивизии заняли оборону южнее Луги по линии Корпово—Бараново—Раковичи—Наволоч; 486-й полк закрепился правее шоссе, на участке Лесково—Ильжо; слева от дороги до Черемнецкого озера стоял 502-й полк. Здесь же развернули боевые порядки 706-й артиллерийский полк и 49-й танковый полк 24-й танковой дивизии.

В первое боевое соприкосновение с 41-м моторизованным корпусом немцев 177-я дивизия А. Ф. Машошина вступила утром 10 июля на реке Плюсса Псковской области. К ней присоединились остатки дивизий, отступавших от Струг Красных.

10 июля 1-я и 6-я танковые дивизии 4-й танковой группы, за которыми во втором эшелоне следовала 36-я моторизованная и 269-я пехотная дивизии, начали быстрое продвижение от Пскова.

1-я танковая дивизия вермахта продвигалась по шоссе Псков—Луга, 6-я танковая дивизия двигалась параллельно через Порховский район: Лопатово—Ямкино на Павы.

Во второй половине дня, после того как все боевые подразделения боевой группы Вестхофена — авангарда 1-й танковой дивизии вермахта — проехали перекресток на д. Углы, бойцы 111-й стрелковой дивизии, не имевшие тяжелого вооружения, неожиданно атаковали следовавшие за ними моторизованные колонны. Основные силы группы Вестхофена пришлось разворачивать и организовывать контрудар в направлении обратном движению. К 17:00 остатки подразделений 111-й стрелковой дивизии были разбиты и отступили.

Начальник штаба дивизии Сорокин вспоминал: «Дивизия, организовав оборону на рубеже 30 километров северо-восточнее Пскова, 10 июля 1941 года под сильным нажимом противника была вынуждена отойти в направлении Луги. Командир дивизии полковник И. М. Иванов, находясь во время отхода дивизии с одним из батальонов 532-го стрелкового полка, оказался отрезанным от дороги Псков—Луга и вместе с батальоном передвигался лесом параллельно дороге. Впоследствии этот батальон соединился с частями дивизии, но тов. Иванов не вернулся»¹

Данный батальон возле д. Мараморка Псковского района оказался застигнутым врасплох превосходящими по численности и вооружению наступающими частями танковой дивизии вермахта. Красно-

¹ Из материала, подготовленного Алексеем Федоровым (Поисковый отряд «ПОИСК») (<http://sledpantera.ru/page/111/>).

армейцы под командованием полковника Ивана Михайловича Иванова приняли неравный бой, в котором погибло около 40 человек, в том числе и командир дивизии. Остатки батальона отступили. Хоронили погибших уже местные жители.

Где же в этот день находилась 6-я танковая дивизия? Проследим ее путь за несколько последних дней.

Раус: «Полученный нами приказ на 8 июля требовал лишь незначительного продвижения в направлении Порхова, чтобы в дальнейшем наступать на север. Вероятно, генерал Рейнхардт принял такое решение, чтобы передвинуть 6-ю танковую дивизию ближе к 1-й танковой, а также потому, что LVI танковый корпус перемещался в район Порхова.

Выполнение этого приказа требовало синхронных действий всей дивизии. Справа боевая группа „Раус“ встретила только слабое сопротивление, когда наш авангард подошел к Славковицам. Левый фланг должна была обеспечить 269-я пехотная дивизия, однако она не прибыла вовремя, поэтому мы были вынуждены перейти к обороне, чтобы отразить сильные контратаки русских танков. Несмотря на это давление, мы удержали всю занятую территорию. Тем временем боевая группа „фон Зекендорф“ с боем продвигалась на север и сумела захватить плацдарм на реке Черекла,¹ к северу от города Осиповец. Ночью 8/9 июля боевая группа „Раус“ была переброшена на этот плацдарм.

После того как 6-я танковая дивизия пересекла железную дорогу, связывающую Псков и Порхов, она снова повернула на восток. Во главе наступления снова шли наши две боевые группы. Боевая группа „Раус“, наступающая севернее, быстро добилась успеха и заняла Загоску, повернув на восток через Лопатово. Находившаяся южнее боевая группа „фон Зекендорф“ прошла высоту 148 и лишь после этого встретила сопротивление русских. К вечеру темп наступления дивизии замедлился, так как она столкнулась с большими силами пехоты, поддержанной танками. Русские решили удержать дорожный треугольник в Ямкино. Генерал Ландграф решил, что эту атаку тоже следует подготовить более тщательно».²

Из Боевого дневника дивизии следует, что 19 июля она все еще находилась в районе деревни Болдино. Дивизионная разведка всю ночь выясняла окружающую обстановку, добираясь вплоть до Ямкино. В результате разведки было принято решение в 7.00 провести рейд Боевой группы Колля на Большое Загорье. К этому времени разрушенный нашей авиацией мост севернее Болдино был восстановлен немецкими саперами.

¹ Река Череха.

² Раус. С. 90–91.

В районе Ямкино разведка отметила угрозу флангу в виде двух сверхтяжелых танков, а с другого фланга — даже трех. Поскольку в дивизии не имелось 88-мм зениток, действовали против этих танков все имеющиеся в наличии средства. К полудню оба танка, находящиеся справа у Ямкино были расстреляны 105-мм пушками дивизионной батареи. Оставшиеся три из-за тумана не обстреливались. Но под прикрытием того же тумана немцы подтащили к ним 105-мм пушки на расстояние прямого выстрела.

Кроме этих танков в радиусе 10-ти километров немцы не обнаружили никаких других наших войск. В этом была несомненная слабость нашего прикрытия. Танки, не обеспеченные поддержкой пехоты, сплошь и рядом оказывались в эти дни и недели беспомощными мишенями для немецкой артиллерии.

Впрочем, на этот раз наши удара не проспали; когда к 8.00 туман рассеялся, немецкие артиллеристы не обнаружили наших сверхтяжелых танков.

Любопытно, что Раус рассказывает об этом несколько иначе.

Раус: «Короче говоря, 10 июля 6-я танковая дивизия впервые после перехода границы потерпела тактическую неудачу. Атака против дорожного треугольника Ямкино не привела к успеху. Противник умело и упорно сопротивлялся, укрываясь в лесах, и наносил контрудары при поддержке танков. Однако главной причиной приостановки наступления стало появление тяжелых русских танков, которые мы встретили впервые после Расейная. Эти танки стали появляться все чаще, так как завод, выпускающий их, находился под Ленинградом. Возле Ямкино русские очень умело использовали KV-1 в качестве „самоходных дотов“. Каждый 52-тонный танк сопровождали 2–3 легких танка и взвод пехоты, главной задачей которых было обеспечение безопасности тяжелого танка. Поэтому наши штурмовые отряды просто не могли подобраться к KV и были вынуждены сражаться на большом расстоянии.

В Ямкино 6-я танковая дивизия не имела 88-мм зениток, так как штаб XLI корпуса накануне забрал приданные нам батареи, несмотря на протесты генерала Ландграфа. Поэтому нам пришлось начать эксперименты прямо под огнем противника, чтобы найти хоть какой-то способ уничтожить эти „52-тонные доты“. 76-й танковый артиллерийский полк использовал 100-мм орудия на прямой наводке, хотя передвигать их было очень тяжело. Наши саперы безуспешно попытались повторить свой успех под Балтиновой, используя тяжелые реактивные минометы. 41-й батальон истребителей танков майора Ремхильда даже обстрелял KV-1 из 50-мм пушек. (После Расейная мы решили, что при самых благоприятных условиях эти пушки с близкого расстояния все-таки могут пробить броню 52-тонного танка. Пробоина получалась диаметром с карандаш.) С помощью этих мер нам удалось

заставить тяжелые танки несколько раз сменить позицию, но подбить ни один из них мы не сумели.

Решение генерала Ландграффа приостановить наступление и попытаться обойти Ямкино не повлияло на результат операции. Более того, оно в некоторых отношениях оказалось удачным...»¹

По поводу немецких 50-мм пушек здесь следует отметить следующее. Они в основном были беспомощны против наших танков, и немцы сами называли их колотушками.

Вот свидетельство о тех днях немецкого солдата: «Русские, знакомые с непросматриваемой местностью, показали здесь свое умение воевать изощренными способами. Они применяли свои танки там, где с учетом всего опыта войны это считалось до сих пор невозможным. Бронейстой наших противотанковых орудий была недостаточна для того, чтобы колоть броню тяжелых танков. В лексику солдат вошло понятие „Heeresanklopfgerätes“».² Последнее слово, имеющее в виду противотанковые пушки немцев, можно приблизительно перевести как «войсковые колотушки».

Однако к двум этим свидетельствам (Эрхарда Рауса и Хельмута Рэмхилда) здесь следует добавить замечание нашего замечательного артиллериста, командовавшего на Лужском рубеже артиллерийской группой Г. Ф. Одинцова.

«В 1941 г. наши танки от ударов этих снарядов загорались. Тогда думали, что у немцев имеются „термитные“ снаряды. Когда наступая, мы захватили эти снаряды, то оказалось, что они являются подкалиберными с вольфрамовым сердечником, который пробивал броню танка, а внутри его раскаленными осколками вызывал пожар. Подкалиберным он был назван потому, что сердечник был меньше, чем калибр снаряда».³

Что же касается трех наших исчезнувших на рассвете сверхтяжелых танков, скорее всего, это были танки лейтенанта Кайтукова, действовавшие отдельным самостоятельным подразделением.

«В первые же дни боев в 24-й танковой дивизии появились танки КВ. Каким образом это произошло, видно из датированного 13-го июля документа, направленного начальнику штаба Северного фронта, копия начальнику АБТУ Северного фронта: „В районе Николаево во взаимодействии со стрелковыми частями 41 ск действует 3 танка «КВ». В какую часть эти танки входят, никто не знает. Командует этими тремя танками лейтенант Кайтуков. С начала войны эти танки участвуют в боях, отработав по 60 часов без осмотра мат. части. Танки требуют хозяина и ремонта. Поэтому я решил 3 танка «КВ»

¹ Раус. С. 90–91.

² Römhild H. Geschichte der 269. Infanterie-Division. Podzun-Verlag, Bad Nauheim, Dornheim, 1967. S. 126.

³ Оборона Ленинграда. С. 105 (прим.)

с экипажем (под командой лейтенанта Кайтукова) подчинить себе и просить Вас утвердить мое решение. Для приведения их в порядок прошу из Кировского завода в район 24 тд выслать бригаду для ремонта. Танки 12. 7. 41 были заправлены специально высланным для этой цели горючим. Командир 10 мк генерал-майор Лазарев“».¹

В этот день, не ведя, согласно Боевому дневнику, никаких особо серьезных боев, 6-я танковая дивизия потеряла 6 человек убитыми, 8 были ранены и двое пропали без вести. Возможно, нашим удалось взять языка.

Одной из главных трудностей обеих танковых дивизий было отмечено отсутствие в этих местах асфальтовых дорог.

Дивизия оставалась на высоте 102.²

Как видим, в отличие от 1-й танковой дивизии, 6-я в этот день занимала в основном выжидательную позицию.

Однако общее немецкое наступление развивалось согласно ранее разработанному плану.

В немецких штабах

Фон Лееб: «...11.40. 4-я танковая группа намерена повернуть 56-й моторизованный корпус (дивизия СС «Мертвая голова») и 8-ю танковую дивизию на Остров, так как на прежнем направлении у них имеются значительные трудности. Трасса Опочка—Остров должна быть закрыта на двое суток для продвижения колонн 10-го армейского корпуса. Это предложение отклонено. 10-й корпус должен продолжать наступление. Командиры 10-го армейского и 56-го моторизованного корпусов на месте согласуют свои действия. 4-я танковая группа намерена как можно быстрее оставить Псков, чтобы дать возможность разместиться в нем соединениям 18-й армии. Ей предписано ускорить продвижение подвижных подразделений».³

Гальдер удовлетворенно записал в этот день в своем дневнике: «Финны перешли в наступление...»⁴

И дальше:

«Группа армий „Север“. Сопротивление противника перед северным фронтом 41-го моторизованного корпуса усилилось. В остальной операции развиваются согласно плану <...>».

План остается прежним: наступление на Ленинград и к портам Эстонии...»⁵

¹ Хомяков И. История 24-й танковой дивизии. Рукопись.

² Возможно, имеется в виду высота 103, которая находится как раз между Болдино и Ямкино в 5 км южнее Большого Загорья около Коконопова.

³ Лебедев. С. 63.

⁴ Гальдер, 2007. С. 69.

⁵ Лебедев. С. 64.

Фон Лееб: «Обстановка на вечер 10 июля: 16-я армия встречает постоянное сопротивление противника, поэтому повсеместно ведет бои. 4-я танковая группа овладела городом Порхов, подтягивает дивизию СС „Мертвая голова“ от Опочки и 8-ю танковую дивизию через Остров».¹

Ленинград. Штаб Северного фронта

Александр Александрович Новиков, главком ВВС Северного фронта:

«Еще до падения Пскова ОКВ (верховное главное командование вермахта) на совещании 8 июля обязало группу армий „Север“ быстрее покончить с Ленинградом. С этой целью войска фон Лееба было решено усилить 3-й танковой группой, но переброска ее на ленинградское направление намечалась после выхода войск группы армий „Центр“ в район восточнее Смоленска.

Согласно этому замыслу план наступления группы армий „Север“ на вторую и третью декады июля был такой. Правофланговая 16-я полевая армия наносит поражение нашей 27-й армии и выходит на рубеж Великие Луки—Холм—Старая Русса. 4-я танковая группа правофланговыми соединениями захватывает Порхов, Новгород и Чудово, перерезает Октябрьскую железную дорогу и обходит Ленинград с юго-востока, а левофланговыми соединениями наступает на Лугу и сходу врывается в Ленинград. Основные силы 18-й полевой армии, находившейся во втором эшелоне, развертываются севернее Пскова, подвигаются вдоль восточного берега Псковского и Чудского озер и овладевают Нарвой. Ее левофланговые войска захватывают Эстонию и по южному побережью Финского залива выходят в район Нарвы. Одновременно с гитлеровскими войсками действуют и финские. Карельская армия, наступавшая на петрозаводском и олонекском направлениях, отбрасывает нашу 7-ю армию на рубеж реки Свирь. Юго-восточная армия, развернутая на Карельском перешейке, врывается в Ленинград с севера. <...>

Стремясь извлечь как можно больше выгод из ситуации, гитлеровцы сразу же после захвата Пскова утром 10 июля повели наступление во всей полосе действий 4-й танковой группы и 16-й армии — от Идрицы до Псковского озера. Основной удар враг нанес на Лугу и Новгород.

На Лугу двинулся 41-й моторизованный корпус в составе четырех полнокровных дивизий — двух танковых, моторизованной и пехотной. Под ударом его наша 118-я стрелковая дивизия была отброшена на северо-запад к Гдову. Дорога на Лугу оказалась неприкрытой, и подвижные части врага устремились на север. Переброшенная сюда

¹ Лебедев. С. 64.

90-я стрелковая дивизия в районе Струги Красные, Лудони попала под сосредоточенный удар танков и авиации противника и отошла назад. <...>

До 10 июля основная масса авиации, действовавшей на юго-западе от Ленинграда, помогала войскам Северо-Западного фронта сдерживать врага на рубеже реки Великой. Экипажи 2-й и 41-й бад непрерывно бомбили соединения 4-й танковой группы. В это время резко ухудшилась погода — несколько дней весьма сплошная низкая облачность, часто шли дожди. Непогода сильно мешала бомбардировщикам, и они летали на задания в одиночку или парами и бомбили боевые порядки и колонны противника с небольшой высоты. Наши потери от огня зенитной артиллерии неприятеля были весьма значительны. За шесть суток дивизии П. П. Архангельского и И. Я. Новикова лишились 60 самолетов. Однако большинство экипажей уцелело и вернулось в свои части. Но и враг понес весьма ощутимый урон. За неделю на противника было сброшено 4 тысячи бомб. Действия ленинградских летчиков были столь эффективны, что 10 июля штаб группы армий „Север“ вынужден был донести в Берлин о больших потерях в 1-й танковой дивизии от ударов нашей авиации.

Непрерывные бомбардировки танков и мотопехоты сильно тормозили продвижение фашистов, мешали развитию успеха. Поддерживаемые авиацией, наши бойцы и командиры сражались с еще большим упорством и героизмом. Тогда, чтобы ослабить наши удары с воздуха, противник часть своих бомбардировочных сил переключил на борьбу с советской авиацией. С 5 по 9 июля немцы совершили серию сильных налетов на основные аэродромы, расположенные в районах Пскова, Луги и Старой Руссы. Однако поставленной цели враг не достиг. Наша авиация, хотя и понесла потери, вызванные в основном чрезвычайной слабостью зенитного прикрытия аэродромов, что было нашим уязвимым местом до конца 1941 г., но ударов своих по противнику не ослабила. В эти дни ленинградские летчики вписали в свой боевой счет еще два тарана. 10 июля таким способом сбили врага командир эскадрильи 161-го иап коммунист старший лейтенант Н. В. Терехин и командир звена 154-го иап комсомолец лейтенант С. А. Титовка. Сергей Титовка повторил подвиг Николая Тотмина — уничтожил самолет лобовым тараном».¹

Борис Владимирович Бычевский, подполковник, начальник Инженерного управления фронта:

«На рассвете 10 июля комбриг Евстигнеев сообщил мне, что неприятель занял Псков, а в сторону Луги лавиной катятся перемешавшиеся войска Северо-Западного фронта.

Не успел я положить телефонную трубку, как меня вызвал командующий фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов:

¹ Новиков. С. 81–82.

— О падении Пскова слышали? Чувствуете, как сразу осложнилась обстановка? Так вот, немедленно отправляйтесь в лужское предполье. Надо во что бы то ни стало ускорить там постановку минных заграждений. Кстати, где у вас рота специального минирования?

— В Красногвардейске, товарищ командующий. В полной готовности. Радиостанция укрыта в парке.

— Радиостанцию держите там, а команду с приборами возьмите с собой. Лично организуйте постановку крупных фугасов в районах Струги Красные, Городище, Николаево. Немецкие танки могут подойти туда завтра.

Я доложил, что в предполье уже поставлено много минных заграждений и меня сильно беспокоит, как бы на них не подорвались войска нашего левого соседа.

Маркиан Михайлович пустил черта в чей-то адрес и резко спросил:

— Мы же сообщили штабу Северо-Западного фронта зоны минирования?

— Сообщили. Но штаб-то у них, по-видимому, не имеет связи со многими отходящими соединениями.

— Тем более вам надо поспешить туда,— подчеркнул командующий.— А я тем временем передам генералу Пядышеву, чтобы он незамедлительно принял все возможные меры предосторожности. <...>

И вот мы уже на шоссе между Псковом и Лутой. Со мной команда минеров и радистов из роты старшего лейтенанта В. С. Яковлева, майор Николай Иванов, лейтенанты Евгений Гуляницкий и Александр Шелков.

Ох, как тяжело уничтожать созданное народом добро! Ощущение этой горечи усиливают картины бедствия на дорогах отступления. Семьи, оставшиеся без крова, горящие дома, плачущие на руках у матерей дети, страдающие от жары и жажды. Тут и там вперемишку с беженцами бредут разрозненные группы бойцов. Нескончаем поток машин, всевозможных тележек. И над всем этим пестрым водоворотом стоит угнетающий гул, в воздухе висит едкая пыль.

Горе людей, гонимых пожаром войны, леденит сердце.

Над шоссе только что пронесся на бреющем полете „мессершмитт“. Пулеметная очередь скосила двух девочек и трех женщин.

Вот-вот вернется с завывающим свистом вражеский истребитель. Измученные люди шарахнутся по канавам, а на шоссе опять останутся лежать несколько бездыханных тел. Мы советуем беженцам уходить с дороги в поле. А сами продолжаем свое дело: взрываем мосты, шоссе, ставим минные поля. Кое-где сохраняем проходы для отступающих войск. Их потом закроют саперы, которых мы здесь оставим.

Взрываемые по радио фугасы в сотни килограммов весом закладываются в местах возможного скопления вражеских войск и техники. Старший лейтенант Владимир Яковлев, высокий, смуглый, угрюмый, проверяет каждый радиоприбор, сам маскирует его.

Минеры молчаливы. Многие из них не так уж давно, в советско-финляндскую войну, в одиночку подползали со взрывчаткой к амбразурам железобетонных дотов. Побывали под пулеметным огнем, пережили гибель друзей. Но то в атаках, во время штурма вражеских укреплений, а здесь приходится взрывать свое народное добро. Временами слышны проклятия и крепкое словцо.

Николай Сергеевич Иванов уже не выглядит добродушным, как несколько дней назад. Глаза его мрачно поблескивают за стеклами очков.

Лейтенант Гуляницкий, плотный коротыш-украинец, которого товарищи зовут просто Женей, отдает саперам резкие, короткие команды.

Встречи наших людей с бойцами, бредущими от Пскова, ограничиваются короткими перебранками:

– А ну, проходи! Раз драпаешь, нечего глаза пялить!

Попытки огрызнуться слабые, больше для виду:

– Ладно, герой! Посмотрим, каков сам будешь перед танком...

Невысокий минер, вытирая пилоткой пот с лица, зло укоряет:

– И куда только прете? Там же Ленинград!

– Сами, что ль, идем? Ведут. На Луге, говорят, рубеж занимать будем.

– Во-во, правильно. Пока вы маршируете, ленинградские женщины окопы для вас роют, руки в кровь рвут. Они вас встретят там лопатой по спине. А ну топай быстрее, пока на свои мины не наполнился!..

К вечеру меня вместе с другими начальниками родов войск вызвали в Ленинград. Командующий собирался на доклад в Смольный к А. А. Жданову и только что прибывшему Главкому Северо-Западного направления К. Е. Ворошилову. Перед этим он хотел уточнить обстановку...¹

Южная окраина города Луги. Лаинга гора. Штаб 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии:

«В начале июля еще теплилась надежда, что враг будет остановлен на подступах к Пскову, на линии Псковско-Островского укрепленного района. Но события последних двух-трех дней внесли в обста-

¹ Бычевский. С. 23–26.

новку изменения. Начальник штаба Лужской оперативной группы полковник Каупфельдт сообщил, что противник обнаружен в Стругах Красных, его отдельные группы движутся по шоссе Псков—Луга. Значит, судьба Ленинграда будет решаться под Лугой. В дивизии это хорошо понимали.

Я посмотрел на карту, мысленно сказал себе: „Встречай, Иван Семенович, свою третью войну. Гражданскую и финскую прошел, теперь всенародную, Отечественную“ — и отправился к командиру дивизии. Андрей Федорович Машошин был, как говорят, в полном боевом.

Обстановку он уже знал, говорил, как обычно, по-командирски четко:

– Предупредите командира 483-го полка и артиллеристов. Немец может выскочить на плечах отступающих.

– Вчера сказал об этом подполковнику Харитонову.

– Напомните! Впрочем, я сам поеду к нему.

В этот день Машошин с утра собирался поехать в 502-й стрелковый полк, где медленно оборудовались позиции. Но обстановка изменилась. И командир переменил решение. Я понимал его: первый бой, первые испытания во многом определяют дальнейшее поведение бойцов и командиров. Выстоят — считай, успех обеспечен и в дальнейшем. Покатятся... Нет, об этом даже страшно подумать. Командир решил быть поближе к переднему краю. Бойцы крепче стоят, храбрее дерутся, когда знают, что командир рядом. Его воля, твердое управление придают войскам силу.

Помимо служебных характеристик с подписями и печатями у бойцов о каждом командире есть еще свои суждения и довольно меткие характеристики, которые передаются из уст в уста. О храбрости Машошина, его крутом нраве, боевом опыте ходили легенды. Он, правда, никогда не распространялся о том, как стал полным георгиевским кавалером в империалистическую, за что награжден орденом Красного Знамени в гражданскую.

Но каждый боец знал эти истории, да с такими подробностями, что Андрей Федорович только руками разводил.

Проводив командива, мы с начальником артиллерии полковником Фоминым, начальником штаба артиллерийского полка АККУКС капитаном Визигиным занялись уточнением вопросов взаимодействия. Наша задача — создать сильный огневой заслон перед главной полосой обороны дивизии. Занятие прервали частые удары в рельс. Со всех сторон неслись возгласы: „Воздух, воздух!“ На город шло около полутора десятков фашистских самолетов. Тихая дачная Луга принимала первый бой...»¹

¹ Кринов. С. 19–21.

Город Луга. Огневые позиции отдельного курсантского зенитного артиллерийского дивизиона

Всеволод Чехович, воентехник 1-го ранга, начальник артвооружения дивизиона:

«Первый массированный налет авиации противника на Лугу был 10 июля. Вначале над городом покружился самолет-разведчик. Командир дивизиона приказал огонь не открывать: сбить самолет мало вероятности, а себя обнаруживать нам невыгодно. Пришлось, стиснув зубы, смотреть, как ползает над нами фашистский шпион.

Вскоре с юга и юго-запада появились „мессершмитты“ и „юнкерсы“. Они шли четким строем, выдерживая интервалы и дистанции между машинами, направляясь в центр города, где находились райком партии, узел связи, вокзал.

– Видал? — спросил я командира батареи 85-миллиметровых пушек старшего лейтенанта К. П. Валиту.

В этот момент расчет прибора управления артиллерийским зенитным огнем — ПУАЗО — выдал данные.

Залп! В июльском светло-синем небе запрыгали, словно мячки, черные облачка разрывов снарядов батареи 85-миллиметровых пушек. Рядом появились белые дымки. Это открыла огонь батарея 76-миллиметровых пушек старшего лейтенанта Д. И. Петина. Присоединила свой голос и батарея 37-миллиметровых пушек. Она стреляла трассирующими снарядами. Вражеским „юнкерсам“ и „мессершмиттам“ стало жарко в лужском небе. Интенсивный огонь курсантского дивизиона разогнал фашистских стервятников, и они, сбрасывая беспорядочно свой смертоносный груз, стремились побыстрее уйти восвояси.

– Товарищ воентехник, смотрите, что выделывают фашисты! — оторвал меня от наблюдения лейтенант Гордеев. — На батарею Петина пикируют...

Из-за домов не просматривались огневые позиции батареи. Но именно в том направлении, словно сорвавшись с крутой горки, один за другим пикировали два Ю-87. Я представил себе, как нелегко теперь курсантам, но они продолжали вести огонь. Ребята не дрогнули, стойко отражали атаку врага. А это был их первый бой:

„Ура! Ура!“ — раздались над огневой радостные возгласы.

Один Ю-87, выходя из пике, потянул за собой черный шлейф дыма и, неуклюже ныряя, удалялся в сторону леса. Это был третий по счету самолет, который подбили курсанты-зенитчики».¹

Также здесь следует поместить воспоминания Рогинского, которые Кринов относит к 13 июля.

¹ Кринов. С. 21–22.

Лужское направление. Район деревни Похонь. Штаб 111-й стрелковой дивизии

Сергей Васильевич Рогинский, подполковник, командир дивизии: «10 июля я с группой командиров прибыл в штаб 41-го стрелкового корпуса. Нам было приказано ознакомиться с обстановкой, принять все самые решительные меры к тому, чтобы остановить отход частей корпуса и закрепиться на выгодном рубеже. К сожалению, сделать это было уже невозможно. Штаб корпуса потерял управление войсками и не знал, где находятся штабы 111-й, 235-й и 90-й дивизий.

Генерал Астанин, помощник командующего Северо-Западным фронтом, приказал мне разыскать 111-ю стрелковую дивизию. Вероятнее всего, она могла находиться в районе Струги Красные. Действительно, здесь мы начали встречать отдельные группы бойцов и даже подразделения дивизии. По указанию генерала Астанина останавливали их, сводили в роты и батальоны, назначали командиров. Бойцы были рады, что наконец-то обрели свои подразделения и получили боевые задачи.

Я заметил, что вышедших из окружения людей не столько угнетало отсутствие питания, сколько неопределенность положения.

Продолжая поиски штаба дивизии, я встретил в районе Щирска¹ заместителя комдива по политчасти полкового комиссара Г. С. Емельяненко и начальника особого отдела дивизии Бойченко. Они раскрыли передо мной весь драматизм обстановки, в которую дивизия попала в боях под Островом и Псковом. Фактически соединение вводилось в бой разрозненными подразделениями без достаточно мощного артиллерийского обеспечения. Люди сражались ожесточенно, до последней возможности.

Командиры и политработники находились в боевых порядках, и многие из них пали на поле боя. В боях под Псковом героически погиб командир дивизии полковник Иванов.

Обсудив с товарищами обстановку, я решил организовать оборону восточнее Лужского шоссе, объединив собранные подразделения в отряд. О своем решении доложил генералу Астанину. Он одобрил действия и приказал принять командование дивизией».²

Документальная строка

«Ленинградцы горячо откликнулись на призыв партии выступить на защиту родного города. К 10 июля в Ленинградскую армию народного ополчения было зачислено около ста тысяч человек.

¹ Имеется в виду дер. Щир.

² Кринов. С. 40–41.

Из донесения начальника отдела политической пропаганды ЛАНО Верховглаза начальнику Управления политической пропаганды Северного фронта: „10 июля 1941 года 1-я дивизия Кировского района выбыла из г. Ленинграда. Последний батальон отгрузился в 1 час. 00 мин. 11.7.41 <...> Настроение бойцов и командиров бодрое и приподнятое. Многие бойцы выражали желание как можно скорее влиться в действующую армию...“¹

Здесь следует сказать о том, что формирование дивизий народного ополчения в Ленинграде было начато с 30 июня на основании решения Ленинградского горкома партии и постановления Военного совета Северного фронта от 27 июня 1941 г. Намечалось создать 15 стрелковых дивизий общей численностью в 200 тысяч человек.

Первая дивизия народного ополчения (1-я ДНО) уже в этот день отправилась на прикрытие новгородского направления.

Нас в нашей истории будет прежде всего интересовать 2-я ДНО.

И здесь самое время поместить основные сведения об этой дивизии.

Но прежде чем это сделать, приведу выдержку из воспоминаний закончившей летом 1941 года медицинский институт в Ленинграде Риммы Ивановны Нератовой.

«Ленинградское ополчение начало создаваться еще в начале июля, называлось оно демократической армией по обороне Ленинграда, но вскоре стало называться по-русски понятно — ополчение. Создавалось ополчение — детище партийных органов — после речи Сталина. Не той, в которой он обратился после начала войны 3-го июля к своим вассалам:

– Дорогие братья и сестры...

В теперешнем обращении Сталин потребовал учреждения ополчения. Прежде всего, московского. И также во всех городах, к которым подступали немцы. Ополчение народное должно своими силами защищать города, сражаться за его пределами на подступах и на баррикадах внутри города и должно, если того потребуют обстоятельства, сражаться за каждый дом! И назвал цифру — количество ополченцев, которых должна дать Москва. Цифра была громадная! Партийные организации Москвы со всей поспешностью стали создавать ополчение с целью во много раз превзойти цифру, названную Сталиным, и выслужиться! Людей хватало на улицах, в учреждениях, не слушали никаких доводов, не считались с протестами. На все был один ответ:

– Товарищ Сталин сказал!

Попробуй — поспорь! В Москве „ударный план“ партийных организаций дал очень высокую цифру „добровольных“ ополченцев.

¹ Кринов. С. 22.

Но мобилизационный план города Москвы был сорван! В военкоматах хватались за голову, но ничего сделать не могли: всех людей призывного возраста (многие ждали повесток из военкоматов со дня на день), на которых падал взор и ложилась рука партийных организаторов ополчения, буквально заматали, отправляли в „казармы“ для ополченцев (часто помещения средних школ с охраной у ворот), чтоб вскоре, иногда даже без всякого обучения, отправить на фронт.

В Ленинграде „добровольное“ вступление в ополчение носило менее трагичный характер и было менее необратимым, чем в Москве. И хотя ленинградцев „добровольно“ записывали в ополчение (у нас все делалось «добровольно» и с «большим энтузиазмом», как только поступал в партийные организации или приказ, или только «нарек» сверху — и никто не осмеливался открыто возражать), не считаясь ни с профессией, часто нужной для военных же нужд, ни с возрастом, ни с состоянием здоровья, но все-таки все происходило менее беспощадно и бездумно...»¹

Я привожу здесь это свидетельство в противовес бравурной «документальной строке» Кринова не затем, чтобы очернить ленинградских ополченцев, телами своими заслонивших распахнутые «ворота Ленинграда». Нет, я верю, большинство из них действительно являлись настоящими добровольцами. Однако люди, жившие при советской власти, прекрасно поймут, о чем именно идет здесь речь. Партийные функционеры своим неумным и порой плакатным рвением подчас не столько способствовали, сколько мешали настоящему проявлению патриотических чувств. Тотальное недоверие к своим гражданам наверняка многих глубоко ранило в те дни, и ситуация — а нука попробуй не пойти добровольцем — скорее лишала людей энтузиазма, чем подогревала его. А кого-то могла и просто оттолкнуть если и не в активную, то хотя бы в пассивную оппозицию. Но это отдельная, больная и далеко не изученная тема.

Фрагмент речи Сталина от 3 июля:

«Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою

¹ *Нератова. С. 32.*

честь, свою Родину в нашей Отечественной войне с германским фашизмом...»¹

2-я дивизия народного ополчения (2-я ДНО)

Это подразделение ведет отсчет своей истории с 4 июля 1941 г., когда военный совет ЛАНО постановил из полков Московского и Ленинского районов создать 2-ю дивизию народного ополчения (2-ю ДНО), а так как она формировалась в основном в Московском районе, назвать ее «Московской».

Дивизия первоначально состояла из 1-го, 2-го и 3-го стрелковых полков, артиллерийского полка, отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона, разведроты, самоходно-артиллерийского полка, отдельной роты связи, медико-санитарного батальона, отдельной роты химзащиты и автотранспортной роты.

Для удобства комплектования полков каждый из них формировался из добровольцев, прикрепленных к ним предприятий и учреждений.

1-й стрелковый полк комплектовался в основном из рабочих, ИТР и служащих завода «Электросила» им. С. М. Кирова и получил название «Электросиловский», хотя туда же вошли трудящиеся других заводов: Карбюраторного, «Красный нефтяник», «Госметр», студенты и преподаватели Институтов холодильной промышленности, ветеринарного и других предприятий района. Для размещения полка отводились общежитие Институтов ветеринарного (Черниговская ул.), холодильной промышленности (Московский пр.) и другие помещения.

2-й стрелковый полк комплектовался на базе обувных предприятий-фабрик «Скороход», «Пролетарская Победа» № 1 и № 2, обувного техникума. Он получил название «Скороходовский». Туда вошли также добровольцы машиностроительного завода им. Егорова, 1-й ГЭС, добровольцы из городов Пушкин, Павловск и Кронштадт. Полк размещался в школах № 7, 11, 12, 15, 16, 23 и 364.

3-й стрелковый полк состоял из добровольцев Ленинского района, работавших на заводах «Красный треугольник», Резино-технических изделий, Шинного завода, «Металлист», завода ПТО им. С. М. Кирова, Пивоваренного завода им. Степана Разина, Гознак, а также преподавателей и студентов институтов Военно-механического и Инженерно-строительного. Под размещение полка были отведены общежития военно-механического института и школ № 17, 18, 25, 30 и 31 Ленинского района.

Более 30 предприятий Московского района участвовали в снаряжении своей дивизии.

¹ 1941 год. Страна в огне. С. 116.

10 июля состоялось собрание командно-политического состава 2-й ДНО.

Командиром дивизии был назначен Герой Советского Союза полковник Н. С. Угрюмов, заместителем командира дивизии по политчасти — полковой комиссар П. И. Балкин, начальником штаба дивизии — полковник В. В. Скворцов.

Командиром 1-го стрелкового полка был назначен майор ветслужбы П. Г. Добряков, заместителем командира полка по политчасти — старший политрук А. С. Константинов.

Командиром 2-го стрелкового полка стал старший техник-лейтенант В. С. Лифанов, заместителем командира полка по политчасти — старший политрук Г. Е. Гродзенчик.

Командиром 3-го стрелкового полка был назначен майор П. П. Бедрицкий, заместителем командира полка по политчасти — полковой комиссар И. П. Хамармер.

Командиром артполка был назначен капитан И. Г. Хачатурян, заместителем командира полка по политчасти — батальонный комиссар А. А. Гусев.

В ближайшие дни предполагалось начать обучение ополченцев.

10 июля севернее Ладожского озера войска финской Карельской армии развернули наступление на Петрозаводск и Олонец. Оборонявшаяся здесь 7-я армия Северного фронта под командованием Ф. Д. Гореленко не смогла отразить наступление противника и начала медленно отходить на восток и юго-восток. Началась оборона Карелии 1941–1944 годов войсками Северного фронта, Северного и Балтийского флотов, Беломорской, Онежской и Ладожской военных флотилий.

10 июля 2-я и 3-я танковые группы 4-й немецкой танковой армии перешли в наступление из района Витебска в сторону Духовщины и из района южнее Орши в общем направлении на Ельню. Одновременно левифланговые соединения 3-й танковой группы развернули наступление с плацдармов на Западной Двине на великолукском направлении, а правифланговые соединения 2-й танковой группы — из района южнее Могилева в сторону Рославля.

Началось Смоленское сражение, продолжавшееся с 10 июля по 10 сентября 1941 года.

10 июля советские 31-й стрелковый, 9-й, 19-й и 22-й механизированные корпуса 5-й армии Юго-Западного фронта нанесли контрудар со стороны Коростенского укрепленного района во фланг 1-й танковой группы и перехватили шоссе Новоград—Волынский—Житомир, затруднив снабжение передовых подразделений 3-го моторизованного корпуса противника.

10 июля советские 15-й и 16-й механизированные корпуса нанесли удары южнее Бердичева по войскам 11-й танковой дивизии и вышли в район Холодки северо-западнее города.

11. 7. 1941 — пятница

Неожиданный поворот

Итак, битва за Ленинград началась.

Немцы были полны энтузиазма. От Восточной Пруссии до реки Луга шестьсот километров, их они уже почти прошли с боями за двадцать дней. От Пскова до Луги — рукой подать. А от Луги до Ленинграда чуть больше ста километров... ударная 1-я танковая дивизия в этот день уже должна подкатить к Плюссе. Конечно же, оставшиеся 150 км будет пройти несколько труднее, поскольку сопротивление наших войск все возрастает. Однако уж за неделю-то это точно удастся сделать. Так что осталось им воевать всего-навсего неделю, ну максимум дней десять. И можно будет предаться триумфу и торжествам.

Однако именно в этот день, двадцатый день войны, все стало складываться для немцев не совсем так.

Раус: «Разведка ночью и утром 11 июля обнаружила, что давление 6-й танковой дивизии и наступление LVI танкового корпуса на Порхов вынудило русских отойти из Ямкино на Боровичи. Боевая группа „Раус“, все еще шедшая во главе 6-й танковой дивизии, повернула из Острова на северо-восток, на Порхов и Дно. <...>

Однако мы не смогли развить наш успех, потому что генералы Эрих Геппнер и Рейнхардт внезапно отдали новые приказы...»¹

Этот неожиданный поворот событий имел чрезвычайно важные последствия. С него следует отсчитывать начало обходного рейда немецких войск. Недаром в книге Рауса именно здесь обрывается третья глава, которая называется «К русской границе», и начинается глава четвертая «У ворот Ленинграда». И начинается она со следующих слов.

«11 июля 6-я танковая дивизия получила приказ генерала Рейнхардта прекратить наступление на восток через Порхов и Дно и помочь 1-й танковой дивизии. Та двигалась по шоссе Ленинград—Псков через Лугу и столкнулась с сильным сопротивлением русских возле Новоселья. Этот приказ стал неприятной неожиданностью для боевой группы „Раус“. Ей предстояло прекратить наступление в прежнем направлении и повернуть на 90 градусов под прямым углом к направлению движения 4-й Танковой Группы. Теперь нам придется дви-

¹ Раус. С. 91-92.

гаться по песчаным и болотистым дорогам, которые с незапамятных времен не использовал ни один автомобиль. Но едва боевая группа „Раус“, шедшая в голове дивизии, повернула на новое направление, как дорога, которая вела к Новоселью (если верить карте), тут же закончилась.

Обитатели жалких избенок, которые были разбросаны там и тут, искренне удивлялись, когда мы просили их провести нас вокруг болота или указать дорогу к деревне, отмеченной на наших устаревших картах где-то на линии наступления. Эти люди не знали названия, под которым была отмечена деревня на наших картах, потому что это название изменилось десятки лет назад. Часто нам приходилось полагаться только на компас и здоровые инстинкты. С помощью проводников и саперов мы шли зигзагом от деревни к деревне по самой лучшей дороге, какую только могли отыскать. Но над первым же болотцем шириной около 10 метров мост рухнул под тяжестью одного из наших легких танков PzKw-35t, и мы застряли на 5 часов, пока саперы лейтенанта Гебхардта не соорудили новый мост.

Где только было возможно, мы избегали дорог, проложенных шедшими впереди частями, иначе машины увязли бы в песке. Колонне пришлось пересечь 12 заболоченных ручьев, и каждый раз мы останавливались, чтобы дождаться, пока саперы укрепят мосты. Впрочем, иногда приходилось просто сооружать новые. Пытаться обойти болотистые участки было напрасным занятием, потому что машины и танки быстро сдирали верхний слой грунта и начинали вязнуть так, что их приходилось вытаскивать другими танками. Очень часто буксировщик тоже начинал тонуть в песке рядом с машиной, которую пытался вытащить. Иногда связанные вместе машины погружались так глубоко, что приходилось использовать самое мощное, что у нас имелось,— 20-тонные полугусеничные тягачи. Перебросить эти огромные машины туда, где они требовались, само по себе представляло сложную проблему. Указанные на карте дороги были настолько узкими, что две машины просто не могли на них разойтись. Командиры метались, как на пожаре, потому что чрезвычайные ситуации возникали то здесь, то там и добираться от одной пробки до другой приходилось пешком.

Чтобы не позволить боевой группе развалиться, я приказал делать остановки через определенные промежутки времени, если это позволяла местность. Одна из таких остановок была сделана в 16 километрах южнее Новоселья, чтобы позволить войскам привести себя в порядок и отдохнуть перед намеченной атакой. Первые машины подошли к месту стоянки в 20.00. В течение прошедшего дня единственным нашим врагом были болота. Последний грузовик появился только в 04.00 на следующее утро. Скорость продвижения не превышала 1,5 км/час. Люди и моторы страдали от нехватки воды, солдаты были измучены палящим летним солнцем. По радио я известил штаб

дивизии о сложившихся условиях, и боевая группа „фон Зекендорф“ была направлена по другому маршруту. Затянувшееся на целый день бархатанье в болоте было вызвано отсутствием точных карт и нехваткой инженерной техники. В результате мы не смогли атаковать Новоселье 11 июля, как намечалось».¹

Здесь следует особо отметить, что совершить поворот 6-й танковой дивизии пришлось именно из-за того, что 1-я танковая дивизия немцев наткнулась на серьезное сопротивление под Новосельем и запросила помощи.

При работе над книгой Раус явно пользовался Боевым дневником 6-й танковой дивизии, так как он был захвачен американцами вместе с массой других военных немецких документов.² Соответственно у нас нет необходимости проверять точность изложения в отношении времени и дат. Можно сделать лишь некоторые дополнения и уточнения.

В Боевом дневнике дивизии излагается кратко основная информация дня. Едва дивизия направилась по вновь намеченному маршруту, как оставшийся целым мост 10-метровой ширины не выдержал веса немецкого Т-4 и сломался.³

Дивизия смогла продолжить движение лишь в 12.00.

При этом относительно основных сил 6-й дивизии, оставшихся на высоте 102, в журнале присутствуют откровенные жалобы.

Большая ее часть «застряла на песчаной, пыльной, практически лишенной тени дороге, где солнцепек, сравнимый с африканской пустыней, затрудняет всякую телесную активность».⁴

Температура днем до 36 градусов.

В этот день дивизия потеряла одного человека и 15 были ранены.

На обороте страницы дневника за 11 июля от руки написано:

«15.00 Раус перед Памфиловкой»⁵...

18.40 ... у Алексеевки».⁶

И если в случае с Памфиловкой мы имеем именно то, о чем Раус пишет в воспоминаниях, — мы не знаем, что это за деревня, на наших картах такой нет — то относительно Алексеевки все обстоит благоприятно. Алексеевка находится примерно в 20 км от жд станции Новоселье. Соответственно передовые части 6-й танковой дивизии

¹ Раус. С. 93–96.

² Во многом благодаря этому теперь он стал доступен и нам.

³ Раус писал не о Т-4, который весит 25 т, а о «легком PzKw-35t» весом 10,5 т. Видимо, Раус хотел подчеркнуть ненадежность наших мостов на проселочных дорогах.

⁴ NARA, t 315, r 323, f 081.

⁵ Возможно, так на немецких картах было обозначено Путилово, деревня, находящаяся между Ямкино и Дубровно, как раз недалеко от перекрестка с дорогой, ведущей на Алексеевку.

⁶ NARA, t 315, r 323, f 082.

остановились в этот день в 20.00, проехав за Алексеевку в сторону Новоселья за 1 час 20 минут еще лишь 4 километра, немного не дойдя до Цапельки.

Дневник начальника ОКХ вермахта

Гальдер: «...В середине дня меня вызвал телефонный звонок от фельдмаршала Кейтеля. Фюрер озабочен следующими обстоятельствами:

а) медленным продвижением 9-й танковой дивизии и дивизии СС „Викинг“; б) боями на широком фронте, которые ведет 2-й армейский корпус¹ на правом фланге группы армий „Север“; следовало бы оказать ему поддержку левым флангом группы армий „Центр“ и сузить фронт 2-го армейского корпуса (на самом деле обе группы армий действуют в полном контакте); в) ходом операции 4-й танковой группы, которая, как считает фюрер, может безрассудно устремиться на Ленинград и потерять при этом связь со своей пехотой».²

Как видим, и в воспоминаниях Рауса, и в дневнике дивизии речь идет о том, что ударная 1-я танковая дивизия 4-й танковой группы натолкнулась на пути Псков-Луга уже под Новосельем на упорное сопротивление, в результате чего 6-я танковая дивизия стала переходить с правого, новгородского, фланга наступления танковой группы в центр. Это неожиданное изменение первоначальных планов, как мы увидим далее, имело чрезвычайно важные последствия.

Логика предпринятой 6-й танковой дивизией смены маршрута, из-за чего она фактически потеряла целый боевой день, невольно продиктовала ей дальнейший путь, решение о котором, теперь мы можем это отметить точно, якобы спонтанно было принято на следующий день. Это становится ясно от одного взгляда на карту.

Таким образом, именно 11 июля является тем первым днем, когда боевая группа Рауса устремилась по маршруту Новоселье—Струги Красные—Ляды и далее. И не случайно сам Раус именно с этого дня начинает главу о прорыве к «Воротам Ленинграда».

Также следует отметить, что уже в этот день Гитлер выразил опасение о том, что левое крыло танковой группы Гепнера может «безрассудно» устремиться на Ленинград. В отличие от командования танковой группы, Гитлер смотрел на карту «с большей высоты полета».

Это ощущение возникло у фюрера отнюдь не на пустом месте. В немецких войсках действительно существовала полная уверенность, подогреваемая к тому же активной пропагандой, о скором

¹ 16-й армии.

² Гальдер, 2004. С. 107.

взятии Ленинграда. Взятый в плен 11 июля на станции Плюсса немецкий майор, который был в тот же день доставлен в штаб Лужской оперативной группы (ЛОГ) к Пядышеву, однозначно утверждал, что на лужском направлении «наступает 41-й моторизованный корпус генерала Рейнгардта в составе двух танковых и одной моторизованной дивизий». То есть он уже знал, что 6-я танковая дивизия не следует больше в новгородском направлении за 8-й танковой дивизией, а вместе с 1-й направляется прямо на Ленинград через Лугу.¹

Это информация именно этого и только этого дня, потому что уже на следующий день, как мы увидим, произойдет своеобразная рокировка.

Кто же вынудил 1-ю танковую дивизию просить помощи?

Ударная немецкая дивизия наступала вдоль Киевского шоссе, и первое столкновение у нее произошло с отходящими частями 111 стрелковой дивизии еще 10 июля. Именно тогда и началась эта история.

На основании доклада командования войск по охране тыла от 18 июля 1942 года о боевой деятельности войск НКВД можно восстановить следующую картину.²

10 июля 1941 г. в 22.00 член Военного совета Северо-Западного фронта генерал-майор Бочков, находясь в штабе 41-го стрелкового корпуса в районе д. Лудони, вызвал к себе начальника 9-го погранотряда, которому отдал приказ: «Части 41-го стрелкового корпуса отходят на новый оборонительный рубеж Пашково—Лобаново. Отряды занять оборону в районе Цапелька, задержать продвижение противника вдоль шоссе Псков—Ленинград, дать возможность произвести перегруппировку и занять оборону частям корпуса на новом оборонительном рубеже».

9-й погранотряд был сформирован 25 февраля 1924 года для охраны государственной границы с Эстонией. На территории Псковской области граница с прибалтийскими республиками после вхождения их в состав СССР была реорганизована в административную, но охрана границ не снималась. К началу Великой Отечественной войны отряд нес службу заграждения на протяжении 382 километров от северного берега Чудского озера до шоссе Ленинград—Двинск. В составе отряда насчитывалось 9 пограничных комендатур и 39 пограничных застав, на которых размещалось 1049 человек. Начальником отряда был майор Дергачев, заместителем по политчасти — старший политрук Дядищев, начальником штаба — майор Углов.

С началом войны 9-й погранотряд по мобилизационным предписаниям получил пополнение из близлежащих военкоматов: Лужского, Лядского, Новосельского, Палкинского, Псковского и Стругокраснен-

¹ Кринов. С. 29.

² Пограничные войска. С. 704–706.

ского. Количество военнослужащих, призванных из запаса, составляло до 30 процентов бойцов отряда.

Исполняющий обязанности начальника отряда капитан Ионов, получив приказ, выслал разведку в составе стрелкового взвода с одним станковым пулеметом с задачей разведать наличие противника в районе д. Цапелька. Но уже при подходе к д. Комарино разведка была обстреляна ружейно-пулеметным огнем и далее продвинуться не смогла. Было установлено, что Комарино накануне занято противником численностью до полка пехоты с 20 танками.

Начальник отряда, получив данные разведки, оценив обстановку, принял решение занять оборону на рубеже: справа (исключительно) оз. Долгое, по опушке леса, что в 1,5 километрах севернее Комарино, и далее по северному берегу реки Белка, наиболее прочно прикрыть шоссе в направлении Новоселье—Лудони. Правый фланг прикрыть кавалерийским эскадроном, левый, при наличии естественных препятствий,— стрелковым взводом.

11 июля в 1.00 отряд занял оборону на указанном рубеже. В 4 часа утра противник по району обороны открыл сильный артиллерийский и минометный огонь, после чего подверг передний край обороны обработке фугасными и зажигательными бомбами.

В 9.40 под прикрытием артиллерийско-минометного огня, пехота противника численностью до роты повела наступление на правый фланг обороны. Подпустив ее на близкое расстояние, 2-я рота погранотряда открыла шквальный огонь, в результате чего наступление противника было отбито. Понеся потери, немцы отошли в исходное положение.

В 11.30 авиация противника подвергла сильной бомбардировке центральный участок обороны. Одновременно до роты автоматчиков повели наступление на правый берег. Рота пехоты при поддержке 10 танков наступала вдоль шоссе в направлении д. Новоселье, и до двух взводов автоматчиков наступали на левом фланге.

Подразделения отряда, отбивая ожесточенные атаки превосходящих сил противника и нанося ему большой урон в живой силе и технике, продолжали удерживать занимаемый рубеж обороны.

В 12.30 танки противника прорвались по шоссе в деревню Новоселье, уничтожили батарею полковой артиллерии и вышли в тыл оборонявшихся. Одновременно рота автоматчиков просочилась в боевые порядки 2-й роты, отрезала кавэскадрон, прикрывавший правый фланг, и стала окружать 2-ю и 3-ю роты. Последние после упорного сопротивления, продолжавшегося более двух часов, прикрывая выход кавэскадрону, стали отходить в тыл, ведя бой с наступающим противником.

В 13.00 техническая связь с подразделениями отряда была нарушена, в результате чего управление стало затруднительным.

В 14.00 до роты пехоты противника под прикрытием минометно-артиллерийского огня и при поддержке пяти танков повели наступление на левый фланг на участке, обороняемом 1-й ротой. Подпустив противника на близкое расстояние, рота открыла огонь, одновременно истребители вели борьбу с танками противника. В результате ожесточенного боя, длившегося несколько часов, противник с большими потерями отошел на исходное положение, оставив на поле боя два сожженных танка.

Не добившись успеха в первом бою, рота пехоты противника под прикрытием артиллерийско-минометного огня обошла правый фланг 1-й роты, переправилась на северный берег реки Белка, откуда стала обходить левый фланг обороны, заходя в тыл роты.

Командир 1-й роты майор Павлов разгадал замысел противника и своевременной контратакой положение восстановил,— враг был отброшен на южный берег реки Белка.

К вечеру артиллерийско-минометный огонь усилился, авиация непрерывно бомбила боевые порядки. Противник усилил нажим на обороняющихся, вводя в бой свежие силы, имея цель отрезать путь отхода.

По приказанию члена Военного совета Северо-Западного фронта генерал-майора В. М. Бочкова 11 июля в 18.00 отряд мелкими группами с боями стал отходить на северо-восток, забрав с собой раненых, оружие и боеприпасы...

Вот что происходило в районе Новоселья в то время, когда 6-я танковая дивизия, повернув под прямым углом к своему первоначальному направлению, боролась с дорожными трудностями.

Однако вряд ли смог бы погранотряд в одиночку справиться с ударной группой 1-й танковой дивизии немцев. Помощь пограничникам оказала наша 21-я танковая дивизия, на днях прибывшая в этот район боевых действий с финского фронта.

К 10.00 11-го июля части дивизии сосредоточились в лесу в трех километрах северо-восточнее д. Николаево Стругокрасненского района. Авиация противника четыре раза подвергала бомбардировке дивизию на марше и в районе сосредоточения. Уже к 9.00 разведка доложила, что около батальона мотопехоты противника при поддержке нескольких танков занимают деревню Комарино, с ними ведут бой пограничники.

В целях ликвидации угрозы флангу и тылам дивизии при движении на Порхов, а также угрозы 21-му гаубичному артиллерийскому полку, располагавшемуся на огневых позициях в д. Лудони, командиром дивизии было принято решение уничтожить группировку противника в районе д. Комарино ударом двумя танковыми батальонами с фронта и тыла совместно с остатками частей 90 стрелковой дивизии и 9-го погранотряда.

С началом наступления танков на Комарино пехотинцы 90-й стрелковой дивизии от огня минометов противника разбежались, и танки сами вели бой по уничтожению противника. Боем руководил командир 42-го танкового полка полковник В. И. Заводов. В результате боя уничтожено до двух рот противника, несколько противотанковых орудий и крупнокалиберных пулеметов. Оставшиеся подразделения противника отступили на юг. Части 21-й танковой дивизии в этом бою потеряли убитыми и пропавшими без вести более 40 человек, в том числе пропал без вести командир полка полковник В. И. Заводов со своим механиком-водителем Героем Советского Союза И. Д. Сиволапом; сгорело 8 танков, пропало без вести и оставлено на поле боя — 9 танков.

В 16.00 в штаб дивизии прибыл представитель штаба фронта с приказом о том, что дивизия входит в подчинение 1-му мехкорпусу, одновременно получена шифрограмма командира 1-го мехкорпуса о сосредоточении дивизии в районе д. Ситня Солецкого района.

Любопытно, что и 9-й погранотряд, и 21-я танковая дивизия по приказу командования фронтом перемещались от трассы Псков—Ленинград влево. Ворошилов совершенно явно концентрировал силы против Манштейна, устремившегося к Новгороду.

В немецких штабах

Гальдер: «Сведения о противнике:

а) Сохранение боеспособности действующих на фронте дивизий становится для противника все более трудно разрешимой задачей. Снова получены сведения об укомплектовании разбитых дивизий необученными контингентами.

б) Русское верховное командование поставило во главе фронтов своих лучших людей: Северо-Западный фронт возглавляет Ворошилов, Западный фронт — Тимошенко, Юго-Западный фронт — Буденный. <...>

На фронте группы армий „Север“ сильные арьергарды противника при поддержке танков и авиации оказывают упорное сопротивление танковой группе Гепнера. Свои главные силы противник, по-видимому, отводит в восточном направлении».¹

Леб: «10.00. Разговор с генералом фон Роже, командующим тыловым районом группы армий „Север“. Организованных отрядов противника не отмечено, имеются лишь разрозненные небольшие группы вражеских солдат. Поэтому от 291-й пехотной дивизии можно забрать еще один полк».²

¹ Гальдер, 2004. С. 107–109.

² Лебедев. С. 65.

Гальдер: «Танковая группа Гепнера отбила атаки противника и завершила подготовку к дальнейшему наступлению в район юго-восточнее Ленинграда, сосредоточив основные усилия на правом фланге».¹

Таким образом, главным направлением удара и в нашем штабе, и в главном штабе немцев считалось движение на Новгород. И вдруг в такой момент немецкие генералы снимают с этого направления целую танковую дивизию!

Тот, кто принял это решение, явно не подумал о том, что может произойти далее — уже 12 июля. Неожиданный поворот 6-й танковой дивизии на 90° имел свои неизбежные последствия.

Манштейн, который был явно не в восторге от последних перестановок, вполне разумно объяснял свое недовольство:

«Как бы ни была важна эта задача, такая группировка сил означала новый большой разрыв между обоими танковыми корпусами. В этом крылась опасность, что и та и другая группировка не будет обладать необходимой ударной силой. Усугублялась эта опасность тем, что сильно заболоченная и в значительной части покрытая лесом местность, отделявшая нас от Ленинграда, была не очень-то благоприятна для действий танковых корпусов».²

Тем не менее правый фланг немцев, на котором остался теперь лишь LVI моторизованный корпус Манштейна с 8-й ТД, продолжал двигаться вперед.

Интересен также следующий фрагмент из Боевого дневника 6-й танковой дивизии за этот день:

«Вскоре после полудня у перекрестка взорвались 3 временные мины.³ В 19.00 приказ по корпусу, предусматривающий бросок к южной окраине Ленинграда. Оценка врага в этом приказе примерно соответствует представлениям дивизии, так как ясное представление о силах врага необходимо для обеспечения собственной безопасности...»⁴

Журнал боевых действий СЗФ № 1 (201)

«11 А на правом фланге продолжала отход, левый фланг вел упорные бои за Порхов, утром противнику удалось овладеть городом.

41 ск в беспорядке отходил вдоль шоссе на Луга, командиры штабма и фронта приводили корпус в порядок и задержали на рубеже: Щир, Струги Красные и Залазы; штакор — Николаево».⁵

¹ Гальдер, 2007. С. 72.

² Манштейн. С. 201.

³ Явное свидетельство о неутомимой деятельности Бычевского. Вероятно, имеется в виду перекресток у Дубровно, недалеко от которого в это время находились основные силы дивизии.

⁴ NARA, t 315, r 323, f 083.

⁵ ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 20 (201), с. 23.

Сабский плацдарм

Пока шли ожесточенные бои в предполье, Лужский оборонительный рубеж вовсю готовился к предстоящим битвам. Наше командование прекрасно понимало, что разогнавшуюся машину немецкой армии в предполье надолго не удержать.

В районе Большого и Малого Сабска к исходу дня 11 июля курсанты отрыли окопы и траншеи полного профиля, подготовили огневые позиции для орудий, минометов и пулеметов. Для орудий и большинства пулеметов создали дзоты. Все они были тщательно замаскированы, подготовлены данные для огневых средств, расчищены секторы обстрела.

Какими же силами располагало училище для решения столь сложной задачи? Всего командиров, курсантов и красноармейцев насчитывалось 1906 человек. Артиллерия училища была представлена одним 76-мм орудием и двумя 45-мм пушками, двумя 82-мм и шестнадцатью 50-мм минометами. Гораздо лучше дело обстояло с пулеметами. Их было 117 (8 крупнокалиберных пулеметов ДШК, 28 станковых пулеметов «Максим» и 81 ручной пулемет). Основная масса курсантов была вооружена винтовками: самозарядных винтовок СВТ было 1157 штук, остальные 527 — трехлинейки образца 1891/30 гг. Кроме того, в училище было 32 автомата ППД. Курсанты, подготовленные в качестве истребителей танков, имели достаточное количество гранат и бутылок с горючей смесью. В каждом батальоне была радиостанция РБ, 8 телефонных аппаратов и по 9 километров полевого телефонного кабеля. Боевые действия училища поддерживал артдивизион Ленинградского артиллерийского училища (ЛАУ).

Каждый, кто хотя бы немного знаком с военным делом, понимает, что для создания прочной обороны на широком фронте такими силами и средствами требуется высокое воинское мастерство, беспредельное мужество и отвага, умелое руководство боем со стороны командиров всех степеней и высокий моральный дух всего личного состава.

Хорошо представляя, с кем предстоит в ближайшее время драться училищу, какие силы требуется остановить на дальних подступах к Ленинграду, его командование приняло ряд мер к созданию прочной обороны. Как и требовали уставы Красной Армии того времени, боевой порядок училища состоял из двух эшелонов: в первом эшелоне оборонялись 1-й и 2-й батальоны; во втором эшелоне — 3-й батальон в составе двух рот. Учитывая наличие большого промежутка между 1-м и 2-м батальонами по фронту, начальник училища полковник Г. В. Мухин приказал 9-й роте обороняться между этими батальонами в первом эшелоне. Было принято решение на танкоопасном направлении вдоль дороги Большой Сабск—Редкино заложить фугасы на 10-ти километровой участке и занять позицию 120 курсан-

там — истребителям танков. Имеющиеся в распоряжении начальника училища 3 противотанковых орудия были поставлены на дальность огневой связи друг с другом, организовано взаимодействие с поддерживающим училище артиллерийским дивизионом Ленинградского артиллерийского училища. Впереди огневых позиций, за рекой Луга, притаилось боевое охранение.

Учитывая то, что училище имело 117 пулеметов, было решено использовать их с максимальной эффективностью: 8 крупнокалиберных пулеметов ДШК заняли огневые позиции на флангах оборонявшихся подразделений, подготовив фланкирующий огонь по противнику в случае его вклинения в нашу оборону. Также было предусмотрено их использование в борьбе против бронемашин и бронетранспортеров. 28 станковых пулеметов получили секторы обстрела на вероятных направлениях действий противника. Имелся хороший обзор и для 81 ручного пулемета. Курсанты-кировцы хорошо знали военное дело, умело владели имеющимся у них оружием, знали тактику действия противника, были закалены физически.

КП Ленинградского пехотного училища имени С. М. Кирова

Яков Васильевич Завалишин, батальонный комиссар, начальник отдела политпропаганды училища:

«Утром, за завтраком, начальник училища полковник Мухин спросил меня о планах на день. Я ответил, что собираюсь побывать в ротах 1-го батальона, встретиться с заместителем командира батальона по политчасти старшим политруком Синевым...

Полковник Мухин не дал мне договорить:

– Прекрасно! Нам по пути. Я еду к комбату Кузнецову.

Мы доехали до Сабска, разбросанного по берегу Луги, и пошли пешком вдоль переднего края обороны. На берегах Луги вроде ничего не изменилось: те же перелески, высотки — то круто обрывающиеся, то пологие с песчаными отмелями, те же заводи, покрытые зарослями осоки и кувшинок, поля несжатой ржи, подступающие к самому берегу. И только наметанный глаз военного различил и брустверы траншей, искусно прикрытые дерном, и буторки дзотов.

Курсанты работали днем и ночью. События поджимали. Накануне в батальоне узнали, что противник прорвался к Пскову. При недостатке зенитных и противотанковых средств наше спасение виделось в инженерном оборудовании местности.

Мы часто останавливались, беседовали с бойцами. Настроение у ребят боевое. Но начальник училища справедливо считает, что одним моральным духом врага не остановишь. Он дотошно проверяет готовность кировцев к отражению противника, не гнушается посмотреть стрелковые карточки, поинтересоваться тем, достаточно ли широк сектор обстрела.

Во второй половине дня мы возвращаемся. По дороге Герасим Васильевич говорит:

— Пожалуй, я слишком придиричив стал. Наверное, зря лейтенанту выговор объявил.

Полковник, необыкновенно человеколюбивый, добрый, был искренне расстроен, когда у одного из командиров взводов обнаружил неисправный пулемет.

— Знаешь, комиссар,— продолжает начальник училища,— в курсантах я уверен. Не дрогнут. Но нельзя же голыми руками! Что сегодня у Кузнецова? Две пушки и два пульвзвода на двенадцать километров фронта!

Поскорее бы обещанный артдивизион прислали.— Задумался, потом спросил: — Комиссар, а сколько у нас коммунистов и комсомольцев?

— Тысяча двести девяносто два! — ответил я.

— Выстоим! Обязаны выстоять! — На переносице Герасима Васильевича появилась упрямая складка. Он прибавил шаг...

В шестой роте, докладывали мне, комсомольское собрание завершилось пением „Интернационала“.

Секретарь партийной комиссии сообщил, что на 11 июля в парторганизации рот и батальонов поступило от курсантов и командиров около 200 заявлений с просьбой принять их в партийные ряды. Вот оно, политикоморальное состояние кировцев накануне решающих боев!»¹

Ленинград. Смольный

Маркиан Михайлович Попов, генерал-лейтенант, командующий войсками фронта:

«Прибывший в Ленинград главнокомандующий Северо-Западным направлением Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов вызвал меня в Смольный. Захватил необходимые материалы и отправился на доклад.

В кабинете Ворошилова кроме члена Военного совета А. А. Жданова и начальника штаба направления генерала М. В. Захарова находился представитель Северо-Западного фронта. После взаимных приветствий маршал приказал доложить ему обстановку. Выслушав меня, а затем товарища с Северо-Западного фронта, Ворошилов уточнил ряд вопросов и стал изучать оперативную карту.

Он сделал несколько замечаний относительно прикрытия флангов и совершенно неожиданно для меня приказал 70-ю, 237-ю стрелковые дивизии и 21-ю танковую, которые мы с большим трудом и даже риском сняли с северного участка и направили на Лужский рубеж,

¹ Кринов. С. 24–26.

немедленно передать Северо-Западному фронту. Его решение было окончательным. И, как я понял, не обсуждалось ни с членом Военного совета, ни с начальником штаба направления. Мне оставалось собрать документы и, получив разрешение, отправиться в штаб фронта.

Дорогой, размышляя над решением маршала, я несколько успокоился. Положение у генерала П. П. Собенникова, принявшего накануне командование Северо-Западным фронтом, было трудным. Почти все его дивизии вели тяжелейшие оборонительные бои от самой границы, были сильно ослаблены. Еще хуже обстояли дела с боевой техникой. Фронт фактически не имел своей авиации, и мы вынуждены были выделить ему часть наших тоже не весьма крупных сил.

Вернувшись к себе, я поручил штабу изыскать возможности для усиления Лужской оперативной группы, увеличить плотность инженерных заграждений, а сам немедленно выехал в штаб группы, чтобы на месте внести необходимые поправки в организацию обороны. С генералом К. П. Пядышевым и его штабом мы всесторонне обсудили сложившуюся ситуацию и пришли к единому мнению: увеличить назначенные войскам участки обороны».¹

Приведа эту выдержку из воспоминаний Попова, Кринов никак не комментирует ее. Тем не менее в свете рассматриваемых нами событий она вдруг приобретает неожиданно важное значение. В сборнике «Оборона Ленинграда» опубликован другой фрагмент из воспоминаний Маркиана Михайловича.

«5 июля фашисты захватили Остров и стремительно продвигались к Пскову, имея в голове своего клина 2 корпуса 4-й танковой группы. Наступили очень тревожные дни. Лужская оборонительная полоса, работы на которой начались только несколько дней назад, совершенно не была готова. Дивизии народного ополчения, предназначенные для обороны этой полосы, еще формировались и не прошли даже элементарного обучения и сколачивания. В этой обстановке Военный совет решил снять с петрозаводского направления единственную там резервную 237-ю дивизию, а с Карельского перешейка резерв фронта — 78-ю сд и две танковые дивизии 10-го мехкорпуса из резерва командующего 23-й армией и направить их на лужское направление. Эти меры значительно ослабляли наш северный участок и поэтому были нежелательными и крайне рискованными. Но другого выхода из создавшегося положения у нас не было.

10 июля Государственный Комитет Обороны принял решение об образовании трех главных командований. Северный и Северо-Западный фронты объединялись главкомом Северо-Западного направления К. Е. Ворошиловым и членом Военного совета А. А. Ждановым. К. Е. Ворошилов немедленно прибыл в Ленинград с небольшим штабом, возглавлявшимся генералом М. В. Захаровым. Вскоре, к наше-

¹ Кринов. С. 22–23.

му большому огорчению, главком приказал обе стрелковые дивизии и одну танковую, снятые нами с северного участка и направленные на лужское направление, передать Северо-Западному фронту. Это его решение не обсуждалось на Военном совете и поэтому было для нас совершенно неожиданным. Мне пришлось поручить штабу изыскивать еще какие-либо возможности для усиления Лужской оперативной группы, а самому немедленно выехать туда с тем, чтобы внести необходимые поправки в организацию обороны. После всестороннего обсуждения с К. П. Пядышевым и его штабом был найден только один выход из положения — растянуть соответственно участки обороны имеющихся войск (с учетом подходящих ДНО), конечно, до разумных пределов, а на менее важных направлениях ограничиться наблюдением небольшими отрядами.

Я просил К. П. Пядышева, расставаясь с ним, все перегруппировки произвести как можно быстрее и оперативнее, так как между Псковом и рекой Плюссой никаких войск, кроме отходящих в беспорядке разрозненных групп Северо-Западного фронта, нет, а особенно полагаться на успешное сопротивление наших войск в предполье нельзя».¹

Таким образом, получается, что прибывший в Ленинград новый главнокомандующий Ворошилов, не входя в частности, сразу же бросил выкроенные для занятия позиций на Лужском рубеже обороны подразделения в топку отступающего фронта, вероятно, рассчитывая этим выиграть немного времени, потребного ему для более полного освоения обстановки.

В результате образовались еще более растянутые участки обороны и — откровенная дыра в Поречье.

Также фрагментарно приводит Кринов и воспоминания главкома ВВС.

Александр Александрович Новиков, генерал-майор авиации, командующий ВВС фронта:

«Вечером 11 июля я встретился с начальником разведотдела фронта комбригом Евстигнеевым. Из разговора с ним узнал, что на правом фланге Лужской оперативной группы складывается тревожная обстановка (и узнал, что правый фланг Лужской оперативной группы мы не успели подготовить к обороне...)

— Командующий фронтом требует точные сведения о противнике. А где их взять в такой обстановке? — говорил Петр Петрович. — В направлении на Гдов замечены какие-то танки, там же оказались 1-я и 56-я пехотные дивизии из 18-й армии. Почему они очутились в полосе 4-й танковой группы? *Ведь 18-я армия наступает в Эстонии.* Наша разведка этого объяснить не может, а пленных нет. А на

¹ Оборона Ленинграда. С. 48–50.

правом фланге Пядышева почти голо: только курсанты пехотного училища, да под Кингисептом одна стрелковая дивизия. 2-я дивизия народного ополчения еще в эшелонах, на подходе. Попову все это не нравится, да и мне, признаться. Откуда там танки и чьи они? Твои летчики ничего подозрительного в районе Гдова не замечали? — с надеждой спросил меня Евстигнеев.

— Пока нет, Петр Петрович. Проверю, и если что интересное, обязательно сообщу.

— Вы скажите летчикам, чтобы они были повнимательнее, — сказал в заключение Евстигнеев.

Предчувствие, тревожившее Попова, оказалось не напрасным. Мы едва не проворонили стремительный бросок 41-го моторизованного корпуса на правый фланг Лужской оперативной группы. Вырвись противник на Копорское плато, вся наша 8-я армия оказалась бы запертой в Эстонии, а Ленинград — под угрозой прямого удара не только с юга, но и с запада.

После разговора с Евстигнеевым я вызвал разведчиков. Они доложили, что летчики совершая разведывательные полеты, обнаружили в направлении на Кингисепп—Гдов немецкие механизированные и танковые колонны. Отдельные группы танков и автомашин были замечены в нескольких десятках километров северо-западнее шоссе Псков—Ленинград. На правом фланге назревали какие-то серьезные события».¹

Курсивом здесь набран текст из воспоминаний самого Новикова, дополняющий или уточняющий разговор, воспроизведенный Криновым. В более полном варианте текст воспоминаний вызывает вопрос. Если пленных нет, этот разговор можно отнести к 11 июля, а если 2-я ДНО уже в эшелонах на подходе, то этот разговор происходил никак не ранее 13 июля.

Логичнее всего предположить, что это совещание имело место вечером 12 июля. Однако, не имея однозначных доказательств такого перемещения, оставляю описание этого совещания здесь.

Важно отметить, что разговор пока еще касается лишь возможного прорыва немцев к Гдову. А на этом направлении уже ждала врага 191-я стрелковая дивизия. Так что нашему командованию паниковать пока было особенно не с чего.

Лужское направление. Южная окраина города Луги, Лангина гора. Штаб 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии:
«На Плюссе не затихают артиллерийская канонада и ружейно-пулеметная перестрелка. Передовые отряды противника настойчиво

¹ Кринов. С. 23—24; Новиков. С. 86—87.

стремятся форсировать реку. Обстановка крайне напряженная. Для нас это первый бой.

Комдив в 483-м полку. Всю ночь в штабе дивизии никто не сомкнул глаз. Непрерывно держим связь со штабом полка. Постоянно запрашивает обстановку штаб Лужской оперативной группы.

Пока сведения из 483-го полка не вызывают тревоги. Наше боевое охранение совместно с сохранившими боеспособность отходящими подразделениями 90-й и 111-й дивизий отражает попытки противника захватить плацдарм.

Неожиданно получили мощное усиление. Рано утром в штаб дивизии прибыл командир 10-го мехкорпуса генерал И. Г. Лазарев и сообщил, что по приказу командующего фронтом совместно с нашей дивизией будет действовать 24-я танковая дивизия.¹ Он попросил ознакомить его с обстановкой и порекомендовал нам для улучшения управления частями выслать поближе к переднему краю оперативную группу штаба дивизии.

Было принято решение КП опергруппы разместить в деревне Рютень, километрах в десяти от боевого охранения. Вместе с группой командиров штаба я выехал на наш новый командный пункт. В Рютени меня встретил начальник разведки дивизии и доложил, что подчиненные комполка Харитоновы захватили „языка“. Это офицер и, как сообщили, важный чин.

Я решил позвонить Харитонову. Но, как иногда бывает, в самый нужный момент связь не работала. Телефонисты стали вызывать КП 483-го полка по обходным линиям. И когда дозвонились, то из-за плохой слышимости лишь удалось выяснить, что подполковника на КП нет.

Спустя немного времени возле КП остановилась полуторка. Бойцы доставили пленного. Это был майор гитлеровской армии. Сопровождавший пленного лейтенант рассказал подробности его пленения. Рота занимала оборону в районе станции Плюсса. На перроне находилась группа бойцов. Вдруг кто-то заметил, что со стороны Пскова катит мотоваягончик. Спросили железнодорожников: чей, кто может ехать? Начальник станции, пожав плечами, ответил, что все поезда со стороны Пскова проследовали еще вчера, и связи нет даже со Стругами. Пока суд да дело, мотоваягончик остановился.

На пути выскочила группа солдат и направилась к станции. Кто-то крикнул:

– Ребята, это ж фашисты! Огонь!

И началась такая пальба, будто высадилось не меньше роты. Гитлеровцы, отстреливаясь из автоматов, бросились к вагончику. Но никто из них добежать не успел. Когда перестрелка стихла, из мото-

¹ Одну из двух снятых с севера танковых дивизий 10-го мехкорпуса Ворошилов все же оставил на Лужском рубеже обороны.

вагончика вышел мертвенно-бледный офицер. Он поднял руки и направился к нашим бойцам.

В академии я изучал немецкий язык, был знаком с военной лексикой. Стал допрашивать пленного. Он сообщил, что на нашем направлении наступает 41-й моторизованный корпус генерала Рейнгардта в составе двух танковых и одной моторизованной дивизий. Кроме того, Рейнгардту подчинена 269-я пехотная дивизия. Корпус имеет задачу захватить Ленинград. Как офицер-железнодорожник, майор получил задание проехать на дрезине до Луги, проверить состояние путей и взять на учет подвижной состав. В штабе группы армий „Север“ его подвели: сказали, что Рейнгардт находится на подступах к Луге...

Майор говорил со мной по-немецки, иногда вставлял русские слова. Он объяснил, что в свое время работал с нашими железнодорожниками и немного освоил русский язык. И как специалиста, знающего русские железные дороги, его мобилизовали в войска вермахта.

Допрос прервал телефонный звонок Машошина:

– Иван Семенович! Что ж ты держишь „гостя“? Пядышев, как узнал о нем, житья не дает. Да и мне хочется на живого гитлеровца посмотреть. С империалистической не встречались...

Пленного под охраной я отправил в штаб Лужской оперативной группы. Ночью сопровождавшие его вернулись, старший доложил о выполнении приказа и сообщил, что немецкий майор дорогой по-русски разговорился. Обещал всякие блага, если его отпустим. Все равно, дескать, через неделю армия фюрера будет в Ленинграде».¹

Документальная строка

«Ленинград. Государственный Комитет Оборона принял решение перебазировать из Ленинграда и Ленинградской области на восток еще 80 заводов и 13 центральных конструкторских бюро. Целиком или отдельными цехами Охтинский химический комбинат, заводы имени В. И. Ленина, „Экономайзер“, имени Я. М. Свердлова направлялись в Свердловск, заводы Кировский и имени „Комсомольской правды“ — в Нижний Тагил, „Вулкан“ и имени Карла Маркса — в Ташкент и т. д.

В первую очередь эвакуировались предприятия ведущих отраслей промышленности».²

В этот день полкам 2-й ДНО вручались Красные знамена.

¹ Кринов. С. 27–29.

² Там же. С. 29.

Антуфеев: «11 июля в Ленинград прибыл маршал К. Е. Ворошилов, назначенный накануне постановлением Государственного Комитета Оборона главным командующим Северо-Западным направлением. Главком, ознакомившись с обстановкой на Северо-Западном и Северном фронтах, приказал скорее отправить в бой новые ополченские формирования...»¹

Смоленское сражение. 3-я танковая группа прорвала оборону на стыке 22-й и 20-й армий Западного фронта и овладела городом Витебск. 2-я танковая группа форсировала Днепр севернее и южнее Могилева.

Киевская операция. 1-я танковая группа вышла к реке Ирпень, где была остановлена упорной обороной на рубеже Киевского УР. Войска Юго-Западного фронта оказались расчлененными на две части: северную, включавшую 5-ю армию, которая заняла Коростенский УР, и южную — основные силы фронта в составе 6-й, 26-й и 12-й армий, которые вышли на Новоград-Волынский и Лотичевский УР.

В этот день на аэродроме Купля в 3-м отряде 13-й отдельной истребительной эскадрильи 61-й авиабригады ВВС КБФ появились «семь ранее невиданных самолетов».

Лашкевич: «Новым самолетом, которым вооружался отряд, оказался штурмовик Ил-2, оснащенный мощным вооружением: 400 килограммов бомб, 8 реактивных снарядов РС-132, 2 пушки калибром 23 мм и 2 пулемета калибром 7,62 мм <...> Они были крупнее истребителей, но меньше бомбардировщиков. Характерная кабина с фонарем-горбом отличала их от других самолетов. Из-за этой горбинки впоследствии Ил-2 и прозвуют „горбатым“. Мотор и кабина летчика имели броневую защиту, но сам фюзеляж был деревянный — клееная фанера. Самолет был оборудован радиосвязью. Высокие крепкие шасси убирались и выпускались при помощи пневмосистемы. В передней части крыльев торчали крупнокалиберные пушки и пулеметы. На Ленинградском фронте и Балтике эти самолеты появились впервые...»²

12. 7. 1941 — суббота

Итак, маневр, начатый немцами 11 июля, в этот день получил свое естественное продолжение.

Раус: «На следующее утро наши головные подразделения атаковали фланг русских сил, охранявших шоссе. О том, что русские занимают южный берег мелкой болотистой речушки, мы узнали еще

¹ Ополченцы. С. 24.

² Лашкевич. С. 46.

накануне.¹ После короткого и жаркого боя, в котором участвовали и танки, мы опрокинули фланговое охранение в реку. В этом бою впервые на русском фронте появились американские танки-амфибии. 6 из них были уничтожены огнем наших танков и противотанковых пушек, стрелявших с близкого расстояния из леса: 3 были уничтожены на суше, а еще 3 – при попытке пересечь реку. Первые немецкие солдаты, переправившиеся на северный берег речки, захватили 2 амфибии в совершенно исправном состоянии.

Заболоченная речка глубиной около 2 метров представляла собой серьезное препятствие, поэтому саперам пришлось строить мост для переправы главных сил боевой группы. К 10.00 вся колонна завершила переправу, а потом, уничтожив еще несколько русских танков, отбросила противника на юг от Новоселья».²

Со стороны Красной Армии к 12 июля оборону на фронте Комарино—Щир занимали остатки подразделений 90-й стрелковой дивизии, в состав которой влились до 500 человек из отступившей и потерявшей управление 111-й сд.

Во второй половине дня была предпринята общая массированная атака с фланга и тыла, после чего оборона советских войск рухнула, и дорога на Луту оказалась свободной. Разбитые подразделения 90-й и 111-й стрелковых дивизий отступили в близлежащие лесные массивы в районе деревень Новоселье и Щир. 1-я танковая дивизия противника продолжала развивать наступление по шоссе Псков—Луга, а 6-я танковая дивизия остановилась, чтобы привести свои части в порядок.

Странно видеть в книге профессионального танкиста упоминание о каких-то американских танках да еще и амфибиях на берегах русской реки в 1941 году. И американцы не поправили его, не сказали, что начали серийно выпускать танки-амфибии лишь в 1942 году. Вероятно, им было лестно такое заблуждение немецкого танкиста. Скорее всего, немцы столкнулись с советскими танками-амфибиями Т-37А или Т-38. Они не очень хорошо зарекомендовали себя в бою и к этому времени были сняты с серийного производства. Однако в первые недели войны их было еще много.

Основная масса малых плавающих танков Т-37А и Т-38 была потеряна в первый месяц Великой Отечественной, так и не вступив в бой с врагом. Причем главным образом экипажи бросали свои танки из-за поломок и неисправностей. Лишь в считанных случаях, при грамотном использовании, этим слабым машинам удавалось оказать эффективную поддержку нашей пехоте.

¹ Возможно, река Курья, левый приток Плюссы. А возможно, и та же река Белка, на берегах которой дрались части погранотряда.

² Раус. С. 96.

Возможно, Раус ввел в заблуждение то, что наш танк-амфибия был создан по образцу английского танка-амфибии Vickers-Carden-Loyd, а его внешний вид и в самом деле производил впечатление какой-то американской диковины.

Более того, несмотря на то что Раус рассказывает очень живо и увлекательно, на этот раз в Боевом дневнике 6-й танковой дивизии за 12 июля история выглядит значительно интересней:

«3.00 — согласно приказу по дивизии № 17 ударные группы Линбрунна и Колля объединились для нового броска вперед (вместо ударной группы Рауса, у которой возникли определенные трудности с продвижением вперед). <...>

Оценка противника дивизии к полудню: многочисленные войска входивших в соприкосновение в восточном направлении и рассеянных дивизий, блокированные в лесах, пытаются действовать из засад. При этом сомнительно, что враг управляется сверху из сохранивших связь командных пунктов. Отход происходит под защитой мощных бронированных железом тяжелейших танков. Перед дивизией открывается нагромождение высот, что представляет возможность при наименьшем руководстве создать своеобразную крепкую оборону Ленинграда. Наскок на этот крепкий вражеский рубеж 1-й танковой дивизии мог бы потребовать всех ее сил. Прямой бросок на Ленинград становится, таким образом, непростым вопросом.

Боевая группа Рауса наткнулась на вражеское сопротивление. Это тот же самый противник, о котором 1-я дивизия докладывала, что он неприятно ударил им в правый фланг. Враг был рассеян к 14.00».¹

Тот же самый враг — это, как мы выяснили, наша 21-я танковая дивизия, которая в этот день следовала встречным курсом 6-й танковой дивизии немцев. На этот раз «сильный враг» не был «рассеян», а ушел в сторону Порхова, не дав себя в обиду с фланга.

Раус: «Во второй половине дня мы предприняли общую атаку русского фланга, в то время как остальные силы (в том числе танковый батальон) атаквали русских с тыла. После упорного боя наши силы смяли фланг русских, а танки разгромили тылы, и после этого оборона русских рухнула. Мы стали приводить в порядок свои части, а 1-я танковая дивизия начала преследование.

Едва боевая группа „Раус“ сумела собраться вместе, как мы получили приказ наступать на север и захватить мост через реку Плюсса в Лядах, чтобы создать плацдарм на противоположном берегу. Этот

¹ NARA, t 315, r 323, f 085.

приказ разбил вдребезги наши надежды хорошенько отоспаться ночью».¹

Здесь опять же в Боевом дневнике есть важные дополнения к создаваемой Раусом картине:

«Трудности пути значительны. Марш передового отряда дивизии на расстояние 25 км длился с 12.00 до 20.30. Жара парализующая. К счастью, вечером наступило похолодание. Авиация врага активна. Особенно заметны вражеские истребители. Наши саперы работают изо всех сил, прокладывая по песчаным лесным дорогам покрытие из бревен.

В 20.40 вскоре по прибытии на новую див. стоянку старший лейтенант Линбрунн доложил, что он не может далее разведывать путь, поскольку с другой стороны большой дороги все пути перекрыли маршевые колонны 36 ПД. В то же время поступил приказ из корпуса сначала восстановить проводную связь с дивизией и только после этого двигаться дальше. Станет легче получить уведомление о том, чтобы 36 ПД не перекрывала дорогу, которая должна тем временем просохнуть. Связи 1-й ТД с корпусом также нет. Дорога же должна пересекаться регулируемо. Наконец, дивизии предоставлено на выбор, двинется она в путь вместе с обеими передовыми группами тотчас или же с рассветом. Боевая группа Рауса приняла решение тотчас — пересечь дорогу перед идущей впереди 1-й ТД и завоевать предмостное укрепление в Лядах. Отряд Граберта подчинен. Боевая группа Линбрунна выступает первой 13.7 на рассвете по разведанному пути. Дивизия надеется, что с левого фланга корпус защищен озером Пейпус, и 36 мот. ПД быстро завоеует здесь пространство и тем самым поможет 1-й ТД в ее тяжелой борьбе».²

Боевой дневник этого дня растянулся на две страницы. На обороте первой страницы две строчки вписаны от руки:

«19.40 Приказ корпусу тотчас выступать на Ляды.

21.15 Приказ Раусу передан».

В конце второй страницы важные отметки о том, что у дивизии забрали зенитную батарею 601, но зато придали ей отряд особого назначения Граберта.

Еще более важные сведения вписаны на обороте второй страницы от руки:

«11.30 Приказ армейскому корпусу: как можно быстрее достичь моста через Лугу у Поречья.

Раус в 6.35 у Бешково».³

¹ Раус. С. 96–97.

² NARA, т 315, г 323, ф 085.

³ Там же, ф 086.

Итак, к 11.30 12 июля захват переправы у Поречья с немецкой стороны уже был делом решенным. Причем стремительность принятия этого приказа пока еще нам не совсем понятна.

Ленинград. Смольный

Главком авиации Северного фронта Новиков А. А.:

«12 июля запомнилось во всех подробностях.

В этот день, во второй половине его, мне на стол положили донесение, в котором говорилось, что воздушная разведка обнаружила известный уже читателю фланговый маневр 41-го моторизованного корпуса генерала Рейнгардта в сторону Кингисеппа. Части его были замечены в нескольких десятках километров на северо-запад от шоссе Псков—Ленинград — в районе селения Ляды. Если бы я не знал, что собой представляет правый фланг Лужского оборонительного рубежа, то, наверно, это неожиданное известие встревожило бы меня не столь сильно. Я, конечно, немедленно доложил бы о нем командованию фронта, но этим бы и ограничился. Теперь же счел необходимым сам проявить инициативу: немедленно приказал установить за противником постоянное воздушное наблюдение и тотчас докладывать мне о данных разведки.¹ Одновременно распорядился взять под контроль и дорогу Псков—Гдов, по которой отступала наша 118-я стрелковая дивизия...»²

Попытки найти в нашем архиве донесение, которое «легло на стол» главкома Новикова во второй половине дня 12 июля, успехом не увенчались.

Начальник штаба ВВС Северного Фронта генерал-майор Некрасов подавал оперативную сводку дважды в день, по состоянию на 5.00 и по состоянию на 17.00. Ни за 11.7, ни за 12.7 ни в утренней, ни в вечерней сводках никакой речи о подобном маневре немецких войск нет.

В оперативной сводке штаба СЗФ 12. 7. 41. «11» ч. «05» м.³ также никакой речи о Лядах нет.

Там всего лишь вписана от руки строчка, по-видимому, полученная вдогонку основным сообщениям: «6.00 12.7 авиация наблюдала движение мото-мех. колонн по дороге Псков—Елизарово».

Дорога из Пскова через Елизарово ведет на Гдов. Движение немецких мото-мех. частей по этой дороге возникло вполне естественно. Это характеризовало общую тактику продвижения вперед немецких войск. Достигнув какого-либо пункта и закрепившись

¹ А разве накануне, после разговора с Евстигнеевым, это еще не было сделано? В книге тот происходивший накануне разговор дан после этого пассажа, а не до.

² Новиков. С. 86.

³ ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 57-1, л. 132-133.

в нем, они начинали разведку всех дальнейших возможных направлений развития экспансии. Сначала по всем дорогам и дорожкам выезжали мотоциклисты, за ними отправлялись бронемашины пехоты с крупнокалиберными пулеметами и легкие танки. По более перспективным направлениям двигались боевые группы, имевшие в своем составе уже не только мотоциклы, бронемашины и легкие танки, но еще и средние танки, артиллерию, а также передвижные зенитные установки. И уже только после этого, соответственно результатам такой разведки, по пройденной ими дороге выдвигались основные силы танковых дивизий — главные кулаки прорыва фронта.

При такой организации боевой деятельности было бы странным, если бы немцы вообще проигнорировали дорогу Псков—Гдов, которая, хотя и была в ужасном состоянии, но все же вела в нужном направлении.

Таким образом, это само по себе еще не являлось никаким обходным маневром. Тем более что в Кингисеппе, расположенном на пути Гдов—Ленинград, стояла наша 191-я стрелковая дивизия, и к Гдову как раз в это время отходила 118-я стрелковая дивизия.

В этом смысле даже захват немцами 12 июля Струг Красных еще никак не раскрывал их карты, поскольку через Струги Красные дорога от Новоселья идет опять все к той же Плюссе, почти параллельно трассе Псков—Луга.

Но если даже в такой ситуации можно было предположить, что 6-я танковая дивизия из Струг Красных вновь повернет налево и отправится на Ляды, то через Ляды от Струг Красных дорога ведет опять все к тому же Гдову. Главком ВВС, конечно же, вполне мог предположить, что немцы рванут в Ляды. Однако никому из наших военачальников в тот день явно и в голову не пришло, что после Ляд немцы снова свернут, и у мостов в Поречье и Сабске могут появиться гораздо более крупные силы, чем только роты разведки. Что мы и увидим в дальнейшем.

Итак, согласно процитированному выше фрагменту воспоминаний Новикова, наша авиаразведка «увидела» немцев в Лядах тотчас же, как только у немцев возникла мысль в головах об этом населенном пункте. Однако немцы в это время только-только добрались до Струг Красных (6-я танковая дивизия) и подошли к Плюссе (1-я танковая дивизия). Тенденция изложения событий с нашей стороны налицо. Особенно отчетливо выявляет явную тенденцию изложения событий главкомом Новиковым продолжение этого пассажа:

Новиков: «Вечером, 12 июля, предварительно заручившись согласием главкома Северо-Западного направления К. Е. Ворошилова о привлечении морской авиации для оказания помощи нашим войскам под Ивановским и Большим Сабском, я был у командующего

ВВС КБФ генерала В. В. Ермаченкова и договорился с ним о совместных действиях.

Вернулся я в штаб на Дворцовую площадь поздно и сразу же потребовал боевую сводку дня. Ничего утешительного в ней не было. Правда, под Лугой противник безуспешно пытался занять предполье, но на новгородском направлении соединения 56-го моторизованного корпуса теснили нас на Сольцы».¹

Здесь уже речь идет о поддержке наших войск под Ивановским и Большим Сабском, в то время как говорить об этом можно было, как мы увидим далее, не ранее утра 14 июля.

Еще более любопытно то, что Новиков рассказывает об этом вечере 12 июля уже после того, как рассказал о начале жестоких боев под Ивановским и Большим Сабском.

Особенно любопытно в связи с этим изложение этого эпизода у Мирослава Морозова:

«Вечером 12-го командующий ВВС Северного фронта генерал А. А. Новиков, в распоряжении которого уже не оставалось свободной авиации, договорился с генералом Ермаченковым об организации ударов по немецким войскам, двигавшимся по Копорскому плато. Еще сутки ушли на разведку и планирование налетов. В результате задержать продвижение передовых частей врага ударами авиации не удалось».²

Вот он, результат изложения событий постфактум. Здесь совершенно автоматически употреблено название Копорское плато, к которому, согласно позднее установившейся официальной трактовке, немцы в этот момент только еще устремились. У Морозова немцы уже движутся по Копорскому плато, опережая события даже не на сутки, а едва ли не на месяц. Да и как же иначе было объяснить то, что на столь заблаговременно обнаруженный маневр наша авиация обрушилась лишь спустя двое суток.

Логика построения канвы событий требует от «редакторов» особой внимательности. Воспоминания главкома Новикова поддержаны другими воспоминаниями.

Тем не менее следует, скорее, признать: все то, о чем говорили здесь Новиков и Морозов, относится не к 12, а к 13 июля. В таком случае, как мы увидим далее, картина событий перестает быть насквозь противоречивой.

¹ Новиков. С. 88.

² Морозов М. Э. Торпедоносцы Великой Отечественной. Их звали «смертниками». М.: ЭКСМО, 2011. С. 62.

Стенограмма сообщения тов. Колобашкина Владимира Антоновича — секретаря Районного комитета партии

«В дивизии (2-й ДНО.— В. Р.) было все спокойно. Все занимались. Вдруг в середине дня 12 июля был получен приказ о том, чтобы дивизии подготовиться к отправке.

Было выделено 9 или 10 эшелонов. Надо было разбить и материальную часть, и людской состав на эти десять эшелонов. Был составлен график отправки. С каждым эшелоном должен был ехать работник политотдела. До каждого бойца было доведено, что дивизия отправляется. Народ весь это очень переживал. Затем, правда, произошло опоздание».¹

Это свидетельство склоняет к тому, о чем мы говорили выше — совещание в Смольном происходило не вечером 11, а вечером 12 июля. В таком случае действительно распоряжение об отправке 2-й ДНО на фронт было дано уже днем 12 июля, о чем там и говорилось,— дивизия уже готовится к отправке и «завтра первые эшелоны...»

Однако почему-то произошло опоздание, и опоздание это затянулось...

Ленинград. Московский район. Штаб 2-й дивизии народного ополчения

Николай Степанович Угрюмов, Герой Советского Союза, полковник, командир дивизии:

«С утра² я находился в штабе, просматривал документы. Комплектование дивизии личным составом можно было считать завершеным. Фабрики и заводы Московского района основательно помогли в экипировке ополченцев. С вооружением сложнее. Винтовки получили полностью, а станковых и ручных пулеметов меньше половины положенного по штатам. Полковая артиллерия чуть ли не из музея.

Решил поехать к фронтовым вооруженцам сам и попытаться по старой дружбе кое-что „выбить“. Но срочно позвали к телефону. Командующий Ленинградской армией народного ополчения вызывал в штаб, который находился в бывшем Мариинском дворце. „Вот,— подумал я,— и хорошо, заодно утрясу кое-какие вопросы по кадрам и материально-техническому обеспечению“.

Генерала А. И. Субботина, нашего командарма, я знал по мирному времени, когда он был помощником начальника штаба Ленинградского военного округа. Он часто приезжал к нам в 70-ю дивизию, бывал в батальоне, которым я тогда командовал. Его советы и ука-

¹ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 5, св. 593, д. 3182.

² Здесь речь также идет о 12 июля.

зания всегда были ясными и дельными. Чувствовалось, что каждое слово у него обдуманно.

На этот раз, как мне показалось, Александр Иванович был очень озабочен. Он поздоровался со мной и сразу же подвел к столу, на котором была разложена карта с нанесенной обстановкой. Сказал:

— Знаю, Николай Степанович, что дивизия еще недостаточно подготовлена к боевым действиям. Но время не терпит, надо выступать на фронт. Дивизии надлежит занять оборону по восточному берегу реки Луги южнее Кингисеппа. Она включается в состав Лужской оперативной группы. Все дальнейшие указания — у генерала Пядышева, командующего группой.

Разговор на этом закончился. Генерал Субботин дал понять, что спрашивать его о чем-либо бесполезно.

— Есть, товарищ командующий! Слушаюсь,— ответил я.

— Вот и хорошо, Николай Степанович! — внезапно потеплевшим голосом сказал командарм и крепко пожал руку.

Вернувшись в дивизию, я вызвал начальника штаба, начальников служб, и мы стали спешно разрабатывать документы на передвижение в эшелонах. Сделать нужные расчеты было не просто. Выяснилось, что некоторые командиры понятия об этом не имеют. К тому же части находились еще в стадии формирования, со складов продолжало поступать военное имущество. С трудом подготовив заявки, я отправил их с командиром штаба военному коменданту железнодорожной станции Ленинград-товарный-Витебский».¹

Здесь, как мы видим, Угрюмов не говорит ничего лишнего. Нет речи ни о Лядах, ни о Поречье с Сабском.

Однако он же в сборнике «Ополченцы» рассказывает этот эпизод несколько иначе:

«12 июля меня вызвали в штаб армии.

— Знаю,— сказал генерал-майор Субботин,— что дивизия еще недостаточно подготовлена к боям, но время не терпит — надо выступать...

Командующий коротко обрисовал обстановку: 5 июля противник занял Остров, 9 июля — Псков. 12 июля фашистские войска, наступавшие вдоль шоссе Псков—Луга, подошли к реке Плюссе.

— Вам ставится задача,— продолжал Субботин,— занять оборону на реке Луге у Кингисеппа. Войдете в состав Лужской оперативной группы. Командующий — генерал-лейтенант Пядышев.

Нам следовало отправиться к Кингисеппу в пятнадцать часов 13 июля. Однако подача вагонов задержалась. Лишь в ночь на 14 июля эшелон с первым электросиловским полком отошел от станции».²

¹ Кринов. С. 34–35.

² Ополченцы. С. 30–31.

Тем не менее, хотя «редакторы» и постарались еще точнее вписать текст в выстраиваемую ими канву событий, претензий лично к Угрюмову и здесь нет никаких.

Наше командование явно отправляло 2-ю ДНО на второстепенный, по их понятиям, участок фронта — прикрыть дыру на левом фланге 191-й стрелковой дивизии, стоящей в Кингисеппе, и правый фланг курсантов, занявших оборону в Сабске.

Никому из наших командиров в этот момент и в голову не пришло, что именно эта едва-едва на живую нитку сшитая дивизия как раз и примет на этом участке фронта первый удар мобильных передовых частей немецкой 6-й танковой дивизии.

Недаром Угрюмов говорит, что они должны были отправиться к Кингисеппу. Ни о каком Ивановском здесь еще речи нет.

Также настаивает на своей версии развития событий весьма достойный участник боев под селом Ивановским гвардии подполковник П. Д. Бархатов:

«12. 7. 1941 г. полк прибыл на Витебскую-Товарную. Наш дивизион погрузился в эшелон. Среди личного состава пошел разговор: „На тактическое учение поедем“.

Во время марша прибыл командир батареи — арттехник лейтенант (фамилии не помню).

Вооружение было получено не полностью и закрепить его не успели. Перед отъездом из дивизиона системы 152-мм гаубицы были взяты и заменены разными калибрами».¹

Большинство документов и логика развития событий не подтверждают правоты его слов о столь раннем выезде артполка. Однако свидетельство это просто так из контекста не выкинешь.

Возможно, двойная и к тому же неверная датировка, приведенная в воспоминаниях другого ополченца, еще вернее позволит нам отнести эту ошибку на счет «редакторов» (сборщиков) воспоминаний?

Воспоминания бывшего бойца 3-го взвода 8-й роты 3-го стрелкового полка 2-й Московской дивизии народного ополчения Ленинграда Шутова Юрия Дементьевича (до ухода в ополчение был студентом ЛИСИ):

«И 12-го (14-го) июля 1941 г. в том составе мы пели в последний раз. С винтовками за плечами, с песнями на устах шли мы по улицам Ленинграда на бой с врагом, провожаемые сплошными шпалерами родных горожан. <...> Ушли, чтобы победить, а если надо, и умереть, но не отступить перед врагом».²

¹ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 10, д. 1350.

² Там же, оп. 17, д. 40.

Как видим, в документе даны сразу два числа, потому что вспоминавший точно не помнил, какого именно числа это происходило. А возможно, был просто запутан «редакторами». На самом деле здесь речь идет не о 12 и не о 14, а о 13 июля.

Поддерживает эту версию и следующий пассаж.

Беседа с Иваном Федоровичем Андреевым — бывшим бойцом 85-го истребительного батальона, приданного 2-й Московской ДНО:

«Числа 12 или 13 июля ночью или на рассвете явился командир, нас подняли и нам зачитали фамилии примерно половины состава. Им приказали построиться. Они быстро оделись, построились, и их повели, как мы полагали, на какую-то тренировку. <...>

Как мы потом узнали, их в тот же день отправили под Луту. Это были дни, когда немцы прорвались на реку Луту».¹

Это рассказывает боец истребительного батальона, которые отправлялись «под Луту», как мы увидим далее, следом за ополченцами, то есть уже 15 июля.

Но главное заключается для нас в том, что никакой речи о Лядах, Поречье, Ивановском и Сабске 12 июля еще не могло быть в наших штабах.

Вот выписки из ЖБД, касающиеся интересующих нас района и времени военных действий.

Журнал боевых действий СЗФ № 1 (201)

«...12. 7 на СЗФ создалась тяжелая обстановка. Противнику удалось захватить Струти Красные, Боровичи, Порхов. Части 11 А в беспорядке отходили по этим направлениям и только на обоих крыльях обстановка не вызывала беспокойства».²

Другой вариант:

Журнал боевых действий СЗФ № 1 (202)

«11 А в течение дня вела оборонительные бои, прикрывая Гдовское, Лужское и Сольцское направление.

118 сд оборонялась в районе Елизарово.

21 тд, перейдя в контратаку, разбила передовые части врага и отошла в район Николаево»³

¹ Там же, д. 12.

² ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 20, с. 25. Прим.: «Журнал боевых действий с первого дня войны и до 12. 7 восстановлен по оперативным документам, из бесед с участниками войны и по личному наблюдению за ходом военных действий» (Майор Ковалев).

³ Там же, д. 21, С. 25.

Журнал боевых действий СФ. Ленинградский фронт

«12. 7. Лужская группа — изменений в дислокации частей и соединений не произошло.

Части ведут работу по укреплению оборонительных участков.

Армия Народного ополчения: 2 СД доукомплектовывается матчастью.

Готовится к отправке на лужскую укреппозицию».¹

Также приведу здесь практически полностью вечернюю разведсводку.

Разведсводка № 96 штаба северного фронта к 21.00 2. 7. 1941 г.

«... 7. Псковское направление.

Пр-к в течение 11. 7. 41 продолжал наступление, нанося главный удар в направлении ВЫХМА (сев. ВИЛЬЯНДИ), ПОРХОВ, СТАРАЯ РУССА и вспомогательный на участке фронта ПУШКИНСКИЕ горы, ОПОЧКА. <...>

На фронте НОВОСЕЛЬЕ, БОРОВИЧИ, ПОРХОВ, ПУШКИНСКИЕ горы, ОПОЧКА, СЕБЕЖ противник развивал наступление в направлении СОЛЬЦЫ, СТАРАЯ РУССА и к исходу 11. 7. 41 вел бои на участках СТРУГИ КРАСНЫЕ, НОВОСЕЛЬЕ, БОРОВИЧИ. В результате упорных боев СТРУГИ КРАСНЫЕ, БОРОВИЧИ были заняты пр-ком. Атаки пр-ка НОВОСЕЛЬЕ отбиты. НОВОСЕЛЬЕ удерживается нашими частями.

На Шоссе НОВОСЕЛЬЕ, ПСКОВ производилось интенсивное движение отдельных групп автотранспорта <...>

ВЫВОД: 1. Пр-к, продолжая наступления, подтягивает силы по Псковскому и Порховскому шоссе, сосредотачивает их на участке ХРЕДИНО, КОМАРИНО, СТРУГИ КРАСНЫЕ, с целью дальнейшего усиления наступления.

2. На участке ВЫБОР, ПУШКИНСКИЕ горы, ОПОЧКА пр-к ведет бои за переправы и выбрасывает вперед отдельные группы с целью захвата рубежей для обеспечения продвижения главных сил.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА СЕВ. ФРОНТА — ГЕНЕРАЛ-МАЙОР НИКИШЕВ

НАЧАЛЬНИК РО ШТАБА СЕВ. ФРОНТА — КОМБРИГ ЕВСТИГНЕЕВ»²

Как видим, нет речи еще даже о Лядах, не то что о Поречье.

А направления ударов противника все те же: Луга, Новгород, Гдов.

¹ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 205, с. 32–33.

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 169, л. 132–133. В разведсводке № 95 к 8.00 о псковском направлении отчетов нет.

И соответственно уже 12 июля в ЖБД Северо-Западного фронта появляется запись: «Командование СЗФ решает силами 1 МК (3, 21 тд, 202 мд) разгромить выдвигающегося противника на Сольцы».¹

В немецких штабах

Гальдер: «Танковая группа Гепнера, авангарды которой ослаблены и устали, лишь незначительно продвинулась в направлении Ленинграда. Донесения командования группы армий „Север“ о том, что на ее восточном фланге противник отходит, явно имеет в виду лишь местный тактический отход. <...>

14.00 — Главком вызвал меня по телефону. Фюрер недоволен медленным продвижением войск правого крыла группы армий „Север“ и требует направить 19-ю танковую дивизию на север с целью окружения противника. <...>

Обстановка на фронте вечером.

<...> Большие затруднения в продвижении 1-й и 6-й танковых дивизий из-за плохого состояния дорог. Сопrotивление противника перед правым флангом 16-й армии, видимо, начинает ослабевать. <...>

Авиация противника проявляет бóльшую активность, чем до сих пор, в полосах групп армий „Юг“ и „Север“. В связи с этим намечено 13. 7 произвести воздушные налеты на аэродромы противника. <...>

Перед фронтом группы армий „Север“ авиаразведка не велась из-за неблагоприятных условий погоды».²

О больших затруднениях в продвижении танковых дивизий Гальдер просто не мог не упомянуть.

Исаев: «В своем докладе Гепнеру генерал Рейнгардт еще 12 июля прямо указывал: „Противник сражается упорно и имеет на своей стороне все преимущества местности“. В целом картина, которую нарисовал командир XXXXI корпуса в своем докладе командующему танковой группой, была преисполнена уныния:

„Противник сражается упорно и имеет на своей стороне все преимущества местности <...>. Даже если корпусу благодаря самоотверженности солдат доселе удавалось за один день преодолевать большие пространства и при этом громить крупные силы противника, то теперь этого вряд ли можно ожидать. Обусловленная местностью невозможность добиваться быстрых и решительных успехов за счет концентрации превосходящих сил, в первую очередь танков и артиллерии, приводит к трудному и долгому прогрызанию возникающей снова и снова обороны противника. Авангарды вынуждены в оди-

¹ Там же, ф. 221, оп. 1351, д. 201, л. 25.

² Гальдер, 2004. С. 110–114.

ночку вести борьбу на главной дороге и по обе стороны от нее, в то время как крупные силы дивизий бездействуют в тылу на немногочисленных дорогах, потому что плохие дороги и болота не позволяют им осуществить развертывание. В этих условиях воздействие ударов вражеской авиации увеличивается, поскольку скопившиеся в ограниченном пространстве массы транспорта представляют собой заманчивые цели. Из всех этих сложностей я должен сделать вывод, что наступление корпуса весьма замедлится, и войска, которые ранее благодаря полноценному использованию своего вооружения продвигались на 50 км и более в день, вынуждены будут прилагать те же усилия, чтобы продвинуться не более чем на 10 км — при том, что преодолеваемые препятствия будут постепенно истощать их силы. <...>

Не мне оценивать, должен ли корпус в этих условиях быть переброшен туда, где лучшие условия местности позволят ему продвигаться быстрее, — я подразумеваю в первую очередь путь через Эстонию и дефиле у Нарвы на Ленинград. Однако я должен по меньшей мере просить о том, чтобы корпусу было разрешено развернуться влево между шоссе Псков—Ленинград и озером Пейпус. Это позволит отойти от большой дороги, которая ведет по плохой местности и привлекает в район, который, судя по карте, готовит меньше сложностей¹».²

Вот оно естественным образом рождающееся решение о совершении флангового маневра.

Какие еще здесь могут быть сомнения?

Исаев пишет далее: «Если уж обсуждать вопрос о том, чьи действия заставили немцев принять решение о смене направления наступления, то в качестве первого кандидата будут выступать остатки отброшенных от Пскова соединений, а не подразделения Лужской оперативной группы. На момент написания доклада Рейнгардта (12 июля) в бой успели вступить только части прикрытия Лужского рубежа».³

А. В. Исаев здесь явно недооценил «части прикрытия Лужского рубежа»; 177-я дивизия Машошина, артиллерия Одинцова, а также 21-я танковая дивизия Чеснокова и 24-я танковая дивизия полковника Родина действительно успели вступить в бой, и 1-я танковая дивизия немцев косвенно весьма высоко оценила их действия, запросив помощи 6-й танковой дивизии.

Да, спору нет. Отступающие подразделения кадровых войск, конечно же, отчасти сдерживали напор немцев. Но, безусловно, не они

¹ NARA, t 314, r 980, f 258.

² Исаев, 2011. С. 257–258.

³ Там же. С. 258.

явились причиной флангового маневра. Однако не основной причиной поворота двух дивизий на Гдов были и «условия местности», о которых так много написано в немецких документах.

Причина совершения этого маневра немецкими военачальниками складывается из многих факторов.

Первый и главный фактор заключается в том, что произошло явное замедление продвижения вперед немецких ударных кулаков, что само по себе имеет под собой множество оснований и множество следствий.

Немецкая сторона главную причину видит здесь в качестве дорог и в условиях местности, очень неохотно упоминая и о возросшем сопротивлении наших войск.

Несостоятельность немецкой точки зрения при ближайшем рассмотрении становится очевидной.

Первое. Вряд ли кто-то, даже особенно пристально не изучая вопрос, будет настаивать на том, что дороги и условия местности до Пскова были на порядок лучше дорог и условий местности после Пскова. Болот же хватало и в Прибалтике, однако до этого немцы лихо мчались вперед и только хвастались, как легко они преодолевают эти самые условия местности и как быстро восстанавливают разрушенные мосты. Это не имело для них особенного, тем более решающего значения, наоборот, подчеркивало великолепную организацию саперных служб и войскового взаимодействия.

Второе. Вряд ли кто станет с пеной у рта доказывать и то, что, рванув по псковским лесам и перелескам, немцы нашли значительно более хорошие дороги и условия местности, чем на трассе Псков—Ленинград.

Соответственно, дело здесь не просто в дорогах и условиях местности, а в той системе оборонительных сооружений, которые успели возвести ленинградцы на главной дороге, ведущей к городу.

Следует их перечислить. Это и противотанковые рвы, и минные заграждения, и бетонированные, а кое-где и одетые в броню, снятую с кораблей, долговременные укрепленные огневые точки, это и умело использованные в инженерном отношении складки местности и речные преграды.

В общем, все то, о чем так хорошо сказано в Боевом дневнике 6-й танковой дивизии в приведенной немного выше выдержке. Напомню еще раз:

«Перед дивизией открывается нагромождение высот, что представляет возможность при наименьшем руководстве создать своеобразную крепкую оборону Ленинграда».

Не забудем отметить и еще одну немаловажную деталь. После того как 6-я танковая дивизия была переведена с правой стороны дороги Псков—Луга на ее левую сторону ценой потери целого боевого дня, немецкому командованию наверняка страшно не хотелось

возвращать ее обратно на правый фланг наступления. Использовать же еще одну танковую дивизию там, где и одной-то было не развернуться, и вообще не имело смысла. Поэтому неожиданная идея двинуть дивизию еще левее всем показалась великолепнейшим выходом из создавшейся ситуации. О том же, что главным направлением удара является совсем другой фланг наступления, в этот момент все постарались как-то забыть.

Об этом же говорит И. Хомяков в своей замечательной книге «История 24-й тд»:

«12-го июля командир наступавшего на лужском направлении 41-го моторизованного корпуса генерал Рейнгардт доложил командующему 4-й танковой группы генерал-полковнику Гепнеру, что после потери Пскова советское командование начало вводить в бой против корпуса новые подготовленные части. Русские сражаются упорно и отчаянно, к тому же усилились удары с воздуха по скоплению танков и автомашин, которые не могут быстро продвигаться из-за плохих дорог и представляют собой выгодные цели. На шоссе Псков—Ленинград множество воронок, причем их с каждым днем становится все больше и больше после налетов русской авиации. Поэтому генерал Рейнгардт, вопреки плану прорыва к Ленинграду кратчайшим путем по Киевскому шоссе, просил разрешения свернуть с шоссе влево — на кингисеппское направление. В свою очередь 13-го июля Гепнер доложил командующему группы армий „Север“ генерал-фельдмаршалу Леебу, что продвигаться по дороге Псков—Ленинград становится все труднее. Перед 1-й танковой дивизией в районе Заполья оказались новые позиции. Не только южнее, но и севернее города Луги обнаружены укрепленные позиции и минные заграждения. В связи с этим, решено обойти эту оборону с запада: оставив на реке Плюсса 269-ю пехотную дивизию, основные силы 41-го моторизованного корпуса (1-ю и 6-ю танковые, 36-ю моторизованную дивизию) повернуть на северо-запад, чтобы прорваться к Ленинграду через Копорское плато».¹

Очень интересны записи за этот день в дневнике Риттера фон Лееба.

«Начальник штаба группы армий побывал сегодня в расположении 4-й танковой группы и 41-го моторизованного корпуса. Большие потери. Если наступление и далее будет осуществляться таким темпом, то вскоре войска будут измотаны. Кровавопролитные лесные бои. Танковая группа не в состоянии прочесывать леса. Поэтому необходимо заменить ее в скором времени пехотными соединениями обеих армий. Начальник штаба группы армий уже обмолвился о том, что необходимо умерить темп наступления. Наиболее сильные потери по-

¹ Хомяков И. М. История 24-й танковой дивизии РККА. Рукопись. С. 90–91.

несла моторизованная дивизия СС „Мертвая голова“, ее наступление повсеместно (Краслава, Себеж, Опочка) остановлено. Необходимо заменить ее пехотной дивизией. Назрела кардинальная реформа: необходимо привлекать на командирские должности до ротного звена включительно офицеров запаса из состава бывшего рейхсвера. Они должны будут проходить также и соответствующую переподготовку.¹
<...>

18.00. Разговор с начальником штаба 18-й армии полковником Хассе: 1-й армейский корпус должен как можно быстрее подтянуться к шоссе Остров—Псков. Согласование вопроса об использовании открытых флангов. По-прежнему остается неясным вопрос о целесообразности направления в Эстонию дополнительно третьей дивизии.

Начальник штаба группы армий „Север“ генерал Бреннеке разговаривал с начальником оперативного управления ОКХ полковником Хойзингером. По словам последнего, фюрер уже больше не придает особого значения Петербургу. Адъютант фюрера полковник Шмундт, который побывал у нас несколько дней назад, говорил совершенно противоположное. Какая информация является правильной? В любом случае завтра я смогу обсудить этот вопрос с Гепнером...»²

По всей видимости, Риттер фон Лееб хотел прежде всего выяснить у Гепнера, как скоро сможет он достичь Ленинграда.

Однако обстановка в предполье Лужского рубежа обороны сложилась отнюдь не на руку командующему группой армий «Север».

Немцы прекрасно поняли, что оставшаяся узкая лента дороги Псков—Ленинград с хорошо организованным предпольем рубежа обороны совершенно лишает их главный аргумент — танковый кулак — его основной силы, ибо продвижение тонкой струйкой вперед, не позволяющее развернуть в параллельных потоках всей мощи танковой дивизии, самоубийственно.

Исходя из этого, немецкому командованию стало отчетливо ясно, что без тщательной подготовки здесь сходу к городу не прорваться.

Дальше начала работать основная тенденция развития всех боевых операций вермахта. Как они пересекали границу СССР, ударив по трем направлениям, так случилось и здесь. Классические Канны не давали покоя генералам III Рейха. Они, продолжая подавлять пехотными частями по центру, занесли клешни слева и справа — на Кингисепп и на Новгород.

Далее мы увидим, как развивалась эта стратегия, и к чему она привела.

¹ Необходимость привлекать на службу офицеров рейхсвера (название вооруженных сил Германии в 1919–1935 гг.) свидетельствует о серьезных потерях среди офицерского состава вермахта (вооруженные силы Германии 1935–1945 гг.)

² Лебедев. С. 68–69.

Сейчас же лишь еще раз отметим, что командование Ленинградского военного округа приложило титанические усилия для укрепления Лужского рубежа обороны вообще, а Лути, на которую был направлен мощный кулак в виде 4-й танковой группы Гепнера, в особенности. Еще 10 июля командующий Северным фронтом М. М. Попов, изучая вместе с командующим Лужской оперативной группой К. П. Пядышевым ситуацию на фронте, рассуждал так: «Не ошиблись ли мы, полагая, что противник пойдет на Лугу? А если ударит на флангах? И все же я почему-то уверен: фон Лееб должен пойти на Лугу. Ведь это кратчайший путь до Ленинграда».¹

Это рассуждение Маркиана Михайловича не представляет из себя ничего особенного. Естественно, враг будет стремиться достичь цели кратчайшим путем. Представлял прекрасно Попов и необходимость прикрытия флангов, чтобы, наткнувшись на непреодолимую преграду на кратчайшем пути, враг не имел возможности обойти ее. Однако сил явно не хватало. Поэтому ошибка командующего в данном случае была вынужденного характера. Он не мог не укрепить с максимальной возможной эффективностью кратчайший путь к городу. И вынужден был делать это за счет флангов. Здесь Попов честен в своих воспоминаниях.

Конечно же, ни в коем случае не следует снимать со счетов того, что пишет в своих воспоминаниях другой участник этих событий — командующий ВВС Северного фронта А. А. Новиков. Он тоже предельно откровенен: «Когда обращаешься к событиям такой давности, то без документов почти невозможно восстановить их последовательность, вспомнить, что произошло в тот или иной день. Обстановка в июле была столь напряженной, что уже по прошествии недели нельзя было доверять памяти». Далее он признается: «Поэтому я каждый день делал коротенькие записи в карманном дневнике, с которым никогда не расставался. Так было всю войну. Кончалась одна записная книжка, заводил другую. К сожалению, по не зависящим от меня обстоятельствам дневники эти не сохранились. Я очень переживал их потерю. Кое-что удалось восстановить по памяти, правда, уже без многих деталей. Но вот 12 июля запомнилось во всех подробностях...»²

И далее идет кусок уже нам известный.

И теперь мы видим, что предпосланный Новиковым пассаж именно в этом месте совсем не случаен. Судя по всему, ему, в отличие от Рауса, не довелось по тем или иным причинам заглядывать при написании воспоминаний в хранящиеся в архиве МО документы.

А по документам, как мы видели, 11 июля было выявлено движение немцев по линии Псков—Гдов, 12 июля в этом смысле ни-

¹ Кринов. С. 16.

² Новиков. С. 85–86.

каких существенных изменений отмечено не было. Ляды же появляются впервые в оперативных документах только на следующий день — 13 июля. И в первом же документе, в котором упоминаются Ляды, есть одна странность.

Вот этот документ:

**Оперативная сводка № 28/оп., штаб СЗФ, Новгород,
по состоянию на утро 13. 7. 41.**

«Части 11 А в течение 12. 7 и в ночь на 13. 7, сдерживая наступление противника вели оборонительные бои. ГДОВСКОЕ направление прикрывает 118 сд, занимая рубеж на высотах сев. Ст. Маслогостицы. Связь со штаком¹ с 9. 7 дивизия не имеет. Потери ее значительные. Силы противника перед фронтом дивизии определяются один-два полка с артиллерией.

По данным наштафронта СФ передовые части пр-ка к исходу 12. 7 заняли Ляды, Плюсса, Николаево^{2,3}».

Странность заключается в том, что в поданной утром 13. 7 сводке вписано от руки (значит, уже после ее формирования — когда?), что немцы к исходу дня 12. 7 заняли Ляды, то есть в то время, когда они еще только намеревались туда отправиться. Раус получил приказ выступать, согласно Боевому дневнику 6-й танковой дивизии, в 21.15, то есть как раз на исходе дня. Вряд ли Раус мог тотчас выехать в путь и за пару часов преодолеть 60 километров по уже известной нам всем местности.

Также и из воспоминаний секретаря райкома партии В. А. Колобашкина следует, что решение о переброске ополченцев к Ивановскому было принято уже 12 июля. Колобашкин, так же как и Угрюмов, пишет, что отправились эшелоны только в ночь с 13 на 14 июля. Сообщение о чрезмерно долгой подготовке к отправке в данном контексте весьма любопытно. Но гораздо важнее другое его дополнение: «Мы должны были ехать под Лугу, но не доехали. Для ликвидации прорвавшейся немецкой группы мы высадились на ст. Веймарн».⁴ Это дополнение свидетельствует не столько о том, что изменена была станция назначения, сколько о том, что неожиданно изменилась ситуация. Выслать дивизию предполагалось, конечно же, не в Лугу, а в Кингисепп — на усиление кадровой 191-й стрелковой дивизии. Ко-

¹ Набранное курсивом вписано от руки вместо зачеркнутого «ЕЛИЗАРОВО. Связь со штаком».

² Вписано от руки на полях слева.

³ ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 57_1, с. 134–136.

⁴ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 5, св. 593, д. 3182.

лобашкин так и вспоминает: «Дальше состав не пошел».¹ Дальше он мог идти по этой ветке только в Кингисепп.

Есть и еще одно бравурное утверждение: «Новое направление вражеского удара разведка Северного фронта обнаружила своевременно, наиболее точные и четкие данные о движении немецких танков и мотоколонн от Струг Красных и Плюссы на Ляды и дальше к реке Луге передала разведывательная группа В. Д. Лебедева, засланная в тыл врага».²

Когда и что именно передала группа Лебедева, Михайлов не пишет. И не пишет потому, что эта информация полностью разрушает официальную трактовку.

Виктор Дмитриевич Лебедев рапортовал: «13. 7. 41. Большое движение танков и автомашин от Плюссы на Ляды и от Струги Красные на Гдов...»³

В этот день 2-я ДНО лишь только готовилась к отправке на фронт.

Согласно политдонесению № 8⁴ от 12 июля 1941 г., то есть практически накануне отправки дивизии на фронт, на вечер 11 июля в составе 2-й ДНО числилось 9201⁵ человек, из них рядовых — 7523 человека, младших командиров — 1012 человек, командно-политического состава — 666 человек, коммунистов — 1177 человек (13 %), комсомольцев — 1750 человек (19 %).

Здесь обращает на себя внимание тот факт, что сумма среднего и старшего командно-политического состава дивизии составляет 666 человек.

Общее же число ополченцев в разных документах указывается разное. Сейчас уже вряд ли возможно разобраться в причинах этих расхождений.

Для общей характеристики дивизии приведу фрагмент статьи Ю. И. Колосова «Московский на передовой»⁶

¹ Там же.

² Михайлов. С. 30.

³ Винницкий. С. 26.

⁴ ЦГАИПД, ф. 2281, д. 195.

⁵ В этом политдонесении приведена таблица, согласно которой общее число человек в дивизии 9201, а не 9210. Ошибка, приведенная в итоговой графе, может быть объяснена лишь поспешностью составления донесения. Более подробные данные (см. далее) дают другой численный состав. Также А. Колесник (в книге Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1988. С. 14), основываясь на докладной записке Жданову, приводит другие цифры: численность 2-й ДНО — по штату 11 739, некомплект — 3018. Таким образом, согласно данным Колесника, в дивизии было не 9201, а всего 8721 человек.

⁶ Муниципальный округ «Пулковский меридиан».

«...2-я (Московская) дивизия Героя Советского Союза полковника Н. С. Угрюмова <...> была сформирована из рабочих и служащих „Электросилы“, „Скоророда“, „Пролетарской победы“ № 1 и № 2 и Мясокомбината им. С. М. Кирова. До штатного состава дивизия была укомплектована трудящимися Ленинского и Кировского районов. В дивизию вошли 132 секретаря первичных партийных организаций Московского района и 18 работников райкома партии. Ленинградский округ выделил небольшое количество вооружения и материально-технических средств, но основная тяжесть в этом обеспечении легла на плечи трудящихся Ленинграда. На фабриках и заводах днем и ночью выполнялись срочные военные заказы по изготовлению боевой техники и военного снаряжения, стрелкового и артиллерийского вооружения, снарядов и мин, гранат и бутылок с горючей смесью (получивших название «Коктейль Молотова»), военного обмундирования и предметов армейского быта. На предприятиях Московского района было изготовлено 11 475 котелков, 2335 саперных лопат, 9725 патронташей, 8260 вещевых мешков, 17 000 подсумков, 5285 финских ножей. Также было произведено 1760 пар обуви, 12 000 касок, 8 походных кухонь и сшито 200 гимнастеров и брюк. Московский район передал ополчению 163 автомобиля. Предприятия района изготовили для ополченцев военное снаряжение на 384 тыс. рублей.

2-я дивизия народного ополчения (ДНО) получила 8500 винтовок и еще 317 имела в резерве в отличие от других дивизий, имевших большей недокомплект. Хуже обстояло дело со стрелковым автоматическим оружием. Во 2-й ДНО предусматривалось иметь 537 станковых и ручных пулеметов, а фактически было только 248. Не лучше обстояло дело и с артиллерией. В дивизии вместо 70 орудий двух калибров было всего 7 орудий 76 мм. Вместо предусмотренных штатным расписанием 147 минометов, было 138. Недостаток в противотанковой артиллерии возмещался гранатами и бутылками с горючей смесью — основным средством борьбы с танками противника. Отсутствие каких-либо артиллерийских средств противовоздушной обороны, а также крупнокалиберных зенитных пулеметов крайне ограничивало возможности дивизии в борьбе с фашистской авиацией.

Огромное количество добровольцев прежде не служили в Красной Армии и практически не имели никакой военной подготовки. Во 2-й ДНО их оказалось к 12 июля 4027 человек. Поэтому сразу же после формирования началась боевая подготовка личного состава. В связи с обстановкой и временем она регламентировалась специальными программами. В них входили общевоинская, огневая и тактическая подготовки. Обучение шло в условиях развернувшегося кровопролитного сражения за город. 2-я ДНО обучалась всего 16 часов, так как находилась в предбоевом состоянии. <...> Значительный вклад в обучение ополченцев внесли преподаватели Института физической

культуры им. П. Ф. Лесгафта. Особое внимание во 2-й ДНО уделялось огневой подготовке, стрельбам из боевого оружия. Результаты были очень высокими: из 124 бойцов и командиров, принимавших участие в стрельбах, 44 получили отличную оценку, 38 — хорошую, 30 — посредственную. Только 12 человек не смогли выполнить упражнения по стрельбе. Хуже обстояло дело с тактической подготовкой. Обстановка не позволяла проводить учение...»

Да, обучаться было некогда. Всего 16 часов успели выделить на обучение части личного состава, отправляемой на передовую дивизии.

Смоленское сражение. 22-я, 19-я и 20-я армии Западного фронта перешли в наступление с задачей освободить Витебск.

В районе Витебска 3-я танковая группа отражает контратаки советских войск с севера и востока. Одновременно 19-я танковая и 14-я моторизованная дивизии взломали советскую оборону севернее Полоцка и устремились на Невель, выходя в тылы нашей 22-й армии. 22-я армия вынуждена была оставить Полоцкий укрепрайон и отходить на северо-восток.

2-я танковая группа развернула наступление на Смоленск и Кричев, охватывая фланги 13-й армии, оборонявшей рубеж Днепра в районе Могилева.

Киевская операция. В районе Бердичева 1-я танковая группа отражает контратаки советских войск с юго-востока, юга и юго-запада. Немецкая 14-я и 13-я танковые дивизии наступают в направлении Белой Церкви, обходя Киев с юга.

12 июля. В Москве подписано соглашение «О совместных действиях правительств СССР и Великобритании в войне против Германии».

Документальная строка

«Ленинград. 12 июля. Из телеграммы обкома ВКП(б) и облисполкома секретарям райкомов партии и председателям райисполкомов: „Поднять поголовно все население колхозов и других организаций на оборонительные сооружения в соответствии с указаниями военных представителей“».

«КП 177-й сд. Из донесения штадива 177-й о ходе боев: „Уничтожив до батальона мотопехоты, 1/483 сп отошел с рубежа р. Плюсса. 3/483 сп под сильным воздействием вражеского артиллерийского огня и пехоты с танками отошел в район Ширяги...

Начальник штаба подполковник Павлов“».¹

¹ Кринов. С. 35.

Лужское направление. Деревня Рютень. КП опергруппы штаба 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии:

«Начальник разведки дивизии майор Масленников доложил, что противник продолжает атаковать 1-й и 3-й батальоны 483-го стрелкового полка силами не менее пехотного полка, поддержанного танками и артиллерией. Передний край постоянно обрабатывается вражеской авиацией. Выдержать такой натиск необстрелянным бойцам нелегко.

И вот очередная неожиданность. Начальник штаба 483-го полка капитан Богатырев сообщил, что 1-й батальон старшего лейтенанта Шеловича отошел, с ним потеряна связь. Я не успел подробно разобраться в обстановке, как вызвал комдив.

- Слыхал? Побегал Шелович. Такой рубеж бросил! — горячился Андрей Федорович.— Где батальон? Штаб знает?

- Пока еще не выяснил. Послал в полк Масленникова,— отвечаю возможно спокойнее. Знаю, что в такие минуты Машошин бывает крут.

- Так и есть! Никто ни черта не знает! — продолжал бушевать командир.— Адьютант, машину!

Комдив сел в броневичок и отправился в 483-й полк.

Я позвонил Харитонову. Просил его встретить командира и ни в какое пекло не пускать. Образовавшуюся прореху юго-восточнее станции Плюсса попросил прикрыть огнем артиллерийской группы. Но, оказывается, наш начарт полковник Фомин был уже в курсе событий и доложил, что полковник Одинцов подготовил сильный огневой заслон. Пять дивизионов артиллерии способны охладить горячие головы гитлеровцев.

К исходу дня батальон Шеловича обнаружили в лесу недалеко от станции Плюсса. Машошин приказал построить бойцов на небольшой полянке. Лично проверил людей, оружие, боеприпасы. Затем приказал старшему лейтенанту Шеловичу выйти перед строем.

- Адьютант, отберите у труса оружие!

Дрожащей рукой Шелович вынул из кобуры пистолет и передал его лейтенанту Лясиному, своему хорошему другу.

- Бойцы! — обратился Машошин к строю.— Вы знаете, что заслуживают предатели и трусы на войне. Но я не хочу, чтобы боевая история нашей славной дивизии была испачкана фактом трусости. Вы пойдете вместе с комбатом и восстановите положение. Правильно я говорю?

Вздых облегчения прокатился над строем. Раздались выкрики: „Правильно!“, „Вышибем гадов!“

Шелович поднял голову, распрямился. Его глаза светились отчаянной решимостью.

– Товарищ комдив, кровью смою свой позор! Жизни не пожалею. Разрешите встать в строй? — Голос его окреп и обрел ту характерную чеканность и твердость, которая свойственна строевым командирам».¹

Северо-Западный фронт. 11-я армия. Село Медведь. Штаб 70-й стрелковой дивизии

Николай Андрианович Виноградов, полковник, начальник штаба дивизии:

«Война застала нас в лагерях под Ленинградом. Затем дивизия была срочно переброшена за Выборг. Места знакомые. Здесь зимой сорокового года мы принимали боевое крещение. Под Выборгом родилась боевая слава дивизии: ее подвиг отмечен орденом Ленина, а шестнадцать самых отважных бойцов удостоены звания Героя Советского Союза. В их числе бывший комбат, командир 68-го стрелкового полка капитан А. Краснов.

Но на старых рубежах дивизия пробыла недолго.

Противник нацелился на Ленинград с юго-запада. Форсированным маршем нас перебросили под Лугу. Едва успели сосредоточиться — новый приказ: войти в состав 11-й армии Северо-Западного фронта.

Дивизия заняла оборону в междуречье Мшаги и Шелони, прикрыв левый фланг Лужского оборонительного рубежа в полосе Северо-Западного фронта. Здесь проходят дороги Псков—Уторгош—Луга и Порхов—Шимск—Новгород. Куда повернет противник? Вопрос, который одинаково беспокоил и нас, и командарма, и командующего фронтом.

К утру вернулись дивизионные разведчики. Вели поиск западнее Сольцов. Противника не обнаружили. Издалека слышали гул артиллерийской канонады. Но в последней разведсводке штаба сообщалось, что противник, невзирая на открытые фланги, рвется на Сольцы и Старую Руссу. Неужели задумал обойти Ленинград с юго-востока?

Вечером получили из штаба армии телефонограмму: командира дивизии генерала Федюнина и меня срочно вызывал командарм генерал-лейтенант В. И. Морозов.

Приказано взять с собой карты на район Сольцы—Ситня—Вшели.

Прочитав телефонограмму, командир дивизии выразительно посмотрел на меня:

- Догадываешься, зачем карты понадобились?
- Зайдем новые рубежи обороны.

¹ Кринов. С. 31–32.

– А может, и не для обороны. Впрочем, собирайтесь! Через полчаса выезжаем».¹

Лес северо-восточнее деревни Городище. 835-й стрелковый полк 237-й стрелковой дивизии

Вячеслав Марак, лейтенант, командир взвода разведки полка

«Наш полк занял оборону правее 70-й дивизии. Надлежало контролировать дорогу Городище—Уторгош. Вечером 12 июля меня вызвал командир полка подполковник А. М. Кибальчич и приказал установить, что делается на правом фланге полка. Сказал, чтобы попытались захватить „языка“, это крайне важно.

Первое настоящее боевое задание для молодого лейтенанта! В моем воображении рисовался короткий бой: фашисты уничтожены, схвачен офицер, и я доставляю врага прямо к командиру полка.

В ночь мы выступили. Просеками, лесными дорогами пробрались к деревне Городище. Странно, никаких признаков жизни. Даже собак не слышно.

За селением решили ехать по обочине. Кони словно понимали важность боевого задания: мягко ступали по пыли, не ржали. У развилки шоссе мы остановились.

Слышу — где-то впереди далекое тарахтение мотора, словно молотилка работает. Помкомвзвода говорит:

– Товарищ лейтенант, похоже, мотоциклист едет!

Сержант Трофим Гаплик быстро спрыгнул с лошади, припал к земле.

– Тоже мне разведчик! Мотор — не лошадь, так не услышишь.

Исчезают последние сомнения. В нашу сторону по Псковскому шоссе катит мотоциклист. Принимаю решение устроить на шоссе засаду.

Мотоциклисты почти поравнялись с нами. Их оказалось трое. Двое впереди, один чуть сзади. Трудно сказать, кто сделал первый выстрел, первым бросил гранату. Все это произошло мгновенно. Кажется, и я стрелял.

„Языка“ мы не взяли, живых фашистов не осталось. Но документы — три солдатские книжки, фотоснимки, письма — захватили. Из них следовало, что гитлеровцы принадлежат к штабному подразделению дивизии СС „Полицай“. Взяли и трофеи — автоматы и один исправный мотоцикл».²

¹ Кринов. С. 32–33.

² Кринов. С. 33–34.

Ленинград. Штаб Северного фронта

Начальник Инженерного управления фронта полковник Б. В. Бычевский:

«Маркиан Михайлович Попов принял Ленинградский округ только в феврале 1941 года. Но до начала войны успел уже объездить всю его огромную территорию от Баренцева моря до полуострова Ханко. Командующий слыл непоседой, и мне всегда почему-то казалось, что служебный кабинет тесен для него. Вот и на этот раз ему никак не сидится за столом. Слушая доклады, он размашисто прохаживается из угла в угол, нагнув красивую светловолосую голову, и только ненадолго останавливается у карты.

Сведения, которыми мы располагаем, не очень конкретны и часто противоречивы.

Командующий Лужской группой генерал-лейтенант К. П. Пядышев утверждает, что, по его мнению, через предполье пробивается передовой отряд танковой дивизии силой примерно в две роты танков и до батальона пехоты. Бои с этим отрядом идут на реке Плюссе.

У начальника артиллерии фронта генерал-майора В. П. Свиридова несколько иные данные. Ему сообщили, что подразделения 483-го стрелкового полка не выдержали натиска танков и уже отошли за Плюссу. В бою артиллеристы подбили двенадцать вражеских машин.

Командующий военно-воздушными силами фронта генерал-майор авиации А. А. Новиков докладывает, что летчики обнаружили в районе Струг Красных скопление автомашин и танков общим числом до двухсот единиц. Отмечено большое движение войск по дорогам от Пскова на Гдов и на Порхов.

— Чего стоит такая разведка? — сердится командующий. — Ни одного пленного, никакой документации... Чьи танки в Стругах Красных? Кто движется на Гдов? Вы, Петр Петрович, можете уточнить? — обращается он к Евстигнееву.

Начальник разведотдела развертывает свою карту:

— Из Пскова на Гдов с боями отходит сто восемнадцатая стрелковая дивизия Северо-Западного фронта. Разведчики, которых мы выслали в район боев, радируют, что против нее действуют первая и пятьдесят восьмая пехотные дивизии немцев. Обе они значатся в составе восемнадцатой армии.

— Но соединения восемнадцатой армии отмечены и в Эстонии. Выходит, она наступает по обоим берегам Псковского и Чудского озер?

— Должно быть, так, товарищ командующий.

— А к Луге кто рвется? Видимо, четвертая танковая группа Гепнера? Какие именно дивизии?

— Не могу доложить,— отвечает Евстигнеев. Генерал Никишев высказывает предположение, что главный удар танковой группировки следует ждать на Лугу, откуда открывается прямой и самый короткий путь на Ленинград. Командующий с этим соглашается, но выражает недоумение, почему часть танков противника на полпути от Пскова до Луги повернула к Гдову. Может быть, оттого, что там в лесах есть дороги не только на Гдов, но и на Кингисепп? Недаром под Кингисеппом все время висит воздушная разведка немцев.

— А когда будет под Кингисеппом вторая дивизия народного ополчения? — спрашивает М. М. Попов.

Начальник штаба заверяет, что первые эшелоны дивизии ополченцев должны уже завтра выгрузиться на станции Веймарн в десяти километрах от своих позиций. Не забывает он сказать и о пехотном училище имени С. М. Кирова, которое уже заняло оборону по реке Луге у деревни Сабск.

Попов нервно трет большое родимое пятно на подбородке:

— Пехотное училище, конечно, сила! Сколько у него сейчас пушек?

— Генерал Пядышев выделил полковнику Мухину два дивизиона из артиллерийского училища,— докладывает Свиридов.— Больше нельзя. Основные силы артиллерийской группы надо сохранить под Лугой, товарищ командующий.

Попов опять возвращается к своей карте. Слабость войск на правом фланге лужского рубежа очевидна, хотя путь туда от шоссе Псков—Луга кажется длинным и из-за плохих лесных дорог малоудобным для моторизованных частей противника.

— Надо все-таки прикрывать направление Нарва—Кингисепп,— принимает решение командующий.— Перегруппируем сто девяносто первую стрелковую дивизию из Кингисеппа фронтом на юг. Отведем ей полосу: южнее Сланцев до озер Самро и Долгое,— показывает он на карте.— Товарищ Никишев, отдайте соответствующее приказание генералу Пядышеву. <...> И завтра же следует контратаковать в предполье на Плюссе. Задача — отбросить противника за реку.

С тем Маркиан Михайлович и ушел в Смольный. А возвратившись оттуда уже ночью, приказал мне взорвать три тяжелых фугаса, заложенных в Стругах Красных. По данным разведки, минированные нами здания и дворы были заняты вражескими частями».¹

На мой взгляд, здесь этот отчет выглядит все же более естественным, чем 11 июля, как это подается во всех советских изданиях.

¹ Бычевский. С. 26–28.

ЧЕТВЕРТАЯ НЕДЕЛЯ ВОЙНЫ

13. 7. 1941 — воскресенье

Посмотрим, что делала боевая группа Рауса в этот день.

Раус: «Рано утром 13 июля, отдохнув не более 3 часов, мы двинулись дальше. Как раньше, наш маршрут пролегал по заболоченной местности, и потому мы продвигались очень медленно. Раз за разом машины и даже целые куски колонны вязли в грязи или на песчаных участках, перемежавших болота. Моторы перегревались от непосильного напряжения. Нам приходилось часто останавливаться, чтобы долить воды в радиаторы. На особенно крутых откосах мы вытягивали грузовики танками или тягачами.

После этих исключительно трудных и утомительных маршей и боев наш авангард сумел внезапной атакой захватить мост через реку Плюсса и создал плацдарм в Лядах. Эту внезапную атаку провел лейтенант, командовавший передовым взводом, причем без всяких приказов. После того как он и его солдаты в ожесточенном бою в нескольких километрах южнее Плюсса разогнали русских саперов, он прыгнул в свой командный вездеход и отдал солдатам предельно простой приказ: „Следуй за мной!“ Стремительно двигаясь по песчаной дороге и продираясь сквозь кустарник, он устремился к мосту, чтобы попасть туда раньше отступающих русских. Взвод последовал за командиром, стараясь не обращать внимания на возобновившуюся стрельбу противника. Обогнав саперов, они застигли врасплох охрану моста, которая была уничтожена раньше, чем сообразила, что происходит. В результате решительных действий мост длиной 150 и высотой 10 метров попал в наши руки без боя. Мы создали плацдарм, после того как подавили последние очаги сопротивления Советов в Лядах. Цель была достигнута, хотя для этого пришлось за 9 часов проделать 59 километров, что составляло примерно по 6,5 километров в час».¹

Прежде чем восстановить более полную картину описанных здесь событий, обратимся к Боевому дневнику дивизии за этот день. Согласно Боевому дневнику 6-й танковой дивизии «боевая группа Рауса отправилась в путь в 00.30. Она не встретила на своем пути противника <...> неуклонно двигаясь вперед, с трудом преодолевая дорогу и дважды имея легкие соприкосновения с противником, в 8.30 захватила неповрежденным мост через Плюсс у Ляд, чтобы создать здесь плацдарм. Арьергард боевой группы как раз в это время пересек перекресток в Новоселье. Боевые группы находились в этот момент примерно в 80 км друг от друга.

¹ Раус. С. 97–98.

Передовой отряд Линбрунна выступил непосредственно за группой Рауса. Дивизия намеревается направить его через отряд Рауса и через предместное укрепление дальше в северном направлении до участка на Луге, где по донесению воздушной разведки замечено рытье окопов...»¹

Вот оно. Бычевский не зря отметил, что немецкий самолет-разведчик постоянно вертелся районе Кингисеппа. Около моста через Лугу у деревни Поречье гражданское население еще только роет окопы. Значит, там нет войск. Это еще один аргумент, благодаря которому генерал Рейнхард смог настоять на своем решении и пустить 6-ю танковую дивизию в обход.

Относительно же легких боевых столкновений в Боевом дневнике находим следующее. На обороте листа от 12 июля² от руки вписано, что в 6.35 было у группы Рауса боевое столкновение с противником в районе Бешково (за 8 км до Ляд). Второе столкновение, по видимому, было с пограничниками у лядского моста.

Теперь попробуем разобраться в происходившем более детально.

Под столкновением с противником в районе Бешково, скорее всего, имеется в виду попытка наших пограничников остановить передовой отряд немцев перед развилкой дорог. Дело в том что Бешково, согласно воспоминаниям старожилов этих мест, находилось до войны не справа от дороги (по пути от Струт Красных), как сейчас, а слева. Это был старый эстонский хутор,³ и там вряд ли могла быть устроена засада, хотя, конечно же, всякое могло быть. Однако, по стратегическим соображениям, все же более вероятно расположение засады в нескольких километрах дальше, перед Рудно. За Рудно находится развилка дорог, там сходятся дороги, ведущие к Лядам сразу с двух направлений — от Струт Красных и от Плюссы. Соответственно засаду логичнее всего было разместить именно в Рудно, примерно в двух километрах от Ляд, поскольку это позволяло достаточно быстро выставить заслон как на одно, так и на другое направление. Тем более что согласно документам, изъятых у пленного 1-й танковой дивизии, прорыв немцев ожидался именно от Плюссы, а не от Струт.

За достоверность такого предположения говорит и сам рассказ Рауса, потому что именно от развилки и могли соревноваться в скорости

¹ NARA, t 315, r 323, f 089.

² Дневник заполнялся с помощью печатной машинки с одной стороны листа, обратная сторона каждой страницы (чистая) использовалась для последующих уточнений; на ней от руки вписывалось точное время того или иного события и другие важные детали. А поскольку чистая сторона листа оказывалась всегда перед уже заполненной следующей страницей, то записи на ней относились, естественно, именно к событиям, отраженным на следующей странице.

³ Там и сейчас еще можно найти заброшенное эстонское кладбище с полужаросими могильными плитами.

с охраной моста бронемашин лейтенанта Граберта из группы «Бранденбург-800», ибо инициативным молодым лейтенантом, постоянно следующим впереди и действующим без приказа командира группы, мог быть в данном случае только он. Часовые на мосту, естественно, ничего сделать уже не успели. А ведь если бы мост успели взорвать, у немцев здесь возникло бы очень серьезное препятствие. Плюсса в этом месте течет в низине, а склоны и с той и с другой стороны отвесны и высоки. Высота моста в 10 метров у Рауса указана не случайно.

Второе боевое столкновение, скорее всего, было в самих Лядах с бойцами истребительного батальона, который также мало что мог сделать против хорошо вооруженной боевой группы на бронемашин с крупнокалиберными пулеметами, да еще и поддержанной легкими танками.

Итак, в 8.30 утра 13 июля боевая группа Рауса захватила мост через Плюссу в Лядах.

Передовая группа утром находилась в Лядах, а хвост дивизии — в Новоселье, за Стругами Красными.

В. Пауль: «Боевую группу Рауса, которая 13 июля после 0:30 отправилась в рейд на север, составляли: 4 стрелковый полк, 65 танковый батальон, 8 рота 114 стрелкового полка (бронетранспортерная), 2 и 3 дивизионы 76 артиллерийского полка, 57 саперный батальон, танково-истребительная рота и зенитная батарея, подразделения санитарной роты и подразделения снабжения. Тут же штаб стрелковой бригады. В утренних сумерках 13 июля в руки боевой группы попал 20-тонный мост через Плюссу у деревни Ляды. Уже теперь боевая группа растянулась на 80 км из-за плохих дорожных условий, на тропической жаре, увитая мириадами комаров. Однако она почти не встретила сопротивления, русские были захвачены врасплох. Их сопротивление было сконцентрировано в районе шоссе, ведущего на Лугу.

В то время как боевая группа Рауса, на большом удалении от дивизии, тащилась по плохим дорогам к [реке] Луге, в 10:00 фельдмаршал фон Лееб позвонил по телефону генерал-полковнику Гепнеру: „Поддерживайте и дальше прямой натиск на противника, но избегайте преждевременного истощения танковой группы. Сообразно этому регулируйте силу натиска“.

В 12:00 генерал Рейнхардт прибыл на командный пункт 6-й танковой дивизии.

Дневник боевых действий начальника оперативного отдела штаба дивизии: „Командующий генерал сказал дословно следующее: «Если дивизия еще сегодня достигнет лужского рубежа, выйдет экстренное сообщение и решится судьба войны». Генерал Рейнхардт ставит в известность генерала Ландграфа: «Лужский рубеж — последнее препятствие перед Ленинградом». Генерал Ландграф в 13:00 направляет боевую группу Линбрунна (57 броневой разведывательный батальон), которая должна сменить в авангарде боевую группу Рауса. К 18:00 бо-

евая группа Рауса подтянулась уже настолько, что она смогла возобновить движение от деревни Ляды. Вследствие этой длительной задержки в Лядах генерал Рейнхардт выразил свое неудовольствие. Около 21:00 генерал Ландграф радировал полковнику Раусу: „К мосту через Лугу следует выйти сегодня ночью“.¹

Генерал Рейнхардт был очень недоволен тем, что боевая группа целый день проторчала в Лядах и только к вечеру была готова двинуться далее. Раус оправдывается: «Очень важно понять те трудности, с которыми столкнулся генерал Ландграф, выдвигая главные силы 6-й танковой дивизии к реке Луга. Боевая группа „Раус“ оставила после себя развороченную дорогу, по которой не могли пройти танки и машины дивизии. Мы превратили дорогу в форменное месиво. 13 июля ценой огромных усилий дивизия прибыла в Ляды, но при этом ее части оказались сильно разбросанными. Чуть к востоку от Ляд 1-я танковая дивизия тоже постепенно тонула в болоте».²

Ленинград. Смольный

А. А. Новиков: «Узнав о появлении танков и мотопехоты гитлеровцев в районе села Ляды, Маркиан Михайлович охнул. И было отчего. Командование фронта никак не ожидало, что противник отважится на столь сложный маневр, как почти 150-километровый рейд целого корпуса по бездорожью и через лес. Все твердо считали, что враг будет пытаться во что бы то ни стало взломать нашу оборону на наикратчайшей прямой к Ленинграду — под Лугой.

Сперва Попов даже усомнился в данных воздушной разведки.

— А не напутали летчики? — спросил командующий. — Может, танки им только померещились?

— Вряд ли, — ответил я. — Сведения поступили сразу от двух экипажей. Летчики ясно видели колонны танков и мотопехоты.

— А снимки есть?

— Я уже распорядился произвести фотографирование. Завтра утром³ проведем доразведку и сделаем снимки».⁴

М. М. Попов: «Днем 13 июля я и начальник штаба фронта были вызваны в Смольный к главкому. К. Е. Ворошилов заслушал наш доклад о событиях за сутки, в котором мы подтверждали сведения

¹ Paul. Перевод на рус. яз. см.: <http://centralsector.narod.ru/germ/paulr.htm>.

² Раус. С. 124.

³ Если Новиков говорит о доразведке «завтра утром», значит, разговор этот с Поповым происходил уже вечером. Наши редакторы настаивают на том, что он происходил вечером 12 июля. Но мы видим, что это невозможно; вечером 12 июля немцев еще не было в Лядах.

⁴ Новиков. С. 87.

о движении мотомехчастей и танков противника на наш правый фланг».

Это действительно вполне соответствует восстанавливаемой нами картине. Но далее следует вот что:

«Дополнительной разведкой было также установлено, что вражеские колонны от Ляды повернули на север; танки пошли в обход озера Самро с запада, а мотопехота — с востока».¹

Доразведка, как мы видели, производилась на следующее утро, то есть уже 14 июля. Следовательно, этот разговор с Ворошиловым происходил уже 14 июля днем.

В этот же день в штабе происходило вот что.

Попов: «Днем 13 июля в Смольном, куда мы были вызваны с начальником штаба, К. Е. Ворошилов, заслушав краткий доклад о событиях, происшедших за сутки, обратился к нам с вопросом, как мы расцениваем обстановку у нашего соседа в связи с тем, что немцы овладели Псковом и Островом и вышли к реке Плюссе. Вопрос для нас не был нов. Мы не раз уже обсуждали с Д. Н. Никишевым положение и перспективы развития событий в Эстонии, где 8-я армия была полностью отрезана от войск фронта и по существу действовала самостоятельно. Ее надо было подчинить или командующему Балтийским флотом, или нам. К. Е. Ворошилов полностью согласился с нашими предложениями и тут же высказал соображения о целесообразности передачи 8-й армии в состав Северного фронта. Его поддержали А. А. Жданов и М. В. Захаров. Мы не возражали. Хотя это переподчинение 8-й армии и возлагало на нас дополнительные хлопоты и заботы, но другого, более логичного решения быть не могло. Одновременно было решено передать в состав войск нашего фронта 41-й стрелковый корпус Северо-Западного фронта, который после боев за Псков оторвался от своей 11-й армии и сейчас сосредоточивался в районе Гдова.

Директивой главкома, отданной в тот же день, 8-я армия включалась в состав Северного фронта, и на нас легла ответственность за оборону территории Эстонии, в том числе островов Моонзундского архипелага. К этому времени 8-я армия своими шестью до предела обескровленными дивизиями, насчитывавшими в своем составе 2500–3000 человек, с мизерным количеством техники, вела бои на фронте протяжением до 180 км — от Пярну на побережье Рижского залива и до западного побережья Чудского озера. Частью своих сил армия держала оборону острова Эзель.

Уже в первом донесении командующий 8-й армией генерал-лейтенант Ф. С. Иванов докладывал, что ведет бои с превосходящими силами противника, малочисленные дивизии армии обороняются на широких фронтах и между ними имеются большие промежутки.

¹ Кринов. С. 36.

Никаких резервов армия не имеет. Он настойчиво просил дать ему пополнение людьми и техникой. В сложившейся обстановке оборона хотя бы северной части Эстонии имела для нас огромное значение потому, что с ее потерей мы лишались военно-морских баз и открывали врагу новое, кратчайшее направление на Ленинград — через Нарву и Кингисепп. Вместе с тем противнику предоставлялась бы возможность создать свои военно-морские и воздушные базы в непосредственной близости от Ленинграда и Кронштадта. Все это мы прекрасно понимали, но оказать в ближайшие дни какую-либо практическую помощь 8-й армии были просто не в состоянии».¹

Итак, ни о каком появлении немцев у мостов в Порече 13 июля в наших штабах еще и речи не было.

Обратимся к архивным документам, чтобы понять, что могли Новиков и Попов с Ворошиловым знать днем 13 июля.

Оперативная сводка № 30 к 3.00 13. 7. 41. <...>

«...1. По данным, полученным из оперативной группы генерал-лейтенанта ПЯДЫШЕВА СТРУГИ-КРАСНЫЕ заняты танковыми частями противника. Мелкие группы танков начинают двигаться в западном направлении. <...>

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ПОЛКОВНИК (ЗАЕВ)

НАЧАЛЬНИК ОПЕРОТДЕЛА МАЙОР (ПЕТРОВСКИЙ)»²

Оперсводка № 31, штаб Северного фронта, 13. 7. 41

«...Утра 13.7.41 подтверждается движение колонны противника Ляды.»³ <...>

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ШТАБА СЕВ. ФРОНТА Генерал-Майор (Тихомиров)»⁴

Оперативно-разведывательная сводка № 48

«Штаба Охраны войскового тыла Северного фронта <...> к 15.00 13. 7. 41. Карта 100 000.

Данные о противнике.

¹ Оборона Ленинграда. С. 50–51.

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 81, л. 44.

³ Вписано в уже отпечатанную сводку от руки.

⁴ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 184, л. 37–38.

По данным штаба 7 ПО: 13. 7. 41. в 9.00 противник занял Ляды, что 65 км западнее Луги, откуда мелкими группами направился на Тупичино и Детково (0696) и в сторону Б. Поля (Сланцы) (5660).

Силы противника в Ляды предположительно составляют: рота мото-пехоты, 10 танкеток, около 50 чел. мотоциклистов, 20 орудий ПТО и 2 самолета. <...>

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОХРАНЫ ВОЙСКОВОГО ТЫЛА СЕВЕРНОГО ФРОНТА ПОЛКОВНИК (Антонов)

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ОХРАНЫ ВОЙСКОВОГО ФРОНТА ПОЛКОВНИК (Дреев)»¹

Разведсводка № 98 штаба Северного фронта к 21.00 13. 7. 1941 г.

«...7. ПСКОВСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ.

а) В течение второй половины дня 12. 7 и утра 13. 7 пр-к продолжал развивать наступление в ЛУЖСКОМ и ПОРХОВСКОМ направлениях и к 16.00 12. 7 вышел на рубеж р. ПЛЮССА. Предположительно на рубеже ПЛЮССА-НИКОЛАЕВО действует до мотодивизии 60 танками и двумя артдивизионами. Одновременно одной частью сил пр-к предпринял обходные движения на ДРЯЖНО, ЛЯДЫ, ЧЕРНЕВО. 18.20 12. 7 отмечено сплошное движение автомашин по шоссе НОВОСЕЛЬЕ—ГРИДНО (85 км. юг.-вост. НОВОСЕЛЬЕ). 9.05 13. 7 движение машин по шоссе ПСКОВ—НОВОСЕЛЬЕ.

9.00 13. 7 в результате столкновений нашей разведки с группой пр-ка, последний, понеся потери, отошел в р-н ТУЧИНО.

11.40 13. 7 до 40 мотоциклистов с противотанковыми орудиями заняли ЧЕРНОВО. Авиаразведка 15.15 13. 7 установила движение танков, машин и пехоты по шоссе СТРУГИ КРАСНЫЕ, ДРЯЖНО, ЛЯДЫ. <...>

ВЫВОД: 1. Пр-к, подтянув свежие части, развивает успех в сев. направлении, одновременно частью сил нанося удар на ГДОВ. <...>

НАЧАЛЬНИК ШТАБА СЕВ. ФРОНТА — ГЕНЕРАЛ-МАЙОР НИКИШЕВ

НАЧАЛЬНИК РО ШТАБА СЕВ. ФРОНТА — КОМБРИГ ЕВСТИГНЕЕВ»².

Как видим, ни о каком озере Самро в документах еще нет и речи. Более того, даже в вечерней сводке нет и намека на это направление. Наоборот, здесь ясно и отчетливо сказано, что противник рвется на Гдов.

¹ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 192, л. 148-150.

² Там же, д. 169, л. 138-139.

Таким образом, получается, что «узнав о появлении танков и мотопехоты гитлеровцев в районе села Ляды, Маркиан Михайлович охнул» на самом деле выглядело несколько иначе — охнул он, узнав, что немцы захватили мост в Поречье,— 14 июля!

Новиков сам себя выдает с головой, говоря про «150-километровый рейд целого корпуса по бездорожью и через лес». Это просочилось из позднейших рассказов, ибо 150 километров от Струг Красных (а ведь именно от этого пункта и только от этого и шел тут счет) не до Ляд (около 50 километров) и даже не до Гдова (около 100 километров), а именно до Поречья. А во-вторых, после речи о проведенной утром доразведке с фотографированием Новиков сразу же говорит следующее:

«15 июля под Ивановским и Большим Сабском начались жестокие бои».¹

Так вот когда легло на стол Новикову донесение, не 12-го, а 14-го днем, с которым он тут же побежал к Попову, а потом к Ермаченкову.

В связи с этим любопытен еще один документ.

КОМАНДУЮЩЕМУ ВВС СЕВЕРНОГО ФРОНТА

«Задача ВВС 13. 7. 41 на прикрытии:

1. Прикрыть оборонительные работы:

а) на участке ИВАНОВСКОЕ, ТОЛМАЧЕВО по р. ЛУГА <...>

ЗАМ. НАЧ. ШТАБА СЕВЕРНОГО ФРОНТА Генерал-майор — Тихомиров»²

Из этого документа не надо делать каких-либо скоропалительных выводов. Из него следует только то, что необходимо прикрыть оборонительные работы. Если бы командование увидело явную угрозу прорыва передовой группы немцев к реке Луга в Районе Ивановского—Поречья, первое, что оно должно было бы сделать,— заменить гражданское население, копающее там окопы, какими угодно боевыми частями.

Однако, как мы видим, гражданское население, копающее окопы, 13 июля никто отводить не собирался. Следовательно, никто из нашего командования еще не ожидал появления у Поречья больших сил немцев в самое ближайшее время.

Вспомним цитировавшееся выше разведдонесение: «Авиаразведка 15.15 13. 7 установила движение танков, машин и пехоты по шоссе СТРУГИ КРАСНЫЕ, ДРЯЖНО, ЛЯДЫ...» Здесь еще нет речи ни о каком озере Самро и так далее. Более того, согласно донесению 7-го

¹ Новиков. С. 87.

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 187, л. 78.

погранотряда противник из Ляд «мелкими группами направился на Тупичино и Детково и в сторону Б. Поля (Сланцы)», то есть устремление немцев опять же предполагалось на Гдов, а затем на Кингисепп. Далее Попов так и пишет: «На вопрос маршала, какие мы принимаем меры, я доложил, что усиливаем кингисеппское направление дивизией народного ополчения и артиллерийскими подразделениями. Под Кингисепп переброшены и некоторые инженерные части...»¹

Под Кингисепп!!!

К такому же выводу приходит и другой современный исследователь боев на Лужском рубеже И. М. Хомяков: «Через Лугу немецким войскам прорваться не удалось, и уже 13-го июля в разведотдел штаба фронта поступило сообщение о большом движении танков и автомашин от Плюсса на Ляды и от Струги Красные на Гдов. Затем эти данные подтвердила воздушная разведка: танковые и моторизованные колонны непрерывным потоком двигались по Киевскому шоссе, а у Струги Красные и Плюссы² поворачивали на северо-запад. Передовые колонны подходили к поселку Ляды.

К вечеру 13-го июля в разведывательную сводку штаба фронта были включены данные, что противник обходит Лугу танками и мотопехотой через Дряжно, Ляды, Чернево, на северо-запад, в общем направлении на Кингисепп. То же самое сообщил разведке пленный из 1-й танковой дивизии: дивизия продвигалась по шоссе от Пскова на Ленинград, но, встретив в районе Луги упорное сопротивление, повернула на запад, чтобы обойти этот укрепленный узел обороны. Вместе с 1-й дивизией действовала 6-я танковая. У пленного была изъята карта с обозначением маршрута движения дивизии: Плюса—Ляды—Осьмино».³

Однако, что не менее интересно, пленный, сообщивший столь неожиданную информацию, был захвачен накануне. «Вечером 12 июля, около 18 часов, танковые части противника захватили станцию Плюсса, и вышли к реке Плюсса где встретили упорное сопротивление наших подразделений. Были захвачены пленные, а также документы 1-й танковой дивизии противника».⁴

Таким образом, то, что в планах 1-й танковой дивизии уже было село Осьмино, наше командование 13 июля уже прекрасно должно было знать. Однако от Осьмино дорога к реке Луге опять же ведет не на Поречье—Ивановское. Она ведет к Большому и Малому Сабску, где оборону уже заняли и оборудовали должным образом курсан-

¹ Кринов. С. 36.

² От Плюсса на Ляды двигалась 1-я танковая дивизия немцев, встраиваясь в хвост 6-й танковой дивизии.

³ Хомяков И. М. История 24-й танковой дивизии РККА. С. 88–89.

⁴ Там же. С. 78.

ты Ленинградских военных училищ. Они, по всей видимости, были предупреждены об этом, поскольку выслали в этот район роту боевого охранения с целью своевременного оповещения о приближении противника.

А что думало в этот день верховное немецкое командование?

В немецких штабах

Гальдер: «Группа армий „Север“ продвигается вперед весьма медленно из-за плохого состояния дорог. <...>

12.30 — доклад у фюрера (в его ставке). <...>

1. Группировка сил противника. Теперь, после того как командование перешло в руки новых людей противник наверняка не думает об отступлении. На его фронте, местами занятом незначительными силами, обозначаются следующие крупные группировки:

а) Район Ленинграда. Здесь действует наспех собранная, усиленная добровольческими формированиями группировка, не проявляющая значительной активности. Она будет окружена фланговым ударом в направлении озера Ильмень и Ладожского озера. <...>

Фюрер согласился с предложенным планом операций. В частности, он подчеркнул следующее:

а) Для нас более важно уничтожить живую силу противника, чем быстро продвинуться на восток.

б) На фронте группы армий „Север“ решающей задачей является выход в район севернее озера Ильмень, закрытие прохода между озерами Ильмень и Ладожским, блокада Ленинграда с востока. Южнее Ильменя следует выставить заслон в районе Старой Руссы.

в) Подвижные соединения 3-й танковой группы должны зайти в тыл группировке противника <...> действующей против правого фланга группы армий „Север“. Группа армий „Север“ должна иметь для этого достаточные силы. Возможно, понадобится переброска дополнительных сил на этот участок. <...>

Обстановка на фронте вечером <...>

Группа армий „Север“. Ощущаются большие трудности, вызванные плохим состоянием дорог, в результате чего наши войска продвигаются крайне медленно.»¹

Совсем неожиданно мы видим, что штаб Гитлера никаких особых ставок на маневр Рейнхарда не делал. Приоритетным немецкое командование продолжало считать удар на Новгород. Но как неустанно Гальдер повторяет этот монотонный припев «из-за плохого состояния дорог». Словно убаюкивает себя.

¹ Гальдер, 2004. С. 117–120.

Риттер фон Лееб: «Со вчерашнего вечера минули три недели войны. Наши передовые танковые отряды находятся в 180 км от Петербурга. <...>

Около 10.00 разговор с генерал-полковником Гепнером. Давление на противника ослаблять нельзя, вместе с тем следует избегать дополнительных потерь в 4-й танковой группе. Позднее можно будет ослабить нажим. <...>

11.30. Совещание с генералом Шрадером по оборудованию линий связи в районе между Псковом и Новгородом. В результате фронтальных боев 16-й армии в последние дни образовался открытый фланг на стыке с 4-й танковой группой. Разрыв составляет около 100 километров.

Едва ли существует вероятность того, что противник воспользуется этим в оперативном масштабе. На это сейчас ничто не указывает. Напротив, семнадцать железнодорожных эшелонов замечены прошлой ночью под Старой Руссой, откуда они следовали в восточном направлении.¹

На карте обстановки также отмечен открытый фланг, расширяющийся по мере продвижения от Старой Руссы в направлении Дно. <...>

17.30. 4-я танковая группа заметно продвинулась своим 41-м моторизованным корпусом западнее автомобильной дороги, ведущей на Лугу».

Запись в личном блокноте: „Тропическая жара“²

Однако для полноты картины обратимся еще и к Боевому дневнику 6-й танковой дивизии.

В боевом дневнике дивизии за 13 июля есть совершенно замечательный абзац, многозначность смысла которого просто поражает.

«Также и 36 мот.пех.див., зайдя острием своего фланга на пункт Плюса, подтвердила возникшее предположение, что враг укрепил только главную дорогу и совершенно обескуражен движением со стороны. Мост у Плюсы грузоподъемностью до 20 т достигает 130 м в длину и 11 м высоты. Но будет непросто предотвратить опасность последующего взрыва дистанционным взрывателем».³

Во-первых, здесь совершенно явно читается подтверждение необходимости этого дополнительного маневра. Он изначально не предполагался и был проведен в результате изложенных нами выше причин.

Во-вторых, совершенно замечательна фраза о возможности дистанционного взрыва моста. Эта фраза не случайно появилась в этом месте именно в это время.

¹ Это была явно спешная эвакуация предприятий, архивов и людей.

² Лебедев. С. 70–72.

³ NARA, t 315, r 323, f 089.

Дело в том что по свидетельству Бычевского именно в это утро были произведены его саперами дистанционные взрывы на только что занятых немцами территориях. Было произведено три взрыва — в Стругах Красных, в Городище и в Николаеве.

Немецкие источники молчат об эффекте этого действия. Однако же в Боевом дневнике 6-й танковой дивизии эта строчка является несомненным свидетельством успешности действий наших подрывников. А заодно и позволяет точно датировать время этого события, указанного в наших свидетельствах расплывчато. И это еще один аргумент за то, что описанное нами совещание происходило именно вечером 12, а не 11 июля.

Впрочем, текст Боевого дневника 6-й танковой дивизии за этот день просто невероятно интересен весь.

«Дальнейшее наступление на лужские позиции затруднено. Здесь с западной стороны приготовлены наиболее мощные укрепленные позиции. Успешное продвижение дивизии на сегодняшний момент показывает, что враг не ожидал отклонения на запад. Это означает, что 1-й ТД также следует свернуть влево от главной дороги и примкнуть к 6-й ТД справа. На дороге же для дальнейшего медленного продвижения останется 269 ПД. Благодаря этому неожиданному для противника маневру 6-я ТД скорее преодолет Лужский рубеж и тем самым последнюю границу Ленинграда. Тем самым дальнейшее продвижение на Лугу при необходимости может завершиться вторжением за одну ночь, как только через дефиле у Плюссы будут перетянуты достаточные силы для этого дальнейшего броска (передовой отряд Линбрунна). Вышеизложенное остается дискуссионным. Поэтому командующий дивизией лично пробирается узкими тропами, чтобы оказаться впереди и позволить группе Рауса начать движение вперед, а затем сменить ее группой Линбрунна.

Дивизионный штаб, подтянутый к 6.30 в пункт за 6 км от перекрестка у Новоселья, в 13.30 снова двинулся в путь после отбытия группы Линбрунна, подтвердив свое прежнее намерение достичь Зовки. Передовая группа Рауса к 18.00 сконцентрировалась настолько, что в 18.00 может возобновить движение. Передовая группа Линбрунна вместе с остальными частями задержана к этому моменту разрушенным мостом у железной дороги. Основная часть дивизии под командованием полковника Колля разбросанная тут и там как раз к 18.00 вступает в Погна, вместе с 36 мот. ПД. Почему боевая группа Рауса собралась только к 18.00, поначалу было неясно. Она десятый час в Лядах. Командующий выразил свое неудовольствие».¹

Как видим, передовая группа Рауса к 18.00 еще не вышла из Ляд, и о возможном развитии дальнейшей экспансии наше командование

¹ NARA, t 315, r 323, f 091.

могло судить лишь по документам, захваченным с пленным танкистом из 1-й танковой дивизии. Однако из тех документов ни у кого не возникло предположения, что из района озера Самро можно двигаться не только на Осьмино и Сабск, но еще и на Поречье.

Интересны мотивы, по которым боевая группа Рауса 9 часов протрчала в Лядах и не могла двинуться далее.

В Боевом дневнике дивизии читаем следующее:

«Причина позднего выступления группы заключается в том, что катастрофические условия пути, пройденного ей до 18.00 просто немислимы, более чем 1 бат. стрелков с танковым полком и 2-мя батареями подтянуть к плацдарму не удалось. На дороге непроходимые песчаные участки, мостики взорваны, другие подламываются. Впервые столкнулись мы с минами. Враг старательно сопротивляется и даже использует для этого гражданских, организованных как защитники Родины (с белыми повязками на руках) и поддержанных танками.

Зной, пыль, комары доставляют едва переносимые мучения.

22.00. Штаб дивизии в Зовках. До самого этого момента здесь находилось отделение Линбрунна. Передовой отряд в полночь в районе Заянья. Основная часть дивизии подтягивается. <...>

Погода: жарко, безоблачно.

Температура: барометр¹ зашкаливает у 40°.²

В этом пассаже удивляет едва ли не все.

Немцы жалуются на ужасную дорогу (а ведь по их же словам брали дорогу лучше, чем та, что вела прямо к Ленинграду), на зной (термометр зашкаливает у 40°).

Может ли отстать техника из-за плохой дороги, если в дивизии есть и танки, и тягачи?

Наконец, могла ли быть температура в эти дни в этих местах под 40°?

Архив погоды дает в эти дни по Ленинграду и области действительно высокую для наших мест температуру 11, 12, 13 и 14 июля максимум — 32,2°. Возможно, конечно, что в Псковской области в эти дни было жарче. Хотя, скорее всего, просто было очень душно перед грозой. В наших сводках за те дни отмечаются грозы.

Оперативная сводка № 41 к 05.00 13. 7. 1941

«Штаб ВВС Северного фронта

¹ Под словом «барометр» внизу от руки приписано «термометр».

² NARA, t 315, r 323, f 093.

<...> Погода по Ленинградской области и по всему району действий:¹ кучевая облачность, местами отдельные грозы. Ночью местами туман.²

А в сводке № 42 к 17.00 13.7.1941

...Погода по всему району действий: ясно».³

Более того, боевая группа Рауса вышла из Струг Красных на Ляды после 8-ми вечера 12. 7 и прибыла в Ляды в 9 утра 13. 7. Небось отсыпались, черти, после ночного перехода.

И выходит, как только что-то пошло не так, немцы начинают все сваливать на погоду и условия местности.

Вот так и рождаются мифы про генерала-мороза.

Но что же здесь-то пошло не так?

А вот что: «Впервые столкнулись с минами». Естественно, Бычевский по распоряжению Попова еще 10 июля произвел массированное минирование предполья лужского рубежа.

Появились народные мстители, поддерживаемые к тому же танками.

Странно, что умолчали и о действиях авиации на колонны, о которых в Боевом дневнике говорится вполне определенно — авиация противника активна. А значит, и перемещаться лучше по ночам.

Оперативная сводка № 43, штаб ВВС СФ к 5.00 14. 7. 41.

«...ВВС Фронта продолжали уничтожать мехчасти пр-ка районах: ПЛЮССА, БОРОВИЧИ, ПОРХОВ <...> период 16.20–0.50 бомбардировала скопление мотомехвойск районе: ПЛЮССА, раз. БОРОВИК, ЛЯДЫ. Бомбометание проводилось высоты 400–1500 м. под прикрытием истребителей. Наблюдения экипажей бомбы ложились по колоннам танков <...>.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ВВС СФ — Генерал-майор авиации (НЕКРАСОВ)

НАЧАЛЬНИК ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА — Полковник (РЫБАЛЬЧЕНКО)».⁴

Вот по этим причинам техника действительно могла отставать. И не только отставать, но и полностью выходить из строя.

Итак, весь день 13 июля 6-я танковая дивизия простояла в Лядах. Местные жители соседних деревень вспоминали, что едва немцы вош-

¹ Весь район действий обозначен в начале документа следующим образом: «Суоярви, Соргавала, Кексгольм, Выборг, Красногвардейск, Пушкин, Луга, Новгород, Окт. ж. д. до ст. Вишера» (л. 75).

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 187, л. 77.

³ Там же, л. 82.

⁴ Там же, л. 83–85.

ли в Ляды, весть об этом разлетелась на много километров. Из Заруденья, находящегося в 5 км от Ляд, прибежали в Березицы, находящиеся в 9 км от Ляд. В Березицах жители срочно собрали скарб и ушли в лес. Однако, просидев полдня в лесу и увидев, что в деревне никаких немцев так и не появилось, народ начал к вечеру возвращаться в свои дома. Вот тут-то их и накрыла неожиданно появившаяся 1-я танковая дивизия, которая торопилась присоединиться к 6-й. Дорога от Плюссы на Ляды идет прямо через Ореховно, Березицы и Заруденье.

Особенно интересным в этом небольшом эпизоде является то, что жители близлежащих к Лядам деревень бежали не просто в лес, а к уже приготовленным на этот случай землянкам на другой стороне реки Плюссы. В отличие от больших начальников, разъезжающих на больших машинах, простые люди уже после взятия немцами Пскова поняли, что те вот-вот могут появиться и тут. От Ляд до Пскова всего около 100 километров. Крестьянин пешком с лошадкой мог добраться спокойно за пару дней. Мой дед, занимаясь лопатным промыслом, хаживал в день по лесам до 70 километров в поисках материла. Так что ощущение отдаленности Пскова от этих мест у простых деревенских жителей было совсем иное, чем у господ генералов.

Также и ленинградские ополченцы 2-й ДНО в этот день даже и не подозревали, что уже завтра столкнутся лицом к лицу с опасным и сильным врагом. Они прощались с городом. Шли строем по улицам города и пели песни.

Военному совету Северного фронта доклад о боевой готовности 2-ой дивизии Ленинградской армии народного ополчения

«...Общая численность личного состава дивизии 9210 ч.¹

<...> Командным составом дивизия укомплектована из запаса <...>.

Большинство командиров запаса имеет боевой опыт, теоретическая подготовка командиров запаса недостаточная, чувствуется отсутствие практических навыков в командовании подразделениями, плохо представляет командный состав природу современного боя, способы и средства борьбы с современной техникой, а также использование специальных родов войск и организацию взаимодействия с ними <...>.

В числе рядового состава имеется до 50 % необученных <...>.

¹ Здесь также указано число 9210 человек. В предыдущем документе оно указано, ошибочно, вместо действительных 9201 человека. Однако точное число личного состава дивизии, приведенное в этом документе, выглядит следующим образом «8888 человек + 322 дружинника = 9210». Что удивляет еще более. Возможно, ошибка, закрываясь в предыдущий документ, осталась незамеченной, и 9 «мертвых душ» дали новое фантастическое число. Поистине магия цифр преследует это соединение на всех этапах его пути.

Боевая подготовка, проводившаяся в процессе формирования, за краткостью срока, существенных результатов не дала, подразделения не сумели осуществить боевого сколачивания <...>.

Винтовками дивизия обеспечена полностью по наличному составу. Ручных пулеметов получено недостаточно <...>.

В дивизии сформирован артполк. На вооружении артполка состоят орудия различных систем. Общее количество 35 орудий <...>.

Пулеметные взводы стрелковых рот сформированы не будут за отсутствием материальной части <...>.

Дивизия совершенно не имеет противотанковой артиллерии и средств зенитной обороны <...>.

ВЫВОД

Дивизия в основном готова для решения задач оборонительного боя. <...>

КОМАНДУЮЩИЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ АРМИЕЙ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР (СУББОТИН)

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА БРИГАДНЫЙ КОМИССАР (ЖМАКОВ)
НАЧАЛЬНИК ШТАБА ПОЛКОВНИК (НИКИТИН)»¹

Вот такая дивизия отправилась 13. 7. 1941 г. на фронт — на передовую.

Весь вечер провели ополченцы на станции Витебская-товарная в ожидании отправки. Можно себе представить, как истомились люди в многочасовом ожидании подачи поезда.

Состав должны были подать в 15.00, а подали...

Политдонесение №9

«В 15 часов получен приказ об отгрузке дивизии. Сразу же был дан Приказ № 2 по дивизии, где был указан план отгрузки с назначением сроков отправки эшелонов и начальников эшелонов.

Первый эшелон должен был отбыть в 16 часов. Я вместе с командиром дивизии сейчас же выехали на ст. Витебская-товарная, но там состава не оказалось. Комендант ст. Витебская-товарная заявил, что состав для 1-го эшелона опоздает, а о составах для других эшелонов вопрос остался открытым. Сроки их подачи он назвать не мог. <...>

[чернилами] по поручению зам. нач-ка ОПП т. Колобашкина написал инстр. по информации [Подпись: Незабудкин]».²

¹ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 93, л. 29-35.

² ЦГАИПД, ф. 2281, д. 195.

Редактору газеты «На защиту Ленинграда» батальонному комиссару тов. Коновалову

Политрук КОШЕЛЕВ П. С. 17 июля 1941 г.

«Сего числа возвратился из командировки в Московскую дивизию, где находился с момента погрузки ее на ст. Витебск-Товарная 13. VII, в период вступления в бой, по 16. VII включительно.

Дивизия перебрасывалась несколькими эшелонами, первый из коих должен был грузиться в 16 часов, но т. к. части не прибыли к этому времени, то погрузка началась в 20.00. Первый эшелон вышел около 24 часов».¹

У немцев же в этот вечер был настоящий подъем духа. Как бы там ни было, за день они все равно отдохнули в Лядах. Ландграф не случайно был очень недоволен.

Но вечером...

Раус: «Наши солдаты едва успели перекусить и закончить осмотр техники, как был получен новый приказ. Увы, и теперь они не получили вполне заслуженного отдыха. Генерал Рейнхардт лично обратился к нам, приказав немедленно выступать, чтобы захватить два² больших деревянных моста через реку Луга в Поречье, так называемых „Воротах Ленинграда“. Части 1-й танковой дивизии должны были наступать параллельным маршрутом в направлении на Сабск. Как только генерал отдал приказ, я сразу понял всю важность нашей задачи. До этого момента ни одна немецкая часть не пересекла реку Луга, которая была прикрыта оборонительными сооружениями и обширными болотами...»³

Согласно боевым документам 6-й танковой дивизии, на этот момент немецкое командование совершенно точно отдавало себе отчет в происходящем. Недаром они так торопились с этим броском.

Раус: «Во время марша я оставался с головным батальоном, временами выезжая далеко вперед от головного взвода либо отправляясь к замыкающим подразделениям, с которыми мы поддерживали радиосвязь. Генерал Рейнхардт отдал короткий приказ: „Открыть ворота Ленинграда!“ Он пробежал подобно электрической искре и зажег пламя в сердцах наших солдат. Вся усталость была немедленно

¹ Там же.

² Здесь мы видим рассказ, а не изложение событий; согласно боевым документам 6-й танковой дивизии, немцам было известно только об одном мосте у Поречья. Второй мост, не деревянный, а железнодорожный, не был отмечен на карте, так как был заброшен в советское время. До революции он использовался для поставок древесины на Ивановскую фабрику.

³ Раус. С. 99–100.

забыта. Сумерки еще не наступили, когда только что заглушенные моторы снова заработали.

Мы вошли в район песчаных дюн, которые поросли редкими соснами. Наши машины следовали аккуратно по колее, проложенной головной, и это позволило колонне пересечь район со средней скоростью 10 км/час, несмотря на все трудности. Взвод за взводом катили вперед слабо защищенной походной колонной. Мы двинулись в путь, рассчитывая добраться до цели за несколько часов, хотя предстояло пройти около 100 километров¹.²

Они не знали, что, согласно Боевому дневнику группы армий «Север», в этот день «генерал-полковник Гальдер снова указал, что главным пунктом для 4-й ТГр является не Ленинград, но наиболее важное направление юго-восточнее Ленинграда...»³

Старт 2-й ДНО к исходным позициям задержался почти на столько же, на сколько старт 6-й танковой дивизии немцев. Согласно боевому дневнику 6-й танковой дивизии в 20.20 Раус уже был в Заянье. В 22.00 по Берлинскому времени они уже были в Лотохово,⁴ а это более 30 км от Ляд. Когда же подали наконец первый эшелон на Витебскую-товарную, Раус уже прошел Лотохово, сразу же после которого в 2-х км северо-западнее, согласно дневнику дивизии, имел снова боевое столкновение. Это произошло в 22.35, то есть в 23.35 по Москве, как раз в момент отправки первого «Электросиловского» эшелона ополченцев.

Однако атака, естественно, была немцами очень быстро и практически без потерь отбита. Истребительные батальоны были беспомощны против такой силы. Что могут сделать сто простых граждан, вооруженные винтовками, против хорошо организованной, бронированной мобильной боевой группы? Разве что ранить нескольких мотоциклистов, несущихся впереди.

На конец этого дня Боевой дневник фиксирует скудные цифры:

«Убито: 1

Ранено: 9».

И совершенно удивительны вписанные тут же от руки данные:

«Взято: пленных: 200,

Противотанковых пушек 12»⁵

Значит, отряды, с которыми сталкивалась в пути боевая группа, все же имели пушки. Однако пушки сами по себе без опытных артиллеристов, по всей видимости, мало чем могут помочь. Или же это

¹ Здесь Раус вполне точен.

² Раус. С. 100.

³ NARA, t 311, r 53, f 065862.

⁴ КТБ 6-й ТД (рукописный текст на обороте страницы от 13. 7. 41).

⁵ NARA, t 315, r 323, f 093.

были просто брошенные отступавшими частями 111-й стрелковой дивизии орудия без снарядов.

Кринов приводит на этот день выдержки из воспоминаний, которые датированы «редакторами» со смещением на целые сутки вперед.

Из них можно отнести на этот день лишь следующие.

Деревня Поддубье¹

Евгения Виноградова, ученица 2-й средней школы города Луги:

«Неделю назад комсомольцев-старшеклассников 2-й средней школы вызвали в Лужский райком комсомола для зачисления в формирующийся молодежный отряд на оборонные работы. Мы прибыли в деревню Поддубье, где встретились с военными. Они рассказали, что наш отряд вместе с ленинградцами будет рыть окопы. Для постоянного руководства работами прикрепили младшего командира, очень требовательного и заботливого.

Каждое утро он спрашивал о том, нет ли среди нас больных. Возмущался, когда видел, что мы плохо едим. Помню, в первые дни так сильно уставали, что ни есть, ни пить не хотелось.

Но скоро пообвыкли, стали перевыполнять нормы. Повеселели. Володя Ефимов привез гармонь, и по вечерам начались песни, танцы. Молодость брала свое.

Фронт быстро приближался. Над нами несколько раз пролетали фашистские самолеты. Обстреливали из пулеметов. Было очень страшно, но все обошлось благополучно, а у ленинградцев убило двух женщин. 13 июля мы получили распоряжение вернуться в Лугу. Будут решать нашу дальнейшую судьбу. А чего решать? И так ясно: надо быть там, где больше всего можно принести пользы Родине».²

Северо-Западный фронт. 11-я армия. Район деревни Закибье³

Александр Строилов, старший лейтенант, командир роты 329-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии:

«Ночь показалась душной. Встал, вышел из шалаша. Недалеко шагнул часовой — молодой солдат Артемов. Заметил меня, остановился:

– Не спится, товарищ командир?

¹ Деревня Поддубье находится на реке Луге, но с другой стороны города Луга, примерно на 100 км восточнее Поречья, справа от дороги Псков—Луга. 13 июля следовало отозвать копавших окопы гражданских не оттуда, а из Поречья.

² Кринов. С. 42–43.

³ Закибье находится в 25 км севернее Сольцов. Это также правый фланг немецкого наступления. Везде ему отдается приоритет.

– Пора, да и комар что-то разъярился...

– К дождю, верно.— Немного помолчав, спросил: — А что это гремит — война или гром?

С запада доносились глухие раскаты артиллерийской канонады. Командир полка накануне предупредил, что противник, по данным разведки, начал наступление на нашем направлении. Сосед, 237-я дивизия, уже столкнулся с его авангардами. Не за горами и наш час. Я решил посмотреть, что же успели сделать по усилению позиций за вчерашний день, благо, начинало светать.

Направился на свой правый фланг. Здесь занял оборону по берегу Мшаги третий взвод лейтенанта Фофанова. Лесная дорожка должна была вывести меня почти в центр взводного опорного пункта. Но вышел к самому берегу реки. Нигде не видно признаков обороны.

Слышу — кто-то лес рубит. Пошел на стук топора.

Оказалось, бойцы из фофановского взвода бревна заготавливают. Красноармейцы показали, как найти командира.

Лейтенант Фофанов успел побриться, подшить белоснежный подворотничок, надрать сапоги. Обувь, как я заметил, предмет его особого обожания. При всяком удобном случае вынимает бархотку и старательно чистит сапоги. Это, наверное, от курсантской поры осталось. Еще и года нет, как Фофанов окончил военное училище.

Вместе с командиром взвода идем проверять, как оборудованы позиции. „Молодцы! — замечаю про себя.— Ячейки полного профиля успели отрыть, а кое-где и перекрытия сделали“. Фофанов, словно угадав мои мысли, решил прихвастнуть:

– А мы, товарищ командир, еще и стрелковые карточки успели составить.

Стрелковые карточки — это такие схемки, на которых для удобства управления огнем пулеметов, отделений и стрелков нанесены ориентиры, расстояния до них, указаны прицелы. В мирное время, когда курсантом в училище был, так эти карточки цветными карандашами разукрашивали.

Дошли мы до левого фланга. Командир пулеметного расчета доложил, чем занимаются бойцы. Спустился я в окоп. От свежоотрытой земли веяло приятной прохладой. Даю команду:

– Ориентир номер один...

Ничего не получилось у расчета: развернуть пулемет помешал бруствер. Затем решил проверить, как пулеметчики прикрывают огнем стык с соседом. И снова получилась промашка — сектор обстрела закрывала высотка.

Вспомнилось мне, как в боях на Карельском перешейке белофинны каждую „щелку“ в нашей обороне использовали, чтобы вклиниться в боевые порядки, пока мы не научились прикрывать стыки двухтрехслойным огнем да действия противника предугадывать. Комбат

тогда нам говорил: „На войне к уставам еще и свою голову иметь надо...“

Не хотелось мне огорчать молодого, старательного лейтенанта, да лучше сказать горькую правду сейчас, пока пули не свищут:

– Не подумали, товарищ лейтенант, где противник пойдет, а он пойдет там, где его не ждете, и ваши стрелковые карточки окажутся ни к чему, и окопы полного профиля не помогут. Оборона держится на инженерных укреплениях и системе огня. А огонь у вас хорош лишь на бумаге...»¹

Предполье Лужского рубежа обороны

Бычевский: «Вечером 13 июля я снова выехал в Лугу. Для работ на оборонительном рубеже прибыло еще шестьдесят тысяч ленинградцев. Теперь они трудились вместе с войсками, спешно создавая завалы, танковые ловушки, рвы. Саперы закладывали мины перед главной полосой обороны и в предполье.

Мы с начальником строительства М. М. Зязиным осматривали орудийные доты из сборных бетонных блоков, когда подошел старший лейтенант Гуляницкий. Он только что вернулся из 177-й стрелковой дивизии, видел первую контратаку в предполье, а потому был возбужден и полон впечатлений.

– Ох и дали же фашистам по зубам! — волнуясь рассказывал старший лейтенант. — Представляете, идет штук двести автомашин да около тридцати танков. Гитлеровцы такие нахалы — из люков высунулись, будто на прогулку едут. А тут наши танки как выскочат из леса, да как ударят во фланг! Разрезали колонну — и давай давить! А возглавлял контратаку замкомандира двадцать четвертой танковой дивизии полковник Родин. <...> В общем, фашистов снова отбросили за Плюссу.

Слух о первом нашем боевом успехе быстро распространился среди строителей укреплений. Начались расспросы: сколько подбили фашистских танков, далеко ли отбросили неприятеля. Пришел кто-то из политотдела дивизии, состоялся импровизированный митинг, на котором были названы конкретные цифры потерь, понесенных врагом. Оккупанты оставили на поле боя полсотни машин и не менее двух батальонов пехоты.

Гуляницкий лично наблюдал два случая, когда танки противника насккивали на минные поля, но наши старые мины оказались слабыми. Они почти не причиняли вреда тяжелым танкам. Это, кстати, отмечалось и на других фронтах.

– Сам видел, — рассказывал Гуляницкий, — под танком взрыв, его тряхнуло, а он все идет, проклятый.

¹ Кринов. С. 43–44.

Потом мы, военные инженеры, столкнулись еще с одной неприятностью: артиллеристы без энтузиазма принимали сооружения из бетонных блоков, а иные категорически отказывались залезать в них.

— Я было пошутил: окружения, мол, боитесь,— рассказывал Зязин,— да после сам едва ноги унес. „Ни черта, говорят, вы, строители, не понимаете. Нам открытая позиция выгоднее, с нее удобнее танки уничтожать. А ваша амбразура — узенькое окошко“.

Узкий сектор обстрела из амбразур долговременных огневых точек с давних пор был слабым местом нашей фортификации. Бронекуполов с круговым обстрелом мы не имели даже в укрепленных районах».¹

Документальная строка

«13 июля 1941 года Ленинградский горком партии вынес решение об изучении военного дела на предприятиях и учреждениях без отрыва от производства.

Занятия по военной подготовке — строевая подготовка, изучение уставов и оружия, тактики одиночного бойца и мелких подразделений — проводились после 11-часового рабочего дня, установленного с 27 июня 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР „О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время“».²

Смоленская операция. 21-я армия Ф. И. Кузнецова Западного фронта перешла в наступление с задачей, овладев Быховом и Бобруйском, выйти в тыл противнику на могилевско-смоленском направлении. 63-й стрелковый корпус Петровского форсировал Днепр и вышел на западные окраины Рогачева и Жлобина, отбросив немцев на 20–30 км. Южнее 232-я дивизия 66-го корпуса продвинулась на 80 км и захватила переправы на реках Березина и Птичь.

Киевская операция. Немецкие 6-я армия и 1-я танковая группа отражали атаки советских войск в районе Бердичева. 13-я танковая и 14-я танковая дивизии 1-й танковой группы достигли районов западнее и южнее Киева.

14. 7. 1941 — понедельник

Ночь в пути

Этот день, понедельник, двадцать третий день войны, первый из трех наиболее трагических дней Лужского рубежа обороны.

Вот он, критический момент, момент истины. Боевая группа Рауса, не дожидаясь утра, устремилась туда, где воздушная разведка обнаружила подготовку оборонительных позиций на берегу Лути.

¹ Бычевский. С. 29–30.

² Кринов. С. 44.

Там еще только копает окопы мобилизованное для этого гражданское население. Значит, там еще совсем нет войск. Значит, власти города напрягают уже последние силы. Надо спешить. Нельзя терять ни минуты. Ландграф страшно недоволен задержкой в Лядах. И вот Раус на всех парусах мчится вперед.

Согласно Боевому дневнику, в 1.45 (2.45)¹ передовые отряды группы уже достигли Преображенского. Этой деревни больше нет, она находилась до войны перед Заручьем, в нескольких километрах. И это удивительно, что от Лотохово до Преображенского (около 10 км) группа добралась за 3 часа 45 минут, имея небольшое боевое столкновение, а от Преображенского до Заручья (не более 5 км) группа добралась 2 часа 25 минут.

Раус: «Отрезок дороги длиной 20 километров между Мариинским² и западным берегом озера Долгое требовалось замостить, чтобы по нему можно было передвигаться. Саперы подполковника Ленерта кое-как залатали ее, но после прохождения очередной колонны эти заплатки исчезали. Штаб дивизии отправил дополнительные ремонтные команды, им помогали строительные части XLI танкового корпуса. Ремонтным работам мешали русские минные поля³».⁴

Дорога от Марьинско, несмотря на все эти трудности, все же была преодолена быстрее в два раза, чем от Преображенского. Вероятно, именно здесь и встретились немцам первые мины, что косвенно подтверждают следующие записи в Боевом дневнике:

«2.15 (3.15) Раус задержался из-за разрушенного моста.

4.10 (5.10) Раус в Заручье».⁵

Однако Раус вновь повторяет то, что было сказано раньше, представляя дорогу в еще более ужасном виде.

Раус: «Как только мы вышли в болотистый район к югу и западу от озера Самро, дорога внезапно превратилась в трясиину самого гнусного характера. Танки и орудия начали вязнуть, и даже самые лучшие машины и водители ничего не могли поделать. Движение сразу стало

¹ В Боевом дневнике в почасовой росписи этого маршрута, сделанной от руки с обратной стороны листа за 13 июля, время также дается в двух вариантах. Однако время, данное в дневнике в скобках, означает время получения известия о событии в штабе. У меня же здесь в скобках будет даваться время по Москве.

² Здесь имеется в виду Марьинско — деревня после Заяня, в 2-х км перед Лотохово, бывшее имение русского писателя Дружинина.

³ Еще одно замечательное свидетельство о результатах работы группы Бычевского. Это тоже тормозило продвижение немцев, хотя, возможно, и не так сильно, как хотелось бы.

⁴ Раус. С. 125.

⁵ NARA, t 315, r 323, f 094.

мучительно медленным, и к наступлению темноты¹ те танки, которые пытались обойти особенно топкие места, увязли намертво. <...>

С огромным трудом наши машины ползли вперед в полумраке, и через пару километров колонна окончательно рассыпалась. А затем начались настоящие несчастья. Появлялись одна мочажина за другой, под тяжестью танков рушились мостики, и машины падали в грязь. У нас не было ни времени, ни материалов, чтобы восстановить мосты. Наши саперы собирали доски и подкладывали их под рухнувшие конструкции, хотя это была только временная мера. Мы много раз строили такие импровизированные гати, прежде чем 8 часов спустя сумели выбраться на твердую дорогу возле Заручья». ²

В истории дивизии говорится: «После восьмичасового ночного перехода боевая группа Рауса к 4:00 утра 14 июля вышла на твердую дорогу в Заручье». ³

Из этой записи мы можем сделать вывод, что группа Рауса двинулась к Поречью накануне в 8 часов вечера по берлинскому времени. По московскому времени это было в 21.00.

В 4.10 утра (5.10 по Москве), согласно Боевому дневнику дивизии, она была в Заручье, которое находится в 50 км от Ляд и всего в 20 км от Лотохово.

Соответственно последние 20 км передовой отряд Рауса преодолел за 6 часов. Как противилась вражескому вторжению псковская земля!

Когда группа Рауса покинула Заручье и двинулась дальше, командующему ВВС СФ Новикову в 5.00 утра легла на стол цитирувавшаяся выше оперативная сводка № 43, ⁴ в которой говорилось, что «ВВС фронта период 16.20–0.50 бомбардировала скопление мотомехвойск районе: ПЛЮСА, раз. БОРОВИК, ЛЯДЫ...»

Возможно, это несколько успокоило наш штаб, по всей видимости даже не предполагавший в этот момент, что передовой отряд немцев уже на 50 км продвинулся за Ляды и находится всего в 50 км от совершенно не охраняемого моста через Лугу. Тем более что к этому не занятому еще нашими войсками куску Лужского рубежа обороны в эту же ночь уже двигались эшелоны с ополченцами.

А немцы тем временем продолжали сражаться с российским бездорожьем.

Раус: «Первое болото удалось пересечь лишь через несколько часов ценой невероятных усилий всех офицеров и солдат, которым ме-

¹ Это указание о наступлении темноты явно свидетельствует о возвращении повествования об отрезке пути Марьинско—Заручье.

² Раус. С. 100–101.

³ Раул. Перевод на рус. яз. см.: <http://centralsector.narod.ru/germ/paulr.htm>.

⁴ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 187, л. 83–85.

шали тучи комаров. Нам пришлось использовать стволы деревьев, доски, ветки, чтобы вымостить хоть сколько-то проходимую тропку. Лишь провоевав целую ночь с грязью и песком, мы выбрались на относительно прочную дорогу.

Миновав болото, мы ненадолго остановились, но передышка оказалась короткой, так как впереди возник сожженный мост, остатки которого еще дымились. Наши разведчики быстро отыскиали обходной путь через соседнюю деревню. Но когда головные подразделения подошли к деревне, вокруг загремели взрывы и вспыхнули пожары, которые быстро охватили всю деревню. В течение 2 часов проехать через нее было невозможно. Когда пламя погасло, боевая группа медленно двинулась мимо дымящихся развалин...»¹

Этот эпизод второго после Ляд внезапно возникшего на пути группы Рауса боевого столкновения немецкие документы связывают с населенным пунктом Валово. Это старое название деревни, вошедшей в состав нынешнего разросшегося Старополья. Согласно Боевому дневнику 6-й танковой дивизии группа достигла этой деревни в 7.30 (8.30) утра.

В «Истории 6-й танковой дивизии» записано:

«...сопротивление оказали только гражданские с нарукавными повязками, которые в этот день в церкви деревни Валово, в 30 км от Луги,² во время работы напали на ремонтное отделение 1 роты 65 танкового батальона. При этом имели место потери. Эти гражданские были первыми партизанами,³ с которыми дивизии довелось иметь дело в этой войне».⁴

Село Старополье расположено в ста шестидесяти пяти километрах к юго-западу от Ленинграда. Оно раскинулось посреди большой долины, в обрамлении полей и многочисленных окрестных деревень. В восточной части его, на холме, возвышается величественный пятиглавый храм с высокой 45-метровой колокольной, видной издали. Это — главный приходской храм села, посвященный Рождеству Христову. Основным престольным праздником Старопольского прихода с давних пор считается день св. Илии пророка, в честь которого был освящен старый храм. День этот до сих пор празднуют жители.

Но во время появления в селе немцев храм не действовал. Еще в 1938 году он был превращен в МТС. Кресты и верхние луковки

¹ Раус. С. 100.

² Имеется в виду от реки Луги.

³ Это заявление позволяет предположить, что до этого — около Рудно (Бешково), в Лядах и после Лотохово — дивизия имела боевые столкновения с нашими регулярными подразделениями и, возможно, отходящими на Гдов частями Красной Армии. В таком случае более вероятны захваченные пушки, для которых, скорее всего, не было боеприпасов.

⁴ Paul. Перевод на рус. яз. см.: <http://centralsector.narod.ru/germ/paulr.htm>.

с куполов были сброшены, в 1939–1940 гг. были сброшены и колокола, включая самый большой.

Сопrotивление подошедшим передовым немецким отрядам здесь, скорее всего, оказали бойцы истребительного батальона. Около сотни бойцов находилось в то время в каждом большом селе при сельсовете.

Истребительные батальоны начали создаваться под Ленинградом еще в конце июня, и к этому моменту их уже действовало около сотни. Бойцы истребительных батальонов снабжались только оружием, в основном винтовками иностранного производства. Одежда и довольствие бойцам не выдавались. Командирами батальонов назначались военнослужащие НКВД, они были вооружены наганами.¹ Кстати, были в истребительных батальонах и женщины.

Впрочем, возможно, в данном случае были и работники МТС, собравшиеся утром у «церкви» — 14 июля как раз был понедельник.

Это задержало продвижение немцев ненадолго.

Согласно боевым документам, группа Рауса достигла Старополя в 7.30, а продолжила движение далее в 8.50.

Существует еще одно свидетельство, дополняющее картину событий в Старополе утром 14 июля. Это воспоминания Николая Скобцова, лейтенанта, командира взвода 1-го батальона ЛПУ имени С. М. Кирова.

Н. Скобцов: «Начальник училища полковник Г. В. Мухин вызвал нас, командиров, в штаб батальона. Он сказал, что противник появился в Осьминском и Лядском районах. Нашей роте приказано действовать в составе разведотряда.

Полковник раскинул карту и показал на ней маршрут нашего движения. Его карандаш медленно перемещался по дороге от Сабска на Осьмино.²

Ночь застала нас у лесного озера. Сделали привал.

Выставили сторожевое охранение. Около трех часов ночи отправился проверить посты. Треснет под ногой ветка, где-то вспорхнет разбуженная птица — рука невольно хватается за рукоятку пистолета. „Нервы, товарищ лейтенант!“ — иронизирую над собой.

Вдруг окрик: „Стой! Кто идет?“ Узнаю по голосу курсанта Виноградова. Называю пароль.

¹ См. «Из районов области сообщают...: Свободные от оккупации районы Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. Сборник документов» Отв. ред. А. Р. Дзенискевич; сост. Н. Ю. Черепенина. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007 (Док. № 65, С. 97–104).

² Из этого следует лишь то, что командование училища действовало грамотно, но нельзя сказать, что оно было информировано о планах 1-й танковой дивизии немцев. Пленных еще не было.

— Товарищ лейтенант, слышите? — Виноградов показывает рукой на юго-запад.

Издали доносится какой-то гул. День вчера был жаркий, возможно, гроза. Но может быть и противник.

Еще не один день войны пройдет, пока мы научимся разбираться в ее голосах.

Незаметно промелькнула июльская ночь. Мы тронулись дальше лесом. За ним должно быть большое село Старополье. Вдруг услышали длинные автоматные очереди. Командир роты старший лейтенант Михаил Дашкевич приказал свернуть с дороги и замаскировать машины в лесу. Командиров взводов Дашкевич вызвал к себе. Держим совет, что делать. Возможно, село занято противником.

— Скобцов! — обращается ко мне ротный. — У тебя взвод выпускной. Отбери ребят понадежней и разведай обстановку.

Я вскочил и, приглушив эмоции, по-уставному отчеканил:

— Есть, товарищ командир, провести разведку!

Нам война казалась тогда простым делом. Сколько раз на полевых учениях курсанты ходили в разведку, брали „пленных“. И на сей раз мы не сомневались в успехе. Шли осторожно, кошачьей походкой. На взгорке показались золотистый купол церкви, крытые тесом крыши. От головного дозора прибежал связной и сообщил, что в селе противник.

— Сержант Бухвалов, с отделением за мной. Остальные — в укрытие.

Кустарниками, огородами подобрался к большой избе на окраине. Дверь настежь. Понаблюдали несколько минут и решили войти. По оставшемуся в избе теплу поняли, что еще недавно в ней жили. Теперь лишь кошка потерялась о мои сапоги, мякнула, словно жалуюсь на судьбу.

Вышли из избы и замаскировались возле изгороди в зарослях малинника. Возле церковной ограды увидели пять легких танков и несколько автомобилей-вездеходов. Гитлеровцы вели себя беспечно. Часовых не видно.

Решил подтянуть остальные отделения — сержанта Черненко и младшего сержанта Виноградова. Ориентирую их в обстановке. Сигнал для начала действий — два выстрела из пистолета.

Пока я ставил задачи, выбирал исходные позиции, на небе появилась темная туча. Сверкнула молния, и, как из ведра, хлынул ливень. Деревенская улица обезлюдела.

Нас это устраивало. Курсанты поползли вперед, охватывая полукольцом машины возле церковной ограды.

Достигнут намеченный рубеж. Даю сигнал. Полетели гранаты. Кто-то из числа истребителей танков поджег машины.

Фашисты выскакивали на улицу, вели беспорядочный огонь, пытались завести уцелевшие машины. Но организованного сопротивления не оказывали. Я дал команду отходить. Захватив четырех

пленных, без потерь мы вернулись к своим. Смелые и решительные действия принесли нам первый боевой успех».¹

Небольшое боевое столкновение в районе деревни Старополье (Валово) подтверждается и в архивных документах. В боевом донесении № 3 от 14. 7. 41 14.30² говорится следующее:

«УТРОМ 14. 7. 41 СТАРОПОЛЬЕ (С В ГДОВ) 50 БРОНЕМАШИН НЕМЦЕВ С СОЛДАТАМИ И 2 ТАНКА РАССТРЕЛЯЛИ 3 КРАСНОАРМЕЙЦА САМР (ЮЖ БЕРЕГ ОЗ САМРО) ПУСТЫЕ АВТОМАШИНЫ, 2 ТАНКА...»

Три красноармейца, вероятно, были *потерявшимися* из отходившей к Гдову 111 СД. Однако никаких однозначных выводов и заключений из имеющейся на данный момент скудной информации сделать нельзя.

Но вот Старополье уже позади. Группа Рауса мчится дальше.

Раус: «Пылал мост через глубокое озеро. На этот раз командир взвода 3-й роты 57-го танкового саперного батальона, приданного авангарду, без приказа на полной скорости бросился через горящий мост. Он успел погасить пламя на другой стороне реки там, где оно возникло. Саперы с помощью воды и песка так быстро потушили огонь, что мост серьезно не пострадал, поэтому он мог выдержать вес танков и тягачей. Потеря этого моста стала бы для нас серьезным ударом, потому что иной возможности пересечь глубокую реку не было, а окружающие болота не позволяли обойти его стороной. Если бы мы подольше застряли в этом пункте, вся операция могла завершиться неудачей. Благодаря инициативе молодого лейтенанта мы отвели эту опасность».

Раус удивительно точен. Здесь переводчик опустил название реки, в английском тексте оно есть — река Долгая. Эта река пересекает дорогу сразу после деревни Загорье. Правда, там нет никакого озера, но, возможно, низины вокруг были залиты водой из-за дождей.

Раус: «Внезапно раздался крик: „Вражеские самолеты!“ Но самолеты нас не атаковали, и марш продолжался. Затем самолеты прилетели еще раз, помигали нам лампами и сбросили записку. „Опознайте себя, или мы вас обстреляем“,— прочитал мой переводчик. Записка была написана открытым текстом. Я отдал приказ продолжать движение и не обращать внимания на разбрасываемые бумажки. Наконец самолеты улетели. Сомнения летчиков были вполне понятны. Боевая группа „Раус“, механизированная колонна, двигалась через район обширных болот, глубоко на вражеской территории. Со всех сторон нас окружали большие силы русских. Наша принадлежность могла

¹ Кринов. С. 38–40.

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 81, л. 54–55.

показаться летчикам сомнительной, но так как мы продолжали движение, не обращая внимания на самолеты, они решили, что видят части Красной Армии».¹

Это происходило уже утром, скорее всего от 9 до 10 утра по Москве, и наши летчики разглядели движущуюся по лесной дороге колонну войск. То, что они сразу же однозначно не смогли опознать ее принадлежность, вполне естественно, тем более что, скорее всего, впереди немецкой колонны двигались трофейные советские танки и грузовик с солдатами в красноармейской форме.² И без этого случаи неопознания летчиками принадлежности двигающихся по дорогам мехчастей были делом довольно распространенным. Недаром у немцев было принято помечать свои быстро перемещающиеся по различным участкам фронта колонны красным флагом со свастикой во избежание атак на колонны своей же авиации. Так что Раус здесь совсем не хвастает и не выдумывает.

В нашем архиве сохранилась оперсводка № 12 от 15. 7. 41 5.00,³ где также дается ссылка на донесение авиаразведки о «танковых частях неустановленной принадлежности».

В те дни, при быстро меняющейся боевой обстановке, это было делом достаточно распространенным как с той, так и с другой стороны.

В ЖБД СФ от 13 июля⁴ имеется любопытная запись: «Отмечены случаи полета самолетов пр-ка с опознавательными знаками нашей авиации».

Подобные случаи неопознания наземных частей с воздуха, а с земли принадлежности самолетов даже вызвали раздраженную телеграмму войскам начальника штаба СЗФ Ватутина от 22 июля 1941 г.,⁵ где он требовал: «немедленно прекратить эти позорные явления».⁶ Впрочем, к этой телеграмме нашего начальника штаба более spod-вигли другие трагические события, о которых будет сказано позже.

Однако далее Раус все же ошибается. Наши летчики были далеко не идиотами и достаточно быстро сориентировались в обстановке. По всей видимости, именно они и доложили в штаб о замеченных на подходе к Поречью немцах. Возможно также, что это была посланная главкомом ВВС доразведка.

¹ Раус. С. 101–102.

² Согласно Боевому дневнику 6-й танковой дивизии немцы захватили 4 танка.

³ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 178, л. 120–124.

⁴ Там же, с. 33–34.

⁵ Там же, ф. 221, оп. 1351, д. 42, л. 88–91.

⁶ Эта телеграмма была спровоцирована потерей нескольких наших самолетов от огня наших зенитных батарей (см. далее).

А. А. Новиков: «Доразведка подтвердила первые сведения и дала нам в руки новые ценные сведения. Выяснилось, что противник от Ляды повернул на север: танки пошли в обход озера Самро с запада, а мотопехота — с востока. Сомнений больше не было: немцы стремились обойти Лужский оборонительный рубеж в районе юго-востока Кингисеппа, затем частью сил вырваться к Финскому заливу, а другие соединения повернуть в сторону Ленинграда на Гатчину. И то и другое было для нас одинаково опасно».¹

Теперь мы отчетливо видим, что встревоженный Попов, который «даже охнул», докладывал об этом Ворошилову, когда немцы уже форсировали Луту, то есть 14 июля днем.

Продолжение рассказа Новикова еще более подтверждает эту версию.

«С 14 июля для ленинградских летчиков началась новая полоса испытаний. Противник, встревоженный большой активностью нашей авиации, стал спешно перебрасывать ближе к фронту свои истребительные части. Воздушная разведка отметила и перебазирование бомбардировочных эскадр на аэроузлы Пскова, Порхова и Острова.

До конца месяца ВВС фронта не получали ни малейшей переделки, летчики работали с полным напряжением физических и моральных сил.

Основные события в небе развернулись над вражескими плацдармами в районах Ивановское—Большой Сабск и Сольцы—Шимск. 14 июля по приказу главкома северо-западного направления советские войска нанесли контрудар по прорвавшемуся к Шимску 56-му моторизованному корпусу генерала Манштейна. Мы привлекли сюда более 200 самолетов, в основном бомбардировщиков».²

В нашем штабе тоже, как мы видим, несмотря ни на что направление главного удара не менялось. Но еще более отчетливо видно, что именно к этому дню следует отнести следующий фрагмент воспоминаний Новикова:

«Вечером, 12 июля, предварительно заручившись согласием главкома Северо-Западного направления К. Е. Ворошилова о привлечении морской авиации для оказания помощи нашим войскам под Ивановским и Большим Сабском, я был у командующего ВВС КБФ генерала В. В. Ермаченкова и договорился с ним о совместных действиях.

Вернулся я в штаб на Дворцовую площадь поздно и сразу же потребовал боевую сводку дня. Ничего утешительного в ней не было...»³

¹ Новиков. С. 87.

² Новиков. С. 88–89.

³ Там же.

А на реке Луге тем временем происходило вот что. Есть свидетельства участников тех событий с нашей стороны, раскрывающие подробности того, что происходило далее.

Возможно, тот же самый летчик, сделав второй заход, о котором Раус пишет, решил не обнаруживать свое знание, а использовать ситуацию по-другому. Но это уже другой фрагмент нашей истории.

Мост в Поречье

События развивались стремительно.

В 11.00 по Москве, а в 10.00 по Берлину боевая группа Рауса, согласно Боевому дневнику дивизии, находилась на ближних подступах к Поречью.

9.35 (10.35) — Ликовское (около 20 км от Поречья).

Затем — Верца.

Успешно преодолев за ночь пространство, разделявшее Ляды и Поречье, целых 100 км, перед последним броском Раус сделал остановку за деревней Верца, естественно, после того как пересек мост через одноименную реку.

Раус: «Незадолго перед тем, как мы вышли к мосту у Вырицы, я приказал колонне остановиться в густом лесу, полностью скрывшись от глаз противника. Я сделал это для того, чтобы подтянулись отставшие тылы, а также чтобы подготовить приказ по захвату переправ через реку Луга и созданию плацдарма. Я отдал этот приказ устно, держа перед собой устаревшую карту в масштабе 1 : 300 000.

„Противник, вероятно, еще не опознал нас как германскую часть. Огромную важность представляет как можно более быстрый захват мостов через Лугу в целостности и сохранности. Для этого передовые подразделения должны внезапно атаковать охрану мостов и уничтожить ее. После этого приданная саперная рота немедленно снимет все мины и подрывные заряды, чтобы обезопасить мосты. Главные силы боевой группы будут следовать вплотную за ними. Они без задержки пересекут мосты и двинутся к Ивановскому, где займут перекресток и вышлют разведку в направлении Юрки и Среднее. Артиллерия обеспечит огневую поддержку с позиций на южном берегу реки Луга. 6-я рота (бронетранспортеров) 114-го механизированного полка остается в моем распоряжении и будет находиться в готовности в лесу к югу от мостов. В этом же месте войска оставят все грузовые машины и ремонтные подразделения. Зенитный батальон обеспечит ПВО района к югу от мостов. Мой командный пункт будет создан возле южного конца нового моста. Я ожидаю, что атака будет произведена решительно и энергично, и я жду полной победы“».¹

¹ Раус. С. 102.

Согласно Боевому дневнику дивизии, эта десятиминутная остановка передовой группы была с 9.50 (10.50) до 10.00 (11.00). Было уже вполне светло, и все рассказы Рауса о том, что он на это время *полностью скрылся от глаз противника в густом лесу*, не соответствуют действительности.

Во-первых, в 9.55, согласно тому же дневнику, немецкий летчик кинул ему выпел о том, что у Поречья не один, а целых два моста! А во-вторых, вероятно, этот же немецкий летчик и привлек внимание к этому месту наших летчиков.

Раус: «Вопросов не последовало. В перегруппировке войск не было необходимости, поэтому уже через 10 минут колонна двинулась дальше, организованная, как и раньше.¹ Наши предположения оказались правильными, русские нас до сих пор не раскусили. Не следовало даже пытаться провести разведку района мостов, так как это поставило бы под сомнение успех операции, зависящей почти исключительно от фактора внезапности. Поэтому я решил изобразить что-то вроде марша мирного времени. Авангард, который возглавляла танковая рота, прибыл в Муравино.² Проходя через лес и деревню, обнаруженную на подступах к мосту, наша колонна подошла к переправе через реку так и не обнаруженной. До самого последнего момента русская охрана моста ничего не подозревала.³ Так как у них не было ни противотанковых пушек, ни другого противотанкового оружия, русские в панике бросились к своим блиндажам. Заперы лейтенанта Гебхардта⁴ погнались за ними и без всякого боя захватили массу пленных. Тем временем наши танки перескочили через оба моста, после чего ненадолго задержались у блиндажей на северном берегу реки.

Через 30 минут, в соответствии с нашим первоначальным приказом, мы без боя захватили оба моста через реку Луга, а также перекресток дорог возле Ивановского».⁵

В этом пассаже Раус слишком все упростил. Во-первых, отряд уже был обнаружен, и с нашей стороны были приняты, как мы увидим далее, некоторые контрмеры. А во-вторых, на захват моста была выслана вперед группа диверсантов. И о том, что после краткого совещания он выслал вперед группу лейтенанта Граберта, Раус, по всей видимости, умалчивает сознательно.

¹ Это может означать только одно — впереди колонны следовали «брандербуржцы» с трофейной советской техникой. Согласно Боевому дневнику, у них к этому моменту могло быть около десятка трофейных советских танков и несколько грузовиков.

² Здесь имеется в виду Муравейно, находившееся в километре от Поречья.

³ В основном Раус и здесь прав, так как в разведсводке № 99 штаба СФ, поданной к 8.00 14. 7. 1941 г., ничего не говорится о прорвавшейся к реке Луге колонне немцев.

⁴ Вероятно, так здесь названы диверсанты лейтенанта Граберта.

⁵ Раус. С. 102–103.

Тем не менее, согласно немецким документам, еще прежде чем группа Рауса достигла моста в Поречье, мост уже был захвачен приданной дивизии накануне группой, названной в документе «отряд особого назначения Граберта».¹ Под таким названием в частях скрывались специально обученные диверсанты полка «Брандербург-800». Даже само то, что группа лейтенанта Зигфрида Граберта была придана дивизии именно 12 июля — факт весьма красноречивый.

О том, что мост был захвачен именно диверсантами, есть отзвуки и в наших архивных документах. В записи переговоров Гончарова с Талызиным² имеется странная фраза под пунктом № 5: «По данным пограничников от Старополье на Поречье движение до Останино (Осташков) 120 машин артиллерии скорость 20–30 км/ч в красноармейской форме, но с погонями...»

По всей видимости, 120 машин с артиллерией — это одно, а машины, движущиеся со скоростью 20–30 км./ч с солдатами в красноармейской форме, — это другое. Забавно, что немцы приделали к красноармейской форме погоны. Вероятно, их несколько не смущало то, что в Красной Армии образца 1941 года погоны никто не носил; им была важнее собственная субординация.

Раус пишет, что им удалось появиться на мосту совершенно неожиданно для наших. При этом он умалчивает о следующем.

Лашкевич: «14 июля разведкой было установлено: мотомехчасти противника появились в районе озера Самро, колонна движется по направлению к Веймарну. Для уточнения данных взлетело звено в составе Г. Монахова, Д. Князева и В. Голубева. Проходя над станцией Веймарн, они увидели, что там идет разгрузка прибывших частей.³ При подходе к деревне Муравейно разведчики обнаружили на дороге колонну вражеской пехоты, она шла на север. Набрав высоту 300 метров (до этого они шли на бредущем), разведчики проштурмовали пехоту. Солдаты, как муравьи, разбежались вдоль дороги. Разведчики пошли дальше на юг и в районе деревни Загорье обнаружили скопление немецких войск: танки, артиллерию и мотопехоту. Пройдя на бредущем, разведчики подсчитали примерное количество войск и приступили к штурмовке, в которую вложили всю злость к непрошеным гостям...»⁴

Воспоминания старшего лейтенанта Николая Богданова, руководившего с начала июля оборонительными работами в районе села Ивановского, свидетельствуют о том, что летчики, помахавшие Раусу

¹ NARA, t 315, r 323, f 87.

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 81, л. 50–51.

³ По всей видимости, именно по ним начали палить ополченцы.

⁴ Лашкевич. С. 52.

крыльями и помигавшие лампами, оказались не такими уж и дураками.

Богданов: «Рабочий день начинали с восходом солнца и заканчивали с вечерней зарей. Как обычно, начали работы и 13 июля. Около одиннадцати часов над селом появился наш самолет и сбросил выпел. В записке сообщалось, что в направлении на Ивановское со стороны Гдова движется мотомехколонна противника».¹

Вставив эти воспоминания в контекст выстраиваемых событий, можно однозначно указывать на имеющуюся в них ошибку. Они явно относятся не к 13, а к 14 июля 1941 года. Тринадцатое число, оно не зря тринадцатое число; оно многих вспоминающих запутало и ввело в заблуждение. Но на то и существуют документы, чтобы карась — в нашем случае историк — не дремал.

Также согласно телефонограмме № 2,² наша авиаразведка обнаружила «колонну противника до 70 танков, продвигавшуюся к деревне Муравейно, в 11.30».³

Однако наиболее важным здесь является то, что Богданов, получив записку от летчика, принял экстренные меры. Он дозвонился до погранотряда, расположенного в Кингисеппе, и с погранзаставы сразу же прислали 47 человек из 6-й роты 51-го полка 2-й дивизии НКВД.

Богданов: «Через некоторое время к нам на двух грузовиках приехали пограничники. лейтенант попросил подробнее рассказать, что мне известно о противнике. Больше, чем сказано в записке, я ничего не знал. Пограничники проехали на противоположный берег реки и вскоре вернулись».⁴

Предположим, на то, чтобы дозвониться и объяснить ситуацию, Богданов потратил не более 10 минут. Сколько времени нужно для того, чтобы успеть доехать на двух грузовиках из Кингисеппа к Поречью? Прямой дороги вдоль Луги нет, там сплошь болота. Но была дорога от станции Кленно через Среднее Село, это примерно около 15 км. Именно так они и ехали, потому что по пути заехали в Ивановское и еще выспрашивали у Богданова подробности. Самое быстрое — пограничники могли добраться до Поречья за полчаса. И хотя, скорее всего, им понадобилось для этого больше времени, будем ориентироваться на этот срок. Соответственно пограничники

¹ Кринов. С. 37–38.

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 178, л. 3–7.

³ Здесь имеется в виду не Муравейно, которое расположено в 20 км северо-западнее главной дороги Луга-Псков, а Муравино (Муравейно), деревня недалеко от Поречья на южном берегу Луги. Во время войны была полностью уничтожена и не восстанавливалась.

⁴ Кринов. С. 37.

появились на мосту в Поречье никак не ранее 11.45, а скорее всего, и вообще минут за пять до 12 часов.

Судя по документам, вряд ли это могло происходить иначе.

Далее, вероятно, происходило следующее. Вскоре после 12.00 (по нашему времени) у моста появился грузовик ЗИС с группой Граберта в советской форме и несколько трофейных советских танков. В это же время другая часть диверсантов на трофейных танках пересекла старый железнодорожный мост, ведущий к фабрике в селе Ивановском, который, судя по всему, совсем был забыт нашими доблестными пограничниками. Охрана моста никак не ожидала столь быстрого появления противника.

Богданов: «Часа в три или четыре дня на мосту раздалась выстрелы. Я – к телефону (недалеко от моста находилась почта), спрашиваю дежурную телефонистку:

– Что за стрельба у вас?

Она отвечает перепуганным голосом:

– Немцы на мотоцик...— И связь оборвалась.

Я выскочил на улицу. Навстречу мне бежал боец-пограничник. Срывающимся от волнения голосом он сказал о происшедшем.

Их взвод нес охрану моста через Лугу. Они видели, как к часовому подъехала наша грузовая машина ЗИС. Остановилась. Часовой что-то спрашивал. Из кузова выскочило несколько солдат в красноармейской форме. Кто-то выстрелом убил часового. Своротив шлагбаум, машина двинулась вперед.

Потом появились мотоциклисты. Бойцы взвода охраны выскочили из казармы. Залегли кто где, в суматохе даже не успели занять окопы и забыли в казарме ручной пулемет. Стреляли из винтовок. Подошла еще машина с вражескими автоматчиками. Ну, наши и побежали...»¹

Вот так история!

Однако в книге «Внутренние войска в годы ВОВ» этот эпизод рассказывается совершенно иначе.

Из отчета: «14. 7. 41 подразделение 6 роты (численностью 47 человек) по охране-обороне шоссе-ного моста через р. Луга у дер. Поречье было сходу атаковано тремя танками противника.

Танки противника, замаскированные нашими опознавательными знаками, подошли вплотную к мосту. Из одного танка выскочил солдат противника в красноармейской форме с запиской в руке и подбежал к часовому. В момент чтения записки часовым головной танк рывком наехал на часового и, раздавив его, пытался проскочить через мост, но в это время гарнизон по тревоге занял окопы и открыл по танкам ружейно-пулеметный огонь. Вслед за танком к мосту подошла на машинах пехота противника численностью до роты, с которой гар-

¹ Кринов. С. 37–38.

низон вступил в бой. Бой продолжался в течение полутора часов. В результате боя уничтожено до 70 фашистов. Выполнив поставленную задачу, гарнизон по приказанию командования Красной Армии отошел на новый рубеж обороны.

В этом бою особенно отличился красноармеец Козлов, который меткими выстрелами уничтожил 10 автоматчиков. Будучи окружен немцами на западном берегу реки, он штыком и гранатами уничтожил еще четырех фашистов и вырвался из окружения. За отвагу и мужество, проявленные в этом бою, красноармеец Козлов С. Д. награжден орденом Ленина¹».²

Также утверждается, что «охрана моста, отошедшая на станцию Кленно, потеряла убитыми и пропавшими без вести только 10 человек».³

Вдоль реки к станции проехать нельзя, но пройти вполне можно, по берегу до ст. Кленно где-то около 10 км.

Как же все происходило на самом деле? Факта, что потеряно только 10 человек, при отчете не скажишь. Однако результаты боя, да и сам бой, вызывают сильные сомнения. Рассказ о том, что сначала подъехал танк, а потом они начали стрелять по танку из ружей и пулеметов, выглядит как-то странно. Здесь, скорее всего, более правдоподобна история, рассказанная беглецом.

Тем более что, согласно Боевому дневнику дивизии, за весь этот день немцы потеряли только 7 человек убитыми и 23 человека были ранены. А ведь мы помним о потерях, понесенных дивизией в ночном пути, 4 пленных, которые, скорее всего, вошли в список безвозвратных потерь; утром особенно разбираться было некогда. Зато в плен немцы взяли в этот день 50 человек.

За версию отчета НКВД выступает только показание Богданова о том, что когда прибежал пограничник обратно, было уже часа три-четыре. Однако это явная ошибка во времени, сильно растянувшаяся для Богданова из-за обилия впечатлений.

Скорее всего, один из пограничников бросился бежать в Ивановское минут через 5–10 после завязавшегося боя, увидев танки и поняв, что сопротивление обречено. Остальные отстреливались чуть дольше. Пока он бежал от Поречья до Ивановского 3 км, пока Богданов выслушивал его, прошло еще минут 15–20, никак не более. О бое в полтора часа вряд ли может здесь идти речь. Ведь когда беглец достиг Ивановского, немцы на мотоциклах уже ехали по Поречью.

¹ В списках награжденных в ВОВ, выложенных на сайте Министерства обороны «Подвиг народа», обнаружить не удалось ни награждения, ни представления.

² Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Документы и мат-лы. М.: Юридическая литература, 1975. С. 108–109.

³ *Пограничные войска.* С. 650–651.

Судя по всему, убежал всего один боец. Интересно, вошел ли он в число тех десяти потерянных в бою? И наверняка этот беглец даже бросил свою винтовку. Перед его глазами еще никого не расстреливали за подобный проступок, а такая практика уже началась.

27 июня 1941 г. третье управление наркомата обороны СССР издало директиву № 35 523 о работе своих органов в военное время. Среди прочего в ней была предусмотрена «организация подвижных контрольно-заградительных отрядов на дорогах, железнодорожных узлах, для прочистки лесов и т. д., выделяемых командованием с включением в их состав оперативных работников органов третьего управления с задачами:

а) задержания дезертиров;
б) задержания всего подозрительного элемента, проникшего на линию фронта;

в) предварительного расследования, производимого оперативными работниками органов Третьего управления НКВД (1–2 дня) с последующей передачей материала вместе с задержанными по подсудности».¹

Во исполнение этой директивы уже 28 июня на Северо-Западном фронте был создан контрольно-заградительный отряд войск НКВД охраны тыла Действующей Армии. 2 июля 1941 г. он был расформирован, а вместо него создан 1-й заградительный отряд войск НКВД охраны тыла Действующей Армии.²

Дезертиров и просто бежавших с поля боя без личного оружия, как правило, показательно расстреливали перед строем.

Но вернемся к нашей истории.

Далее по рассказу Богданова происходило следующее:

«У меня в подчинении четыре бойца с винтовками, и у самого пистолет с двумя обоймами патронов. Решение созрело мгновенно: задержать гитлеровцев хотя бы на час-полтора. Тотчас же послал связного сообщить командирам групп строителей, чтобы немедленно лесами уходили на станцию Веймарн. С другими остался сам.

Мы хватали все, что попадалось под руки: доски, бревна, разворотили старый сарай, чтобы завалить дорогу. Гитлеровцы почему-то медлили. Но вот на дороге появились четыре мотоциклиста. Увидев завал, остановились. Постреляли из автоматов. Подошли к завалу ближе. Мы открыли огонь. Кажется, одного солдата ранили. Фашисты быстро укатили назад. Оставаться дольше на этом месте не имело смысла, и я со своими строителями направился на станцию Веймарн».³

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.2. Начало. Книга 1. 22 июня–31 августа 1941 года. М.: Русь, 2000. С. 92–93.

² Приложение № 1 к приказу МВД № 0205–1956 г. Перечень № 1 управлений, соединений, частей, подразделений и учреждений войск НКВД, входивших в состав Действующей Армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Б.м., 1956. С. 20–26.

³ Кринов. С. 37–38.

Раус пишет, что после захвата мостов в Поречье они рванули к Ивановскому через полчаса.

К сожалению, в Боевом дневнике важными на этой странице остались для нас только две рукописные строчки:

«11.30 — Раус на плацдарме — 1 батальон,¹ 1 батарея,² 1 танковый полк, 1 зенитный дивизион.

12.20 — связь дивизии с Раусом потеряна».³

Таким образом, примерно с 11.30 (12.30) до 12.00 (13.00) группа Рауса вела бой с пограничниками в Поречье и зачищала село. В 12.30 (13.30) была выслана группа мотоциклистов к Ивановскому. Эта группа наткнулась на завал Богданова. Группа вернулась, и к Ивановскому, где-то уже около 13.00 (14.00), выехал на мотоциклах мотострелковый батальон.

Согласно телефонограмме № 2,⁴ к 12.07, то есть именно к тому моменту, когда немцы захватывали мост в Поречье, командование ЛОГ отдало распоряжение курсантам пехотного училища отправить автомашину с одним орудием в район Поречья «с задачей захватить переправу с востока у Поречья и уничтожить противника в районе Ивановское точка».

Этот приказ явно опоздал. Одна автомашина курсантов с одним орудием сделать там уже ничего не могла. Если бы они выдвинулись хотя бы на час раньше, у лейтенанта Граберта были бы серьезные проблемы.

Командование училища действовало грамотно. Достаточно быстро разобравшись в ситуации, они отправили не одну машину с орудием, а две роты с орудиями ПТО — и не в Поречье, а совсем в другой район.

В нашем архиве есть такой документ.

Оперсводка № 12, 15. 7. 41, 5.00

«...ЛАФЕТ ЗАНИМАЕТ ПРЕЖНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЛЯ ПЕРЕХВАТА ПУТЕЙ ОТ ОЗ. САМРО И СТАРОПОЛЬЕ 11.00 14. 7. 41 ВЫСЛАНЫ 2 РОТЫ ОРУДИЯМИ ПТО Ж ЭТИ РОТЫ НЕПРОВЕРЕННЫМ ДАННЫМ ИМЕЛИ БОИ ПРОТИВНИКОМ РАЙОНЕ ОЗ. САМРО ТОЧКА. <...>

НАЧАЛЬНИК ШТАБА СОКОЛ ЖЖЖ ШТАБА ЗАКАТА КАУФЕЛЬДТ»⁵

¹ По всей видимости, мотострелковый.

² Шесть 105 мм орудий.

³ NARA, t 315, r 323, f 094.

⁴ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 178, л. 3–7.

⁵ Там же, л. 120–124.

Судя по этому документу, сделали они это еще до получения приказа Пядышева. Вероятно, допросив взятых в Старополье пленных, они приняли решение перекрыть путь дивизии в достаточно уязвимом участке.

Судя по всему, штаб ЛОГ позднее утвердил это действие.

В оперативной сводке № 4 штаба ЛОГ от 14. 7. 41 значится:

«ЛПКУ на прежнем положении. Две роты с орудиями ПТО выброшены для закрытия прохода танкам противника в направлении на оз. Самро, Старополье.

ЛПКУ готовит оборону на своем рубеже...»¹

Раус: «Сам я должен был тем временем сообщить в штаб дивизии и корпуса о благополучном прибытии и создании плацдарма. К несчастью, заболоченные леса мешали нашим передатчикам, и мы не могли держать связь на большом расстоянии. В результате для того, чтобы связаться с ХLI танковым корпусом, нам пришлось отправить грузовик с радиостанцией на 60 километров назад, что отняло несколько часов. Но это был единственный способ наладить связь. Радиограмма была короткой: „Мосты захвачены в целости в 10.00, заняты плацдарм. 14 июля. Раус“. И едва грузовик вернулся,² как русский полк перерезал дорогу позади нас».³

По всей видимости, именно эти две роты курсантов были приняты разведкой Рауса за полк. У моста же в Поречье машина с курсантами и орудием не появлялась.

Согласно этому документу, наша сторона приняла меры воздействия на коммуникации прорвавшихся к Луге дивизий не только с воздуха.

Отметим время.

Машина с курсантами выслана в 11.00 по Москве, группа Рауса в это время стартовала на последнем участке Верца—Поречье. Немцам оставалось пройти до моста не более 5 км, от Сабска же до Поречья — не менее 20 км.

Связь группы Рауса с дивизией была потеряна в 12.20 (13.20). По-видимому, именно к этому времени курсанты успели достичь намеченного рубежа и развернуться на нем.

Таким образом, начиная с половины второго по Москве Раус действовал вне связи со штабом дивизии.

Соответственно ни о каких трех-четырёх часах, о которых говорил Богданов, здесь не может быть и речи. Согласно донесению опера-

¹ Там же, ф. 600037, оп. 35407, д. 2, л. 29.

² Здесь, конечно же, имеется в виду «не вернулся на плацдарм», а проехал — «вернулся в тыл».

³ Раус. С. 104.

тивного дежурного Северного фронта капитана Щеглова,¹ уже к 14.00 «по данным нашей авиации ... до 70 танков форсировало р. Луга в районе Поречье».

Итак, согласно Боевому дневнику 6-й танковой дивизии, в 11.20 мост в Поречье уже был в руках немцев.²

Кстати, то, что в момент короткого боя пограничников с группой Граберта появились немецкие автоматчики на мотоциклах, говорит о том, что «брандербуржцы» достигли моста в начале 12-го по Берлинскому времени или вначале 1-го по Москве, то есть основные силы боевой группы Рауса шли за ними следом практически без отрыва.

Как быстро стали распространяться немцы дальше?

Здесь важно отметить, что из-за нарушенной в результате действий истребительных батальонов и авиации по продвигающейся радиосвязи с группой Рауса в штабе о том, что группа захватила мост в Поречье, стало известно только в 13.12, то есть в третьем часу дня по Москве. А ответный приказ с распоряжением о дальнейших действиях достиг Рауса только в 20.40. Это весьма немаловажный момент, позволяющий взглянуть на события более реалистично.

Естественно предположить, что в ожидании дальнейших приказаний Раус продолжал действовать исходя из сложившейся боевой обстановки. А боевая обстановка требовала прежде всего захватить перекресток дорог у села Ивановское.

Село Ивановское

Село Ивановское первоначально возникло как мыза на реке Хревице с населением в пару десятков душ. Село было пожаловано Николаем I тайному советнику, управляющему конторой при Собственной Его Императорского Величества канцелярией Александру Ивановичу Блоку, прадеду Александра Блока, наряду с деревнями Юрки, Поречье, Село Среднее, Пелеша, Андроновщина, Сяглы и Большие Ветки. В селе имелись винокуренный — на берегу Луги — и лесопильный — в излучине Хревицы — заводы, а также мукомольная мельница при впадении в Хревицу речки Черной. Село принадлежало к Ямбургскому уезду Санкт-Петербургской губернии, где у Блоков были имения с конца 18 века и вообще традиционно селились русские немцы: Веймарны, Альбрехты, Тизенгаузы, Фредериксы. В начале 20 века Ивановское принадлежало Наталье Ивановне Гирс

¹ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 178, л. 10.

² На нехорошие размышления наводит тот факт, что даже к этому моменту в штабе СЗФ еще ничего не знали о захвате немцами мостов в Поречье. В оперсводке № 45, поданной в штаб ЛОГ Красногвардейска в 12.30 речь еще идет о том, что немецкие части следуют через Ляды на Гдов и Кингисепп.

(по первому браку — Таптыковой), внучке А. И. Блока. Ей досталось 4919 десятин земли и усадьба в 25 строений.

В 1895 году Натальей Гирс вместе с окрестными помещиками была построена в селе бумажная фабрика, небольшая лесопилка, кирпичный завод, а рядом вырос целый поселок арендаторов-эстонцев. Фабрика, на которой работало 200 рабочих, не процветала, и в 1904 году попала в конкурсное управление.

В 1905 году всего в нескольких метрах от дороги, которая с севера на юг прорезает село и ведет из деревни Поречье в усадьбу, рядом с разделением реки Хревицы на два рукава (река Городенка) был открыт храм, освященный в честь апостола Иоанна Богослова, имя которого было традиционным в роде Блоков. Строился храм на деньги окрестных крестьян и Натальи Гирс синодальным архитектором Василием Антоновичем Косяковым (1862–1921), автором Морского собора в Кронштадте и многих других известных храмов. Он сумел удачно соединить московский стиль 17 века с элементами византийско-романской архитектуры. Освящал храм по преданию Сергей (Старгородский), будущий патриарх советской России, подпавший свое воззвание к пастве в первый день этой ужасной войны. А в самом храме был захоронен прах сына Натальи Гирс, то есть троюродного брата Александра Блока.

После расстрела последнего священника (1931) и закрытия (1936) храм использовался под склад и ремонтную мастерскую, затем как пост воздушного наблюдения РККА.

Спустя год после открытия храма на реке Хревице была построена плотина высотой 14 метров, самая высокая в губернии. Энергия воды использовалась для нужд мануфактуры помещиков Блоков, в частности — для привода машин чесального производства. Позже здесь была построена гидравлическая электростанция. Ее мощность доходила до 500 кВт, она удерживала сотни тонн воды озера от долины реки и работала до 1974 года.

Любопытно, что в 1933–1937 годах по реке Луга через Ивановское ходил пассажирский пароходик сообщением Кингисепп-Муравейно. Через Муравейно проходил и тракт — проселочная дорога, связывающая Кингисеппский район с центрами Осьмино и Гдов.

От Поречья до Ивановского по прямой всего около трех километров. Вперед рванули мотоциклисты, которые, скорее всего, без четверти час, а не в 3–4 по Богданову, уже подкатывали к Ивановскому.

Богданов, остановив этот передовой отряд и вынудив его вернуться, добился максимум получасового выигрыша во времени.

Дальше события развивались следующим образом.

Узнав о засаде, Раус выслал вперед мотострелковый батальон.

К этому времени успели обернуться и наши летчики.

Лашкевич: «Разведчики привезли ценные данные о противнике, и в бой было брошено все. Истребители четверками и шестерками вылетали на штурмовку прорвавшихся немецких войск. К этому времени на истребители И-16 взамен пулеметов ШКАС были установлены крупнокалиберные пулеметы Березина БС калибром 12,7 мм. Четверка под командованием заместителя командира эскадрильи капитана М. Никитина вылетела на штурмовку вражеских войск. На дороге к селу Ивановское ведущий по поднятой на земле пыли обнаружил вражескую колонну мотоциклистов. Подойдя к колонне скрытно, на малой высоте, Никитин, сделав подскок, набрал высоту и повел звено в атаку. Истребители ударили по мотоциклистам. Передние машины остановились, началась паника. Побросав технику, мотоциклисты бросились в укрытия. Истребители по несколько раз заходили в атаку. В результате звено Никитина уничтожило 15 мотоциклов».¹

Результаты атаки, скорее всего, как обычно, завышены. Но факт атаки подтверждается в Боевом дневнике дивизии. Вскоре после захвата плацдарма «сильное авианападение. Помощь истребителей невозможна, т. к. вблизи недостаточно боевых аэродромов. Зенитная батарея оказалась связанной условиями пути, три ее 8,8 орудия должны прикрывать два важнейших моста через Плюсу и Лугу».²

Для прояснения дальнейшей картины привлечем еще один документ — доклад майора Киенко,³ бывшего механика-водителя танка, участника боев под Ивановским, о действиях сводного танкового полка ЛКБТКУКС.

Согласно докладу Киенко, далее в Ивановском происходило следующее:

«На колокольне Ивановской церкви расположился пост наблюдательно-оповестительной службы из 4-х военнослужащих. Командир мл. сержант Зорников и красноармейцы Павел Жульев, Иван Зайцев и Петр Яковлев.

Дорога проходила рядом с церковью, пост ВНОС⁴ забросал фашистов гранатами и бутылками с зажигательной жидкостью.

¹ Лашкевич. С. 52–53.

² NARA, т 315, г 323, ф 095.

³ Доклад был подготовлен к 30-летию победы в ВОВ по заказу Музея бронетанковых войск.

⁴ Служба воздушного наблюдения, оповещения и связи. Лашкевич: «Локаторов еще не было, радиосвязь только еще осваивалась, и наблюдение за воздушными целями осуществлялось визуально. Наведение истребителей осуществлялось по стрелам, выложенным на земле в расположении постов или КП частей и соединений. Стрелы устанавливались в сторону полета воздушных целей противника. Рядом со стрелой указывалась высота полета вражеской цели.

Примитивность службы ВНОС была очевидной. Время, затраченное на запуск мотора и взлет, давало противнику возможность уйти от преследования...» (Лашкевич. С. 45).

На дороге поднялась паника, движение застопорилось. В это время бойцы ВНОС спустились в церковь. Бой прекратился после того, как от прямых попаданий вражеских снарядов обрушилась крыша церкви. Четыре героя погибли смертью храбрых»¹

Раус рассказывает о происходившем далее несколько иначе: «Предыдущий запрос советских самолетов — „Опознайте себя“ — получил ответ в самой недвусмысленной форме. 5 наших танков внезапно атаковали соседний русский аэродром в Ястребиной. И снова это была вспомогательная операция, предпринятая по инициативе младшего офицера. Этим офицером был лейтенант II батальона 11-го танкового полка, который захватил вражеского авиационного наблюдателя на колокольне в Ивановском. Этот человек не подозревал о том, что мы захватили мосты.² Из допроса пленника лейтенант узнал об аэродроме в Ястребиной, который находился не более чем в 10 километрах и был занят крупной авиационной частью. Лейтенант размышлял не слишком долго и запросил разрешение нанести русским визит силами 5 танков PzKw-35t своего взвода. Этот запрос был примечателен тем, что ни сам лейтенант, ни его солдаты так и не отдохнули после 3 суток непрерывного марша и буквально валились с ног от усталости. Но я понимал, что Советы вряд ли предложат нам еще одну такую благоприятную возможность, и поэтому ответил: „Разрешение дано. Только постарайтесь вернуться как можно скорее!“³

Раус не очень распространяется о боевом столкновении в Ивановском. Но согласно его рассказу получается, что один из четверых бойцов ВНОС остался жив и попал в плен. Он рассказал немцам о нашем аэродроме под Ястребино, расположенном в 10 км от Ивановского по прямой. Согласно Раусу, немецкий отряд из пяти танков сразу же рванул к этому аэродрому.

Однако прямой дороги от Ивановского до Ястребино нет (танки — не самолеты), а по проселочной дороге до Ястребино уже не 10, а около 15 км. И идет эта дорога через Среднее Село. И отправился в этот диверсионный рейд, скорее всего, именно отряд лейтенанта Граберта.

Но нам уже известно из донесений авиаразведки, что одновременно с приближением передовых частей немецкой боевой группы к мосту в Поречье на станции Веймарн выгружался эшелон с первыми прибывшими на рубеж обороны народными ополченцами.

¹ СПб. школа № 111. Музей бронетанковых войск. Архив. Сводный танковый полк ЛКБТКУКС. С. 14.

² Вряд ли сидевшие на колокольне в Ивановском красноармейцы-наблюдатели и в самом деле не видели того, что творится у них под самым носом. Скорее всего, они, в отличие от горе-пограничников, до конца выполняли поставленную задачу.

³ Раус. С. 103–104.

Станция Веймарн. КП 2-й дивизии народного ополчения

Николай Степанович Угрюмов, Герой Советского Союза, полковник, командир дивизии:

«Решив накануне вопросы, связанные с погрузкой и отправкой эшелонов дивизии со станции Витебская-товарная, я с небольшой группой командиров штаба отправился на машинах в Веймарн. Надо было встретиться с представителями фронта и штаба Лужской оперативной группы, получить боевую задачу.

К исходу 13 июля мы были в Веймарне. Эшелоны с полками опаздывали. Попытки выяснить, что случилось, ни к чему не привели. Ночью к нам прибыли генерал Пядышев и начальник артиллерии Лужской оперативной группы генерал Краснопевцев. От них я узнал, что по каким-то причинам эшелон с 1-м стрелковым полком вышел из Ленинграда не в пятнадцать часов, а значительно позже.

До подхода эшелонов генерал Пядышев поставил задачу. Дивизии предстояло с ходу овладеть селом Среднее, что по дороге на Ивановское, в дальнейшем наступать на село Ивановское и сбросить противника в Луту.¹

Изучая по карте местность. Прикидываю исходя из ее особенностей позиции, рубежи, намечаю задачи артиллеристам, разведчикам, инженеру. Рядом со мной трудятся командиры оперативной группы штаба.

Наша работа заканчивалась, когда эшелон 1-го стрелкового полка подошел к станции Веймарн. Направился встретить ополченцев. В этот момент в воздухе появилась группа фашистских бомбардировщиков. Неужели к станции?

Бомбардировщики развернулись, легли на боевой курс. И началось. Станция в дыму и огне. Мечутся люди. Крики, стоны.

Бомбежка кончилась. Понадобилось время, чтобы ликвидировать ее последствия, оказать помощь раненым, подсчитать потери, собрать подразделения. Нашел командира 1-го полка майора Добрякова. Вид его лучше всяких слов говорил о том, что он пережил несколько минут назад. Но Добряков старался взять себя в руки.

Выслушав мои указания, он отправился готовить полк к боевым действиям.

Немного позже в Веймарн приехал командующий войсками фронта. Он распорядился усилить дивизию двумя артиллерийскими дивизионами и ротой танков Ленинградских бронетанковых кур-

¹ Странная получается картина. Пядышев ночью с 13 на 14 июля ставит Угрюмову задачу выбить немцев из Среднего Села, в то время как они еще только продираются по лесу и еще не достигли даже Поречья.

сов усовершенствования комсостава и лишь после этого начинать наступление».¹

Судя по этому фрагменту воспоминаний можно понять, что все сказанное здесь Угрюмовым происходило в ночь с 13 на 14 июля. Однако, как мы увидим далее, в этом коротком фрагменте воспоминаний переплелись события целых суток, вплоть до утра 15 июля, когда уже прибыл не первый, а последний эшелон с ополченцами. Странные вещи творились в этот день с восприятием времени.

Задачу Угрюмов получил от Пядышева после того, как прибыл первый эшелон с ополченцами,— только к полудню. Согласно телефонограмме № 2, «приказания эти все отданы в 12.07». Там же говорится: «Угрюмов прибыл, но не имеет задачу и карт...»²

Неопытные ополченцы, впервые надевшие шинели и взявшие в руки винтовки, в первый день действовали вслепую и наугад.

Первый эшелон 2-й ДНО прибыл в Веймарн утром 14 июля, и он бомбардировке вражеской авиации еще не подвергался.

«Шел поезд кружным путем — через Петергоф, Ораниенбаум, Котлы. Выгрузка прошла спокойно.

Единственным событием, взбудоражившим всех, было появление низко летевшего небольшого самолета. Пока разобрались, что это наш разведчик, кто-то успел по нему выстрелить. С самолета сбросили вымпел с запиской, в которой сообщалось, что фашистские танки уже в Ивановском, то есть в 10–12 км от станции.»³

По дороге к Ивановскому тотчас ушла группа разведчиков под командой бывшего матроса-балтийца, кронштадтского плотника Ф. П. Узелкова. В селе Среднем они столкнулись с фашистами, которых было больше, но Узелков четко организовал бой, сам уничтожил трех гитлеровцев. Оставшиеся в живых бежали из села...»⁴

В книге «Народное ополчение Ленинграда» этот эпизод передан более подробно.

«14 июля, в первый же день боевых действий, в 10 часов утра со станции Веймарн в район села Ивановского направилась группа разведчиков-ополченцев под командованием Ф. П. Узелкова. Около 3 часов дня разведчики при подходе к селу Среднему встретились с немецкими автоматчиками. Немцев было значительно больше. Однако советские патриоты решили принять бой и бросились в атаку. Завязалась короткая, но жаркая схватка. Немцы, потеряв более 10 человек убитыми, отступили. В этой первой для ополченцев схватке

¹ Кринов. С. 45–46.

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 81, л. 50–51.

³ Соответственно выгрузка первого эшелона происходила около половины первого, а не утром.

⁴ Михайлов. С. 32

командир разведки Ф. П. Узелков уничтожил 3 фашистов. Разведчики выполнили поставленную перед ними задачу и вернулись в часть с ценными сведениями».¹

Эта выдержка из документа, хранящегося в Архиве истории полिटдонесений, очень хорошо помогает нам сориентироваться во времени. Если приведенные в ней сведения принять за точные, у нас получится следующая история.

Первый эшелон с первым «электросиловским» полком действительно прибыл на станцию Веймарн около 10 утра. Его встретил истомившийся ожиданием еще с вечера, не имеющий ни задачи, ни карт полковник Угрюмов. Он еще даже не предполагал, как близко находятся немцы и, по всей видимости, намеревался, дождавшись прибытия всей дивизии, отправиться в Ивановское и занять там пригодные для обороны позиции.

Однако буквально через пару часов все вдруг завертелось стремительно и совершенно не так, как предполагалось. Самолет сбросил вымпел о том, что в Ивановском уже немцы, а из штаба Пядышева тут же пришла задача.

«К Среднему уже уходили подразделения сформированного на „Электросиле“ 1-го полка 2-й ДНО. Бархатов получил приказ поставить орудия на позиции сразу за станцией и собрался тут же его выполнить, но потом вдруг подумал о том, что заслон на дороге к Ивановскому пока еще слабый, а если фашисты сомнут и его батарею, они сразу ворвутся на станцию, откроют огонь по эшелонам, которые все прибывают. <...> Бархатов решительно направился к командиру артиллерийского полка капитану Кочатурияну».²

– Товарищ капитан! Считаю более целесообразным <...> выдвигаться как можно дальше навстречу фашистским танкам.

– А если танки сомнут вас с ходу, в пути?

– Не сомнут. Успею развернуться.

– Воевали?³

– Имею боевой опыт. Кроме того, в военных лагерях учился сопровождать пехоту огневым валом.

– Хорошо. Действуйте.

– Транспорт нужен.

– Берите любые машины.

Машины стояли неподалеку. Шоферы собрались в кружок.

¹ Беляев. С. 68–69. В этой книге дается множество ссылок на архивные документы, которые до сих пор не рассекречены.

² Фамилию Хачатурян почему-то перевирают везде. Так хорошо помнят у нас своих героев.

³ Вот так командиры похода узнавали своих подчиненных.

– Мы выдвигаемся навстречу фашистам. Кто согласен ехать с нами, взяв на буксир пушки?

Отозвалось несколько человек <...>

– Это опасно...

– Знаем, что на войне, а не в гостях у тещи...¹

Среднее Село

Павел Бархатов, политрук, командир батареи:

«Выгрузившись утром 14 июля на станции Веймарн, мы узнали, что наш 1-й электросиловский полк попал под бомбежку², а теперь получил задачу выступить навстречу противнику и не допустить его в село Среднее.

Полк двинулся против немцев фактически с одними винтовками. Командир дивизиона капитан Леонович приказал развернуть пушки на прямую наводку за станцией и ждать фашистов. А из Среднего бегут люди — местные жители, окопники. Кричат нам: „Чего стоите! Там фашистские танки народ давят, а вы здесь прохлаждаетесь...“

Я не стал убеждать Леоновича и обратился к командиру полка капитану Хачатуряну. Он из кадровых.

Капитан сразу же оценил обстановку и распорядился:

– Берите машины — и в Среднее!

Не доехав до села, я оставил орудия и с разведчиком красноармейцем Плоским отправился вперед. Надо было узнать, что и как. Командир батальона 1-го полка искренне обрадовался, когда я сообщил ему, что батарея прибыла сопровождать ополченцев „огнем и колесами“. Батальон уже втянулся в бой с противником, и наша помощь была весьма кстати.³

«Из села начали бежать люди. Я поставил на дороге группу солдат под командованием Плоского с задачей возвращать всех назад <...>

Спрашиваю:

– В чем дело?..

– Видишь, да и слышать можно. Две танкетки вышли из леса...»⁴

«– Вы вот что, братцы,— решил Бархатов, когда к ним примкнуло несколько человек.— Раз уж вас сюда занесло, бегите ко второму нашему орудью, оно за деревней, наберите снарядов и тащите их следом за нами. Получится, что вы выполняли специальное задание.

Подумав, повернулся к Плоскому.

– Иди с ними и сам. Похоже, что снарядов понадобится много...

¹ Михайлов. С. 32.

² Под бомбежку попал второй эшелон, прибывший вскоре после первого.

³ Кринов. С. 46.

⁴ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 10, д. 1350.

Только за селом у тригонометрической вышки Бархатов наконец увидел немецкие танкетки...»¹

Далее Бархатов описывает первый бой своего маленького подразделения, имевшего всего два 76-мм орудия.

«Отдал приказание наводчику Мейеровичу — расчету катить пушку за мною, а Плоскому с задержанными людьми подносить снаряды. Пушку выкатили за село. Две танкетки, стрелявшие очередями и создававшие панику, остались слева сзади нас. Определив дальность, я подал команду:

– По фашистским танкеткам огонь!

Наводчик Мейерович вторым снарядом подбил первую танкетку и последующими — вторую.²

– Молодцы ребята! Это для вас, как студентов, новая специальность. Да и хорошо получается.

На поля с рожью из-за опушки леса вышли шесть легких танков. Последовала новая команда расчету:

– По танкам огонь!

А про себя думаю: „Это — потруднее задача для наскоро испеченного расчета“. К этому моменту поднесли достаточное количество снарядов, подкатили и зарядный ящик. После нескольких выстрелов из первого танка выбежал экипаж.

Заряжающий Александров говорит:

– Комиссар! Есть один!

Я ответил:

– Всех нужно!

В огороде стояли ульи пчел, и один из снарядов стреляющих по нашему расчету танков попал в домик улья. Пчелы обрушились на нас. День был жаркий, а к потным пчелы больше липнут. У нас появилась на лицах опухоль и жуткая боль.

Но дуэль длилась недолго. Два танка скрылись в лес, а четыре остались на месте.

– Ну, ребята, — говорю, — поработали хорошо. Теперь вас буду называть не студентами, а артиллеристами.

Кто-то из расчета ответил:

– Да, комиссар, с Вами, видимо, не пропадешь.

Кто-то сказал, что в домике находится командир 1-го стрелкового полка. Я обратился к нему с просьбой — выделить и направить команду, чтобы не упустить подбитые танки. Командир этого полка был

¹ Михайлов. С. 36.

² Гусев: «Студент-второкурсник Авиационного института Костя Мейерович только что стал наводчиком орудия. Вряд ли он когда-либо до этого занимался артиллерийской стрельбой. Но когда на село, отбитое ополченцами у фашистов, двинулись немецкие танки, он быстро выкатил орудие на открытую позицию и несколькими выстрелами подбил две танкетки...» (Ополченцы. С. 86–89)

директором школы (точно не помню какой). На него также напали пчелы, и он сказал:

– Эх, мне не до этого.

Мы продолжали оставаться на месте, ввиду неясности обстановки. Могли появиться танки и из другого направления. Но вскоре был наведен полный порядок...»¹

Несколько дополняет картину, нарисованную Бархатовым, рассказ добровольца из Кронштадта Мишера, который принял первый бой в Среднем прямо перед появлением батареи Бархатова.

«Было страшно. На нас двигалось пять танков, за ними была видна цепь вражеской пехоты. Летели снаряды, свистели пули. Страшно было поднять голову, но мы, еще не умудренные военным опытом, сражались как могли. Когда командир взвода был ранен, мы растерялись. Нам оставалось надеяться только на боевую удачу. И она не подвела. Мы продолжали отстреливаться. Наша пальба была услышана артиллеристами, которые шли позади. Именно они и выручили нас: развернувшись, подбили пару немецких танков. Остальные вражеские машины начали отступать к лесу. Мы воодушевились от успеха, воспрянули духом и почувствовали себя единым целым. Теперь отогнать фашистские танки прочь от деревни нам не составило большого труда...»²

Сохранилось еще несколько любопытных деталей этого боя.

«Бархатов (он прошел всю войну и демобилизовался полковником) и сегодня неясно, почему вдруг немецкие танки словно застыли во ржи, подставляя себя под выстрелы <...> Цели были легкими, словно неподвижные мишени на полигоне, пушка у Бархатова сравнительно мощная, намного мощнее обычных противотанковых пушек, фашистская броня пробивалась легко...»³

Из этих сомнений Бархатова могут возникнуть сомнения и у нас. Возможно, и в самом деле в поход на Ястребино отправились не диверсанты Граберта, а саперы Гебхардта, как пишет Раус. Хотя это могла быть и просто обычная разведка.

Здесь следует немного поговорить наконец и о тех «танкетках», которые, судя по всему, предстали Бархатову в этом первом бою.

Танк Pz.Kpfw.35(t) чешской фирмы «Шкода», составивший основу 6-й ТД (160 из 239 танков), перед войной прошел на испытаниях более 1500 км без существенных поломок. Ресурс гусениц достигал 6000 км. Емкость бака составляла 153 л, что позволяло танку пройти 190 км по дорогам с твердым покрытием или 120 км вне дорог. Спе-

¹ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 10, д. 1350.

² Они ушли в ополченцы... СПб.: Logos, 2007. С. 50–54.

³ Михайлов. С. 37.

циальные крепления на корпусе танка позволяли перевозить 10 дополнительных двадцатилитровых канистр с бензином.

Пневматическая система управления снижала физические нагрузки на механиков-водителей во время длительных маршей. Все это, несмотря на то что максимальная скорость составляла только 34 км/ч, позволяло поддерживать высокую среднюю скорость марша. Эти особенности Pz.Kpfw.35(t) позволили 6-й танковой дивизии, выйдя на оперативный простор после преодоления первоначального сопротивления возле границы, быстро продвинуться по грунтовым дорогам и первой из группы армий «Север» захватить плацдарм на реке Луга.

Однако при великолепных ходовых качествах эти танки имели слабую пушку и тонкую броню: лобовую — толщиной 25 мм (защищавшую от 20-мм снарядов) и противопульную бортовую — толщиной 16 мм.

Бархатову хватило бы и простой нашей противотанковой сорокопятки, а у него была пушка 76 мм., которая хотя и именовалась ополченцами, по свидетельству Даниила Гранина, «прощай, Родина», все же порой выручала в борьбе с легкими немецкими танками.

И еще один интересный эпизод.

«Наконец немецкие танки попятились, а потом и вовсе скрылись за деревьями. Тут же до артиллеристов донеслось не очень стройное, но напористое „Ура!“ Ополченцы-электросиловики, ободренные зрелищем немецких горящих танков, контратаковали подступавшую к Среднему гитлеровскую пехоту.

Пчелы все еще роились над Бархатовым, лицо у него горело, словно обожженное, но он продолжал распоряжаться, принимая меры на случай, если танки появятся снова. От пчелиных укусов у Бархатова отекали лицо, шея, руки. Боли он уже не чувствовал. Сознание его вдруг померкло, оно словно выключилось, очнулся он спустя много часов...»¹

Возможно, именно эта потеря сознания послужила у Бархатова причиной путаницы, в результате которой, прибыв на станцию Веймарн 14 июля утром, он оказался у Среднего Села, согласно советским изданиям, 13 июля.

Это любопытно сопоставить с тем, что рассказывает в своей книге Раус.

«5 танков молодого лейтенанта также вернулись из рейда примерно в это же время. Танкисты были полностью удовлетворены результатами. Поездка сквозь ангары и по рядам выстроенных на земле самолетов была для них событием исключительным.»² Действия этих

¹ Михайлов. С. 38.

² Эти впечатления, должно быть, относятся к первым дням войны, но не к 14 июля.

5 PzKw-35t оказались более эффективными, чем удар множества бомбардировщиков Люфтваффе. По летному полю были разбросаны обломки пылающих самолетов и автомобилей. Языки пламени и столбы черного дыма поднимались высоко в небо и были видны издали».¹

Для нас уже ясно, что ни до какого аэродрома в Ястребино немецкая группа танков не добралась, а языки пламени и столбы черного дыма действительно были видны в Ивановском, но это, судя по всему, горели в пяти километрах от села подбитые немецкие танки.

Иначе выглядит ситуация по донесению того же Рауса от 2 августа 1941 года о действиях усиленной 6-ой мотострелковой бригады на Пореченском плацдарме с 14 по 28 июля 1941 года. «Благодаря местным жителям стало известно, что в Ястребино находится временный вражеский аэродром. Отряд Граберта (Grabert) из 800-го полка специального назначения, усиленный одним взводом 65-го танкового батальона, получил задание напасть на аэродром. От этого предприятия пришлось отказаться из-за сильного налета штурмовиков около 17.45».²

Из этого донесения вдруг выясняется, что, во-первых, не от пленного красноармейца узнали немцы об аэродроме в Ястребино, а от местных жителей. Вероятно, местные жители сказали, что красноармейцы на колокольне были от аэродрома в Ястребино. Однако надо же было что-то сказать и о красноармейцах в Ивановском. Не будет же Раус рассказывать, что в немецких рядах от неожиданности началась паника, как это любят делать в таких случаях наши рассказчики. А во-вторых, что предприимчивым молодым лейтенантом оказался все же не кто иной, как сам Граберт.

Относительно же того, что «бранденбуржцы» узнали от местных жителей об аэродроме, следует сказать вот что.

Богданов, руководивший рытьем окопов, отослал всех гражданских, бывших в его распоряжении, на станцию Веймарн. Вскоре и он сам с несколькими своими подчиненными покинул село. В селе же остались не только местные жители и красноармейцы службы ВНОС. Фабрика в Ивановском работала в своем обычном режиме, и никто не удосужился прийти туда и сказать, что к селу приближаются немцы.

Диверсионная группа Граберта, одетая в советскую форму и пересекшая оба моста на трофейной технике, частью своей подкатила с железнодорожного моста прямо к фабрике, частью въехала в село. Татьяна Андреева, жительница села Ивановское, дом которой стоял на окраине, вспоминала,³ что никакого захвата не было. Вошли наши солдаты под красными знаменами, с красными звездочками, говорили по-русски. Все выпросили, никого не тронули и ушли. И пока

¹ Раус. С. 104.

² См.: Мухина Ю. Способ самооправдания // Дуэль. 2010. № 29 (59) от 20 июля.

³ В фильме СПб. ТВ 2013 г. «Ополченцы».

вокруг фабрики разворачивались описываемые нами события, она продолжала работать, как ни в чем не бывало. Деревенские жители начали разбегаться только после того, как от леса в сторону села поднялась стрельба, на которую из села стали отвечать такой же бешеной стрельбой.

Так что Раус, написав о том, что изобразил нечто вроде марша мирного времени, ничего не выдумал. Граберту, одетому в красноармейскую форму и хорошо владевшему русским языком, не составило особого труда разузнать у местных жителей все, что ему было нужно. В группе наверняка русским языком владел не он один. И узнал он не только про аэродром в Ястребино.

Вот еще один документ. В телеграмме № 2¹ комдив Кауфельдт просит Гончарова доложить н-ку штаба, в частности, следующее: «16.30 — я получил сведения от 41 сарт, что 3 танкетки противника атаковали охранение 63 авиабазы в Сумск точка авиабаза отбив атаки этих 3 танкеток самостоятельно снялась с аэродрома и куда-то ушла в тыл в сторону Красногвардейск точка».

Итак, до аэродрома не в Ястребино, а в Сумске, до которого тоже от Ивановского около 10 километров, добралось не пять, а три танкетки немцев. По-всей видимости, две из пяти, отпущенных в рейд Раусом, остались гореть под Средним Селом. Время действия соответствует.

И еще один факт уточняется из приведенного Ю. Мухиным документа. В 17.45 (18.45) наша авиация вновь произвела налет на плацдарм, занятый немцами.

Наша авиация действительно не давала немцам покоя в этот день и не только в 17.45.

Оперативная сводка № 44, штаб ВВС СФ 17.00 14. 7. 41

«... 41 АД — период 3.00–14.00 действовала по мехчастям и танкам пр-ка р-не ЛЯДЫ и по зап.берегу р. ЛУГА ю. з. Кингисепп. Произведено 39 самолето-вылетов, продолжает выполнять задачу <...>

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ВВС СФ — Генерал-майор авиации (НЕКРАСОВ)

НАЧАЛЬНИК ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА — Полковник (РЫБАЛЬЧЕНКО)»²

Раус: «Все аэродромы в районе Ленинграда — а их там было множество — с этого момента были подняты по тревоге. Наши измученные солдаты заняли оборонительные позиции и тут же попа-

¹ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 178, л. 3–7.

² Там же, д. 187, л. 86–87.

дали спать, но не прошло и часа, как их бесцеремонно разбудили. С неба на деревни, фермы, дороги и лесные опушки обрушился град бомб. Особенно сильной бомбежке подверглись деревни Муравино и Поречье, расположенные по обе стороны моих мостов. Мой штаб в Муравино стоял совершенно открыто, и нам пришлось прятаться в соседнем лесу, как и нашим солдатам.

Эта атака стала сигналом для наших измученных солдат, они поднялись на ноги. Немедленно были открыты ячейки для защиты от танков и самолетов, их хорошо замаскировали. После этого отдельные окопы связали системой узких зигзагообразных траншей. Вражеские самолеты прилетали волна за волной до самого наступления темноты. Увы, в этих северных широтах темнота наступает поздно. <...> Мы прекрасно понимали, что нам придется самим отбиваться от вражеских самолетов. Вряд ли Люфтваффе появятся в ближайшее время, так как их тылы не выдерживали гонки за нашими танками».¹

«Благодаря энергичным атакам советских летчиков ситуация оценивалась немецким командованием как критическая. В Боевом дневнике XXXXI корпуса 14 июля 1941 г. указывалось: „Угрожающее положение, в котором находятся слабые силы 6-й тд на плацдарме из-за постоянных бомбежек противника, заставляет командира корпуса позвонить командующему ТГр. Он подчеркивает, что если до конца дня господство противника в воздухе не прекратится, корпус не сможет гарантировать удержание плацдарма. Командование ТГр должно позаботиться о том, чтобы Люфтваффе продвигалось вперед и временно довольствовалось полевыми аэродромами. Базы наших истребителей сейчас слишком далеко в тылу для того, чтобы они могли эффективно поддержать действия наземных войск. Потери дивизий в людях и технике от бомбежек растут и частично снижают эффект внезапности“²».³

Пока оставим боевую группу Рауса на достигнутом рубеже и посмотрим, что в это время происходило с его основным противником — 2-й дивизией народного ополчения

Основной состав 2-й ДНО переправлялся из Петербурга в Веймарн семью эшелонами, первый из которых, согласно докладной записке начальнику Оперативного отдела Северного фронта, поданной в 20.45 14. 7. 41⁴, отправился с Витебского вокзала в 23.35 13. 7, а последний — лишь в 16.50 14. 7. То есть полностью дивизия могла приступить к активным боевым действиям только 15. 7. Это очень важно отметить уже сейчас.

¹ Раус. С. 104–105.

² NARA, t 314, r 979, f 389.

³ Исаев, 2011. С. 261–262.

⁴ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 93, л. 42.

Таким образом, в то самое время, когда группа Рауса боролась с российским бездорожьем, первый эшелон с бойцами ДНО двигался к Кингисеппу.

Рассказывает корреспондент газеты «На защиту Ленинграда» политрук П. С. Кошелев.

«Дивизия перебрасывалась несколькими эшелонами, первый из коих должен был грузиться в 16 часов <...>

Я выехал с ним <...>

Прибыв на ст. Веймарн, эшелон выгрузился. Никаких мер ПВО и даже маскировки принято не было. По своей инициативе некоторые командиры уводили в тень деревьев бойцов, но в общей массе маскировки не было.

С первым эшелонам прибыли: 1 и 2-й б-н, 1 сп. и два дивизиона 2 АП.

Ввиду недостаточной организованности при пролете наших трех бомбардировщиков над станцией открылась беспорядочная стрельба из винтовок бойцами, которые только что накануне получили боевые патроны, и многие из них не умели зарядить оружие.

Я обратил внимание инструктора п/о, и мы с ним вместе прошли по ротам, нацелив внимание политруков:

1. На сохранение военной тайны.
2. Предотвращение произвольных выстрелов.
3. Необходимость проведения бесед, используя памятник расстрелянным бойцам-добровольцам в 1919 г.

Вскоре собралось в штабе 1 стр. полка совещание комбатов, комрот, комиссаров и политруков. На нем я не был, а находился на месте штаба полка.

Через час или больше стало известно, что полк выступает по направлению села Ивановка. Полк немедленно выступил. Из командиров с ним ушли: комбаты и командир полка. Штаб и все тыловые и др. органы остались.

Выступил он так неожиданно, что даже комиссар т. Константинов не знал, а узнал позже. Всем, кто остался, было приказано вооружиться (за исключением химиков) и следовать за полком.

А. П. в это время занял позиции для ведения огня прямой наводкой в направлении вероятного появления танков. Артиллерия была выставлена лишь та, которая имела мехтягу. Та же, которая шла на автотяге, осталась на платформе, т. к. не на чем было ее вывезти. Тракторы и транспорт в первый же момент остались без горючего и ГСМ, т. к. этого никто, видимо, не учел (горючее было потом получено от МТС)».

Далее идет очень интересный фрагмент, практически не поддержанный никакими другими воспоминаниями.

«В 16 часов дня первые два б-на 1 сп. вступили в бой с задачей: занять с. Ивановка. К моменту соприкосновения противник продвинулся уже к с. Среднему. В результате боя он был отогнан от Среднего, а к 23 часам отошел в с. Ивановка (1–1,5 км).

Ночью подошел 3 б-н 1 сп., который, попав в окружение, хорошо вел бой. Бойцы и к-ры стойко держались. Подпускали близко пр-ка и дважды ходили в контратаки».¹

Благодаря этому отчету военного корреспондента становится ясно, что с первым эшелоном прибыло только два первых батальона 1-го полка 2-й ДНО и артполк. Этот эшелон еще не бомбили. Второй эшелон с остатками 1-го «электросиловского» полка прибыл немного позже. Именно он и попал под бомбежку. К этому времени бойцы с первого эшелона уже успели добраться до Среднего Села и вступили в бой с группой Граберта, не дав ему проскочить к Ястребино. Хотя, возможно, Раус произвел эту вылазку с целью проведения разведки на предмет продолжения экспансии. Это вполне вероятно, поскольку он фактически весь этот день действовал вне связи со штабом дивизии. Соответственно Раус, окрыленный достигнутыми успехами, продолжал экспансию, и бой за Среднее Село продолжался до подхода второго эшелона ополченцев. Затем Угрюмов, выполняя приказание Пядышева, попытался сходу выбить немцев из Ивановского. Таким образом, бой здесь, как отметил военный корреспондент, продолжался практически до ночи. На станцию Веймарн в течение всего дня эшелон за эшелоном прибывали ополченцы и сразу же отправлялись в район Среднего Села, на усиление первых эшелонов.

Ополченцы явно опаздывали. Немцы же и не собирались давать им роздыху и времени на раздумья.

Все документы и воспоминания хорошо согласуются именно с таким вариантом развития событий.

Угрюмов вспоминает, что сразу по прибытию на станцию Веймарн он узнал следующее: «14 июля противник вышел к реке Луге, переправился через нее, захватил несколько населенных пунктов, в том числе большое село Ивановское. Фашистские войска наносили удар вдоль шоссейной дороги на Веймарн, стремясь овладеть железнодорожной и шоссейной магистралями Кингисепп—Красногвардейск (Гатчина)».^{2, 3}

Согласно уже не раз упоминавшейся телефонограмме № 2⁴ приказ Угрюмову был отдан только в 12.07, когда передовой отряд немцев уже был у моста в Порече.

¹ ЦГАИПД, ф. 2281, д. 195.

² Пока, как мы видели, это была всего лишь диверсия в район Ястребино.

³ Ополченцы. С. 31.

⁴ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 178, л. 3–7.

«Задача была Угрюмову тут же поставлена и передана через коменданта Веймарна».

Угрюмов: «Генерал-лейтенант Пядышев приказал форсированным маршем выдвинуть полки к реке. Первоочередной задачей командующий поставил ликвидацию плацдарма противника у Ивановского. Затем во взаимодействии с соседями — справа 191-й стрелковой дивизией, слева Пехотным училищем имени С. М. Кирова — нам следовало создать прочный оборонительный рубеж».¹

Согласно телефонограмме, задача, не много не мало, звучала следующим образом: «выслать отряд на Ивановское-Поречье задачей уничтожить разведку противника и захватить переправы у Поречье».²

Однако пока вся дивизия не выгрузилась, какую задачу могла она выполнять? Только выслать передовые отряды для прикрытия подступов к станции. Именно это и должно было происходить 14 июля.

Первые ополченцы выдвинулись вперед к Среднему Селу.

Угрюмов: «Артиллеристы действовали уверенно и умело. Подпустив танки поближе, они открыли меткую стрельбу. Четыре танка были выведены из строя, две танкетки, прорвавшиеся в расположение батареи, подбиты. Бойцы воспользовались этим. Роту, наступавшую с востока, поднял в атаку парторг полка В. Наумов. Северную окраину села атаковали ополченцы во главе с секретарем комсомольской организации полка М. Косорымовым. К исходу дня добровольцы очистили от противника Среднее Село, гитлеровцы откатились к Ивановскому. Ополченцы-электросиловцы успешно выдержали первый боевой экзамен.

Но главной нашей задачей оставалась ликвидация Ивановского плацдарма. Командир полка решил ждать рассвета. Я не возражал. Как потом выяснилось, это было ошибочное решение: мы дали возможность фашистам закрепиться и организовать оборону».³

Угрюмов считает, что совершил ошибку, не настояв на том, чтобы электросиловцы тут же сходу выбили немцев из Ивановского. Это его мнение вполне понятно. Однако он при этом не договаривает в свое оправдание того, что видели другие.

Михайлов: «Фашистские танки в тот день больше уже не атаковывали. Вражескую пехоту ополченцы тоже отбросили от Среднего, они пытались пройти и дальше, к Ивановскому, но гитлеровцев накопилось на плацдарме уже порядком, на наступающих обрушился артиллерийский, пулеметный, минометный огонь, и подоспевший к месту прорыва командующий Северным фронтом М. М. Попов приостановил атаку:

¹ Ополченцы. С. 31.

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 178, л. 3-7.

³ Ополченцы. С. 33.

– Подождем, пока подойдут танки и побольше артиллерии».¹

Здесь Михайлов немного торопится, Попов прибыл под Ивановское только утром 15 июля.

Но для нас в этом тексте, составленном из свидетельств очевидцев, гораздо важнее сейчас то, что Попов фактически одобрил решение Угрюмова подождать с атакой на Ивановское.

Ленинград. Смольный

Мы выяснили, что в этот день Попов охнул, услышав от Новикова о результатах доразведки, и стал принимать экстренные меры.

Попов: «14 июля, когда 191-я стрелковая дивизия, оборонявшаяся до этого по реке Нарве фронтом на запад, совершила перегруппировку, чтобы прикрыть с юга направление на Кингисепп до подхода к реке Луге частей 2-й ДНО, гитлеровские танки и мотопехота вышли к реке у Поречья, переправились через нее и захватили плацдарм с большим селом Ивановским. Узнав о столь неприятном событии и обсудив с Д. Н. Никишевым наши возможности, мы решили срочно направить под Веймарн танковый батальон Бронетанковых курсов усовершенствования комсостава из района Красного Села (марш около 100 км), всемерно форсировать перевозки 2-й ДНО, потребовать от начальника инженерного управления подать в тот район как можно больше противотанковых мин и колючей проволоки, а также направить туда ближайший саперный батальон. Командующему ВВС мы приказали вести непрерывную и тщательную разведку всех маршрутов, ведущих к Кингисеппу и Веймарну с юга, и при обнаружении колонн противника немедленно высылать на них бомбардировщиков.

Проинформировав К. П. Пядышева о наших решениях, мы потребовали от него принятия всех мер для ликвидации этого первого немецкого плацдарма на реке Луге с привлечением имеющихся вблизи частей и первых эшелонов дивизий народного ополчения...»²

Как замечательно подтверждает всю картину этот фрагмент воспоминаний командующего фронтом. После этого становится совершенно понятным следующий эпизод, который Кринов поместил в 11 июля.

Кингисепп. Штаб 191-й стрелковой дивизии

Дмитрий Акимович Лукьянов, полковник, командир дивизии:

«Перед началом войны наша дивизия была развернута по штату военного времени: три стрелковых полка, гаубичный и легкоар-

¹ Михайлов. С. 32.

² Оборона Ленинграда. С. 51–52.

тиллерийский полки, противотанковый и зенитно-артиллерийский дивизионы, батальоны связи, саперный, разведывательный, медико-санитарный.

В конце июня нам было приказано занять оборону по восточному берегу Нарвы — от Финского залива до впадения в нее реки Плюссы и далее километра четыре на юго-восток. На правом фланге у нас оборонялся 559-й стрелковый полк, прикрывая шоссе и железную дорогу на Кингисепп. Левее занял участок обороны 546-й полк. Мы являлись как бы тыловым рубежом 8-й армии, которая в это время вела тяжелые оборонительные бои в Прибалтике. Мы усиленно вели инженерные работы.

На переднем крае создавали огневые точки, укрытия, соединяли окопы траншеями и ходами сообщения, инженерными заграждениями прикрывали вероятные направления ударов противника. Одновременно подразделения занимались боевой подготовкой. Особое внимание уделяли отработке приемов борьбы с вражескими танками и авиацией.

Готовились к встрече с врагом и командиры. С ними проигрывались возможные варианты боевых решений, отрабатывались вопросы взаимодействия. Известно, что согласованность в действиях подразделений различных родов оружия является непременным условием успешного решения поставленных задач. Это требование хорошо понимали командиры, среди которых было немало участников зимней кампании 1939–1940 годов.

11 июля я, как обычно, с утра отправился в подразделения. На этот раз поехал в 546-й полк к майору Якутовичу. Вячеслав Петрович назначен командиром полка недавно, и, естественно, ему мы оказывали больше внимания. Едва успел поздороваться с командиром и замполитом, как подбежал дежурный по штабу:

– Товарищ полковник, вас срочно просит к телефону начальник штаба дивизии.

Подполковник Талызин сообщил, что получен приказ, вносящий серьезные уточнения в обстановку.

– Хорошо, Иван Иванович, еду!

В штабе дивизии Талызин ждал меня с полученной шифровкой и своими предложениями. Вчитываюсь в содержание приказа и не могу понять: что случилось, почему надо спешно развернуть дивизию фронтом на юго-запад? По вчерашней разведсводке на гдовском направлении ничего угрожающего не было. А сегодня...

– Иван Иванович, вызывайте командира разведбата и немедленно готовьте сильный отряд в направлении Гдова. В сторону Ивановского — усиленную роту от 546-го полка в отряд заграждения.¹ Придайте

¹ Интересно было бы узнать, куда делась эта усиленная рота с ПТО батареями, если это действительно происходило 11 июля?

ей батарее из противотанкового дивизиона. К пятнадцати часам подготовьте боевой приказ на передислокацию дивизии!

— Более чем на тридцать километров растягиваем фронт обороны,— начальник штаба провел карандашом дугу южнее Нарвы и Кингисеппа и, выразительно взглянув на меня, ждал ответа.

Я разделял тревогу начальника штаба, но сроки выполнения приказа командующего фронтом не оставляли времени на личные переживания».¹

Здесь совершенно отчетливо видна вся та неожиданность, с которой появились немцы у Поречья.

А вот фрагмент документа, позволяющий более точно определить время.

Из отчета командира сводного танкового полка ЛКБТКУКС майора Беспрозванова.

«В 16.00 14. 7. 1941 полк поднят по боевой тревоге и в 18.00 убыл с места расположения — Лабораторная роща — полигон в районе Дургофа, в направлении Кингисепп.

Задача: совершить марш в район Кингисеппа и поступить в распоряжение командира 191 СД. Совместными действиями со 191 СД уничтожить противника, совершившего переправу через р. Луга в районе Поречье-Ивановское. 14. 7 полк соприкосновения с противником не имел, расположился в ночь с 14. 7 на 15. 7 в районе Бол. Хотинцы,² ведя разведку в районе Ивановское. Колонну вел подполковник Кононов и врио командира полка капитан Свириденко К. П.»³

Майор Беспрозванов составлял этот отчет по рассказам офицеров полка в начале августа 1941 года, сам он при этих событиях не присутствовал, поэтому изложенная им в отчете информация имеет второстепенную ценность по отношению к воспоминаниям непосредственных участников. По воспоминаниям же непосредственных участников полк был поднят по тревоге в 4 часа (настораживает отчетная «точность» Беспрозванова — 16.00). Подтверждает воспоминания танкистов и свидетельство М. М. Попова, который обогнал танки утром 15. 7 по пути к станции Веймарн.

Тем не менее я привожу эту выдержку из отчета майора Беспрозванова здесь, поскольку вероятно такая картина.

В штабе, естественно, знали о существовании учебного танкового полка ЛКБТКУКС. И, вероятно, Попов 14. 7 в 16.00 действительно

¹ Кринов. С. 26–27.

² По данным 1933 года, деревня Большие Хотыницы являлась административным центром Большехотыницкого сельсовета Волосовского района, в который входили 10 населенных пунктов: деревни Большие Озертицы, Большие Хотыницы, Загорицы, Малые Озертицы, Малые Хотыницы, Ущевицы; поселки Вайвара, Малое Лядино, Любино, Первомайский.

³ ЦАМО, ф. 217, оп. 1283, л. 100.

позвонил в полк и приказал ему подняться по тревоге. После чего спросил, есть ли в Смольном кто-нибудь из ЛКБТКУКС. Далее все происходило согласно воспоминаниям Глаголева у Домосилецкого.¹

За эту версию — звонок в штаб 191-й стрелковой дивизии срочно отправить усиленную роту с ПТО к Ивановскому и сразу же звонок в танковый полк.

Москва обеспокоилась поступившими из Ленинграда известиями, и Жуков тут же отреагировал.

Из директивы № 00329

«... Первое. Танковую дивизию из района Кандалашки перебросить под Ленинград немедленно. <...>

Начальник штаба Ставки Верховного командования <...> Жуков».²

Однако снять 1-ю танковую дивизию из-под Кандалашки нельзя в тот же день, это не такой уж и простой процесс. Попов озаботился вопросом, а нельзя ли найти еще какие-нибудь танки поближе?

Он прекрасно знал о директиве штаба СЗФ,³ согласно которой готовился мощный контрудар под Сольцами. В ней говорилось: «Танковые дивизии, собранные в районе Луга, использовать для развития успеха по уничтожению главной группировки танков противника». Иными словами, две наши танковые дивизии из 10-го мехкорпуса, уже снятые с Северного направления, 21-я и 24-я (эта дивизия пока еще действовала в предполье), мобилизовывались для удара в тыл и фланг LVI моторизованного корпуса Манштейна.

Соответственно ни танков 21-й, ни танков 24-й дивизий Ворошилов обратно уже не отдаст. И Маркиан Попов, стремясь найти танки поскорее, вспомнил про ЛКБТКУКС.

Эпизод о разговоре в штабе Попова с Глаголевым был изъят редакторами при издании книги воспоминаний танкистов, воевавших в эти дни в районе села Ивановское. К счастью, рукопись воспоминаний В. Т. Домосилецкого «Танки у Ивановского» сохранилась в музее школы № 111. Замечание редактора у перечеркнутого текста весьма недвусмысленно: «Убрать! Командующий должен знать, что есть в его войсках».⁴

Итак, танки вдруг нашлись, да еще и в немалом количестве и с полным боекомплектom. Однако в этот же вечер еще никаких танков под Ивановским не было. Туда пока лишь только продолжали прибывать эшелоны с ополченцами.

¹ См. Приложение 2.

² *Исаев*, 2005. С. 22.

³ ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 2, С. 38–40.

⁴ СПб. школа № 111. Музей бронетанковых войск. Архив. Осн. ф. 950. С. 154.

Вот рассказы ополченцев, прибывших с последними эшелонами. Здесь уже практически идет речь о подготовке следующего дня.

Колобашкин: «Мой эшелон шел пятым. Всего было 11 эшелонов. Конечно, всю ночь мы были без сна. Шла отправка. Была ночь, но провожающего народа было много. Никаких проводов не было организовано, но народ собрался стихийно. Всю ночь район не спал. Я ехал с пятым эшелonom. Тронулись мы практически часов в 9 утра.

Отправлялись мы с Товарной станции Витебского вокзала (с Лиговки) и направлялись на ст. Веймарн. Мы должны были ехать под Луту, но не доехали. Для ликвидации прорвавшейся немецкой группы мы высадились на ст. Веймарн. Дальше состав не пошел. Первые эшелоны, которые шли раньше нас, высадились тоже в Веймарне. Наш эшелон прибыл сюда в 5 часов вечера. Когда мы стали разгружаться, был налет немецкой авиации здесь же сразу. В это время наш первый эшелон ушел уже в село Ивановское. Когда мы прибыли на станцию, первые свои четыре эшелона мы здесь уже не застали. Началась бомбежка. Была дана команда рассеяться по леску, который был недалеко. Этот налет не был сильный. Жертв у нас не было. Мы скоро оттуда ушли. Дело было уже к вечеру. Мы тронулись, пошли. Стало темно.

В этот первый день, нужно сказать, основную тяжесть принял на себя первый полк (Электросиловский). Он принял на себя основной удар. Что касается второго полка, то этот полк в первый день никакого непосредственного участия в боях не принимал. У меня был, как я говорил, пятый эшелон, это был второй полк».¹

Бардин: «Эшелон наш продвигался медленно. Часто останавливался, пропуская встречные поезда с ранеными. На первых остановках женщины протягивали нам букеты полевых цветов. Но чем ближе к фронту, тем меньше становилось торжественных встреч, цветов нам уже не дарили. На станциях полно было беженцев — женщин, детей в окружении мешков с домашним скарбом.

Прибыли на место под вечер, когда солнце уже повисло над горизонтом. Я взглянул на маленькое железнодорожное здание и прочел: «Веймарн». Значит, мы в ста тридцати четырех километрах от Ленинграда. Вокруг вокзала виднелись свежие воронки. На перроне распоряжались представители штаба и политотдела дивизии, торопя нас и указывая места сосредоточения.

Едва успели мы отойти от станции, как послышался гул самолетов. Вскоре с грохотом стали рваться бомбы. К счастью, батальон был уже вне опасности.

Место для командного пункта выбрали на опушке леса. Под невысокой березой соорудили на скорую руку шалаш. Мы с комбатом

¹ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 5, св. 593, д. 3182.

с самого утра в рот ничего не брали. Послали на кухню связанных Бориса Андреева и Мишу Морозова — учащихся обувного техникума.

Только мы опорожнили котелки, как прибыл связной штаба полка и вручил комбату первый боевой приказ: к шести часам утра занять исходные позиции в деревне Белые Ключи. Был указан путь и порядок следования».¹

Конец дня 14 июля 1941 года можно представить следующими документами.

Оперсводка № 45 штаб Северного фронта, 14. 7. 41, 20.00

«... ЛУЖСКАЯ ОПЕРГРУППА. Части занимают оборонительные участки и производят частичную перегруппировку: 191 сд: а) 559 сп — обороны переправ и р. Нарва; б) 546 и 558 сп отдельными узлами сопротивления занимают фронт обороны устья р. НАРОВА, оз. САМРО. 2 див. НО 0.30 14. 7 первыми эшелонами выгрузилась и выступила со ст. ВЕЙМАРН для занятия оборонительной полосы по р. ЛУГА на участке ПОРХОВО—САБСК. Точные данные об участках частей ЛОГ выясняются <...>

НАЧАЛЬНИК ШТАБА СЕВЕРНОГО ФРОНТА Генерал-майор (Никишев)

ЗА НАЧАЛЬНИКА ОПЕР.ОТДЕЛА СФ Майор Набоко
Пом. Нач. Опер. отдела Полковник (Журин)»²

Разведсводка № 100 штаба Северного фронта к 21.00 14. 7. 41 г.

«<...> 7. ПСКОВСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ.

Пр-к, встретив упорное сопротивление на ЛУЖСКОМ направлении, продолжает наступать в сев. и сев.-восточном направлениях, проявляя особую активность в направлении ИВАНОВСКАЯ, ст. ВЕЙМАРН <...>

НАЧАЛЬНИК ШТАБА СЕВ. ФРОНТА — ГЕНЕРАЛ-МАЙОР НИКИШЕВ

НАЧАЛЬНИК РО ШТАБА СЕВ. ФРОНТА — КОМБРИГ ЕВСТИГНЕЕВ»³

¹ Ополченцы. С. 40.

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 183, л. 127-129.

³ Там же, д. 169, л. 142-143.

В немецких штабах

Гальдер: «... Группа армий „Север“. Южная ударная группировка, по-видимому, добилась успеха. Гепнер передвинул корпус Рейнгарда к западу от шоссе на Ленинград и направил его восточнее Чудского озера. <...>

4-я танковая группа обеспечена запасами для продвижения до Ленинграда, часть пехоты также можно обеспечить до выхода в этот район, а главные силы — до района Псковское озеро, озеро Ильмень. <...>

Разговор с фельдмаршалом фон Леебом о взаимодействии групп армий „Север“ и „Центр“ во время боев в районе Невеля <...> Кратко обсудили обстановку на остальных участках фронта группы армий „Север“. Я подчеркиваю необходимость подтягивания пехотных соединений к озеру Ильмень, чтобы войти в район между ним и Ладожским озером возможно более крупными силами...»¹

Продолжение записи Гальдера после речи о захвате плацдармов на Луте несколько неожиданно. Он как будто не видит никаких «распахнутых ворот Ленинграда». Главное — удар на Новгород.

Риттер фон Лееб: «Оценка обстановки командующим группы армий „Север“: разговор с генерал-полковником Гальдером вызвал некоторую озабоченность. Северному крылу (41-й моторизованный корпус) придется самостоятельно наступать на Ленинград, и в связи с этим он может оказаться в затруднительном положении. Основной свой удар 4-я танковая группа должна нанести своим правым крылом, чтобы перерезать железнодорожное сообщение между Ленинградом и Москвой, а сам Ленинград должен быть отрезан в первую очередь с юго-востока».²

Озабоченность фон Лееба понятна. Однако он даже не предполагал тогда всей степени ослепленности Гальдера своими собственными соображениями.

Гальдер: «Обстановка на фронте вечером <...>

Совершенно непонятно сообщение о продвижении левого крыла танковой группы Гепнера (корпус Рейнгардта) в направлении Нарвы, в то время как правое крыло (корпус Манштейна) наступает на Новгород. В результате этого танковая группа полностью разрывается на две части, не имея отчетливо выраженного направления главного удара.

Разговор с генералом Бреннеке (начальник штаба группы армий „Север“). Он доложил, что разрыв танковой группы Гепнера являет-

¹ Лебедев. С. 76.

² Лебедев. С. 74.

ся следствием условий местности и состояния дорог в районе шоссе Псков—Ленинград и западное. Командование группы армий не будет пока продвигать корпус Рейнгардта дальше плацдармов, захваченных им на Луге. <...>

В связи с разговором фюрера с главкомом о нежелательности наступления танковой группы Гепнера в указанном направлении (разговор снова был, по-видимому, раздраженным) я просил Бреннеке прислать письменную оценку обстановки для доклада фюреру.¹

Эти бесплодные телефонные переговоры продолжались до глубокой ночи. Они лишают подчиненные инстанции всякого желания проявлять инициативу и только отнимают у них время. Постоянное вмешательство фюрера в вопросы, сущности которых он не понимает, превращается в какое-то мучение, становящееся уже невыносимым.²

«Группе армий „Север“ необходимо постараться не дробить свои силы, а сосредоточить их для нанесения главного удара на Новгород...»³

Как видим, начальнику штаба сухопутных войск вермахта Гальдеру картина прорыва лужского рубежа обороны представлялась совсем иначе.

Из истории 6-й танковой дивизии: «Лужский плацдарм боевой группы Рауса был узким рукавом на несколько километров в длину и менее одного километра в ширину.

Поздним вечером генерал-полковник Гальдер выразил генерал-фельдмаршалу фон Леебу „свою определенную озабоченность тем, что северное крыло (41 армейский корпус) пробивается к Ленинграду в одиночку и при этом может попасть в тяжелое положение. Направление главного удара 4 танковой группы должно находиться на правом фланге, чтобы прервать связь по железной дороге Ленинград—Москва и направленным с юго-востока главным ударом блокировать Ленинград“ (Дневник Лееба).

Между боевой группой Рауса по ту сторону Луги и главными силами 6 танковой дивизии — брешь примерно в 60 км. Но перед Раусом нет вражеских сил, которые можно было бы назвать значительными. Путь на Ленинград перед ним, по-видимому, свободен. Но главные силы дивизии под грозовым ливнем продолжают свой марш слишком уж медленно. 6-й мотоциклетный стрелковый батальон направляется на охрану западного направления, поскольку разведывательный самолет сообщил о движении неприятеля со стороны Эстонии. Группе Рауса причиняют хлопоты только авианалеты...»⁴

¹ Фрагмент из отчета Бреннеке см. далее (15 июля).

² Гальдер, 2004. С. 121–124.

³ Гальдер, 2007. С. 80.

⁴ Paul. Перевод на рус. яз. см.: <http://centralsector.narod.ru/germ/paulr.htm>.

Любопытна также запись от 14 июля в Боевом дневнике Высшего немецкого командования: «4-я ТГр гр. арм. „Север“ продвинулась дальше на север. Значительные дорожные трудности и жесткое сопротивление вражеских арьергардов затрудняют каждое движение правого крыла ТГр. При этом основная задача, намеченная в направлении Новгорода, не достигнута. Консультации с гр. арм. „Север“ привели к соглашению относительно цели, большими силами, как только позволят условия, продвигаться в северо-восточном направлении, чтобы предотвратить смещение противника на восток и чтобы как можно скорее войти во взаимодействие с финскими войсками».¹

Эта запись также явно свидетельствует о том, что для Главного штаба немецких войск в этой ситуации удар на Новгород по-прежнему оставался приоритетным.

Итак, боевая группа Рауса из 6-й танковой дивизии вермахта 14 июля захватила плацдарм с двумя неповрежденными мостами в районе Поречье—Ивановское. И выбить их оттуда 14 июля не представлялось возможным. Тем более что здесь у ополченцев была только одна серьезная поддержка — авиация.

Исаев: «Однако авиация в одиночку даже в условиях относительной свободы действий не могла остановить продвижение немецких подвижных соединений к низовьям Луги. 14 июля 1941 г. боевая группа Рауса из 6-й танковой дивизии вышла к р. Луга в районе Поречье. Предназначенная для обороны на этом участке 2-я ДНО еще находилась в стадии перевозки по железной дороге, и ее первые эшелоны только разгружались на станции Веймарн. Началось одно из самых драматичных сражений за плацдармы в истории 1941 г.»²

Заканчивается Боевой дневник 6-й танковой дивизии за этот день следующими словами.

«Основная часть дивизии продолжает свой замедленный марш. Из-за сообщения летчика о присланных с западного направления (Эстония) диверсантов силами до 300 грузовиков, К б³ остается в районе деревни Борки для обеспечения безопасности с запада. ААА 57⁴ отправляется в путь с группой Рауса. Основная масса дивизии подтягивается к дивизионному штабу. Между этим местом и занятым Раусом плацдармом более боеспособных войск нет, только такая же группа 1-й ТД, а в основном обозы.

¹ *Kriegstagebuch*. S. 432.

² *Исаев*, 2011. С. 260.

³ Мотоциклетно-стрелковый батальон 6-й ТД.

⁴ Отделение разведывательного батальона.

Похоже, состояние врага в этой ситуации не представляет опасности. Группе Рауса кроме сильных авианалетов угрожают только отряды гражданских.¹

Появившиеся с запада диверсанты оказались не столь страшны.

Убито — 7

Ранено — 23

Пропавших без вести —

Погода: грозы, легкая облачность, зной свыше 40°.

Далее вписано от руки:

«Трофеи:

Пленных около 50».²

На этом можно было бы закончить описание дня 14 июля 1941 года; 6-я танковая дивизия продолжала подтягиваться к занятому плацдарму, продолжали подтягивать силы и противостоящие им ополченцы.

Однако есть в этом дне еще несколько немаловажных для полноты картины событий, совершившихся на соседнем участке фронта; 1-я танковая дивизия немцев не заставила себя долго ждать, она отправилась в рейд к реке Луге сразу же следом за 6-й. Но после деревни Овсище она не свернула на дорогу, ведущую через Ликовское и Загорье к Поречью и Ивановскому, а проследовала дальше — к повороту дороги в сторону реки Луга у большого села Осьмино.

Трагедия в Осьмино

Следом за 6-й танковой дивизией шла ударная 1-я дивизия Крюгера, ее путь пролегал через Осьмино к Сабску. Как утверждают наши издатели, известно это стало нашей разведке уже 12 июля вечером. И что же, серьезных выводов из этого известия сделать не поспешили. В Осьмино собралось в этот день партсобрание районного актива. Туда приехали секретарь райкома партии И. Г. Калабанов, заместитель председателя облисполкома В. Е. Лебедев и работник сельхозотдела Ленинградского обкома партии А. П. Немков. Им и в голову не могло прийти, что к этому времени туда же должна подойти и боевая группа 1-й танковой дивизии немцев. Осьмино — оно ведь «вона где» — в 60 км от основной дороги Псков—Ленинград, в лесу. Откуда там взяться немцам? Наши военные, вероятно, посчитали, что этим невоенным людям нельзя доверять столь важную оперативную информацию.

Однако теперь мы можем снять с них хотя бы этот грех.

¹ NARA, t 315, r 323, f 095.

² NARA, t 315, r 323, f 096.

Винницкий: «14 июля, поздно вечером, когда темп движения снизился, Лебедев решил захватить пленного. <...>

Пленный фельдфебель 1-й танковой дивизии показал, что возвращался из штаба 41-го моторизованного корпуса в Струти Красные, с пакетом...»¹ И так далее. Вот когда был взят пленный с ценными документами, и вот почему был разговор о том, что пленных нет (майор не в счет). Вот когда только стало известно нашей разведке о следовании 1-й танковой дивизии на Осьмино. Но немцы уже к этому времени были дальше.

Примерно в то же время, когда боевая группа Рауса действовала на участке Поречье — Ивановское, другая боевая группа немцев из 1-й танковой дивизии появилась в Осьмино. О том, что здесь немцев никто так скоро не ждал, отчетливо свидетельствуют воспоминания секретаря Лужского райкома партии Ивана Дмитриевича Дмитриева. Согласно его воспоминаниям, секретарь райкома Иван Григорьевич Калабанов «сказал, что Осьминский район находится как бы в стороне. И полушутя добавил:

— Тебе, Иван Дмитриевич, придется принимать первый удар. Вон сколько войск у тебя! А у меня всей армии — милиция да райвоенкомат».²

Практически вся «армия» Калабанова с ним во главе и полегла в «Осьминской трагедии» 14 июля днем.

Кринов датирует рассказ об этой трагедии сутками раньше. Однако теперь уже очевидно, что боевая группа 1-й танковой дивизии, шедшая следом за боевой группой 6-й танковой дивизии, могла оказаться в Осьмино никак не ранее 14 июля. Утром 14 июля, как мы помним, рота боевого охранения курсантов ЛКПУ, дежурившая у Осьмино, обнаружил противника западнее — в Старополье. Это была передовая группа 6-й дивизии, которая, будучи 11 июля направлена в поддержку 1-й на главной дороге к Ленинграду, неожиданно для всех ушла еще дальше влево и в своем фланговом броске увлекла за собой и 1-ю танковую дивизию, сняв ее с центрального направления.

Вот фрагмент записи из Боевого дневника 6-й танковой дивизии за этот день:

«После полудня задержка движения на марше усилилась, отчасти из-за неизбежного следствия обстоятельств: обе соседние дивизии, 36 ПД мот. И 1-я ТД нуждаются для продвижения в той же дороге, т. к. их собственные пути непроходимы, несмотря на заявления нашей дивизии, что наши пути и сами едва проходимы. Команду-

¹ Винницкий. С. 28.

² Кринов. С. 42.

ющий дивизии, а затем его порученец лично занялся руководством движения».¹

Обратимся к свидетельствам очевидцев.

Город Луга. Райком ВКП(б)

Иван Дмитриевич Дмитриев, секретарь райкома партии:

«13 июля нам стало известно о трагедии в Осьминском районе. Утром в Осьмино проходило собрание партийного актива. На него приехали товарищи из обкома партии и облисполкома. Они сообщили, что гитлеровцы находятся в соседних Лядском и Плюсском районах. Партийный актив принял решение: каждый коммунист и комсомолец должны драться с врагом до последней возможности.

Едва собрание закончилось, как в поселок на бронетранспортерах в сопровождении легких танков ворвались гитлеровцы. Вероятно, это была их разведка. наших войск в Осьмино не было, и в бой с врагом вступил осьминский истребительный отряд, созданный несколько дней назад. Руководил им секретарь райкома партии Иван Григорьевич Калабанов.

Завязалась жаркая схватка. Дело дошло до рукопашной. Калабанов, отбиваясь от наседавших фашистов, застрелил немецкого офицера и уложил гранатами несколько солдат. Мужественно сражались и другие бойцы отряда. Осьминцам удалось некоторое время удерживать мост через реку Сабу и правобережную часть поселка.

Но силы были слишком неравными. Фашисты прорвались к мосту. Калабанов приказал отряду уходить в лес, а сам с несколькими бойцами остался прикрывать отход. В этом бою Иван Григорьевич героически погиб. Обороняя Осьмино, погибли и товарищи из Ленинграда: работник сельхозотдела обкома партии А. П. Немков и заместитель председателя облисполкома В. Е. Лебедев.

Эту весть мы приняли с большой скорбью. Многие из нас хорошо знали И. Г. Калабанова, А. П. Немкова и В. Е. Лебедева. Они часто бывали у нас в Луге. С Калабановым я виделся за несколько дней до трагедии.

Мы согласовывали с ним вопросы взаимодействия партизанских отрядов, информировали друг друга о ходе строительства оборонительных рубежей. Он еще сказал, что Осьминский район находится как бы в стороне. И полушутя добавил:

– Тебе, Иван Дмитриевич, придется принимать первый удар. Вон сколько войска у тебя! А у меня всей армии — милиция да райвоенкомат.

¹ NARA, t 315, r 323, f 095.

Однако судьбе было угодно распорядиться по-иному. Первый удар принял небольшой поселок. И первыми жертвами стали партийные работники, наши друзья и товарищи».¹

Лосев: «Прошел слух, что где-то в районе Ляд гитлеровцы выбросили воздушный десант. Говорили, что немцы идут в сторону Осьмино. Добровольцам предложили вступить в истребительный батальон. Набралось человек триста разного возраста, но больше молодых, таких как вчерашний школьник Саша Растворов.² Всех распределили по отделениям, по взводам, выдали трофейные немецкие винтовки времен войны четырнадцатого года и по несколько патронов к ним. На следующий день, утром 14 июля, часть бойцов истребительного батальона отправили занимать оборону на дороге, ведущей к деревне Чудиново. Во главе отряда шел командир Иван Иванович Зверев — директор Дома культуры. Ни одного профессионального военного в отряде не было.

Окопов ополченцы не рыли, пристроились с винтовками за каменными валунами, свезенными к дороге после очистки колхозных полей. Долго ждать не пришлось. Послышался нарастающий шум и треск множества двигателей. Приготовились к бою. Но тут нервное возбуждение людей разрядил смех: по дороге в клубах пыли двигалась колонна тракторов и комбайнов МТС.

Но вот снова раздался лязг гусениц.

— Опять колхозники атакуют,— шутили бойцы.

— Сейчас картошкой стрелять будут...

— Немцы! — тревожно крикнул вдруг кто-то.

„Немцы! Немцы! Немцы!“, — запульсировало отчаянно в мозгу у каждого. Их ждали, но мотоциклы с колясками и танки все равно появились неожиданно. Раздался винтовочный залп, взрывы гранат — это вступили в бой одиннадцать курсантов Ленинградского военного училища имени Кирова. Они занимали позиции метрах в двухстах от ополченцев, первыми приняли неравный бой и погибли геройски. Затем рассыпались беспорядочные выстрелы осьминских ополченцев. В ответ дробно застучали автоматные и пулеметные очереди, грохнула пушка, вздыбилась, сверкнув на мгновение огнем, земля, оглушила грохотом взрыва. Развернув технику фронтом по полю, немцы расстреливали бросившихся к реке людей. Александра спасло умение хорошо плавать. Мало кто уцелел тогда из отряда.

Какое-то время осьминские парни скрывались в лесу, но вскоре потихоньку стали возвращаться в поселок. От местных жителей Александр узнал, что в то злополучное утро 14 июля, когда немцы ворвались в поселок, там проходило собрание партактива. Участни-

¹ Кринов. С. 41–42.

² Судя по всему, набежали старшеклассники, отдохавшие летом в деревне у родственников (бабушек-дедушек) и деревенские парни.

ки собрания вместе с бойцами истребительного батальона вступили в неравную схватку с врагом. Немногим из них удалось уйти тогда из поселка. Никто не верил, что Осьмино сожмет на два с лишним года петля оккупации...»¹

Здесь следует сделать некоторые уточнения.

Первыми вступили в бой на подступах к Осьмино не 11 курсантов, а рота боевого охранения лейтенанта Морозова, сменившая в этот день роту, в которой был лейтенант Скобцов.

Рассказчик, вероятно, узнал потом, вернувшись в деревню, что нашли тела 11 курсантов, поэтому он и решил, что все они там полегли. Однако курсанты держались до тех пор, пока не разбежались все «истребители», ополченцы и деревенские парни, фактически прикрывавшие их тыл. Лейтенант Морозов сориентировался быстро и бросил своих людей в прорыв слабого еще кольца окружения двумя группами. Одна группа прорвалась сразу и ушла по направлению к Сабску, другая вышла только к августу в районе Сиверской.

Есть еще одно небольшое дополнение в книге «В те суровые годы». В ней рассказывается, что в Осьмино состоялось собрание районного партийного актива, на котором обсуждался вопрос о мерах борьбы с врагом. После совещания были созданы диверсионные группы, истребительный батальон и отряд народного ополчения, которые тут же и вступили в бой. К ночи ополченцам пришлось отойти за реку Лугу. В деревне Старице был сформирован партизанский отряд, командиром которого стал второй секретарь райкома Я. А. Цветков, а комиссаром — председатель исполкома райсовета Д. В. Филиппов. Среди бойцов этого отряда были и женщины: Лена Машанина, технический секретарь райкома партии Зина Алексеева, сотрудница заготпункта Тоня Панцева, заведующая Пореческим клубом Анастасия Миронова и другие.²

Осьмино, в отличие от Старополя, находится среди лесов. Возможно, благодаря этому многим из вступивших в тот день в неравный бой с немцами удалось спастись. Тем более что немцы в этот день долго там не задерживались. Они практически сразу же двинулись дальше, к главной цели своего рейда — мосту через Лугу в районе Большого Сабска. Однако здесь их уже ждали. И ждали не неопытные гражданские ополченцы, а весьма умелые и хорошо подготовленные в боевом отношении молодые ребята — курсанты ленинградских военных училищ, защищавшие на берегах Луги свои офицерские дипломы.

¹ На Огненном рубеже / Сост. и лит. ред. Л. И. Гребенюк. Луга, 2005. С. 106–118.

² В те суровые годы. О женщинах — героинях партизанской борьбы и подполья на территории Ленинградской области в пору Великой Отечественной войны. Л.: Лениздат, 1976.

Это были офицеры и курсанты Ленинградского Краснознаменного Пехотного училища им. С. М. Кирова и Ленинградского стрелково-пулеметного училища.

Боевые действия училища поддерживал артдивизион Ленинградского артиллерийского училища (ЛАУ).

Сабский плацдарм

Пантелеев Н. А., житель села Дубки Осьминского сельсовета, пришедший 13 июля в район Сабска для рытья окопов, бывший тогда 15-летним подростком, вспоминает:

«Расположившись около одного из сараев недалеко от скотного двора наша группа немного перекусила и решила отдохнуть. Был солнечный теплый день середины июля. После томительной дороги мы все крепко уснули. Сколько мы спали, не знаем. Нас разбудил нарастающий шум моторов самолетов. Когда мы проснулись, то увидели в небе большое количество самолетов. Они разворачивались и заходили на бомбежку Большого Сабска. Недалеко от нашего расположения находилось картофелехранилище, куда мы все немедленно бросились в укрытие. Начался настоящий ад. Земля вся содрогалась от взрывов бомб, раздавались пулеметные очереди с самолетов. Село заполнилось ревом раненых животных и стоном раненых людей. Сколько это все длилось, я не помню. Помню только, что после каждого взрыва на нас осыпалась земля в картофелехранилище. Счастье только в том, что рядом где-то поблизости не упала бомба. Здесь мы все бы нашли себе могилу.

Когда на улице все затихло, мы вышли из укрытия. У скотного двора бегали люди, стонали раненые. Мы направились туда. Там были убитые и раненые, в том числе и с соседней нашей деревни один мужчина, которому пулеметной очередью отрезало ногу. Его отправляли в Ленинград. Мы пошли в сельский совет, чтобы зарегистрироваться, но там было все разрушено.

Наша попытка вернуться домой через мост была остановлена солдатами. Мост был уже заминирован. Тогда мы направились в сторону Редкино по шоссе Б. Сабск—Молосковицы. Между Редкиным и Б. Сабском уже было много солдат-курсантов. Здесь вновь нас застала бомбежка немецких самолетов, после чего курсанты ЛПУ им С. М. Кирова накормили нас, намазали маргарином буханку хлеба и сказали: „Идите в сторону Ленинграда, здесь будут тяжелые бои“. Здесь мы потеряли при бомбежке свою лошадь с повозкой и со своими пожитками и нашего старшего Иванова А. И. Когда мы вышли за село Редкино, то там по дороге уже двигался поток беженцев который двигался в сторону ст. Молосковицы, в этот поток влились и мы.

Расстояние от Б. Сабска до Молосковиц более чем тридцать километров мы преодолели за ночь».¹

Вспоминает Захарий Моисеевич Левит:

«14 июля передовой отряд 41-го корпуса подошел к мосту у Большого Сабска, который был подготовлен к подрыву, и двинулся через реку. Как только на мост втянулась колонна танков и мотопехоты, сработало взрывное устройство, и фашисты рухнули в воду. Противник многократно пытался потом форсировать реку, но всякий раз его останавливали курсанты-пехотинцы».²

Исаев: «Передовой отряд 1-й танковой дивизии двигался к низовьям Луги 14 июля практически по пятам 6-й танковой дивизии — другой дороги просто не нашлось. Пробираясь по плохим дорогам, отряд вышел к низовьям Луги, также „подвергаясь сильным ударам противника с воздуха“. Для движения по разбитой дороге приходится настилать сотни метров гатей и засыпать воронки авиабомб. Немцев подгоняло вперед сообщение воздушной разведки о том, что мост через Лугу у Сабска находится в неповрежденном состоянии. Однако под Сабском оборону успело занять пехотное училище им. С. М. Кирова. Когда около 20.00 (берлинского времени) немецкий отряд подходит к мосту, тот взлетает на воздух прямо на глазах опешивших мотострелков. Капитан В. Сергеев, командир роты училища, вспоминал:

„Я не знаю, сколько Равин заложил взрывчатки, видно, с „запасом“. Грохот раздался неимоверный, даже у меня заложило уши. В воздух, как спички, подняло доски, бревна, разные обломки. Мост исчез в дыму и пыли. От падающих обломков бурлила, поднималась фонтанами вода.

Потом все стихло. Успокоилась Луга. Моста как и не было. Остались торчать несколько свай, вниз по течению плыли обломки.

Некоторое время немцы молчали. Молчали и мы. А потом началось такое, что и передать трудно. Артиллерия, минометы, пулеметы, автоматы — все, что стреляло, било по нашему переднему краю».

Немцам приходится переходить Лугу вброд под огнем. Как записано в ЖБД 1-й танковой дивизии, „после тяжелого боя, оттеснив хорошо окопавшегося противника“, отряд захватывает небольшой плацдарм в районе Бол. Сабска. Этот плацдарм был выше по течению Луги, чем плацдарм Рауса у Поречья. Советские данные отрицают захват плацдарма под Сабском с первого раза, считается, что первую атаку курсанты отбили».³

¹ Из архива Н.А. Пантелеева. См. сайт <http://centralsector.narod.ru/arch/90sd/index.htm> (август 2013).

² «Девяностая, Ропшинская». Санкт-Петербург: ГП ИПК «Вести», 2006. С. 280–283.

³ Исаев, 2011. С. 263–265.

То, что мост взлетел на воздух прямо *на глазах опешивших мотострелков*, также, скорее всего, лишь желаемое представление о действительных событиях.

Бол. Сабск. КП ЛПУ имени С. М. Кирова

Константин Равин, майор, начальник инженерной службы училища:
«Утром получили донесение от разведотряда Дашкевича: мотопехота и танки противника заняли Осьмино и движутся на Сабск. Начальник училища приказал мне проверить готовность мостов к взрыву. Как только боевое охранение отойдет с левого берега, взорвать их.

Я немедленно отправился к мосту через Лугу. Его охраняли курсанты команды подрывников. Мы еще раз проверили наличие зарядов, капсюлей, подвели бикфордовы шнуры.

По профилю подготовки я мостовик. В свое время построил немало мостов. Подрывать же их приходилось впервые.

К вечеру мы услышали выстрелы, гул моторов. Затем на противоположном берегу увидели боевое охранение. Бойцы шли усталые. У одного курсанта рука на перевязи.¹

– Как там, ребята? — спрашивают их подрывники.

– Скоро узнаете. Мост не провороньте! — отвечает им курсант — командир отделения.

Взвод прошел по мосту. Я подождал еще несколько минут, потом дал команду взрывать. В облаке дыма и пыли гибнет мост. Тихая Луга уносит его останки».²

Бол. Сабск. Район обороны 1-го батальона ЛПУ имени С. М. Кирова

Александр Девятков, лейтенант, командир взвода:

«Наш взводный опорный пункт находился почти у моста через Лугу. Немцы вышли к противоположному берегу, когда моста уже не было.³ Они открыли сильный артиллерийский и минометный огонь по нашему берегу. Били по окопам, по деревне. Горели избы. Под прикрытием артогня начали переправу на надувных лодках.

Сколько их было, мы не считали. Как только лодки достигли середины реки, мы открыли плотный ружейно-пулеметный огонь. Помогли

¹ Как видим, не все курсанты из боевого охранения погибли под Осьмино; вероятно, погибли 11 человек.

² Кринов. С. 46–47.

³ А как всем хотелось бы, чтобы мост взорвался с вошедшими на него танками. Однако рассказы людей, которые этим занимались, не подтверждают этого мифа. Так поступили бы мальчишки. Но если бы заряд вдруг по каким-либо причинам не сработал, у них уже не было бы шанса исправить ситуацию...

нам и артиллеристы. Противник еще несколько раз и в разных местах пробовал форсировать реку, но мы не позволили ему сделать это.

Всю ночь он вел обстрел деревни. Всю ночь в Сабске горели дома. Вода в Луте была кроваво-багряной.

Я обошел окопы, поговорил с каждым курсантом.

Настроение у ребят боевое. Почти каждый интересовался, будем ли контратаковать противника. Я и сам ждал такого приказа.

К полуночи подвезли ужин. Холодная каша с мясом была необычайно вкусна. После ужина разрешил подчиненным по очереди отдыхать, не ослабляя наблюдения за противником».¹

Исаев пишет далее: «Если бы в этот момент почерневшие от дорожной пыли солдаты и офицеры 1-й танковой дивизии подняли головы, они бы смогли разглядеть в небе истребители с крестами на крыльях. Реакцией на процитированную выше жалобу германских командиров в вышестоящие инстанции стала высылка в район действий передовых частей корпуса Рейнгардта истребителей из JG54 вечером 14 июля. Это сразу обошлось 41-й авиадивизии в 3 СБ сбитыми и 1 СБ, не вернувшимся с боевого задания в районе Сабска. На эти три самолета могут претендовать пилоты 4, 8 и 9-го отрядов JG54. Советские истребители заявили о двух сбитых Me-109, но пока данные противника эту заявку не подтверждают. Также атаке истребителей подвергся разведчик Пе-2 отдельной разведгруппы в районе Гдова. Однако эта вспышка активности Люфтваффе на большом удалении от своих аэродромов принципиально изменить обстановку не могла».²

Судя по цитировавшимся выше воспоминаниям, эта вспышка активности немецкой авиации имела место несколько раньше, чем немцы подошли к реке Луте в этом районе. Зная, что в районе Сабска, в отличие от Поречья, позиции у моста уже заняты нашими войсками, они выслали вперед бомбардировочную авиацию, в слабой надежде, что это может еще спасти переправу от взрыва. Такой вариант более согласуется с логикой развития событий и с воспоминаниями Н. А. Пантелеева, приведенными выше.

Также подтверждается то, что мост был взорван еще до вечера, следующим воспоминанием колхозницы Ирины Дмитриевой из деревни Сабск, относящимся, конечно же, к этому дню:

«Не верилось, что немец к нам придет. Места у нас глухие, в стороне от большака. Да и слух в народе пошел, будто он через город Лугу на Ленинград метит. Спрашивали недавно об этом военных (они по берегу Луги окопы рыли). Те отвечали, что не пойдет сюда враг — не пустят. И вообще, скоро погонят его назад.

¹ Кринов. С. 46–48.

² Исаев, 2011. С. 264–265.

Дни стояли погожие, и все деревенские были, кто в поле, кто на своих огородах. Мы с сыном картошку в огороде пропалывали. Он распрямился, прислушался и говорит:

– Мам, что-то гудит на той стороне. То ли машины, то ли трактора.

Я тоже прислушалась. И верно: на той стороне Луги какой-то шум. Вдруг как ухнет! И вроде как земля качнулась...

– Мамка! — крикнул сынок. — Наверно, мост взорвали!

Хороший мост был. Два года назад всем колхозом его справили и дорогу к нему насыпали.

Потом с той стороны нехристь начал из пушек по деревне бить. Избы огнем занялись. Народ увидел пожары — к избам бросился. Только не подступиться к ним: пули так и свищут. Кто посмелее, те подхватили вещички — и в лес. Мы тоже в лес подались...»¹

На других участках Лужского рубежа обороны в этот день происходило следующее.

Центральное направление Деревня Городец. НП артиллерийской группы 177-й стрелковой дивизии

Георгий Федотович Одинцов, полковник, командир полка АК-КУКС:

«Накануне в состав Лужской оперативной группы вошел 41-й стрелковый корпус под командованием генерала А. Н. Астанина. В тяжелых боях под Островом и Псковом его дивизии 111-я, 90-я и 235-я понесли большие потери в людях и технике. И все же это было существенное подкрепление на нашем направлении.

Пополнилась и наша сводная артиллерийская группа. В ее состав влились два дивизиона 51-го корпусного артиллерийского полка. Привел их из-под Пскова капитан С. П. Горобец. Прибыл обещанный генералом Свиридовым дивизион из 28-го корпусного артиллерийского полка. Теперь наша группа имела около 90 стволов среднего и крупного калибра.

Знакомство с прибывшими артиллеристами оставило приятное впечатление. Командиры и бойцы хорошо подготовлены, материальная часть в порядке. По указанию начальника артиллерии Лужской оперативной группы генерала Краснопевцева мы подключили дивизионы к боевой работе. Появилась возможность не только надежно поддерживать огнем нашу пехоту, бороться с вражескими танками,

¹ Кринов. С. 69.

но и вести контрбатареиную борьбу, наносить массированные удары по скоплениям войск врага в его ближайшем тылу».¹

Деревня Рютень. КП опергруппы штаба 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии:
«Вместе с комдивом разбирались в причинах отхода батальонов 483-го полка со своих позиций. Здесь же присутствовали артиллерийские начальники — полковники Фомин и Одинцов, заместитель командира 24-й танковой дивизии полковник Родин. Мнение единое: будь твердое, четкое управление, батальоны сумели бы удержаться. Узким местом оказалось взаимодействие.

Я заверил Алексея Григорьевича Родин, что штаб учтет справедливые претензии танкистов, и решил не откладывая поехать в 483-й полк. По дороге меня перехватил оперативный дежурный:

- Товарищ подполковник, вас срочно требует командир дивизии!

Что-то случилось. Машошин зря не любил дергать своих помощников.

- Садись! — Комдив резким движением подвинул ко мне рабочую карту, а сам продолжал говорить по телефону. На карте его рукой были нанесены синим карандашом жирные стрелы. Острие одной уперлось в село Ивановское, другая целилась на Шимск—Новгород.

- Начальник штаба группы „порадовал“: немцы в районе Ивановского плацдарм на Луге захватили. Чувствуешь, чем это пахнет?

Я еще раз внимательно оценил обстановку. Противник явно намерен совершить глубокий обход нашей группировки под Лугой. Но чем это вызвано? Не мог же он отказаться от наступления на нашем направлении, кратчайшем на Ленинград? Загадка.

- Надо остановить подлеца,— резюмировал Машошин.— Так и передай Харитонову: любым путем пусть восстановит положение.

Когда я приехал в полк, там уже находился полковник А. Г. Родин. Он представил мне командира 3-го мотострелкового полка, который готовился наступать правее 1-го батальона, вдоль железной дороги, в направлении станции Плюсса. Что ж, такому подкреплению рады. В оставшееся время мы еще раз проверили готовность батальонов к наступлению, уточнили с артиллеристами и танкистами вопросы взаимодействия.

До начала атаки остаются минуты. Смотрим на часы. Кто прикуривает одну папироску от другой, кто сосредоточенно вглядывается вдаль. Волнение скрыть трудно. И вот сигнал. Пять артиллерийских

¹ Кринов. С. 48.

дивизионов обрушили на боевые порядки противника шквал огня. Затем пошли танки, поднялась пехота.

Поначалу бой уходил все дальше и дальше. Распадался на отдельные очаги, замирал, вновь вспыхивал. Противник сопротивлялся слабо. Казалось, еще немного, еще рывок — и 1-й батальон выйдет к берегу реки Плюссы. Но немцы словно опомнились и со стороны станции бросили в контратаку автоматчиков и несколько танков. Характер боя изменился.

Прозевай Шелович этот момент — и пришлось бы начинать все сначала. Помогли 1-му батальону соседи — мотострелки 3-го полка, наступавшие справа, и 3-й батальон, который к этому времени овладел населенным пунктом Любинское.

Вечером я отправил в штаб Лужской оперативной группы донесение, в котором сообщил, что батальоны восстановили утраченные позиции и овладели северным берегом реки Плюссы. В том бою 483-й полк разгромил два батальона пехоты противника».¹

Деревня Крупели. 24-я танковая дивизия

Николай Рыбаков, капитан, командир танкового батальона:

«Командира полка и меня накануне вызвал заместитель командира дивизии полковник А. Г. Родин. Он приказал получить полный комплект боеприпасов, полностью заправить машины и на каждого бойца иметь трехсуточный сухой паек.

Вопросов у нас не было: вступаем в бой. Двинулись по шоссе на Плюссу. За деревней Раковичи нас обстреляли из пулеметов два фашистских истребителя. Конечно, вреда не причинили, но люки пришлось закрыть.

Вечером сосредоточились в лесу неподалеку от Городца. К нам приехали полковник Родин и подполковник, командир пехотного полка. Решено одну роту направить на Ширеги, другую, старшего лейтенанта Фридляндского, на Лямцево. Подполковник дал нам для прикрытия по стрелковой роте на каждую танковую.

С первыми лучами солнца пошли в атаку. Я с ротой Фридляндского. Для старшего лейтенанта это первый бой. И не только для него. Начало сложилось не в нашу пользу. Необстрелянные танкисты торопятся, стреляют с ходу, мажут. Немцы спокойно выкатили две противотанковые пушки и сразу же подбили наш танк. И все же через час-полтора мы вместе с пехотинцами выбили фашистов из Лямцево. Здесь нас встретил полковник Родин. Он рассказал, как наступает первая рота. В деревне Крени рота столкнулась с танками противника.

¹ Кринов. С. 48–50.

Маневрировать некогда. Противник дрогнул и начал отходить. Рота пробилась на Ширеги, где и закрепилась. Вскоре батальону подвезли горючее и боеприпасы. И мы пошли снова вперед. По пути раздавили фашистскую легковую машину, отбили три противотанковые пушки и вышли к Плюссе. Нажали еще и выбили противника из Плюсы. Здесь захватили два противотанковых орудия, рацию, много разного имущества. У нас потери небольшие: несколько человек ранено и три машины подбито».¹

Новгородское направление

Исаев: «Ранним утром 14 июля авангарды 8-й танковой дивизии подошли к Сольцам. К этому моменту отряд полковника М. Л. Кагарманова разделился надвое. Часть 202-й дивизии и 5-й мотоциклетный полк по приказу члена Военного совета Северо-Западного фронта Штыкова отошли на южный берег р. Шелонь — считалось необходимым прикрыть направление на Старую Руссу. Вновь оставшийся без пехоты отряд Кагарманова Сольцы не удержал. В 13.00 14 июля части 8-й танковой дивизии были уже в 6 км восточнее Сольцов.

Однако немцы продвигались вперед крайне осторожно ввиду возможных контратак танков КВ. В ЖБД 8-й танковой дивизии почти что одна за другой следуют записи нижеследующего содержания. Манштейн широким жестом передал передовому соединению все 88-мм зенитки: «Из-за появления тяжелейших танков противника командир корпуса во время своего визита на КП дивизии приказывает немедленно передать последней все имеющиеся в распоряжении командования корпуса 8,8 см орудия».

Ввиду полнейшей беспомощности танков дивизии генерал-майора Брандесбергера перед КВ, «ахт-комма-ахты» становятся залогом дальнейшего продвижения вперед, ЖБД гласит:

«Против врага, находящегося в лесу западнее Скирины, направлены стрелки, прочесывающие лес севернее главной дороги. Перед 10-м танковым полком 2 тяжелых танка русских. Запрошенные 8,8-см орудия прибыли».

Дорога от Сольцов на Новгород вьется через густые леса по берегу реки Шелонь. Ощетинившись зенитками, немецкие мотострелки наступают на Новгород. Запись от 17.00 в ЖБД сообщает, как это происходило:

«Дивизия перешла в наступление у Скирины. Зенитные орудия подтянуты и занимают позиции по обе стороны дороги. Два артдивизиона также заняли позиции. Стрелки продвигаются севернее дороги. Наступление проводится силами пехоты».

¹ Кринов. С. 50–51.

К слову сказать, советские самолеты атаковали вытянувшуюся вдоль шоссе ленту из танков, тягачей и грузовиков. К вечеру 14 июля немцы были в 3 км от реки Мшаги.

В 14.35 14 июля в ЖБД 8-й танковой дивизии появляется запись: „Воздушная разведка сообщает, что двигавшийся с севера противник приблизился и окапывается. Хорошо замаскированные танки уже на позициях, с севера подходят еще танки, населенные пункты заняты большим количеством вражеских войск, передвижения в лесах, видны лошади и люди“.¹ Это сообщение не вызвало паники. Подход свежих сил противника не заставил немецкое командование перейти к обороне. Напротив, ближайшей задачей дивизии стал захват моста через Мшагу в неповрежденном состоянии. Это было тем более самонадеянно перед лицом большой растянутости флангов. Открытый правый фланг по состоянию на 14 июля был длиной 70 км, левый — 40 км. Конечно, немцы могли рассчитывать разгромить сосредотачивающиеся части до того, как они перейдут к активным действиям. Однако советское командование уже в течение нескольких дней вынашивало план контрудара по вклинившемуся в построение Северо-Западного фронта противнику».²

Северо-Западный фронт. 11-я армия. Деревня Въезд. КП 70-й стрелковой дивизии

Николай Андрианович Виноградов, полковник, начальник штаба дивизии:

«Преодолев сопротивление наших войск под Псковом и Порховом, противник направил одну из своих группировок на Новгород. Его передовые отряды вошли в соприкосновение с боевым охранением 237-й стрелковой дивизии, оборонявшейся на уторгошском направлении.

Гитлеровцам удалось захватить город Сольцы, в районе которого предполагалось создать предполье оборонительной полосы нашей дивизии.

Противник рвался вперед, невзирая на открытые фланги и растянутость коммуникаций. Его усилия были направлены на то, чтобы быстрее выйти на оперативный простор — за Новгород.

Два дня назад нас, командиров и начальников штабов, вызвал командарм 11-й армии. Сразу предупредил:

– Карты не понадобятся. Запоминайте. По приказу маршала К. Е. Ворошилова нашей армии предстоит остановить и разгромить наступающего на Новгород противника. Для этого армия ударами по сходящимся направлениям окружает и уничтожает прорвавшегося

¹ NARA, t 315 r 483, f 737.

² Исаев, 2011. С. 234–236.

врага. Справа, в направлении на Болоцк, наступает 237-я дивизия; в центре — на Сольцы — 70-я, имея задачу в дальнейшем выйти в район Бараново; с юга, в направлении на Ситню, действует 183-я дивизия. В состав ударной группировки входит 21-я танковая дивизия 10-го мехкорпуса.

Полки между тем продолжали совершенствовать оборону. До поры до времени план предстоящих действий сохраняли в тайне».¹

Смоленское сражение. 2-я танковая группа подошла к Смоленску с юга.

21-я армия Западного фронта вышла в район 25–40 километров южнее и юго-западнее города Бобруйска.

Резервный фронт. В тылу Западного фронта был развернут Третий Стратегический эшелон, сведенный во фронт резервных армий И. А. Богданова. Новый фронт получил задачу к исходу 14 июля занять оборону на рубеже Старая Русса, Осташков, Белый, Истомино, Ельня, Брянск.

Киевская операция. Механизированные части 5-й армии Юго-западного фронта перерезали шоссе между городами Житомир и Новоград-Волынский.

Существует еще один любопытный документ, описывающий эпизод этого дня.

Из методической разработки боевых действий Кингисеппского погранотряда за период с 22 июня по 1 августа 1941 года

«Мл. лейтенант т. Адаменко Петр Ефимович, начальник 13-й заставы, кандидат ВКП(б), с группой пограничников в 20 чел. 15 июля 1941 г. в 12–00 был выслан в разведку комендантом 3-й комендатуры, с задачей установить местонахождение и силы противника, оказать помощь охране моста, взорвать мост через р. Луга у д. Поречье. <...> Выполняя эту задачу, мл. лейтенант Адаменко быстро достиг ст. Клены, где от лейтенанта охраны моста узнал, что колонна фашистских машин (танков и моторизованной пехоты) в красноармейской форме заняла мост у д. Поречье и охрана моста, потеряв 10 чел. убитыми, отступила».²

Адаменко решил приблизиться к мосту и боем выяснить количество противника, взяв с собой 10 бойцов охраны моста. Не доходя моста 4 км, он встретил старика-колхозника, который рассказал,

¹ Кринов. С. 51

² Судя по логике происходящего в этом рассказе, все это было, скорее всего, днем 14 июля. Возможно, здесь имеет место обратная ошибка. Хотя этого и нельзя утверждать однозначно.

что на мосту фашисты поставили 4 пулемета, во ржи стоят зенитные пулеметы и до 60 машин с пехотой и танками. На нашей стороне до 30 солдат. Старые окопы вокруг моста заминированы. Мл. лейтенант Адаменко решил двигаться к мосту.

Разведка в 12 чел. во главе с заместителем политрука т. Молодовым приблизилась к мосту на 150 м. Адаменко, оставив 10 бойцов, сам пошел с разведкой. Фашисты обнаружили разведку, открыли сильный огонь из автоматов. Пограничники двигались перебежкой по 3–4 человека и начали забрасывать фашистов гранатами, фашисты бросились бежать вплавь через реку. В это время с противоположной стороны реки фашисты открыли сильный пулеметный, артиллерийский огонь, а оставшиеся фашисты бросали гранаты. Одна из гранат упала около заместителя политрука т. Молодова и смертельно ранила его. <...>

Мл. лейтенант Адаменко и весь состав разведки действовали решительно, смело и настойчиво. Несмотря на превосходящие силы противника, вступили в бой и задачу в части выяснения численности и направления противника выполнили. Особенно храбро дрались заместитель политрука Молодов, пограничники-комсомольцы Дакунин, Киселев, Шальцев, старшина Егерев, Тихонов и другие.

Фашисты потеряли убитыми не менее 15 чел., 6 чел. убито, главным образом гранатами, и много утонуло при бегстве через реку...»¹

15. 7. 1941 — вторник

Stille Nacht...²

Раус: «Первая короткая ночь прошла спокойно, но никто не сомневался, что русские приложат все силы, чтобы ликвидировать непосредственную угрозу Ленинграду. Большие силы пехоты в сопровождении артиллерии и танков двигались по всем шоссе и дорогам. Позднее мы узнали, что русские бросили 3 добровольческие стрелковые дивизии и 1 танковую бригаду³ с задачей уничтожить боевую группу, которая прорвалась через реку Луга. Я был полон решимости отбивать атаки русских до тех пор, пока не придут подкрепление. Мои командиры прекрасно понимали, что сложилась критическая ситуация, и помощь придет нескоро. Мы знали, что главные силы дивизии остались далеко позади, вынужденные преодолевать те самые болота, через которые мы продрались с таким трудом. Вероятно, они даже не смогут связаться с нами по радио в течение ближайших 2 дней.

¹ Пограничные войска СССР в ВОВ 1941. М.: Наука, 1976. С. 650–651.

² Тихая ночь... — начало немецкой Рождественской песни.

³ Преувеличение наших сил налицо: три полка дивизии превратились в три дивизии, а танковый полк — в корпус.

Боевая группа „Раус“ захватила „Ворота в Ленинград“, но сумеет ли она их удержать?»¹

Раус лукавит, заявляя о том, что ночь прошла спокойно. В Боевом дневнике дивизии мы видим следующее:

«Враг начал уже в 3.30 неустанно и бесперебойно, как и в предыдущий день, воздушные атаки (бомбардировщиков и истребителей с МГ) на плацдарм. Много убитых и раненых. Мост у Логоскино обвалился. Этим самым была прервана связь группы „Раус“ с тылом. Саперам удастся туда попасть только вечером. Полевой аэродром, по данным пленных, находится в 10–15 км севернее у железной дороги.² наших истребителей мало, и они разогнаны. Имеющиеся на плацдарме легкие зенитки разбиты».³

Далее Раус признает-таки появление на рассвете наших самолетов, но видит это не в таком трагическом свете, как автор Боевого дневника.

«На следующее утро, 15 июля, как мы и ожидали, прямо на рассвете появились русские самолеты. Наверное, пилоты страшно удивились совершенно изменившейся картине. Они не заметили внизу никаких признаков германских войск, техники, вооружений и оборонительных позиций. Все было либо закопано в землю, либо хорошо замаскировано. Перед ними расстился знакомый мирный пейзаж. Летчики могли даже предположить, что немцы отошли, уничтожив аэродром в Ястребиной, ведь это казалось вполне вероятным. Но все их надежды разлетелись вдребезги, когда головная эскадрилья бомбардировщиков приблизилась к мостам через Лугу. На самолеты обрушился настоящий шквал крупных и мелких зенитных снарядов, которые выпустили орудия 601-го зенитного батальона. Советские бомбардировщики промахнулись мимо цели. Более того, два хвоста черного дыма, протянувшиеся в голубом небе, доказали, что наши зенитчики были более меткими. Летевшие на малой высоте русские истребители также пострадали, попав под перекрестный пулеметный огонь. Тем не менее, как и предполагалось, русские начали методично бомбить мосты и места предполагаемого сосредоточения наших войск, стремясь нанести нам потери до того, как придут их пехота и танки».⁴

¹ Раус. С. 105.

² Речь все про то же Ястребино. Вот только когда пленные рассказали о нем немцам.

³ NARA, t 315, r 323, f 098.

⁴ Раус. С. 111–112.

На чрезмерно бравурном тоне ловит здесь Рауса даже не занимавшийся очень подробно историей плацдарма Поречье-Ивановское А. В. Исаев:

«15 июля к ударам по занятым немцами плацдармам в районе Ивановского и Сабска подключилась авиация Балтийского флота. Истребители ВВС КБФ вылетали на задание с подвешенными эрзсами. Над плацдармами и на подступах к ним разверзлись небеса. Бомбардировщики СБ 41-й авиадивизии бомбили и поливали огнем турельных пулеметов наконец-то остановившиеся немецкие части. <...>

Вопреки утверждениям в мемуарах Рауса об эффективном огне зениток, ни 41-я авиадивизия, ни ВВС КБФ потерь 15 июля не имели. Согласно немецким документам, назначенный для ПВО плацдармов зенитный дивизион из-за пробок просто не прибыл».¹

Лашкевич: «На штурмовку прорвавшихся немецких войск было брошено все. На второй день шестерка штурмовиков Ил-2 под командованием А. Кожина приступила к боевой работе и за 8 часов светлого времени произвела 30 боевых вылетов. Удары наших штурмовиков были ошеломляющими <...>

В ту напряженную обстановку не хватало боевых машин, и летчики с завистью смотрели на шестерку новых штурмовиков, которые успешно били противника. Группа летчиков (среди них были Г. Евсеев, Н. Корбуков, Соломатин, Бахмутский и Горюнов) обратилась к командиру эскадрильи с просьбой расконсервировать стоявшие на окраине леса истребители И-15 бис, чтобы летать на них на боевые задания. Командование авиабригады дало „добро“, и с 16 часов того же дня четверка И-15 совершила 22 боевых вылета на штурмовку врага. В этот день на самолетах Ил-2 летчики совершили 30 боевых вылетов, а на И-16 — 36. На врага были сброшены несколько сотен авиабомб (использовались в основном ФАБ-100, реже ФАБ-50 и АО-10), выпущены свыше полутысячи РС...»²

Здесь следует только заметить, что обещанный зенитный дивизион не прибыл не только из-за пробок. В этой фразе опять можно усмотреть попытки немцев все списать на дорожные трудности. Дело в том, что в сложившейся обстановке плацдарм запросил поддержку с воздуха и дополнительных зенитных установок. Поддержку с воздуха в этот день немцы еще не могли организовать, во-первых, из-за их первоочередной нацеленности на новгородское направление, а во-вторых, из-за отдаленности своих аэродромов.

Кроме того, существует еще один документ, согласно которому Раус не ждал в этот день поддержки с воздуха. О том, что в штабе его дивизии знали об этом, свидетельствует запись в Боевом дневнике

¹ Исаев, 2011. С. 265.

² Лашкевич. С. 47–48.

6-й танковой дивизии за 13 июля: «Сильная активность вражеской авиации, наших истребителей нет из-за большого налета авиакорпуса на Ленинград».¹

**№ 400.² Сообщение НКВД СССР № 2210/Б начальнику
Генерального штаба Красной Армии Г. К. Жукову о планах
немецкого командования по захвату Москвы и Ленинграда**

14 июля 1941 года

По сообщению начальника Ленинградского управления НКГБ, мероприятиями оперативной техники добыты следующие данные от пленных немецких летчиков, находящихся в тюрьме:

«1. Гитлер приказал своим войскам занять Москву и Ленинград не позднее 20 июля.

2. В данное время самолеты противника тщательно изучают и фотографируют подступы к Ленинграду и главным образом аэродромы.

3. Налеты немецкой авиации на Ленинград будут проводиться большим количеством самолетов и должны начаться со вторника, т. е. с 15 июля».³

Начальником УН КГБ информированы гг. Ворошилов и Жданов.
Народный комиссар внутренних дел Союза ССР *Л. Берия*
ЦА ФСБ России

На документе резолюция: «Передать тов. Попову текст и указание: 1) предупредить всю ПВО, 2) подготовить встречу истребителями. Жуков. 14.07».

Следует признать, что Попов надлежащим образом отнесся к полученной информации.

Афрамеев: «Во второй половине июля происходили почти ежедневные налеты крупных групп немецких самолетов на Ленинград. Однако из 904 самолетов, пытавшихся пройти к городу, добрались до него только 9...»⁴

Зенитные же установки не могли быть в ближайшее время доставлены не только в связи с описанными выше дорожными трудностями. Как мы помним, накануне две роты курсантов с батареей ПТО перекрыли немецкие коммуникации. Поддержал курсантов и полк

¹ NARA, t 315, r 323, f 089.

² Органы госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 2000. Т. 2. С. 313.

³ Первая попытка налета немецко-фашистской авиации на Ленинград была принята в ночь на 23 июня, но ни один самолет противника не был допущен к городу. Первые фашистские бомбы были сброшены на Ленинград 6 сентября 1941 г.

⁴ Афрамеев. С. 28.

с ПТО из 191-й стрелковой дивизии, развернувшей свои части по приказу Попова до озера Долгое.

Более того, в том, что касается поставок снабжения и вооружения для группы Рауса, на исходе предыдущего дня возникло и еще одно обстоятельство, отраженное в Боевом дневнике дивизии:

«К вечеру 1-я ТД получила первоочередное право проезда для К. 1¹ по нашей общей дороге, так как они не смогли удержать плацдарм под вражеским натиском. Там жестко сражающийся враг прислан из военной академии, ясное дело — также последние резервы».²

Согласно этой записи, упорно прорывавшаяся на другой берег реки передовая группа 1-й танковой дивизии немцев смогла-таки накануне продавить оборону небольшого контингента курсантов и зацепиться за другой берег. Однако курсанты, контратаковав, выбили их обратно, и 15 июля немцам все надо было начинать сначала, для чего они срочно затребовали подкрепления.

Активно шевелились в эту ночь немцы и на Ивановском плацдарме.

Так что в этот раз бравый немецкий полковник что-то уж очень много допускает неточностей. К тому же он даже противоречит сам себе, заявляя, что первая ночь прошла спокойно. Было бы странно, если бы немцы с 14 на 15 в ночь спокойно спали на только что занятом плацдарме. Естественно, нет — они просто вынуждены были заниматься оборудованием плацдарма.

Раус: «Создание и оборона плацдармов была одной из самых важных задач во время русской кампании. Эта обязанность часто выпадала на долю танковых и моторизованных подразделений. За 4 года войны я лично, а также войска, находившиеся под моим командованием, занимали более 60 плацдармов на различных участках фронта, причем среди них не было двух одинаковых. Каждая операция имела свои собственные индивидуальные отличия: тактическая ситуация, местность, состав сил и вооружения. Ни один из этих плацдармов даже отдаленно не напоминал лужский, который мои командиры сначала считали незащитимым. Командиры частей, которые позднее прибыли нам на смену, нашли мои меры по организации обороны абсурдными и удивлялись, как мы сумели удержаться в таких сложных обстоятельствах. Но никто из них, вспомнив предыдущие события и получив время для тщательного обдумывания, не сумел предложить решительно ничего для улучшения обороны. Мы добились победы, и это доказало, что использованная тактика была вполне разумной. Одна пехота не сумела бы удержать мосты, даже если бы там находилось больше войск, чем имел я, но еще сложнее пришлось бы

¹ К. 1 — мотоциклетно-стрелковый батальон 1-й ТД.

² NARA, t 315, r 323, f 098.

танкам без поддержки пехоты. Однако гармоничное взаимодействие всех родов войск, сочетание жесткой и гибкой обороны было единственным решением в сложившейся ситуации.

Район обороны был очень небольшим, поэтому я был вынужден дать подчиненным командирам — до командиров рот и взводов включительно — более широкую свободу действий, чем обычно. Этого нельзя было бы сделать, если бы мои офицеры не были обучены и подготовлены к подобным действиям еще в мирное время. Мои командиры и их подчиненные всех рангов также были подготовлены наилучшим образом, именно благодаря этому мы одержали конечную победу.

Я знал, что имею танков примерно столько же, сколько и русские, но я также знал, что в пехоте они превосходят меня в 12 раз. Учитывая это, мы были просто обязаны сосредоточить все имеющиеся силы и максимально использовать преимущества местности. С самого начала было очевидно, что наши силы не позволят нам образовать жесткое оборонительное кольцо вокруг мостов и наиболее важного перекрестка дорог возле Ивановского. В то же время я понимал, что эти два стратегически важных пункта и прилегающие окрестности должны остаться в наших руках, если генерал Рейнхардт действительно намеревался превратить плацдарм в „Ворота Ленинграда“.

Если бы я решил создать только маленький плацдарм, оставив Ивановское русским, удержав только 2 моста, победа оказалась бы неполной. Без захвата достаточной территории ХЛ танковый корпус позднее не сумел бы сосредоточить достаточно крупные силы на своей территории, и плацдарм потерял бы свое стратегическое значение. Поэтому нам предстояло оборонять коридор длиной 5 километров, который имел ширину всего несколько сот метров. Я решил жестко удерживать участки вокруг мостов и перекрестка любой ценой. Это позволило бы нам неоднократно ликвидировать прорывы русских на соседних участках. Судя по всему, решающим пунктом был перекресток у Ивановского, потому что именно обладание им имело решающее значение для контроля над мостами.

Более того, местность и растительность облегчали такую тактику. С севера плацдарм прикрывал пруд глубиной 15 метров, а с востока — овраг глубиной от 6 до 10 метров с очень крутыми стенками. Пруд и овраг являлись великолепными противотанковыми препятствиями, которые было трудно пересечь даже русской пехоте. На западе вплотную к дороге подходил заболоченный лес. Хотя танки по этой дороге пройти не могли, несколько участков ее были проходимы для пехоты. К югу от плацдарма находились обширные заболоченные леса, через которые могли пробраться небольшие подразделения с легким оружием. Там было достаточно развернуть небольшое подразделение и небольшие тактические резервы. Основные силы русских, которые могли угрожать плацдарму, обнаружили, что вы-

нуждены использовать те же дороги, по которым мы можем бросить против них наши собственные танки. Другими словами, благодаря особенностям местности, русские танки могли атаковать только вдоль дорог. Лишь на западной окраине Ивановского и на центральной оси плацдарма танки могли наступать по узкой полоске земли по обе стороны дорог.

Плацдарм также обладал еще одним преимуществом — он не просматривался противником ни с одной стороны. Это означало, что советская артиллерия сможет вести огонь только по площадям или с помощью самолетов-корректировщиков. В этот период войны русские еще не освоили взаимодействие наземных частей и авиации, и они не имели возможности спланировать огневые налеты по карте. Все эти факторы вместе взятые означали, что наши войска, занимающие плацдарм, окажутся в серьезной опасности, только если Советы используют свое огромное преимущество в пехоте для проведения одновременной скоординированной атаки со всех сторон, либо если боевая группа „Раус“ не наладит подвоз снабжения в течение недели. Мы надеялись, что не произойдет ни того, ни другого.

Учитывая чисто психологические факторы, я решил, что ключевым пунктом станет перекресток у Ивановского. Именно там я расположил главные силы 4-го моторизованного полка полковника Рудольфа фон Вальденфельса, один батальон занял позиции к востоку, второй — к западу. Этот полк должен был перекрыть обе дороги и защитить открытые фланги. Для обороны от советских сверхтяжелых танков KV-1 полк получил несколько 88-мм зениток и 100-мм пушек с высокой начальной скоростью снаряда. В качестве тактического резерва полк держал сзади одну пехотную роту, к которой была добавлена танковая рота. Ответственность за непосредственную оборону мостов была возложена на 3-ю роту лейтенанта Гебхардта из 57-го танкового саперного батальона, которая в качестве усиления получила несколько мелких 20-мм зениток. 6 рота (бронетранспортеры) лейтенанта Бенке из 114-го моторизованного полка взяла на себя охрану и оборону участка к югу от реки Лута. В случае необходимости лейтенант Бенке мог использовать личный состав автомобильных частей, размещенных в этом же районе. Шоферы были объединены в „тревожную группу“. Все штабы должны были сами обеспечивать свою безопасность. Вся артиллерия, зенитки и противотанковые подразделения должны были находиться в постоянной готовности к отражению атаки, используя все имеющееся у них оружие, либо к поддержке контратаки нашей пехоты. 2 артиллерийских батальона и 2 танковые роты я оставил под своим непосредственным контролем. Танки имели приказ атаковать, не ожидая моего приказа, любые советские войска, которые попытаются пройти по дороге мимо них. Несколько танков, приданных штабам, должны были оставаться к югу от реки и в случае необходимости немедленно прийти на

помощь роте лейтенанта Бенке. Я намеревался сосредоточить огонь нашей артиллерии на районах по обе стороны от опорного пункта на дороге. Для этого наш командир артиллерии подполковник Граф держал постоянную связь с 4-м моторизованным полком. Мой штаб также держал постоянную связь со всеми подразделениями, чтобы обеспечить скоординированное использование всех систем оружия и ликвидировать даже возможность непонимания.

Прежде чем были отданы эти приказы, я вместе с командирами подразделений провел совместную разведку и оценку местности, которая оказалась совсем не соответствующей карте. Мы имели возможность заняться этим, потому что все партизаны бежали прочь, как только появились первые наши части, и единственный, кто мог нас потревожить,— это русская авиация. Такое положение дел не только благоприятствовало проведению разведки, но и дало нам жизненно необходимое время для оборудования позиций.

Наши войска использовали это время великолепно. Прежде всего был проведен тщательный осмотр всех позиций, в том числе и с направлений, откуда мог появиться противник. Мы успели тщательно расположить наши противотанковые пушки и прекрасно их замаскировали. Не менее важным было то, что пехота успела прочесать лес вблизи дороги, что позволило найти несколько узких тропинок, идущих через болота. Мы выставили посты на этих тропинках, чтобы русские не смогли внезапно атаковать нас из леса.

Такой детальный осмотр местности имел решающее значение, потому что лишь много позднее мы сумели исправить наши неточные карты с помощью аэрофотосъемки и копий русских карт масштаба 1 : 100 000, которые были все-таки достаточно точными, чтобы использовать их для управления огнем артиллерии.

Всюду, где местность позволяла проходить танкам, телефонные провода, связывающие наши части, были протянуты на высоких и прочных деревьях или, где не было деревьев, закопаны в землю, засыпаны землей и песком, замаскированы травой. Эти линии были укрыты от взоров противника, но при этом остались бы целы, даже если бы танки переехали через них. Такие меры оказались очень эффективными. Подготовка подобных мероприятий не была обязанностью моей или батальонных командиров, ими занимались специально подготовленные особые подразделения. Тактические командиры должны были только проверить, приняты эти меры или нет, и лишь в случае их невыполнения по той или иной причине — вмешаться».¹

Этот красноречивый фрагмент приведен мной полностью, поскольку в нем отражены весьма важные в тактическом и стратегическом отношении данные, характеризующие ситуацию к началу основного противостояния сил на плацдарме. Любопытно, что согласно

¹ Паус. С. 105–111.

этому тексту Раус достаточно объективно оценивает силы сторон. Говоря о том, что танками он располагает примерно в таком же количестве, Раус ясно отдает себе отчет в том, что ему противостоит не бригада, а танковый полк. Также заявляя о 12-тикратном превосходстве в живой силе, он реально оценивает свой контингент примерно в тысячу человек.

Отметим еще раз перечисленные им наличные силы:

- моторизованный полк, состоящий из двух батальонов;
- батарея 88 мм зениток;
- батарея 100 мм пушек;
- рота пехоты с приданной ей ротой танков;
- рота лейтенанта Гебхарта из саперного батальона с батареей 20 мм зенитных установок;
- рота на бронетранспортерах лейтенанта Бенке из еще не бывшего 114 мот. полка.

Отметим одну странность. В этом списке отсутствует отряд особого назначения лейтенанта Граберта; возможно, о нем вообще не принято было говорить нигде, кроме специальных секретных документов.

Кроме этого, здесь также следует сделать некоторые уточнения.

Раус лукавит не только в случае с непризнанием эффективности налетов нашей авиации. Согласно Боевому дневнику дивизии, 14 июля на плацдарм успели пройти только один батальон мотопехоты, одна арт. батарея, один танковый полк и одна зенитная батарея.¹ А о 88 мм зенитках говорится, что три орудия должны охранять два очень важных моста через Плюссу у Ляд и на Луге.² Соответственно Раусу достались только две. Эти зенитки немцы страшно берегли и здесь без крайней нужды на позиции не выкатывали.

Не рассказывает Раус и о неудачной утренней попытке еще более расширить плацдарм.

Угрюмов: «Ночь прошла спокойно, а на рассвете майор Добряков сообщил, что вражеская пехота, поддерживаемая танками, начала наступление. Я немедленно выехал к Ивановскому, тревожась, сдержат ли натиск противника люди, только вчера взявшиеся за оружие. Беспokoило и то, что Добряков производил впечатление нерешительного и малоинициативного человека. Дурное предчувствие не обмануло меня. Подразделения первого полка оставили свои позиции.

Как выяснилось, гитлеровцы ударили с фланга. Кто-то крикнул: „Нас окружают!“ Бойцы, накануне сражавшиеся с исключительным мужеством, сейчас дрогнули, стали отходить.

К счастью, артиллеристы поставили заградительный огонь и остановили противника. Это позволило быстро собрать ополченцев

¹ NARA, t 315, r 323, f 094.

² NARA, t 315, r 323, f 095.

в лесу по дороге к Среднему Селу и восстановить порядок в подразделениях. Командование полком принял майор А. Соколов».¹

Таким образом, оба полковника напрасно писали о том, что первая ночь прошла спокойно.

Танки под Ивановским

Наши командиры и в самом деле зашевелились. Этой ночью, судя по всему, им тоже было не до сна. Всю ночь готовился к выступлению танковый полк Ленинградских Краснознаменных Бронетанковых курсов усовершенствования командного состава (ЛКБТКУКС).

Из доклада майора Киенко: «Кингисепп справа 5 км в направлении Ивангород и слева железная дорога ст. Веймарн—Сланцы включительно обороняет 191 стрелковая дивизия.

Большой Сабск — д. Лемовжа включительно обороняют курсанты Краснознаменного Ленинградского пехотного училища имени С. М. Кирова.

От г. Бол. Сабск до вышеуказанной ж. д. по реке Луге около 25 км советских войск нет. 15 июля² 1941 г. с 5 часов и до 7 часов утра на ст. Веймарн прибыли и начали разгружаться: 2-я дивизия народного ополчения и 2 истребительных полка МГБ особого назначения получили задачу и вышли. Войска находятся на марше к своим участкам обороны. <...>

15 июля 1941 г. в 3 ч. 30 м. в расположение сводного танкового полка ЛКБТКУКС, который находился в лабораторной роще на полигоне в полной боевой готовности,³ прибыли исполняющий обязанности начальника ЛКБТКУКС полковник Бубин с представителем Ленинградского фронта. Объяснили цель своего приезда, и полковник Бубин поставил задачу на марш командиру полка к-ну Свириденко. <...> Дудергоф—д. Большая Пустомержа⁴ и дальше 2 км в лесу до штаба 2-й дивизии НО...»⁵

Из воспоминаний командира танка лейтенанта Бельского А. М.: «15 июля 1941 г. наш полк был поднят по тревоге и по тревоге вышел в 4.00 по маршруту Дудергоф — ст. Веймарн 2 км южнее в лес до шта-

¹ Ополченцы. С. 33–34.

² Майор Киенко тоже ошибается; ополченцы разгружались 14 июля, а вот истребительные полки, которые 14 июля только отправлялись, прибывали, скорее всего, уже действительно 15.

³ Упоминание о том, что полк уже стоял в полной боевой готовности, свидетельствует о том, что накануне днем звонок из штаба в полк был.

⁴ Не превратилась ли Большая Пустомержа в большие Хотыницы?

⁵ СПб. школа № 111. Музей бронетанковых войск. Архив. Сводный танковый полк ЛКБТКУКС. С. 14.

ба 2 дивизии народного ополчения, куда полк прибыл в 8.20 минут утра. <...> и остановился на обочине дороги перед д. Мануйлово».¹

Дата, время и место прибытия полка в воспоминаниях всех танкистов написаны словно под копирку. Но у Домосилецкого есть одно дополнение; он вспоминает о том, как неожиданно появившиеся преподаватели курсов отстраняли командиров и занимали их места.² Вероятно, так отразилось заявление Глаголева о нехватке сержантского состава. Это небольшое происшествие как нельзя более, на мой взгляд, свидетельствует о том, что все происходило в спешке и ночью. Именно ночью, это невозможно спутать, когда ты лично участвуешь в происходящем.

Итак, 15 июля на рассвете у Ивановского появились наши танки. Что это были за танки и в каком количестве?

Полк имел в составе 6 рот.

1. Рота тяжелых и средних танков лейтенанта Русакова — 4 КВ и 6 Т-34;

2. I рота, командир — ст. лейтенант Ивлиев — 10 БТ-7;

3. II рота, командир — лейтенант Чередниченко — 10 БТ-5-(7);

4. III рота, командир — лейтенант Иван Леонович Власенков — 10 Т-26;

5. IV рота, командир — лейтенант Анатолий Александрович Морозов, 10 Т-26;

6. Разведроты, командир — лейтенант Георгий Борисович Шумский, 10 машин — 3 БА-20, 3 Т-38, 1 Т-37, 1 Т-50, 1 БА-64.

Итого — 60 боевых машин.

Кроме этого полку были приданы:

– отделение разведки, состоявшее из командира, двух сержантов и 10-ти красноармейцев;

– взвод автоматчиков, состоявший из командира, трех сержантов и 20-ти красноармейцев;

– ремонтно-эвакуационное отделение, в котором было 2 летучки, 2 трактора Коминтерн, состоявшее из командира отделения, двух шоферов, двух трактористов и трех слесарей ремонтников;

– отделение связи — сержант и 5 красноармейцев;

– отделение ГСМ и боеприпасов — 2 автомашины и 6 красноармейцев;

– хозяйственное отделение — 11 красноармейцев;

– санитарное отделение, имевшее машину с шофером, врача и двух медработников.

¹ Там же. Осн. ф. 950/ЛБТКУКС, с. 1–2.

² См. Приложение 2.

По другим данным¹ сводный танковый полк начал формироваться в ночь на 15 июля согласно приказу маршала К. Е. Ворошилова в составе 19 танков КВ и 36 бронемашин. Эта же информация приводится в книге Мощанского.

«Сводный танковый полк начал формироваться в ночь на 15 июля согласно приказу маршала К. Е. Ворошилова в составе 19 танков КВ и 36 бронемашин. Для этого всю матчасть ЛКБТКУКС было приказано перебросить на станцию Веймарн. 7 танков КВ под командованием майора Пинчука ж/д транспортом выдвинулись в район Веймарн в 10.30 15 июля 1941 года. В 12.20 туда же прибыла рота бронемашин с Ижорского завода, вторая рота БА доукомплектовывалась на заводе со сроком готовности 15–18 часов 15 июля. Рота танков (9 Т-26, 5 Т-50), прибывшая к 14.00 15 июля, еще не была полностью сформирована».²

Эта информация вносит путаницу, которая произошла из-за того, что в одно и то же время под Ивановское стекались с разных направлений танки ЛКБТКУКС, танки 1-й танковой дивизии из-под Кандалякши и бронемашин с Ижорского завода. В результате чего и образовался *сводный* танковый полк, в который входили не только машины ЛКБТКУКСа. Танковым батальоном КВ стал командовать преподаватель курсов майор Павел Ильич Пинчук, ставший затем командиром 1-го танкового полка 1-й танковой дивизии. Этот батальон 15 июля только начал прибывать и был готов вступить в дело лишь на следующий день. Полком собственно ЛКБТКУКС командовал капитан Свириденко, преподаватель курсов, так как действительный командир полка майор Беспрозванов еще не прибыл.

С утра 15 июля на Ивановском плацдарме начало действовать лишь подразделение сводного полка, которым командовал Свириденко, не имевшее в своем составе тяжелых танков КВ, то есть всего 50 боевых машин.

Здесь важно отметить, что утром 15 июля полк ЛКБТКУКС прибыл для выполнения поставленной боевой задачи без роты лейтенанта Русакова. Мне пока не удалось обнаружить ни малейшего намека на то, почему это произошло. Однако, как мы далее увидим, это было именно так. Тяжелые и средние танки 1-й танковой дивизии начали поступать на станцию по ж. д. позже, и в этот день, скорее всего, еще не были готовы вступить в бой.

Таким образом, основную ударную силу 2-й ДНО 15 июля составляли 20 БТ-5(7), 20 Т-26 и еще десяток танков и бронемашин из роты разведки.

¹ ЦАМО, ф. 38 оп. 80038 сс, д. 22, л. 34. Этот документ не выложен в открытом доступе, проверить соответствие не удалось.

² Мощанский. С. 80–81.

Итак, первые 50 легких танков прибыли к ополченцам в начале девятого утра 15 июля. Незадолго до этого, около 8 утра, здесь же появился и Маркиан Попов, весь предыдущий день и часть ночи потративший на поиски всех возможных ресурсов.

Попова встретил мрачный Угрюмов.

Угрюмов: «Я имел небольшой боевой опыт: командовал батальоном, который участвовал в штурме линии Маннергейма. Но здесь были совсем иные условия. Мы вступали в бой с ходу, не зная, какими силами располагает противник, не имея времени произвести рекогносцировку местности. Пришлось по карте изучить подступы к селу Ивановскому».¹ Далее Угрюмов пишет, что появился командующий Северным фронтом: «Я доложил о положении, в котором оказался первый эшелон дивизии, и о принятом решении немедленно атаковать Ивановское. Сказал и о потерях, понесенных полком еще до вступления в бой».²

Освобождение Среднего Села, имевшее место накануне и этим утром, — это по-настоящему всего лишь разведка боем. Настоящий бой начался только в этот день — 15 июля. И вот эта разведка боем, о которой он пишет «еще до вступления в бой», произвела на Николая Степановича удручающее впечатление.

Батальонный комиссар А. Тихвинский: «Следует сказать — одним из самых серьезных недостатков нужно считать отсутствие дисциплины на марше, из-за чего не удался ряд операций. Во время подхода к исходным позициям нарушался боевой порядок в подразделениях: люди часто рассеивались на мелкие группы не доходя до места, тем самым терялась ударная сила части. Так было в первый день боя 14 июля».³

Иными словами, никакого боя не получилось, а потери уже были ощутимые. Самое главное, с чем еще предстояло разобраться, очень много людей просто потерялось.

О творящемся на плацдарме хаосе очень красноречиво говорит фрагмент воспоминаний корреспондента газеты политрука Кошелева: «К 7 утра 15.VII противник прорвался к Среднему. Ввел в бой легкие танки (4 танкетки и 5 танков).

При появлении танков многие бойцы бросили позиции и отступили. Получилось так, что могло попасть в руки пр-ка одно орудие. Политрук А. П. т. Бархатов выкатил другое орудие, открыл огонь прямой наводкой, остановил два танка, подбив их, тогда остальные ушли, забрав подбитые танки.

¹ Угрюмов Н. С. Так начинали // *Ополченцы*. С. 29–37.

² *Ополченцы*. С. 32.

³ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 10, д. 1338.

Атаки танков и мелких групп пр-ка, вооруженных автоматами, на Среднее были отбиты.

Комиссар 1 сп. т. Константинов рассказал мне, что во время боя пр-к имел преимущества: минометы, автоматы, авиация и танки. Все-му этому мы могли противопоставить лишь бойцов, вооруженных винтовками.

— У трех наших орудий АП,— говорил мне т. Константинов,— не оказалось панорам, не хватило или не было дистанционных трубок, у бойцов не было гранат, и многие не умели ими пользоваться, не хватило патронов, не работали минометы, не было снайперов.

Когда пр-к начал натиск, открыв огонь и потом ввел танки, небострелянная часть бойцов (а их на, мой взгляд было больше половины), бросив позиции, отступила.

В восьмом часу утра я выехал на передовую. По дороге км за 10–15 до передней линии фронта группами и в одиночку шли отступающие бойцы. Когда их спрашивали, в чем дело, они говорили, что „мы два дня не ели, промокли, пр-к имеет все, а мы не умеем даже стрелять из винтовок“. Аналогичные ответы были и у других групп отступающих.

Я начал организовывать эти группы и назначать им командиров, отправлять их на передовую. Многие из них настолько были деморализованы, что считали, что всех убили и он один спасся.

Боец Сафронов („Кр. Треугольник“) сказал, что он не может стрелять, что его послали и он не доброволец и т. д.

Некоторые машины, снабжающие передовую линию, ездили бесцельно. Некоторые везли назад гранаты, патроны, снаряды. В первых боях не оказалось сестер для оказания помощи раненым. Выехавшие туда сестры имели на 4 чел. всего 4 перевязочных пакета. Машины, везшие продовольствие (завтрак) останавливались, услышав стрельбу. Тогда я начал проверять, куда идут машины, как выполнены ими приказание их командиров.

После этого я переехал на переднюю линию. По всему пути ходили группы по несколько десятков и одиночные бойцы, растерявшие свои подразделения, не знающие, что им делать.

На краю дер. Средняя на носилках лежит на дороге убитый боец, поодаль другой, здесь сотни бойцов ходят вокруг них, но никто не хоронит убитых.

Бой в это время вели подброшенные свежие части и те бойцы 1 и 2 б-нов, которые остались в строю.

В этот момент управления бойцами, которые вышли из боя, не было.

Такую картину из себя представляли бойцы, вышедшие из боя, в этот момент.

Вскоре пришли наши танки».¹

Угрюмов: «Командующий стал расспрашивать о боеспособности подразделений, военной подготовке командиров.

— Это покажет бой,— отвечал я.— Не было у нас времени иначе проверить.

Подумав и взвесив все, М. М. Попов разрешил начинать атаку Ивановского, когда подойдут танки и займут огневые позиции два дивизиона нашего артиллерийского полка».²

Попов, по всей видимости, в эту ночь совсем не спал и прибыл на плацдарм рано. Однако когда он приехал на КП 2-й ДНО в Мануйлово, было уже около 8-ми утра. Это позволяет установить следующее свидетельство.

Попов: «Было очень рано, поэтому К. Е. Ворошилова мы будить не стали, и, договорившись с Д. Н. Никишевым, что он позднее доложит главному обо всем происшедшем и наших мероприятиях, я выехал в Веймарн. По дороге мы с трудом обогнали танковый батальон, двигавшийся на очень больших скоростях, и вскоре въехали в Веймарн, где продолжались пожары, вызванные недавней бомбежкой, произведенной вражескими самолетами. Как выяснилось, гитлеровцы, очевидно заметив выгрузку эшелонов 2-й ДНО, бомбили станцию. На южной окраине небольшого города повстречались с уже прибывшим сюда К. П. Пядышевым и командиром дивизии ополченцев Н. С. Угрюмовым. Он в очень мрачных тонах обрисовал положение дел в дивизии. Из кадровых офицеров у него были только командиры полков и несколько командиров батальонов. Ротные и взводные командиры — в подавляющем большинстве призванные из запаса, прошедшие подготовку на военных кафедрах гражданских вузов, никакого опыта в командовании подразделениями не имели. Боевая слаженность частей и подразделений низкая, так как времени на обучение было очень мало. Первый эшелон дивизии при выгрузке попал под бомбежку, имеется много убитых и раненых, что отрицательно сказалось на настроении людей...»³

Здесь Попов как бы для краткости соединяет два разных момента. Все отмечают, что от бомбежек станции мало кто пострадал. Соответственно дополнение — много убитых и раненых — касается уже именно столкновений с реальным противником у Среднего Села и под Ивановским.

Попов: «Взвесив все эти данные и, конечно, подбодрив командира дивизии, мы решили начинать атаку только после прибытия тан-

¹ ЦГАИПД, ф. 2281, д. 195.

² Угрюмов Н. С. Так начинали // *Ополченцы*. С. 29–37.

³ *Оборона Ленинграда*. С. 52.

ков и развертывания на огневых позициях заканчивавших выгрузку двух артиллерийских дивизионов. В то же время мы рекомендовали К. П. Пядышеву немедленно возвращаться в свой штаб, так как еще неизвестно, что может принести сегодняшний день на других участках Лужской полосы обороны. Затем подождали, пока подойдут и развернутся танки и артиллерия, и, убедившись в том, что все готово и взаимодействие организовано, разрешили командиру дивизии начать наступление. Наблюдать за боем мы приготовились с небольшого бугорка, поросшего кустарником, откуда хорошо просматривалось Ивановское. В назначенное время бомбардировщики ВВС фронта и Балтфлота как будто хорошо „обработали“ плацдарм, и после короткой артиллерийской подготовки наши танки пошли в атаку. Пехота же, сперва двинувшаяся за ними, встреченная пулеметным огнем, залегла недалеко от окраины села: сказались необученность и необстрелянность дивизии народного ополчения».¹

В. Михайлов: «У села Среднего к электросиловцам присоединилась часть бойцов и командиров 3-го истребительного полка особого назначения и полностью 4-й истребительный полк особого назначения. Их задачей было действовать за линией фронта, но М. М. Попов сейчас был рад, что они еще здесь, под рукой. Наконец появились и наши танки, послышался ровный, уверенный рокот наших бомбардировщиков, в районе Ивановского грохнули разрывы бомб, по плацдарму повела огонь артиллерия. Попов, расположившийся с сопровождавшими его командирами на небольшом, заросшем кустарником бугорке, откуда хорошо было видно Ивановское, приказал снова атаковать.

Взрели танковые моторы. Вслед за танками осторожно двинулись пехотные цепи. Ивановское пылало, но немецкую оборону разрушить не удалось, наступавших встретили пулеметы, артиллерия, минометы, и на одном из флангов поднялись в контратаку автоматчики. Кто-то в панике крикнул:

– Окружают!

Часть бойцов повернула назад,² и одна из таких групп вышла прямо к командному пункту Попова в то самое время, когда там появился неожиданно для всех Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов. Увидев бегущих бойцов, К. Е. Ворошилов резко приказал командиру ополченской дивизии:

– Немедленно остановите!

Когда бойцы построились, виновато потупив головы, Ворошилов сам вышел к строю. Никто, конечно, не записывал его речи, но последние слова запомнились:

¹ Оборона Ленинграда. С. 52.

² Вполне возможно, что подобный эпизод с криком «Окружают!» не раз повторялся в эти дни на плацдарме.

– Вы ведь добровольцы, Красная гвардия, и воевать должны бесстрашно, как красногвардейцы...»¹

Ворошилов

Существует еще один миф, повествующий о том, что под Ивановским повел в атаку ополченцев «сам первый маршал». Попробуем разобраться в этом подробнее.

В этот день К. Е. Ворошилов действительно прибыл в расположение 2-й ДНО.

Попов: «Вскоре неожиданно для нас подъехал К. Е. Ворошилов. Оставив машину неподалеку в кустах, он поднялся к нам на бугорок. Разобравшись на местности и по карте в обстановке, он потребовал от меня лично навести порядок и ликвидировать неприятеля на плацдарме. Делать было нечего! Остановив проходящий мимо нас танк, я забрался в него и вдоль опушки леса направился в сторону села Ивановское. Чем ближе мы подходили к опушке леса, тем картина все больше прояснялась. Нашей пехоты между лесом и селом не было. Она отползла на опушку, откуда и вела огонь. Танки вели единоборство с вражескими противотанковыми пушками и танками. Несколько наших танков уже горело. Вдруг, совершенно неожиданно для себя, я ощутил сильный, какой-то металлический удар по башне танка, от которого посыпалась внутренняя краска. Вслед за этим последовал второй такой же удар.

– Бьет бронебойными,— закричал мне командир танка, сидевший на месте стрелка-радиста.

– Давай задний ход,— ответил я ему.

Но пока механик-водитель переводил рычаг скоростей и танк успел двинуться назад, мы получили еще третий снаряд в башню танка, так же как и первые два, не пробивший броню нашей тридцатьчетверки. Невдалеке от бугорка, где находился К. Е. Ворошилов, наша машина, продолжавшая двигаться задним ходом, попала в большую воронку от авиабомбы, мне пришлось покинуть танк и добираться до бугорка пешком. Надо ли говорить о том, что мне очень попало от главкома за эту „танковую вылазку“, но когда я доложил ему все виденное мною под Ивановским, он как будто смирился и, запретив мне впредь повторять подобные эксперименты, предложил высказать соображения по дальнейшим действиям.

Трудно было предложить что-либо конкретное в данную минуту. Соседняя справа кадровая 191-я дивизия с минуты на минуту может подвергнуться удару. Слева пехотное училище обороняется на широком фронте и уже отражает попытки неприятеля захватить

¹ Михайлов. С. 39.

плацдарм у Сабска. Оставалось единственное решение — прекратить наши бесплодные атаки, отвести танковый батальон на опушку леса и, оставив при нем небольшое прикрытие из ополченцев, обязать его парализовать попытки противника к дальнейшему развитию плацдарма. Конечно, оборона танков ночью — это очень сложная для них задача, но пока другого выхода не было. Артиллерийский полк 2-й ДНО, к счастью, оказался наполовину кадровым, поэтому от него тоже можно было потребовать выдвижения отдельных орудий от каждой батареи для ведения огня прямой наводкой непосредственно на передний край и тем самым относительно надежно прикрыть на ночь ополченцев, привести последних в порядок, а затем уже с командирами частей и подразделений подвести итоги первого боевого дня и решить, что делать дальше. Я лично не верил в то, что завтра дивизия народного ополчения будет готова к решительному натиску на врага и сумеет вышибить его с плацдарма, и поэтому предложил К. Е. Ворошилову приказать прибывшему к нам Б. В. Бычевскому за ночь обложить захваченный немцами плацдарм противотанковыми минами и по возможности проволочными заграждениями. Главком согласился с нашими соображениями».¹

Попов ясно пишет далее, что это был первый день «нашего непосредственного соприкосновения с врагом».²

Видимо, еще до своей «танковой вылазки» Попов, на самом деле прекрасно и так видевший все, что происходит на поле боя, велел Угрюмову собрать укрывшихся на опушке пехотинцев дивизии.

Угрюмов: «Получив указания командующего войсками фронта, я немедленно выехал в полк. Удалось собрать ополченцев в лесу недалеко от Среднего. Взамен вышедшего Добрякова командиром полка назначил майора Соколова, кадрового военного.

Пока мы занимались с командиром полка, в Среднее прибыл главнокомандующий северо-западного направления К. Е. Ворошилов с группой командиров и отрядом пограничников. Я представился маршалу, доложил обстановку. Не дослушав меня до конца, Ворошилов, показав на столпившихся недалеко от нас бойцов, спросил:

– Это что за сборище?

Я ответил, что это бойцы роты, которая отошла из Ивановского.³

– Идем, полковник. Хочу поговорить с этими вояками.

Ворошилов и сопровождавшие его командиры направились к строю. Кто-то из командиров-ополченцев пытался доложить маршалу, но стусевался. Ворошилов поморщился, махнул рукой и по-

¹ *Оборона Ленинграда*. С. 53–54.

² Там же. С. 54.

³ Мы уже видим, что речь здесь идет точно о 15 июля. Но атаки идут на Ивановское, а не на Среднее.

дошел к бойцам. Внимательным, изучающим взглядом осмотрел их. Заметив, что у одного из солдат нет оружия, главком спросил:

— Где винтовка, товарищ боец?

Я не расслышал ответа. Виновник что-то невнятно проговорил и густо покраснел.

— Даю пять минут, чтобы нашел винтовку. Иначе под трибунал. Понял?

Боец бросился выполнять приказание. Маршал продолжал осматривать строй. Затем он остановился. Все ждали, что скажет Ворошилов.

— Тот, кто бежит с поля боя, бросает оружие,— изменник и предатель! Мы будем беспощадны к таким!

Вы — добровольцы, Красная гвардия города Ленина, и воевать должны как красногвардейцы. А надо будет, и мы пойдём. Я сам поведу вас в атаку!..

Последние слова маршала были встречены криками „ура!“.¹

Прибытие в дивизию, в самое пекло главнокомандующего северо-западного направления свидетельствовало о том, какое значение придавалось ликвидации Ивановского плацдарма противника. Уезжая, К. Е. Ворошилов еще раз приказал во что бы то ни стало взять Ивановское.²

В сборнике «Ополченцы» рассказ Угрюмова выглядит несколько иначе. Приведу здесь кусок, в котором расхождение наиболее сильное.

«Ворошилов остановил санитаров, подошел к носилкам и стал спрашивать бойца, получившего рану в первом бою за Ивановское. Превозмогая слабость, раненый старался бодро отвечать маршалу.

— Мы еще покажем врагу,— произнес он,— на что способны ленинградцы.

— И с такими бойцами вы не можете хорошо воевать! — с упреком обратился ко мне Ворошилов».³

Здесь Попов добавляет один любопытный нюанс: «Когда носилки тронулись дальше, К. Е. Ворошилов обратился ко мне с вопросом, почему бы не наградить раненого орденом или медалью.

— Прав у нас таких нет,— ответил я.

— Как так нет,— с жаром говорил главком,— что за чушь?

— Конечно чушь, если не сказать больше. Это все на фронте прекрасно понимаем, но только награждением медалями и орденами пока ведают лишь Верховный Совет СССР,— ответил я.

— Не может быть,— возражал Ворошилов,— значит, всех этих славных героев надо к наградам представлять в Москву? Это же недопустимо. Солдат и офицеров надо награждать тут же на поле боя

¹ Вот эпизод, на основании которого, скорее всего, и возник миф.

² Кринов. С. 53–54.

³ Ополченцы. С. 34.

или же сразу после боя. Надо дать права награждения медалями и орденами по крайней мере комдивам и командармам, а о комфронтах я уже и не говорю. Я об этом буду просить Сталина и думаю, что он согласится с такими предложениями¹».²

Угрюмов: «Прибытие в дивизию вслед за командующим фронтом главнокомандующего северо-западным направлением еще раз подчеркивало, какое значение придавалось ликвидации Ивановского плацдарма противника, а мы поставленную задачу не выполнили. Я предвидел неприятную беседу с главкомом. И она состоялась. К. Е. Ворошилов резко выговаривал мне за плохую организацию боя. Он приказал одному из сопровождавших его командиров двинуть к Ивановскому танки. Вслед за ними бросились ополченцы и отбили часть оставленных позиций.

Но тут из-за первых домов Ивановского вышли вражеские танки, открыли огонь противотанковые орудия, укрытые на огородах. Не дойдя метров триста-пятьсот до села, наши танкисты повернули назад и отошли на исходные позиции. Бойцы под сильным пулеметно-минометным огнем залегли.

К. Е. Ворошилов подозвал меня, передал свой броневичок и приказал лично направиться на наблюдательный пункт полка. Майор Соколов сменил НП и, где он находится, сообщить не успел. Сказать об этом Ворошилову я не решился, сел в броневичок и приказал водителю ехать в направлении Ивановского.

Вскоре цепь вражеских автоматчиков, просочившихся в лес, преградила нам путь и попыталась обойти машину. Мы отогнали их пулеметным огнем, но стало ясно, что вперед не пройти. Пришлось дать задний ход: на узенькой дороге броневик нельзя было развернуть. Фашисты открыли огонь из автоматов. Отстреливаясь, мы отошли назад.

Свернув влево, я вскоре добрался до НП полка. Побыв там с полчаса и уточнив с командиром задачу каждого батальона, отправился обратно. К. Е. Ворошилов собирался уезжать. Перед отъездом он еще раз приказал во что бы то ни стало взять Ивановское».³

Странная получается картина. Ворошилов, как мы видели, только что согласился с соображениями Попова о том, что брать Ивановское поздно и целесообразнее всего занять оборону, обложив плацдарм минами. И тут же главком решительно настаивает на взятии плацдарма.

Тем временем по приказу Попова к Ивановскому уже прибыл Бычевский с саперами.

¹ 22 октября 1941 г. право награждения орденами и медалями от имени Президиума Верховного Совета СССР было предоставлено военным советам фронтов и флотов.

² *Оборона Ленинграда*. С. 54.

³ *Ополченцы*. С. 34–35.

Бычевский: «Когда добрался под Кингисепп, там оказались и командующий фронтом генерал-лейтенант М. М. Попов, и главнокомандующий западного направления маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Они стояли за пригорком, всего в пятистах метрах от окраины села Ивановское, занятого противником. Ополченцы развернулись в цепь. Их первая попытка контратакой¹ освободить село окончилась неудачей.

Теперь шел огневой бой. Наши снаряды ложились в центре Ивановского, избы горели. Ветер временами доносил оттуда клубы дыма. В бинокль можно было разглядеть, как за изгородами на окраине передвигаются вражеские танки. Вспышки выстрелов выдавали их.

Ворошилов встретил меня неприятливо:

– Саперы всегда опаздывают.

Не обращая внимания на недалекие разрывы и свист осколков, он продолжал вести наблюдение за полем боя.

В пулеметном расчете ополченцев, расположенном поблизости, слышался негромкий разговор:

– Это же сам Ворошилов, Клим.

– Ишь стоит, словно в землю врос.

– Мне мать говорила — бывают такие люди, заговоренные от пуля.

– То пуля! А тут снаряд!..

Голос, произнесший последние слова, был густой, суровый. Чем-то он заинтересовал меня, и я обернулся в сторону говорившего. У пулемета лежал пожилой боец, весьма неодобрительно поглядывавший на группу больших начальников, стоявших во весь рост.

А Ворошилов в это время отчитывал Попова за плохую организацию артиллерийского огня:

– Какое же это обеспечение контратаки? Бьют по пустому месту, хаты жгут, а немцы уже на окраину вылезли!

– Из эшелонов только что выгрузились, товарищ маршал, — объяснял командующий фронтом. На случайных огневых позициях встали, разведки провести не успели.

– Так потрудитесь хоть теперь разобраться в обстановке. Выбить противника из села надо до ночи, пока еще он не закрепился. Сейчас там, видимо, только разведгруппа. Захватила броды на Луте и пустое село, пока вы дивизию выгружали. А ночью непременно подвоят главные силы.²

¹ Бычевский ясно говорит о контратаке. Значит, первой атаке на село Ивановское в этот день предшествовала атака немцев на Среднее Село.

² Последние две реплики по логике развития событий должны относиться к 14 июля; именно этим днем, хотя и не впрямую, и датирует свой визит на позицию Бычевский. Однако танков 14 июля у ополченцев еще не было, а значит, и Попов с Ворошиловым прибыли на плацдарм только 15 июля. Таким образом, здесь опять мы видим вольную или невольную сдвигу событий на сутки вперед.

Попов пошел к танкистам и вдруг сам решил боем разведать силы противника. Ворошилов не успел остановить его, только махнул рукой и выругался:

– Вот черт!..

Танк командующего получил повреждение, и ему пришлось вернуться с полпути. М. М. Попов вылез из башни пошатываясь. Климент Ефремович встретил его новыми упреками:

– Ты что, с ума спятил? Если в разведку ходить станешь, кто будет фронтом командовать?

Вероятно, Ворошилов забыл в эту минуту, что и сам он, наблюдая первый бой народных ополченцев, ведет себя неосмотрительно. Клименту Ефремовичу было в ту пору шестьдесят лет, а Маркиану Михайловичу — сорок. Но они, как и мы, менее опытные командиры, тогда только что начинали познавать современную войну, хотели все видеть собственными глазами.

Вскоре Главком и командующий уехали в Кингисепп. И перед отъездом Ворошилов еще раз строго-настроено приказал командиру 2-й дивизии народного ополчения уничтожить прорвавшегося неприятеля и освободить плацдарм».¹

Этот рассказ поддерживают и воспоминания Бондаря Тихона Даниловича, командира 1-го взвода БТ из роты ст. лейтенанта Ивлиева.

«Роту БТ-7 на марше встретил связной командира 1-го стрелкового полка 2-й дивизии народного ополчения майора Соколова и просил капитана Ивлиева² ускорить движение танков к селу Среднему, т. к. его занял противник. Мы ускорили движение и подошли к окраине села Среднего. Противник вел сильный артиллерийский и минометный огонь, в Среднее двинул 4 танка и две танкетки. Меткими выстрелами наших экипажей 4 танка выведены из строя, а танкетки подбиты. Гитлеровцы были выбиты из Среднего, ушли в Ивановское, но общая задача состояла в ликвидации Ивановского плацдарма.

Утром после артиллерийской подготовки меня пригласил капитан Ивлиев и указал, в каком направлении действовать. Мы находились на опушке леса села Среднего.

В атаку на Ивановское вместе с нами двинулись ополченцы 1-го полка 2-й дивизии народного ополчения. Противник нас встретил сильным артиллерийским и минометным огнем, попытка продви-

¹ Бычевский. С. 31–32.

² Ивлиев во всех воспоминаниях назван капитаном, а не старшим лейтенантом. Однако, согласно Приказа № 0225/пр. Главного управления кадров Народного Комиссариата обороны СССР от 3 декабря 1941 г., ст. лейтенант Ивлиев Николай Автономович пропал без вести 17. 7. 1941.

нуться вперед не удалась. Понеся значительные потери, полк вынужденно отошел к опушке леса».¹

Здесь снова идет речь о том, что к утру немцы, по всей вероятности, пытались расширить плацдарм, заняли не только Юрки, но и атаковали Среднее Село. То, что отбивать немцев от Среднего Села помогали танкисты, вынуждает нас сдвинуть время освобождения Среднего Села этим утром с 8-ми утра как минимум до 10-ти.

Конечно же, все это можно было бы отнести к следующим дням, если бы не продолжение этой истории, которое в устах Бондаря выглядит следующим образом.

«В это время в село Среднее прибыл главнокомандующий северо-западным направлением маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов с группой командиров, в том числе находился командующий Северным фронтом генерал-лейтенант Попов М. М. С пригорка, где стоял маршал Ворошилов, было видно, как горело Ивановское.

На окраине Ивановского появились немецкие танки, готовясь к новой атаке. Снаряды наших артиллеристов рвались в стороне.

– По пустому месту бьют, — возмутился Ворошилов.

Что-то пытался объяснить генерал Попов, но видя грозный вид Ворошилова, прекратил свои объяснения и направился к нашей машине БТ-5², сел в машину и двинулся вперед, но так как противник вел сильный артиллерийский огонь, вскоре танк попал в полосу огня и был поврежден. Генерал Попов возвратился на пригорок, где стоял маршал.

Ворошилов резко заметил генералу Попову:

– Если сам станешь ходить в разведку, то кто будет командовать фронтом?

Вскоре Ворошилов уехал».³

Я специально привожу здесь практически все найденные мной воспоминания о пребывании в этот день на плацдарме Ворошилова. Из них не только не следует, что маршал сам водил ополченцев в атаку, но даже наоборот. Выговор Попову ясно свидетельствует о том, что наш «первый маршал» все же не был настолько идиотом.

Воодушевление же войскам придавало само его присутствие, а вся его неразумность заключалась в том, что он стоял в рост на пригорке в полукилометре от позиций врага. Но он был в простом плаще без

¹ СПб. школа № 111. Музей бронетанковых войск. Архив. Приложение к воспоминаниям Домосилецкого «Танки у Ивановского», л. 13–14.

² Странно, что в воспоминаниях Попова танк БТ-5 превратился в тридцатьчетверку. Странно и другое, почему бронебойные немецкие снаряды отскакивали от лобовой брони нашего БТ-5.

³ СПб. школа № 111. Музей бронетанковых войск. Архив. Приложение к воспоминаниям Домосилецкого «Танки у Ивановского», л. 13–14.

всяких знаков различия. И узнавали его с полувзгляда только советские люди, выросшие среди плакатов и портретов своих вождей.

Вот фрагмент из воспоминаний бойца истребительного батальона Ивана Федоровича Андреева: «Под конец дня, как сейчас помню, была дана команда построиться. Не на дороге, а тут же на опушке. В это время мимо нас вперед потянулись танки, орудия. Прошло еще несколько колонн войск. Проехали броневики. Появились старшие офицеры — полковники, подполковники. Вдруг чуть ли не бегом приблизился к нам один из таких командиров, что-то приказал нашим командирам и нас выдвинули к этой проселочной дороге. Остановливается неожиданно один из броневиков и из него выходит К. Е. Ворошилов. Представьте только, чем для нас, так называемых военных, был маршал Ворошилов. Его появление вызвало в нас такой душевный подъем, радость и волнение, что под его знаменами мы готовы были идти и в огонь и в воду. Теперь нам не страшны были ни снаряды, ничто. Его броневичок был совсем неподалеку от нас. Его невозможно было не узнать. Отлично и сейчас помню: кожаная фуражка, кожаное пальто и из-под фуражки белые-белые, как снег, виски. Тут же остановились другие броневики, его сопровождавшие, и офицеры столпились вокруг маршала. Это было в несколько метров от меня, и я даже слышал отдельные слова их разговора. Он их за что-то жестко распекал, указывал рукой то в одну, то в другую сторону, и командиры разлетались выполнять приказы. Видимо, он непосредственно командовал этим наступлением. Затем он обратился к нам (мы стояли в строю по команде „смирно“) с приветственными словами:

– Приветствую вас, родина зовет, исполним свой долг.

Это было очень короткое и зажигательное обращение. Затем он на своем броневичке уехал дальше вперед. Пошли воинские части, а уже следом пристроили нас. Но шли мы не массой, а по группам, квантами».¹

Бархатов: «15. 7–1941г., прибыл т. Ворошилов, и подошли танки (кировские, двухбашенные²). <...>

Поступил приказ:

– Всем вперед!

Я со своими пушками также следовал вперед, не ожидая приказа командира дивизиона. (Кстати, мне было неизвестно, где он.)

Подошли к лесу. На опушке леса стояла группа людей. Из группы раздался голос:

– Старший! Сюда.

¹ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 17, д. 12.

² Бархатов особо отметил наличие среди прибывших танков Т-26. Если бы были КВ, он, скорее всего, обязательно обратил бы на это внимание.

Я подошел к группе и увидел, что в штатской одежде стоит т. Ворошилов, а перед ним командир дивизии полковник Угрюмов.

Ворошилов спрашивает:

– Вы командовали?

У Угрюмова неожиданно отвернулась пола плаща и показалась золотая звезда. Случайно это или нет, — неизвестно, может быть, случайно, поскольку Угрюмов был крайне встревожен. Т. Ворошилов заметил золотую звезду, махнул рукой и сказал:

– Порядка нет.

Я доложил и получил указание двигаться вперед.

Отходя, я сказал сопровождавшим т. Ворошилова:

– Вы попросите т. Ворошилова отойти в сторону. Пули свищут. Да и может быть обстрел, поскольку движутся части.

Поступил ответ:

– Нет, он не пойдет.

В глубине леса оказалась большая поляна. Около дороги горел наш подбитый танк. Двигаться вперед не пропускали. Мы развернули пушки на поляне, автомашины отправили назад. Пехота проходила вперед. Чтобы подбодрить, я подал команду, указывая направление:

– Пять снарядов. Беглый огонь!

Начали прибывать другие батареи. Они становились рядом с моими пушками. Одна батарея прибыла без командира старшего лейтенанта Розова. Он исчез и его впоследствии не нашли.

Прибыл командир дивизиона капитан Леонович и расположился во рву, метрах в 700-х сзади. Вызвал меня к себе на КП. Я доложил обстановку и приказ т. Ворошилова:

– Всю артиллерию вперед и сопровождать огнем пехоту.

Капитан Леонович ответил:

– Я знаю. А Вы, т. Бархатов, командуйте всеми пушками. Да мне о Вас мельком рассказывали, как Вы с танками расправились.

Я возвратился обратно на ОП.

После жаркого боя (но село Ивановское не было взято) к ночи пехота и танки отошли за мои ОП».¹

Итак, даже и после бодрых призывов маршала, одним своим видом вызывавшим воодушевление бойцов, предпринятые во второй половине дня атаки на село Ивановское не принесли никакого успеха, потери же снова были значительные.

Колобашкин: «Под селом Ивановское есть водный рубеж. Этот водный рубеж был в руках немцев. Там и развернулась операция. Немцев выгнали не только из Среднего села, но и еще из целого ряда пунктов. Вообще считается, что эту группу немцев наша дивизия прогнала обратно на 10 км. Заняла она Среднее село, а дальше дви-

¹ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 10, д. 1350.

гаться не могла. <...> Сколько раз мы ни ходили в атаки, ничего не получалось. Но зато и у них ничего не получалось. Сюда-то и приехал тов. Ворошилов».¹

Кошелев: «Вскоре пришли наши танки. Прибыл К. Е. Ворошилов. Он шел пешком от того места, где встретил бойцов и журил их. Бойцы возвращались к передней линии.

Когда снова начался бой, в котором участвовали танки, бойцы заняли оборонную линию на ю. окр. Среднего вокруг тригонометрической вышки.

Во время боя пр-к обстрелял этот участок. И когда, не знаю по чьему приказанию, снялась группа бойцов с переднего края, то начался [отход] и всех. Было ли это приказание — оставить позицию, я не знаю.

Это было в тот момент, когда т. Ворошилов находился в бою.²

Т. Ворошилов, выйдя после боя в дер. Среднее и увидев там скопище людей, пытался найти командира, но нашелся лишь один мл. лейтенант, который повел из Среднего бойцов.

Взяв раненых, я поехал в госпиталь, а во втором часу ночи вернулся в политотдел. Вскоре н-к 4 отд. вызвал к себе весь аппарат и отправил своих людей в полки, закрепив их там постоянно».³

Этот отчет военного корреспондента хорош тем, что благодаря ему обстановка этого дня на плацдарме становится яснее. Но еще более он хорош тем, что подтверждает воспоминания Угрюмова и Бархатова о начале второго дня боев на плацдарме. Их воспоминания обретают окончательную точность при условии устранения общей ошибки — перенесения событий на сутки вперед.

Танкисты

В этот день неполный сводный танковый полк, разделившись на два отряда, поддерживал атаки ополченцев с левого фланга на деревню Юрки и с фронта от Среднего Села на Ивановское.

Попробуем восстановить картину дня более детально. Для этого сначала обратимся к рассказам танкистов, до сих пор существующих лишь в рукописях.

¹ Там же, оп. 5, св. 593, д. 3182.

² Вот и еще одно основание мифа. Однако я не спешил бы из этого утверждения разворачивать представление о идущем впереди ополченцев с наганом в руке маршале. Во-первых, это не могло бы не запомниться многим участникам тех событий, а во-вторых, практически все комиссары и командиры, выводившие полки в атаку на этом рубеже, погибли. Здесь под словами «вышел из боя» — имеется в виду «со своего наблюдательного пункта, где было опасно стоять во весь рост».

³ ЦГАИПД, ф. 2281, д. 195.

Бельский: «Ровно через 20 минут не более¹ со штаба 2 дивизии НО прибыл командир полка капитан Свириденко и отдал приказ на марш д. Мануйлово—д. Юрки; примерно в 9.00 мы прибыли к штабу 2-го полка НО и от командира полка получили боевую задачу под-держать наступление 2-го и 3-го батальонов народного ополчения 2 дивизии НО д. Юрки».²

Киенко: «Командир полка капитан Свириденко возвратился [из штаба ДНО — В. Р.] к колонне полка. Ст. л-т Ивлиев к этому вре-мени собрал у штабной машины командиров рот. <...>

Полк вышел через 10 минут по маршруту д. Мануйлово, д. Среднее, Сяглы, до НП 2-й СПНО. На месте прибытия нам разъяснили обстоя-новку и приказали поддерживать 4-й, 5-й и 6-й батальоны пехотного полка 2-й ДНО; танковые роты расположились в пехотных цепях 5-го, 6-го и частично 4-го батальонов и заняли боевой порядок — линия; полк начал маскироваться и приступил к обороне дороги.

Все части 2-й стрелковой дивизии народного ополчения и 2-х стрелковых батальонов особого назначения МГБ разгрузились, по-лучили задачу и маршем вышли к своим позициям занимать и благо-устраивать оборону».³

Последнее предложение Киенко о полках МГБ, переключаясь с рассказом Михайлова, скрывает в себе один немаловажный момент. Истребительные полки были созданы для внедрения в тыл противника с целью уничтожения танков и живой силы противника.⁴

Военному совету Северного фронта

«Доношу, 14 июля сформированы 4 истребительных полка <...>

Из общего количества 4024 чел. личного состава полков 764 чел. пограничников и УНГБ <...>

На 4 полка выдано 6.000 литровых бутылок с горячей жидкостью.

Личный состав обмундирован и снабжен продовольствием на 5 суток. На каждый полк выданы денежные суммы в размере 30.000 рублей <...>

Сформированные полки отправлены по назначению:

1 и 2 полки по желдороме — 1 эшелон отправлен 16.15 14. 7

2 „ заканчивает погрузку

3 на автомашинах 15.30, 14. 7

4 -“- 16.30, 14. 7

¹ От момента прибытия полка на место.

² СПб. школа № 111. Музей бронетанковых войск. Архив. Осн. ф. 950/ЛБТКУКС. С. 1-2.

³ Там же. Архив. Сводный танковый полк ЛКБТКУКС. С. 14.

⁴ Только «за первую половину июля на фронт и за его линию, в тыл врага, ушло сражаться 56 500 ополченцев» (Ополченцы. С. 22).

КОМАНДУЮЩИЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ АРМИЕЙ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ Генерал майор (СУББОТИН)».¹

Судя по всему, за этими двумя свидетельствами скрывается то, что М. М. Попов два из этих четырех истребительных полков своей личной властью включил в состав 2-й ДНО.

В докладе Киенко есть описание ночного совещания в штабе ДНО, на котором присутствовали «начальник штаба дивизии, командиры всех стрелковых частей дивизии, начальник штаба арtpолка, командир танкового полка ЛКБТКУКС и сам командир дивизии полковник Угрюмов». И это в то время, когда ополченцы отбрасывали немцев от Среднего Села.

Обстановка на совещании была представлена следующим образом:

«По сведениям авиационной и агентурной разведок, известно, что 41-й моторизованный корпус, ведя наступательные изматывающие действия на лужском направлении в течение 10, 11 и 12 июля 1941 г., желаемого результата не достиг. В ночь на 13 июля командующий моторизованного корпуса генерал Рейнхардт пришел к выводу, что напрямую по Киевскому шоссе не пройти. Согласовав вопрос с вышестоящим командованием, приступил к формированию ударной группы. Эта колонна движется в нашем направлении; в 6.30 минут утра 15 июля 1941 г. колонна танков и мотопехоты была обнаружена в 40 км от р. Луга в районе Старополье.

Видимо, группа имеет в виду задачу форсировать р. Лугу примерно в 7.30 м. утра и сходу прорвать оборону и выйти на Таллинское шоссе...»

Здесь, возможно, приведено действительное представление событий на тот момент.

В таком случае злость Ворошилова обретает реальную почву. Если вся дивизия еще где-то в лесу и ее основные силы сдерживаются курсантами и бойцами 191-й стрелковой дивизии у Старополья, то на плацдарме должна быть лишь передовая разведгруппа. По представлению Ворошилова — это не больше роты.

Однако главнокомандующий направлением должен был знать содержание поданного накануне, т. е. 14 июля, донесения оперативно-дежурного Северного фронта капитана Щеглова² о том, что уже к 14.00 «по данным нашей авиации <...> до 70 танков форсировало р. Луга в районе Поречье». 70 танков — это уже полк, а не рота.

Но если даже маршал посчитал эти данные преувеличением, все равно, находясь во время атак на село Ивановское в полукилометре от последнего, он не мог не заметить, что на плацдарме есть не толь-

¹ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 93, л. 47-48.

² Там же, д. 178, л. 10.

ко танки, но еще и артиллерийская батарея, и бронетранспортеры. Так что даже если принять за исходное, что мотострелков была всего рота (на самом деле батальон), то у этой роты был совершенно очевидный и неслабый довесок. А если еще учесть сложность подходов к селу, большой водоем перед ним, множество кирпичных зданий и, что немаловажно, подготовленные фортификационные сооружения, то можно смело утверждать — маршал горячился напрасно.

Далее майор Киенко приводит «Приказ на бой»: «Всем командирам стрелковых частей — командиру 1-го стрелкового полка майору медицинской службы тов. Добрякову,¹ командиру 2-го стрелкового полка воентехнику I ранга тов. Лифанову, командиру 3-го стрелкового полка майору Бодрицкому,² командирам 2-х стрелковых батальонов МГБ — занять оборону в указанных местах. Поставить наблюдателей и разведчиков за противником. Глубоко и хорошо окопаться. Оседлать дороги и заминировать их в возможных путях обхода. Все огневые средства и их огонь сосредоточить по дорогам, идущим на Ленинград, на Таллинское шоссе. <...> О всех действиях противника немедленно докладывать в штаб дивизии...»

Аналогичные приказы были даны командиру артполка Хачатуряну, командиру сводного танкового полка Свириденко. В результате, согласно докладу майора Киенко, получается, что речь шла уже только об обороне. Возможно, в таком случае, на это утреннее совещание наложилось утреннее совещание следующего дня.

Далее идет описание боевых действий полка.

Киенко: «К д. Юрки идут 3 проселочные дороги; одна — д. Юрки — с. Ивановское — грунтовая, сельская лесная дорога шириной до 4-х метров, длиной — 3 км. Другая — д. Юрки — д. Сяглы — грунтовая, сельская лесная дорога шириной до 4-х метров, длиной — 4 км. Третья дорога сельская, грунтовая идет среди леса, а затем среди болотистого кустарника и выходит к мосту через р. Лугу, ширина до 4-х метров, длина — 2 км.

2-й стрелковый полк ополченцев занял оборону. Левый фланг исключительно 2 км д. Белые ключи, правый фланг д. Поречье включительно 2 км. Итого ширина фронта 5 км....

Проселочная дорога д. Сяглы — д. Юрки, проезжая часть которой проходит по нашей территории, заминирована саперами 2-й ДНО.

¹ Из этого можно заключить, что майор Добряков утром 15 июля еще числился командиром 1-го СП.

² Здесь ошибка: командиром 3-го СП был майор Бедрицкий П. И.

В выбранных секторах вдоль дороги поставлены подбитые в бою танки с исправленными пушками.¹ Личному составу пехоты и танкистам была поставлена конкретная задача — стоять насмерть, не пропустить немцев на Таллиннское шоссе. Личный состав надежно окопался и укрылся и ожидал дальнейших указаний».

Как видим, продолжение доклада еще более склоняет к тому, чтобы перенести его действие как минимум на 16 июля. Или же так именно и должен был закончиться день 15 июля. Однако далее идет описание атаки на Юрки, которая проводилась именно в этот день.

«Командир полка уяснил обстановку и принял решение атаковать противника, в 10.00 отдал распоряжение на атаку.

Пехотные цепи и танковые роты начали атаковать противника. Мы вновь обрели уверенность и способность мыслить. Над Юрками в это время разнеслось русское „ура“. Мы продолжали наступать, обнаруживать и засекать крупные цели противника, танки, пушки, автоматчиков, крупные скопления войск — пехоты и т. д. <...>

Комиссар полка — ст. батальонный комиссар Гусев — в 1940 г. окончил Военно-политическую академию им. М. В. Фрунзе, — имевший боевой опыт в Испании, хорошо, даже уверенно, ориентировался на поле боя. Гусев разгадывал премудрости маскировки противника. Так этот танк, в котором находился Гусев, засек и уничтожил один немецкий танк Т-3, который после первых выстрелов загорелся. Экипаж успел десантироваться и сразу же попал под огонь нашей пехоты, а наши танки после выстрела стремились менять огневые позиции.

Комиссар Гусев, наблюдая за противником, вдруг увидел в боевой готовности немецкую полевую пушку 75 мм. Все внимание экипажа немедля было сосредоточено на полевой пушке. Первым осколочным снарядом был уничтожен весь расчет, а двумя другими снарядами была уничтожена пушка.

Мы быстро изменили позицию, танк вышел на возвышенное место, став среди кустарника, впереди нас прикрывали и маскировали 3 дерева. Наблюдать за противником было удобно, цели себя обнаруживали, мы их уничтожали; так Гусев засек и уничтожил 2 ротных миномета. Не меняя позиции, танк Гусева обнаружил и уничтожил пулеметы, которые противник сосредоточил на главном направлении.

Противник старался как можно быстрее подвезти пехоту, чтобы усилить позицию.² Наблюдая за полем боя, Гусев увидел. <...> 3 автомашины с пехотой примерно 60 человек. Не меняя огневой позиции Гусев начал их расстреливать и уничтожил. Гусев сосредоточил все

¹ Это могло иметь место не ранее 16 июля. Танкисты по ночам готовили поврежденные танки к выполнению таких задач только в тех случаях, если машины не удалось транспортировать в тыл.

² Вероятно, здесь имеется в виду бронетранспортерная рота Бенке.

внимание на машинах, но просмотрел в суматохе замаскированную противотанковую 50-мм пушку.¹

Расчет противотанковой пушки обнаружил наш танк и открыл прицельный огонь. Снаряд попал в танк и внутри его разорвался, осколками <...> были тяжело ранены все находящиеся в танке и комиссар Гусев. Танк БТ-7 загорелся, все тяжелораненые не смогли покинуть танк...»

Бельский: «Справа от нас наступала 2-я танковая рота БТ-7, с ней в одном из танков шел в бой наш многоуважаемый комиссар полка, награжденный в боях за боевую службу Родине 2-мя орденами „Красного Знамени“ и взвод, где находился комиссар полка Гусев Дмитрий Николаевич, попал под обстрел противотанковой батареи, один из снарядов попал в танк и разорвался внутри танка <...> никто из членов экипажа не смог десантироваться, и все погибли (сгорели)...»²

Я специально привел здесь еще одно свидетельство гибели комиссара Д. Н. Гусева, о котором в «Мемориале» выложен документ следующего содержания:

«Гусев Дмитрий Николаевич, батальонный комиссар, военком танкового полка Лен. Краснознамен. КУКС, пропал без вести 7. 8. 1941 года».³

Таким образом, даже такой, казалось бы, однозначный факт, зафиксированный в воспоминаниях участников сражения, не позволяет нам однозначно сориентироваться в происходящем.

Киенко: «После боя весь экипаж танка и комиссар полка Гусев были похоронены в одном из мест недалеко от д. Юрки.

Командиру взвода л-ту Духовскому была поставлена задача уничтожить справа по фронту атаки 50-мм противотанковую пушку и недалеко от нее 3 обнаруженных пулемета в цепи обороны. Противотанковую пушку мы обнаружили быстро и быстро ее уничтожили, когда внимание ее расчета отвлекли наши другие танки. В это время ее уничтожил осколочным снарядом л-т Духовской. Здесь же л-т Духовской уничтожил 2 пулемета, по третьему сделал 2 выстрела, но пулемет вновь начал стрельбу. Л-т Духовской изменил огневую позицию и вышел в кустарник около дороги и оттуда сделал 2 выстрела в сторону пулемета, но в это время наш танк был поражен снарядом противотанковой пушки. Л-т Духовской был тяжело ранен. Экипаж десантировался и прибыл в часть, с поля боя вынес тяжелораненого л-та Духовского, который от ран и потери крови вскоре скончался.

¹ Других свидетельств того, что батарея противотанковых 50 мм пушек (12 штук) майора Рэмхилда была в это время на плацдарме, мне обнаружить не удалось.

² СПб. школа № 111. Музей бронетанковых войск. Архив. Осн. ф. 950/ЛБТКУКС. С. 1–2.

³ ЦАМО, ф. 33, оп. 11459, д. 53.

Л-т Бельский получил приказ обойти д. Юрки слева. Вышел на опушку леса. Местность была пересеченной, изобиловала оврагами. Пересек овраг и вышел на свой маршрут, поднялся в лес и около дома замаскировал танк. Стал вести наблюдение. Вдруг механик-водитель Ломакин доложил, что по оврагу¹ движется в сторону д. Юрки около роты немецких танков Т-3».

Здесь приведем фрагмент из воспоминаний самого Бельского.

«Я получил приказ наступать на левом фланге роты. При обходе д. Юрки слева мой механик-водитель БТ-7 Ломакин Иван Федорович внезапно обнаружил, что по оврагу-балке идет в направлении д. Юрки около роты немецких средних танков Т-3, о чем немедленно доложил мне. Я оценил обстановку и принял решение вести бой. Противник, не замечая нашего движения, продолжал совершать марш к д. Юрки.

Первым выстрелом я поджег 1 танк противника Т-3, идущий впереди колонны, затем я перенес огонь на хвост колонны и поджег последний танк Т-3 вторым выстрелом, а потом поочередно поджег еще 2 танка Т-3, и вдруг у меня отказал клин пушки, и я принял решение таранить оставшиеся танки противника Т-3 своим танком БТ-7. Я приказал механику-водителю Ломакину И. Ф. таранить фашистские танки, что Ломакин и сделал, таранил 2 танка, а последний под № 43 мы таранить не стали, так как его экипаж десантировался и сбежал в лес...»²

Этот эпизод боя за деревню Юрки 15 июля не должен вызывать сомнений, так как имеется несколько подтверждений его истинности. Об этом тогда писали в наших газетах, а танк за № 43 демонстрировали на дворцовой площади как первый трофей.

Сохранился в архиве и рассказ самого Ломакина об этом бое, но он ничего существенного к рассказу командира не добавляет.

Вернемся к докладу майора Киенко.

«Механик-водитель танка БТ-7 Ломакин сходу своей машиной вперые в истории Великой Отечественной войны осуществил таран немецких танков. Всего в этом бою л-т Бельский и Ломакин уничтожили 7 немецких танков Т-3 и 1 бронемашину. Вскоре л-т Бельский и политрук роты Собченко были тяжело ранены и отправлены в военный госпиталь Ленинграда».

Это прекрасная прелюдия к бою роты тяжелых танков Зиновия Колобанова, имевшему место неподалеку от плацдарма месяц спустя.

¹ По всей видимости, тот самый овраг, который Раус считал прекрасной защитой от наших танков.

² СПб. школа № 111. Музей бронетанковых войск. Архив. Осн. ф. 950/ЛБТКУКС. С. 1-2.

Но в том, что это был первый танковый таран в истории Великой Отечественной войны, майор Киенко ошибается.

Исаев приводит по этому поводу интересное свидетельство немцев из первых дней боев.

«По свидетельству Ритгена, на этом этапе сражения в группе Зекендорфа еще не было 88-мм зениток. Это подтверждается документами ХХХХI корпуса, в его ЖБД в 6.30 24 июня отмечается: „Боевая группа Зекендорфа вынуждена перед началом собственного наступления отразить мощную танковую атаку противника. Поскольку у нее нет в достаточном количестве оборонительных средств, особенно тяжелых зениток, положение там становится угрожающим. Атаку удастся отбить, за исключением сверхтяжелых танков, которые беспретятственно уничтожают много наших машин, тараня и давя их“¹.

И еще немного далее.

«Обращает на себя внимание тот факт, что участники боев 24 июня с немецкой стороны в один голос твердят о таране как основной тактике советских танкистов. Ритген вспоминал, что танк командира роты был протаранен КВ и опрокинулся, командир роты был ранен. В журнале боевых действий 6-й танковой дивизии относительно тактики действий новых танков отмечается: „Свое вооружение — 4,5-см, 7,5-см и 2 пулемета — они используют редко. 3,7-см и 5-см ПТО они уничтожили, просто раздавив“². Как тут не вспомнить апрельский доклад в ГАБТУ о состоянии 3-го мехкорпуса. Похоже, что штатных 76,2-мм снарядов к танковым орудиям во 2-й танковой дивизии так и не появилось»³.

Впрочем, таран, произведенный не танком КВ, а танком БТ, возможно, был в этой войне и в самом деле первым.

Но продолжим описание боя 15 июля за деревню Юрки.

Киенко: «Мл. л-ту Мезенцеву была поставлена задача на уничтожение прорвавшихся танков врага на дороге, ведущую на Таллиннское шоссе и на Ленинград. Мезенцев приказал механику-водителю пересечь овраг и выйти наперерез противнику. Вдруг левая гусеница танка была разбита, и танк сполз в овраг с разбитой гусеницей. Мы продолжали наблюдать и увидели, что по дороге идут танки, пересекая овраг в направлении на Таллиннское шоссе. Я принял решение вступить в бой и уничтожил 1 танк Т-3, который здесь же загорелся. Идущий правее меня в 50–60 м л-т Морозов,⁴ тоже увидел танки противника, также открыл огонь и уничтожил 1 танк противника Т-3, который также загорелся, остальные танки ушли. Минут через 15 к

¹ NARA, t 314, r 979, f 290.

² NARA, t 315, r 323, f 016.

³ Исаев, 2011. С. 92–95.

⁴ лейтенант Морозов А. А. был командиром 4-й роты, имевшей, согласно представлению самого же Киенко, 10 танков Т-26.

подбитым танкам подошли броневомобиль и 2 мотоцикла и начали выяснять обстановку <...> мы их тоже уничтожили. Как потом нам рассказали, это была разведка противника, которая определяла проезд по дороге и наличие наших войск. После боя мы примерно час провозились с натяжкой гусеницы, а затем возвратились в часть»¹.

Таково описание боевых действий полка за 15 июля, представленное майором Киенко. Из этого описания многое остается совершенно непонятным.

Из составленного по горячим следам отчета майора Беспрозванова складывается совершенно другая картина.

«Танки полка разбиты на две группы: одна группа танков БТ-7, тяжелые и средние под командой полковника Бубина. 2 группа танков Т-26 и БТ под командой подполковника Кононова. <...>

15.7 танковый полк поступил в распоряжение командира 2 ДНО — полковника Угрюмова и в 19.00 15.7 вступил в бой.

Задача: совместно с частями 2 ДНО действовать в напр. Юрки-Ивановское, прижать противника к реке, отрезать пути отхода и уничтожить его.

На правом фланге — Ивановское — действовала 4 рота БТ ст. лейтенанта тов. Ивлиева Н. А. и рота тяжелых танков лейтенанта Русакова Н. В.²

На левом фланге — Юрки — действовали танки БТ лейтенанта Власенкова И. Л. и лейтенанта Палкина М. Н., 1 танк Т-34 и 3 рота БТ под командой лейтенанта Духовского М. Г.

В результате атаки противник был частично отброшен из Юрки, но этот успех не был закреплен нашей пехотой, составленной из бойцов народного ополчения (2 ДНО). Кадровых частей на участке не было.

Потери: 2 танка БТ-7, 3 танка Т-27, 1 танк Т-34 и 1 БА. <...>

Убиты: мл. л-т Ерофеев, зам. политрука Мельник, лейтенант Власенков, м. сержант Милаш, м.ком. Кузьмин, к-ц-водитель Блидер И. П., мл. серж. Николаенко и кр-ц Ковалев.

Раненые: лейтенант Духовской М. Г.— по дороге в госпиталь скончался, м. серж. Бочаров, мл.политрук Ботин, лейт. Бельский А. М...»³

Указание на то, что в бою принимала участие рота лейтенанта Русакова, скорее всего, свидетельствует о том, что это происходило уже 16 июля. Беспрозванов не знал этих подробностей, а даты гибели и ранения офицеров полка в Донесении полковника Бубина начальнику управления кадров РККА даны обобщенно — убиты и ранены

¹ Вероятно, все же не в часть, а на исходные позиции.

² Этот пункт отчета вызывает вопрос (см. далее).

³ ЦАМО, ф. 217, оп. 1283, д. 11, л. 101.

с 15 по 17 июля.¹ Так что и это не позволяет «поймать» точное время описываемых эпизодов. Есть и еще одна странность. Отчитываясь перед командиром полка о своих действиях за прошедший период боев, никто из офицеров не рассказал Беспрозванову о гибели комиссара Д. Н. Гусева, в результате чего с момента составления отчета и до сих пор Гусев так и числится пропавшим без вести.

В своем отчете Беспрозванов отметил, что «боевой дневник действий полка не велся» и, ссылаясь на слова командиров рот и взводов, высказывал упрек в том, что конкретные задачи не ставились, и взаимодействие с пехотой увязано не было. Как видим, дело обстояло не совсем так. Дневник боевых действий действительно не велся, но задачи ставились, и попытки увязать действия танкистов с пехотой были. Однако пехота действовала настолько неумело, что это можно было приравнять к фактическому ее отсутствию. Но это уже вопрос другого порядка — правомерности использования в полнокровных боевых операциях вместо кадровых воинских соединений гражданских лиц. Да, они были в большинстве своем храбры и добросовестно выполняли свой долг. Но они просто не умели этого делать.

Финал дня

Обратимся к воспоминаниям командира 2-й ДНО.

Угрюмов: «Приведа в порядок подразделения, во второй половине дня мы вновь попытались штурмовать Ивановский плацдарм. Бойцы сражались храбро. В передовых цепях находились коммунисты, политработники полка. Но и эти наши атаки не принесли успеха. Противник прикрыв плацдарм сильным артиллерийским и минометным огнем, с флангов контратаковали его автоматчики.

Ополченцы несли потери. Погибли многие командиры. Геройски пали на поле боя комиссар полка А. С. Константинов,² парторг В. Наумов, комсорг Михаил Косорымов».³

«Начались боевые действия и на других участках. Противник предпринял наступление на флангах, пытаясь выйти в наш тыл. Захватив деревню Юрки, он легко мог это сделать.

Чтобы сорвать замысел гитлеровцев, второй полк под командованием В. С. Лифанова, выгрузившись из эшелона, совершил маршбросок под Юрки и вступил в бой.

¹ ЦАМО, ф. 33, оп. 11458, д. 6.

² Вот еще одно вполне авторитетное свидетельство, которое поддерживается документом из «Мемориала». И для нас это очень важно — Константинов Архип Спиридонович погиб 15. 7. 1941. Однако тот же архив удивляет и в этом случае, в другом документе «заявляя» о том, что Михаил Косорымов пропал без вести.

³ Кринов. С. 54.

В деревне Забелье ополченцы натолкнулись на заслон автоматчиков. Опрокинув его, наши подразделения подошли к Юркам и стали обходить деревню с двух сторон.

Фашисты встретили атакующие роты ураганным огнем. Над позициями появилась вражеская авиация¹, заговорила артиллерия. На полпути к деревне ополченцы были остановлены. Но на помощь пришли наши артиллеристы. Поддерживаемые орудиями первого дивизиона, подразделения второго и третьего полков стремительной атакой освободили деревню Юрки».²

«К вечеру мы вынуждены были прекратить атаки и перейти к обороне.

В течение 15 июля подходили последние эшелоны дивизии. Выгрузился дивизион гаубичного полка. Мы начали подготовку к новым боям: все хорошо понимали, что противник будет расширять плацдарм».³

«Я вернулся в Веймарн на свой командный пункт.

Туда подошли последние эшелоны дивизии. В течение 15 июля 2-я ДНО полностью сосредоточилась в указанном ей районе на реке Луге».⁴

Описанное Угрюмовым происходило именно в этот день. Потому что именно в этот день погибли три комиссара, раз за разом поднимавшие ополченцев в атаку. В биографии сына одного из них контр-адмирала Владлена Наумова есть такие строки:

«Коммунистам предоставлялась единственная привилегия — первыми подняться из окопа. Какой же он надежный и верный друг, окоп, когда тебе надо выходить под ураганный огонь, а воздух пронизан сталью и собственное тело кажется таким крохотным и уязвимым! „Коммунисты, вперед!“ — с этим боевым кличем поднимался навстречу врагу вчерашний редактор многотиражной газеты „Электросила“, секретарь партийного бюро 1-го полка 2-й дивизии народного ополчения Василий Наумов. В одном из боев он был тяжело ранен.

Придя в сознание, он все просил меня:

– Сестра, я Наумов, редактор с „Электросилы“, сообщи, пожалуйста, нашим, не забудь, — вспоминает бывшая медицинская сестра Агния Ивановна Хаблова. <...>

Дело в том, что он попал с другими ранеными к медикам не своего, первого, полка, а к соседям, так я понимаю теперь, почему он все твердил про „Электросилу“.

¹ Упоминание о появлении в этот день над плацдармом вражеской авиации требует отдельной проверки.

² *Ополченцы*. С. 36.

³ *Кринов*. С. 54.

⁴ *Ополченцы*. С. 35.

Жаркий день. Кустарник возле села Ивановское. Там под грохот канонады Наумов умирал, до конца выполнив свой воинский долг, долг коммуниста и человека.

Крепко запомнился Агнии Ивановне политрук, твердивший в бытность:

– Передай нашим с „Электросилы“...»¹

По всей видимости, тогда Агния Ивановна не посчитала это особенно важным. Да и не до того было. Однако мл. политрук 1908 года рождения Василий Григорьевич Наумов беспокоился не зря. Не досчитавшись в родном полку, его записали пропавшим без вести. Так и числятся до сих пор Василий Наумов и Михаил Косорымов пропавшими без вести в июле 1941 года.

Воспоминаниям командира вторят и воспоминания комиссара.

Колобашкин: «Следующий этап активных операций был уже к вечеру 15 июля 1941 года.

Тов. Угрюмовым была поставлена задача. Задача эта была разъяснена по полкам. Задача состояла в следующем: выбить немцев из села Ивановское. <...>

Расстояние между Средним селом и селом Ивановское было 5–6 километров. Вот здесь и развернулись боевые операции. Сколько раз мы ни ходили в атаки, ничего не получалось».²

Обратимся для полноты представления обстановки этого дня к воспоминаниям рядовых ополченцев.

Клинов: «В пути батальон миновал стоящие на обочине танки. Из открытой башни по пояс высунулся командир со звездой Героя Советского Союза на груди. Он улыбнулся и крикнул вдогонку:

– Только не робеть, ребята!

К вечеру колонна остановилась. Мы расселись на бревнах, сваленных у дороги. Из-за леса доносились винтовочные выстрелы и короткие автоматные очереди. Вперед прошла группа командиров во главе с генералом. Вид у них был озабоченный.

Нас нагнали танки и встали неподалеку. Кто-то завел разговор с танкистами. Они рассказали, что впереди за лесом деревня Юрки. Там враг. Мы должны выбить фашистов.

Мимо нас в тыл прошли красноармейцы. Они были предельно утомлены. Некоторые ранены, на грязных, мокрых от дождя повязках яркими пятнами запеклась кровь.³

Танкисты захлопнули люки, и машины, набирая скорость, двинулись дальше. Командир роты лейтенант Гудков развернул взводы

¹ Наумов В. В. Что не подвластно времени. Часть 4. Отец.

² ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 5, св. 593, д. 3182.

³ Что это были за красноармейцы? Присланный из 191 СД на поддержку ополченцам полк? Или все еще отходящие отдельные группы 111 СД?

в цепь и повел нас через редколесье на запад. С громким криком „ура“ мы почти бежали вперед, плечом к плечу, стараясь не потерять соседа.

На опушке леса фашисты встретили нас плотным минометным огнем. Оглушенные разрывами, бойцы бросились на землю. Цепь разорвалась. Кто-то попятился назад. Послышались крики: „Санитара!“

Я увидел первого раненого из нашей роты. Он шел прямо на меня неверными, заплетающимися шагами, держа на весу перебитую руку. Раненый ни о чем не просил, только глухо стонал.

Недалеко от меня оказался Г. И. Головачев. Он был спокоен, хотя лицо его побледнело. Георгий Ильич старше, опытнее, рядом с ним я почувствовал себя увереннее.

— Вперед! Раненых перевяжут сандружинницы.

Перебегая от дерева к дереву, мы вышли из-под минометного огня и оказались на краю леса, где скапливались отдельные группы ополченцев. За нешироким полем горела деревня, до которой нам предстояло добраться.

Сейчас уже невозможно назвать всех, кто в своем первом в жизни бою (который представлялся нам совсем не таким, каким оказался) — в грохоте огня, в отблесках пожарищ — сумел пройти нелегкие триста метров, отделявшие лесную опушку от горящей деревни. Многие из них служили в нашем студенческом взводе, но вспоминают и танкиста, машину которого подбили в бою, — он повел вперед подразделение ополченцев, — рассказывают о девушке-сандружиннице, поднявшей бойцов для броска через поле и погибшей во время атаки.

Деревня догорала. Фашистская артиллерия вела такой плотный огонь, что ополченцы вынуждены были залечь.

В темноте роты были собраны в лесу и отведены в соседнюю деревню. В полном составе взвод собрался лишь утром. Не было только Юры Лопина, который накануне был тяжело ранен, выпускников ЛИСИ Макса Финкельштейна, раненного осколком мины, и Михаила Фирсова, погибшего во время боя».¹

Этот рассказ точно относится к 15 июля. Погибшая девушка-сандружинница, скорее всего, и есть та самая, которую нашли на следующее утро рядом с комиссаром Константиновым. Обнаружив, что комиссар уже мертв, она решила поднять бойцов в атаку сама и упала тут же рядом. Жаль, никто не вспомнил об ее имени.

Вот и неведомый танкист со звездой Героя Советского Союза на груди. Но те, кто хотя бы однажды получил какую-нибудь награду, бесследно не исчезают. Среди преподавателей ЛКБТКУКС был только один Герой Советского Союза — старший лейтенант Степан Петрович Комлев. Комлев родился 8 апреля 1919 года в деревне Подлитовье Новгородской области Крестецкого района. Звание Героя полу-

¹ Ополченцы. С. 71–72.

чил по Указу от 11 апреля 1940 года за участие в боях на Карельском перешейке. К сожалению, гвардии капитан Степан Петрович Комлев, будучи уже командиром танкового батальона, погиб 10 октября 1944 года, совсем немного не дотянув до великой победы.

Рассказ Клинова поддерживает Шутов: «В лесу, под деревней Юрки, наш батальон обстреляла „кукушка“ — вражеский лазутчик с автоматом. В первый момент, когда воздух зашелестел над головой и около ушей, мы без команды залегли по кюветам. Но команда наших командиров быстро привела нас в чувство. А команда приказывала нам идти в первую штыковую атаку. Атаку на невидимого врага. Да! Это была атака новичков. Полтора километра бегом по лесу с криками „ура“, с винтовками наперевес, мы проскочили темпом „100-метровки“.

Я и мой друг Костя Лебедев, выскочив на опушку, увидели пылающую деревню¹, а с чердака ближайшего дома мелькание огоньков выстрелов. Мы залегли в канаве, изготовились и начали вести огонь по открытой двери чердака. В это время из-за кустов на нас пополз легкий немецкий танк с противным паучьим крестом на башне. Мы с другом замерли, но не испугались, а только сжимали винтовки и скрипели зубами. Не было ничего, чем мы могли бы принести вред этой ползучей гадине — ни связок обычных гранат, ни противотанковых, ни бутылки с горючей жидкостью. „Лимонками“ мы только поцарапали бы краску. Ввиду того, что мы находились в метре от гусениц танка, в мертвой зоне его поливающих свинцом пулеметов, то наша первая „партия“ закончилась вничью. Наши товарищи на другом фланге все-таки вскочили в деревню, закончили дело и немцы вынуждены были отступить из Юрков.

Вечером, когда мы собрались вместе, то не досчитались в своих рядах двух-трех ребят... (Фирсов — погиб, Лопин и Финкельштейн — ранены). За Юрки мы заплатили сполна».²

А вот фрагмент воспоминаний Лопина: «Так мы дождались очередной команды: снова построились в колонну и часам к 17 подошли к месту своего назначения. Нас обгоняли легкие танки — амфибии и колонны кадровых подразделений».³

В непосредственной близости, в лесу, шел сильный бой. На наших глазах, на опушке леса, подразделения развертывались в боевые порядки и с криком „ура“ вступали в лес.

¹ Как видим, деревня еще была целой, но уже горела.

² ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 17, д. 40.

³ Опять любопытные детали. Из этого воспоминания следует, что в атаке также принимала участие разведрота сводного танкового полка ЛКБТКУКС. А также из этого воспоминания становится ясно, что атака на Юрки начиналась из-под Среднего. Села.

Невдалеке от нас прошла группа генералов и офицеров, что-то живо обсуждая. Нам сказали, что среди них был маршал Ворошилов.

Мы ждали свой черед, расположившись на небольшой полянке. Вели громкие разговоры, слышался смех. Видя оживленные, смеющиеся лица, я подумал о том, что мои товарищи никак не похожи на бойцов, которые через несколько минут пойдут в бой.

Вдруг над нашими головами, как стайка невидимых птиц, просвистела пулеметная очередь, видимо, мы были в пределах обзора с вражеских позиций, а может быть, это была шальная очередь. Все, в каком положении были, в том и повалились на землю.

И, странно, даже после этого все поднимались с хохотом, отряхиваясь. Видимо, смеялась сама молодость, которая не думает об опасности. Кто-то сказал:

– Ребята, а ведь после боя, мы, наверное, многих не досчитаемся. И все лица сразу же стали серьезными.

Подошел командир взвода и приказал:

– Командирам отделений назначить связных, взводу развернуться в цепь и держать со мной связь!

Я назначил связным Игоря Клинова.

Товарищи почувствовали серьезность момента. Растерянности не было. На лицах было видно выражение решительности. Страх не чувствовалось.

Мы развернулись в густую цепь, на той же опушке, где и наши предшественники, но по команде приняли несколько правее. Больше команд мы не слышали, т. к. ружейная, минометная, автоматная, пулеметная и артиллерийская стрельба все заглушила. Мы двинулись почти плечом к плечу с винтовками наперевес.

Рядом со мной шел Саша Петров со снайперской винтовкой (он был ранее подготовленный снайпер). Довольно густой лес попутал наше построение. Мы шли не останавливаясь, на сближение с противником, перешагивая через раненых и убитых.

За поредевшим лесом горела деревня Юрки. В просветы дыма неясно была видна окраина деревни, откуда немцы вели адский огонь. Мы залегли и, стреляя, продвигались вперед короткими перебежками. Немцы вели автоматный огонь разрывными пулями, которые в кустах производили оглушительный треск. В воздухе визжали мины, падали, швыряя тучи осколков. Я лежал на ровном месте, окапываться было не время.

Оглянувшись, я понял, что зарвался. Рядом, справа, несколько позади, лежали двое бойцов с соседнего взвода с пулеметом Дегтярева. Из своего отделения никого не было видно, видимо, приотстали. Мы лежали, хорошо замаскированные от немцев кустами.

Глядя вперед, у развилки трех сосен, метрах в ста двадцати, по вспышкам, я различил немецкий пулемет, который вел огонь в направлении правее нас. Обернувшись, я махнул рукой нашим пуле-

метчикам, они подползли. Указав им цель, я приказал вести огонь. Тщательно прицеливаясь, я так же расстрелял всю обойму. Немцы отлично маскировались, стреляющих у пулемета, сколько я ни вглядывался, было не видно. Однако их пулемет замолк. Вдруг сзади себя я услышал крик. Оглянувшись, я увидел окровавленное лицо пулеметчика, ему касательным ранением оторвало нос. Второй номер, перевязав его, выпустил еще несколько (коротких) очередей, после чего попятиться за кусты, и я их больше не видел.

Откуда-то слева летели пули. Лежащий слева, метрах в десяти стрелок, вскрикнув, замолк без движения. Я внимательно осмотрел высокие деревья, стоявшие слева, метрах в восьмидесяти, и заметил в листе одного из них движение какого-то темного пятна. Меня прикрывал куст. Я понял, что это „кукушка“. Дослав патрон, я тщательно прицелился и выстрелил. Автоматный огонь прекратился. Выбросив гильзу, я заметил, что обойма кончилась. Перевернувшись на правый бок, левой рукой полез в патронташ за новой (обоймой). В этот момент по руке и бедру, как будто бы ударили топором. Я понял, что ранен. Индивидуальный пакет, приложенный к ране, намок кровью; для перевязки он был мал.

Из вещевого мешка я достал полотенце, свернул его в несколько раз, приложил его к бедру и туго затянул поясным ремнем. Но кровь не остановил. Я почувствовал, что брюки, белье, обе рубахи пропитались кровью.

Видимо, я лежал на нейтральной зоне: сильный огонь вели с обеих сторон. Немцы засыпали целыми сериями мин. Я почувствовал, если не получу помощи, то для меня будет конец. Не скрою, здесь я почувствовал страх. Вся предыдущая жизнь промелькнула в моем сознании. Повернув голову в сторону своих, я начал кричать, чтоб прекратили огонь, но шум был такой, что, видимо, никто меня не слышал. Вдруг справа зашевелился куст, я увидел [имя и фамилия зачеркнуты другими чернилами], он лежал неподвижно, я посчитал, что он ранен, и спросил его, но он с бледным лицом не двигался и молчал. Я несколько раз окликнул его, прося помочь, но он отвернулся. В глазах у меня от потери крови стало темно, но сознание я не потерял.

После ранения по моим расчетам прошло несколько часов. Видимо, немцы оставляли Юрки, т. к. огонь заметно утих.

Из кустов в рост вышел Миша Угольников и Бома... Они бежали ко мне. Я от радости попытался даже подняться, но в глазах потемнело, и я почувствовал, что сил нет.

Миша участливо спросил, как я себя чувствую? Я отвечал, что хорошо, но идти не смогу.

Они раскатали мою шинель, положили меня на нее и волоком потащили в лес. Подошел третий товарищ, кажется Иосиф Донской, который взял мою винтовку.

Бой затих, изредка раздавался выстрел. Немцы оставили Юрки, об этом с жаром рассказывали подходявшие товарищи. Когда их сошло несколько человек, меня уже несли на шинели. Бома сказал мне, что я – герой и он мне завидует, товарищи поддержали его. Я ответил ему, что героизма в этом никакого нет, а им я очень благодарен за помощь и дружбу.

Все мы испытывали огромное чувство дружбы, рожденное в бою.

Так разговаривая, они донесли меня до передового медицинского пункта, расположенного на лесной поляне. Сотни раненых лежали прямо на земле. Принял меня от товарищей военврач, в петлицах которого я заметил один ромб. Он осмотрел мои раны и приказал перевязать.

Товарищи простились со мной, пожелали мне скорого выздоровления и ушли разыскивать свою роту. Больше я с ними никогда не встречался, хотя знаю, что многие из них живы и здоровы.

Ранение было тяжелое — автоматная очередь из десятка разрывных пуль. Немцы отступили, поэтому я остался жив. Раненых грузили на грузовые автомашины и всю ночь везли проселочными дорогами до г. Веймарна.¹

Пока из всех воспоминаний и документов стало ясно лишь то, что проводившиеся с самого утра и до позднего вечера атаки на Ивановское и Юрки увенчались успехом только относительно Юрков. При этом потери наши понесли значительные. Немцам же гораздо больше беспокорства, чем атаки ополченцев, даже поддержанные танками и артиллерией, причиняли воздушные налеты.

Исаев: «По итогам дня немецкое командование оценивало обстановку в воздухе как достаточно серьезную. В ЖБД ХХХХI корпуса указывалось: „В телефонном разговоре начальник штаба корпуса требует у начальника штаба ТГр в качестве предпосылки дальнейшего наступления корпуса организацию достаточной воздушной поддержки“.² Танкистам было предложено подобно Мюнхаузену вытаскивать себя самостоятельно за косицу из болота — захватить для Люфтваффе аэродром в Гдове. Для захвата города и аэродрома была выделена 36-я моторизованная дивизия. Она вышла к Гдову утром 16 июля. Дробление сил корпуса Рейнгардта приобрело законченный вид. Теперь его соединения были разбросаны на фронте почти в 150 км. Кроме того, все три дивизии ХХХХI корпуса снабжались по одной плохой дороге, местами шириной всего в одну полосу. Разреженное построение советских войск на Лужском рубеже в какой-то мере было компенсировано разреженными боевыми порядками их противника».³

¹ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 17, д. 27.

² NARA, t 314, r 979, f 392.

³ Исаев, 2011. С. 266.

А вот как выглядит этот день по описаниям немецкой стороны.

Паус: «1-я стрелковая дивизия народного ополчения в сопровождении танков появилась перед нами утром, стремительно наступая на Ивановское по дороге, ведущей к деревне с запада. Она намеревалась захватить оба моста через Лугу в этот же день. Внезапный огонь хорошо укрытых немецких батарей заставил русскую пехоту отступить. Хотя вражеские танки сначала остановились в замешательстве, вскоре они снова двинулись вперед короткими рывками. Неопытная русская пехота следовала за ними, подгоняемая офицерами и комиссарами, которые угрожали солдатам пистолетами. Танки, постепенно набирая скорость, катились строем клина и уже угрожали прорвать немецкую линию, когда внезапно заговорили наши 88-мм и 100-мм орудия, открывшие огонь из засад с дистанции не более 500 метров. После каждого выстрела поднималось облако дыма, отмечая попадание. Тем временем наша артиллерия и пулеметы настойчиво выкашивали ряды русской пехоты, следовавшей за танками.

Атака русских выдохлась. И тогда их командование подбросило новые силы, чтобы вдохнуть энергию в затухающее наступление, но эти части уже в районах сосредоточения серьезно пострадали от огня тяжелых 150-мм батарей III батальона 76-го танкового артиллерийского полка. Для солдат, которые еще ни разу не побывали в бою, это было жестокое крещение. Они беспорядочно бросились в разные стороны, а русские танки начали отступать, причем более десятка их было подбито. Это ясно показывало, что в бою наступил кризис. И в этот момент 30 танков II батальона подполковника Иоахима Зиберта из 11-го танкового полка, стреляя из пушек, с ревом бросились вперед. В ходе этой контратаки были подбиты еще несколько танков, а несчастная русская пехота была окончательно рассеяна. Наступление русских, в ходе которого они понесли очень тяжелые потери, завершилась полным провалом. После недолгого преследования наши танки были отозваны назад. Солдаты 1-й добровольческой стрелковой дивизии народного ополчения были отброшены на исходные позиции и впредь действовали гораздо более осторожно. Их офицеры и комиссары так и не сумели заставить солдат повторить атаку в тот же день, хотя Красная Армия обычно действовала именно так».¹

Из этого текста становится вполне ясно, что вырвавшиеся вперед немецкие танки проводили контратаку, а вовсе не стремились прорваться на Таллинское шоссе, как это утверждает в своем докладе майор Киенко.

Паус: «Командир танковой роты, приданной 4-му моторизованному полку, провел контратаку по своей собственной инициативе. Следя за боем с колокольни церкви в Ивановском, он первым уловил

¹ Паус. С. 112–113.

признаки колебания вражеских танкистов. После этого он бросился на соседний полковой командный пункт и посоветовал полковнику фон Вальденфельсу нанести контрудар. Эти действия одобрил подполковник Граф, чьи орудия в этот день внесли огромный вклад в немецкую победу».¹

Итак, лобовые атаки на Ивановское в этот день не принесли никакого результата, и ополченцы были снова отброшены к Среднему Селу. Дальнейшие попытки 2-я ДНО в этот день предпринимала лишь на фланге. Странно, почему не было организовано одновременной атаки со всех направлений. По-видимому, до конца дня дивизия все еще выгружалась и сосредотачивалась, а в бой бросались только отдельные полки.

Раус: «Тем временем 3-я добровольческая стрелковая дивизия народного ополчения, наступавшая от села Юрки, собралась на исходных позициях на опушке густого леса, подступавшего к Ивановскому с востока. Эта атака, проведенная без артиллерийской поддержки, началась ближе к вечеру. Русские наступали несколькими волнами по обе стороны дороги и бежали к дамбе по совершенно открытой местности. Наша артиллерия, которая ранее обстреливала районы сосредоточения, теперь обрушила огневой вал на эту желто-коричневую массу. Пулеметы и танковые пушки открыли бешеный огонь, засыпав противника смертоносными снарядами. Атака захлебнулась буквально через несколько минут, и результатом этого бессмысленного поступка была только ужасная бойня. Но даже после этого атаки до вечера повторились еще трижды и каждый раз завершались неудачей. Наши пехотинцы, которые вели огонь из окопов, открытых на берегу ручья, вытекающего из пруда, понесли лишь незначительные потери».²

Таким образом, Раус не признает факта взятия нами деревни Юрки в конце этого дня. То же мы видели и в отчете Беспрозанова — немцев из Юрков выбили, но пехота успех не закрепила.

А по поводу слов Рауса о незначительных потерях на днях неожиданно появилось еще одно необычное свидетельство.

В начале сентября Петер Вике написал мне, что вдруг через знакомых нашел в своем городке Вольфенбюттеле человека, который был в эти дни на плацдарме в составе 6-й танковой дивизии. Сегодня этому человеку уже 95 лет, а в те дни Маркграф был старшим ефрейтором 4-го мотострелкового батальона 6-й танковой дивизии. Но он помнит плацдарм на Луге в июле-августе 1941 года, потому что там, под Юрками, погиб его лучший друг. Маркграф рассказал, что погиб Шульте только потому, что попал под перекрестный огонь — по

¹ Раус. С. 113.

² Там же. С. 112-114.

немцам стреляли не только наши солдаты, но и местные деревенские жители. Это очень неожиданное и странное свидетельство. К сожалению, г-н Маркграф, воевавший с 1939 по 1945 год, больше ничего не смог вспомнить. Тем не менее даже сейчас он все переживал о том, что, наверное, деревянный крест, который он лично установил на могиле своего лучшего друга в Юрках, давно сгнил. Но, может быть, хотя бы осталась медная табличка, на которой выбито: «Хельмут Шульте. S.R.4»?

Скорее всего, этот Хельмут Шульте погиб именно в этот день, пока деревня Юрки была еще цела. Хотя факт, что по немцам стреляли именно местные жители, сомнителен. Скорее всего, это были смельчаки из истребительных батальонов, пробравшиеся в суматохе боев в тыл немецкого форпоста.

Итак, день закончился практически без всяких позиционных изменений и с той и с другой стороны. Не удовлетворенный результатами проведенных атак, да к тому же зная о приказании Ворошилова непременно выбить немцев из Ивановского, Попов вечером этого дня принял новые меры.

Киенко: «15 июля 1941 г. в 22.00 в расположение полка прибыл командующий Северного фронта генерал т. Попов и зам. нач. курсов ЛКБТКУКС полковник Бубин. Подняли роту по тревоге, командующий приказал командиру роты лейтенанту Русакову совершить форсированный марш по маршруту Дудергоф—ст. Веймарн.

— Я поеду впереди на ЗИС 101, а вы по возможности не отставайте».

Из воспоминаний Русакова Н. В.: «15 июля 1941 г. около 22 часов в расположение роты средних и тяжелых танков прибыли полковник Бубин и командующий Северного фронта генерал-лт. Попов, последний поднял роту по тревоге и отдал мне приказ на совершение марша Дудергоф—ст. Веймарн 2 км южнее в лесу. В конце приказа командующий сделал примечание:

— Я поеду впереди колонны танков на Зис-101, а рота за мной и по возможности не должна отставать.

Рота на максимальной скорости ночью совершила марш и поступила в распоряжение КРС 2-й дивизии народного ополчения Героя Советского Союза полковника Угрюмова...»¹

В 22.40 15. 7 по всем частям был передан подписанный накануне приказ Ворошилова, представляющий собой настоящую пламенную речь патриота. Суть его однако сводилась к следующему: ни шагу назад, не шадить своей жизни, к трусам и паникерам применять самые суровые меры вплоть до расстрела.²

¹ СПб. школа № 111. Музей бронетанковых войск. Архив. Осн. ф. 952/ЛБТКУКС. С. 2.

² ЦАМО, ф. 251, оп. 646, д. 2, док. 3.

В немецких штабах

Гальдер: «Обстановка на фронте:

<...> Наступление танковой группы Гепнера остановлено на достигнутом рубеже, брешь между ее обеими ударными группами будет заполнена одной пехотной дивизией. <...>

Сведения о противнике. Создается впечатление, что противник по инициативе нового командования, а также, возможно, под влиянием Англии прилагает все усилия, чтобы удержаться на занимаемом рубеже и не дать нам возможности продвинуться дальше на восток. Русские войска сражаются, как и прежде, с величайшим ожесточением:

На фронте обозначились следующие группировки противника:

а) Ленинградская группировка, которая пытается, опираясь на болотистые районы юго-восточнее, южнее и юго-западнее города, организовать оборону на рубеже, охватывающем широкой дугой город и промышленный район»¹.

Риттер фон Лееб в этот день весь в метаниях мысли.

«09.30. Звонок от генерал-полковника Гепнера: 56-й моторизованный корпус подвергся атаке с фланга. Противник ведет также и фронтальные атаки крупными силами. Из-за разворота 10-го армейского корпуса² в юго-восточном направлении невозможно прикрыть его правый фланг. Встает вопрос, не следует ли выдвинуть 1-й армейский корпус³ в направлении Порхова. Положительное решение может быть принято после комплексной оценки обстановки, которая характеризуется тем, что противник в последние дни сражается более ожесточенно, чем до этого...»⁴

Тем не менее пока командующий группы армий «Север» не собирается ничего менять.

«Планы остаются прежними:

– 16-я армия должна во взаимодействии с 57-м армейским корпусом (19-я танковая дивизия, ½ 14-й моторизованной дивизии из состава группы армий „Центр“) окружить противника на южном фланге своего фронта <...>

– 4-я танковая группа должна вначале выйти на рубеж Новгород—Луга и северо-западнее от него. Дальнейшее продвижение правым крылом по мере подхода 1-го армейского корпуса;

– 18 армия: 1-й армейский корпус направить в район северо-восточнее Порхова для прикрытия 4-й танковой группы с фланга.

¹ Гальдер, 2004. С. 125–126.

² 16-й армии.

³ 18-й армии.

⁴ Лебедев. С. 77–78.

38-й армейский корпус следует в направлении Осьмино—Кингисепп, затем он должен будет обеспечить продвижение левому крылу 4-й танковой группы...»¹

Однако коллеги вновь повергают его в смятение.

«В 10.30 прибыл начальник штаба 16-й армии Вутманн. По его мнению, 19-я танковая дивизия должна овладеть Великими Луками и Холмом. Я с этим не согласен: вначале речь должна идти о том, что стоит ближе на ее пути. Сперва следует подавить противника у Невеля...

Пока неясно, следует ли направлять войска по шоссе на Холм...

В любом случае, основной задачей остается фланговое прикрытие 4-й танковой группы, т. е. нужно продолжать продвижение на север...»²

Фон Лееб все еще не сдается, все еще надеется продолжить прорыв. Но Гальдер не дремлет.

«11.00. Прибыл полковник Шмундт, адъютант фюрера с вопросом: „Почему 4-я танковая группа не атаковала Новгород своим сильным правым крылом?“ Я ответил, что это произошло вследствие вынужденных обстоятельств, так как 41-й моторизованный корпус хорошо продвинулся западнее шоссе Псков—Ленинград, в то время как 56-й моторизованный корпус встретил ожесточенное сопротивление в районе трассы на Новгород...»³

Можно представить, в каком недоумении был Риттер фон Лееб; неужели все это надо еще объяснять — ворота Ленинграда распахнуты! Куда смотрит главный штаб!?

Недоумение все еще не рассеяно, а ситуация продолжает усугубляться.

«18.00. 8-я танковая дивизия из состава 56-го моторизованного корпуса атакована на широком фронте, после чего была вынуждена отступить на некоторых участках.

18.50. Разговор с генерал-полковником Гепнером. По его мнению, обстановка неясная. Он выдвинул части дивизии СС „Мертвая голова“ к Опочке, где противник захватил участок дороги, который до этого занимал 56-й моторизованный корпус. Это свидетельствует о том, что вопрос о перенацеливании 56-го моторизованного корпуса на северо-западное направление не имеет смысла...»⁴

¹ Лебедев. С. 78.

² Там же. С. 78–79.

³ Там же. С. 79.

⁴ Там же. С. 80.

То, что Манштейн вынужден был призвать на помощь остатки дивизии «Мертвая голова», которую из-за больших потерь¹ уже собирались отправлять на переформирование, говорит о действительно отчаянном положении его корпуса. А фон Лееб до этого момента втайне еще надеялся, что ему удастся перетащить 56-й моторизованный корпус в прорыв на свой левый фланг. Увы, для него, чем дальше, тем все отчетливее главному штабу (ОКХ — Гальдеру) становилось не до распахнутых ворот Ленинграда.

Завершает Риттер фон Лееб свои записи на этот день следующим выводом: «Оценка обстановки командующим группы армий „Север“: усилилось сопротивление противника во всей полосе ответственности группы армий „Север“, что, скорее всего, связано с назначением Ворошилова новым командующим на этом участке фронта. По всей видимости, он отдал приказ сражаться до последнего солдата».²

Однако Гальдер продолжает делать вид, что все идет согласно его представлениям: «Разговор с генералом Бреннеке (начальник штаба группы армий „Север“) по поводу представленной оценки обстановки.

а) Задача группы армий пока состоит не в овладении Ленинградом, а только в его блокировании. <...>

Обстановка на фронте вечером. <...>

Группа армий „Север“: командование группы отдало распоряжение в соответствии с нашими указаниями. На правом крыле группы армий наши войска медленно продвигаются с целью охвата и окружения противника. На северном фланге главные силы пехотных соединений подтягиваются вслед за авангардами.

Поступили заявки на артиллерию для подавления русских укреплений береговой обороны. <...>

Сегодня действовало на фронте группы армий „Север“ 208 самолетов³...⁴

По поводу же того, что сопротивление наших войск усилилось именно благодаря назначению Ворошилова, есть и другое мнение.

В. Звягинцев в книге «Война на весах Фемиды»⁵ пишет следующее: «Надо сказать, что смена командования еще более ухудшила положение дел. 14 июля 1941 года Главком северо-западного направления

¹ Согласно поданного 11.7 отчета, дивизия СС «Мертвая голова» на 7.7.1941 г. включительно потеряла: убитых офицеров — 27, раненых офицеров — 57, убитых унтер-офицеров и рядовых — 372, раненых унтер-офицеров и рядовых — 1288, пропавших без вести — 51. (Лебедев. С. 68)

² Лебедев. С. 80.

³ Возможно, часть из них и участвовала в боях у Ивановского плацдарма.

⁴ Лебедев. С. 81.

⁵ Звягинцев. В. Война на весах Фемиды : Война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М.: Терра, 2006. С. 47.

К. Ворошилов подписал в Ленинграде грозный приказ № 3, в котором героически сражающиеся войска Северного фронта противопоставлялись войскам Северо-Западного фронта, которые „часто оставляют свои позиции, даже не вступая в решительное сражение... командиры и политработники в ряде случаев не только не пресекают паники, не организуют и не ведут свои части в бой, но и своим позорным поведением иногда еще больше усиливают дезорганизацию и панику на линии фронта“.

Приказ предписывал: «провести строжайшее расследование всех преступных случаев самовольного оставления фронта отдельными частями, командирами и бойцами и всех виновных, невзирая на ранги и заслуги, предать суду полевых военных трибуналов с применением самого сурового наказания, вплоть до расстрела».¹

Из истории 6-й танковой дивизии

«Утром 15 июля группа атакована подразделением ленинградской заводской охраны, которое было отбито танками и стрелками. На плацдарме группа окапывается.

Как узнал генерал-фельдмаршал фон Лееб во время посещения фронта от генерал-полковника Гепнера, замысел 4 танковой группы состоит в том, чтобы подтянуть 56 армейский корпус Манштейна к 41 армейскому корпусу Рейнхардта с целью прорваться к Ленинграду всей танковой группой на нынешнем левом фланге. Поскольку Гитлер еще 14 июля послал к фон Леебу своего адъютанта, полковника Шмундта, чтобы спросить, почему 4 танковая группа своим сильным правым крылом не наступает через Новгород, фон Лееб вынужден был теперь отклонить план Гепнера. Он приказал Гепнеру оставить 56 армейский корпус там, где он стоял, а наступление танковой группы в общем направлении на северо-восток предпринять только после того, как правый фланг будет достаточно защищен пехотным корпусом. Однако независимо от этого следовало стремиться к тому, чтобы блокировать проход у Нарвы. Этот проход у Нарвы лежал в 200 км за спиной боевой группы Рауса. Настолько далеко она прорвалась.

В этот день генерал-фельдмаршал фон Лееб констатировал, что оперативное пространство его группы армий „Север“ расширилось с 200 км до 650 км. <...>

Каждый солдат показал высочайшую степень боевой готовности. Дневник боевых действий 6 стрелковой бригады за 15 июля 1941 г. особо выделяет старшего лейтенанта Бекке (Becke), командира 3 роты 4 сп и старшего лейтенанта Коха (Koch), командира 6 роты 4 сп за их „выдающуюся храбрость и беспримерный порыв“. <...>²

¹ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 220, С. 188–190.

² Paul. Перевод на рус. яз. см.: <http://centralsector.narod.ru/germ/paulr.htm>.

Отличное свидетельство. Отметим, что фон Лееб лично спасовал перед своим фюрером и не решился предложить ему смелый, продиктованный самими обстоятельствами план — рвануть всей ударной массой 41-го корпуса через плацдармы Ивановское—Сабск.

Это, возможно, стало роковой для группы армий «Север» ошибкой.

Боевой дневник 6-й танковой дивизии

«Боевая группа Рауса не может больше поддерживать связь по радио. Офицеру связи нужно на этот путь целых шесть часов.

Враг вне всяких сомнений понимает все оперативное значение двух мостов через Лугу и пытается выдавить нас прежде всего на подхвате имеющимися силами авиации вместе с подручными или только что упоминавшимися войсками. Перемещающиеся с запада на восток войска из Эстонии могут доставить им ожидаемую помощь. Командование дивизии, вынужденное праздно из-за ужасных дорог наблюдать надвигающуюся угрозу, находится в чрезвычайном затруднении.

К вечеру, наконец, появились наши истребители...»

Лашкевич: «15 июля 1941 года, во время патрулирования над станцией Веймарн, четверка И-16 под командованием Н. Кочегарова встретила с восьмеркой Ме-109. Немцы подошли к нашей группе, имея превышение в высоте. Атакуя сверху парами, „мессера“ короткими атаками обрушивались на нашу обороняющуюся группу, обстреливали ее и снова уходили вверх, чтобы опять как коршуны броситься в атаку. На 20-й минуте боя „мессера“ зажали в клещи самолет Владимира Беликова. Немцы окружили его самолет сверху, по обеим сторонам и сзади. Беликов едва успевал уворачиваться от вражеских трасс, но когда два „мессера“ ударили одновременно с двух направлений, их снаряды достигли цели: самолет Беликова был сбит. В этой неравной схватке вскоре погиб и второй молодой летчик, Иван Емельянович Панченко. Ведя бой на виражах, его самолет терял высоту. Уходя из-под очередной атаки, Панченко не рассчитал, и его самолет зацепился за деревья, перевернулся и врезался в землю. Это были первые боевые потери Краснознаменной эскадрильи в Великой Отечественной войне...»¹

«Незадолго до этого была радиосвязь с 1-й ТД, из которой стало ясно, что положение у боевой группы Крюгера очень серьезно. Поэтому часть дивизии под командованием ст. лейт. Линбрунна тотчас вышла на марш. В 21.00, как только связались по радио с бригадой, пришло сообщение, что при поддержке танков было отражено мощ-

¹ Лашкевич. С. 53.

ное вражеское нападение. Боевая группа просит поддержки, особенно мини-зениток. Эта просьба вновь направлена в корпус...»¹

Далее указывается, что «прибыл 11 зенитный полк 36.

В этот день дивизия потеряла 13 человек убитыми и 43 ранеными.

Трофеи: 100 пленных и 6 танков.

Погода: дождь с грозой, облачно, 32°».²

Опять упорное сопротивление — на этот раз наших курсантов — ломает немецкие планы. Группа Линбрунна вместо того чтобы сменить группу Рауса, направлена на поддержку испытывающей большие трудности 1-й танковой дивизии.

Кроме того, в тылу боевой группы Рауса вечером было мощное нападение на основные силы 6-й танковой дивизии, базировавшиеся в районе Заручья у озера Долгое, предпринятое, вероятно, частями 191-й стрелковой дивизии.

Что касается трофеев, то здесь предположительно имела место следующая ситуация. Некоторые ополченцы при атаках вполне могли успевать добежать до переднего края немцев, однако, будучи беспомощными при рукопашной, просто обезоруживались немецкими пехотинцами и брались в плен.

Танки же немцы напрасно считали трофеями. Оставленные на поле боя недалеко от немецких позиций машины не могут считаться трофеями. Все, что можно было оттащить, наши танкисты регулярно переправляли в тыл для ремонта. Машины же, которые оттащить не удавалось, не могли оттащить и немцы. В них по ночам забирались экипажи и по возможности чинили в них все, что было возможно, на месте. В крайнем случае готовили машины к бою в качестве огневой точки.

Здесь любопытно также привести выдержку из отчетного доклада ГА «Север», поданную в этот день в ОКХ:

«Основной задачей гр. арм. „Север“ является захват индустриального центра Ленинград. Поскольку сразу же стало ясно, что основной удар танковой группы по прорыву русских оборонительных позиций будет пролегать по не особенно благоприятной для этого местности, для незадействованного крыла 4-й ТГр 41 АК была дана свобода маневра по более удобной местности восточнее и северо-восточнее Гдова, чтобы затем, по достижении Лужского рубежа, снова повернуть на северо-восток. Этот маневр привел к успеху, так как 14. 7 вечером 6-я ТД смогла уверенно захватить плацдарм у Поречья, а у Сабска должна завладеть плацдармом 1-я ТД. Благодаря этому путь на Ленинград через лужские укрепления открыт у Нарвы.

¹ NARA, t 315, r 323, f 099.

² Там же.

1-я и 6-я ТД теперь займутся, прежде всего, созданием базы для дальнейшего броска на Ленинград и его юго-восточную область».¹

Судя по тону документа, немецкое командование не сомневалось в том, что 1-я танковая дивизия следом за 6-й займет плацдарм на берегу Луги к исходу 14 июля. Однако на самом деле у 1-й танковой дивизии были с этим проблемы еще и 15 июля.

Новиков: «15 июля под Ивановским и Большим Сабском начались жестокие бои. Так, на подступах к Ленинграду возникло новое угрожающее направление. Вернувшись от Попова к себе в штаб, я созвал небольшое совещание. Мы прикидывали и так и этак и в конце концов сошлись на том, что для борьбы с 41-м моторизованным корпусом немцев придется привлечь часть сил фронтовой авиагруппы. Иного выхода не было. Из-за усложнившейся обстановки на Карельском перешейке мы не могли больше ослаблять ВВС 23-й армии, бомбардировочную авиацию которой еще раньше всецело переключили для действий на юго-западе от Ленинграда. Тогда же в принципе решили и вопрос о создании оперативной группы во главе с моим заместителем И. П. Журавлевым. Ему поручили непосредственно руководить всеми боевыми действиями авиации на новом направлении.

Незадолго до описываемых событий решением ГКО были созданы главные командования ВВС трех направлений. Меня назначили командующим военно-воздушными силами северо-западного направления. Отныне в мои обязанности уже официально входила координация усилий авиации двух фронтов и морской. Однако никаких особых прав в отношении ВВС КБФ и авиации ПВО Ленинграда мое новое положение мне не давало, они не находились непосредственно в моем подчинении, и я не мог просто приказать командующему ВВС КБФ В. В. Ермаченкову или командиру 7-го иак С. П. Данилову, а должен был согласовать с ними тот или иной вопрос. К чести обоих должен сказать, что они не страдали местническими настроениями и не усматривали в моем вмешательстве ущемления их авторитета, понимали, что авиация должна быть собрана в кулак, и с первых же дней войны во всем шли мне навстречу».²

Немцы же на Ивановском плацдарме в этот день ждали подкреплений.

Раус: «Следующий день (15 июля) главные силы 6-й танковой дивизии потратили на строительство дорог и сосредоточение войск. Защита западного фланга, где силы и намерения русских оставались для нас совершенно неясными, была чисто символической. Ее удалось обеспечить только к западу от района Лошогодва—Ма-

¹ Там же. т 311, г 51, ф 052.

² Новиков. С. 87–88.

латьевка.¹ Нашим ближайшим „соседом“ слева была 36-я моторизованная дивизия, которая наступала на Гдов в 50 километрах от нас. Приходили сообщения, что LVI танковый корпус испытывает трудности, что породило новые слухи. Дескать, дивизии могут приказать надолго прекратить марш к плацдарму в Поречье, что вызвало тревогу.

Как отмечалось ранее, первые подкрепления, которые получила боевая группа „Раус“, были не из состава 6-й танковой, а из 36-й моторизованной дивизии. Этот усиленный батальон был придан 6-й танковой дивизии, а остальные части дивизии генерала Отто Оттенбаха были приданы 1-й танковой дивизии в Сабске. Поэтому ХLI танковый корпус принял командование частями 36-й моторизованной дивизии в качестве своего общего резерва. Это произошло впервые, по крайней мере на данном театре, когда целая дивизия была раздербана по частям при возникновении чрезвычайной ситуации. Позднее эта практика стала правилом в России, особенно в определенных обстоятельствах. Применение подобной меры часто предопределялось долговременными обстоятельствами, но нехватка резервов заставляла к ней прибегать. Несмотря на все опасения, и генерал Ландграф, и я с радостью приветствовали подкрепления, которые кроме всего прочего, могли сменить солдат боевой группы „Раус“, которые уже долгое время непрерывно находились в бою».²

Боевой дневник 6-й танковой дивизии на этот раз вполне согласуется с изложением командира боевой группы:

«Весь день 15 июля прошел под знаком борьбы с дорожными трудностями. Лесная местность у Лотохова и полевая дорога от Хрели до Борков представляли никогда доселе не испытываемые трудности. Саперы продирались с большим трудом. Им досталась полностью разбитая грунтовая дорога в поле, и пришлось методично строить гати. Прибытие саперов и уже с полудня стрелковых подр. 114 СР затруднительно».³

Что же касается смены, в которой нуждаются солдаты боевой группы Раус, то в дневнике ясно указывается, что смена уже назначена. Но боевая группа старшего лейтенанта Линбрунна вечером этого дня вышла не к ним, а на усиление 1-й танковой дивизии. Давление 2-й ДНО на плацдарм Поречье—Ивановское не вызывало у немцев особого беспокойства. Другое дело — курсанты.

Сабский плацдарм

Прорвавшихся к Сабску немцев также с утра атаковала наша авиация.

¹ По всей видимости, здесь имеются в виду Ложголово—Малафьевка.

² Раус. С. 125–126.

³ NARA, t 315, r 323, f 098.

Исаев: «В ЖБД 1-й танковой дивизии появляются апокалипсические нотки: „После того как в течение ночи и в ранние утренние часы боевая группа [Крюгера. — В. Р.] подверглась нескольким бомбежкам противника, в течение первой половины дня положение в воздухе становится почти невыносимым. Противник бомбит каждую отдельную машину, отыскивает позиции артиллерийских и зенитных орудий, разрушает воронками дорогу“.¹

Уже ранним утром, в 5.00, 15 июля командир дивизии генерал-лейтенант Фридрих Кирхнер получает ранение осколком авиабомбы. Командование дивизией принимает 49-летний генерал-майор Вальтер Крюгер. Как и многие немецкие танковые командиры, он был из кавалеристов. Вторую мировую войну Крюгер, впрочем, встретил командиром пехотного полка. Однако уже в феврале 1940 г. он становится командиром 1-й стрелковой бригады, проходит вместе с Кирхнером Французскую кампанию и в апреле 1941 г. получает звание генерал-майора. <...>

С первых часов после захвата немцами плацдарма у Сабска здесь развернулись жестокие бои. По немецким данным, уже утром 15 июля курсанты атаковали их при поддержке тяжелых танков.² Во второй половине дня немцы атакуют и расширяют плацдарм. В ЖБД 1-й танковой дивизии отмечается: «Враг сражается исключительно упорно, его уничтожают с помощью огнеметов и в рукопашном бою». К вечеру к плацдарму под Сабском подтягивается мотоциклетный батальон дивизии, мотоциклы преодолевают дорожные условия лучше машин. Оборона плацдарма усиливается».³

Деревня Извоз. КП ЛПУ имени С. М. Кирова

Яков Васильевич Завалишин, батальонный комиссар, начальник отдела политпропаганды училища:

«В Сабске пожары продолжались всю ночь. Было смрадно и душно. Искры долетали до наших окопов. Рассчитывая, что теперь Кировцы покинули свои рубежи, противник вновь попытался захватить плацдарм. Дружным огнем курсанты отбили очередную атаку врага.

И вот снова шквальный артиллерийско-минометный огонь по всему нашему переднему краю. Под ее прикрытием новая фашистская атака. На этот раз немцам удалось зацепиться за правый берег Луги. Под давлением превосходящих сил противника вторая рота отошла на новый рубеж. Для восстановления положения на помощь ей была брошена третья рота старшего лейтенанта Румянцева.

¹ NARA, t 315, r 16, f 1010.

² Здесь мы видим, что часть тяжелых танков 1-й танковой дивизии, снятых из-под Кандалакши, была отправлена на поддержку левого соседа 2-й ДНО.

³ Исаев, 2011. С. 265–266.

Курсанты яростно контратаковали гитлеровцев. Началась рукопашная. Вот здесь Кировцы и показали свою удалость и выучку. Действуя штыками и гранатами, они заставили гитлеровцев бежать к реке. Спасая свои шкуры, солдаты фюрера бросались в воду, а вслед им неслись победные крики и свист наших ребят.

Но торжествовать победу было еще рано. Противник ввел в бой резервы, переправил через реку несколько танков и под прикрытием артиллерийско-минометного огня атаковал наши позиции. В критический момент тяжело ранило командира роты Румянцева. Возглавил подразделение молодой коммунист курсант Гончаров.

На фланге замолчал станковый пулемет, а без него трудно отражать врага. К „максиму“ бросился батальонный комиссар Баранов. Пулемет ожил. Длинные очереди косили фашистов до тех пор, пока осколок мины не сразил героя политработника.

Понеся потери, роты 1-го батальона вынуждены были отойти и закрепиться на новых позициях».¹

Вспоминает Захарий Моисеевич Левит:

«Утром 15 июля гитлеровцы провели артподготовку, нанесли массированный удар и захватили небольшой плацдарм восточнее Большого Сабска. Но расширить его и развить наступление все же не смогли. В тот же день дивизион ЛКАУ, где я был курсантом и командиром орудия 1-й батареи, получил приказ прибыть в с. Извоз в 12 км севернее р. Луга в распоряжение начальника училища. Командиром дивизиона был капитан Ложкин, командиром батареи — ст. лейтенант Грицаев. Все наши двенадцать 76-мм пушек Ф-22 образца 1936 г. были на автотяге (машины ЗИС-5 и ГАЗ-АА автобата). В ночь на 16 июля дивизион занял боевой порядок у сел Слепино и Редкино. НП батарей мы развернули на позициях наших соседей ЛПУ. Начался бой, который длился несколько часов. Батареи вели интенсивный огонь, отражая яростные атаки фашистов. Враг был остановлен».²

Лужское направление. Южная окраина города Луги. Лангина гора. Штаб 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии:

«Противник во что бы то ни стало хотел преодолеть главную полосу нашей обороны, для чего создал превосходство в танках и артиллерии, бросал на наши боевые порядки эскадрильи пикирующих бомбардировщиков. В результате неприятелю удалось потеснить подразделения 483-го стрелкового полка.

¹ Кринов. С. 54–55.

² «Девяностая, Ропшинская» С. 280–283.

Машошин приказал разобраться в причинах отхода подразделений. Я послал в полк майора Ф. И. Андреева, начальника оперативного отделения штаба дивизии. Командир знающий и принципиальный, он мог объективно проанализировать случившееся.

Федор Изотович рассказал потом, что в сложившейся ситуации командиры батальонов и подполковник Харитонов прилагали все усилия, чтобы удержать позиции, но сил и средств явно не хватало. В ротах потери личного состава до двадцати процентов. Артиллерия не смогла отразить массированный удар танков противника, они ворвались в наши боевые порядки, и это решило судьбу боя.

Результаты проверки я доложил Машошину. Андрей Федорович хмурился, но слушал меня спокойно. Лишь иногда вставлял крепкое словцо.

— Все, начальник штаба? — спросил он.

— Все. Что ж еще?

— Конечно, надо бы наказать, под трибунал отдать, но победителей не судят! Не понял? — заметив мой недоуменный взгляд, сказал комдив. — Смотри! За пять дней фашисты продвинулись на четыре-пять километров. Чуешь, какой темп? Не тот, что две недели назад. Молодец Харитонов! Своим полком почти дивизию сковал. Так и укажи в донесении. Нет, я сам доложу командующему!

А в донесении мы сообщили так: „15. 7. 41 г. противник, подтянув свежие силы, вновь перешел в наступление. Потеснил 1/483 с 3 мсп на рубеж Лямцево, Крошево; 3/483 — на рубеж Городище—Заполье...”

И снова мы производили перегруппировку, подтягивали артиллерию, готовили новые контратаки. Дорогой ценой платил враг за каждый километр продвижения по нашей земле».¹

Новгородское направление. 11-я армия.

Лес юго-западнее деревни Любач. КП 70-й стрелковой дивизии

Николай Андрианович Виноградов, полковник, начальник штаба дивизии:

«Дивизия продолжает развивать наступление. По лесам и болотам. А леса на Новгородчине похлеще карельских.

Есть такие места, что за час километр-два еле одолеешь. Мы не случайно выбрали медвежьи тропы. Ведь гитлеровцы привыкли наступать по европейским автострадам, на больших скоростях, не вылезая из автомашин.² Вот комдив и решил действовать по су-

¹ Кринов. С. 55–56.

² Возможно, подобным образом немцы и наступали в Европе. Но здесь они вполне успешно преодолевали и труднопроходимые места. Не из-за этого ли представления наше командование не ожидало увидеть немецкие танковые дивизии у Поречья?

воровскому принципу: „Где олень не пройдет, там русский солдат пройдет“.

В центре, на направлении главного удара, наступает 68-й полк Героя Советского Союза капитана Анатолия Краснова. Молодой командир полка. Еще год назад был комбатом. Смелыми и решительными действиями, инициативой отличился на Финской и заслуженно удостоен звания Героя. И в эти дни действует толково и напористо.

Начальник штаба полка капитан Фадеев в донесении сообщил, что командир решил изменить направление главного удара и обойти Сольцы с северо-запада. В 6.00 батальоны заняли исходные позиции для атаки.

На правом фланге — 1-й батальон Кобзаря, в центре — батальон старшего лейтенанта Кудряшева. Комбат по характеру такой же, как и командир полка: любит находиться в самых горячих точках и не теряется в сложных ситуациях. Слева, в направлении Авиагородка, действует 3-й батальон степенного и рассудительного капитана Зеленина.

Краснов просит нажать на артиллеристов и танкистов из 21-й танковой дивизии, чтобы они не опоздали к началу атаки. Командир дивизии генерал Федюнин выслушал меня, еще раз прочел донесение и недовольно заметил:

— А не слишком ли торопится Краснов? Хотя и говорят, что смелость города берет, только, я думаю, пусть поближе подойдет 252-й. Уточните, где сейчас находится полк.

Донесение Краснова заставило задуматься. Конечно, заманчиво неожиданно ворваться в Сольцы. А вдруг не хватит сил? Дивизионная разведка сообщила, что в Сольцах небольшой гарнизон и, по видимому, тыловые подразделения противника. А вот артиллерийские разведчики насчитали в районе аэродрома до сорока вражеских танков. Это сила немалая.

Командир дивизии решил поехать к Краснову и на месте разобраться в обстановке, а мне дал указание готовить командный пункт к перемещению в район Пирогово.

С большим трудом удастся связаться по радио с начальником штаба 252-го стрелкового полка капитаном Мустафиным. Переговоры идут медленно. Система кодирования оказалась довольно сложной, а шифровальщик в полку недостаточно опытным. Как хорошо бы иметь проводную связь! Удастся выяснить, что полк при поддержке двух артиллерийских дивизионов разгромил до батальона мотопехоты противника и развивает наступление вдоль шоссе Шимск—Сольцы.

— Крепко помогла авиация, — сообщил Мустафин. — Наши самолеты появились внезапно. Всего не более эскадрильи. Они атаковали

автоколонну противника. У врага началась паника. Этим воспользовались наши пехотинцы.

Около одиннадцати часов начальник связи доложил, что с новым командным пунктом связь установлена. Оперативное отделение, разведка, связисты, шифровальщики и оперативная группа политотдела тронулись вперед.

Новый командный пункт хорошо укрыт в лесу. Когда мы прибыли туда, бойцы уже успели раскинуть несколько палаток, построить шалаши и отрыть щели.

Связь работала отлично, и я немедленно связался с комдивом.

Андрей Егорович сообщил, что полк Краснова ведет бой на окраине Сольцов. „Убедил, видно, капитан генерала“, — подумал я. Противник оказывает слабое сопротивление, еще не может опомниться от внезапного удара.

Первой в город ворвалась рота лейтенанта А. Лукичева. Помню этого командира. Он пришел в дивизию после финской. Недолго командовал взводом и перед войной получил роту.

Хорошо воюют артиллеристы майора Подлуцкого.

Сержант Ягодин прямой наводкой с первого выстрела подбил танк противника. Огнем и колесами поддерживает наступление пехотинцев батарея лейтенанта Николая Хованова. На аэродроме батареицы уничтожили около десятка танков. Как оказалось, противник использовал летное поле в качестве базы для заправки и мелкого ремонта танков. Батареицы расстреливали их, как мишени на полигоне.

В конце нашего разговора генерал распорядился выдвинуть вперед наш резерв — батальон капитана Щеновского из 329-го полка. Полк прикрывает правый фланг дивизии на стыке с 237-й, которая, не встретив противника, ушла в направлении на Б. Звезды—Болоцк.

Вечером готовил донесение в штаб армии. Итоги боевого дня весьма утешительные. 68-й и 252-й стрелковые полки очищают Сольцы от противника. Артиллерийским огнем и гранатами подбито и уничтожено 15 танков и 20 автомашин. Захвачены пленный и документы, по которым установлено, что имеем дело с 8-й танковой дивизией гитлеровцев. Она должна была захватить Новгород.

Продолжаем подсчитывать трофеи. Один трофей весьма любопытен. Наши бойцы в разбитом немецком автобусе обнаружили мешок советских денег. Как полагается в таких случаях, составили акт и под специальной охраной отправили деньги в штаб армии».¹

Исаев: «С утра 15 июля 70-я стрелковая дивизия возобновляет наступление и в 10.00 врывается в Сольцы. Тем самым оказывается перехвачена дорога, по которой осуществляется снабжение наступа-

¹ Кринов. С. 56–58.

ющих на Шимск частей 8-й танковой дивизии. В истории соединения указывается: „Противнику уже утром удалось прорваться на главную дорогу дивизии на 15-километровом участке с помощью танков, артиллерии и пехоты и раздробить дивизию. Разделенные боевые группы сражались каждая по отдельности“¹.

Журнал боевых действий 8-й танковой дивизии, несмотря на подробность, написан довольно размыто. Столь же размыто освещает эпизод под Сольцами история соединения. Однако поскольку записи в ЖБД все же велись по мере развития боевых действий, можно сделать следующий вывод. Еще в ночь на 15 июля дивизия генерала Бранденбергера собиралась пробиваться на восток. Прорыв к Сольцам заставил ее стремительно отходить уже в первой половине дня 15 июля. Это привело к тому, что прорыв через сами Сольцы состоялся в тот же день и главные силы дивизии оказались к западу от города также уже днем 15 июля.

Собственно, в окружении к востоку от Сольцов оказывается так называемая боевая группа Боденхаузена. Точный состав ее в документах не просматривается. Основной задачей 8-й танковой дивизии становится оборона южного фланга во избежание образования „котла“, отделенного от главных сил 4-й танковой группы десятками километров. С этой целью к западу от Сольцов занимает оборону две боевые группы — Кризолли и Шеллера. Соответственно боевая группа полковника Шеллера (8-й мотострелковый полк, 1-й и 3-й батальоны 10-го танкового полка, 2-й дивизион 61-го артполка, 1-й дивизион 80-го артполка, 59-й разведбатальон, 2-й дивизион 52-го полка реактивных минометов, а также боевая группа Шмидта в составе 43-го батальона истребителей танков, 59-го саперного батальона, 92-го легкого зенитного дивизиона и тыловых частей) заняла позиции от Любитово на Шелони до железнодорожного моста Клин. Боевая группа подполковника Кризолли (2-й батальон 10-го танкового полка, 28-й мотострелковый полк, 2-й и 3-й дивизионы 80-го артполка, части 43-го батальона истребителей танков и 59-го саперного батальона, 2-й дивизион 23-го зенитного полка) заняла оборонительную линию по Шелони между Рельбицами и Любитово к востоку от Сольцов. Ее коммуникации тоже были нарушены ударами с юга через Шелонь. <...>

„Проведенная сегодня [15 июля.— А. И.] эскадрилей разведка имела огромное значение для дивизии в ее затруднительном положении. Она позволила нарисовать целостную картину противника как на правом, так и на левом фланге, а также перед фронтом дивизии. Точные и ясные результаты разведки, сообщенные по радио и дополненные участком карты с указанием позиций противника, сброшенным с самолета, позволили распознать на правом флан-

¹ Haupt W. Die 8. Panzer-Division im Zweiten Weltkrieg. Podzun-Pallas-Verlag, 1987. S. 159.

ге сильную угрозу (донесение об отдельных группах противника в общей сложности до 100 единиц техники, в том числе танки и артиллерия), а также выявить на левом фланге у Михалкино непосредственную серьезную угрозу для находившейся там боевой группы, осуществлявшей оборону фронтом на север. Эта своевременная информация о непосредственной угрозе обоим флангам позволила дивизии принять контрмеры».¹

Анализ полученных от разведки данных привел к неутешительным выводам. Дальнейшее наступление и даже удержание достигнутых рубежей грозило катастрофой. Командованием было принято решение отвести подразделения 8-й танковой дивизии, находившиеся между Сольцами и рубежом реки Мшаги, западнее железнодорожной линии Дно—Уторгош. Следует отметить, что никакого плотного внутреннего фронта окружения не существовало. Советским войскам не удалось прочно перехватить основные коммуникации противника и занять оборону фронтом на восток. Они лишь контролировали дорогу из Сольцов на запад артиллерийским огнем».²

Документальная строка

«Из сообщения Совинформбюро за 15 июля: «На псковско-порховском направлении с утра в ходе боев наши войска окружили группу мотомехчастей противника и уничтожали ее по частям, захватив значительное количество танков, машин и разного рода оружия. Остатки противника отбрасываются на запад».

Из письма командира 237-й стрелковой дивизии полковника В. Я. Тишинского семье: «Дорогие дети! Все это время был в горячей работе. Сегодня наконец сломили сволочей, и они бегут. Со мной все благополучно.

Сегодня я назначен командиром стрелковой дивизии и сейчас иду снова в работу...»³

Смоленское сражение. Противник выдвинулся в район севернее Ярцево, занял Демидов и захватил южную часть Смоленска.

Киевская операция. Отразив контрудар советских войск в районе Бердичева 1-я танковая группа немцев начала наступление от Бердичева и Житомира в направлении Белой Церкви.

¹ NARA, t 315, r 483, f 744.

² Исаев, 2011, С. 242–244.

³ Кринов. С. 59.

16. 7. 1941 — среда

Утром этого дня на стол М. М. Попова легла странная разведсводка.

Разведсводка № 103.

штаба Северного фронта к 8.00 16.7.1941 года

«... 7. ПСКОВСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ. <...>

В 16.00 15.7.41 пр-к был выбит нашими войсками из село ИВАНОВСКОЕ. <...>

НАЧАЛЬНИК ШТАБА СЕВЕРНОГО ФРОНТА — ГЕНЕРАЛ-МАЙОР НИКИШЕВ

НАЧАЛЬНИК РО ШТАБА СЕВ. ФРОНТА — КОМБРИГ ЕВСТИГНЕЕВ»¹

Ему ли, командующему Северным фронтом, лично присутствовавшему 15. 7 на Ивановском плацдарме, было не знать, что никаких немцев ни из какого Ивановского там не выбили не только в 16.00, но и позднее.

Из всех успехов предыдущего дня боев следует признать лишь один — ополченцам удалось сдержать экспансию немцев и не позволить им расширить плацдарм.

Гусев А. А.: «Дорого стоил нам тот первый бой! Следующим утром, на заре, я вместе с командиром взвода разведки младшим лейтенантом Панченко пошел уточнить обстановку на переднем крае у Ивановского. Тяжелая картина открылась перед нами. Поле было усеяно телами наших товарищей. Лежал на земле комиссар электросилового полка А. С. Константинов. Рядом лежала девушка-сандружинница, видимо оказывавшая комиссару первую помощь. На руке девушки еще тикали часыки.

— Разрешите? — тихо спросил меня Панченко. Он бережно снял с руки девушки часы, открыл заднюю крышку и остановил ход. Потом спрятал часы в карман гимнастерки.— Пока жив, буду помнить это утро и тех, кто лежит здесь. Пока жив, буду мстить за них...»²

Беспрозванов: «К 6.00 16. 7 противник был полностью отброшен из Юрки. Наши части закрепились на занятом рубеже. Пехота плохо взаимодействовала с танками. Потери за 16. 7 3 танка, убито 7 человек, ранено 2...»³

Раус: «В течение следующих двух дней, 16 и 17 июля, русские вели сильнейший артиллерийский огонь. Обстрел начинался в 06.00 и повторялся перед каждой новой атакой. Эти атаки проводились точно

¹ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 169, л. 150-151.

² Ополченцы. С. 88.

³ ЦАМО, ф. 217, оп. 1283, д. 11, л. 101.

так же, как и предыдущие, менялись лишь участки обороны. В ходе атак русские понесли ужасающие потери, но не захватили ни пяди земли. Хотя массированный огонь русской артиллерии и постоянные воздушные налеты вызвали некоторые потери в живой силе и технике, они не имели мощи, необходимой, чтобы поколебать прочность нашей обороны».¹

Теперь уже совсем ясно, что следующий пассаж воспоминаний Маркиана Попова относится к 16 июля, а вовсе не к 15, как это считали составители и редакторы советских сборников.

М. М. Попов: «Вторые сутки находимся у Угрюмова. Обстановка продолжает оставаться крайне напряженной. Разведчикам удалось захватить пленного из штаба 41-го корпуса Рейнгардта. По документам и картам окончательно установили, что на наше правое крыло противник двинул 1-ю и 6-ю танковые дивизии, а на Нарву продолжает двигаться 36-я моторизованная.

Ночью звонил начальник разведотдела фронта П. П. Евстигнеев. Он информировал о событиях у нашего соседа генерала Собенникова.² 11-я армия Северо-Западного фронта начала наступление под Сольцами. Думаю, что боевые действия на новгородском направлении привлекут внимание фельдмаршала Лееба, заставят его не рисковать. У него набирается немало горячих точек: в Эстонии активно обороняется наша 8-я армия, под Лутой — 177-я дивизия Машошина. И вот Сольцы!

Как пойдут дела здесь, на Ивановском и Сабском плацдармах? Успеем ли создать достаточно сильный заслон танкам Гепнера? Главное — усилить оборону в противотанковом отношении, подтянуть артиллерию и 1-ю танковую дивизию.

Пока же придется опираться на ополченцев. Понимаю, как трудно Угрюмову. За год от комбата до командира дивизии выдвинулся. Вчера его первый бой закончился неудачно. Задача не выполнена. Мы наблюдали тот бой. Картина удручающая. После короткой, но сильной артиллерийской подготовки танки пошли вперед. Пехота поднялась и двинулась за ними, но, попав под сильный пулеметный и автоматный огонь противника, залегла. После повторных вызовов артогня командирам удавалось еще несколько раз поднимать стрелков в атаку, но эти атаки успеха не имели. Понеся потери, ополченцы отошли. Приказал командиру дивизии перейти к обороне, а начиншу фронта Бычевскому, находившемуся со мной, отдал распоряжение плотнее прикрыть этот участок минами и установить заграждения».³

¹ Раус. С. 114.

² И, надо полагать, на всякий случай ничего не сказал Попову о той сводке, которую сдал утром в архив.

³ Кринов. С. 52–53.

Да, Угрюмову было действительно непросто. Днем его распек Ворошилов и, уезжая, приказал во что бы то ни стало выбить немцев из Ивановского. Попов, понаблюдав за тем, как Угрюмов выполняет эту задачу, пожалел его и приказал перейти к обороне. Однако это не спасло Угрюмова, в этот день Ворошилов отстранил его от командования дивизией — факт, который почему-то во всех источниках умалчивается. С 16. 7. 1941 года командиром 2-й ДНО стал подполковник Александр Александрович Егоров, кадровый военный, бывший начальник 1-го отделения отдела боевой подготовки штаба Ленинградского военного округа.

Таким образом, в эти первые дни по различным причинам происходила интенсивная смена командования дивизии на всех уровнях.

Судя по всему, именно к этому дню боев относятся воспоминания Бардина, комиссара 3-го батальона 2-го полка дивизии. Его комбата тоже на второй день сменили другим человеком. «На смену ему прислали мастера спорта по фехтованию, преподавателя института физкультуры имени Лесгафта, добровольца из Ленинского района М. В. Лукичева <...>

В день назначения Лукичева командиром был получен новый приказ, теперь уже по-настоящему боевой. На рассвете следующего дня мы должны были выбить противника из деревни Юрки.¹

Лукичев приказал начальнику штаба лейтенанту Чеботареву организовать разведку. Разведчики вернулись быстро — Юрки были в трех километрах от нас — и доложили, что деревня почти полностью сожжена, уцелел лишь один жилой дом в центре да сарай. Возвышенность, на которой располагались Юрки, окружали балки, кустарник, переходящий в смешанный лес. Самым ценным в сообществе разведчиков было то, что фашисты ведут себя беспечно — ходят открыто, играют на губных гармониках и даже не выставили боевого охранения.² Выходит, не подозревают о нашем прибытии или игнорируют нас.

Комбат собрал командиров и политруков рот.

— Исходные позиции, — сказал он, — зайдем на восточной окраине Юрков ночью, под прикрытием темноты, а атаку начнем на рассвете.

Главная задача возлагалась на девятую роту, которой командовал лейтенант З. Б. Тамаркин, человек деятельный, предприимчивый и смелый. Правда, был он еще молодой, как говорится, безусый, однако с характером и требовательный.

Под стать ему оказался и политрук — инженер со „Скорохода“ С. Б. Амитин. Внешне они отличались друг от друга. Тамаркин вы-

¹ Это поддерживает версию Беспрозванова — Юрки были окончательно освобождены от немцев 16 июля к 6.00.

² Отсюда становится ясно, что это происходит уже после целого дня безуспешных попыток взять Юрки. Деревня сожжена, немцы чувствуют себя в силе.

глядел подростком. Амитин был старше командира, опытнее, обладал выдержкой, имел более солидный вид. На фабрике он руководил коллективом цеха в несколько сот человек. Учитывая личные качества командира и политрука, девятую роту и выбрали для атаки Юрков.

Восьмая рота должна была занять исходные позиции правее девятой, но вступить в бой, только когда потребуется закрепить успех. Седьмая оставалась в Белых Ключах, в резерве.

На рубеж атаки батальон выдвинулся, едва стемнело. Шли цепочкой, по одному, кустарниками, вдоль проселочной дороги. Проводником нашим был пожилой колхозник, который прятался с семьей в лесу.¹

Белые ленинградские ночи кончились еще в июне. Но и теперь, в середине июля, они были короткими и светлыми. Мы смогли наблюдать, что происходит в деревне, в которой хозяйничали гитлеровцы.

Наблюдательный пункт устроили на пригорке, метрах в двухстах от Юрков. Расположились поудобнее, взяли за бинокли. Деревня спала. Никакого движения, только часовой маячил возле уцелевшего дома: видимо, охранял покой какого-то начальника.

Бойцы притаились в кустарнике у восточной окраины деревни. Сюда же на руках подкатали полковую пушку из батареи, приданной роте. Орудийным расчетом командовал инженер-конструктор завода имени Егорова М. Е. Лапковский. Он должен был действовать только в случае появления вражеских танков.

И вот над Юрками взвилась ракета, выпущенная связным комбата Морозовым. В то же мгновение предутреннюю тишину нарушило дружное „ура“ и винтовочные выстрелы. Это девятая рота ринулась в атаку. Мы с Лукичевым хорошо видели, как стремительно бежали ополченцы. Притормаживали они свой бег лишь при стрельбе. По деревне заматались фигуры вражеских солдат. Застрекотали мотоциклы, гитлеровцы вскакивали на них и удирали, отстреливаясь на ходу.

Враг, застигнутый врасплох, поспешно покинул деревню. Но, как позже выяснилось, ушел он недалеко. За деревней, по пути к селу Ивановскому, сразу за возвышенностью проходила балка. Там, в кустарнике, гитлеровцы остановились и вызвали на помощь танки.

А пока бой стих. Лишь где-то вдалеке шла орудийная стрельба. Ополченцы радовались: первый бой и первая победа. Тамаркин, окрыленный успехом, не стал преследовать противника, посчитав свою задачу выполненной. Никто даже не догадался выставить боевое охранение.

¹ Не он ли и стрелял по немцам с тыла?

Праздновать, однако, победу было рано. Вскоре из-за кустарника появились автоматчики, открывшие бешеную стрельбу. Послышалось рычание танков.

Никто не ожидал такой быстрой контратаки. Мы с Лукичевым тоже растерялись, комбат забеспокоился.

— Надо что-то предпринять, иначе сомнут. Что делать, комиссар? — спрашивал он меня.

А что я мог посоветовать? Бежать и поднимать бойцов девятой роты или немедленно пустить в ход восьмую, ожидавшую нашего сигнала? В это время нервы у бойцов девятой роты не выдержали, они начали пятиться. Кое-кто побежал. На их пути встали Тмаркин и Амитин. Они остановили бойцов.

Продвижение фашистов пока было медленным. Видимо, отпор ополченцев, которых снова повели в атаку Тмаркин и Амитин, заставил их проявлять осторожность. Когда же на западную окраину Юрков вышли танки, устремились вперед и автоматчики.

Бронированные машины были уже в ста метрах от наших артиллерийских позиций. И тут последовали резкие орудийные выстрелы. Это открыла огонь пушка Лапковского. Один танк вспыхнул, за ним загорелся другой. Теперь заметалась вражеская пехота. Повернули назад и танки.

Рота Тмаркина решительнее пошла в атаку. Обрели уверенность и мы с комбатом. В восьмую роту помчался связной с приказом атаковать отступающего противника во фланг.

Лукичев приказал девятой роте окопаться, а восьмой продолжать преследование врага. Но рота выполнила свою задачу лишь наполовину. В лесу гитлеровцы снова оказали сопротивление. После боя, длившегося весь день, боя, в котором участвовали и подошедшие подразделения третьего полка, пришлось закрепиться в километре от Юрков, вдоль широкой лесной просеки».¹

Бой длился весь день, вероятно, потому, что немцы все пытались вернуть утраченную часть плацдарма, а наши — продвинуться дальше и ворваться в Поречье.

В этих боях участвовали и танкисты.

Киенко: «В ночь на 16 июля 1941 г. командир полка капитан Свириденко и начальник штаба полка к-н Казаков переформировали полк. Выяснилось, что несколько танков БТ-7 и Т-26 разбиты и подлежат ремонту на заводе. Почти все эти подбитые танки ночью отбуксировали и установили в секторах вдоль дороги д. Юрки — д. Сяглы в кустарнике и танковых окопах. Проверены и где необходимо отремонтированы пушки.

Если танки не удалось как следует нам использовать на ходу, то подбитые танки еще окажут большую помощь; если немцы решат

¹ Ополченцы. С. 42–45.

прорваться на Таллинское шоссе и пойдут по дороге д. Юрки—д. Сяглы, то будут встречены ураганным огнем из подбитых танков.

Подлежащие текущему ремонту танки были отправлены в тыл полка на ремонт и восстановление. Всем раненым была оказана первая медицинская помощь, и их отправили на машинах в госпиталь в Ленинград. <...>

Всех убитых в бою собрали, вывезли с поля боя и с почестями похоронили в одном из мест недалеко от д. Юрки.

Переформированные танки укомплектовали личным составом, заправили подвезенным горючим, дозагрузили боеприпасами. Таким образом, танковый полк в неполном составе танков и броневых автомобилей был готов к бою. Личный состав 2-го стрелкового полка, особенно 5-й батальон, тоже понес потери и был переформирован, укомплектован личным составом, обеспечен оружием и боеприпасами и также был готов к бою. Из разведданных нам известно, что противник в течение ночи с 15 на 16 июля 1941 г. успел переправить по 2-м мостам через р. Лугу:

по транспортному мосту: 2 танковых полка марки Т-3 и Т-4 — до 200 машин; 1 моторизованный полк 36 МПД — весь; средний 50-мм и 75-мм пушек артполк и минометы — до 100 орудий; мотоциклетный батальон — до 100 мотоциклов; разведроты — до 100 вс; инженерная рота — до 100 вс и инженерная техника.

По железнодорожному мосту: танковый полк Т-4 — до 100 шт.; 1 пехотный полк — весь; 1 тяжелый артполк 105-мм и 150-мм пушек — весь; моторизованный полк — весь.

Переправа войск происходила с перерывами, так как артиллерия дивизии в течение ночи обстреливала переправу немецких войск.

Противник в течение ночи, несмотря на обстрел переправы, ухитрился переправить почти все свои войска, находящиеся на левом берегу р. Луга. Переправленные войска заняли свои места и приступили к устройству обороны, выкопали траншеи, окопы, усилили оборону артиллерией, минометами. Сосредоточили танки, установили пулеметы. В течение ночи противник неоднократно бомбил наш передний край, спешил как можно скорее закончить переправу войск. Переправа по существу закончилась в 11.00».¹

Обратимся к Боевому дневнику 6-й танковой дивизии и проверим, действительно ли за эту ночь немцы успели переправить на правый берег Луги такое большое количество войск.

«В течение ночи наконец-то удалось привести в порядок путь прорыва, так что движение, хотя все еще и медленное, началось. На плацдарм пробрались несколько автомобилей с боеприпасами и топливом. Зенитная батарея 1.36 продвинулась до Борков. Промежуточная позиция позволила наладить радиосвязь с бригадой.

¹ СПб. школа № 111. Музей бронетанковых войск. Архив.Осн. ф. 952, ЛКБТКУКС, С. 23.

В 6.00 наконец-то доставленные боеприпасы разгрузить не удалось из-за метеоусловий».¹

А в конце дневника приводится список прибывших на плацдарм новых подразделений: 52-й саперный батальон (без 2-й роты) и 118-й полк 36-й МПД.²

Похоже, Киенко опять слишком забежал вперед и, как ни странно, так же, как и Раус накануне, весьма зависил количество находящихся на плацдарме войск. Вряд ли такие силы поместились бы на весьма ограниченном плацдарме, тем более что перетаскивать их все под удары нашей артиллерии и авиации не было никакого смысла.

Но хорошее подкрепление и боеприпасы, которые «после улучшения погоды в 11.40 удалось разгрузить»³, немцы все-таки получили.

Ополченцы тоже получили в этот день подкрепление в виде тяжелых и средних танков, причем не только роты Русакова.

Мощанский: «16 июля 1941 года в районе станции Веймарн были сосредоточены все боевые машины с ЛКБТКУКС вместе с преподавательским составом. В сводном полку на 16 июля имелось 10 КВ, 8 Т-34, 25 БТ-7, 24 Т-26, 3 Т-50, 4 Т-38, 1 Т-40, 7 бронемашин. Видимо, с прибытием 17 июля 6 танков КВ 1-й танковой дивизии, которые перебрасывались ж/д транспортом с привлечением роты КВ сводного тп, был сформирован батальон тяжелых танков КВ, которым стал командовать майор Пинчук.

С 16 по 21 июля полк ЛКБТКУКС и отдельный танковый батальон КВ использовались в боях в районе Кингисеппа...»⁴

Исаев, приводя эти же данные, делает еще одно дополнение: «Также советские войска в низовьях Луги получили поддержку отдельного батальона танков КВ, формировавшегося в Ленинграде по приказу ЛВО с 8 июля 1941 г.»⁵

То есть в этот день у ополченцев было уже около 80 боевых машин, среди которых наиболее важно появление тяжелых танков.

Однако, события 16 июля развивались для танкового полка еще более драматично, чем накануне.

Киенко: «В 8.00 рота средних и тяжелых танков л-та Русакова получила от командующего фронта генерала Попова приказ.

Вступить в бой с противником на Ивановском плацдарме, прорвать оборону, подойти к водной переправе, выбрать на ходу огневые позиции и немедленно расстрелять переправу».

¹ NARA, t 315, r 323, f 101.

² NARA, t 315, r 323, f 107.

³ NARA, t 315, r 323, f 101.

⁴ Мощанский. С. 80–81.

⁵ Исаев, 2011. С. 276.

Русаков: «Здесь же 16 июля 1941 г. около 10.00 я получил от командующего северным фронтом приказ: на реке Луга немецкая переправа и Вы, лейтенант, должны сделать все, чтобы ее не было.

Под моим управлением — рота тяжелых и средних танков прорвала оборону противника и вышла на ударные огневые рубежи и приступила к уничтожению немецкой переправы, и в течение 20 мин. переправа была уничтожена.

В этом бою по уничтожению немецкой переправы были убиты командир взвода лт. Павлов Борис и старшина роты Рейнт Степан и другие члены экипажа. Тяжелый танк КВ, на котором я вел бой, крупнокалиберными снарядами противника был выведен из строя, одним из снарядов заклинило башню, вторым снарядом было отбито ведущее колесо, осколками 3-го снаряда я был тяжело ранен в ногу и руку...»¹

Киенко: «В ходе прорыва обороны и следования к водной переправе рота л-та Русакова уничтожила:

- 1 танк марки Т-4;
- 1 50-мм противотанковую пушку;
- 2 пулемета
- и около 50 военнослужащих.

Водная переправа по транспортному мосту в течение 20 минут была уничтожена. При расстреле переправы мы потеряли от сосредоточенного огня противника по нашей роте, особенно от огня зенитной батареи, установленной на левом берегу реки Луги. Батарея стреляла по танкам прямой наводкой. Убит л-т Кузюбердин Александр Петрович, тяжело ранен л-т Павлов Борис, ранен л-т Русаков, старшина Рент и др.

Рота после боя по уничтожению водной переправы возвратилась на выжидательный район. Рота средних и тяжелых танков л-та Русакова уничтожила боевую технику и пехоту противника так быстро и умело потому, что рота особенно не опасалась огневых средств противника, потому что солидная броня наших танков КВ и Т-34 — башенная, бортовая, не говоря уже о лобовой, не позволяла огневым средствам противника хозяйничать и диктовать свои условия, тем более уничтожать нас. Немецкое командование 4-й танковой группы убедилось в мощи новых советских танков, перед которыми немецкая противотанковая артиллерия оказалась бессильной...»²

Вот такой в изложении Киенко получился странный фрагмент. Завершение описания действий роты средних и тяжелых танков основано на стойком феномене восприятия танков КВ, отчетливо за-

¹ СПб. школа № 111. Музей Бронетанковых войск. Архив. Оsn. ф. 952 ЛКБТКУКС, с. 2–3.

² Там же, С. 26–28.

фиксированного в воспоминаниях участника боев на Лужском рубеже ст. сержанта Ю. А. Круковского, командира БТ-5 из 24-й танковой дивизии.

«На Лужском рубеже я первый раз видел в бою наш тяжелый танк КВ. В дивизии таких машин было немного, и о массовом применении их, разумеется, речи не шло. Они действовали на особо ответственных участках по нескольку штук и даже одиночно.

В том бою, а он шел в открытом поле, КВ поднялся на пригорок и остановился во всей своей красе. Огонь врага немедленно сосредоточился на нем. Но противотанковые пушки гитлеровцев, находившиеся в первой линии, в то время не пробивали броню нашего кировца. Было видно, как снаряды попадают в машину и, высекая искры, рикошетируют в стороны. А КВ словно не замечал сильного огня, степенно отыскивал цели и накрывал их из своего 76-миллиметрового орудия.

После боя мы осмотрели нашего богатыря. Его броня во многих местах была в страшных отметинах. Но всюду противостояла броневой снарядом. Великолепная машина! При виде такой мощной техники у бойцов росла уверенность в наших возможностях, в победе над гитлеровскими захватчиками...»¹

Таким образом, замысел Попова был прост и полностью основывался на неузвимости танков КВ. Приблизиться, расстрелять переправу и тем самым отрезать наконец плацдарм от тылов.

Однако даже здесь Киенко не смог скрыть того факта, что рота тяжелых танков ст. лейтенанта Русакова, «выполнив приказ», изрядно при этом пострадала. Один командир танка с экипажем погиб (танк потерян). Сам командир роты ст. лейтенант Русаков ранен и отправлен в госпиталь.

На этом этапе боевых действий немцы уже не боялись наших КВ. Боевая группа Рауса встречалась здесь с ними не впервые. По иронии судьбы, именно на их пути оказался легендарный расейняйский танк, на котором они опробовали все способы борьбы и в конце концов уничтожили 88-мм зенитками. Были у них на этот случай две такие зенитки и на плацдарме.

Относительно же выполненной ротой тяжелых танков задачи в немецком боевом дневнике есть лаконичная запись:

«Новый мост через Лугу у Поречья получил два попадания, но его работоспособность от этого не пострадала».²

С нашей же стороны 1 КВ потерян, другой — поврежден. Один командир КВ погиб, командир роты КВ ранен. Повреждены 2 Т-34.

¹ Танкисты в сражении за Ленинград, С. 57.

² NARA, t 315, r 323, f 112.

Посмотрим, как воевали в этот день другие подразделения сводного танкового полка.

Киенко: «Командир 2-го СПНО подвел итоги боя за первый день, проанализировал сведения разведки о противнике, о том, что противник спешит переправить свои войска по транспортному и ж.д. мостам. Получил приказ 6.30 минут наступать.

В 6.00 противник начал бомбить наш передний край, после бомбежки противник начал артиллерийский 20-минутный обстрел.¹ Земля дрожала, в пехотных цепях оказались убитые и много раненых. Мы выдержали неимоверные муки. После артобстрела немецкие войска пошли в наступление. Двинулась пехота, пошли танки, мы не торопились открывать огонь, наблюдали за противником, засекали цели противника. Главная задача состояла в том, чтобы поближе подпустить врага, а потом только его расстрелять. Когда танки противника подошли на 300 метров к переднему краю, был подан сигнал „огонь“.

Весь огонь обороны полка сразу свалился на голову врага. Наши танкисты начали уничтожать ранее выявленные черно-синие чудовища. Их экипажи стали десантироваться из горящих танков, а пехота полка — 8-й и 9-й рот — стали их уничтожать. Пехотинцы противника, лишившись прикрытия, стали отбегать в сторону, попали в сектора обстрела наших пулеметов и были уничтожены».

Упоминание 8-й и 9-й рот наводит на мысль, что здесь описывается все тот же утренний бой за деревню Юрки и немецкие контратаки. Но в таком случае получается, что полностью очищенная, согласно отчету Беспрозванова, к 6.00 деревня в этот день все еще продолжала оставаться ареной боев.

Киенко: «Командир танкового полка к-н Свириденко <...> имел хорошую теоретическую и практическую подготовку боев на озере Хасан и финской кампании. В бою наглядно проявил героизм и сноровку, хорошо наблюдал за полем боя и удачно маневрировал. В результате уничтожил в бою 1 танк Т-3, своевременно засек и уничтожил одну 50-мм противотанковую пушку, 2 миномета и 2 пулемета.

Противник усилил наступление и вел бешеный огонь, 8-я рота залегла, в рядах которой вел наступление к-р полка к-н Свириденко. Пехота прижалась к земле. Все это происходило на глазах командира полка. Командир оценил обстановку, по радио вызвал управление танкового полка и десантировался для того, чтобы поднять и повести в атаку 8-ю роту и управление танкового полка. Капитан Свириденко — к-р полка дал команду в атаку, все встали и пошли в наступление, но неожиданно пулеметной очередью противника был срезан к-р

¹ Из контекста получается странная картина. Командир 2-го полка народного ополчения получил приказ в 6.30 наступать, но почему-то именно в 6.30 начали наступать немцы.

полка. Это было в 8.30 м. 16 июля 1941 г. Начатая атака продолжалась, пулемет, из которого был убит к-н Свириденко, был уничтожен.

В этой утренней атаке д. Юрки оказалась нашей. Противник не выдержал нашего наступления и беспорядочно отступил. <...> Кое-где наши воины пехотинцы и танкисты ЛКБТКУКС вышли к р. Луге...»

Вот и еще один командир погиб.

Приведу другое описание его гибели из воспоминаний лейтенанта Анатолия Михайловича Бельского и добавление из воспоминаний механика-водителя из экипажа Бельского Ивана Федоровича Ломакина.

Бельский: «В тот же день 16 июля 1941 г. в 12.00 погиб командир полка капитан Свириденко.

В полосе наступления командира полка 9 роты народного ополчения пулеметы противника прижали к земле. Командир полка оценил обстановку боя, вызвал по радиации взвод автоматчиков и управление полка и десантировался из танка, и этими силами решил поднять 9 роту и возглавить атаку, но неожиданно и нежданно был скошен пулеметной очередью, а 9 рота поднялась и пошла в атаку, и в результате этого боя д. Юрки была отбита у противника».¹

Ломакин: «16 июля 1941 г. примерно в 12.00 погиб командир полка капитан Свириденко. <...> Ст. батальонный комиссар, фамилию его точно не помню, как будто Работовский или Зараковский, принес партийный билет, пробитый пулями, и говорит: „Наш батя погиб“».²

Здесь важно отметить то, что в данном случае комиссар Работовский сдал документы погибшего командира.

По всем этим документам можно понять лишь то, что в районе Ивановского идут постоянные бои. После утренней диверсии, проведенной по приказу лично Попова при участии танков КВ на мосты в Поречье, рота лейтенанта Русакова фактически была наполовину разгромлена, а сам командир отправлен в госпиталь. Мост повредить не удалось, хотя танкисты честно отчитались перед командованием — попадания действительно были. Однако кое-какого успеха в этот день добиться все же удалось.

Исаев: «Тем не менее Юрки были отбиты у немцев ранним утром 16 июля. Захват деревни стоил полку ЛКБТКУКС потери трех танков. Это был локальный, но безусловный успех. Контратакой наспех собранными силами удалось сузить немецкий плацдарм. Надо сказать, что Раус в мемуарах тактично пишет, что «желто-коричневая масса» наступала «от села Юрки», т. е. деревня уже была захвачена. Тем самым он постарался задрапировать факт потери этого пункта. Результатом атаки, названной Раусом «бессмысленным поступком»

¹ СПб. школа № 111. Музей бронетанковых войск. Архив. Осн. ф. 950, ЛКБТКУКС, с. 3.

² Там же.

и «ужасной бойней», стали захват и удержание важного опорного пункта на подступах к плацдарму и уменьшение его площади...»¹

А что же происходило в этот день на других участках зоны ответственности 2-й ДНО и ее соседей?

Из переговоров

«У АППАРАТА КОМДИВ ПЕРЕДАЮ ОБСТАНОВКУ НА ФРОНТЕ ВВИДУ ОТСУТСТВИЯ СВЯЗИ ОТ 191 СД И 118 СД СВЕДЕНИЙ В ШТАБЕ НЕ ИМЕЕТСЯ ПОСЛАННЫЙ ДЕЛЕГАТ НЕ ВЕРНУЛСЯ ТЧК НЕСМОТРЯ НА ВСЕ МЕРЫ ПРИНЯТЫЕ НАМИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ СВЯЗИ 2 ДИВИЗИИ ОПОЛЧЕНИЯ СВЯЗЬ НЕ УДАЛОСЬ УСТАНОВИТЬ И СВЕДЕНИЙ О ДЕЙСТВИЯХ ЭТОЙ ДИВИЗИИ МЫ НЕ ИМЕЕМ ДЕЛЕГАТ ПОСЛАННЫЙ НА САМОЛЕТЕ В ШТАДИВ 2 НЕ ВОЗВРАТИЛСЯ ТЧК»²

Замечательный документ. То, что прорвавшаяся передовая группа немецкой дивизии лишилась связи со штабом, вполне естественно и понятно. Но каким образом была потеряна связь со 191-й дивизией и 2-й ДНО, которым с тыла пока еще ничего не угрожало, понять трудно. Объяснить это можно, пожалуй, лишь полной неразберихой и хаосом, царившими в эти дни на Лужском рубеже обороны. В результате командующие фронтами лично приезжали на наиболее ответственные участки фронта.

Но вот наконец один из делегатов вернулся, благодаря чему мы имеем теперь возможность узнать хотя бы что-то еще о происходившем в тот день на Ивановском плацдарме.

Из переговоров.

«...³ ЗАКРЕПИЛИСЬ ЗАНИМАЕМОМ РУБЕЖЕ = ПРОДОЛЖАЕТСЯ ОГНЕВОЙ БОЙ Я ЧАСТИ ПОДОШЛИ К ОПОРНОМУ ПУНКТУ ПРОТИВНИКА, ЧТО НА СЕВЕРНОЙ ОКРАИНЕ ИВАНОВСКОГО. ПОДРОБНЫЕ ДАННЫЕ ОТ ГРУППЫ ЕГОРОВА, ОБЪЕДИНЯЮЩЕГО 2 ПОЛКА 2-Й И 3-Й СП 2 ДНО ДАННЫЕ УТОЧНЯЮТСЯ ДЕЛЕГАТАМИ ВВИДУ ОТСУТСТВИЯ С НИМ СВЯЗИ ДОНЕСЕНИЯ ОПАЗДЫВАЮТ ТЧК СВЯЗЬ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ ДЕЛАГАТАМИ = ИЗВЕСТНО, ЧТО ОН НАСТУПАЛ ОТ ЮРКИ НА ПОРЕЧЬЕ ПРОДВИГАЛСЯ ТАК ЖЕ МЕДЛЕННО = НАША АВИАЦИЯ ПРОИЗВОДИЛА НАЛЕТЫ ПО РАЙОНУ К ЮГУ ОТ ПОРЕЧЬЕ, ГДЕ СТОЯТ ЗЕНИТНАЯ И АРТБАТЕРЕЯ = РЕЗУЛЬТАТ ПО ОТЗЫВАМ — ХО-

¹ Исаев, 2011. С. 276.

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 178, л. 134-135.

³ Там же, л. 160. Начала фразы нет.

РОШИЙ = АВИАЦИЯ ПРОТИВНИКА ПРОИЗВОДИЛА ПОЛЕТЫ С 16.00 НАД РАЙОНОМ ВЕЙМАРН И ИВАНОВКА...»¹

Результат хороший только по отзывам наших летчиков. Две 88 мм зенитки немецкой дивизии остались целы и невредимы. Они до поры до времени находятся в укрытиях и хорошо замаскированы.

Еще более интересная картина возникает из следующего документа.

«ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ТОВ. ВОРОШИЛОВУ =+= КОПИЯ КОМАНДУЮЩЕМУ СЕВЕРНЫМ ФРОНТОМ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ ТОВ. ПОПОВУ

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ НР 01/В 16/7 — 41 17 00

ДОНОШУ ЧТО ПРИ ПРОВЕРКЕ ГОТОВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ И СРЕДСТВ УСИЛЕНИЯ ОКАЗАЛОСЬ:

1) ТАНКИ НАМЕЧЕННЫЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ВДОЛЬ РЕКИ ЛУГА С БАТАЛЬОНОМ 4 ПОЛКА ПРОЙТИ НЕ МОГУТ ТАК КАК МОСТЫ УНИЧТОЖЕНЫ И МЕСТНОСТЬ БОЛОТИСТАЯ

2) С ГРУППОЙ УГРЮМОВА ВМЕСТО НАМЕЧЕННЫХ КОМАНДУЮЩИМ ФРОНТОМ 4 ТАНКОВ Т-34 БЫЛ ВОССТАНОВЛЕН ОДИН ИЗ ДВУХ ИМЕВШИХСЯ И ВМЕСТО 6 КВ БЫЛО ВЫДЕЛЕНО ТОЛЬКО 4

3) К НАЗНАЧЕННОМУ НАЧАЛУ АРТПОДГОТОВКИ 14–20 ИЗ-ЗА ТОГО ЧТО ПЕХОТА НЕ ВЫШЛА НА РУБЕЖ ПОЗВОЛЯЮЩИЙ ПОСТАНОВКУ ЗАДАЧ ПО ЦЕЛЯМ НА МЕСТНОСТИ ТАНКАМ И АРТИЛЛЕРИИ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИХ НЕ БЫЛО ГОТОВО

4) ТЕХНИЧЕСКОЙ СВЯЗИ СВОИМИ ОТРЯДАМИ И ШТАБОМ УГРЮМОВ ЕЩЕ НЕ ИМЕЛ УПРАВЛЕНИЕ НЕ ОРГАНИЗОВАНО

5) ВМЕСТО АВИАЦИИ ЛВО УЧАСТВОВАЛА АВИАЦИЯ КБФ КОРОТКИМ НЕПЛАНОВЫМ НАЛЕТОМ ПРИ ЧЕМ ДО АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ПОДГОТОВКИ

6) УГРЮМОВ ХОТЕЛ НАЧАТЬ АТАКУ БЕЗ ПОЛНОГО ЧИСЛА ТАНКОВ ВСЕ ЭТО ВЫНУДИЛО МЕНЯ ПЕРЕНЕСТИ НАЧАЛО АКТАКИ С 15–00 НА 19–00 И ЗА ЭТО ВРЕМЯ ОБЕСПЕЧИТЬ ОРГАНИЗАЦИЮ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЛЯ НАРУШЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПТО ПРОТИВНИКА ЗАЖГЛИ ИВАНОВКУ, ПОРЕЧЬЕ <...>

КОМАНДУЮЩИЙ ЛУЖСКОЙ ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППОЙ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ПЯДЫШЕВ»²

Наконец появился в нашей истории и генерал Пядышев, о котором до сих пор мы почти ничего не слышали. На Сабском плацдарме командует полковник Мухин. На Ивановском плацдарме — командующий Северным фронтом М. М. Попов, а порой и сам главнокоман-

¹ Там же, л. 134–135.

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 178, л. 29–32.

дующий северо-западным направлением маршал Ворошилов. В этот день в одном и том же документе мы видим, что во 2-й ДНО есть «группа Егорова» и в то же время «группа Угрюмова».

И вот, вероятно, воспользовавшись их кратковременным отсутствием, вставил свою лепту в упреждение действий полковника Угрюмова и Пядышев. Вот где сходится свидетельство отчета Бесprozванова о том, что тяжелые танки приступили к боевым действиям лишь в 19.00 16 июля.

К вечеру этого дня вернулся еще один делегат.

Из переговоров

«У АППАРАТА ПОЛКОВНИК КОРОБЕЙНИКОВ = ПЕРЕДАЮ ПОЛОЖЕНИЕ В РАЙОНЕ ИВАНОВСКОЕ = ГРУППА ПОЛКОВНИКА УГРЮМОВА И ЕГОРОВА — 2-Я ДИВИЗИЯ УСИЛЕННАЯ БАТАЛЬОНОМ 191 СД В 18 45 НАЧАЛИ АТАКУ И К 22 00 ЗАНЯЛИ ПОЛОЖЕНИЕ: ОВЛАДЕЛИ РОЩИЦА И ВИЛКА ДОРОГ, ЧТО СЕВЕРО-ЗАПАДНЕЕ ИВАНОВСКОЕ МЕДЛЕННО ПРОДВИГАЯСЬ ВПЕРЕД ПОД СИЛЬНЫМ ОГНЕМ АВТОМАТОВ И МИНОМЕТОВ ПРОТИВНИКА = С НАЧАЛА НАСТУПЛЕНИЯ ЧАСТИ ПОДВЕРГЛИСЬ НАЛЕТУ АВИАЦИИ, ЧТО ТАК ЖЕ СНИЖАЛО ТЕМП ПРОДВИЖЕНИЯ К 01 00 ПОЛОЖЕНИЕ ОСТАВАЛОСЬ БЕЗ ПЕРЕМЕН <...>»¹

Политрук Кошелев: «16.VII утром я на передовой не был, а поехал туда во время артподготовки к вечеру. К моему удивлению, я встретил еще многих бойцов, которые болтались, не зная, где их подразделения. Шло подтягивание к передней линии.

Чем бы я объяснил такое низкое моральное состояние значительной части бойцов?

1) В неравном (первом) бою, когда многие не знали даже заряжания винтовки и пользования гранатой, пр-к имел (огневое) превосходство, а при появлении танков бойцы, не будучи в окопах, отступили. Это создало в их глазах пр-ка, как исключительно сильного.

2) Слабость политической работы. Четыре дня бойцы и к-ры не читали даже газет.

3) Безвластие и безынициативность отдельных командиров и политработников.² Ввиду чего бойцы болтаются, а ими никто не командует.

4) Нечеткая работа тыла (некоторые бойцы не накормлены, нехватка боеприпасов)...»³

¹ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 178, л. 134–135.

² Это неудивительно, особенно если вспомнить о том, что наиболее инициативные командиры и комиссары ополченцев в первые же дни полегли на поле боя.

³ ЦГАИПД, ф. 2281, д. 195.

В общем, чем больше и подробнее познакомишься с происходящими в районе плацдарма Поречье-Ивановское событиями, тем все чаще и чаще хочется повторять сказанное в сердцах накануне Ворошиловым — «Порядка нет...»

В немецких штабах

Гальдер: «к. На дорогах, идущих от западного берега Ильмени к Луге, наблюдается движение автомашин и конных повозок. В Луге обнаружена зенитная артиллерия.

л. Авиация противника совершает налеты на соединения корпуса Рейнгардта и наши пехотные дивизии, движущиеся вдоль восточного берега Чудского озера. Восточнее Чудского озера отмечается сильная противовоздушная оборона противника (истребители и зенитная артиллерия).

В общем, в действиях авиации противника ясно чувствуется твердое и целеустремленное руководство. <...>

Группа армий „Север“. Продолжается перегруппировка перед наступлением, в котором главный удар будет наноситься на Новгородском направлении. Однако подготовка задерживается по вине 16-й армии, которая слишком долго не предоставляет войска для нанесения удара на север».¹

Опять нельзя не отметить того факта, что главный немецкий штаб основным направлением удара все еще считает удар на Новгород. Тем не менее Риттер фон Лееб все не теряет надежды на развитие своего успеха.

Лееб: «Сегодня я отправился в 4-ю танковую группу в Анисимово (20 км южнее Пскова). Ужасное состояние дороги², пять часов в пути. 8-я танковая дивизия подверглась атаке с двух сторон и вынуждена была отступить. Не исключено, что она понесла большие потери. Генерал-полковник Гепнер намерен развернуть 56-й моторизованный корпус на север, так как полагает, что здесь имеются лучшие возможности для продвижения...»³

Стремление ворваться в распахнутые ворота Ленинграда одолевает в корпусе всех вплоть до Гепнера. Однако фон Лееб скован, хотя из дальнейшего его рассуждения все же видно, что он и сам ищет пути скорейшей реализации этого решения.

¹ Гальдер, 2007. С. 83–84.

² Дневник барона фон Грисенбека от 16 июля: «На пути в 4-ю танковую группу командующий вынужден был оставить свой автомобиль „Хорх“. Дальнейшее продвижение из-за многочисленных глубоких выбоин на дороге возможно было лишь на вездеходном автомобиле» (Лебедев. С. 82).

³ Лебедев. С. 82.

Леиб отвечает Гепнеру: «Это неприемлемо.

56-й моторизованный корпус должен оставаться на шоссе, раз-
вернувшись фронтом на Новгород, иначе придется отдать этот уча-
сток противнику. Вначале должно быть обеспечено прикрытие право-
го фланга 4-й танковой группы. Следует выдвинуть вперед 1-й ар-
мейский корпус. Лишь после того как этот армейский корпус будет
прикрыт с фланга и подойдут силы 10-го армейского корпуса, только
тогда можно будет поставить вопрос о перенацеливании 56-го мо-
торизованного корпуса на север. Один из трех пехотных корпусов
следует направить на Новгород, другой пехотный корпус прикроет
направление на Старую Руссу. До тех пор пока этого не произой-
дет, 4-я танковая группа должна будет прорывать рубеж Новгород—
Луга—Нарва».¹

Боевой дневник ГА «Север»

«Замысел танковой группы: подтянуть 56-й мк к 41-му мк, чтобы
в составе всей 4-й танковой группы пробиваться к Ленинграду на
прежнем левом фланге. <...>

Превыше всего сейчас сохранить живую силу и технику. Продол-
жение наступления танковой группы на общем северо-восточном на-
правлении возможно лишь тогда, когда правый фланг будет надежно
прикрыт пехотным корпусом. Независимо от этого следует стремить-
ся к тому, чтобы тяжелая ситуация, сложившаяся под Нарвой, была
исправлена как можно скорее...»²

Риттер фон Леиб: «В 15.00 на самолете „Шторх“ я вернулся к себе.
Начальник штаба доложил, что по распоряжению ОКХ 93-я пехотная
дивизия была введена в бой с прицелом на Дерпт (Тарту). <...>

Оценка обстановки: оперативная протяженность линии фронта
группы армий „Север“ увеличилась с 200 до 650 километров. На две
дивизии стало меньше. <...> Противник ввел в бой новые дивизии
и стал очень упорно сражаться после того, как командование принял
Ворошилов.

В связи с этим выполнение задач группой армий „Север“ разне-
сено по этапам:

– 16-я армия должна вначале выправить положение в полосе сво-
ей ответственности, лишь после этого может продолжить движение
к озеру Ильмень.

– 4-я танковая группа вначале выходит исключительно на рубеж
Новгород—Луга. Для дальнейшего продвижения на правом фланге

¹ Там же.

² Лебедев. С. 82–83 (сноска).

необходимо, чтобы подошли один или два армейских корпуса 4-й танковой группы.

– Хватит ли 18-й армии сил, чтобы выправить положение на севере Эстонии, в настоящее время оценить невозможно».¹

По этой записи отчетливо видно, что немцам уже не до продолжения броска — ноги их завязли, и они с трудом передвигаются по изрытой пересеченной местности. Вот он Ленинград — как на ладони, но недосыгаем. Воистину: близок локоть, да не укусишь.

А Гитлер все продолжает стучать ладонью по столу. На совещании 16. 7. 1941 года он вновь заявил, что «хочет сравнять Ленинград с землей, а затем отдать его финнам...»²

Из истории 6-й танковой дивизии

В. Пауль: «На лужском плацдарме ефрейтор фон Брух из 1 батальона 4 стрелкового полка записывает 16 июля 1941 г: „Утром возобновилось наступление тяжелых танков. Снова один из них выведен из строя. В полдень тяжелейший артиллерийский огонь, потом появились бомбардировщики. У нас значительные потери транспортных средств, многие сожжены. Тяжелый русский танк прорвался через нашу передовую линию и правой гусеницей раздавил патронные ящики и мою полевую флягу. Стена нашей норы прогнулась. 5-см ПТО было взято на передок и попыталось подъехать к танку сзади, [тем временем] кризис преодолен. Вражеский танк остановился в болоте и был поднят на воздух при помощи канистры горючки.»³ От деревни Ивановское осталась груда обломков. <...> Войсками на плацдарме командовал полковник фон Вальденфельс. Ему пришлось 16 июля использовать последние резервы, чтобы сохранить контроль над положением. Селение Юрки было оставлено. В этих боях погибли среди прочих командир 1 батальона 4 сп капитан Шмидт и командир 4 батареи 76 ап старший лейтенант Гансманн. В 65 танковом батальоне также были тяжелые потери. Танковым механикам приходилось много работать, чтобы своевременно докладывать о боевой готовности поврежденных танков. <...>

Хотя основные силы 6 танковой дивизии и 16 июля не имели связи с плацдармом, батальону снабжения в этот день удалось переправить на плацдарм несколько машин с горючим и боеприпасами. Только за этот день было израсходовано 150 000 патронов. Ввиду нехватки боеприпасов серьезнейшим образом обдумывалось, не сдать ли Ивановское. Однако такой вариант был отклонен, поскольку при

¹ Лебедев. С. 83.

² Там же.

³ По всей видимости речь здесь идет об экипаже Кузобердина. Вот он, неуязвимый тяжелый танк без прикрытия.

этом под контроль неприятеля была бы отдана важная дорога, а отступление оказало бы деморализующее воздействие на войска. <...>

Положение улучшилось, когда вечером 16 июля прибыли 1 батальон 118 сп 36 ПД (мех.) и бронетранспортерная 8 рота 114 сп. На мосту через Лугу смерть настигла командира 1 батальона 118 сп майора Леезекампа (Leeseekamp) и его начальника штаба; старейший из ротных командиров, старший лейтенант Э. А. Вальтер (E. A. Walter) принял командование. Бойцы этого батальона сражались вместе с боевой группой Рауса в образцовом братстве по оружию.»¹

Эта страница из истории 6-й танковой дивизии едва ли не поэтична. Не уступает ей в живописности и страница Боевого дневника.

Боевой дневник 6-й танковой дивизии

«Ранним утром неизменное авианападение на плацдарм и теперь также на Борки. Поддержанная танками атака на плацдарм отбита. Несущая смерть битва за плацдарм соединения, едва ли не полностью расстрелянного, героична. 16. 7 появилась надежда на перенесение поближе аэродрома истребителей, благодаря чему наконец станет возможным прикрытие плацдарма истребителями. Первоочередное мероприятие. <...>

С вечера 15. 7 возведен на мосту в Заянье офицерский пост с проводной связью со штабом дивизии. Он позволяет пропускать только технику, принадлежащую 1-й и 6-й ТД.²

Продуман план подтягивания резервов войск и соответствующего снабжения.

К 12.00 движение по дороге должно снова застопориться, т. к. кусок пути перед Борками приходится проходить очень медленно. Авианападения врага нашими истребителями вообще не сдерживаются, легкие зенитные установки остались без боеприпасов, 8,8 зенитки двинутся вперед не раньше полудня, нападения вражеских бомбардировщиков и истребителей постоянны на всем протяжении до Преображенского³. Дорога около Ельмы⁴ раздолбана. Из-за этого же застопорилось дальнейшее продвижение у Борков, т. к. контратаки в западном направлении очень медленно отвоевывают пространство. В результате одной такой атаки, проведенной АА 57, К 6 и 11-м танковым полком 1-й ТД, был ранен старший лейтенант Линбрунн.⁵ После обеда майор Лева на основании доклада капитана

¹ Paul. Перевод на рус. яз. см.: <http://centralsector.narod.ru/germ/paulr.htm>

² NARA, t 315, r 323, f 101.

³ Деревня на полупути между Лотохово и Заручье. Ныне не существует.

⁴ Название подчеркнуто и на полях от руки приписано — Хрель?

⁵ Видимо, речь здесь идет об упорных попытках боевой группы Линбрунна, усиленной частями 36-й МПД и 1-й ТД, сбить заслон, выставленный курсантами ЛКПУ у Старополя и частями 191-й стрелковой дивизии у озера Долгое.

Кнауса о том, что происходит в километре от нашей трассы, сказал, что подобное может повториться. У первого плацдарма удалось разгрузить боеприпасы. Правда, только две машины. Батарея 8,8 прибыла на плацдарм, далее движение предполагается через Борки. Впрочем, авианападения почти прекратились. Разведчики не могут работать из-за плотного контроля вражеских истребителей. В 15.00 после сильного часового артобстрела полковник Раус, ожидая вражеского нападения, запросил помощи боеприпасами и поддержки. Но из-за условий дороги можно мало чем помочь. Находящийся впереди генерал попытался добиться, чтобы 11-й батальон 114 полка выдвинулся на грузовиках в поддержку группы Рауса. Больших сил из района Борков, пожалуй, не вытащить. По-прежнему остается решающим то обстоятельство, что каждое наше движение сковано, каждая принятая мера становится критической из-за неограниченного преимущества в воздухе врагов.

Очевидно, не удалось перебазировать аэродромы и бросить на врага наши истребители. Почему не используются истребители, остается нашей дивизии неизвестным. Запрошена новая партия боеприпасов. В интересах предпочтения автомобильного снабжения необходимо работать над дорогой. 2-й саперный батальон 52 полка¹ оставлен у Ельмы². В 17.00 от группы Рауса новых сообщений нет. Находящемуся у Борков командиру дивизии удалось отправить вслед за зенитками одну партию боеприпасов. Для обеспечения безопасности с запада он оставляет К 6 и половину ААА 57, 1-й батальон 118 полка со второй половины дня передается дивизии, 111-й 76-го и 8-й мот. 114-го будут в 17.45 отправлены вместе с боеприпасами к боевой группе Рауса, чтобы она там могла действовать еще эффективнее.

В Заручье тем временем собрались 1-й батальон 114-го и 1-й 11-го полков и оставлены как мобильный резерв дивизии. Вполне возможно их предпочтение хорошей дороги к плацдарму, но при этом все же решающей остается разведка западного фланга. 18.00 прибыло обещанное снаряжение (на этот раз боеприпасы для пехоты).

Саперный батальон, заявленный к 17 часам (его желание взять грузовики отклонено), отправлен обратно и медленно проходит участок леса перед Лядами, требуя больше времени, чем продвигающийся дальше батальон, снабженный велосипедами. Истребителей, как и прежде, не хватает.

Полковник Раус в 18.40³ передал через вестового сообщение о возобновлении тяжелейшего артобстрела моста. Как и прежде, ар-

¹ NARA, t 315, r 323, f 103.

² Здесь на полях от руки снова поставлен вопрос и написано — м. б. Хрель?

³ На полях от руки приписано — 18.00. По всей видимости, в 18.40 известие было получено.

тобстрел, как и авианалеты, ведется из первых линий не столько по позиции, сколько по мосту и подъездным путям.

В 20.00 после десятичасовой работы в свой день рождения генерал вернулся с передовой на созванную вечеринку, после того как окончательно убедился, что и плацдарм, и западный фланг защищены от нападений врага.

Около полуночи положение плацдарма полностью восстановлено, благодаря прибытию 1-го батальона 118 полка, для продолжения тяжелой кровопролитной битвы.¹

<...>

Убито: 28

Ранено: 101

Пропавших без вести: -

Погода: облачно, грозы

Температура: 24°²

Исаев: «Серьезную поддержку войскам на Лужском рубеже оказывает авиация. Несмотря на плохие погодные условия, 41-я авиадивизия под прикрытием истребителей 39-й авиадивизии бомбила район Сабска и Осьмино. Только ФАБ-100 было сброшено 156 штук. Истребители летали на сопровождение СБ с эрэсами и охотились на грузовики на дорогах. В ЖБД немецкой 1-й танковой дивизии указывалось: „Противник господствует в воздухе. У зениток проблемы с боеприпасами. Из-за перегрузки неоднократно происходят разрывы снарядов в канале ствола“. Следует отметить, что шквальный огонь зенитных автоматов дал некоторые, хотя и достаточно скромные, результаты: 41-я авиадивизия потеряла 16 июля 2 СБ, 39-я авиадивизия — 1 И-16, сбитый огнем с земли.

Ввиду активности советских ВВС немецкие части на плацдармах оказались даже без обычной палочки-выручалочки Панцерваффе — „тетушек-Ю“ с горючим и боеприпасами. В ЖБД XXXXI корпуса 16 июля отмечалось: „Из-за плохих дорог и сохраняющейся угрозы коммуникациям снабжение плацдармов затруднено. Снабжение по воздуху из-за плохой погоды возможно лишь в ограниченных масштабах, поскольку можно использовать только Ю-88, применение транспортных самолетов невозможно по причине активности вражеских истребителей“.³ Это означало, что предметы снабжения сбрасывались с бомбардировщиков в парашютных контейнерах. Для освобождения путей снабжения принимались самые радикальные меры. Весь транспорт, который мешал движению, был попросту сброшен с дороги в болото. В ЖБД XXXXI корпуса прямо указывается: „Наши

¹ NARA, t 315, r 323, f 105.

² Ibid, f 107.

³ Ibid, t 314, r 979, f 393.

личные и материальные потери от вражеской артиллерии и авиации растут темпами, внушающими беспокойство»¹.

В завершение описания этого дня приведу воспоминания о нем бойца истребительного батальона Бориса Александровича Белова:

«Когда замолчал дождь и прояснилось небо, мы услышали со стороны Ленинграда шум моторов, а затем увидели на шоссе несколько танков, среди них были КВ, за танками двигалась артиллерия и пехота на грузовиках. Мы стали выходить к шоссе, дружное „Ура!“ страшное для врагов земли русской и необходимое, как соль, для воинов России.

Около танка КВ шел сам Клим Ворошилов. Вид у него был бравый, воинственный и в то же время простой, притягивающий, он шел легкой властной походкой в защитном плаще безо всяких <...> и знаков отличия. С под фуражки белелись виски. Позади него волочилась легковая машина. В ней сидел военный с четырьмя ромбами.

- С восьми десятками мерзавцев не можете справиться! Отставить ура.

Мы стали выстраиваться в боевые порядки. Всех обуял энтузиазм предстоящей битвы. Забыли усталость и пережитый страх. Первый маршал вдохновил нас на сражение. Его слова прозвучали для нас, как воинственный гимн... Мы проверили оружие, пополнили боеприпасы. Затем вышли на дорогу. Но скоро пришлось спуститься в канаву и передвигаться в колонку. Шли по ... в воде и грязи. Танки промчались вперед. Впереди завязался бой. Наша артиллерия била по немецкой, началась дуэль между артиллеристами. В звонком прохладном воздухе зарокотали моторы. Появилась наша авиация. Разгорелся воздушный бой, слышались разрывы бомб. Небо после дождя было удивительно живописное. Умирать было весело и красиво. Земля, омытая дождем, и нарядное небо загудели, задрожали от разрывов снаряда. Воздух заполнился трескотней автоматов, пулеметов, винтовочных выстрелов, шипением мин, которые хором пели над нами. Пахло порохом и гарью. Мы быстро шли, пригибаясь к земле, иногда падали плотно прижимаясь к траве. Противник обстреливал дорогу.

Танки проскочили через село. Стали попадаться убитые. Особенно запомнились два мертвых немца. Один из них закинув назад голову, оскалив зубы, лежал с открытыми глазами. Волоса курчавились белыми кольцами. Лицо было черное, как от удара молнии. Растопыренные ноги были изуродованы и окровавлены. С них шел пар.

Второй лежал лицом вниз, раскинув руки и ноги. Одна рука была оголена по плечо. Кисти не было. Кровь запеклась, почернела, из-под живота вытекала струя крови.

¹ Исаев, 2011. С. 266–267.

Эти трупы лежали на нашем пути. Приходилось переступать через них, обходить было нельзя, иначе выдашь себя противнику. Шли дальше. Вперед. В лес. К врагу в гости. По окровавленному селу метался обезумевший огонь, горели дома и уголья крестьян. Мычали перепуганные, недоенные коровы. Визжали уцелевшие свиньи, кудахтали суматошные куры и залиvisto злобно где-то маялась надоедливая дворняжка. Жителей не было видно. Только раненые и убитые бойцы двух армий попадались навстречу. Кстати, ни одного раненого немца я не видел, только убитые. По-видимому, их успевали забирать. Теряя людей, мы продолжали идти под обстрелом. Кончилось большое село, переполненное трагизмом ужаса. Прошли поле. Подошли к опушке, короткий привал перед атакой. По нам били из пулеметов. Меня мучило нетерпение встречи с немцами. Я весь горел от волнения. Вошли в сумрак леса. Над нами повисли свинцовые, зловещие тучи. Небо стало опять беспросветным, подул сильный ветер. Мы рассыпались по лесу цепями. Повсюду свистели пули. Раненые встречались на каждом шагу. Санитары не успевали управляться, им охотно помогали бойцы, только бы задержаться. Не идти вперед. Я это понял не сразу. Нас поливали пулями, как из гигантской лейки. По нашим спинам били „кукушки“. Мы отвечали слабым винтовочным огнем на интенсивный огонь противника. Брали силой, т. е. количеством людей.

Иногда подолгу задерживались на одном месте. Потери с нашей стороны были велики. Я успел расстрелять половину патронов, т. е. немного больше сотни, а видел только двух убитых мною немцев — одну „кукушку“, за которой минут 20 охотился, и одного автоматчика — оба были моложе меня <...> от волнения спирало дыхание. В горле все пересохло. Нашла жажда. Чувствовалась нечеловеческая усталость. То и дело приходилось зарываться с головой в замшелые кочки, спасаясь от осколков мин и пулеметных очередей. Лес был полон треска и порохового дыма. Стоны не прекращались, мы продолжали продвигаться вперед. Нас оставалось все меньше и меньше. Начинало темнеть, в лесу это особенно сказывалось. Со мной было человек двенадцать бойцов, половина из них с одного со мной батальона. Один был инженер даже с одного завода. Как сейчас вижу его измученный вид, потное усталое лицо, запотевшие очки с лохмотьями волос выглядывали из-под пилотки. С наступлением темноты он почти ничего не видел. Очки то и дело сползали на нос, его, как и меня, мучила жажда. Он стрелял наугад, вид его был растерянного интеллигента.

У меня заедало затвор, приходилось заряжать по одному патрону. Ствол накалился до отказа. Патроны подходили к концу. Брали у раненых и убитых. Я набил не только подсумок, но и карманы. Противогаз мною был давно брошен по примеру товарищей.

Крики „Ура!“ и „За Родину! За Сталина!“ давно смолкли. В лесу было суетно и страшно... В одном месте мы прорвались вперед, вкли-

нясь в немецкую оборону. Нас было всего человек двадцать <...> с винтовками наперевес мы бросились в атаку, стреляя на ходу и задыхаясь от бега. Но нас скоро отбросили огнем пулеметов и автоматов. Пули сыпались градом. Почти половина бойцов вышла из строя. Командир был убит. Стонали раненые, у одного был перебит позвоночник, у другого ранение было еще мучительнее — в живот, они хватили нас за ноги и умоляли их пристрелить. Никогда не забуду ни их стонов, ни их взглядов. Они ползли по окровавленному мху, в темноте под пулями <...> Нас двое осталось лежать в канаве между своими и противником. Позиция удобная, но головы не поднимешь — тотчас ляжешь подкошенным. Мы передохнули, вытерли со лба пот руками венгерок. Мучительно хотелось пить, жажда томила несколько часов подряд, несмотря на то что в лесу было прохладно. Мы усердно разгребали замшелую землю жадными пальцами — тщетно! Воды не было. Знойное лето глубоко высушило даже лесную почву, а место было высокое. Дождевая вода ушла в болото и низины <...> Оставаться на одном месте было рискованно. Патроны были на исходе. Правда, у нас еще были четыре гранаты РГД, но мы с ним[и] еще ни разу не обращались. Немцы замолчали. Наши прочесывали лес. Надо было на что-то решаться. Я предложил товарищу подползти к немецким пулеметам и подавить их огонь гранатами. Он отказался из трусости. Я один не решился.

Время шло мучительно медленно. Он настаивал отползти к своим, я предложил оставаться на месте, так как по моим соображениям наши должны опять сделать бросок вперед, так как резервы были большие и позади нас народу хватало.

Он решился один ползти назад. Только бы назад! Такой парень и спасовал!.. Не успел он сделать и трех шагов, как упал ничком без единого слова. Так он обрел смерть от шальной пули, возможно от русской пули.

Мне не верилось, что он мертв, я подполз к нему, взглянув в потухшие глаза, и стало невыразимо грустно и пусто. Никогда и нигде я не чувствовал такой жалости, как при виде убитого боевого товарища, с которым был знаком всего несколько часов! Я так и не узнал, где прошла пуля. Крови не было видно, да и некогда было рассматривать, к тому же и темно. И мне впервые в жизни стало страшно. Холод пошел по моему горячему телу. В промежутке между выстрелами я громко крикнул в сторону своих, чтобы прекратили огонь, на мой крик откликнулась длинная очередь из немецкого пулемета.

Свои, вероятно, забыли о нас или считали убитыми <...> Осторожно, ползком, кое-как я все же добрался до своих. Они были всего в ста метрах, но из-за гущи леса и темноты не видели меня, иначе бы пристрелили <...> Я занял позицию возле убитого товарища, тяжелого

рослого рабочего.¹ Лицо и большие черные глаза его сурово глядели в просвет неба. Перестрелка возобновилась, к нам подошло подкрепление человек в тридцать кадровых бойцов.² Неожиданно появился сухой тонкий капитан с наганом в руке. Он поднимал залегших бойцов для атаки.

Немцы яростно обстреливали нас из пулеметов и автоматов. Мы не успели сделать и двух перебежек, как потеряли половину людей. Капитан был убит наповал. Его прошла очередь из автомата. Мы опять залегли, отчаявшись наступать. Подходили свежие силы. Я узнал, что отдан приказ отвести истребительные батальоны во второй эшелон. Нас — трое истребителей повернули оглобли. Я прихватил полуавтомат у убитого товарища, помогал раненым. Нас обстреливали „кукушки“. Мы выходили из боя к дороге, спотыкаясь о раненых и убитых. На дороге перед глубокой воронкой стоял подбитый КВ.³ Башня его была сврочена набок. Он молчал, смертельно раненый. Бой продолжался. Грузовики не переставали отвозить раненых. В лесу царил хаос. Били по своим, немцев принимали за своих. Командиров было трудно найти. Мы все шли и шли, с трудом передвигая ноги от смертельной усталости. Жадно всасывали запекшимися губами желтую вонючую болотную тину. На пути валялись котелки, вещевые мешки, гранаты, куртки, противогазы, даже винтовки, брошенные ранеными или лежащие возле убитых. Я подобрал вещевого мешок, довольно увесистый, или сидор, как его называют старослужащие, и, кряхтя от тяжести, едва успевал идти за товарищами. <...>

Поздно ночью дошли до села Среднее. Кое-где еще дымились пожарища, вместо домов торчали трубы. У села стояло много танков и артиллерии. У Среднего мы отдышались, напились колодезной воды. У придорожной канавы я случайно увидел Бориса Королева, бойца нашего батальона, служащего с одного со мной цеха. Он мирно отсиделся весь бой, не выпустив ни одного патрона, не видя немцев, не слыша воя пуль <...> Он даже сознался мне, что скучал без меня и беспокоился за меня и очень проголодался, да и спать хочет! К сожалению, я не мог ему сервировать стол и постелить постель. Я его считал за трусливого парня, но все же за честного комсомольца, а он оказался подлецом, в первые же минуты опасности стал беречь свою шкуру, позабыв о том, что его товарищи отчаянно сражаются за родину впереди его, прикрывая грудью Ленинград и Ленинградцев. Он мне сказал:

— Я все боялся, что ты останешься там, среди этого ужаса.

И он махнул рукой в сторону фронта, откуда доносились редкие орудийные выстрелы и частая трескотня пулеметов.

¹ Возможно, подобные эпизоды послужили для Рауса основанием утверждать, что наши бойцы делали брустверы из убитых.

² Возможно, то самое подкрепление из 191-й СД.

³ Подбитый КВ однозначно свидетельствует о том, что этот эпизод нельзя датировать ни 14, ни 15 июля. Скорее всего, он относится именно к вечеру 16 июля.

Я нашел в рюкзаке две банки мясных и одну рыбных консервов, полкотелка сахара и конфет, сухари, папирос пачку. Сам я до того устал, что даже был не в силах открыть. Дал банку консервов товарищу, перекурил, и мы пошли разыскивать остатки батальона, нам повезло быстро найти кучку своих, они лежали и сидели на исходных позициях, т. е. на опушке того леса, где я впервые увидел первого маршала. Окончательно обессиленный я рухнул на мокрый мох и тотчас же уснул сном усталого солдата».¹

Сабский плацдарм

Александр Синев, старший политрук, военком батальона:

«Бои в Сабске продолжались и 16 июля. Выгодные рубежи переходили из рук в руки по нескольку раз. Около одиннадцати часов дня мы вновь пошли в контратаку.

Начальник училища усилил наш батальон десятой ротой, поддержал артогнем. Противник не выдержал удара курсантов и отошел за Лугу. Но через некоторое время на наших позициях начался настоящий ад. Гитлеровцы били из орудий и минометов всех калибров. На курсантские окопы пикировали немецкие бомбардировщики.

И мы вынуждены были оставить северный берег Луги. Полсутки не прекращалась схватка. На курсантов страшно глядеть: потные, уставшие, в пыли. Про еду забыли, да и вряд ли кому хотелось есть. Мучила жажда.

К полуночи напряжение боя спало. На КП батальона пришли командиры рот. Подводим итоги, делимся впечатлениями. Товарищи критикуют интендантов: не думают, как обеспечивать людей водой и пищей в бою. Плохо с эвакуацией раненых. Лейтенант Каретников с тяжелым ранением пролежал в окопе около трех часов.

Рассказывают об отличившихся в бою. Курсант Федоров гранатами и огнем из винтовки уничтожил до десятка фашистов. Два дня назад мы принимали его в партию. Биография — несколько слов: учился, работал, вступил в комсомол. На вопрос об обязанностях коммуниста Федоров ответил:

— Бить фашистов, не щадя своей жизни.

Курсант Савченко воевал на финской. В бою спас жизнь лейтенанту Каретникову: метким выстрелом уложил немецкого унтер-офицера, который целился в лейтенанта. Ротные единодушно хвалят минометчиков: плотным и метким огнем они рассеяли группу противника до тридцати человек, прорвавшуюся в наш тыл у колхозного двора».²

¹ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 11, д. 9.

² Кринов. С. 60–61.

Из переговоров

«...НА ФРОНТЕ МУХИНА АТАКА НАЧАЛАСЬ 21.00 ОТ ДЕЛЕГАТА ИЗВЕСТНО — ЧАСТИ ПРОДВИГАЮТСЯ ВПЕРЕД САБСК ЕЩЕ НЕ ЗАНЯТ ТОЧНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УКАЗАТЬ НЕЛЬЗЯ ИДЕТ БОЙ = СВЯЗЬ ДЕЛЕГАТАМИ, ПОЭТОМУ СВЕДЕНИЯ ЗАПАЗДЫВАЮТ НА 3-4¹...»²

Район Кингисеппа. Штаб 235-го отдельного разведывательного батальона 191-й стрелковой дивизии

Илья Орлов, старший лейтенант, начальник штаба:

«Мы почти непрерывно вели разведку. Высылали разведгруппы на машинах и пешим порядком. В разные направления, на десять, пятнадцать, а то и двадцать километров. Дороги на Ленинград прямые. Прозеваем противника — дело может обернуться непоправимой бедой.

Левый фланг, когда там заняли позиции ополченцы, меньше стал беспокоить. А вот за шоссе на Гдов опасались. Отходящая с боями 118-я стрелковая дивизия тянула за собой противника.

Однако опасность пришла все же с левого фланга, со стороны Ивановского, после того как противник захватил плацдарм на Луге. Враг подтянул свежие силы, и полк майора В. П. Якутовича не выдержал натиска.

Чтобы восстановить положение, командир дивизии послал Якутовичу свой резерв. От нас взял роту бронемашин. В ночь на 16 июля мы отправили броневочки. Я наказал командиру роты младшему лейтенанту Коркину (он перед войной прибыл к нам с курсов) действовать осмотрительно, под прикрытием пехоты и артиллерии.

Днем от Коркина известий не поступало. Судя по артиллерийской канонаде, у Якутовича было горячо.

Поздно вечером Коркин вернулся в батальон. Прежнего подтянутого младшего лейтенанта было не узнать: какой-то надломленный, растерянный. Спрашиваю его:

– Что случилось, товарищ младший лейтенант?

– Роту сожгли... То есть машины...

Коркин немного пришел в себя, стал рассказывать, как прошел первый бой в его жизни. Командир батальона решил использовать броневики как танки, впереди пехоты. Коркин пытался возражать, но комбат пригрозил ему оружием. Стрелковые роты, прижатые пулеметным огнем противника, залегли, и машины оказались без прикрытия. Гитлеровцы открыли по ним огонь из противотанковых пушек. Маневрировать по воронкам и ямам, среди кустарника колесные ма-

¹ Обрыв фразы. Далее идет следующий документ, не пронумерованный и также без окончания, а затем — л. 161 — совсем другой документ.

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 178, л. 134-135.

шины, естественно, не могли и горели как свечки. Лишь один экипаж сержанта Хрусталева сумел вывести машину из боя.

Жалко, конечно, машины, но еще больше жаль людей. Почти все экипажи погибли. А какие ребята были...»¹

Лужское направление. Деревня Толково. КП 111-й стрелковой дивизии

Сергей Васильевич Рогинский, подполковник, командир дивизии:

«В этот день меня вызвали в штаб 41-го стрелкового корпуса, который находился в лесу недалеко от деревни Жельцы. Генерал Астанин сообщил, что вывод частей и соединений корпуса на Лужский рубеж необходимо завершить к исходу 16 июля, рубежи обороны занять в соответствии с решением командующего Лужской оперативной группой. Потом поинтересовался состоянием дивизии. Я доложил, что на 16 июля она имеет около половины штатного состава. Из окружения вышли все командиры полков со своими штабами. Судьба бывшего комдива И. М. Иванова пока неясна. Говорят, что он погиб у села Мараморки, недалеко от Пскова.

— Жаль человека, — тихо проговорил Андрей Никитович. Оживился и спросил: — А как дела с артиллерией? Сколько стволов осталось?

— Десять!

— Точно? — Комкор даже поднялся с места. — Это ж вам артполк теперь подавай! У Краснопевцева ни черта нет. Доложу Свиридову, пусть решает.

Затем генерал Астанин по карте определил рубеж обороны дивизии и наметил передний край. Справа — совхоз Муравейно,² слева — деревня Лесково. Я прикинул ширину фронта — не менее тридцати километров.

— Многовато, товарищ генерал!

— Ты оцени местность, используй ее грамотно. Здесь овраги, болота, речки — гитлеровцы не полезут. Детали уточни в штабе.

Приказ есть приказ. Несколько успокоил меня начальник штаба корпуса полковник Вербицкий. Он сказал, что есть распоряжение командующего фронтом в кратчайший срок пополнить дивизию личным составом и материальной частью. А начальник тыла корпуса полковник Юдин попросил, чтобы мы представили заявки на недостающее имущество.

¹ Кринов. С. 61–62.

² Здесь имеется в виду другое Муравейно, которое находится недалеко от Киевского шоссе. Это уже недалеко до левого фланга Сабского плацдарма, разрыв до которого был заполнен 1-м полком 3-й ДНО.

Формально командир корпуса еще не являлся командующим лужским участком обороны, но фактически он уже возглавлял группировку на этом важнейшем операционном направлении».¹

Северо-Западный фронт. 11-я армия. Северная окраина города Сольцы. НП 68-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии

Анатолий Краснов, Герой Советского Союза, капитан, командир полка:

«После полуночи вернулась полковая разведка. Начальник штаба капитан Фадеев доложил, что в районе кладбища противник сосредоточивает танки. Уже подтянули около восьмидесяти. Сообщил новость генералу Федюнину. Комдив ответил:

- Используй всю артиллерию: дивизионы 221-го артполка, батареи отдельного противотанкового дивизиона и свою, полковую. И главное — без паники!

С командирами-артиллеристами стали подсчитывать возможности. Набрали примерно пятьдесят стволов. На каждое орудие полтора фашистских танка. Неплохо!

Всю ночь артиллеристы оборудовали огневые позиции, подвозили снаряды. На рассвете гитлеровцы бросили в атаку первый эшелон танков. Их встретил огонь противотанковых пушек. Потеряв несколько машин, гитлеровцы решили пойти в обход. И снова попали под огонь пушек. Артиллеристы полковника Чижика подпускали фашистские танки метров на триста-четырееста и били в упор. И эта вражеская атака была отражена.

Гитлеровцы предприняли новую. Но теперь они послали вперед автоматчиков, чтобы расчистить дорогу танкистам. Мы предвидели такой вариант действий и успели отвести почти все орудия на запасные позиции, а вперед выдвинули стрелковые роты. Отдельным танкам врага удалось вклиниться в боевые порядки батальонов. Их уничтожали бутылками с горючей смесью. В тот день весь полк узнал о подвиге бойца Семейкина. На его окоп мчался гитлеровский танк. Семейкин не дрогнул. Как только танк проскочил рядом с окопом, Семейкин швырнул в него бутылку с горючей смесью.

Объятый пламенем танк остановился. Из него стали высакивать гитлеровцы, но тут же попадали под пули наших бойцов.

Несколько атак противника отбил в тот день наш полк. Отличившихся, пожалуй, и не перечтешь. Батарейцы лейтенанта Николая Хованова врукопашную схватились с фашистами, прорвавшимися на огневые позиции.

Красноармеец Коровин придушил гитлеровца руками.

¹ Кринов. С. 62–63.

Мужественно сражался с врагом комбат старший лейтенант Кудряшев.

Немало бойцов и командиров пали на поле боя в Сольцах. И среди них — любимец полка, отсекар бюро ВЛКСМ младший политрук Петр Гусев. Вместе с бойцами роты Лукичева он одним из первых ворвался в город и своим примером увлек остальных.

Отважно воевал и наш комиссар старший политрук Александр Оньков. Он почти все время находился в батальонах, там, где решался успех дела. Я сказал ему:

– Александр Георгиевич, ты же комиссар полка. Надо ли так рисковать?

Он ответил вопросом:

– Анатолий Андреевич, а ты что, по-другому роль коммуниста в бою представляешь?

Больше мы на эту тему не говорили. Командирам подразделений я приказал, чтобы берегли комиссара.¹

Журнал боевых действий СЗФ № 1

«ВВС СЗФ в течение суток 16. 7 группами в 2–3 самолета уничтожали мото-мех. части противника, которые находились в окружении в районе Сольцы, и не допускали подходов резерва противника из района Николаево, Струги Красные, Щирск на восток».²

Исаев: «В ночь на 16 июля начинается прорыв 8-й танковой дивизии из окружения через Сольцы на запад. Основная масса автомашин прорывается без помех, однако на рассвете они подвергаются ударам с воздуха. Арьергарды соединения при прохождении через Сольцы попадают под артиллерийский обстрел и несут потери. К 10.00 16 июля дивизия полностью сосредотачивается к западу от железной дороги Дно—Сольцы—Уторгош и переходит к обороне».³

Документальная строка

«Президиум Верховного Совета СССР издал Указ „О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии“. В соответствии с Указом во всех полках, дивизиях, штабах, военно-учебных заведениях и учреждениях РККА учрежден институт военных комиссаров, а в ротках, батареях и эскадронах — институт политиче-

¹ Кринов. С. 63–65.

² ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 201, л. 38.

³ Исаев, 2011, С. 245.

ских руководителей. Управления и отделы политической пропаганды реорганизованы в политические управления и политические отделы.

Указ о введении института военных комиссаров был встречен в армии с большим подъемом».¹

Попробовал бы кто-нибудь у нас встретить комиссаров иначе...

И как день начался враньем в наших документах, так он враньем и закончился.

Журнал боевых действий СФ. Ленинградский фронт

«16. 7. <...> Лужская опер. группа. На участке 2 СД ДНО противник форсировал р. Лугу у Поречья и занял Мз. Ивановская, но вторичной контратакой отброшен за р. Лугу.

Вывод. Передовые части пр-ка продолжают активно разведывать слабые места нашей обороны и выгодные направления для действия мотомех частей, одновременно подтягивают и накапливают свежие силы.

В.В.С. пр-ка в течение дня активных боевых и разведполетов не вели.

ВВС. Северного фронта ввиду неблагоприятных метеорологических условий боевую работу проводили одиночными самолетами».²

Как видим, даже в архивах далеко не всему следует верить. Недаром Ватутин вскоре вновь устроил разнос своим подчиненным.

Начальникам штабов

Прямым проводом

«Несмотря на мои неоднократные требования о своевременном представлении оперативных сводок и об улучшении их качества, до сих пор это дело не только не улучшилось, а значительно ухудшилось.

Оперативные сводки представляются с опозданием на десятки часов. Их содержание крайне неудовлетворительно. Командиры штаба дают информацию формально, без предварительной проверки данных обстановки.

<...> Ватутин»³

Смоленское сражение. 57-й мотокорпус 3-й танковой группы захватил Невель. 22-я армия оказалась в полуокружении и оставила Полоцк. 39-й мотокорпус занял Ярцево, перерезал автомагистраль Москва—Минск. 2-я танковая группа ворвалась в Смоленск.

¹ Кринов. С. 65–66.

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 205, С. 38–39.

³ ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 42, л. 93.

Киевская операция. 16 июля 5-я армия нанесла еще один удар во фланг вражеской группировке из районов Малина и Бородянки. 1-я танковая группа заняла Белую Церковь.

Началась Уманская операция войск левого крыла Юго-Западного и правого крыла Южного фронтов, проходившая с 16 июля по 7 августа 1941 года.

У фон Лееба начинает появляться слабая надежда на возможность скорого осуществления его плана.

Риттер фон Лееб: «Обстановка на вечер предыдущего дня: 8-я танковая дивизия без особых потерь вышла из соприкосновения с противником. В полосе ответственности 16-й армии начинается операция по окружению противника».¹

Ленинград. Смольный

Борис Владимирович Бычевский, подполковник, начальник Инженерного управления фронта:

«После трех суток напряженной работы в зоне боев и неоднократных разъездов между Кингисеппом и Лутой я вернулся наконец в штаб фронта. Здесь только и разговоров, что о контрударе войск Северо-Западного фронта южнее озера Ильмень в районе Сольцов. В этой операции участвуют три наши дивизии, переброшенные с петрозаводского направления и Карельского перешейка. Достоверно известно, что под Сольцами окружена танковая дивизия противника.

В Инженерном управлении на стене висит большая карта и возле нее всегда кто-нибудь да комментирует события:

— Вот бы ударить теперь всем Северо-Западным фронтом прямо на шоссе Псков—Луга и отрезать вражескую группировку, что к нам от Пскова подошла. А потом прижать бы фашистов к Псковскому и Чудскому озерам, как Александр Невский. <...>

Недавно прибывший к нам на должность комиссара управления Николай Александрович Муха улыбается уголками рта.

— Мы забыли про Белоруссию, товарищи,— подает он реплику.— Фашисты к Смоленску подходят.

— Ну и что? — горячо отзывается инженер-электрик Л. В. Смаглий. Он у нас один из признанных „стратегов“, большой любитель порассуждать над картой.— Можно не только псов-рыцарей, но и Наполеона вспомнить. <...>

Я коротко информирую инженеров о положении под Лутой и Кингисеппом. <...>

— Как выглядят дивизии, что отошли от Пскова на Лужский рубеж? — спрашивает комиссар.

¹ Лебедев. С. 85.

– Неважно. Но сейчас их приводят в порядок.
– А у ополченцев и в пехотном училище как дела?
– Держатся. Хотя потери несут большие. Много людей погибло во время контратак. Бойцы стремятся сблизиться, чтобы ударить в штыки, а фашисты из автоматов лупят. И минометы их лупят, и минометы их большой урон наносят. Женские рабочие отряды придется отводить из-под Кингисеппа. Бомбежки там очень уж свирепые. Надо пойти к Алексею Александровичу Кузнецову. Он обещал выделить людей из трудовых лагерей. Многие отбывают наказание за мелочь и очень просятся на фронт...¹

Штаб нашего Северного фронта первоначально находился на Дворцовой площади. Однако истинным центром руководства обороной города все время был Смольный, где размещались городской и областной комитеты партии. Пожалуй, невозможно перечислить все то, что решалось и организовывалось в этом здании. В Смольном непрерывно встречались и совещались люди в военной форме и гражданской одежде, с партийными билетами и без них. Сюда приносили и здесь обсуждали новые графики выпуска орудий и боеприпасов, планы и сроки создания дивизий народного ополчения, эвакуации детских учреждений, схемы строительства оборонительных рубежей, проекты маскировки важнейших объектов города, предложения о расстановке сил местной противовоздушной обороны.

Секретаря горкома партии А. А. Кузнецова я звал про себя „человек-пружина“. В свои еще не полные сорок лет он отличался громадной работоспособностью, напористостью. <...>

– Я думаю, есть смысл создать специальное управление из строительного «треста НКВД», — предложил он. — Возложим на него руководство работами под Кингисеппом. Пошли к Андрею Александровичу.

Был пятый час ночи. Но во всех кабинетах Смольного еще бурлила жизнь. Пока мы шагали по коридорам, то и дело открывались двери бесчисленных комнат, входили и выходили люди с картами, телеграфными лентами, бумагами. Партийный штаб работал круглосуточно...»²

Немногословный Эрих фон Манштейн и в этот день был весьма лаконичен: «Было ясно, что цель противника заключается в окружении изолированного 56 тк. Так как на нашем правом фланге не следовала уступом дивизия СС «Тотенкопф», ему удалось форсировать Шелонь силами, находившимися на нашем южном фланге. Одновременно отвод 41 тк с Лужского шоссе освободил там значительные силы противника, которые и атаковали наш северный фланг.

Нельзя было сказать, чтобы положение корпуса в этот момент было весьма завидным...»³

¹ Вот и отряды из заключенных...

² Бычевский. С. 35–38.

³ Манштейн. С. 202–203.

17. 7. 1941 — четверг

В этот день, согласно словам Рауса, наши вновь «вели сильнейший артиллерийский огонь», начиная с 6.00, после чего пехотинцы устремлялись в атаку.¹

Немцы же продолжали активно обороняться.

Угрюмов: «17 июля противник продолжал атаки на участке 1-го полка (Среднее Село. — В. Р.) под Ивановским. Ополченцы держатся. Стойко отражают все попытки фашистов вклиниться в нашу оборону. Бойцы и командиры за эти дни прошли такую школу, что в иных условиях для этого годы понадобились бы...»²

Беспрозванов: «Вновь повторялись атаки танков и пехоты на Ивановскую. В бою 17. 7 погиб капитан Свириденко К. П., пропал без вести ст. лейтенант Ивлиев и его экипаж. 17 на участке ничего существенного не произошло...»³

Здесь можно смело отметить ошибку в датировке гибели врио командира сводного танкового полка. Беспрозванов, составляя свой отчет в начале августа, имел перед глазами рапорт начальнику управления кадров РККА, в котором было написано, что «в результате боев в районе села Ивановское <...> в период 15, 17 июля Курсы понесли потери в командном составе».⁴ Далее перечислены убитые (5) и раненые (7) офицеры. Кто и в который из этих трех дней был убит или ранен, не уточнялось. Причем весьма любопытно то, что в этом списке нет лейтенанта Русакова.

Бархатов: «На следующий третий день немцы из минометов пристреляли ОП. Имелись потери в людях и технике. Я принял решение: откатить две пушки на себе назад и немедленно открыть огонь с целью отвлечь немцев, чтобы они перенесли огонь, а в этот момент снять пушки с ОП и вывести людей.

Ранило в ногу осколком Плоского. Уходя с сопровождающим, он проговорил:

– Ну, держись, комиссар.

Ранило арттехника и политрука (фамилий не помню), совсем возле меня, сделали им перевязку. После этого разорвавшейся миной контузило меня, и я получил сильный ушиб».⁵

Таким образом, немцам фактически удалось нейтрализовать успешно действующую у Среднего Села нашу батарею. Бархатов при-

¹ Раус. С. 114.

² Кринов. С. 66.

³ ЦАМО, ф. 217, оп. 1283, д. 11, л. 101–102.

⁴ ЦАМО, ф. 33, оп. 11458, д. 6.

⁵ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 10, д. 1350.

шел в себя только 19 июля в медсанбате, оборудованном в каменном сарае в Среднем Селе.

Бардин: «Назавтра, когда гитлеровцы отошли к Ивановскому, мы с Лукичевым решили осмотреть подбитые немецкие танки. Мы ведь впервые видели их! Они были одеты в легкопробиваемую броню. Из открытых люков еще тянулся дымок тлеющей резины. Из экипажей в живых никого не осталось.

В Юрках гитлеровцы оставили двенадцать трупов, два сожженных танка, несколько ручных пулеметов, мотоцикл, автоматы, гранаты и склад с продовольствием.

Понес потери и наш полк. Девять бойцов были ранены. Шестеро погибли, среди них стахановец „Скорохода“ Николай Чистяков и заведующий личным столом Николай Филиппович Киреев. Жена его перед отправкой дивизии на фронт приходила в партком, просила оставить мужа на фабрике — у него язва желудка, да и семья большая. Но коммунист Киреев заявил, что не сможет сидеть дома, когда страна в опасности.

Мысль о жене Киреева, о том, как сообщить ей о несчастье, долго не давала мне покоя.

Батальону был предоставлен короткий отдых. Возбужденные успешным боем ополченцы сидели на брустверах своих окопов, подставив лица теплomu южному ветерку, и делились впечатлениями о минувшем бое. Впереди золотилось ржаное поле, стояла тишина.

Наши связные Андреев и Морозов соорудили нечто похожее на землянку, кое-как прикрывающую от дождя и солнечных лучей. Мы с Лукичевым остались довольны: в деревне негде было разместиться».¹

Колобашкин: «Сюда-то и приезжал тов. Ворошилов. Он приезжал все эти дни. Последний раз я его видел уже 17-го числа в середине дня.

Было это за селом Средним, 3,5–4 километра к селу Ивановское. Там, где стояли самые первые наши передовые части. Дальше уже нашего народу не было. Тов. Ворошилов приезжал туда и смотрел, в каком положении находится наша часть. Много говорить там не пришлось. Или случайное обстоятельство, или немцы проследили, но как только приехал тов. Ворошилов, только-только мы к нему подошли, начался сильный обстрел. Ведь там ни блиндажей, ничего не было. Была канава, мы там сидели в канаве, увидели, от дороги метров в 100 едет броневичок. На броневичке К. Е. Ворошилов. Мы из канавы вышли, подошли к нему, народ обступил его кольцом. Стали разговаривать. Ведь тогда мы не были кадровой частью, поэтому отношения были совсем простые. Народ из своих ямок вылез, подбежали к т. Ворошилову, просто без чинов стали с ним разговаривать.

¹ Ополченцы. С. 42–45.

Помню, подошел тогда т. Гусев, был там т. Наумов. Обступили. Разговариваем. Вдруг сильный обстрел. А положение такое, что впереди лесок, сзади лесок, а мы все на полянке. Ворошилов посреди этой полянки стоит. Немцы были близко, просмотрели хорошо и открыли сильный обстрел артиллерийский, минометный. Исключительно сильный тогда был обстрел. Все разбежались. Броневичок развернулся. Тов. Ворошилов сел и поехал по дороге обратно. А мы в свои канавки. Начался обстрел этой площадки. Много жертв было. Их тут зарыло землей сразу. Кругом падали снаряды. Мы сидели в канаве с т. Гусевым. Набралось нас человек семь, лежали друг на друге. Затем, видим, что дело плохо, начали по одному выбегать в лесочек. Когда народ рассеялся, обстрел прекратился...»¹

Можно запутаться в точности датировок событий, связывая их только с приездом Ворошилова. Понять, что это происходило именно в этот день, а не накануне, можно только в том случае, если мы точно установим, какого именно числа погиб т. Наумов. И тогда сюжет «Ворошилов на броневичке, привлечший к себе толпу и тем самым спровоцировавший губительный минометный огонь противника» можно будет датировать достаточно точно.

Продолжение рассказа Колобашкина, особенно если эта часть воспоминания относится именно к 17 июля, не делают чести перво-маршалу.

«В этот день была поставлена задача — во что бы то ни стало немцев из Ивановского выбить. Полку, где был я, а я был тут уже в первом полку, была поставлена задача выбить немцев, и полк уходил в атаку пять раз. Я принимал участие в этих атаках. В пятой атаке я получил ранение. Было это 17 июля 1941 года. Весь состав политотдела тогда шел в атаку. Нарушилось ли от этого управление? Да какое там управление! Там все нарушилось! Конечно, это было неправильно. Ведь тогда семь человек из политотдела вышло из строя. Было это неправильно, но тогда было совсем другое дело.

В этих боях погиб с Электросилы т. Наумов, который был убит в пятой атаке. Он был там парторгом первого полка. В эту последнюю атаку шло уже человек 150–180. Многие были уже убиты, многие рассеялись, примкнули к другим полкам. Мы готовились к атаке в лесочке. Нам надо было пробежать эту открытую полянку (где был тогда т. Ворошилов) и бежать в другой лес. Вот и получилось: как мы только выбежали на полянку, немцы открыли сильный огонь. Последняя атака продолжалась уже недолго. Был тогда ранен т. Бульчев, инструктор политотдела. Был ранен я, был убит т. Наумов. Многие другие товарищи были убиты.

¹ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 5, св. 593, д. 3182.

Тов. Наумов был редактором газеты завода „Электросила“. Шли мы цепью в атаку. Помню, т. Наумова разворотило всего на части.

С нашей точки зрения, с моей, хотя я был тогда невоенный человек, нам казалось все это нецелесообразным. Почему? Потому что народ уже устал. Ведь до этого было 4 атаки. Народ был перенапряжен не только физически, но и морально. Но был приказ от т. Угрюмова во что бы то ни стало все-таки брать Ивановское, пойти еще раз в атаку. Пошли еще раз, это была пятая и последняя атака в этот день. С тех пор наши на этом участке в атаку не ходили. Перед нами была поставлена задача: не пропустить немцев дальше».¹

После этого фрагмента возникший вопрос по поводу точной даты гибели Наумова усложнился еще более. Можно было допустить, что Бардин перепутал дату и этот фрагмент относится не к 17, а к 16 июля. Однако если Наумова «разворотило всего на части», то с кем же тогда разговаривала санитарка?

Более того, которое из двух свидетельств является более авторитетным? Наиболее авторитетным оказывался рассказ того, кто при этом сдавал документы убитого. Во всех остальных случаях вопрос обычно оставался открытым.

Вот составители отчетов и не поверили ни одному из рассказчиков, и остался товарищ Наумов по документам навеки пропавшим без вести.

То, что наш «первый маршал» и 17 июля все еще продолжал считать, что на Ивановском плацдарме не больше роты немцев — «восемьдесят мерзавцев», — вполне можно допустить. Судя по всему, т. Ворошилов видел главное, но не собирался вникать в частности.

На рабочей карте СЗФ² в этот день отмечен район действий 2-й ДНО, занимающий Ивановское. В районе Ястребино, Пустомержа отмечено скопление танков, сразу за ними в районе Ямсковицы, Молосковицы — БТК. Перед фронтом 2-й ДНО не обозначено никаких сил немцев. Более того, в тылу плацдарма Поречье-Ивановское, прямо на болотах в районе оз. Пятское, Дубоем, Родина, отмечена 191 СД. С немецкой стороны отмечены только огневые позиции в Сабске и скопление танков в районе Осьмино, Хилок. Это перед фронтом ЛПУ и СтрПУ. Также отмечено большое скопление немецких войск в районе Детково.

По всей видимости, силы немцев на плацдарме Поречье-Ивановское и в самом деле были очень хорошо замаскированы.

И все же было бы вполне логично построить историю таким образом, что 16 июля после отъезда Ворошилова Попов приказал Угрю-

¹ ЦГАИПД, ф. 4000, оп. 5, св. 593, д. 3182.

² Рабочая карта С.-З. фронта на 17. 07. 41. ф. 249, оп. 1544, д. 42.

мову перейти к обороне. И тогда все вроде бы встанет на свои места. Ведь и Угрюмов 17 уже не должен был командовать.

Однако в таком случае в этот день не было бы пяти наших атак на Ивановское. Не было бы вообще атак. А Раус пишет, что 17 июля и артподготовки, и атаки были.

Есть на этот счет и другие свидетельства с немецкой стороны.

Из письма ефрейтора Вике: «Русские, должно быть, все отборные ученики большевистской военной школы, устроенной на манер орденских замков, безоглядно идущие на гибель, наступали с диким криком „Ура! Ура!“ К вечеру 17 июля нам доставили достаточное пополнение пехотой и тяжелой артиллерией, чтобы отразить эти атаки. Три или четыре раза русские атаковали, неся тяжелые потери. Все три наши орудия были выкачены вперед, били частью по танкам, приканчивая их наверняка, частично по пехоте снарядами с дистанционными взрывателями, позволяющими производить взрыв на высоте. Так что снаряды, предназначенные для самолетов, разрывались над русской пехотой, нанося ужасный урон...»

Возможно, именно таким снарядом и разворотило Наумова. И тогда никаких документов было уже не найти...

Командир 41-го моторизованного корпуса Рейнгардта в отчете за этот период писал: «Для частей у предместных укреплений наступило время упорной борьбы, связанной с большими потерями. Противник начал непрерывно атаковать их. Потом четыре некады солдаты основных дивизий, привыкшие к стремительным атакам и прорывам, вели здесь, глубоко зарывшись в землю, позиционную войну».¹

Раус пишет, что все наши атаки были бесполезны.

Однако, согласно нашим донесениям, и в этот день наступавшим удалось продвинуться довольно далеко.

Из переговоров

«ТОВ ПОЛКОВНИК У АППАРАТА КАПИТАН ГОНЧАРОВ — ДОКЛАДЫВАЮ ПОЛОЖЕНИЕ НА ФРОНТЕ ЛУЖСКОЙ ОПЕРГРУППЫ: 1) 191 СД --- ПРЕДСТАВИТЕЛЬ 3 ОТДЕЛА ПУСТЬ ПОДОЖДЕТ --- ДОКЛАДЫВАЮ: 1) 191 СД ПРОИЗВОДИТ ПЕРЕГРУППИРОВКУ С ЗАНЯТИЕМ РУБЕЖА ЮЖНЕЕ ПРЕЖНЕГО ЗАКРЕПЛЕНИЕМ В РАЙОНЕ УР КИНГИСЕПП. ОДНИМ БАТАЛЬОНОМ ДИВИЗИИ ДЕЙСТВОВАЛ В НАПРАВЛЕНИИ ПОРЕЧЬЕ — 2АЯ НАРОДНАЯ ДИВИЗИЯ ОПОЛЧЕНИЯ — ЧАСТЬЮ СИЛ С БАТАЛЬОНОМ 191 СД И ТАНКАМИ ТП АБТКУКС С УТРА ПЕРЕШЛИ В КОНТР-АТАКУ И К 2 00 ДОСТИГЛИ ЛЕС СЕВЕРНЕЕ НАДПИСИ ПОРЕЧЬЕ ОХВА-

¹ Шерстнев В. Д. Трагедия сорок первого. Документы и размышления. Смоленск: Русич, 2005. С. 346–350

ТЫВАЯ ПРОТИВНИКА С ЗАПАДА СЕВЕРА И ВОСТОКА ПОРЕЧЬЕ В РУКАХ ПРОТИВНИКА...»¹

Исаев: «Очередные танковые атаки на плацдарм у Поречья начались утром 17 июля. Бой шел весь день. Однако удар главными силами последовал к вечеру. Артподготовку наступления предварял короткий налет авиации КБФ. Атака на плацдарм началась уже в сумерках, в 22.00 17 июля. Ополченцы были встречены убийственным артиллерийско-минометным и ружейно-пулеметным огнем, понесли большие потери и были вынуждены отойти на исходные позиции. У немцев осталось двойственное впечатление о действиях ополченцев против плацдарма у Поречья. В ЖБД ХХХХI корпуса относительно атаки в ночь на 18 июля имеется запись следующего содержания: „Противник пытается силами наспех собранных и действующих нескоординированно групп, неся огромные потери, выдавить нас с плацдарма. Все атаки поддерживаются танками, частично сверхтяжелыми. При этом примечательно, что противник впервые озаботился эвакуацией поврежденных танков, что указывает на большие проблемы с материальной частью. Поскольку по-прежнему отсутствует деятельность Люфтваффе, все атаки противника поддерживаются авиацией“»²

Мощанский: «Видимо с прибытием 17 июля 6 танков КВ 1-й танковой дивизии, которые перебрасывались ж/д транспортом с привлечением роты КВ сводного тп, был сформирован батальон тяжелых танков КВ, которым стал командовать майор Пинчук.

С 16 по 21 июля полк ЛКБТКУКС и отдельный танковый батальон КВ использовались в боях в районе Кингисеппа...»³

Иными словами, для поддержки атак на Ивановском и на Сабском плацдармах.

Сколько именно и каких танков действовало с нашей стороны в этот день под Ивановским и сколько и каких под Сабском, точно сказать вряд ли возможно.

Беспорядок процветал вольно или невольно на всех уровнях и повсюду.

Например, по словам участника 1-й «Кировской» дивизии народного ополчения Виктора Дунаева, автора книги «Великая Отечественная. Предвестники победы», их дивизии было придано только три танка КВ и то лишь по личной инициативе работников Кировского завода. Они собрали эти танки для своей дивизии внеурочно, сверх плана. Люди оставались для этого на работе после одиннадцатичасового рабочего дня! Иначе танков взять было неоткуда. Каждым танком КВ распорядился лично Верховный главнокомандующий.

¹ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 178, л. 170–171.

² NARA, t 314, r 979, f 403; Исаев, 2011. С. 276–277.

³ Мощанский. С. 80–81.

Эти танки, вероятно, не попали и в общий учет танков КВ.

Невозможность точного подсчета действовавших на том или ином участке боев танков происходит уже из-за путаницы, которая могла возникнуть в результате неоднократного подсчета в ряду действующих по несколько раз одних и тех же танков. Такой двойной (и даже тройной) подсчет был следствием неоднократного возвращения на поле боя одних и тех же отремонтированных машин. Более того, возможность производить танки внеурочно (и, вероятно, из сэкономленных материалов!?) могла привести к выпуску машин с двойной маркировкой на моторах. Если невозможно выпросить танки у Верховного, то можно у себя на местах просто втихую, пользуясь общим хаосом и неразберихой, сдать два танка под одним и тем же номером.

В этом смысле следует четко понимать, что абсолютно тоталитарная власть делает такой хаос на местах неизбежным. Только в нем и отдушина...

Клинов: «К вечеру 17 июля нам приказали быстро построиться. Командир взвода объявил, что нужно произвести разведку, и командовал:

– Добровольцы, шаг вперед!

Все сделали этот шаг.

– Хорошо! Пойдет весь взвод.

Предстояло проверить, есть ли в лесу на подступах к селу Ивановскому противник, и установить, не заминирована ли дорога, по которой последуют танки.

– С вами пойдет отделение саперов,— пояснил комбат.

Мы прошли километра полтора, когда впереди раздалась выстрелы. Потом стало тихо. Навстречу двигалась группа дивизионных разведчиков. Старший сержант в пятнистом халате нес захваченный в стычке с вражеским постом немецкий автомат.

Командир разведчиков сказал, что до опушки леса недалеко, но дальше расположены посты и засады, которые они потревожили. Углубляться в лес неразумно.

После нашего возвращения батальон двинулся к Ивановскому. Вечерело. Подошло несколько танков. Покинь-Верба получил приказ посадить одно отделение на головную машину.

– Кто, ребята, пойдет добровольно?

Согласились все. Выбор пал на первое отделение.

Мы с волнением наблюдали, как вслед за Славой Бормоткиным на броне танка рассаживались архитекторы Виктор Бушев, Аркадий Евстафьев, Зоил Егоров, Александр Трифонов, Евгений Ружников, Юрий Заклинский, Борис Тихонов. Мне думается, что их молчаливая сосредоточенность была признаком настоящего мужества: они участвовали накануне в атаке, видели, как горели наши и вражеские танки, как кромсали их броню снаряды противотанковых пушек.

Машины двинулись на Ивановское. Роты цепями углубились в лес и последовали за танками.

Мы вышли на опушку, до которой почти добрались во время разведки, но не увидели перед собою Ивановского. Через сотню-другую метров опять начинался лес, за который, не торопясь, пряталось неяркое вечернее солнце. Влево и вправо от леса была открытая местность. Враги, хорошо пристрелявшие этот участок, отбили наши первые атаки. Танки, выползшие в начале боя из леса, встретили плотный огонь батарей противника. Головные машины были подбиты. Другие экипажи вперед не пошли, а занялись буксировкой поврежденных танков.

Именно так воевали мы в первые месяцы войны. Пехотинцы, рискуя жизнью, стремились вынести с поля боя пострадавших однополчан. Танкисты вытаскивали из огня и пламени подбитые машины. И лихие поначалу атаки захлебывались. Гибли бойцы, войска напрасно теряли и без того небогатую технику. Напрасно потому, что завтра надо было все повторять сначала. Потребовался срок, пока мы усвоили простую истину, что в бою надо решать главную задачу, что во время атаки следует идти вперед, что только так можно помочь упавшим товарищам.

Мы вышли из боя глубокой ночью, отправив на танках раненых друзей: архитекторов Игоря Бакеева, Аркадия Евстафьева, Виктора Бушева, студентов Бориса Тихонова, Юрия Шутова, Ивана Клементьева и Михаила Кудимова».¹

Этот отрывок чрезвычайно красноречив. В нем отразилась та колоссальная разница, с которой относились к выполнению своих боевых задач немцы и наши. Немцы в большинстве своем постоянно действовали именно так, как поначалу стали действовать наши неопытные ополченцы. И с их стороны это не считалось неправильным, потому что они берегли людей. Наши же принимали это за трусость и паникерство и соответственно выражали свое отношение к тем, кто поступал таким образом в наших рядах.

Неужели мы победили только за счет этого?..

В немецких штабах

Гальдер: «Обстановка на фронте: Существенных изменений не произошло.² <...>

Группа армий „Север“: Обеспечена до 18.7. Главная база снабжения находится в Риге. Эта база обеспечит снабжение 4-й танковой

¹ Ополченцы. С. 72–73.

² В другом издании: «Обстановка в полосе наступления танковой группы Гепнера не изменилась. К ней форсированным маршем подтягивается 1 армейский корпус...» (Гальдер, 2007. С. 85).

группы до Ленинграда, а полевых армий — до рубежа озера Ильмень, Нарва. На базе имеется 0,5 боекомплекта боеприпасов, 2 заправки горючего, 2 судодачи продовольствия. <...>

Потери: С 22.6 по 13.7 всего вышло из строя 92 120 человек, что составляет 3,68 % общей численности войск. Потери офицерского состава по отношению к общему количеству унтер-офицеров и рядовых составляют: раненых — 3,4 %, убитых — 5,3 %, пропавших без вести — 1,7 %. <...>

О предположительной группировке сил противника после успешного окончания идущих сейчас боев. Детально, конечно, определить ее пока нельзя, но можно предположить, что после очищения нами Эстонии противник будет иметь в своем распоряжении следующие силы:

Перед фронтом группы, армий „Север“:

– в районе Ленинграда — 15 стрелковых и 2 танковые дивизии <...>.

Главком вернулся из штаба группы армий „Север“ и сообщил следующее:

а. Превосходство в авиации на стороне противника. Боевой состав наших соединений, действующих на фронте, резко сократился.

б. 8-ю танковую дивизию придется отвести с фронта. <...>

г. План действий: Сначала закончить уже начатые бои на правом фланге. После этого произвести такую перегруппировку сил, которая обеспечила бы возможность наступления:

– одним корпусом — южнее озера Ильмень;

– двумя корпусами — севернее озера Ильмень, вдоль берега;

– одним корпусом — между озером Ильмень и Чудским озером;

– одним корпусом — вдоль восточного берега Чудского озера.

Кроме того, одним корпусом надо прикрыть район севернее разграничительной линии групп армий, а если удастся, то и перейти здесь в наступление...»¹

Риттер фон Лееб: «В 10.30 на самолете „Шторх“ я отправился в Мариенбург (Алуксне) в штаб 18-й армии. В 12.30 туда же прибыл главнокомандующий сухопутными войсками (ОКХ). Я представил свою оценку обстановки, которая отражена во вчерашней дневниковой записи. Главнокомандующий ОКХ согласен с поэтапным выполнением задач. Исправление положения в полосе ответственности 16-й армии займет от двух до трех суток, подход к танковой группе потребует трое-четыре суток. Все вместе это составит около недели, прежде чем появится возможность возобновить наступление на Ленинград концентрированными силами. Главком с этим согласен. <...>

Он заявил, что в группе армий „Центр“ сложилась аналогичная ситуация. Наступление на Москву пока не может быть продолжено. Вначале необходимо покончить с силами противника, которые хао-

¹ Гальдер, 2004. С. 125–126.

тично перемещаются между рекой Днепр и Смоленском и частично уже окружены нашими войсками...»¹

А. А. Новиков: «17 июля в штабе группы армий „Север“ побывал главнокомандующий сухопутными силами вермахта генерал-фельдмаршал Браухич. Ознакомившись с обстановкой на фронте, он пришел к выводу, что положение в воздухе на юго-западных подступах к Ленинграду не в пользу немецких войск. По его указанию Гальдер записал тогда следующее:

„Превосходство в авиации на стороне противника (курсив наш. — А. Н.). Боевой состав наших соединений, действующих на фронте, резко сократился... 8-ю танковую дивизию придется отвести с фронта“.

Это, конечно, преувеличение, вызванное у Браухича впечатлением от большой активности нашей авиации, неустanno громившей противника на всех главных участках фронта и наносившей ему ощутимый урон. Превосходства нашего в воздухе тогда, конечно, не было. Было равенство, но достигнутое отнюдь не числом брошенных в сражение самолетов, в чем мы уступали врагу вдвое, а умелой организацией боевых действий авиации, своевременной концентрацией ее сил на важнейших участках фронта и, конечно же, и мастерством, и героизмом ленинградских летчиков».²

Здесь и в самом деле хочется сказать несколько добрых слов в адрес нашего главкома авиации Александра Александровича Новикова (1900–1976). Новиков, закончив Академию им. Фрунзе (1930), прошел хорошую общевоинскую школу и в авиацию попал, будучи уже начальником оперативного отдела штаба корпуса, по настоянию Иеронима Петровича Уборевича (1896–1937), о котором говорит в своей книге очень много хороших слов.

Еще тогда, в начале тридцатых годов, Уборевич «говорил о том, что авиация является могущественным оружием, и роль ее в будущей войне будет очень значительной... Необходима уже сейчас глубокая разработка способов взаимодействия ее со всем родами войск. Правильное решение этой проблемы зависит, прежде всего, от ясного понимания задач авиации в будущей войне. При этом следует учитывать, что сухопутные войска будут вести наступательные действия на значительную глубину...»³

Поэтому, был убежден командарм, «необходимо направлять в авиацию общевоинских командиров...»⁴ Практика подтвердила предвидение этого талантливого военачальника.

¹ Лебедев. С. 85–86.

² Новиков. С. 95–96

³ Там же. С. 31–32.

⁴ Там же. С. 32.

Новиков: «Мною было обстоятельно доложено Военному совету фронта о существующей ненормальности в управлении авиацией и внесено предложение — в целях лучшего боевого использования имеющихся у нас авиасредств создать единое командование воздушными силами. Командующий фронтом М. М. Попов и член Военного совета А. А. Жданов поддержали это предложение и доложили свои соображения Ставке.

Ставка признала, что создание единого командования воздушными силами должно улучшить использование авиации для обороны подступов к Ленинграду и прикрытия его и Кронштадта от воздушных налетов врага. Было приказано оперативно подчинить ВВС Балтийского флота и 7-й истребительный авиакорпус ПВО командующему ВВС Северного фронта. Ко времени оборонительных боев войск Лужской оперативной группы это и было сделано».¹

Прекрасно представляя себе характер и логику развития общевойсковых наземных операций, Новиков очень грамотно руководил военно-воздушными силами Ленинградского военного округа и вполне заслуженно стал впоследствии Маршалом авиации.

Из истории 6-й танковой дивизии

В. Пауль: «...17 июля 1941: Чуть свет пришла замена. Мы теперь занимаем резервные позиции севернее дороги в лесу недалеко от моста. До 15:00 можем поспать. Копаем в лесу щели от артиллерийского огня, который со всей силой начался во второй половине дня. Транспорт 3 роты горит. С наступлением темноты с громким ревом „Ура!“ начали наступление пьяные заводские охранники из Ленинграда. Непрерывно стучат тяжелые пулеметы. Это значит, что уже прибыли [бойцы] из 114 [стрелкового полка] и помогают нам. Наступление отбито с чудовищными потерями у врага. Тем не менее, положение серьезное и запутанное. Как обрадовался командир батальона, когда мы ему смогли доложить, что на плацдарм въезжают бронетранспортеры саперов! <...>

Как и плацдарм 1 танковой дивизии у Сабска, который был захвачен 15 июля, плацдарм у Поречья также был слишком мал, чтобы его можно было долго удерживать. Боевая группа Рауса смогла выставить охранение примерно всего лишь в 500 м по обеим сторонам дороги, поскольку она с целью обеспечения флангового прикрытия пробилась к водохранилищу, находившемуся в 3 км от пары мостов. На большее не хватало сил. Этот трудный для обороны „рук-ав“ имел, однако, то преимущество, что каждый раз он мог быть атакован или только с востока, или только с запада, поскольку рус-

¹ Оборона Ленинграда. С. 90.

ские, массированно применявшие артиллерию, опасались попасть по своим.

Для боевой группы было важно оборонять деревню Ивановское на краю водохранилища, а также безусловно удерживать оба моста через Лугу. Пространство между ними можно было защищать только мобильной обороной. 65 танковый батальон и 8 рота 114 стрелкового полка использовались как резерв для быстрого реагирования, в то время как основные силы 4 стрелкового полка были выставлены на передовой. Вражеские танковые атаки были возможны только по дороге <...>.

В середине дня 17 июля появились первые немецкие истребители...»¹

Боевой дневник 6-й танковой дивизии

«В течение ночи дорога использовалась вполне сносно, во всяком случае движение продолжалось по ней бесперебойно. В течение этой ночи также впервые не было налетов вражеских самолетов.

Обстановка перед К 6 остается напряженной, из донесения Рауса около полуночи можно сделать вывод, что 3-й пех. батл. также достиг плацдарма, этот батл. Квентина был отправлен в марш в 8.30 утра.

Воздушная разведка в этот день также еще не работает. Погода переменилась, стало прохладно, сильная и соответственно низкая облачность не позволяет увидеть наших истребителей.

Защита западного фланга после донесения корпусной авиаразведки о новом жд мосте (10 км южнее Кингисеппа) становится особенно важной.

День прошел гораздо спокойнее, чем два предыдущих. Командир дивизии, позаботившийся накануне о безопасности фланга и исправном функционировании дороги, прибыл на плацдарм и там обрел, наконец, полный покой. На пехоту в пути больше не нападали. Был, правда, артобстрел примерно из семи батарей, из которых четыре тяжелые. Авианалетов не стало. Мощный заслон зениток был отчетливо ощущим».²

Этот рассказ в Боевом дневнике дивизии о том, что «день прошел гораздо спокойнее», имеет в виду обстановку не на плацдарме, а в тылу. На плацдарм же были атаки и пехоты с танками, и наших самолетов.

В хронике 158 ИАП отмечено, что в этот день «во время штурмовки танковой колонны противника в районе г. Кингисеппа (м. Муравейно) получил повреждение мотора от зенитной артиллерии

¹ Paul. Перевод на рус. яз. см.: <http://centralsector.narod.ru/germ/paulr.htm>

² NARA, t 315, r 323, f 107.

противника» самолет Як-1 мл. лейтенанта Авершина Л. М., который «произвел вынужденную посадку в районе ст. Веймарн. Самолет эвакуирован и сдан в ремонт на завод № 47. Летчик получил осколочные ранения в голову».¹

Здесь следует обратить внимание на несколько противоречивую картину относительно появления в этот день немецких истребителей.

В истории дивизии написано, что в этот день появились первые истребители, хотя мы знаем, что появлялись они и накануне. А в Боевом дневнике говорится, что истребителей не видно из-за низкой облачности. Следовательно, они должны бы были появиться.

Исаев: «Для создания „воздушного зонтика“ над боевыми порядками 4-й танковой группы на аэродром Зарудье к юго-востоку от города Ляды² на Плюссе 17 июля были перебазированы I и II группы эскадры JG54 (около 40 самолетов Bf 109F-2). Это позволяло Люфтваффе по крайней мере пытаться усидеть на двух стульях и прикрывать и низовья Луги, и район Сольцов. Тем не менее истребительное прикрытие налетов на плацдармы стало жизненно необходимым как для бомбардировщиков ВВС КБФ, так и для 41-й авиадивизии...»³

Боевой дневник: «С полудня появились первые немецкие истребители. Их появление оказалось столь неожиданным, а на плацдарме так привыкли тут же открывать огонь на всякий звук мотора, что ведущий звена был тут же сбит».⁴

Раус: «Утром некоторые наши солдаты видели эскадрилью истребителей, летающую над лесом на малой высоте в том самом месте, где русские истребители „Рата“ заходили в атаку на Муравино. Разумеется, наши пулеметы немедленно открыли огонь. Но на этот раз самолеты, к несчастью, оказались немецкими. Это было первое подразделение Люфтваффе, которое добралось до нас. Хорошо подготовленные пулеметчики немедленно сбили головной самолет, однако пилот сумел совершить вынужденную посадку на нашей территории. Командир эскадрильи, который пилотировал этот самолет, получил легкое ранение. Он остался в качестве гостя у меня в штабе бригады и достаточно быстро оправился от раны, но, по его мнению, жизнь на окруженном плацдарме была весьма неприятной».⁵

После всех этих цитат становится понятным, что в этот день в районе досягаемости плацдарма появился первый немецкий аэ-

¹ *Афрагеев*. С. 69.

² Деревня Заруденья находится в 4 км от села Ляды (недалеко от развилки дорог).

³ *Исаев*, 2011. С. 268.

⁴ *NARA*, t 315, r 323, f 109.

⁵ *Раус*. С. 115–116.

родром. Неопознанными же истребители оказались, скорее всего, потому, что летели довольно низко над лесом и выскочили неожиданно. Изготовившиеся на звук моторов зенитчики, успели сначала открыть огонь и только затем уже заметили опознавательные знаки на крыльях.

Случай поражения самолета от собственной зенитной артиллерии, имевший место у немцев, весьма понятен и лишь характеризует общую напряженность обстановки на плацдарме. Немцы вполне могли позволить себе посмеяться над таким курьезом в вечерней беседе. А вот то, что творилось в эти дни с нашей стороны, вызывает в лучшем случае гримасу досады.

Еще раз обратимся к хронике 158 ИАП

20 июля 1941 года.

«— Командир звена лейтенант В. Н. Яковлев на самолете Як-1 <...> при отражении воздушного налета противника на г. Ленинград в воздушном бою в районе Красногвардейск — Скворицы был сбит своей зенитной артиллерией. Самолет загорелся в воздухе и при падении сгорел. Летчик выбросился с парашютом. Летчик невредим.

— Пилот мл. лейтенант Л. М. Авершин на самолете Як-1 <...> при отражении воздушного налета на г. Ленинград в воздушном бою в районе Красногвардейска, прикрывая спускавшегося на парашюте командира звена лейтенанта В. Н. Яковлева, был сбит пулеметно-ружейным огнем с земли своей зенитной артиллерией. Самолет разбит при падении. Летчик погиб».¹

21 июля 1941 года.

«— Зам. командира эскадрильи лейтенант А. В. Чирков на самолете Як-1 <...> при выполнении задания по патрулированию железнодорожного участка Волосово—Кингисепп вел бой с двумя самолетами противника Ю-88 и во время атаки был подбит своей зенитной артиллерией в районе Лисино. Произвел посадку с убранными шасси на аэродром ЛИСИНО. Самолет и его мотор были эвакуированы и сда ны в ремонт на завод № 47».²

Скорее всего, именно такие факты и вызвали упоминавшуюся выше раздраженную телеграмму войскам Ватутина.

Новиков: «В период боев на подступах к Ленинграду иногда происходили и печальные недоразумения. Посты ВНОС первое время плохо разбирались в силуэтах наших самолетов, принимали их часто за самолеты противника и передавали об этом на батарее зенитной артиллерии. Взаимодействие авиации с зенитной артиллерией также еще не было отработано как следует».³

¹ Афрагеев. С. 70.

² Там же. С. 70–71.

³ Оборона Ленинграда. С. 97.

Какие тут «печальные недоразумения». Хаос и неразбериха у нас царили воистину нестерпимые. В результате не только боевых потерь, но и потерь от собственных огневых средств, а также от многочисленных поломок старой уже матчасти 158 ИАП, имевший 22 июня 32 самолета И-16 и 40 самолетов Як-1 (всего 72 машины), 8 августа располагал всего 9-ю исправными И-16 и 8-ю исправными Як-1 (всего 17 машин).¹

Боевой дневник 6-й танковой дивизии

«Движение после обеда по трассе проходит гладко. Удалось эвакуировать часть раненых (130).² Об остальных позаботятся на вновь оборудованном перевалочном пункте в Валоно. Руководство дивизии выступило в 14.00 и достигло в своем обычном неспешном марше к 20.30 нового командного пункта в Захрелье.³

Зенитки 601-го полка, за исключением 2-й роты, отозваны из дивизии и приданы 36 ПД мот. Назначение корпусом К 6 для безопасности западного фланга АА 57 благодаря полку 36 ПД мот. отменено.

О ее положении известно, что 36 ПД мот. на восточном берегу озера Пейпус севернее Гдова пробивается вперед, примерно в 15 км севернее. По решению корпуса 16 Армия движется в то же время восточнее озера Пейпус и должна своим авангардом сегодня достичь Гдова, обещая таким образом в следующий день надежно прикрыть фланг у реки Нарвы. 1-я ТД снова овладела плацдармом,⁴ правда со взорванным мостом. Еще одна боевая группа приступила к захвату Плюссы. 269 ПД потихоньку пробивается вперед на главной дороге. О LVI АК известно, что он попал в трудное положение.

Оценка врага. Враг полностью осознает, какой опасностью грозит ему плацдарм на Луге. Способ, каким он бросает сюда силы, в первую очередь самолеты всех типов, кроме московского ополчения уже упоминавшиеся курсанты против 1-й ТД, кроме этого, отряды рабочих, говорит о том, что он вынужден напрягать последние резервы. Несмотря на то что гораздо более нуждается в силах, ко-

¹ Афрамеев. С. 57.

² Часть раненых за 4 дня боев на плацдарме — 130 человек — это, вероятно, наиболее тяжелые. Всего за эти дни по отчетным записям в Боевом дневнике было ранено 285 человек (23–43–101–118) и убито 99 (7–13–28–51). Рота или «80 мерзавцев» Ворошилова были выведены ополченцами из строя уже в первые два дня.

³ Название вписано мной, исходя из логики развития событий. В дневнике оно вписано от руки и написано очень неразборчиво. Как мы видим, «редактор» дневника даже сам не всегда мог разобрать, что за название в нем написано.

⁴ Это означает, что курсанты накануне опять выбили немцев с северного берега реки Луги.

торые могли бы закрыть пространство перед Ленинградом. Угрозы плацдарму нет.¹

Вскрытие плацдарма возможно не ранее достижения превосходства в воздухе и полного сосредоточения дивизии. Корпус назначает дату начала дальнейшего движения 20 июля.

Прибыл 508 саперный батальон

Убито: 51

Ранено: 118

Пропавших без вести: -

Погода: весь день сильная облачность, температура около 17°»²

Лес южнее станции Веймари. КП 2-й дивизии народного ополчения

Николай Степанович Угрюмое, Герой Советского Союза, полковник, командир дивизии:

«Я заметил, что люди стали выносливее, терпеливее и, главное, мужественнее. Многие перестали кланяться каждой пуле.

Нравится мне новый командир 1-го полка майор А. Соколов. Человек с твердым характером, волевой.

Вместе с комиссаром полка решительными мерами наводит порядок, искореняет у ополченцев „гражданскую“ психологию. Ведь дело доходило до анекдотических случаев.

Мне докладывали такой факт. Командир взвода, не согласившись с решением командира роты, подал рапорт о переводе его в другое подразделение, так как боялся, что не „сработается“ со своим ротным командиром. В другом подразделении бойцы обратились к парторгу с жалобой на неправильные действия командира взвода.

Выходит, надо людям разъяснять элементарные истины, а порой разговаривать и построже, обстановка-то боевая.

И мне, и комиссару дивизии П. Т. Тихонову приходится учить командиров и начальников штабов искусству организовывать бой, управлять подчиненными, взаимодействовать с другими подразделениями. Требуем, чтобы и карты вели по правилам, и в документах была командирская точность и ясность.

Знаю, некоторые на меня успели комиссару пожаловаться: дескать, Угрюмов заставляет уставы учить, а надо воевать. Когда Тихонов сказал мне об этом, я ответил, что мы — не партизанское войско в худшем смысле этого слова, а регулярная воинская часть, и пока нам не хватает умения воевать.

Конечно, я понимал, что не следует слепо держаться буквы устава. Еще и свое соображение иметь надо. Но командирская инициатива

¹ NARA, t 315, r 323, f 109.

² NARA, t 315, r 323, f 110.

рождается в результате военных знаний. Эту истину я еще на финской понял, когда батальоном командовал».¹

Район деревни Юрки. КП 3-го батальона 2-го стрелкового полка 2-й дивизии народного ополчения

Степан Бардин, старший политрук, военком батальона:

«Вечером с комбатом были у командира полка В. С. Лифанова. Он чисто выбрит, в новой гимнастерке, туго перехваченной широким ремнем. И комиссар Г. Е. Гродзенчик под стать ему. Своим видом подчеркивают, что порядок и дисциплина и на фронте превыше всего.

Командир полка кратко обрисовал обстановку, затем стал перечислять мероприятия, которые нам следует осуществить. Его указания показались мне чересчур назидательными: улучшить учет потерь личного состава, использовать имеющиеся возможности для обучения ополченцев основам общевойскового боя, подумать над организацией дежурства на переднем крае. <...> Двадцать восемь пунктов записал я в блокнот. Когда перечитал их, понял, что все к месту сказано, для нашей же пользы. Эти пункты были той азбукой, которая помогала из вчерашних обувщиков, моторостроителей, инженеров и студентов делать бойцов Красной Армии.

Вернувшись в батальон, мы с комбатом стали обсуждать, как лучше выполнить указания командира полка и тем самым повысить боеспособность батальона».²

В этот день, судя по воспоминаниям С. Бардина, в районе Юрков боев не было. Зато на Сабском плацдарме было особенно жарко. Бои шли уже в районе Слепино.

Сабский плацдарм

Особенно тяжелым для курсантов оказался день 17 июля. Бой продолжался непрерывно 15 часов. Хотя в этом бою училище потеряло около 200 человек убитыми и ранеными, враг не продвинулся ни на шаг. Смертью храбрых пали в бою командир 1-го батальона подполковник А. Кузнецов, командир минометной батареи майор В. Богданов, комиссар 3-го батальона батальонный комиссар П. Баранов, командир артиллерийской батареи капитан Н. Лехман, старший политрук А. Бибикусаров, командир взвода лейтенант П. И. Шумилин, курсанты Абрамов, Антипов, Богомолов, Даций, Гуригорн, Ильин, Иванчуков, Коновин, Некрасов, Прытков, Федосеев, Шарков и другие.

¹ Кринов. С. 66–67.

² Там же. С. 67.

Район деревни Слепино. ОП батареи 1-го Ленинградского артиллерийского училища

Василий Грицаев, старший лейтенант, заместитель командира батареи:

«Наш дивизион занял огневые позиции юго-восточнее Слепино. В боевых порядках стрелков развернули передовой наблюдательный пункт. Конечно, хорошо было бы иметь передовые наблюдательные пункты в каждой батарее, но у нас не хватало средств связи — радиостанций, телефонных аппаратов и даже полевого кабеля. Мы выехали на фронт, имея то имущество и материальную часть, которые были положены для обеспечения учебного процесса.

После боевого крещения 14–17 июля мы чувствовали себя увереннее. Командиры стали смелее маневрировать огнем. И когда гитлеровцы пошли в атаку одновременно на разных участках, наши командиры быстро и точно переносили огонь, меняли его темп. Особенно четко работал командир взвода управления старший лейтенант П. Черников».¹

Вспоминает Захарий Моисеевич Левит: «17 июля гитлеровское командование бросило на позиции курсантов танковые дивизии. Бой длился 15 часов непрерывно, но фашисты вновь не продвинулись ни на шаг. О стойкости курсантов свидетельствовали даже враги. Пленный фашист выглядел подтянуто, держался независимо, будто не выволокли его за шиворот из окопа, а он сам прибыл на переговоры. На вопрос начальника ЛКАУ, какая задача поставлена их части, пленный не без иронии ответил, мол, о задачах надо спрашивать господ генералов, а он всего лишь унтер-офицер и может ответить так: не будь здесь советских юнкеров, немцы были бы уже в Петербурге. В бою 17 июля враг потерял убитыми и ранеными более 1500 человек, десятки фашистских танков были уничтожены курсантами артиллеристами и пехотинцами. Потом немцы сбрасывали с самолетов листовки: "Юнкера, пощады не ждите!" Но и нам сражение обошлось недешево. Почти 200 человек были зарыты в землю позади траншей. Среди павших лейтенант Зайковский, курсанты Байков, Соколов, Шашев, Краснобаев и другие».²

КП батальона АПУ имени С. М. Кирова

Александр Синев, старший политрук, военком батальона:

«Особенно тяжелым был для нас день 17 июля. С утра фашистские самолеты бомбили наши позиции. Затем гитлеровцы атаковали

¹ Кринов. С. 68.

² «Девяностая, Ропшинская» С. 280–283.

сразу в нескольких местах. Наиболее яростно — 1-й батальон, через позиции которого проходил тракт на север. Здесь враг пустил танки. Я видел, как курсант бутылками с зажигательной смесью уничтожил фашистский танк.

После боя отыскал смельчака. Им оказался курсант Бодров из шестой роты. Выпускник. Осенью должен был получить лейтенантское звание. Спрашиваю его:

– Страшно было, когда на окоп танк пошел?

В ответ слышу:

– Страшно, товарищ старший политрук! Когда танк стал разворачиваться, я подумал, что сейчас начнет утюжить мой окоп. И тогда конец. Не знаю, откуда сила взялась: две связки по три гранаты под гусеницы бросил, еще успел бутылки «КС» метнуть. Как поджег танк — не видел. Первой или второй бутылкой — не помню. Куда делся экипаж машины — тоже не заметил.

Лежал на дне своего окопа. А потом, как говорят, пришел в себя, выбрался наверх и пополз доложить командиру отделения. <...>

Рассказ Бодрова потряс меня. Сколько же надо силы воли, мужества, чтобы в критическую минуту не дрогнуть!»¹

«На Лужском рубеже только дивизионом капитана Синявского были уничтожены тридцать семь фашистских танков. Курсанты-кировцы под Большим Сабском пятнадцать часов подряд отбивали яростные атаки врага, уничтожили 600 гитлеровцев и не отступили. За этот бой, в котором погибли около двухсот курсантов, Ленинградское высшее военное училище имени Кирова было награждено вторым орденом Боевого Красного Знамени».²

На других участках Лужского рубежа обороны.

Южная окраина города Луги. Лангина гора. КП 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии:

«Под вечер из штаба корпуса вернулся Машошин. Доложил ему обстановку, подал папку с документами. Андрей Федорович ворчливо заметил:

– Штабы заработали. Теперь начнут друг друга бумажками обстреливать.

Машошин не переносил бумаготворчества. Однако одним документом комдив заинтересовался. Прочел раз, потом еще. Это была

¹ Кринов. С. 67–68.

² На огненном рубеже. С. 6.

разведсводка противника. Утром прислали ее из штаба 41-го стрелкового корпуса. В ней ярко и с преувеличением расписывалось инженерное оборудование нашей обороны. Андрей Федорович отложил бумажку в сторону и сказал:

— А знаешь, гитлеровцы не дураки! Это ж они как бы оправдательный документ составили. Смотри, дескать, фюрер, какие чудеса большевики нагородили, вот и затормозилось наступление.— Машошин снова взял сводку в руки.— Каждый холмик укреплен. <...> А знаешь, Иван Семенович, поговори-ка с нашим инженером. Надо подумать о дальнейшем развитии инженерных заграждений».¹

11-я армия. Западнее города Сольцы. НП первой минроты 68-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии

Константин Шпанкин, лейтенант, командир минроты:

«Днем и ночью ведем бой. Противник цепляется за каждый дом. Бросает против нас танки, броневики, автоматчиков. Особенно старается удерживать ключевые позиции. К утру отбросили его за железную дорогу, что проходит в двух-трех километрах от города. Наш 1-й батальон вышел на западную окраину Сольцов. Жаль, что вовремя не подвезли боеприпасы. Мы наверняка смогли бы овладеть Большим и Малым Заборовьем — двумя деревушками за железной дорогой.

Сегодня за них предстоит сражаться. Враг шпарит пулеметным огнем по железнодорожной насыпи, бьет из минометов, тяжелых орудий. К насыпи не подойти. А мы ответить не можем: снарядов и мин нет. Остался лишь минимум на тот крайний случай, если противник пойдет в атаку.

Разговаривали с местными жителями. Они рассказывали, как бесчинствовали фашисты в Сольцах. У одного коровенку угнали, у другого сундуки вверх дном перевернули. И не смей пожаловаться. Офицеры и солдатня вели себя одинаково — как воры. Запомнилась старушка лет семидесяти. Она все упрашивала разыскать супостата, высокого с золотым зубом гитлеровца, который забрал у бабки самовар, единственную ее ценность и уладу. „Вот тебе и «культурные» европейцы. Бандиты настоящие!“ — слушая жителей, думал я.

К середине дня подвезли боеприпасы. Комиссар полка старший политрук Оньков лично ими занимался.

Согласно боевому приказу полк 17 июля в 19.00 возобновил наступление».²

¹ Кринов. С. 69–70.

² Кринов. С. 70–71.

Исаев: «Кризис, возникший под Сольцами, непосредственно повлиял на действия 4-й танковой группы в целом. В ЖБД XXXXI корпуса 17 июля отмечается: „В рамках общего кризиса, вызванного вражескими прорывами в полосе LVI АК, наступление 269-й пд остановлено на достигнутых рубежах. Поскольку 3-й пд, по всей видимости, не удалось удержать рубеж Николаево—Уторгош, необходимо считаться с нарастающей угрозой единственной коммуникации корпуса, дороге Псков—Новоселье, и флангу 269-й пд“¹. То есть немецкому командованию пришлось отказаться от планов наступления на Лугу пехотой».²

Из отчета командующего ГА «Север» фон Лееба в ОКХ

(17 июля в 10.00):

«В настоящее время сил между озером Ильмень и озером Пейпус недостаточно, чтобы можно было в одиночку совершить атаку на Ленинград, особенно здесь необходимы сильная фланговая защита против Старой Руссы, а далее также севернее озера Ильмень. Продолжение наступления через линию Новгород—Нарва может стать наиболее вероятным, если кроме 1-го АК будут подведены еще и 1-2 корпуса 16-й Армии. До этого основной задачей 4-й т. гр. является удержание вышеназванной линии».³

Смоленское сражение. Оперативная группа войск под командованием К. К. Рокоссовского остановила 7-ю танковую дивизию противника под Ярцево. Город неоднократно переходил из рук в руки.

Киевская операция. 1-я танковая группа, прорвавшись в район Белой Церкви и западнее, создала угрозу выхода в тыл 6-й и 12-й армиям Юго-Западного фронта. 17-я немецкая армия прорвалась в стыке Юго-Западного и Южного фронтов на жмеринском направлении. 11-я армия противника, форсировавшая Днестр в районе Могилев-Подольского, угрожала левому флангу нашей 18-й армии.

18. 7. 1941 — пятница

Раус: «Только 18 июля советские командиры осознали тщетность своих предыдущих попыток и решили вырвать победу, изменив тактику. Они начали сооружать оборонительные позиции по обе стороны от Ивановского, чтобы накопить силы для нового штурма. С этой целью русские на западе немного отвели войска и начали окапы-

¹ NARA, t 314, r 979, f 749.

² Исаев, 2011. С. 245.

³ NARA, t 311, r 51, f 064065.

ваться. В восточном секторе они остановились непосредственно на опушке молодого леса, причем их войска оказались в открытом поле. В качестве прикрытия вражеские солдаты использовали тела мертвых товарищей, которые уже начали разлагаться и раздулись от трупных газов, нестерпимо воняя. Русские собирали их по ночам и складывали из трупов валы, засыпая их землей и песком.

Судя по всему, теперь главной целью русских стал захват двух 200-метровых мостов через Лугу, которые были только легко повреждены, и их ремонт не занял бы много времени. Русские попытались захватить их концентрическими атаками с разных сторон, однако снова не сумели скоординировать свои действия. Сам план был разумным, хотя и рискованным. Но все шансы на успех были развеяны, когда начались разрозненные атаки на различных участках, совершенно не согласованные по времени».¹

Из боевого дневника 6-й танковой дивизии.

«Около полуночи начался сильный артобстрел с новой позиции. Удивило наступление вражеской пехоты по обеим сторонам вдоль реки по направлению к мосту, в результате собственно предмостное укрепление было почти захвачено. Им едва не удалось перерезать горло плацдарму и захватить мост. Но к 4.00 положение было вновь восстановлено...»²

Паус: «Сначала русские попытались захватить мосты внезапным ударом. Ночью 17/18 июля одна рота 2-й добровольческой стрелковой дивизии народного ополчения перебралась через ручей к северу от старого моста. На рассвете эти солдаты внезапно обрушились на наше слабое охранное подразделение, заняли мост, а затем начали продвигаться в сторону Муравино, чтобы захватить еще и новый мост. Но в этот момент атакующие были остановлены пулеметными подразделениями, которые охраняли южный берег реки. Почти сразу на сцене появилась рота лейтенанта Бенке, которая стояла в готовности. Эта рота на бронетранспортерах атаковала русскую роту как раз в тот момент, когда противник, встревоженный грохотом приближающихся танков, попытался бежать через старый мост. Мы уничтожили эту роту до последнего человека. Отважная вылазка русских завершилась таким провалом, что больше они даже не думали ни о чем подобном. Сразу после этого одна советская рота атаковала Муравино, вероятно, она намеревалась помочь попавшим в беду товарищам. Но эта атака была предпринята слишком поздно, и наши пулеметчики без труда отразили ее.

Эта ночная атака была хорошо подготовлена и проведена, хотя в конце концов и завершилась неудачей. Она показала, что мостам

¹ Паус. С. 114.

² NARA, t 315, r 323, f 110.

угрожает серьезная опасность. Лейтенанту Гебхардту не требовались специальные приказы, чтобы разгромить русских, так как его задачей было оказание помощи охране моста, если возникнет опасность. Но даже если бы это не было его задачей, он наверняка действовал бы точно так же, поскольку его саперы размещались рядом с местом, где произошла стычка. В соответствии со сложившейся ситуацией и моими приказами он должен был оказывать помощь самостоятельно, не ожидая особых распоряжений. Тем не менее я счел себя обязанным отметить быстроту и решительность, с которой он ликвидировал опасность...»¹

Любопытно дополнение, приведенное в истории 6-й танковой дивизии.

В. Пауль: «Критическое положение сложилось утром 18 июля, когда подразделения 2 дивизии ополчения (ленинградской заводской охраны) смогли захватить старый мост через Лугу, напав на слабое охранение. Попытка захватить также и второй мост не удалась. Находящаяся в полной боевой готовности бронетранспортерная рота обратила русских в бегство и уничтожила их соединение вплоть до последнего бойца.

Это плохо обученное ополчение несло значительные потери. Одному английскому военному корреспонденту в Ленинграде объясняли, что большей части первоначально сформированных дивизий не суждено вернуться, в этом нет никакой тайны.»²

В предыдущем фрагменте Раус заявил, что русские «больше даже не думали ни о чем подобном». Однако наши предприняли еще одну попытку.

Раус: «В то же утро русская рота, двигаясь по заболоченным тропинкам, пробралась в тыл плацдарма, чтобы атаковать артиллерийские позиции. Одновременно маленькое штурмовое подразделение проскользнуло вдоль реки, чтобы уничтожить мой штаб бригады. Обе операции провалились благодаря бдительности наших часовых, которые вовремя заметили врага. Прорывы были отбиты с помощью местных резервов.»³

Здесь, скорее всего, имеется в виду запланированная еще 17 июля атака на немецкий штаб, расположенный в Муравейно, группы Татаринова. И. В. Татаринов был командиром истребительного полка, который Попов 15 июля личной властью бросил на усиление 2-й ДНО. Ворошилов в тот же день вывел полк из боя и велел ему выполнять ранее поставленную задачу. Отправиться на тот берег Луги и ударить по плацдарму с тыла. Группа Татаринова общей численностью 185 че-

¹ Раус. С. 114–115.

² *Paul.* Перевод на рус. яз. см.: <http://centralsector.narod.ru/germ/paulr.htm>

³ Раус. С. 117–118.

люк разгромила немецкий штаб 4-го полка мотострелков, захватила документы и знамя.¹

Но упрек Рауса в несогласованности наших атак правомерен. На это сетуют и наши участники: «...группа бойцов под руководством Татаринова ворвалась в деревню Поречье, и достаточно было послать им на помощь один-два взвода, чтобы деревня была захвачена у противника. Но смелую вылазку Татаринова не поддержали, так как связь между подразделениями отсутствовала».²

Дальше Раус описывает еще одну отчаянную атаку на плацдарм.

Раус: «На протяжении дня с запада и востока поочередно подошли несколько русских батальонов, выдвигаясь через заболоченный лес к дороге. Дозоры II батальона капитана доктора Бехера из 4-го моторизованного полка, развернутые вдоль берега, при поддержке танков отразили атаку с востока. Советская пехота, атаковавшая с запада, несколько раз прорывалась к дороге. Но каждый раз, когда это происходило, наши танки охватывали противника, выдвигаясь с севера и юга, и отбрасывали его обратно в лес. Мы настолько надежно контролировали дорогу, что ночью полевые кухни и ремонтные машины беспрепятственно переезжали через мосты, чтобы добраться до войск на передовой.

Действиями танковых рот также руководили их командиры в соответствии с общим планом, но без специальных приказов. Любой приказ, который отдал бы командир участка или я сам, пришел бы с опозданием, так как для ликвидации прорывов русских требовалось действовать молниеносно. Подполковник Зиберт старался координировать действия своих рот, разбросанных по разным участкам, с помощью радио, которое имелось на всех танках. В бою, неважно — дневном или ночном, было бы форменным самоубийством перебрасывать войска по дорогам в пешем строю или на небронированных машинах. Было совершенно невозможно направлять посыльных к ведущим бой подразделениям. Поэтому нашим пехотным резервам оставалось только стоять и ждать, когда потребуются нанести контрудар. Единственными приказами были мои устные инструкции, распоряжения по телефону или по радио. Вокруг Ивановского произошло несколько отдельных боев местного значения. Мы легко отразили слабые атаки русских с севера вдоль пруда в направлении к мосту. Больше проблем создала еще одна внезапная атака русской пехоты из леса при поддержке единственного сверхтяжелого танка КВ-1. Эта атака должна была парализо-

¹ См.: *Винницкий*. С. 35–36; *ЦГАИПД*, ф. 4000, оп. 10, д. 1338; В тылу врага. 1941. Сб. документов. Л.: Лениздат, 1979. С. 40; *Петров Ю.* Партизанское движение в Ленинградской области. 1941–1944. Л.: Лениздат, 1973; *Крюковских А. П.* Ленинградское ополчение. СПб., 1979. С. 242.

² *ЦГАИПД*, ф. 4000, оп. 10, д. 1338.

вать нашу систему управления, нервный центр которой находился, как правильно определили русские, возле церкви. Хотя контрудар нашей резервной пехотной роты отбросил назад советских солдат, которые прорвали линию дозоров, KV-1 выскочил из леса и на большой скорости ринулся вперед. Он проскочил так быстро и так близко к нашему замаскированному 100-мм орудью, что оно просто не успело выстрелить. Танк начал описывать круги вокруг церкви, сокрушая все на своем пути. Был разгромлен штаб полковника фон Вальденфельса. Наши PzKw-35t были бессильны, как и под Расейна-ем, их стрельба совершенно не вредила стальному монстру. Наконец один удачливый унтер-офицер положил конец этому кошмару. Он сумел запрыгнуть на танк и несколько раз выстрелил из пистолета в смотровую щель водителя. Тот был ранен, потерял обзор и потому повел танк назад. Очевидно, он надеялся, что, вернувшись к своей пехоте, избавится от опасного пассажира. Наши мелкокалиберные пушки провожали танк огнем. Крича во всю глотку, водитель проскочил мимо 100-мм орудия. За несколько секунд до того, как танк пересек наши линии, унтер-офицер спрыгнул, предоставив гиганта его судьбе. И как только танк вышел на ничейную землю, он взорвался, получив прямое попадание 100-мм снаряда „в спину“...»¹

Этот эпизод с прорвавшимся на немецкие позиции в Ивановском танком KV существует еще в одном описании — в письме ефрейтора Вике. Там эта история выглядит несколько иначе. Согласно письму Вике, удачливым унтер-офицером, положившим конец этому кошмару, был не кто иной, как старший лейтенант фон Зекендорф. Если это было на самом деле так, то замалчивание сего факта Эрхардом Раусом весьма любопытно. Причины такого замалчивания нам вряд ли сейчас удастся установить. Да и интересует нас сейчас гораздо больше другое. Страшный танк KV без поддержки пехоты оказался для немецких солдат совершенно не страшным. Это уже второй случай гибели нашего сверхтяжелого танка, отчаянно ворвавшегося на немецкие позиции.

В воспоминаниях Домосилецкого есть описание гибели танка во время боя за деревню Юрки. В том эпизоде танкисты направили горящий танк прямо на немецких пехотинцев, и взрыв танка унес с собой жизни десятка немцев. Ни тот, ни другой случай из описанных немецкой стороной, с этой историей не соотносятся. Возможно, Раус и Хаупт умолчали о третьем прорыве нашего танка на их позиции в Юрках. Или не совсем честно описали одну из этих двух.

Умолчали же оба эти свидетельства о том, о чем отчетливо написано в письме ефрейтора Вике, на основании которого в Германии вышла газетная статья (см. иллюстрацию). Наш KV, прорвавшись на

¹ Раус. С. 116–118.

позиции немцев, уничтожил не только ценнейшую 88-мм зенитку, но и весь ее расчет. Одна гибель другой стоила.

Раус: «Примерно в полдень отдельный советский батальон провел еще более опасную атаку из заболоченного леса на южном берегу Луги. Ее целью были наши грузовики, стоящие в сосновой роще. Эта атака захватила нас до определенной степени врасплох. Она началась с беспорядочной, но шумной стрельбы, которая вызвала переполох среди солдат вспомогательных служб. Используя преимущества возникшей паники, русские пересекли дорогу и успели уничтожить несколько грузовиков».¹

Этот фрагмент текста Рауса позволяет точнее определиться с одним фрагментом из смешанного описания боев в докладе майора Киенко.

«Наши наблюдатели внезапно обнаружили броневомобиль и около 10 немецких автомашин с пехотой и снарядами. Здесь же подошли вызванные 3 танка Т-26 из роты л-та Власенкова и открыли по колонне огонь. В течение 10 минут колонна автомашин и броневомобиль были уничтожены...»²

Раус: «Но вражеская атака захлебнулась, натолкнувшись на автомобиль оружейной мастерской, в котором находились несколько новых пулеметов и большое количество боеприпасов. Потом на сцене снова появилась рота лейтенанта Бенке (и опять без приказа). Она ввязалась в бой, который разгорелся у нас в тылу. Двигаясь вдоль дороги, теперь уже наша рота сумела зайти в тыл русскому батальону. Открыв огонь со своих бронетранспортеров, наши солдаты попросту смяли противника. Остатки русского батальона бросились врассыпную, стараясь как можно быстрее скрыться. Вскоре после этого наши солдаты отметили место боя братской могилой с крестом, на котором была надпись: „Здесь лежат 157 русских, павших в бою“.

Все это происходило без моего малейшего вмешательства. Хотя следует отметить, что, когда позволяло время, я старался принять какие-то меры и отдать дополнительные приказы. Однако в случаях рейда вражеской роты или батальона это было просто невозможно. Тем не менее командиры рот и батальонов при первой возможности докладывали мне либо делали это сразу после окончания боя».³

Вот где ключ к нашим неудачам и удачам немцев. Они действовали энергично и инициативно, быстро реагируя на сложившуюся

¹ Раус. С. 118.

² СПб. школа № 111. Музей бронетанковых войск. Архив. Осн. ф. 952, ЛКБТКУКС, с. 25.

³ Раус. С. 118.

ситуацию и не тратя времени на согласования и подтверждения. Раус совсем не стыдится еще и еще раз повторять, что его гарнизон большей частью отражал все атаки наших частей без его малейшего вмешательства. Раус, в отличие от наших воевод, ничуть не дрожал за свою репутацию.

У нас же всякое движение прежде всего надо было утвердить в Ставке Верховного главнокомандования. Ворошилов же не мог просто позвонить в Москву и сказать:

– Слушай, Иосиф Виссарионович, тут сложилась такая ситуация, что имеющимися силами немцев с плацдарма уже не выдавить. Ополченцы для этой задачи совершенно не годятся. Слева от них прекрасно и очень в военном отношении грамотно сражаются курсанты, однако даже они не смогли удержать плацдарм, что уж и говорить о неопытных в боевом отношении рабочих. У немцев здесь сила накоплена приличная.

И так далее...

Не мог и, подобно Жукову, сказать прямо в глаза Верховному:

– Киев придется оставить...

Куда там. Все, что мог здесь сделать Ворошилов — это, зажмурившись крепко-крепко и стиснув зубы, процедить:

– Выбить немцев из Ивановского... Выбить во что бы то ни стало, черт побери!

Наплевав на людей.

У нас прощали только победителей, да и то до поры до времени.

Так что ларчик открывается едва ли не просто. Инициативных окорачивали быстро.

Вот артиллеристы и летчики у нас были хороши. А также флот, приславший к станции Веймарн бронепоезд с крупнокалиберной артиллерией. Потому что действовали не по приказам Ворошилова, а по военной науке.

Раус: «18 июля и вражеская артиллерия изменила методы обстрела. Артиллеристы Красной Армии поняли, что все их предыдущие обстрелы плацдарма были не эффективны и перенесли огонь на сами мосты. После этого за один день по мостам было выпущено более 1000 снарядов. К счастью, противник не мог корректировать огонь, поэтому он так и не сумел серьезно повредить мосты.

Советские самолеты носились над нами, как стаи рассерженных пчел, атакуя наши батареи и все остальные цели, которые могли заметить. Русские пилоты быстро сообразили, что у нас начинают кончаться боеприпасы, поэтому зенитный огонь будет слабеть. Во второй половине дня наши зенитки окончательно перестали стрелять, чтобы сберечь оставшуюся горстку снарядов для отражения атаки танков. Наши пулеметы обстреливали только особенно нахальные самолеты, летавшие на бреющем. Даже полевая артиллерия боевой группы за-

метно снизила темп стрельбы, чтобы сохранить снаряды на случай критической ситуации.

Нехватка боеприпасов постепенно становилась моей самой главной проблемой. До тех пор пока пехота и танки имеют достаточно боеприпасов, нашему плацдарму ничто серьезно не угрожало. Однако я знал, что наши скудные запасы кончатся очень быстро, если нам придется отражать серию крупных атак. К счастью, последние атаки русских обошлись им слишком дорого, поэтому на нашем фронте их силы были истощены до такой степени, что они не могли набрать достаточно войск для новой крупной операции. Тем не менее буквально за пару дней они могли довести свои потрепанные батальоны до штатной численности, и тогда бои возобновятся с новой силой. Я серьезно сомневался, что боевая группа сумеет устоять под новым натиском при такой нехватке танковых снарядов и патронов. Самое же скверное заключалось в том, что не было никаких известий от главных сил XLI танкового корпуса. Неужели он остановился или ведет бои в других местах? Мы с трезвой обсуждали эти вопросы».¹

Раус не напрасно пишет о том, что наши могут вновь довести батальоны до штатной численности. В этот день немецкая «утренняя воздушная разведка сообщила о новой выгрузке из вагонов на ветке восток-запад (станция Веймарн) и усиленном движении автотранспорта по трассе север — юг, ведущей к плацдарму, в обоих направлениях, преимущественно в южном».²

Наши подвозили к плацдарму новые резервы.

Раус: «Ночной бой завершился сражением 18 июля. Незадолго до полуночи наши патрули, охраняющие берега пруда, сообщили, что слышат скрип весел. Какие-то лодки медленно двигались к плотине. Так как царил мертвая тишина, часовые без труда услышали эти звуки. Однако я и мои командиры ожидали, что русские попытаются уничтожить важную плотину и приняли необходимые меры предосторожности, чтобы предотвратить эту катастрофу. Рядом с пулеметными гнездами были поставлены прожектора на случай, если появятся вражеские войска, чтобы их можно было обнаружить на большом расстоянии. В данном случае русские не догадались заглушить плеск весел грохотом выстрелов, хотя мы ожидали, что они так поступят. Поэтому наши солдаты ожидали противника на плотине, подготовив пулеметы к стрельбе. Когда неприятель приблизился, несчастные русские были освещены прожекторами и перебиты. Эта операция Советов тоже завершилась полным провалом,

¹ Раус. С. 118–119.

² NARA, t 315, r 323, f 110.

а мы избежали грозной опасности быть утопленными в ревущем потоке».¹

Опять, в который уже раз, немецкая сторона фиксирует факт полной несогласованности действий нашей стороны.

Что же касается плотины в Ивановском, то она была 14-метровой высоты, и сотня тонн обрушившейся на позиции немцев воды могла создать им немалые проблемы. Однако странно, что никаких по-настоящему серьезных попыток разрушить плотину с нашей стороны не производилось. Возможно, опасность ее разрушения на самом деле вовсе не вела ни к какой катастрофе, как это представлялось немецким военным. Странно также, что за длительный период артобстрелов и воздушных бомбардировок ни один снаряд даже не задел этого гидротехнического сооружения.

Итак, весь этот день ополченцы, усиленные истребительными батальонами, артиллерией, танками и частями 191-й стрелковой дивизии, предпринимали многочисленные разрозненные попытки захватить мосты, плотину, выбить немцев из Ивановского и Поречья, разгромить находящийся на южном берегу в Муравейно немецкий штаб. Но вновь лишь несли «чудовищные» потери.

А Ворошилов, похоже, до сих пор все еще не имел отчетливого представления о силах занявшего плацдарм противника.

В ведомости соотношения сил Северного фронта на 18. 7. 41 года, составленной начальником оперативного отдела штаба СФ генерал-майором Тихомировым на интересующем нас участке фронта количество сил с немецкой стороны вообще не проставлено.²

ЛУЖСКАЯ ОПЕРАТИВНАЯ ГРУППА

Кингисеппский сектор

Батальонов: наши войска — 12; противник — [пусто]

Орудий: наши войска — тяжелых 85, легких 76, всего 161; противник — [пусто]

Танков: наши войска — 16; противник — [пусто]

Примечание: наши войска + 12 зениток.

Лужский сектор

Батальонов: наши войска — 11; противник — [пусто]

Орудий: наши войска — тяжелых 62, легких 41, всего 103; противник — [пусто]

Танков: наши войска — 127; противник — [пусто]

Примечание: наши войска + 4 зенитки, ПТО — 57, 38 бронемашин.

¹ Раус. С. 119–120.

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 203. С. 7–8.

Всего на фронте:

Лужское направление:

Батальонов: наши войска — 50; Орудий: наши войска — тяжелых 168, легких 196, всего 364; противник: до 2 мд, одна пд, одна-две тд.

В немецких штабах

Гальдер: «На фронте группы армий „Север“ продолжалось подтягивание тылов и пехоты вслед за наступающими танковыми соединениями 4-й танковой группы. Противник направляет свежие силы против левого и правого флангов танковой группы Гепнера. Однако, поскольку наши пехотные соединения уже подошли к фронту танковой группы, это не представляет большой опасности».¹

«В районе восточного берега Чудского озера (Гдов) была захвачена в плен „особая дивизия“, в состав которой входили: женская воинская часть, отбывающие наказание преступники и члены молодежного союза коммунистов».²

Под последними, вероятно, имеются в виду комсомольцы.

Риттер фон Лееб: «Вчера в районе Гдова взяли в плен около 3000 человек, в том числе женский батальон, три роты, состоявшие из комсомольцев и группы тюремных надзирателей...»³

Ю. Лебедев здесь же приводит сноску немецкого комментатора дневника Лееба, в которой говорится, что «запись из дневника барона фон Грисенбека опровергает утверждение о женском батальоне. Речь идет о взятых в плен нескольких группах медсестер».⁴

Боевой дневник 6-й танковой дивизии

«По информации из корпуса, 36 ПД мот. больше не продвигается от Гдова в северном направлении, так как она вынуждена снова отдать полк LVI АК и тем самым помочь 8-й ТД, находящейся в угрожаемом положении. Зная, сколько пехоты отправлено на Гдов, можно бы не отдавать. При этом положение дивизии остается по-прежнему под ударом.

В воздухе опять наблюдается усиление вражеской активности. Днем появилась обещанная собственная истребительная авиация.

¹ Гальдер, 2004. С. 125–126.

² Гальдер, 2007. С. 87.

³ Лебедев. С. 88–89.

⁴ Там же. С. 88.

Во второй половине дня полковник Раус назначил в резерв старшего лейтенанта Зекеддорфа со 114 мотострелковым полком без одной роты. Транспорт с боеприпасами вышел в путь. К сожалению, севернее Валово проломился мост и мешает подвозу сил. От корпуса направлен начальник артиллерии дивизии с двумя тяжелыми батареями для руководства ведением артогня с плацдарма.

Новый мост через Лугу у Поречья получил два попадания, но его работоспособность от этого не пострадала.¹ Враг ведет себя спокойно. Активность в воздухе ослабла еще более, так как прицельно бьют зенитки, а в воздухе наши истребители.

Возникает вполне ясная картина: красноармейцы, ленинградские рабочие из Москвы и Ленинграда, а также частично женщины, составляющие 3-й полк, поспешно брошенные к Луге, 333 пех. полк из Архангельска и 559 пехотный полк из Нарвы. Все эти войска выгружаются друг за другом на станции Веймарн. С полком 20 танков. Такие же силы перед 1-й ТД. Слева перед 36 ПД мот., которая между тем заменена 57 пех. бат., 2 женских батальона и 1200 ленинградских заключенных. У врага также, в то время как продвижение дивизии сдерживается исключительно с воздуха, используются последние резервы пехотных войск, хотя и вполне эффективно, благодаря сильной и отличной поддержке артиллерии, должно быть случайно оказавшейся в этом районе.²

После полудня майор граф Ностиц просветил нас относительно общего положения дел, а также подтвердил, что сидение на плацдарме у моста на Луге не соответствует сути танковой дивизии. В то же время рассматривается предложение полковника Рэттигера о замене ее пехотной дивизией и о маршброске вслед 1-й ТД.

Придан 11 полк 36 дивизии.

Результаты стрельбы зениток за последние 2 дня: 13 самолетов и 17 тяжелых и тяжелейших танков на плацдарме. Один из них прошел в 50 метрах от позиции орудия. Одна 8,8 зенитка разбита.

Начальник артиллерии докладывает результат личной разведки: использование артиллерии на плацдарме мобильное и отлично организованное. Перемена командования сделает эту организацию только хуже. Он обратился, наконец, с просьбой разрешить дивизии остаться. Так и решено.

Отбыли: 52-й саперный батальон,
508 стр. батальон

Прибыли: начальник артиллерии
111-й полк 36-й ПД

Убито: 20

¹ Так что даже эти два попадания, возможно, относятся не к атаке тяжелых танков роты Русакова.

² NARA, t 315, r 323, f 112.

Ранено: 48
Пропало без вести: —
Погода: весь день облачно, температура 20°
От руки дописано:
Трофеи:
Пленных 50...
2 грузовика...
5 пушек...
6 пулеметов...
10 автоматов»¹

Сабский плацдарм

В эту ночь понесшие в предыдущие сутки на Сабском плацдарме изрядные потери немцы подтягивали подкрепления. Однако наши летчики устроили им «горячий прием».

Лашкевич: «Обстановка требовала наносить удары и в ночное время. В мирное время на освоение полетов ночью уходило много времени, в условиях войны — одна ночь. Теперь штурмовики летали днем и ночью. Пытаясь форсировать реку Луга, противник сооружал переправы. Однако старания оказались напрасны. Ночью группа Кожина уничтожила вражеские сооружения: бомбовый груз был сброшен точно. Эта атака балтийских летчиков была по достоинству оценена нашими наземными войсками. Командир части, удерживающий рубеж на реке Луга, прибывший к летчикам, горячо говорил:

– Покажите мне орлов, которые дрались вчера у переправы! Они сами не знают, чего они там наделали, каких дров наломали!

„Дров“ действительно было много — на дно ушли 18 переправлявшихся зенитных орудий и около батальона пехоты...»²

Журнал боевых действий СФ. Ленинградский фронт

«18. 7. <...> 8 Ар. Новых сведений не поступило.

Лужская опер. группа на Кингисеппском Гдовском направлении наши части продолжают попытки ликвидации предместных позиций противника на р. Луга у Поречье и Сабск. <...> Лен. пех. училище 4-й день ведет бой в районе переправа Сабск.

¹ NARA, t 315, r 323, f 114.

² Лашкевич. С. 48–49.

Стр. пуль. училище от двух рот высланы для перехвата путей в районе оз. Красногородское¹, донесений не поступило.

41 ск совершал марш по плану перегруппировки частей, донесения о прибытии на место не поступило».²

Из переговоров

«У АППАРАТА КАПИТАН ЩЕГЛОВ
ТАК ПОЛКОВНИК КИНОСЯН У АППАРАТА
ТОВ. ЩЕГЛОВ ЗДРАВСТВУЙТЕ. НИКАК НЕ УДАЕТСЯ С ВАМИ
ПЕРЕГОВОРИТЬ. ПРОШУ ИНФОРМИРОВАТЬ, ЧТО ЖЕ ПРОИС-
ХОДИТ В ЭССР И ЛУЖСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ТОВ. ПОЛКОВНИК КИНОСЯН. ПРОШУ ИЗ-
ВИНЕНИЯ, ЧТО Я ЗАСТАВИЛ ВАС ДОЛГО ОЖИДАТЬ. ИНФОР-
МИРУЮ:

ОТ БАРЕНЦОВО МОРЕ И ДО ФИНСКОГО ЗАЛИВА БОИ ИДУТ
НА ЛИНИИ ГРАНИЦЫ, ЛИШЬ НЕПОСРЕДСТВЕННО НА ПЕТРО-
ЗАВОДСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ДО ТРЕХ ПД ФИНОВ ПОТЕСНИ-
ЛИ НАШИ ЧАСТИ И ЗАНЯЛИ ЛАЙМОЛА, ПИТКЯРАНТА. ДАЛЬ-
НЕЙШЕЕ ПРОДВИЖЕНИЕ ПРИОСТАНОВЛЕНО. ПРИНИМАЮТ-
СЯ МЕРЫ ЛИКВИДАЦИИ ЭТОЙ ГРУППЫ ПРОТИВНИКА. ЭССР
ОСТРОВА СЕЛЬ-ИДАГО СПОКОЙНО. ПОПЫТОК ВЫСАДКИ ДЕ-
САНТА НЕ БЫЛО. В ОСТАЛЬНОМ ФРОНТ АРМИИ СТАБИЛИЗИ-
РОВАЛСЯ <...>

=ЛУЖСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ=ЗА 14.7-41, 15.7 И 16.7-41 ШЛИ
БОИ В Р-НЕ ИВАНОВСКОЕ ЮЖ. ВЕЙМАРН. В ЭТОМ НАПРАВ-
ЛЕНИИ НАШИ ЧАСТИ НЕЗНАЧИТЕЛЬНО ПОТЕСНИЛИ ПР-
КА К ЮГУ. ОДНАКО ПР-К ЗАНИМАЕТ ПЕРЕПРАВЫ НА Р. ЛУГА
В Р-НЕ ПОРЕЧЬЕ, САБСК. НЕПОСРЕДСТВЕННО НА ЛУЖСКОМ
НАПРАВЛЕНИИ ПР-К ОТТЕСНИЛ НАШИ ПЕРЕДОВЫЕ ЧАСТИ
В РАЙОНЕ СЕВЕРНЕЕ ПЛЮССЫ НА ЛИНИИ ГОЛОСОВО

ПО ДАННЫМ АВИАЦИИ ПРОТИВНИК ОСНОВНЫЕ СИЛЫ
ГРУППИРУЕТ НА ГДОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ. ГДОВ В НАШИХ
РУКАХ. НА ЭТОМ ЖЕ НАПРАВЛЕНИИ ОБНАРУЖЕНЫ ОКОП-
НЫЕ РАБОТЫ. ВСЕ».³

18 июля. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации
борьбы в тылу германских войск».

СНК СССР принял постановление: «О введении карточек на
некоторые продовольственные и промышленные товары в городах
Москве, Ленинграде и в отдельных городах и пригородах Москов-

¹ Вероятно, озеро около деревни Красные горы.

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 205, с. 40-41.

³ Там же, ф. 221, оп. 1351, д. 181_2.

ской и Ленинградской областей», «О сдаче государству сушеных овощей и сушеного картофеля колхозами, колхозными дворами и единоличными хозяйствами по обязательным поставкам».

В Лондоне подписано соглашение «О совместных действиях в войне против фашистской Германии» между правительством СССР и эмигрантским правительством Чехословацкой Республики.

И. В. Сталин направил У. Черчиллю послание с предложением о создании второго фронта против фашистской Германии на севере Франции и на севере Норвегии в 1941 году.

Ленинградская оборонительная операция. Кольцо окружения вокруг 56-го мотокорпуса 4-й танковой группы было прорвано дивизией СС «Мертвая голова». В итоге контрудара 11-й армии в районе Сольцы противник был отброшен на 40 км. Фронт восстановлен на рубеже Дно.

А. А. Новиков: «Этим внезапным для противника контрударом мы временно ликвидировали угрозу прорыва на Новгород, облегчили положение своих войск под Лутой и выиграли время, необходимое для усиления обороны на Лужском рубеже и ближних подступах к Ленинграду».¹

Смоленское сражение. Войска группы армий «Центр» производят перегруппировку с целью создания сплошного фронта в северо-восточном и юго-восточном направлениях.

Ставка ВГК сформировала фронт Можайской линии обороны в составе 32-й, 33-й и 34-й армий. Командование фронтом было возложено на командующего Московским военным округом П. А. Артемьева.

Киевская операция. 1-я танковая группа ведет бои в районе Бердичева и Белой Церкви.

Совинформбюро. В течение 18 июля происходили большие бои на Псковско-Порховском, Полоцко-Невельском и Смоленском направлениях. Обе стороны несут большие потери. Танковая группа Гота в сопровождении разведчиков на мотоциклах ворвались с южной стороны в Великие Луки и с ходу захватили город.

19. 7. 1941 — суббота

Раус: «На рассвете 19 июля мы наконец-то услышали далеко на юге долгожданный грохот орудий. Вскоре после этого пришло сообщение, что приближается III батальон 118-го моторизованного пол-

¹ Новиков. С. 89.

ка 36-й моторизованной дивизии. Эта часть так долго добиралась до нас потому, что была перенацелена на Сабск, где 1-я танковая дивизия создала свой собственный плацдарм, и должна была сначала помочь там. Только после этого она двинулась вдоль южного берега Луги к боевой группе „Раус“. Батальон имел строгий приказ из штаба XLI танкового корпуса днем находиться в лесу к югу от Муравино и дожидаться темноты, чтобы усилить западный фас нашего плацдарма. Эта задержка была совершенно необходима, чтобы не подвергать войска риску удара советской авиации и тяжелой артиллерии во время перехода через мосты, так как это могло привести к уничтожению батальона. Поэтому прошел еще один день, в течение которого утомленным защитникам плацдарма пришлось сражаться в одиночку, удерживая его любой ценой. К несчастью, командир батальона, отправленного в качестве подкрепления, слишком уважавший устав, днем решил лично провести разведку участка фронта, который ему предстояло оборонять. В результате погиб и он, и все сопровождавшие его. Сам батальон не понес никаких потерь и прибыл на позиции ночью. Ему предстояло держать оборону при поддержке одной танковой роты».¹

Этот небольшой фрагмент книги Рауса свидетельствует о том, что наша сторона наконец-то смогла создать вокруг плацдарма плотный оборонительный рубеж, позволяющий держать под прицельным огнем все пути перемещения на плацдарме и вокруг него.

Раус: «Хотя я был очень рад увеличению наших сил, количество боеприпасов от этого не увеличилось совершенно. Этот батальон был вынужден идти пешим порядком из Сабска через заболоченные леса, поэтому солдаты взяли столько боеприпасов, сколько могли унести на себе, ну, если не считать нескольких крестьянских телег. Теперь я узнал, что главные силы XLI танкового корпуса (в том числе остальные силы 6-й танковой дивизии) еле ползут по дороге, которую моя боевая группа во время форсированного марша практически разрушила. Чтобы выбраться из болот, пришлось мостить многокилометровую гать вдоль того, что недавно было дорогой. Но были и хорошие новости. Прибытия дивизии можно было ожидать в самом ближайшем будущем. В целом шестой день нашего пребывания в окружении прошел относительно спокойно, если не считать воздушных налетов и артиллерийских обстрелов».²

¹ Раус. С. 120.

² Раус. С. 121.

Боевой дневник 6-й танковой дивизии

«В течение ночи после рассвета две атаки на плацдарм после относительно легкой артподготовки. Атаки, ясное дело, проводились ударной группой под сильной дозой алкоголя. Эти атаки теперь легко разбиваются хорошо отработанным совместным заградительным огнем.

В воздухе явное преимущество нашей авиации. Наша разведскадрилья снова сбила 2 вражеских самолета. Сбитые есть и у зенитчиков. Налеты бомбардировщиков больше не эффективны.

Плацдарм через регулярные интервалы обстреливается многочисленными вражескими батареями. Но наши к этому уже привыкли. Это сложившиеся условия жизни плацдарма, которые на взгляд участников мировой войны по большей части и являются позиционной войной. Отлично вырытые укрытия, покрытые брусом, как раз и созданы для спасения от артиллерийских обстрелов и бомбардировок. В войсках понимают, что этот огонь сразу же сопровождается вражеской атакой, и все виды оружия наготове. Тем не менее оборона существенно затруднена из-за территориального положения плацдарма. Его площадь сильно ограничена лесным массивом. Позиции неизбежно простреливаются, всего-то около 100 метров. Перед позицией в лесу размещено сильное боевое охранение для безопасности. Но горловина плацдарма очень тонка, а вражеский огонь ведется и слева, и справа по обеим линиям. Полковник Раус и его командиры и начальники постоянно и неизменно приходят к одному и тому же выводу, что такое положение можно исправить только благодаря существенному увеличению плацдарма, однако для этого наличных сил дивизии недостаточно.

Впервые перед дивизией появились снова назначенные к боевым действиям штурмовики. Они доставлены в большом количестве на станцию Веймарн, туда, где были и прежде, что стало известно благодаря воздушной разведке.

Отправленной из Ложголова на Ариновку полковником Коллем наземной разведкой была обнаружена вражеская кавалерия. Сейчас ее обстреливает артиллерия. На следующий день последует атака группы Колля на Ариновку, чтобы уничтожить или оттеснить этого врага.¹

После полудня граф Ностиц выказывался о силах сторон.

Он дает официальную оценку врага: осталось только 5 красных дивизий, еще не вступавших в бой, и не более. Такое ничтожное число удивляет. И даже пестрое сборище пехотинцев перед дивизией не является контраргументом...

¹ NARA, t 315, r 323, f 115.

Дивизия чувствует себя достаточно сильной для того, чтобы затем с плацдарма выступить в северо-восточном направлении. Особенно настроение на самом плацдарме исключительно нацелено на атаку. Более того, войска очень сильно раздражает то, что при такой удобной возможности открыть дорогу приходится оставаться в многодневной упорной борьбе в лесу на плацдарме.

Прибыли: штаб АР 618

К 36

V часть 1-й ПД

Убито: 22

Ранено: 70

Пропало без вести: —

Погода: облачно, местами просветления

Температура: 23°»¹

Ленинград. Смольный

М. М. Попов: «Мы еще не знали детально замыслов противника, но в общих чертах представляли, чего добивается гитлеровское командование, каков план его действий. Нам стало ясно, что на Лужском рубеже бои частного порядка перерастают в крупную оборонительную операцию. По ходу сражения за минувшие десять дней можно было полагать, что первый этап операции — бои в предполье — мы сумели выиграть. Противнику не удалось с ходу прорваться к Ленинграду. Ликвидирована и его попытка выйти на Нарвское шоссе к Красногвардейску, в тыл Лужской группировки. Мы заставили врага перейти от действий передовыми отрядами к развертыванию основных сил, вводить в бой резервы.

В самые напряженные дни я видел, как на кингисеппском участке дрались ополченцы. И был потрясен. Люди с гранатами бросались на танки врага, со штыками наперевес шли на его пулеметы. Как командующий я чувствовал вину за то, что не могу надежно поддержать их артиллерийским огнем, защитить танковой броней, прижать врага бомбовыми ударами с воздуха. У фронта не было в резерве даже артиллерийского дивизиона. Неоткуда было снять хотя бы одну танковую роту. Наши летчики не знали отдыха.

Главным образом за счет необычайно высокого морального духа, стойкости и мужества бойцов и командиров нам удалось нейтрализовать преимущество врага в технике и оружии, сбить темп его наступления, решительными и дерзкими контратаками заставить противника перейти к обороне.

Не смогли гитлеровцы справиться и с оборонявшейся в Эстонии 8-й армией, дивизии которой после трехнедельных боев по числен-

¹ NARA, t 315, r 323, f 116.

ности были едва больше стрелкового полка, а количество орудий и минометов не превышало одного-двух десятков стволов. 8-я армия, о разгроме которой не раз трубило немецкое радио, удерживала свои позиции, не допускала противника на побережье Финского залива, не позволяла ему овладеть столицей Эстонии — Таллином.

Мы не ослабляли внимания к мурманскому, петрозаводскому, олонцекому направлениям, к делам на Карельском перешейке, где наши 14-я, 7-я и 23-я армии вели тяжелые оборонительные бои, сдерживая натиск превосходящих сил противника. Но главной задачей для нас оставалась оборона Ленинграда с юго-запада. Важность этого направления трудно переоценить. Почти ежедневно приходилось отвечать на один и тот же вопрос Ставки: „Как дела на Луге?“ В тревожно-напряженной интонации, с какой он задавался, я чувствовал связь между событиями на Лужском рубеже и развитием Смоленской оборонительной операции, беспокойство за судьбу Ленинграда и Москвы.

Выигрывая время по дням и часам, мы понимали: его надо максимально использовать. Продолжали совершенствовать оборонительные рубежи на Луге, под Красногвардейском, у стен Ленинграда и в самом городе. На наших глазах Ленинград превращался в город-крепость.

Партийные и советские органы города и области решали и другую весьма важную задачу: продолжали эвакуацию оборудования фабрик и заводов, материальных и других ценностей, населения, в первую очередь женщин и детей. Эшелоны шли один за другим. И приходилось лишь удивляться, как четко и организованно справлялись железнодорожники с этим огромнейшим потоком.

Все это можно было объяснить только величайшей ответственностью каждого за судьбу Родины, за судьбу Ленинграда. В этом и проявлялся советский патриотизм».¹

А. А. Новиков: «Последние шесть дней второй декады июля были характерны ожесточеннейшими воздушными схватками. Особенно жаркие бои кипели над плацдармами противника в районах Ивановского и Большого Сабска. Противник бросил сюда основные бомбардировочные и истребительные силы, в том числе известную 54-ю истребительную эскадру. Враг стремился задавить наши малочисленные войска, почти не имевшие танков, массой своей наземной и воздушной техники. Но ополченцы и курсанты, активно поддерживаемые ленинградскими летчиками, стояли насмерть.

В воздухе с рассвета дотемна гудели моторы и вспыхивали трасирующие пулеметные и пушечные очереди. Отдельные схватки быстро, по мере концентрации авиации с той или с другой стороны, переросли в затяжные бои, принявшие в конце концов характер под-

¹ Кринов. С. 76–77.

линного воздушного сражения, длившегося шесть суток подряд. Вот тогда-то мы впервые по-настоящему и почувствовали промахи в нашей тактике и в управлении авиацией над полем боя.

В середине июля мы могли привлечь к активным действиям на юго-западе от Ленинграда не более 500 исправных машин всех типов. Соотношение сил в воздухе в районах боев было примерно 2 : 1 в пользу гитлеровцев. Все это: драматичность обстановки, качественное и количественное превосходство вражеской авиации, несоответствие некоторых весьма важных тактических и организационно-управленческих форм и методов наших ВВС требованиям современной войны — заставило нас перестраиваться на ходу и упорно искать нужное соответствие. <...>

Но все это как система сложилось позднее. В июле летчики только нащупывали новые пути. Однако уже тогда в действиях наших истребителей ясно вырисовывались основы будущей боевой тактики.

Все началось с „собачьих свалок“. Так кто-то очень метко назвал воздушные бои, происходившие над вражескими плацдармами в районах Ивановского и Большого Сабска.¹ В этих схватках, в которых часто с той и с другой стороны участвовало по нескольку десятков самолетов, машины так перемешивались, что совершенно невозможно было разобрать, где свои, а где чужие.

Но такой калейдоскоп был на руку противнику. Гитлеровские летчики сражались парами, на борту у каждого „мессершмитта“ была приемнопередаточная радиостанция, что позволяло немецким пилотам быстро ориентироваться в обстановке и подавать команды, а преимущество в скорости и вертикальном маневре — уходить от атак и создавать выгодные для себя ситуации. Требовались контрмеры, и советские летчики нашли их. В ходе этих боев возникли комбинированные группы, состоявшие из истребителей разных типов, и новая тактика ведения воздушного боя.

Воздушные бои, как правило, происходили на малых и средних высотах — до 3 тысяч метров над землей. Здесь Me-109 и в скорости, и в маневренности значительно превосходил наш основной новый истребитель МиГ-3, созданный специально для перехвата вражеских самолетов на большой высоте. И-16 и И-153, напротив, отлично чувствовали себя на малых и средних высотах. Неплохо вел себя на средней высоте и Як-1. Летчики, летавшие на „ишачках“, „чайках“ и „яках“, быстро заметили это и изменили способ взаимодействия с „мигами“ — перестроились в нижний эшелон и оттуда повели атаки на „мессеров“, выбивая их из-под хвостов тяжелых МиГ-3. Но успешно действовать звеньями (три самолета) в такой обстановке

¹ Новиков, очевидно, не знал, что это название появилось еще в Первую мировую войну, оно произошло от англ. dogfight.

было нельзя, и ленинградские летчики невольно стали переходить на ведение боя парами.

Особенно эффективен был новый боевой порядок в строю „пары в кругу“. В таком строю хорошо было обороняться против численно превосходящего противника. Часто и всегда с успехом применяли ленинградские летчики это построение и при атаках больших групп вражеских бомбардировщиков.

Первыми систематически применять боевой порядок „пары“ стали будущие прославленные ленинградские асы Петр Покрышев и Андрей Чирков. <...>

В боях над Лужской оборонительной полосой было совершено еще несколько таранов. Всего же за 40 первых дней войны воздушные защитники Ленинграда нанесли по врагу 20 таранных ударов. В дальнейшем последовала новая серия воздушных таранов. Значение их невозможно переоценить. Но эти первые 20 были решающими. Неожиданная, я сказал бы, фантастическая стойкость духа советских летчиков в огромной мере помогла нам под Ленинградом уже в июле 1941 г. свести почти на нет численное и техническое превосходство фашистской авиации.

Столкнувшись с таким необъяснимым для них явлением, как таран в небе, гитлеровские летчики стали вести себя неуверенно. Их постоянно преследовал страх перед тараном. И уже на исходе первого месяца войны немецкие пилоты начали избегать сближения с нашими истребителями на расстояние меньше ста метров. Это было на руку ленинградским летчикам, так как оставляло за ними преимущество в маневре, позволяло владеть инициативой в воздухе и навязывать врагу свою тактику. Страх перед тараном сковывал действия фашистов и мешал им в полной мере использовать превосходство своих самолетов. Нередко же гитлеровцы и вовсе не принимали боя.

Таран в то время имел огромное политико-воспитательное и психологическое значение. Он явился еще одним убедительным свидетельством, что мы уже тогда, в самый тяжелый период войны, взяли верх в главном — в области морального состояния армии и народа. А что это означало, можно судить по потерям фашистской авиации в первые недели войны. В том, что они оказались очень большими и неожиданными для врага, основную роль сыграли морально-политические качества советских летчиков.

Только за период с 22 июня по 19 июля противник потерял 1284 боевых самолета, т. е. более четверти всей авиации, которой он располагал на Восточном фронте».¹

¹ Новиков. С. 96–97.

Журнал боевых действий СФ. Ленинградский фронт

«19. 7. <...> 8 Армия: в районе ст. Вилувере <...>

Лужская опер группа. Передовые части 177 СД в 4.00. перейдя в наступление к исходу дня на правом фланге достигли р. Плюса. 18.00 пр-к произвел повторную сильную бомбардировку Луга. На остальных участках без изменений».¹

Разведсводка № 10 штаба Северного фронта к 21.00 19. 7. 1941 года

«7. Лужское направление

Пр-к к 19. 7. 41 на рубеж ЧУДСКОЕ озеро сосредоточил до пяти дивизий (54, 20, 6, 1, 269), из их — до двух пд, до двух тд, одной мд.

Документами и показаниями пленных 20 мд, 1 и 6 тд сосредоточены на рубеже — ПОРЕЧЬЕ, оз. КРАСНОГОРСКОЕ; 269 пд на лужском и 54 пд на Гдовском направлении.

Наземной и авиаразведкой установлено, в направлении на ГДОВ передовое охранение пр-ка занимает рубеж ДОМЧИН, ПАКИН, о.ЧЕРМА (данные требуют проверки); в р-не ЗАЛУЧЬЕ сосредоточено до мотополка; в районе НОВОСЕЛЬЕ, ЛЮБОКИНО и лес западнее — скопление войск неустановленной численности.

В р-не ОСЬМИНО до мотополка с танками и артиллерией.

На Лужском направлении к 5.00 19. 7. 41 пр-к, силою до пд, удерживал рубеж ГОРОДЕНЬКО, ГОРОДИЩЕ, КОТОРСК, ЗАПОЛЬЕ.

По показаниям пленных — в р-не КУЛОТИНО действует 490 пп 269 пд, прибывший на данное направление 15–17. 7. 41. В р-не ЕЛЕМЦЫ захвачены пленные 469 и 489 пп 269 пд. состав 269 пд входит 269 ап.

В ЗАЛУСТЕЖЬЕ (4014) до полка мотопехоты с артиллерией. В ОСЬМИНО скопление танков и бронемашин, укрытых в сараях и других помещениях. <...>

НАЧАЛЬНИК ШТАБА СЕВ. ФРОНТА — ГЕНЕРАЛ-МАЙОР НИКИШЕВ

НАЧАЛЬНИК РО ШТАБА СЕВ. ФРОНТА — КОМБРИГ ЕВСТИГНЕЕВ».²

¹ ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 205, с. 42–43

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1221, д. 169, л. 19.

В немецких штабах

Риттер фон Леоб: «Оценка обстановки командующим группы армий „Север“. <...>

Несмотря на то что противник навел четыре моста через Нарву, ему вряд ли удастся вернуть утраченные позиции. Да он этого, пожалуй, и не хочет. По всем признакам он настроен оборонять Ленинград и не имеет намерения оставлять его. Он бросает в бой между озерами Чудским и Ильмень все наличные силы и средства: народное ополчение из Ленинграда, пролетарский стрелковый полк из Москвы, пехотные части из Архангельска, комсомольцев и женщин...»¹

Ф. Гальдер: «В оперативном отношении для нас желательно, чтобы связь противника между Москвой и районом озера Ильмень была прервана...»²

Раус: «Из необычайно сильных воздушных налетов (особенно 18 июля), из прибытия новых подкреплений, из появления железнодорожной артиллерии на станции Веймарн³ к востоку от Кингисеппа мы сделали вывод, что русские планируют новое крупное наступление против плацдармов на Луге. После артиллерийской подготовки это наступление началось с новой силой 20 июля.»⁴

Директива ОКВ № 33 от 19. 7. 1941 года

«Цель дальнейших операций должна заключаться в том, чтобы не допустить отхода крупных частей противника в глубину русской территории и уничтожить их. Для этого провести следующие мероприятия <...>

б) Центральный участок Восточного фронта...

...перерезать коммуникационную линию Москва — Ленинград и тем самым прикрыть правый фланг группы армий «Север», наступающей на Ленинград.

в) Северный участок Восточного фронта.

Продвижение в направлении Ленинграда возобновить лишь после того, как 18-я армия войдет в соприкосновение с 4-й танковой группой, а ее восточный фланг будет обеспечен силами 16-й армии. При этом группа армий «Север» должна стремиться предотвратить отход на Ленинград советских частей, продолжающих действовать в Эстонии. Желательно как можно быстрее овладеть островами на

¹ Лебедев. С. 91.

² Там же. С. 92.

³ Вероятно, немцы отметили прибытие на станцию Веймарн бронепоезда ЛКБТКУКС.

⁴ Раус. С. 127.

Балтийском море, которые могут стать опорными пунктами советского флота. <...>»¹

В Директиве также предписывалось передать 3-ю танковую группу в распоряжение группы армий «Север», а 2-ю танковую группу — группы армий «Юг». Наступление на Москву предписывалось продолжать силами пехотных соединений группы армий «Центр».

Сабский плацдарм

Деревня Лычно. Пятая рота АПУ имени С. М. Кирова

Сергей Орловский, сержант, командир отделения:

«Противник почему-то прекратил атаки. Весь день стоит жуткая, непривычная тишина. Командир батальона решил выслать от нашей роты разведку. Меня назначили старшим разведгруппы. Командир роты старший лейтенант Туркин приказал переправиться через Лугу, выйти к Логоскино, где, по непроверенным данным, сосредоточивается противник, и уточнить эти сведения.

Состав группы старший лейтенант разрешил подобрать по моему усмотрению. Я выал Степанова, Симакова, Никитина и Александрова. С ними учился в одном взводе два года и знал их, как себя.

В полночь прошли передний край. Переправились через реку и по краю мшистого болотца, густо проросшего сосняком, углубились в тыл противника. Ночь теплая, лунная. Хотя для нас милей бы непогода.

Через некоторое время неожиданно встретили трех курсантов из группы, ранее высланной в разведку от 1-го батальона. Выяснилось, что они заблудились в лесу и теперь возвращались в батальон. С ними я отправил первое донесение.

Перед рассветом на землю опустился густой туман. По времени мы должны быть около Логоскино. В дымке показались расплывчатые силуэты каких-то строений.

Решили подождать сигнала от наших дозорных Никитина и Симакова.

Вскоре мы услышали шаги и тихое кваканье лягушки — это Никитин. Дозорные сообщили, что на краю деревни они видели двух человек. Кто они — не разглядели: может быть, местные жители, а может, и гитлеровцы. Для более полного выяснения обстановки Никитин предложил сходить в деревню. Вдвоем с Симаковым они отправились.

До крайней избы оставалось метров тридцать, когда к ней подошли дозорные. Раздался окрик: „Хальт!“

¹ «Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы / Сост. В. И. Дашичев. М.: Наука, 1967. С. 262–264.

Никитин и Симаков шарахнулись в сторону. Немцы бросились им наперерез, открыли огонь из автоматов. На выстрелы из избы выскочили человек пять, что-то полопотали с патрульными, потом вернулись в дом.

Вновь стало тихо.

Соблюдая осторожность, мы обошли деревню. Под липами и возле них стояли броневики и автомашины.

Насчитали около тридцати. У сараев заметили три танка и две противотанковые пушки. Хорошо бы захватить „языка“ или документы. Но как? Выручил случай.

Мы вновь дошли до околицы. Вражеские патрульные прохаживались взад и вперед. Один из солдат неожиданно остановился и вдоль изгороди направился в нашу сторону. Свернул за угол. Огляделся по сторонам, повесил автомат на кол. Я успел шепнуть Никитину, чемпиону нашего училища по боксу: „Берем!“ Он кивнул головой: понял.

И как только немец присел по естественной надобности, мы кинулись на него. Он и пикнуть не успел. Сунули ему в рот два носовых платка, связали брючными ремнями и потащили к лесу. Чтобы он не брыкался, Никитин легонько стукнул его прикладом, да не рассчитал — пошла кровь.

Вскоре его напарник спохватился, открыл стрельбу. В деревне начался шум. Чтобы отвлечь внимание гитлеровцев, Александров, Симаков и Степанов побежали в сторону, стреляя из винтовок. А мы с пленным стали углубляться в лес.

Пока слышалась стрельба, мы ориентировались по выстрелам. Затем гитлеровцы прекратили погоню. Поздно вечером мы вернулись из разведки.¹

Любопытная запись за этот день, свидетельствующая о боевых действиях в тылу Сабского и Ивановского плацдармов, сохранилась и в отчетах наших пограничников.

Из методической разработки: «Заместитель коменданта 3–1 пограничной комендатуры старший военфельдшер Потуткин, получив данные от партизан д. Монастырек Дубрового и Савина о наличии в д. Ложголово, что в 20 км юго-восточнее г. Кингисепп, противника силою до 500 человек с 15-ю танками, автомашинами и мотоциклами, базой горючего и артиллерией, с группой красноармейцев 19 июля 1941 г. в 3–00 на грузовой машине выехал в д. Монастырек для нанесения удара по врагу.

В 21–00 19 июля 41 г. группа в составе 8 человек пограничников и 4 человека партизан под командой т. Потуткина двинулась на Ложголово, и когда в 4–00 20 июля 1941 г. части Красной Армии пошли

¹ Кринов. С. 77–79.

в наступление на Долгое, Загорье и Ложголово, группа Потуткина при поддержке двух взводов части РККА двинулась для нанесения удара по врагу с фланга.

Достигнув д. Долгая Мельница, группа Потуткина вступила в бой с противником, который в панике начал отходить на танках и автомашинах. Но, заметив, что против него действует небольшая группа, перешел в контрнаступление. В завязавшемся бою группа Потуткина уничтожила 4 минометных расчета по 5 человек в каждом. Всего же противника уничтожено около 25 человек.

В бою особенно отличился пограничник-ручпулеметчик Дмитриченко, который из своего пулемета уничтожил 4 вражеских минометных расчета. В бою также смело дрались, проявив мужество, стойкость, сержант Сиволап, парторг, заместитель политрука Хатанзейский — у него была пробита гимнастерка фашистскими пулями в четырех местах, и партизан д. Черно Савин Николай. В бою с фашистами легко ранен в ногу красноармеец Завьялов.

При обратном движении в часть группа попала под артобстрел, где вторично был ранен в левую руку осколком снаряда — красноармеец Завьялов. Выполнив задачу, группа вернулась в часть. По данным нашей разведки, части РККА разгромили крупный штаб противника в д. Ложголово».¹

Лужское направление. Южная окраина города Луги, Лангина гора. Штаб 177-й стрелковой дивизии

Иван Семенович Павлов, подполковник, начальник штаба дивизии:

«483-й стрелковый полк продолжал удерживать позиции в предполье. Противник бросал против него крупные силы. С каждым днем все яростней становились его атаки. Деревушки, высотки, перекрестки дорог по несколько раз переходили из рук в руки.

Мы понимали: долго так не продержимся. Заметно усилились действия разведывательных групп противника на наших флангах, где появились соседи: справа — 111-я стрелковая дивизия, слева — 235-я. Не исключено, что гитлеровцы перенесут усилия на фланги, не ослабляя нажима на главном направлении — вдоль железной дороги и Псковского шоссе.

Оценивая обстановку, командир и штаб придавали особое значение инженерному обеспечению обороны. Кто бывал под Лугой, тот знает, что местность там сильно пересеченная, лесистая и болотистая. Высотки перемежаются с низинами, небольшими озерами, речками и ручейками. Тактически грамотное использование ее в сочета-

¹ *Пограничные войска.* С. 652. Эта же история вкратце повторяется далее в этом же документе (С. 655).

нии с огнем открывало большие возможности для создания прочной обороны. Мы продолжали совершенствовать оборону с учетом изменений обстановки.

Если посмотреть с высоты, что вблизи деревни Раковичи, стоявшей вдоль Псковского шоссе, можно заметить небольшую речушку Старицу. Тоненькую голубую ниточку в качестве оборонительного рубежа никто всерьез не принимал. Открытие сделал майор Гринберг, дивизионный инженер. Он предложил вынести передний край главной полосы обороны, проходивший западнее Лесково, Бараново и по берегу озера Черемецкое, на северный берег Старицы.

— Пойма реки — заболоченный луг. Здесь не то что танкам, а и пехоте не пройти, — докладывал командиру дивизии майор Гринберг. — Северный берег мы эскарпируем. Работы немного: он и так достаточно крутой. За эскарпом посадим надолбы, проволочные заграждения, минные поля, а на высотах можно поставить противотанковые пушки. Псковское шоссе будет надежно прикрыто.

Предложение было дельное.

— Пиши, начальник штаба, приказ. Задержали немца на Плюссе, подержим еще и на Старице, — выразил свое решение Машошин.¹

Северо-Западный фронт. 11-я армия. Деревня Пирогово. КП 70-й стрелковой дивизии

Николай Андрианович Виноградов, полковник, начальник штаба дивизии:

«Вечером ко мне в палатку зашел военком дивизии полковой комиссар Б. О. Галстян с газетой в руках. Настроение у него приподнятое, хотя вид крайне усталый.

Когда и где он спит, никто не знает. По-моему, в старенькой „эмке“ по пути в полки.

— Начальник штаба, газету „Известия“ читал? — лукаво поглядывая на меня, спросил Галстян.

Я чистосердечно признался, что, кроме донесений и приказов, в эти дни ничего не читал.

— Посмотри! Домой пошли, — он передал мне газету, как видно уже походившую по рукам. Читаю: „Вот уже несколько дней части Н-ской орденоносной дивизии громят фашистские войска, захватившие район Сольцы. Доблестные красные воины, прославившие свою Родину в боях с белофиннами, дерутся с озверелыми гитлеровцами со всей большевистской напористостью и страстностью. Решительным натиском они опрокинули врага, обратив его в бегство.

¹ Кринов. С. 79–80.

Река Шелонь. Мост, еще несколько дней назад соединявший оба берега, взорван. Вблизи него отважные саперы под непрерывным огнем противника построили новый мост...“

— Это же о нашей 70-й! Кто писал? Я что-то корреспондентов не видел.— И удивленно смотрю на комиссара.

— Были. Были из „Правды“, из „Красной звезды“.

Сейчас в полк к Краснову поехали. Да ты дальше читай.

Дочитал статью до конца, аккуратно сложил газету. Мысленно представил себе, как обрадуются мои домашние, получив такой подарок с фронта.

— Так что начальник штаба скажет? Познакомь меня с обстановкой,— подсаживаясь ближе к моей рабочей карте, говорит с мягким южным акцентом Галстян. Кадровый политработник, прекрасный товарищ, он отлично разбирался в тонкостях оперативно-тактического искусства. Командир дивизии и все мы охотно принимали его дельные, продуманные советы.

Я доложил Вениамину Оганесовичу обстановку. Части дивизии за эти дни продвинулись почти на сорок километров. К исходу дня 329-й полк вышел на рубеж Низы—Бараново. Ему навстречу идет 68-й, а 252-й полк полковника Зарецкого встретил сильное сопротивление противника в районе Дуброво, где и ведет бой.

— Не выпустим фашистов. Устроим им окружение. Как думаешь? — выслушав меня, спросил комиссар.

Ответить на вопрос трудно. Дивизия понесла большие потери. В некоторых ротах осталось по двадцать—тридцать человек. Не хватает стрелкового оружия, особенно пулеметов. Растянулись тылы. Да и у соседей положение не лучше.

— К обороне надо переходить, закрепляться,— ответил я.

Галстян нахмурился. Видимо, мой ответ не удовлетворил его. Все мы желали наступать, гнать врага, но реальное соотношение сил складывалось не в нашу пользу».¹

Манштейн: «...несколько дней были критическими, и противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения. Для этой цели он ввел в бой кроме стрелковых дивизий, две танковые дивизии, большие силы артиллерии и авиации. Несмотря на это, 8 тд удалось прорваться через Сольцы на запад и вновь соединить свои силы. Все же некоторое время ее снабжение обеспечивалось по воздуху. 3 моторизованной дивизии удалось оторваться от противника, только отбив 17 атак. Тем временем удалось также освободить от противника наши коммуникации, после того как командование группы вновь передало в подчинение корпуса дивизию СС „Тотенкопф“».²

¹ Кринов. С. 80–81.

² Манштейн. С. 203–204.

«Утешением для нас было захваченное нами в самолете связи донесение советского маршала Ворошилова, который командовал противостоящим нам фронтом. Из донесения следовало, что были разбиты значительные силы советских войск, причем особо упоминались бои за Сольцы».¹

Каждому свойственно тянуть одеяло на себя. Бои за Сольцы, конечно же, упоминались особо. Однако, скорее всего, наибольшие потери мы понесли на Ивановском плацдарме. Была положена целая дивизия...

Исаев: «В июле 1941 г. ограниченность успеха под Сольцами достаточно четко осознавалась советским командованием. В отчете штаба 1-го мехкорпуса отмечалось: „В результате медленных действий наших частей, действовавших севернее р. Шелонь, противнику, полуокруженному в районе Сольцы, частично удалось уйти от полного окружения“.

Также надо сказать, что Военный совет Северо-Западного фронта в полной мере осознал, на чем базируется достигнутый успех. В докладе на имя К. Е. Ворошилова от 19 июля 1941 г. прямо указывалось: „На Новгород-Порховском направлении, благодаря своевременному прибытию двух свежих дивизий (237 и 70) и наличию некоторого количества танков в 3 и 21 танковых дивизиях, в районе Сольцы нам удалось не только сломить наступательный порыв противника, но и заставить его отказаться от дальнейшего наступления в направлении Сольцы — Новгород“».²

Директива штаба Северо-западного фронта

«Совершенно секретно

Главнокомандующему Северо-Западного направления маршалу Советского Союза тов. Ворошилову К. Е.

Начальнику Генерального штаба Красной армии

Штаб СЗФ Новгород № 015 19. 7. 41. 3 час. 00 мин.

В результате операций, проведенных Северо-Западным фронтом, к исходу 18. 7. создалась следующая обстановка.

1. На основном операционном направлении Псков, Новгород, Двинск, Остров, Новгород — за последние дни развивались наиболее активные действия, имеющие своей целью вырвать инициативу у противника и перейти в контр-наступление, что и было достигнуто в связи с прибытием двух свежих дивизий (70 и 237), наличием некоторого количества танков в 3 и 21 тд. <...>

¹ Манштейн. С. 204.

² Исаев, 2011. С. 245.

Однако уже 18. 7. успешно развернувшееся наступление на Псковском направлении оказалось малоперспективным и может не дать желаемых результатов по причинам:

а) отсутствия оперативного и тактически целеустремленного взаимодействия с Северным фронтом и его пассивностью в Лужско-Псковском направлении <...>

4. Военный совет фронта считает необходимым доложить, что численное состояние наших войск, за исключением двух дивизий (70 и 237), не на высоте.

Потери в ряде дивизий в личном составе и боевой материальной части достигают 60–70 %.¹

Подавляющее большинство соединений и частей с первых же дней войны находится в непрерывных боях и изрядно измотаны.

Наша авиация, несмотря на ее высокую боевую работу, малочисленна и совершенно не обеспечивает потребностей армии и фронта.

К этому следует добавить, что авиация противника, не встречая отпора, наносит ощутительные удары по коммуникациям, складам, железным дорогам, узлам дорог и узлам связи.

Тыл наших войск еще не работает нормально и не всегда войска своевременно получают все необходимое для боя.

5. Докладывая обстановку, сложившуюся перед СЗФ, Военный Совет считает, что основной задачей фронта является:

а) активное прикрытие основного направления на Ленинград и уничтожение по частям противника <...>

Поэтому необходимо:

1) На ближайший период времени (8–10 дней), прочно удерживая занимаемые рубежи, создавать на своем правом крыле и в центре резервы, с помощью которых добиться возможности перехода в наступление во взаимодействии с соседями;

2) Частными контр-ударами улучшать положение <...>

Военный Совет фронта одновременно ходатайствует об усилении авиацией (истребителями и бомбардировщиками) и танками, в особенности тяжелыми.

Военный Совет фронта считает настоятельно необходимым:

а) переход к активным действиям войск СФ на направлении Луга—Псков, хотя бы до района Струги Красные, Николаево, Новоселье. <...>

Командующий войсками СЗФ генерал-майор Собенников
Член Военного Совета СЗФ

¹ Вероятно, на эти данные указывал Манштейн, если не именно эта директива и попала в руки немцам.

Начальник штаба СЗФ генерал-лейтенант Н. Ватутин».¹

19 июля. И. В. Сталин назначен наркомом обороны СССР.

Ленинградская оборонительная операция. Группа армий «Север» прекратила наступление на Ленинград до подхода к Лужскому рубежу 18-й армии и приведения в порядок частей 4-й танковой группы.

Смоленское сражение. Немецкая 10-я танковая дивизия продвинулась на юго-восток от Смоленска и заняла Ельню.

19-я армия освободила город Ярцево. Это первый город, отбитый у немецких войск.

Киевская операция. 26-я армия Юго-Западного фронта нанесла удар во фланг 1-й танковой группе.

¹ ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 2, с. 59–63.

ОПЕРАТИВНАЯ ПАУЗА

После директивы Гитлера № 33 фронт на Лужском рубеже обороны на какое-то время более или менее стабилизировался. Главный немецкий штаб не испытывал по этому поводу особого беспокойства, поскольку ситуацию можно было расценивать как предусматривавшуюся планом «Барбаросса» оперативную паузу — только взятую всего неделей позже, чем предполагалось. Но на деле все оказалось не так просто.

Во-первых, эта взятая все-таки оперативная пауза вообще была самым слабым местом плана «Барбаросса». Она предусматривалась на двадцатые сутки войны, и, соответственно, после прорыва линии Сталина и взятия Пскова, а именно около 10 июля 1941 года, немецкое наступление по плану должно было остановиться. Пауза предполагалась на двадцать дней, в течение которых нужно было сосредоточить и перегруппировать соединения, дать отдых войскам и подготовить новые базы снабжения. На сороковой день войны, то есть примерно 1 августа, планировалась вторая фаза наступления. Группа армий «Север» при поддержке части группы армий «Центр» должна была за десять следующих дней взять Ленинград и высвободить свои юлаки для удара по Москве.

Ход мысли немецких военных теоретиков поразителен. При составлении своих грандиозных планов по захвату окружающих европейских пространств им, должно быть, представлялось, что разогнанная военная машина — это послушная игрушка в умелых и опытных руках. Захотели — остановили, захотели — двинули дальше. Но даже если немецкие штабисты и имели полное право так думать и так поступать, то при этом они почему-то забыли, что самый главный принцип блицкрига, затеянного ими в очередной раз, не согласовывается ни с какой оперативной паузой.

Вообще говоря, понятие «блицкриг» очень размыто. Оно в своих главных чертах сложилось во второй половине XX века как реакция на основную проблему, возникшую в ходе Первой мировой войны. В 1914 году, не сумев сходу взять Париж, немцы завязли в долгой позиционной войне, в которой обе воюющие стороны решали проблему прорыва хорошо укрепленного фронта противника. Летом 1915 года генерал Брусиллов продемонстрировал всем, как именно это надо делать, и война могла в тот же год закончиться, если бы коллеги подержали его смелый маневр.

В сущности, Брусиллов не придумал ничего особенно нового. Наполеон делал это подобным же образом. Великий французский полководец обычно завязывал бой по всей протяженности фронта и, нащупав слабое место в порядках противника, неожиданно бросал

в него мощной лавиной конницу Мюрата. Генерал Брусилов также начал наступление широким фронтом, но главный удар нанес неожиданно и в одном, заранее определенном, месте, которого противник из-за одновременно начавшегося мощного наступления по всему фронту предугадать не смог. Единственное новшество, которое Брусилов использовал с максимально возможной на тот момент эффективностью — ударный кулак, составленный из всей авиации фронта.

Немецкие военные стратегии добавили к этому весьма эффективному дополнению Брусилова ударную силу еще одного нового вида вооружения — танковый кулак. В результате немецкий тайно разработавший все межвоенные годы Генеральный штаб разработал принцип стремительной военной кампании, позволяющей вести глубокие операции ударных группировок, нанося сокрушительные, ошеломляющие удары, неизбежно ведущие к огромным потерям противника в живой силе и технике, в чем, собственно говоря, по Клаузевицу, и заключается основная цель боевых действий. Для достижения такого успеха используются все возможные средства в совокупности: пропаганда, обман, диверсии, неожиданность удара, численное превосходство, сконцентрированные на основных участках прорыва мощные кулаки танков и авиации.

Здесь надо заметить, что само по себе планирование блицкрига — не есть ни наглость, ни самоуверенность. Скорее, как раз наоборот: преступлением против собственного народа является планирование войны долговременной. Долговременная война — это всегда бедствие для любого государства. Находившийся на посту главы немецкого генерального штаба до Гальдера Людвиг Бек был категорически против захватнической политики Гитлера, считая Германию неготовой к столь масштабным боевым действиям, за что и поплатился своим местом, а потом и жизнью. А педантичный и исполнительный Гальдер, продержавшийся на посту главы сухопутных войск генерального штаба Гитлера до начала 1942 года, уже к моменту нападения на Советский Союз имел в качестве главы штаба успешный опыт двух военных кампаний, как раз и ставших первыми современными образцами блицкрига.

Стремительная и не имеющая аналогов в мировой военной истории победа над Францией — еще более убедительная, чем во время франко-прусской войны 1870–1871 годов, — не могла не служить доказательством не только военной мощи Германии, но и превосходства ее военной мысли. Однако при этом не следует забывать, что план молниеносного разгрома Франции разработал не Гальдер, хотя это и было поручено именно ему. Представленный им план не блистал оригинальностью, и Гитлер предпочел положить в основу кампании план Манштейна. Не Гальдером же была разработана и тактика блицкрига.

«Это была новая тактическая система прорыва вражеского фронта, разработанная Гудерианом. Главными чертами этой системы были внезапность, скорость маневра, мощные, сокрушительные удары на земле и с воздуха и постоянное развитие инициативы атакующими. Она требовала от всех командиров полного использования инициативы и предусматривала обязательное развитие первого успеха, так как после прорыва фронта предполагалось окружение и уничтожение вражеских сил».¹

Интересно, в какой именно момент боевых действий во время кампании-блицкрига может оказаться уместной оперативная пауза? Ведь основным «принципом Гудериана было развитие успеха. В случае неудачи он стремительно перебрасывал войска на другой участок фронта, где они могли принести больше пользы, и не пытался переломить ход неудачного боя».² При такой тактике всякая оперативная пауза будет ни чем иным как сбоем в работе военного механизма. Весь смысл тактики молниеносной войны заключается в том, чтобы не дать врагу ни малейшей передышки, с самого первого ошеломляющего момента нападения и до полной капитуляции.

Соответственно понятие «оперативная пауза» принципиально не совместимо с понятием «блицкриг» и означает неизбежный переход к затяжной позиционной борьбе. Наполеон взял нечто вроде оперативной паузы, заняв Москву. Но даже после достижения такого решающего, как ему казалось, успеха эта самая пауза сыграла с ним злую шутку.

Как жаль, что сам естественный ход вещей, бесперерывно толкавший немецких генералов вперед, не дал нашим дедам в июле 1941 года такого замечательного подарка от Гитлера, как намеренно взятая в боевых действиях оперативная пауза на 20 дней. Нашим измотанным войскам пришлось ценой невероятных усилий *вынудить* немцев перейти к этой самой паузе. Гальдеру и остальным немецким генералам, вероятно, показалось, что ничего страшного не произошло. Оперативная пауза слегка сдвинулась и вместо 10 июля началась 18, и наступление соответственно возобновилось вместо 1 августа — 8-го.

Всего одна неделя задержки.

Однако в этом конкретном случае вступил в силу еще один принципиально важный момент. Одно дело, когда оперативная пауза берется по собственной инициативе — и совершенно иное, когда она принимается вынужденно. В любом случае после этой оперативной паузы немцы получили то, что неизбежно должны были получить любые войска, на время ослабившие силу натиска. Дальше борьба пошла уже совсем по другим правилам: ни неожиданности нападения,

¹ Раус. С. 11.

² Там же. С. 13.

ни отсутствия подготовленных укреплений, ни брешей в обороне, ни растерянности командования противника.

И все же мощь немецкой военной машины и постоянное легкое запаздывание нашей, казалось, еще оставляли нападающим шанс на быстрый второй рывок. Ведь именно это и предписывал план «Барбаросса». Остановиться, перегруппироваться, то есть усилить левое крыло — группу армий «Север» частью сил группы армий «Центр», — и нанести новый сокрушительный удар по Ленинграду. По плану так и предполагалось — сначала взять Ленинград, но, похоже, все вдруг как-то забыли, что «лишь после обеспечения этой неотложной задачи, которая должна завершиться захватом Ленинграда и Кронштадта, следует продолжать наступательные операции по овладению важнейшим центром коммуникаций и оборонной промышленности — Москвой».¹ Причем именно для этого — перегруппировки сил с целью совместного удара групп армий «Центр» и «Север» на Ленинград — и была предусмотрена оперативная пауза.

Однако на деле оказалось иначе. Гальдер неожиданно потерял интерес к Ленинграду, и взоры его обратились на Москву. И когда стремительный прорыв к Ленинграду около Кингисеппа и Нарвы засиял для всех боевых генералов этого участка фронта абсолютной реальностью, он вдруг выразил беспокойство о том, что не стало «отчетливо выраженного направления главного удара». И это заявлял генерал-полковник, одновременно наносящий три главных удара по Ленинграду, Москве и Киеву. Воистину здесь он действовал не как Наполеон, а как Вейротер.

Не зря Гальдер на протяжении трех предыдущих недель убаюкивал себя тем, что наступление замедлилось из-за плохих дорог, и с упоением слушал рассказы пленных русских генералов о том, что у Советов за первой линией войск практически больше нет.

В войсках же происходящему удивлялись. Не только фон Лееб, но и Ландграф, и Манштейн неустанно ждали, когда же главный штаб перебросит 56-й корпус на левый фланг в поддержку прорыва 41-го корпуса. Манштейн сетовал: «Генерал-полковник Гудериан, создатель танковых войск, выдвинул следующий принцип их действий: „В кулаке, а не вразброс“. У нас это положение было совершенно явно превращено в свою противоположность. Все попытки сохранить за корпусом все три подвижные дивизии независимо от того, в каком направлении будет действовать 56 тк, были безрезультатны».² Точно так же действовали и 41-й корпус, и вся группа армий «Север», и все немецкие войска. Все развивалось строго по первоначально разработанному плану: «Die erste Kolonne

¹ Нюрнберский процесс. Сб. материалов. Т. 1. М., 1952. С. 357–358.

² Манштейн. С. 206.

marschiert, die zweite Kolonne marschiert, die dritte Kolonne marschiert...» И опытные боевые генералы вермахта не могли понять этой логики.

Манштейн: «Уже 19 июля командование танковой группы поставило нас в известность о том, что оно намерено направить 56 тк через Лугу на Ленинград. Находившаяся у Лужского шоссе 269 пд была уже подчинена нам. Опять было отвергнуто наше предложение сосредоточить, наконец, силы танковой группы в полосе 41 тк восточнее Нарвы (откуда на Ленинград вели четыре исправные дороги), а не в гораздо менее выгодном направлении на Лугу, где обширные леса затрудняли ведение боевых действий. Пока что мы должны были вместе с 1 ак наступать на восток, чтобы занять достигнутый уже однажды рубеж реки Мшага. Главное командование, по-видимому, все еще придерживалось плана глубокого обхода, даже восточнее озера Ильмень».¹

Гальдер не хотел слушать не только Манштейна, не только фон Лееба, но даже и Гитлера, раздражаясь, что тот лезет в дела, в которых ничего не понимает. Эта нервозность начинала чувствоваться уже и в войсках. Недаром Манштейн писал впоследствии: «...у меня сложилось впечатление, что все это в конечном счете было результатом споров между Гитлером и ОКХ о том, что должно стать целью кампании — Москва или Ленинград».²

Как известно, ни к какой истине споры не приводят.

Итак, тщательно распланированная кампания против Советского Союза развивалась, оказывается, не совсем по плану, или совсем не по плану, или же, наконец, не по тому плану.

Раус: «Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что вся русская кампания войдет в историю как одна гигантская импровизация. Перед вторжением в Советский Союз Верховное командование армии (ОКХ) даже не попыталось заглянуть в будущее. Старшие командиры вооруженных сил и военные специалисты всех отраслей прежде всего должны были детально изучить климат и местность, а также специальные, экономические, политические и военные условия на потенциальном театре военных действий...

В результате выяснилось, что они просто не понимали, с чем им предстоит столкнуться, и, похоже, смотрели на всю кампанию слишком легкомысленно...»³

План нападения на Францию во время Первой мировой войны в немецких штабах разрабатывался десятилетия. Его начинал разрабатывать еще Мольтке-старший, а заканчивал уже Мольтке-младший. Но уже тогда они совершили такую же ошибку, значительно

¹ Манштейн. С. 204–205.

² Там же. С. 210.

³ Раус. С. 32–33.

сократив численность первоначально предназначенных для обхода Парижа сил. В результате их «первая Марна» в сентябре 1914 г. была проиграна, а вместе с ней рухнул и весь план быстрого окончания войны против Франции, ввергнув Германию в затяжную войну сразу на несколько фронтов.

План же нападения на Советский Союз готовился всего около года. Причем если мы посмотрим на план «Барбаросса» более пристально, то увидим, что перед нами, скорее, не план серьезной военной кампании, а всего лишь некий «протокол о намерениях».

Раус: «В действительности наши войска были вынуждены начать импровизации сразу, как только они пересекли русскую границу. Чем дальше они углублялись на территорию Советского Союза, тем больше „уловок“ им пришлось изобретать. А когда операции германской армии были заторможены грязью и распутицей, а позднее — снегом и морозами, количество проблем начало нарастать лавинообразно...»¹

В такой ситуации для развития военной кампании оказалось просто губительным то, что во главе ее стоял человек, не склонный ни к каким импровизациям. Более того, глава сухопутных сил вермахта оказался закрытым и для разрушающих его иллюзии фактов.

Риттер фон Лееб, запись в дневнике от 20.7.1941 года: «Со вчерашнего дня минули уже четыре недели военных действий. Обстановка на вечер вчерашнего дня: к сожалению, крупным силам противника удалось вырваться из кольца окружения северо-западнее Невеля, прорвавшись в юго-восточном направлении на участке 14-й моторизованной дивизии (3-я танковая группа)...»²

Вывравшиеся из окружения части — это уже не просто неисполнение только что подписанной Гитлером директивы. Это — еще один шаг к провалу тактики блицкрига. И дальше, естественно, ситуация все больше и больше начинает складываться не совсем так, как предполагалось. Весьма любопытна следующая запись в дневнике фон Лееба от 20. 7. 1941 года: «20.00. Разговор с генерал-полковником Гепнером: если возникнет необходимость немного отвести назад 1-ю и 6-ю танковые дивизии, чтобы не подвергать их излишним ежедневным потерям, то я возражать не буду...»³

Дело дошло уже до того, что командующий группы армий «Север» готов отдать с таким трудом добытые плацдармы!

Ситуация на этом крыле немецкого наступления стала настолько неоднозначной, что утром 21 июля штаб группы армий «Север» посетил сам Гитлер.

¹ Раус. С. 33.

² Лебедев. С. 93.

³ Там же. С. 94.

Запись из дневника барона фон Грисенбека от 21.7.1941 года.

«С 06.15 до 08.20 у нас в Мальнаве¹ побывал Адольф Гитлер. У командующего группой армий „Север“ прошло большое совещание, на котором присутствовали с нашей стороны лишь начальник штаба группы, начальник оперативного отдела и майор Топпе. Все потенциальные консультанты собрались в моем кабинете, но на доклад был вызван лишь начальник разведывательного отдела (майор Эссель). Гитлер прибыл по воздуху в сопровождении четырех самолетов. С ним следовали два транспортных „Юнкерса“ и два истребителя для обеспечения безопасности. В его свите было шесть высокопоставленных военных, среди них генерал-фельдмаршал фон Кейтель. Кроме того, два офицера генерального штаба, два офицера СС и два оператора-документалиста с аппаратурой. Во время совещания у командующего группой армий „Север“ велась съемка для еженедельного киножурнала. Цитцевитц и я стояли под лестницей, когда Гитлер проходил мимо нас. На нем был плащ светло-серого цвета, он выглядел бледным и нервным. Покидая нас, Гитлер рассказывал, спускаясь по лестнице, что Ворошилов приказал расстрелять командующего одной из русских армий вместе с десятью офицерами его штаба² за то, что тот отступил из Прибалтики. <...> Специально из Растенбурга были доставлены два внедорожника и три обычных легковых автомобиля, чтобы сопровождать фюрера и его окружение к полемому аэродрому, находившемуся в пятистах метрах от нашего командного пункта. От завтрака, приготовленного для него в офицерской столовой, Гитлер отказался. Все это время самолеты и здание школы, где мы проводили совещание, охраняли офицеры СС. В 08.20 фюрер покинул Мальнау и уже в 08.30 пять самолетов стартовали».³

Любопытно также следующее дополнение Грисенбека от 24 июля.

«В распоряжение командования группы армий „Север“ с 21 июля командирован в качестве спецкурьера ставки фюрера обер-лейтенант войск СС фон Фрайтаг-Лорингхофен, одетый в форму полка СС „Великая Германия“. Его задача — немедленно доложить фюреру о падении Ленинграда. Я ему сказал, что он должен в таком случае задержаться здесь по крайней мере на две недели. Спецкурьер оставался в расположении командования группы армий „Север“ до 31 июля».⁴

Из этого свидетельства можно заключить, что Гитлер еще питал какие-то иллюзии. Но ситуация уже изменилась принципиально.

¹ Малнава — ж. д. станция на самой границе Латвии и Псковской области.

² 10 июля 1941 года были арестованы начальник штаба ПриОВО генерал-лейтенант П. Кленов и командующий ВВС ПриОВО генерал-майор А. П. Ионов, но расстреляли их после следствия в феврале 1942 года. Указ же Ворошилова вышел только 14 июля.

³ Лебедев. С. 95 (сноска).

⁴ Там же.

Исаев: «Обычно вскоре за захватом немцами плацдармов на какой-либо реке следовало их „вскрытие“. Немецкие танки взламывали оборону на периметре плацдарма и вновь наматывали на гусеницы километры дорог. 4-я танковая группа уже демонстрировала это в случае с Двинском, Екабпилсом и Островом. О немедленном „вскрытии“ плацдармов XXXXI корпуса не было и речи. Позднее генерал-полковник Рейнгардт писал: „Стало очевидным, что продолжить наступление немедленно не представляется возможным. Для начала предстояло привести в порядок систему дорог, чтобы обеспечить поступление на передовую предметов снабжения и пополнений. Все это заняло бы несколько дней“».¹

Как известно, все это заняло совсем не «несколько дней».

Итак, неожиданный захват плацдармов на реке Луге, от которых командование 41-го моторизованного корпуса ожидало столь многого и очень быстро, не сработал. Немцы просидели здесь вплоть до 8 августа. И когда, перебросив все-таки часть сил 56-го корпуса на левый фланг, они вскрыли плацдармы, им пришлось преодолевать на своем пути все то, от чего они так счастливо хотели улизнуть, покинув кратчайшее направление к Ленинграду через Лугу. За три недели стояния у Поречья и Сабска наши инженерные войска успели возвести на этом участке не менее внушительную сеть укреплений, а также подтянули в район дополнительные силы. И немцам все-таки пришлось делать то, от чего они так хотели избавиться своим ловким фланговым маневром,— прогрызть себе путь километр за километром с большими потерями сил, средств и времени.

Соответственно из-за этого они не смогли выполнить и еще одной задачи — не дать остаткам нашей 8-й армии соединиться с основными силами защитников города.

* * *

Но могло ли все произойти иначе?

Можно попытаться представить, что было бы, если бы Гальдер при его уме обладал темпераментом Гитлера и тотчас бросил бы главные силы в нацупанную брешь.

...Левое крыло — группа армий «Север» — совместно с частью сил группы армий «Центр», на чем, кстати, постоянно настаивал Гитлер, всей мощью обрушилось бы на Ленинград с запада. Оно смело бы на своем пути все, затем обошло бы Москву с северо-запада и вместе с группой армий «Центр» уничтожило бы и столицу. После

¹ Цит. по: Карелл П. Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на восток. 1941–1943. М.: Изобрафус, ЭКСМО, 2003. С. 201.

чего обе группы армий совместными усилиями облегчили бы задачу группы армий «Юг»...

Однако этого не случилось, и не случилось бы. И не только потому, что история не терпит сослагательного наклонения, но потому, что произойти иначе и не могло.

Странно, что этой простой истины не понимали многоученые немецкие генералы, когда у нас в стране тогда это было ясно даже школьникам.

Вот строки из дневника московского школьника Л. Федотова от 5. 6. 1941 года.

«Хотя сейчас Германия находится с нами в дружественных отношениях, но я твердо убежден (и это известно также всем), что это только видимость. Я думаю, что этим самым она думает усыпить нашу бдительность, чтобы в подходящий момент всадить нам отравленный нож в спину. <...>

Я лично твердо убежден, что это будет последний наглый шаг германских деспотов, так как до зимы они нас не победят, а наша зима их полностью доконает, как это было дело в 1812 году с Бонапартом. То, что немцы страшатся нашей зимы,— это я знаю так же, как и то, что победа будет за нами!...»¹

Итак, факт невозможности захватить до зимы такое огромное количество территории очевиден.

Далее, рассуждая о том, что немцам в первый период войны несомненно все же удастся захватить большое количество территории Советского Союза, школьник пишет:

«То, что Ленинграда немцам не видать, это я уверен твердо. Ленинградцы — народ орлы! Если же враг и займет его, то это будет лишь тогда, когда падет последний ленинградец. До тех пор пока ленинградцы на ногах, город Ленина будет наш! То, что мы можем сдать Киев, в это я еще верю, ибо мы будем его защищать не как жизненный центр, а как столицу Украины, но Ленинград непомерно важнее и ценнее для нашего государства...»

Это слова не ленинградского, а московского школьника.

А вот рассуждения из дневника другого московского школьника Петра Сагайдачного.

«1 июля. <...> Я глубоко уверен в том, что эта война есть грозное повторение событий 1812 года. То, что немцы взяли Каунас, Вильно, Белосток, Гродно, Брест, то, что они стерли с лица земли целый ряд наших городов, и даже то, что наша армия отступает <...> все это мелочи в сравнении с тем, что будет дальше и особенно в конце.

Жизнь — непрерывная борьба между добром и злом, и, хотя оба эти понятия весьма относительны, я считаю, что результатом нынешней войны будет торжество добра над злом. <...>

¹ Цит. по: Росциус Ю. В. Дневник пророка? М.: Знание, 1990.

20 июля. <...> Немцы продолжают двигаться, они идут и погибают сотнями <...> Они жестоки и беспощадны, они разрушают города и вырезают население, и все же никто не сомневается в их падении.

Москва ополчается, маскируется и вооружается. Киев и Ленинград отличаются своей дисциплинированностью и организованностью...»¹

Оба этих прекрасных русских мальчиках, к сожалению, пали на фронтах Второй мировой войны. Но многие их сверстники дошли до Берлина.

На чем же зижделась столь непоколебимая уверенность?

Конечно же, прежде всего — на хорошем знании истории.

В Военно-историческом журнале в начале этого года была опубликована статья Л. В. Миловановой с весьма значимым названием: «Истинная же смелость... пребывать в том, что долг человеку предписывает». Это слова Екатерины II из ее Наказа воспитателям юных воинов. В статье приводится замечательная цитата из трудов К. Кузьминского: «Уже давно признано, что только тот может всюю душою любить свою родину, защищать ее до последней капли крови, кто знает ее прошлое, кто сроднился с этим прошлым, кому известно, какой дорогой ценой досталось благополучие страны. Изучение истории своего народа есть наилучшее средство воспитать себя в духе любви к Родине».²

И немцы столкнулись со вполне осознанной силой сопротивления.

Раус: «Русские в основном не проявляли интереса к политике. По крайней мере это можно сказать о сельском населении, которое поставляло большинство солдат. Русский не был активным коммунистом или политическим фанатиком. Однако мы должны отметить принципиальное изменение — он стал сознательным человеком, который всегда сражался за свою Родину и лишь в редких случаях — во имя политической идеи».³

Почему же тогда мы так долго и так тяжело учились побеждать в этой войне?

Чтобы найти ответ на этот вопрос, на мой взгляд, достаточно взглянуть на ее начало.

В книге Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» глава о начале войны чрезвычайно красноречива. Фактически с трех часов и до семи утра Сталин никак не мог решиться дать согласие на ответные действия наших войск, и Тимошенко с Жуковым послушно ждали его разрешения начинать действовать.

Раус: «Пассивность и нежелание принимать на себя ответственность были серьезным недостатком командиров Красной Армии.

¹ *Венок славы*. С. 374.

² *ВИЖ*, 2013. С. 31.

³ *Раус*. С. 40.

В начале кампании это сводило на нет многие хорошие качества русского солдата».¹

Не на это ли намекали в главном германском штабе, когда вели речь о колоссе на глиняных ногах?

И не победил ли наш народ не благодаря, а, скорее, вопреки власти?

Мы видели, что и как происходило на Ивановском плацдарме, когда какое-то слепое оцепенение сковало большинство наших командиров, особенно среднего и старшего звена. А настоящий ступор начался именно после того, как Попов «охнул» и бросился принимать срочные меры.

Разумеется, если бы не прибывшие эшелоны 2-й ДНО, Раус не остановился бы у Ивановского. Не остановился бы он там и в том случае, если бы 14 июля располагал большими силами, ибо приказ из штаба закрепиться на занятом рубеже и ждать дальнейших указаний был получен им только вечером этого дня.

На первый взгляд, по логике развития событий наше командование в этой ситуации действовало вполне грамотно.

Угрюмов, командующий 2-й ДНО, которой надлежало занять вырытые ленинградскими женщинами окопы в Ивановском, прибыл в Веймарн к исходу 13 июля. Вот-вот должны были начать приходиться эшелоны с ленинградскими добровольцами. Однако произошла *роковая задержка*, и бойцы его дивизии появились только на следующий день, когда речь об окопах в Ивановском уже на шла.

Еще до подхода эшелонов генерал Пядышев поставил задачу. «Дивизии предстояло с ходу овладеть селом Среднее, что по дороге на Ивановское, в дальнейшем наступать на село Ивановское и сбросить противника в Лугу».² Логика рассуждения понятна. Не успели сами занять,— еще раз отметим — занять уже практически подготовленный к обороне плацдарм,— нужно срочно контратаковать и во что бы то ни стало немцев оттуда выбить.

Но не будем забывать и другого: подобная задача ставилась дивизии, которая, во-первых, согласно вышеприведенному заключению, была пригодна лишь к обороне, а во-вторых, совершенно не имела поддержки танков и артиллерии.

Но здесь уже вступила в свои права Ее Величество Неизбежность. Атака на плацдарм была predeterminedена во всех смыслах. Исаев вполне уместно приводит по этому поводу выдержку из Меллентина.

«Глубоко ошибается тот, кто благодушно относится к существующим плацдармам и затягивает их ликвидацию. Русские плацдармы, какими бы маленькими и безвредными они ни казались, могут в короткое время стать мощными и опасными очагами сопротивления,

¹ Раус. С. 44.

² Кринов. С. 45.

а затем превратиться в неприступные укрепленные районы. Любой русский плацдарм, захваченный вечером ротой, утром уже обязательно удерживается по меньшей мере полком, а за следующую ночь превращается в грозную крепость, хорошо обеспеченную тяжелым оружием и всем необходимым для того, чтобы сделать ее почти неприступной. Никакой, даже ураганный артиллерийский огонь не вынудит русских оставить созданный за ночь плацдарм. Успех может принести лишь хорошо подготовленное наступление. Этот принцип русских „иметь повсюду плацдармы“ представляет очень серьезную опасность, и его нельзя недооценивать. И опять-таки против него есть лишь одно радикальное средство, которое должно применяться во всех случаях обязательно: если русские создают плацдарм или оборудуют выдвинутую вперед позицию, необходимо атаковать, атаковать немедленно и решительно. Отсутствие решительности всегда сказывается самым пагубным образом. Опоздание на один час может привести к неудаче любой атаки, опоздание на несколько часов обязательно приведет к такой неудаче, опоздание на день может повлечь за собой серьезную катастрофу. Даже если у вас всего один взвод пехоты и один-единственный танк, все равно нужно атаковать! Атаковать, пока русские еще не зарылись в землю, пока их еще можно видеть, пока они не имеют времени для организации своей обороны, пока они не располагают тяжелым оружием. Через несколько часов будет уже слишком поздно. Задержка ведет к поражению, решительные и немедленные действия приносят успех»¹

Я также привожу этот пассаж полностью и делаю это сразу по нескольким соображениям.

Во-первых, Меллентин, безусловно, прав. Это своеобразная азбука ведения боевых действий в войнах XX века. А во-вторых, на примере этого пассажа как нельзя лучше можно проиллюстрировать ослепляющую силу первого впечатления. Она ослепила не только Исаева, но и, к сожалению, всех наших командиров.

Ведь на первый взгляд самое важное в цитате из Меллентина — *«во всех случаях обязательно <...> необходимо атаковать, атаковать немедленно и решительно <...> Даже если у вас всего один взвод пехоты и один-единственный танк, все равно нужно атаковать!»* — совершенно затмило по-настоящему самое главное утверждение этой «азбуки» военного дела — *«Атаковать немедленно необходимо именно потому, что — Опоздание на один час может привести к неудаче любой атаки, опоздание на несколько часов обязательно приведет к такой неудаче, опоздание на день может повлечь за собой серьезную катастрофу».*

¹ Исаев, 2011. С. 273 (Цит. по: Меллентин Ф. Танковые сражения 1939–1945 гг.: Боевое применение танков во Второй мировой войне. М.: ИЛ, 1957. С. 164.)

В случае же с плацдармом Поречье-Ивановское как раз и имело место опоздание на день. Более того, немцы захватили практически готовую к обороне позицию с окопами полного профиля, по горькой иронии судьбы вырытыми ленинградскими женщинами. Да и к тому же — уже имели тяжелое вооружение.

Атаковать неопытной, неорганизованной толпой опытных, хорошо укрепившихся и прекрасно вооруженных профессиональных солдат, да еще и без поддержки *хотя бы одного танка*, да еще и с опозданием на целый день — это, согласно тому же Меллентину, катастрофа.

Катастрофу мы и увидели.

Исаев: «Здесь самое время ответить на вопрос о понесенных в результате атак на плацдарм потерях. Действительно ли немцы косили несметные массы ополченцев на подступах к плацдарму? Эрхардом Раусом фактически были выдвинуты в адрес советского командования достаточно серьезные обвинения в совершенно бездумном использовании энтузиазма ленинградского ополчения. Рассказы об „ужасной бойне“ к делу не подошьешь, и поэтому обратимся к документам советской стороны. Первое донесение о потерях 2-й ДНО было подписано начальником штаба дивизии Скворцовым и содержало информацию о потерях до 19 июля 1941 г. (см. таблицу)».¹

Сведения о количестве убитых и раненых по 2-й стрелковой дивизии ЛАНО по состоянию на 19 июля 1941 г.²

Подразделение	Убито	Ранено	Пр. без вести	Всего
1-й стр. полк	70	125	500	695
2-й стр. полк	20	145	39	204
3-й стр. полк	24	96	130	250
2-й арт. полк	9	38	3	50
Рота связи	-	2	-	2
ИТОГО	123	406	672	1201

¹ Исаев, 2011. С. 277–278.

² ЦАМО, ф. 217, оп. 1244, д. 86, л. 12.

Далее Исаев пишет: «Я позволил себе привести это донесение целиком для того, чтобы показать скрупулезность подсчета потерь 2-й ДНО. В донесении дополнительно указывалось, что значительное количество без вести пропавших по 1-му сп объясняется тем, что „много бойцов в первые дни боев потеряли свои подразделения и в настоящий момент группами возвращаются из тыла в свой полк“. 2-я ДНО в этом не была исключением. В одном из текущих донесений ЛОГ прямо указывалось, что „дать сейчас сведения о потерях трудно, люди, считающиеся пропавшими без вести, ежедневно десятками возвращаются в свои части“¹».²

Этим самым Алексей Валерьевич как бы хочет сказать, что количество выбывших из строя ополченцев в первые дни боев в этой таблице даже завышено. Более того, в результате такой подачи может сложиться впечатление, что многие из числящихся в этой таблице пропавшими без вести скоро нашлись.

Однако, во-первых, мы уже видели, кого позаписывали пропавшими без вести.

А во-вторых, Исаев не приводит для сравнения, например, хотя бы отчет от 23 июля, согласно которому мы как раз и могли бы убедиться, что многие действительно нашлись. Однако видим мы там иное.

Политдонесение № 8/13 от 23. 7. 1941 года

«Части 2-й ДНО продолжают находиться на своих прежних позициях, укрепляя оборону занимаемых участков. Крупных боев за 22-е не происходило <...> Отдельно по полкам такая картина:

1 сп личный состав 922 человека, из них в строю 705 человек. Числятся по этому полку без вести пропавших 600 человек. За 20–21 июля во время боев ранено 200 человек, убито 50 человек. <...>

2-й сп — за 20–21 полк столкновений с противником не имел <...>

Общие потери полка с начала боев: убито 25 чел., ранено 195 чел., всего 220 чел.

3-й СП — личный состав на 22 июля всего 1818 чел.»³

Увы, количество пропавших без вести из 1-го стрелкового полка за прошедшие три дня не только не уменьшилось, но наоборот — возросло на целых сто человек. Причем то, что даются такие огульные цифры (500 человек, 600 человек), наводит на мысль, что на самом деле никто этих пропавших без вести не считал. И ситуация, скорее всего, складывалась не в том радужном направлении,

¹ ЦАМО, ф. 217, оп. 1244, д. 86, л. 14.

² Исаев, 2011. С. 278.

³ ЦГАИПД, ф. 2281, д. 195.

на какое намекает Исаев. В категорию «без вести пропавшие» записывали уже точно не ожидавшихся обратно. Фраза же о том, что «многие потом нашлись», употреблялась тогда в том смысле, что, мол, подождем писать туда тысячу, напишем пока 500. Потерялись; наверное, еще найдутся.

Но давайте поведем счет с другой стороны.

Возьмем для примера первый полк как наиболее пострадавший из-за постоянных фронтальных атак на Ивановское.

На 12 июля согласно тем же политдонесениям в нем числилось всего 2289 человек; через десять дней — уже только 922, из них лишь 705 в строю! А это значит, что за 20–21 июля ранено не 200 человек, а $922 - 705 = 217$? И это в период, когда уже особых боев не велось. Убитыми же записано всего 50 человек. А с 14 по 19 — всего 70 человек — это в самый разгар боев! Да и вообще — круглые числа никого нестораживают?!

Всего же за 10 дней из 1-го стрелкового полка 2-й ДНО убито $2289 - 705 = 1584$ человека. Причем ранеными записаны за эти 10 дней по 1-му полку только 325 человек...

Конечно же, есть еще такая категория военных потерь, как павшие в плен.

Согласно Боевому дневнику 6-й танковой дивизии с 14 по 22 они взяли пленных (по дням): $50 + 100 + 0 + 0 + 50 + 0 + 20 + 70 + 150 = 440$ человек. Немцы тоже не церемонились, считая десятками, а не поштучно. А значит, и неточно, и наверняка округляли в сторону увеличения...

Но все равно получается, что из первого полка 2-й ДНО за первые 10 дней безвозвратных потерь — около тысячи человек. А убитыми записали всего 120.

Как хорошо, и благодарить никого не надо...

Если же что-то не так — расстрел!

Тех, кто пытался спастись с поля боя бегством, расстреливали. Тех, кто ошибался, расстреливали. Тех, кто не ошибался и делал все возможное, но не справился, тоже расстреливали.

Но были и те, которые на свой страх и риск предпринимали дерзкие операции и вылазки. Например, группа отчаянных бойцов, захватившая ночью мост в Ивановском и даже добравшаяся до моста в Поречье. Эту группу немцы полностью уничтожили, и мы даже не знаем, кто в нее входил. Не знаем, потому что все делалось на свой страх и риск. Без согласования. По принципу — чем черт не шутит. Погибли, ну, сами и виноваты.

А как быть с такими фактами?

«По показаниям участников боев (ком. роты лейт. Игнатъев, ком. взвода Т-50 Лукьянов и др.) танки применялись разрозненно, небольшими группами и даже по-машинно. Так, напр.: 20. 7 танк КВ со 152-мм пушкой получил задачу от генерал-майора Лазаре-

ва — подойти к деревне Поречье и прямой наводкой разрушить мост. Танк был подбит противником, задачу не выполнил. Экипаж погиб...»¹

Зачем надо было повторять то, что однажды, здесь же, за несколько дней до этого уже показало свою полную неэффективность?

Заметим, что эти потери не вносились в состав потерь 2-й ДНО. Не вносились в таблицы дивизии и потери истребительных батальонов, и потери бойцов 191-й стрелковой дивизии, участвовавших в атаках на плацдарм, и потери танкистов ЛКБТКУКС, 1-й танковой дивизии и отдельного батальона КВ. Все считалось отдельно и все по той же двойной бухгалтерии. А если мы соединим все отчеты, то из погибших на Ивановском плацдарме за эти дни у нас вполне может получиться если и не целая дивизия, то уж во всяком случае половина.

А ведь надо было всего лишь тогда послушать Попова, а не Ворошилова — то есть, ограничив плацдарм, укрепиться и не пускать немцев дальше.

Ведь на соседнем участке, даже несмотря на то что там дрались грамотные и отчаянные ребята — настоящие профессионалы, несмотря на то что там успели занять рубеж вовремя, несмотря на то что там успели взорвать мост, немцы все равно продавили нашу оборону и создали плацдарм.

К сожалению, и у Ивановского, если бы немцы имели в данный момент целью прорыв к городу, 2-я ДНО их не удержала бы...

Соответственно все-таки нанесение концентрированных контрударов во фланг и тыл прорвавшихся соединений есть наиболее эффективное средство обороны против танковых прорывов противника. Не следует забывать, что даже первый контрудар наших войск под Рассейняем был не бесполезным. И отбит он был только благодаря тому, что концентрация немецких войск в Прибалтике в тот момент была огромной. На танки Солянкина и Куркина набросились не только танковые дивизии группы армий «Север», но, судя по свидетельству Отто Кариуса, написавшего книгу «Тигры в грязи», и танкисты группы армий «Центр», которых — следует отметить — позвали на помощь! У наших тогда просто не было шансов достичь более ощутимого успеха. Но:

1) задержка на два дня — не одним танком, а общей контратакой — по совокупности — была достигнута;

2) немцы понесли первые ощутимые потери (6-я танковая дивизия несла в первые три дня такие же потери, как при прорыве линии Сталина и на Ивановском плацдарме! Недаром Раус столько страниц своей замечательной книги посвящает первой встрече с танками КВ).

¹ ЦАМО, ф. 217, оп. 1283, д. 11, л. 97–98.

И как следствие — боязнь повторения таких контрударов — танки, остановившиеся во ржи перед пушкой Бархатова.

Раус готов был рвануть дальше в любой момент. Но командование корпуса и армии уже знало, что в этом случае наши и здесь нанесут контрудар во фланг, в результате чего дивизия понесет как минимум значительные потери...

Однако значительные потери понесла на плацдарме 2-я ДНО. Она была на месте. Она была нужна. Но она могла бы иметь гораздо меньше потерь, если бы... использовалась по назначению.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В этой книге предпринята попытка хотя бы немного разобраться в огромном количестве документов и накопившихся за прошедшие десятилетия свидетельств о событиях всего лишь нескольких дней на Лужском рубеже обороны. Несмотря на кажущуюся ясность предмета, еще очень и очень многое в этих днях не совсем открыто. И я буду чрезвычайно признателен всем, кто сможет дополнить, поправить или другим каким-либо образом помочь продолжить этот совсем не легкий труд.

В заключение не могу не выразить благодарность многим людям, без кропотливого труда которых мне никогда не удалось бы собрать такое обилие материала. Особенное спасибо создателям сайта «Центральный сектор Красногвардейского укрепленного района», где выложено множество документов из тех, что еще закрыты Архивом истории политических донесений, а также многочисленные другие источники и свидетельства.

Отдельное спасибо замечательной женщине директору Музея бронетанковых войск Галине Николаевне Капрановой за отзывчивость и всестороннюю помощь в моем труде. Не могу здесь не сказать добрых слов и в адрес Юрия Ивановича Колосова, благодаря горячей поддержке которого эта книга смогла увидеть свет. Также спасибо Марине Валентиновне Домосилецкой за предоставление информации и материалов о жизни ее отца. Хотелось бы также сказать добрые слова в адрес Андрея Юрьевича Дорошенко, воспитателя Сланцевской спецшколы, за предоставленную возможность продолжить начатую им работу над письмами Вике.

Надеюсь, никто не захочет истолковать мой труд превратно.
Давно пора уж научиться нам истине смотреть в глаза.

*Санкт-Петербург
лето — осень 2013 года*

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Константин Павлович Пядышев (1890–1944) родился в мещанской семье. В 1910 году сдал экзамен на чин прапорщика и во время Первой мировой войны сразу стал командовать ротой. Впоследствии занял должность полкового адъютанта, затем старшего адъютанта оперативной части штаба пехотной дивизии в чине штабс-капитана.

В декабре 1918 года вступил в РККА. Участвовал в Гражданской войне, пройдя путь от помощника начальника штаба стрелковой бригады, командира бригады и затем стрелковой дивизии. С октября 1922 по май 1931 года командовал различными стрелковыми дивизиями, параллельно закончил Военно-академические курсы высшего состава РККА (1924) и КУВКС при Военной академии им. М. В. Фрунзе (1927). С мая 1931 по март 1940 года служил начальником штаба корпуса ВУЗ ЛВО, начальником штаба Военно-электротехнической академии имени С. М. Буденного, командиром 90-й стрелковой дивизии, заместителем начальника штаба ЛВО. В эти же годы награжден двумя орденами Красного Знамени.

В январе 1940 года назначен заместителем командующего 7-й армии, с которой участвовал в Советско-финской войне. Еще осенью 1939 года Пядышев развернул перед наркомом обороны Ворошиловым картину предстоящих сражений, резко отличавшуюся от официальной. Он выдвинул три основные позиции: во-первых, воюют не числом, а умением; во-вторых, перед отдачей приказа о переходе границы армию нужно по-зимнему обмундировать и поставить на лыжи, и в третьих, нет смысла брать «линию Маннергейма» в лоб, но прежде следует обработать финские укрепления тяжелой артиллерией и бомбами, а лучше всего вообще обойти ее со стороны Кольского полуострова и Карелии. Его поддержал командующий округом Шапошников, но нарком с грубой бранью обрушился на Пядышева, обвиняя его в том, что тот паникует и преувеличивает силы противника.

В феврале Пядышев принял на себя командование 34-м стрелковым корпусом 7-ой армии, сменив арестованного за преступное бездействие комдива В. М. Гонина. Корпус под командованием Пядышева содействовал другим частям 7-й армии во взятии Выборга, впоследствии Константин Павлович интересно обобщил опыт военных действий против Финляндии, будучи редактором журнала «Военный вестник», а также участвовал в написании множества критических статей. В июне 1940 года получил звание генерал-лейтенанта. Мало кому известно, что 15 мая 1941 года над Ленинградом появился гит-

леровский самолет-разведчик, в течение получаса круживший над городом. Пядышев принял решение сбить его, но Москва опять обрушилась на него с грубой руганью, обвинив в нарушении установленной дружбы с Германией. В самый канун войны было принято решение готовить город на Неве к возможному вторжению противника со стороны севера, а Пядышев всячески отвергал эту глупую идею, предлагая программу строительства оборонительных сооружений с южного направления.

Великую Отечественную войну он встретил в должности заместителя командующего ЛВО и уже с 23 июня руководил строительством укреплений на Лужском оборонительном рубеже. 4–5 июля была сформирована Лужская оперативная группа, занявшая оборону на одноименном рубеже; ее командующим и был назначен Пядышев. Он изначально грамотно выстроил оборону лужской подковы, предвидя развитие событий в районе Сабска и Поречья в июле 1941 года, о чем говорит, в частности, его критика статьи Князева „Стрелковый корпус в обороне“, основанной на опыте Гитлера в Польше, Франции, Бельгии и Голландии (январь 1941 года); там он утверждал, что противник будет наступать на узких участках по фронту до 3 км силами танков с поддержкой авиации, как и случилось затем под Островом и Псковом, а затем в Поречье и Сабске. Одним из первых распоряжений генерала Пядышева стал вывод потрепанных соединений Северо-Западного фронта, действующих перед Лужским рубежом, в тыл на переформирование. Вечером 10 июля он приказывает:

«Чтобы обеспечить свободу маневра, восстановить боеспособность и управление в частях, которые вели бой с противником в районе г. Пскова и сев.- вост. Пскова,— 183, 118 и 111 сд форсированным маршем выводятся за рубеж главной оборонительной позиции».

Решение было неоднозначным. С одной стороны, из боя выводились соединения, еще сохранявшие некий ненулевой боевой потенциал, и, учитывая то, что им на смену посылались ополченцы и курсанты училищ, решение Пядышева выглядит излишне радикальным. С другой стороны, потерпевшие поражение в боях под Псковом дивизии переживали упадок боевого духа и могли быть окончательно рассеяны противником. Пядышев рискнул. 20 июля он предложил разделить лужскую оборонительную позицию на 5 секторов, а именно отдать ответственность каждого участка обороны отдельному командующему стрелкового корпуса. Но именно этот сугубо научный военный подход и старые счеты, возможно, и сподвигли Ворошилова к отставке командующего, хотя после ареста Пядышева рубеж действительно был разделен почти по его плану, правда, не на 5, а на 3 сектора.

В тот же день Пядышев был снят Ворошиловым с командования. Вот как пишет об этом Бычевский в своей книге «Город-фронт»: «Про-

шел слух, будто К. П. Пядышев арестован. Не хочется верить. Но он исчез, и никто не знает куда. Приехал в штаб фронта и как в воду канул. Когда я спросил о нем генерала Никишева, тот резко ответил: „Не знаю“, — дал понять, что разговаривать на эту тему не желает. Пядышева за десять лет службы в Ленинградском военном округе я узнал довольно хорошо. В тридцатые годы он руководил военно-учебными заведениями. Проводил много учений, маневров. Его грудь украшали два ордена Красного Знамени, полученные за боевые подвиги во время Гражданской войны.

Богатая военная эрудиция, ровный характер и большой такт в обращении с подчиненными вызывали к нему симпатии у окружающих. Пядышев бывал прям, настойчив в своих оперативно-тактических взглядах, но внимателен к мнению других. Именно благодаря его инициативе и энергии в короткий срок была создана лужская оборонительная полоса. Он же умело организовал централизованное артиллерийское прикрытие под Лугой, сформировав артгруппу из курсантских дивизионов 4-го полка... В чем же дело, что случилось с Пядышевым?»

Уже 17 сентября на суде ему были предъявлены обвинения в антисоветской агитации. Пядышев отрицал какую-либо контрреволюционную деятельность, однако все равно был признан виновным в том, что допускал в 1937 году среди своих знакомых, а в 1940-м — в письмах к жене антисоветские суждения об отдельных мероприятиях ВКП(б) и Советской власти. Он был осужден не по 58-й статье и даже не по малоизвестной сегодня 66-й (политическая болтовня), а по статье «Обман государства», получил 5 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет и попал в ПечорЛАГ в Коми АССР.

25 июня 1943 года Василевский и Воронов обратились с ходатайством к прокурору СССР о скорейшем освобождении Пядышева как ценнейшего военачальника, но оно не было удовлетворено. Да и было уже поздно: Пядышев, изнуренный голодом и тяжелейшей физической работой, умирал в лагерном лазарете. 15 июня 1944 года он скончался, и его могила в районе поселка Кочмес под Интой не сохранилась.

Реабилитирован 28 января 1958 года.

Маркиан Михайлович Попов (1902–1969) родился в семье казачьей сельской интеллигенции и с 1920 года служил в РККА. С блестящей характеристикой «имеет задатки выдающегося командира» прошел путь от рядового красноармейца до преподавателя тактики Ленинградской пехотной школы. За первые десять лет службы закончил пехотные курсы, курсы «Выстрел», командовал батальоном и преподавал в различных пехотных школах. С тридцатых годов, после окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе (1936), возглавлял механизированные бригады и корпуса, затем поднялся до должности заместителя командующего армией, начальника

штаба и командующего 1-й Отдельной Краснознаменной армией. В 1938 году именно Попов возглавлял ударную армию, разбившую японцев у реки Халхин-гол.

4 июня 1940 года Попову было присвоено воинское звание генерал-лейтенант, а через полгода он стал командующим войсками Ленинградского военного округа. По словам маршала Ротмистрова, Попов в детстве получил хорошее образование, прекрасно играл на рояле, обладал обширными знаниями, не только военными, но и общекультурными, был отличным строевым командиром, превосходным спортсменом, остроумным, на редкость уживчивым с людьми, неизменно жизнерадостным человеком и без преувеличения одним из самых талантливых военачальников.

На третий день войны Попов стал командующим войсками Северного фронта, с 26 августа, переименованным в Ленинградский. Неудачи на Лужском рубеже вызвали к жизни следующее письмо Сталина Молотову, касающееся Попова: «Не кажется ли тебе, что кто-то нарочно открывает немцам дорогу на этом важном участке? Что за человек Попов? Я пишу об этом, так как очень встревожен непонятным для меня бездействием ленинградского командования». Станным образом в этом случае никаких репрессий не последовало, но Попова сняли с командования Ленинградским фронтом.

В течение зимы 1941, лета 1942 годов Попов командовал войсками 61-й, 48-й и 40-й армий на Юго-Западном и Брянском фронтах, затем с октября 1942 года являлся заместителем командующего войсками Сталинградского фронта. На этой должности он вместе с командующим Еременко участвовал в организации действий оборонявшихся в Сталинграде войск, подготовке контрнаступления и его реализации, а после — в управлении войсками по расширению полосы между внутренним и наружным фронтами окружения. Только на протяжении декабря 1942 года Попов успел побыть командующим 5-ой ударной армии, заместителем командующего Юго-Западным фронтом и командующим 5-й танковой армии, после чего в январе 1943 года ушел в резерв Ставки. Весной того же года командовал Резервным фронтом, а осенью — Брянским, став 26 августа 1943 года генералом армии. Именно ему Брянская операция осени того же года обязана минимальными потерями (безвозвратные — 13 033 человека, санитарные — 43 624 человека) при значительных результатах (продвижение до 200 километров, прорыв в Белоруссию, освобождение Брянска, Бежиц, форсирование рек Сож и Десна). В этой операции Попов осуществил ввод войск в прорыв на участке соседнего Западного фронта, а затем ударом маневренной группы разрезал оборону врага.

Зимой 1944 года Брянский фронт был переброшен в Прибалтику и, став Прибалтийским, выполнял отвлекающую функцию, не давая противнику перебросить войска на направление основного уда-

ра — помешать освобождению Ленинграда. Затем войска Брянского фронта под командованием Попова успешно справились со своей задачей в Курской битве, и Попов был назначен командующим другим фронтом уже в звании генерала армии. Однако здесь личные слабости Попова — любовь к «живительной влаге» и прекрасному полу — стали влиять на интересы дела, в результате чего 20 апреля 1944 года он был освобожден от командования фронтом за злоупотребление спиртными напитками и поступки, порочащие честь командира Красной Армии, понижен в звании до генерал-полковника и назначен на менее ответственную должность. Впрочем, 23 апреля того же года он был переведен на должность начальника штаба Ленинградского и 2-го Прибалтийского фронтов.

Вообще, по воспоминаниям Григоренко, «Попов в любой компании был к месту. К людям относился тактично, чутко. В армии его любили — и офицеры, и солдаты. Ум имел быстрый, логического склада. Но в войну ему не повезло. Не то что бы не было военного счастья на поле боя. Этого счастья долго ни у кого не было. Не в этом дело. Он был командующим куда более умным, чем многие другие, но его в кругах, близких к Сталину, а может и сам Сталин, недолюбливали. Он дважды был отстранен от командования фронтом и закончил службу и жизнь под началом самого бездарного, бестактного и грубого военачальника маршала Советского Союза Василия Ивановича Чуйкова. Думаю, что это значительно сократило жизнь Маркиану Михайловичу».

Находясь на посту начштаба, Попов активно участвовал в организации действий войск обоих фронтов во всех проводимых ими операциях: Выборгско-Петрозаводской, Режицко-Двинской, Нарвской, Прибалтийской. Начав войну командующим Ленфронтом, он закончил ее начальником штаба того же фронта, испытав и взлеты, и падения... В послевоенное время Попов находился на различных командных должностях, где смог не только проявить тактический блеск в проводимых учениях, но и совершить самый, пожалуй, неблаговидный поступок в своей жизни. Попов оказался тем самым человеком, который в октябре 1957 года обмолвился Хрущеву о словах Жукова «я обращусь к армии, и она меня поддержит», сразу же после чего и началась опала народного маршала. Сам же Попов ушел в глубокий запой и был отправлен в отставку. Еще в 1953 году ему вернули звание генерала армии, а в 1965-м присвоили звание Героя Советского Союза.

Он трагически погиб 22 апреля 1969 года и похоронен на Новодевическом кладбище Москвы.

Николай Степанович Угрюмов (1902–1967) родился в рабочей семье, окончил московский финансово-экономический рабфак. В Красной Армии служил с 1921 года, демобилизован, вновь призван в 1923-м и, закончив через три года Ленинградскую пехотную школу,

до августа 1939 года проходил службу в частях Московского военного округа.

«Зимнюю войну» Угрюмов начал комбатом и капитаном, и уже в ноябре 1939 года успешно выбил финнов из Куоккалы огнеметным огнем, перерезав им путь, ведущий из Белоострова на Терийоки. Угрюмов отдавал себе отчет в том, насколько опасно продолжать наступление без средств усиления, но придерживаясь тактики наступления, обошел город с востока и заставил противника вести бой в невыгодных условиях. Успешно действовал Угрюмов и в последующих операциях, заслужив у финнов прозвище «черт». О капитане Угрюмове и о героических победах батальона под его командованием, по воспоминаниям ветеранов-фронтовиков была написана песня, в которой звучали такие слова: «Где идет Угрюмов, белофиннам круто!»

18 января 1940 года Угрюмова назначили командиром стрелкового полка, а 15 февраля за умелое руководство подразделениями, мужество и отвагу, проявленные в боях с финнами, подполковнику Угрюмову было присвоено звание Героя Советского Союза.

После окончания кампании Угрюмов продолжил службу в Московском военном округе, затем учился на курсах «Выстрел». После окончания учебы стал командиром мотомеханизированной бригады, затем заместителем командира стрелковой дивизии. В этой должности он и встретил войну. 11 июля была сформирована 2-я ДНО Ленинграда, и Угрюмова назначили ее командиром. Пробыв он в этой должности всего 4 дня и был снят Ворошиловым. Как писал Попов, «понимаю, как трудно Угрюмову. За год от комбата до командира дивизии выдвинулся».

Еще пять дней, с 26 по 30 сентября 1941 года Угрюмов командовал 8-й дивизией народного ополчения Москвы, где его сменил полковник Зверев, впоследствии видный деятель РОА и КОНРа. Затем еще семь дней, с 30 сентября по 6 октября, был командиром 48-й гвардейской СД и далее возглавлял по несколько дней (346-ю СД) или месяцев (66-ю гв. СД, 8-ю Краснознаменную СД) различные дивизии на Ленинградском, Южном и 4-м Украинском фронтах. В это время он заканчивает Академию Генштаба (1942). Последняя, 8-ая, дивизия Угрюмова вела бои еще три дня после победы, будучи вынужденной уничтожать прорывающуюся на запад группировку противника. Через два дня после победы Угрюмову было присвоено звание генерал-майора.

В 1950 году Угрюмов окончил Курсы усовершенствования офицерского состава при Военной академии имени М. В. Фрунзе, с 1951 года командовал 77-й гвардейской стрелковой дивизией, а в 1957-м возглавил военную кафедру Горьковского сельскохозяйственного института. В 1961 году Угрюмов вышел в отставку по состоянию здоровья. Похоронен в городе Краснопресненске Московской области.

Борис Владимирович Бычевский (1902–1972) родился в Москве, в дворянской семье; его отец был начальником службы пути. Военную карьеру Бычевский начал с 1919 года в возрасте семнадцати лет. В 1928 году закончил Московскую военно-инженерную школу имени Коминтерна и был назначен для прохождения службы в отдельный саперный батальон 2-го стрелкового корпуса. Через два года стал командиром взвода, а еще через год адъютантом, после чего — слушателем Ленинградских военно-политических курсов им. Ф. Энгельса, а затем преподавателем инженерного дела Ленинградской пехотной школы им. Склянского (впоследствии Ленинградское Пехотное Краснознаменное училище им. Кирова).

Финская война застала Бычевского в должности начальника Управления строительства Псковско-Островского УРа, но почти сразу он получил звание майора и должность начальника отдела инженерных войск 13-й армии на Карельском перешейке в районе Муолаа. После окончания войны был награжден орденом Красного знамени и назначен начальником Инженерного управления Ленинградского военного округа в звании подполковника, здесь и застала его Великая Отечественная война.

23 июня 1941 года Бычевский стал начальником Инженерного управления Северного фронта и с 23 августа до самой победы занимал должность заместителя командующего — начальника инженерных войск Ленинградского фронта с задачей — оборонять Ленинград на трех рубежах круговой обороны. Командующий артиллерией Ленинградского фронта Одинцов так писал о личном мужестве Бычевского: «Я вспоминаю сентябрьские бои 1942 года за наш маленький плацдарм у Московской Дубровки, за „Невский пятачок“. Со своего НП я наблюдал Бычевского у переправы танков. Весь берег около Бычевского был в разрывах немецких снарядов и мин. Падали убитыми и ранеными его саперы и понтонеры. Контужен был и сам Бычевский, но продолжал переправу танков». Да и саперы Бычевского отмечены Верховным главнокомандованием в приказе № 112 от 11. 6. 1944.

4 августа 1942 года Бычевскому было присвоено звание генерал-майор инженерных войск, а в третью годовщину начала войны — генерал-лейтенант инженерных войск.

После окончания войны он был назначен на должность генерал-инспектора Главной инспекции ВС СССР, а с 1949 года и до выхода в отставку в 1959-м работал начальником управления Министерства обороны.

Помимо военных достижений отличился он и в литературе. Бычевский оказался талантливым мемуаристом, его перу принадлежат следующие книги:

Город-фронт. М.: Воениздат, 1963.

Город-фронт. Л.: Лениздат, 1967.

Маршал Говоров. М.: Воениздат, 1970.

Командующий фронтом: (О маршале Советского Союза Л. А. Говорове). М.: Политиздат, 1973.

Похоронен в Москве.

Эрхард Раус (1889–1956) родился в аристократической австрийской семье. Свободно говорил на четырех языках. Шестнадцати лет поступил в кадетскую школу и по ее окончании служил командиром взвода в различных частях австро-венгерской армии. После начала Первой мировой войны стал командиром взвода велосипедного батальона легкой пехоты, сражался в Югославии, Италии, Тироле, прошел путь до капитана и командира велосипедного батальона.

После войны был призван восстанавливать австрийскую армию и был назначен командиром велосипедного резерва. В промежутке между войнами служил в военном министерстве инструктором по боевой подготовке, преподавал на пехотных курсах, затем в пехотной школе в Вене, начальником которой и стал в 1934 году. А затем был назначен военным атташе в Италии и Албании в звании полковника.

21 марта 1938 года Эрхард Раус принес присягу и начал службу в вермахте, но членом НСДАП не стал. Через год, получив звание полковника уже германской армии, был назначен начальником штаба 17-го военного округа и 17-го корпуса. В 1940 году Раус — командир 263-го пехотного полка, а через месяц — командир 4-го моторизованного полка 6-й танковой дивизии. До вторжения Германии в СССР Раус вместе со своим подразделением не принимал участия ни в одном сражении. Перед самым началом войны с СССР назначен командиром 6-й моторизованной бригады той же дивизии, командиром которой стал в апреле 1942 года. После контрнаступления советских войск под Москвой сумел сохранить дивизию во время отступления германских войск.

На протяжении войны получил награды за прорыв линии Сталина (1941), прорыв обороны Лужского плацдарма (1941), за кампанию на Восточном фронте (1942), за оборонительные бои в районе Харькова и Белгорода (1943). К этому времени Раус уже успел получить звание генерала танковых войск со старшинством и стать командиром 11-го корпуса (бывший сводный корпус «Раус»).

В марте 1944 года Раус — командир 4-й в мае — 1-й, в августе — 3-й танковой армии. В марте 1945-го Раус в связи с разгромом его армии был заменен генералом Мантойфелем и переведен в резерв. В мае стал военнопленным США и оставался в плену до 1947 года. Затем подал рапорт о выходе в отставку по возрасту и состоянию здоровья, уехал в Австрию, где и жил в городке Бад-Гаштайн.

Во время пребывания в американском плену написал ряд аналитических работ, из которых впоследствии получилась превосходная книга о военной кампании в России. Стивен Ньютон в предисловии к этой книге писал: «Раусу удавалось доказать, что он может руководить крупномасштабными танковыми операциями с той же уверенностью, которую он демонстрировал на дивизионном уровне. Гейнц Гудериан, который тогда возглавлял Генеральный штаб армии, считал его одним из лучших танковых генералов и без колебаний бросал Рауса на критические участки».

Скончался в Вене в госпитале от болезни легких.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Домосилецкий Валентин Тимофеевич (1914–1988) — родился 30 июня 1914 года на Украине. В 1939 году закончил Одесский Институт инженеров водного транспорта и в сентябре того же года был призван в армию в танковый полк Киевского военного округа, где учился в дивизионной политшколе. После принятия присяги в декабре 1939 отправлен в ЛенВО в ЛКБТУКС, где стал заместителем политрука, участвовал в Финской войне, в болотах Карельского перешейка получил обморожение пальцев ног. Затем продолжил обучение на ЛКБТКУКС, сдал экзамены и был отправлен в танковый учебный полк, где был назначен командиром тяжелого танка КВ.

С июня по декабрь 1941 года воевал на Ленинградском фронте замполитруком отдельного танкового полка, затем стал политруком роты, позже военным комиссаром фронта. Был ранен и контужен. До февраля 1944 года служил на различных должностях (помощник начальника штаба, военный комиссар, заместитель по политчасти) 12-го танкового полка того же фронта. С марта 1944 года стал помощником военного прокурора 36-й дивизии Ленфронта, получил звание капитана юстиции, но был демобилизован по состоянию здоровья в декабре 1945 года.

В мирное время работал по специальности инженером-механиком, с 1961 года до кончины — главным механиком объединения им. А. Бебеля.

Изобретатель-рационализатор (патенты, выставки, 3 медали ВДНХ).

В биографии Валентина Тимофеевича есть один незаурядный пункт — в 1951 году он был исключен из партии, куда вступил на фронте в 1942-м. А произошло это из-за того, что нашему замечательному государству понадобился хороший специалист-инженер для работы с заключенными на строительстве Свирской ГЭС. А поскольку товарищ Домосилецкий оказался не настолько сознательным, чтобы добровольно согласиться на такое предложение, его обвинили в хищении государственной собственности (3020 р.) и осудили на 8 лет исправительно-трудовых лагерей.

Дочь Марина так говорит о последних годах его жизни: «Воспоминания о войне, встречи однополчан, написание мемуарных статей, фильмы о войне (особенно со зрелищными сценами массовых сражений), ломящиеся от книг полки с мемуарной литературой — это

была особая страница его жизни, отбиравшая у него массу эмоций и энергии. Много лет папа был председателем Совета ветеранов 12-го танкового полка: организовывал встречи, вел огромную переписку (месяцами стол была завален конвертами и открытками — мне даже приходилось помогать надписывать десятки адресов¹), выступал, принимал участие в основании Музея бронетанковых войск Ленинградского фронта (школа № 111 на ул. Фаворского, дом 16). Символично, что и умер-то папа на похоронах однополчанина!..»

В. Домосилецкий

ТАНКИ У ИВАНОВСКОГО²

Когда в летнюю пору вы едете на электричке из Ленинграда в направлении Гатчины, ваш поезд обязательно остановится на живописной станции Дудергоф, ныне Можайск, и вы увидите, что слева возвышается заросшая деревьями и кустарником Воронья гора, справа блеснет зеркальная гладь Дудергофского озера, а противоположный берег поразит яркостью зелени и буйно растущей рощей, сквозь листву которой промелькнут едва заметные очертания строений.

Там, под сенью вековых вязов, берез и лип, находились казармы и боксы для танков и располагался танковый полк Ленинградских Краснознаменных бронетанковых курсов усовершенствования командного состава.³ Внутри лагеря царил образцовый порядок, аллеи окаймляла аккуратно подстриженная живая изгородь, много цветов, имелись спортивные площадки, ярко-зеленое футбольное поле...

Было это за несколько лет до войны.

В 1939 году после окончания Одесского института инженеров водного транспорта я был призван в ряды Красной Армии. В начале сентября на Одесский вокзал пришли проводить меня мои многочисленные друзья и товарищи. Я покидал любимый город, где прошли мои лучшие годы, начиналась новая страница жизни, жизни военной и почетной. Из Одессы под покровом темной звездной ночи военный эшелон взял курс в неизвестном направлении. Я стоял у окна вагона и смотрел вдаль на ночную Одессу. В прозрачной дымке мерцали многочисленные огни, и очертания любимого города медленно таяли по мере удаления эшелона.

Спустя два дня поезд прибыл на станцию Казатин, где нас перформировали. Команда, в которую я попал, была направлена в танковую часть Ленинграда, в распоряжение ЛКБТКУКС. Так я стал тан-

¹ Потом даже для облегчения переписки он заказал себе оттиск-штамп с обратным адресом.

² Часть этих воспоминаний опубликована в книге: «Танкисты в сражении за Ленинград» (Лениздат, 1987).

³ В дальнейшем ЛКБТКУКС.

кистом и всю последующую жизнь с теплотой и любовью вспоминаю своих товарищей, с которыми делил горести и радости военных лет, а также и военачальников всех рангов, воспитавших нас в духе беззаветного служения Отечеству.

Численность нашей команды составляла около ста человек, и по тем временам пополнение было необычным. Почти 80 % личного состава, прибывшего из Грузии, Украины и Белоруссии, имело высшее образование. Это были инженеры разных профилей, конструкторы, преподаватели средней школы — математики, физики, историки и литераторы, журналисты, юристы, искусствоведы, музыканты, окончившие консерваторию артисты. А ведь превратить скрипача или артиста в танкового механика-водителя не так-то просто, даже при том высоком понимании долга, в котором каждый тогда отдавал себе отчет...

Прибыв в Ленинград на Подъездной переулок, 4, где в то время располагались ЛКБТКУКС, после соответствующей обработки мы прошли курс обучения по специальной программе, теоретической и практической. А после сдачи экзаменов, показавших, несмотря на досрочную их сдачу, отличные результаты, мы были направлены для прохождения дальнейшей службы в танковый полк, который дислоцировался в Дудергофе. Я был назначен командиром машины; это была обычная практика, командиром машины, как правило, становился слушатель курсов, поскольку полк являлся составной частью курсов, и матчасть его использовалась для тактических занятий, стрельб, вождения и обслуживания машин.

Полк наш располагал всеми видами танков, находившихся тогда на вооружении Красной Армии, и использовался не только для обучения и усовершенствования знаний командного состава бронетанковых войск, но и для испытания образцов новых танков. В испытаниях участвовали представители конструкторских бюро заводов-изготовителей, ответственные лица бронетанкового управления Наркомата обороны. Непременным организатором и участником испытаний был военный инженер 3-го ранга П. Ворошилов — сын легендарного полководца. Рядом по всем правилам техники и военного искусства при наличии леса и перелеска были оборудованы танкодром и полигон, которые позволяли вести любые тактико-технические занятия и испытания танков.

Командовал полком майор Дмитрий Григорьевич Беспрозванов, человек большой души, высокой военной культуры и знаний, всесторонне образованный, принципиальный, беззаветно преданный Родине. Майор знал всех подчиненных поименно и в лицо — качество весьма ценное и нужное для военачальника. Недаром личный состав с любовью звал его «батя». Часто можно было услышать такие фразы: «Смотри, Батя-то впереди, давай-ка подтянись...»

Партийно-политическую работу возглавлял полковой комиссар Буценко, обладавший высокой убежденностью и сильной волей, неутомимо отечески заботившийся о каждом танкисте.

Пропагандой ведал старший политрук В. Роботовский, начальником штаба был капитан П. Чеснович, а строевую часть вел Ф. Куцкий, бывший преподаватель истории, прибывший как раз с нашей группой. Несмотря на то что человеческая память за тридцать три года не может удержать всех имен, хочу сказать теплые слова о тех, кто помогал нам отрабатывать приемы и навыки, учил действовать в сложной боевой обстановке, закалял состав полка на выносливость и воспитывал в нас высокие моральные качества. Это командир роты танков БТ-7 капитан Ивлиев, командир роты танков Т-26 капитан Игнатев, командир роты лейтенант Шумский, командир роты связи капитан Воробьев, воентехник 1-го ранга И. Безрукавников, командир транспортной роты лейтенант Линьков, политрук Собченко.

В полку существовали и литературный кружок, техническая и спортивная секции, художественная самодеятельность, возглавляемая Аванесяном, окончившим театральный институт и при этом отличным командиром Т-26, редакционный совет стенной печати, руководимый З. Иржавским, бывшим журналистом. Между ротными газетами шло интенсивное соревнование за более интересное отражение жизни роты и ее боевых показателей, а на технической секции всегда шла горячая полемика вокруг вопросов работы двигателя, его рационального использования, повышения КПД — и все это на высоком теоретическом уровне. В 1940 году нашей художественной самодеятельности была оказана честь выступить в доме офицеров с постановкой спектакля «Сады цветут». О нашем выступлении отозвалась с похвалой даже газета ЛВО «На страже Родины». И спортсмены полка неоднократно завоевывали призовые места среди войск ЛВО. Так, например, долго держал первенство по штанге начальник радиостанции М. Ликворник, ныне подполковник танковых войск в отставке.

Всего полк насчитывал 127 танков и бронемашин всех типов, имевшихся тогда в Красной Армии, а также вспомогательные подразделения боепитания, ГСМ, подвижные ремонтные мастерские, транспорт, радиостанцию и другие подразделения — всего около 800 человек. В мемуарной литературе и на страницах военной печати практически не упоминается наш полк, не говоря уже о его действиях в период войны — но это происходит в основном потому, что полк являлся лишь составной частью ЛКБТКУКСа. Однако не рассказать о нем, о его людях и о мужестве, проявленном полком при защите нашего города, было бы несправедливо.

Шел 1941 год. Наступили летние дни, и полк после зимних казарм расположился в палаточном лагере. В полку продолжалась будничная учебно-боевая жизнь. Ходили, правда, всевозможные слухи

о напряженном положении на советско-германской границе, о том, что немцы сосредоточили там большое количество дивизий и прочее. Информация была скудной, официальные данные говорили о противоположном, многое недоговаривалось. И каждый оставался при своем мнении, хотя всеми ощущалось, что в воздухе пахнет грозой. Каждый чувствовал, что война неизбежна. Но когда? Этого не знал никто из нас.

Около 10 утра 22 июня полк был поднят по боевой тревоге. Машины дозаправили горючим, уложили боекомплекты, экипажам было выдано личное оружие, вещевое довольствие и паек. Машины вывели в рощу полигона в двух-трех километрах от лагеря. За танковыми ротами закрепили сектора наблюдения, выставили охрану. Мы ждали боевого приказа, а до тех пор командование продолжило обучение командного состава и по приказу наркома обороны готовилось к передислокации за Урал.

Спустя неделю политрук Роботовский собрал личный состав полка и сообщил последние новости.

Командующим бронетанковыми и механизированными войсками фронта назначен начальник бронетанковых курсов генерал-майор Николай Болотников. Впоследствии Николай Антонович погиб в районе Синявино. Исполняющим обязанности начальника бронетанковых курсов назначен зам. начальника курсов полковник Павел Бубин, тоже вскоре погибший на Кингисеппском направлении. Помощником начальника курсов по учебной части стал полковник Глаголев, помощником начальника курсов по тех. части инженер-полковник Давид Эхт. Ленинградский военный округ преобразован в Северный фронт, а командующим назначен генерал-лейтенант Маркиан Попов, членом военного Совета — секретарь ЦК ВКП(б), секретарь обкома и горкома Ленинграда Жданов. Ленинградский обком и горком приняли постановление о формировании истребительных батальонов для борьбы с воздушными десантами и диверсионными группами противника. Районы города разбили на сектора противодесантной обороны. Уже укомплектовано 168 батальонов численностью около 36 тысячи человек. В Смольном под руководством Жданова состоялось совещание партийного и советского активов по вопросу создания в помощь действующей армии Ленинградской армии народного ополчения в составе 7 стрелковых дивизий. Армия народного ополчения достигла уже 777 413 человек, и численность ее растет.

Закончил он свое сообщение такими словами: «Как вам известно из газет, в первые дни войны в результате неблагоприятного исхода приграничных сражений и больших потерь в людях и военной технике советские войска были оттеснены вглубь страны. Успеху гитлеровцев способствовал фактор внезапности и опыт ведения современных боевых действий. Однако наши войска оказывают упорное сопротивление, в результате чего противник несет огромные потери.

В настоящее время группа армий „Север“ получила задачу в кратчайший срок овладеть Ленинградом. Но этому не бывать! Мы найдем силы и возможности отстоять честь и независимость нашей отчизны и нашего славного города!»

Тут поднялся коренастый механик-водитель Казарашвили и обратился к Роботовскому:

— Разрешите спросить, почему мы тут загораем? Давайте будем бить фашистов!

Танкисты зашумели.

— Бить! Давить фашистского гада!

— Товарищи, не волнуйтесь! — заявил старший политрук. — Командованию о нашем существовании известно. Когда будет необходимо, нас позовут. Если ко мне вопросов нет, все по машинам!

Шумно расходились танкисты. Обширная информация вызвала глубокую озабоченность и тревогу за Родину.

13 июля во второй половине дня и. о. начальника курсов полковник Бубин примчался в распоряжение полка и объявил боевую тревогу. Вместе с полковником прибыла и большая группа слушателей курсов. Зазвучали команды, и быстро вырос строй танкистов.

— Товарищ полковник! Личный состав полка по боевой тревоге построен. Командир танкового полка Беспрозванов.

— Товарищи танкисты! — обратился к нам Бубин — Над Ленинградом нависла смертельная опасность. Для усиления обороны Ставкой Верховного Главнокомандования только что создано Главнокомандование северо-западного направления, которое возглавил маршал Советского союза Ворошилов. Командование направления обратилось к войскам с такими словами: «Товарищи красноармейцы! Командиры и политработники! Над городом Ленина — колыбелью пролетарской революции — нависла прямая опасность вторжения врага. Он жесток и неумолим, его злодеяниям нет предела. Организованностью, выдержкой, смелостью и беспощадным истреблением фашистских убийц мы можем и должны остановить кровавую расправу, которую творит враг над советскими людьми, предотвратит грозную опасность...»¹ «Вы должны знать, какова сейчас обстановка на дальних подступах к Ленинграду, — продолжил полковник, — 5 июля противник занял город Остров, 9 июля ворвался в Псков и, развивая наступление вдоль шоссе Псков—Луга, 12 июля подошел к реке Плюсса, где встретил упорное сопротивление наших частей Лужской оперативной группы. Поэтому выйти кратчайшим путем к Ленинграду противнику не удалось. Тогда командир 4-ой танковой группы направил по лесным дорогам в сторону Кингисеппа три механизированные дивизии, чтобы прорваться

¹ Здесь уже ясно, что этот митинг проходил не 13 июля, а 14 июля во второй половине дня. Только что вышло подписанное Ворошиловым воззвание.

к Ленинграду».¹ «Товарищи танкисты и политработники! — продолжал полковник. — По приказу командующего Северным фронтом генерал-лейтенанта Попова вы направляетесь на кингисеппское направление в полосу оборонцы 2-й дивизии народного ополчения,² Ленинградского пехотного училища имени Кирова, 90-й стрелковой дивизии и других частей. Пункт сосредоточения — лес вблизи станции Веймарн. Там же расположен КП второй ДНО, ее командир — Герой Советского Союза полковник Урюмов. Оперативные данные и боевую задачу получите от командира дивизии на месте».³

— Полк, внимание! — прозвучал голос комполка. — Экипажи, по машинам марш!

— С наступлением темноты, — добавил Бубин, — не позднее 21.00 полк и его подразделения обеспечения форсированным маршем направляются в пункт сосредоточения. Время прибытия — четыре утра 14 июля. Распорядитесь доукомплектовать экипажи машин недостающими членами за счет прибывших слушателей курсов.

Слаженно и оперативно готовились экипажи к маршу, и в это же время стал прибывать преподавательский состав курсов. Они садились в танки, отстраняя экипажи, что, конечно, вносило элемент неорганизованности.

Я стоял у своей машины, смотрел и думал: а что будет в бою?!

Каждый участник тех событий, оставшийся в живых, с горечью вспоминает об этих днях. Командование курсов, занятое учебным процессом, недостаточно знало о замечательных людях полка, а это очень пригодилось бы в трудный период начала войны.

Да и обстоятельства, способствовавшие появлению нашего полка на Кингисеппском направлении, были весьма необычны.

Вот как вспоминал об этом помощник начальника курсов полковник Глаголев.

«13 июля⁴ 1941 г. я прибыл в штаб фронта в БТУ за получением очередного задания. Мы сидели и разговаривали с генералом Михаилом Салминовым. Вбежал дежурный офицер и спросил:

¹ Здесь изложена классическая, сложившаяся у нас уже после войны схема событий. Это ли говорилось на самом деле? Неужели личному составу танкового полка ЛКБТКУКС сообщили о взятии немцами Пскова только 14 июля вечером?

² В дальнейшем — ДНО.

³ Этот приказ точно не мог так звучать 13 июля вечером.

⁴ Здесь, вероятно, имеют место все те же «редакторские» штучки. Скорее всего, и это происходило 14 июля. Иначе чем объяснить задержку подачи танков, которые можно было мобилизовать за полчаса, на целые сутки? Напрашивается невольная мысль, что не вспоминавшие перепутали даты, а редакторы советских изданий старательно выстраивали какую-то свою версию, согласно которой, в частности, все действия наших властей происходили на целые сутки раньше. Есть тут о чем задуматься...

— Командующий фронтом интересуется, кто здесь есть из ЛКБТКУКСа, и просит немедленно прибыть к нему.

— Полковник Глаголев, помощник начальника курсов,— ответил я и направился вместе с дежурным к командующему фронтом генерал-лейтенанту Попову.

В кабинете командующего кроме него самого находились еще семь-восемь генералов и представитель К. Е. Ворошилова. Я доложил, кто я такой, и сразу посыпались вопросы. Командующий спросил:

— Есть у вас танки?

— Есть! — ответил я.

— Что еще есть?

— Бронемашины, все учебные. Танков свыше 100 разнообразных марок.— Я начал перечислять.— Одна рота тяжелых танков КВ, две роты Т-34, три роты Т-26, две роты БТ-7, всего около 100 танков.

На лицах генералов засверкала улыбка: в трудный момент такая находка...»

Тут полковник Глаголев запомнил. В полку еще имелись танки БТ-5, Т-37, Т-38, Т-50, Т-40 и не принятые на вооружение опытные машины Т-136.

«— А боеприпасы есть? — спросил один из присутствующих генералов.

— Есть три боекомплекта.

— А горючее есть?

— Есть.

— Как скоро можно поднять этот отряд? — спросил генерал.

— Можно за полчаса,— ответил я.— Отряд укомплектован, однако частично недостает сержантского состава — башенных стрелков, радистов, которые могут быть пополнены за счет преподавательского состава и слушателей. В настоящее время,— продолжал я,— в расположении отряда полка находится и. о. начальника ЛКБТКУКСа полковник Бубин.

Выслушав меня, командующий Северным фронтом генерал-лейтенант Попов приказал:

— Немедленно отправляйтесь в лагерь Дудергоф, доложите начальнику курсов о подготовке отряда к боевым действиям. Боевую задачу получите от представителя Северного фронта.

Когда подъезжал к лагерю Дудергоф,¹ — продолжал свой рассказ полковник Глаголев,— я увидел отряд танков, вытянувшихся в походную колонну во главе с полковником Бубиным и представителем

¹ Неужели Глаголев, получив категорический приказ командующего немедленно выезжать в полк, отправился туда только на следующий день? Скорее всего, представитель командующего фронтом располагал более быстрыми средствами передвижения.

Северного фронта, от которого полковник Бубин получил боевую задачу».

В ночь на 14 июля 1941 года полк из Дудергофской роши направился в сторону Бегуниц и Ивановского. Ночь выдалась теплой. Лес встретил нас утренней прохладой, пением птиц и терпким ароматом берез и хвой.

Прибывающие экипажи рассредоточивались в массиве леса вблизи станции Веймарн по отведенным местам по указаниям командиров, направленных на рекогносцировку мест расположения полка.

По прибытии майор Беспрозванов и батальонный комиссар Гусев направились на КП командира 2-й ДНО Угрюмова, представились и, получив необходимые данные об обстановке в полосе боевых действий, о положении частей, их характеристики и согласовав наши действия, возвратились в пункт сосредоточения. Немедленно были собраны командиры взводов и машин.

— Командирам приготовить карты и нанести обстановку, которую сообщу,— обратился командир к присутствовавшим.— Рота Т-26 капитана Игнатьева направляется в район боевых действий деревни Юрки, которые ведет 3-й батальон 2-го стрелкового полка 2-й ДНО. Командир батальона — Лупенков, комиссар — старший политрук Бардин. Вместе с вами направляется комиссар полка Гусев. Рота БТ-7 капитана Ивлиева немедленно выступает в район села Среднего, где ведут бои 1-й стрелковый полк — командир полка майор Соколов, 2-й артиллерийский полк 2-й ДНО — командир полка капитан Хачатурян.

Должен вам сообщить, что, будучи на КП, я заканчивал наносить на карту оперативную обстановку в районе Ивановского, как появился командующий фронтом Попов. Мы представились, комдив доложил обстановку и потери. Выслушав его, Попов обратился ко мне:

— Все ли ваши танки и подразделения обеспечения прибыли в район сосредоточения?

— Все прибыли, товарищ командующий.

Подумав, Попов спросил:

— Полностью ли укомплектованы танковые экипажи? Каково наличие боеприпасов, горючего, продовольствия? Каково настроение экипажей?

Мои ответы, как видно, удовлетворили командующего.

— Имейте в виду,— продолжил он,— что ваш участок боевых действий очень ответственный. И передайте танкистам, что здесь решается судьба Ленинграда.

— Участок боевых действий,— продолжил майор,— которые ведет 2-я ДНО, установлен длиной в 30 километров по реке Луга и включает населенные пункты Юрки, Пелешы, Большой Сабск, Ивановское и другие. Вопросы есть? Нет. Остальные экипажи остаются в моем

резерве. Названным ротам немедленно выступить на свои участки, строжайше соблюдать маскировку!

Наш полк начал действовать сходу, без необходимой подготовки, с участием преподавателей курсов на участках Ивановское и Большой Сабск.

Наша колонна танков Т-26 двигалась в район Юрков, мимо нас туда же направлялась колонна красноармейцев. Пошел небольшой дождик. Воздух стал чистым, ароматным, звонким. Все явственней доносился гул артиллерии. Кто-то из танкистов завел разговор с красноармейцами. Они рассказали, что там, за лесом, в деревне враг, и они идут бить фашистов.

— Прекрасно! — ответили наши танкисты. — Не робей, ребята! Будем бить вместе!

Вскоре к нашей колонне подъехал командир 3-го батальона 2-го стрелкового полка 2-й ДНО капитан Лупенков.

— А я вас поджидаю.

Договорившись с капитаном Игнатьевым о совместных действиях, они ускорили движение колонн. Внезапным рывком мы сбили заслон у деревни Забелье и начали охватывать Юрки с двух сторон, обратив немцев в бегство. В результате наших совместных действий были освобождены Забелье, Юрки, Малые Пелешы — важные опорные пункты немцев на восточном берегу Луги. Мы заняли исходные позиции, а ополченцы — рубежи обороны.

Комиссар Гусев докладывал комполка:

— В бою за освобождение населенных пунктов Юрки, Забелье, Малые Пелешы отличились командиры машин И. М. Григоренко, И. Е. Лукьянчук, З. Б. Иржавский, В. Т. Домосилецкий, М. Г. Мельник. Они уничтожили 5 танков и около роты вражеских автоматчиков. Капитан Игнатьев лично раздавил минометный расчет. Потерь нет.

Но гитлеровцы не упокоились. Они несколько раз в день предпринимали контратаки, которые успешно отбивали ополченцы. Очень хорошо действовали и артиллеристы, имена которых, в памяти, к сожалению, не сохранились.

Гитлеровцам все же удалось нас потеснить, Юрки опять оказались в руках фашистов, и бои эти принесли много потерь. Погибли капитаны Балонкин¹ и Свириденко,² старшие лейтенанты Власенков и Евсеев, комиссар Соколов, много преподавателей курсов.

Пока шли незначительные отвлекающие атаки, но чувствовалось, что фашисты ведут подготовку к более мощному удару...

¹ Балонкин Василий Емельянович, преподаватель по вооружению АБТ ЛКБТКУКС.

² Свириденко Кирилл Петрович, начальник отделения командиров запаса ЛКБТКУКС.

Спустя несколько дней, к нам прибыл комбат капитан Лупенков и сообщил, что его разведчики обнаружили прибытие в Юрки из Ивановского пяти вражеских танков и около роты автоматчиков. Для усиления нашего участка комполка Лифанов распорядился дополнительно направить роту красноармейцев и дивизион артиллерии. Мы договорились с их прибытием снова освободить Юрки и попозже договориться о начале совместных действий.

На нервы нам все время действовала безнаказанно летавшая «рама» — как мы называли немецкий самолет-разведчик.

Тем временем капитан Игнатьев рассмотрел передний рубеж противника, проходивший по краю деревни. Перед деревней была небольшая площадь, примыкавшая к большому лесу. Справа и слева от деревни оставались удобные подходы. Своими впечатлениями капитан поделился с комиссаром Гусевым. Было решено организовать танковую разведку.

— Товарищи танкисты! — обратился к нам комиссар. — Необходимо провести разведку, цель которой — обнаружение огневых точек переднего края противника. Разведку провести двумя машинами. Кто желает выполнить эту задачу?

— Разрешите мне, — обратился я.

— И мне тоже! — вызвался Иржавский.

— Думаю, удовлетворим желание наших боевых друзей, — согласился комиссар.

И вот мы с Иржавским (Зиновий Борисович, член Союза журналистов, инвалид войны, ныне живет в Чернигове) прошли на машинах вдоль переднего края, обнаружили 4 замаскированных противотанковых пушки, две из которых торчали из дверей сараев. Нашли и три пулеметных расчета, укрытых ветками. Тишина, ни одного выстрела. Только когда мы стали спускаться по дороге в ложину, немцы открыли по нам ураганный огонь. Но это было уже бесполезно. Мы благополучно вернулись и доложили комиссару и командиру роты о результатах разведки.

В это время в наше расположение подъехали три «эмки», открылись дверцы, и из одной машины вышел Ворошилов. Вслед за ним появились и другие военачальники.

Ворошилов выслушал короткий доклад Беспрозванова и приказал вести танки на прорыв после артподготовки, а сам уехал на КП 2-й ДНО.

После этого Игнатьев отправился на КП комбата Лупенкова¹ договариваться о совместных действиях. Было условлено провести атаку на второй день в 9.30 после получасовой артподготовки.

¹ Лупенков Михаил Григорьевич, капитан, командир 3-го бат. 2-го СП 2-й ДНО. Погиб 28. 08. 41.

Все экипажи были поставлены в известность и готовы к бою. На стало утро, приближалось время атаки. Стоял мощный гул артиллерийской канонады.

По условленному сигналу «красная ракета» наши танки, обтекая деревню с двух сторон, вместе с цепями ополченцев пошли вперед. Но тогда фашисты выстроили поперек улицы деревни стариков, женщин и детей, а сзади установили пулеметы. Это было неожиданно, но танкисты не растерялись. Мгновенно фланговыми ударами мы отсекли беззащитных людей, раздавили пулеметные расчеты и смяли передний край обороны немцев. За нами двигались части 2-й ДНО, занимая отвоеванные рубежи. Обнаруженные боевые точки были подавлены. Хорошо действовали вместе с нами и ополченцы-артиллеристы, прямой наводкой уничтожившие две противотанковые пушки.

В бою за Юрки героически погиб любимец полка, секретарь комсомольской организации, командир танка Т-26 Мельник, бывший преподаватель математики в школе. Его танк первым ворвался в центр деревни и раздавил противотанковую пушку и ее расчет. В этот момент в борт машины попал бронебойный снаряд, машина загорелась. Горящий танк Мельник направил в гущу отступавших немцев, грохнул взрыв, экипаж погиб. Вокруг танка осталось до десятка убитых немцев.

Мы уже заканчивали бой, добивали последних фрицев, когда машина комиссара полка Гусева неожиданно налетела на фугас. Танк взорвался, взрывом снесло башню, и весь экипаж погиб.

В этом бою погибли капитаны Свириденко и Игнатъев,¹ лихо утюживший передний край противника, и другие слушатели курсов. После боя мы похоронили их на пригорке у деревни.

Более двадцати дней удерживал полк этот участок обороны, но мы с Иржавским по приказу командира полка возвратились на станцию Веймарн.

Примерно во второй половине дня 3 августа комполка Беспрозванова пригласил к себе на КП командир 2-й ДНО генерал-майор Любовцев. Полковник Угрюмов к тому времени был назначен в другую дивизию.²

Возвратившись, майор собрал танкистов и рассказал — штабом дивизии получены разведанные, что в районе деревни Старые Молосковицы со стороны леса около 2–3 часов ночи ожидается прорыв танковой колонны противника в наш тыл. Ожидается около 10–15 танков Т-III.

¹ Гусев, Свириденко и Игнатъев погибли от 15 до 17 июля. Мельник, похоже, погиб позднее. Рассказ об этом бое за Юрки Домосилецкий начинается словами: «Спустя несколько дней...», а главное — командовал Беспрозванов, который принял полк только 21.7.1941.

² 2-я ДНО первого набора к этому моменту практически не существовала.

Нашему полку поставлена задача организовать засаду и разгромить колонну.

Майор решил сформировать для этого колонну в 15 танков БТ-7, Т-26 и бронемашин БА-10, расположить их в засаде полукольцом по периметру деревни, развернув пушки в направлении ожидаемого движения противника.

Затем Беспрозванов приказал старшине Гудзю отобрать десять экипажей Т-26 и 5 экипажей БА-10, желающих идти в засаду, доэкипировать их горючим, укомплектовать две трети комплекта боеприпасов бронебойными на каждой машине, проверить наличие пайков НЗ и вещевого обеспечения. Воентехнику же 1-го ранга И. Безрукавникову было приказано проверить надежность технического состояния матчасти и вооружения.

На подготовку отводилось два часа. А на рекогносцировку района засады вместе с Беспрозвановым отправился и я.

Прибыв в деревню, мы обнаружили ее пустой. Видимо, люди ушли в лес. Беспрозванов остался доволен результатами разведки: от леса до окраины деревни простиралось ровное поле, через которое шла грунтовая дорога протяженностью около полутора километров, ведущая в деревню. По ней должны были пройти машины противника. Дорога хорошо просматривалась. При въезде в деревню стоял каменный одноэтажный дом, бывший сельсовет, на чердаке которого и было решено устроить наблюдательный пункт. Вести наблюдение поручили мне.

— Свою машину поставьте за домом, в куст сирени,— распорядился майор.— Пушку разверните в направлении леса, и бить будете по замыкающей колонну машине. Рассчитайте время, чтобы вы успели спуститься с чердака, сесть в машину и передать по радиации экипажам количество появившихся машин. Назовите число «коробок» по количеству танков. Рация должна быть настроена на связь с экипажами заранее.

Мы вернулись на наши позиции.

Беспрозванову доложили о готовности колонны. День близился к вечеру, майор сел в головную машину, и мы двинулись к месту засады.

В деревне комполка рассредоточил машины по левую и правую сторонам дороги у домов и хозяйственных построек, определил порядок ведения огня и приказал хорошенько замаскировать танки.

— Мой первый выстрел по головной машине будет сигналом «огонь по врагу!»

Серые сумерки августовской ночи позволяли хорошо различать предметы в радиусе примерно километра. В половине третьего ночи я услышал из глубины леса нарастающий гул моторов, вскоре на дороге не спеша выполз немецкий танк и устремился по дороге к деревне. За ним последовали и другие. Я насчитал десяток. Подпустив их

метров на 200, я быстро спустился с чердака, сел в машину, доложил экипажам по радию о десяти «коробках» и приготовил пушку к бою.

Я хорошо помню, как увидел, что мой первый снаряд угодил в борт фашистского танка, и тот загорелся. Я радостно воскликнул: «Начало расплаты есть!»

С яростью продолжал я слять снаряд за снарядом по вражеской колонне, с такой же яростью дрались и мои боевые друзья. Между деревней и лесом горели и рвались немецкие танки.

В считанные минуты колонна перестала существовать. Ни одному танку или фашисту не удалось уйти, мы же не потеряли ни одного человека.

Окружив Беспрозванова, командиры и водители — Нониа, Казарашвили, Стуруа, Кулибаба, Петренко и другие — выражали свою радость.

Любопытный факт, что в этот же день 3 августа впервые по приказу Ворошилова батарея реактивных установок в количестве 6-ти штук прибыла на Ивановский плацдарм и под покровом ночи произвела залп по противнику 96-ю реактивными снарядами — это 4000 килограмм смертоносного металла. Немцы долго не могли прийти в себя...

Рассказывает командир 1-го взвода, командир машины БТ-7 Тихон Бондарь, ныне профессор Киевского института народного хозяйства.

«Роту БТ-7 на марше встретил связной командира 1-го стрелкового полка 2-й ДНО майора Соколова и попросил капитана Ивлиева ускорить движение танков к селу Среднему, так как его заняли немцы. Мы прибавили скорость и вышли к окраине села. Немцы вели сильный артиллерийский и минометный огонь, там у них было 4 танка и 2 танкетки. Мы вывели из строя все танки. А танкетки подбили. Гитлеровцев выбили из Среднего, они ушли в Ивановское, но общая задача, заключающаяся в ликвидации Ивановского плацдарма, выполнена не была. На следующий день утром меня вызвал Ивлиев и указал, в каком направлении действовать. Мы стояли на опушке леса у Среднего.

В атаку на Ивановское с нами двинулись ополченцы 1-го полка. Нас встретили сильным огнем, артиллерийским и минометным, и попытка продвинуться вперед не удалась. Понеся большие потери, мы отошли к опушке леса.

В это время в Среднее прибыл главнокомандующий северо-западным направлением маршал Ворошилов с группой командиров, в числе которых был и командующий Северным фронтом Маркиан Попов. С пригорка, где стоял Ворошилов, было видно, как горело Ивановское.

На его окраине появились новые немецкие танки, готовясь к новой атаке, но снаряды наших артиллеристов рвались в стороне.

— По пустому месту бьют! — возмутился Ворошилов.

Попов что-то пытался объяснить, но, видя грозный вид маршала, прекратил свои попытки и направился к нашей машине БТ-5, сел в нее и двинулся вперед. Но противник вел очень сильный артиллерийский огонь, танк вскоре попал в полосу огня и был поврежден. Генерал Попов возвратился на пригорок, где стоял маршал.

Тот резко заметил Попову:

— Если сам станешь ходить в разведку, то кто будет фронтом командовать?

Вскоре Ворошилов уехал.

Наши артиллеристы усилили артподготовку, и батальоны ополченцев вместе с нами пошли в атаку. Мы вышли на окраину Ивановского. В этом бою погиб капитан Ивлиев и три экипажа слушателей курсов. Возвращаясь из этого боя, моя машина в нейтральной полосе соскользнула в кювет и заглохла. Завести не удавалось. Ночью мы с механиком-водителем Чадунели подползли к машине, устранили неисправность в ходовой части и утром вернулись на исходные позиции. Днем меня на партсобрании приняли в партию.

В итоге скажу, что за месяц наших боев у Ивановского мы отбили 16 атак противника и 16 раз освобождали село Среднее».

А вот как рассказывает об этих боях командир БТ-7 Алексей Королев, ныне преподаватель Ленинградского военного училища железнодорожных войск и военных сообщений им. Фрунзе.

«В селе Среднем непрерывно шли упорные бои: то мы вышибали немцев, то они нас. При этом и они, и мы несли огромные потери. В одном бою за Среднее попаданием мины в моей машине заклинило башню. Я отправился на станцию Веймарн на сборный пункт для ремонта машины. В это время на помощь нашим двигался в Среднее танк КВ — наша главная сила, машина, с которой немцы избегали встреч.

У края деревни он налетел на фугас, грянул взрыв огромной силы, башня слетела, танк загорелся, экипаж погиб. Механиком-водителем этого танка был Семенихин, остальные — слушатели курсов.¹

Я, вернувшись, доложил командиру полка о состоянии моей машины и рассказал о гибели экипажа КВ.

А вот еще случай. Тихон Бондарь на своей машине направлялся на позиции у Среднего, но необходимо было переждать, так как вражеская авиация бомбила Веймарн. Когда бомбежка подошла к концу, Бондарь вышел из машины, и тут его настигли осколки, перебившие ногу и руку. В бессознательном состоянии Бондаря отправили

¹ Еще одно свидетельство царящего вокруг беспорядка. Этот эпизод был вычеркнут редактором при издании книги «Танкисты в сражении за Ленинград».

в госпиталь, а в районе деревни Пелеша был тяжело ранен осколком в ногу командир машины, зам. политрука роты Иржавский».

8 августа немецкое командование предприняло новое мощное наступление из районов Ивановское и Большой Сабск.

Нашему полку был отведен участок обороны в деревне Пелеша. Все, чем мы располагали, майор Беспрозванов сосредоточил на этом участке. Бои шли тяжелые, горели танки, гибли экипажи. Командир полка приказал эвакуировать штаб и штабные документы, карты, знамя.

В штабной землянке находился писарь штаба Ф. Куцый. Теперь он живет в городе Фастове и работает директором средней школы. Кое-как я втиснул в танк Куцего и чемодан с документами, сквозь горящую деревню мы проскочили на шоссе, ведущее в наш тыловой эвакупункт.

Положение на фронте осложнялось. 12 августа немцы овладели станцией Веймарн и Молосковицами. 8 сентября, с захватом Шлисельбурга, Ленинград оказался в блокаде. К этому времени в нашем полку осталось всего 87 человек.

Танковый полк ЛКБТКУКСа на кингисеппском направлении действовал с 14 июля по 8 сентября 1941 года. Срок как будто небольшой, однако полк явился главной ударной силой на этом участке и сумел своей активностью, стойкостью и мужеством личного состава во взаимодействии с частями 2-й ДНО, пехотным училищем им. Кирова, 90-й стрелковой дивизией и артчастями некоторое время сдерживать превосходящего по силе противника. Полк понес большие потери, но задачу свою выполнил.

Оставшиеся в живых продолжали мужественно сражаться в различных бронетанковых частях фронта, защищая Ленинград.

Пройдут века, и новые поколения советских людей будут носить в сердцах светлую память о тех, кто в грозные для Отчизны годы не склонил голову перед врагом.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Иоганн Генрих Вике (1908–1996) — личность неординарная. Он был третьим из семерых детей в семье потомственного священника. Окончив гимназию в родном Вольфенбюттеле, он, начиная с 1929 года, в течение шести лет изучал теологию сначала в Тюбингене, затем в Марбурге и Геттингене, после чего женился и стал пастором Лютеранской церкви. В 1940 году Иоганн добровольцем ушел завоевывать Францию. Вероятно, сказалась «травма „Версальского мира“», глубоко переживавшаяся его отцом. Вкусив фронтового братства, на следующий год он скрыл травму колена и добился отправки и на Восточный фронт.

Ефрейтор Иоганн Генрих Вике пробыл под Ленинградом, неся рутинную службу радиста и попутно исполняя обязанности полкового священника, до февраля 1942 года. Затем его все же комиссовали из-за больного колена. Все это время он «практически каждые два дня» писал письма своей жене Ирмгард, оставшейся дома с тремя дочерьми. В то время Ирмгард была беременна, и при чтении писем к ней с фронта этот факт необходимо учитывать. Иоганн Генрих очень переживал за ее спокойствие.

Вернувшись домой, Вике был окончательно уволен из армии и вновь приступил к исполнению обязанностей пастора. В последующие годы у него родились еще две дочери и сын. Но Иоганн Генрих, по свидетельству сына, никогда ничего не рассказывал детям о своем «походе в Россию». По всей видимости, эти без малого 9 месяцев, которые он провел на Восточном фронте, помогли ему решить все свои психологические проблемы.

Огромный архив писем и фотографий этого периода (Иоганн Генрих был еще и фотографом) обнаружился только после его смерти. Письма Вике, порой немного наивные, свидетельствуют о высокой культуре автора, а также о его глубокой человечности. Его сын потратил немалое время на изучение архива, перевод текстов в печатную форму, а негативов — в цифру. А уже во время нашей совместной работы над этой книгой Петер Вильгельм, изучая Боевой дневник 6-й танковой дивизии, сделал небольшое, но удивительное открытие. Почерк человека, вносявшего все рукописные заметки в Боевой дневник дивизии, совершенно идентичен почерку его отца, который он до тонкостей изучил за многие годы работы с письмами. И это более чем вероятно. Ведь связист Иоганн Генрих Вике, имевший прекрасное образование и постоянно находившийся рядом со штабом дивизии

в машине связистов, вполне мог оказаться тем человеком, которому доверили это ответственное дело.

РУССКАЯ КАМПАНИЯ

Наступление на Ленинград

Письма Иоганна Генриха Вике, отправленные полевой почтой к Ирмгард в Грюненплан, округ Альфельд, Пруссия (7 апреля–19 сентября 1941 г.)¹

«Военная машина» группы армий Север (генерал фон Лееб, позднее смещенный Гитлером) — танковый корпус Гепнера: Тильзит—Тауроген—Якобштадт—Молетай²—Псков—Петергоф.

<...>

**Гронау [Недалеко от Грюненплана — в резервном лазарете],³
7 апреля 1941 г.**

Моя дорогая!

Печаль, которая, как пелена тумана, охватила меня в дни моей болезни дома, вовсе не означает, что я «был зол» на то и се. Ведь это не злость на еду или на то, как ты выговариваешь детям, или на то, как ты беспечна по отношению к своему ослабленному простудами здоровью. Эту краткую размолвку лучше было преодолеть сразу же, чем оставлять ее тяжелым бременем. Поэтому мне теперь больно за выказанную мной злость. В этом не было смысла, так же как и не было любви, когда я тебя в этой небрежности или неосмотрительности хотел «призвать к порядку». Все это доставило мне такие же страдания, когда я потом стал думать, как должны были бы мы во все те недели после нашего рождественского вечера от всего сердца благодарить Отца за все и особенно за то, что все эти дни мы получали наш хлеб насущный. <...>

Бог близко, он упрекает, ОН хочет создать новый порядок, при котором он завладеет нами. Трудись, спасение ни в чем ином — мы хотим еще так многого добиться. Беда, что твой муж может только думать с заботой о вашей жизни в Грюненплане, вздыхать и как по-

¹ Перевод писем выполнен совместно с канд. ист. наук, ст. науч. сотр. НИИКСИ СПбГУ Е. Р. Михайловой.

² Ныне: Советск — Таураге — Екабпилс — Молетай (такое отклонение от прямого пути на Псков обусловлено тем, что группе «Бранденбург-800» диверсия в Екабпилсе не удалась; пограничники уничтожили группу и взорвали мост, см. далее письмо от 12 июля).

³ Вставки в квадратных скобках принадлежат сыну автора П. В. Вике.

следнее сказать: «Я ничего не мог поделать с этим». Не говори, это несправедливо, будто бы я постоянно упрекаю тебя в мыслях за отдельные «скверные поступки» (которые теперь, если присмотреться, просто незначительные небрежности). Нет, мое беспокойство связано не с этим. Давай забудем детали, они не должны разрушить нашу общность. Речь идет о том, что у тебя многое выскальзывает из рук и развивается по своим собственным правилам, потому что твоя бдительность ослабевает — ты уступаешь в первые моменты, когда нужно было бы покрепче держать повод, что избавило бы тебя потом от многих усилий и горестей. Это и о твоих простудах, и о детских шалостях, так, может быть, будет и с твоей новой девушкой,¹ это же можно сказать и о первых днях нашей совместной жизни и т. д. Если мы не научимся совсем скоро, теперь же, когда вот-вот наступит нужда, взирая на Иисуса, зачинателя и завершителя веры, отказываться от греха, который постоянно прилипает к нам, и с настойчивостью браться в борьбу, которая нам предписана, — может быть, случится, что после войны многое так запутается, что мы будем очень опечалены. «Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха, и забыли утешение, которое предлагается вам <...> не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя».²

Я так люблю тебя и вместе с тобой наших дорогих детей, поэтому постоянно беспокоюсь, чтобы ты не теряла твердой почвы под ногами. Дорогая жена, об этом прошу тебя! С сердечной любовью твоей И.-Г.

15 мая 1941 г.

Моя любимая,

в суете подготовки к отъезду я, к сожалению, не могу писать тебе много, но ты должна знать, что я с большой радостью вновь становлюсь «солдатом».³ Алекс (Рольфс) только что рассказал мне (он получил отпуск до воскресенья, 3 дня!! и передает тебе большой привет), что наши орудия отныне снабжены прекрасными стальными бронированными щитами для стрельбы по наземным целям⁴... Поговаривают о выступлении в поход в ближайшие недели — ура, тут-то я и пригожусь! <...>

Подумай только, я радуюсь участию в войне! <...>

Твой И. Г.

¹ Прислужой.

² Евр. 12: 4-5.

³ У Иоганна Генриха были проблемы с коленом, и его собирались комиссовать после французской кампании. Пришлось ему пойти на обман медкомиссии.

⁴ Имеются в виду 88 мм зенитные орудия, оказавшиеся очень эффективными в борьбе с советскими тяжелыми танками.

Брауншвейг, 16 мая 1941 г.

М<оя> л<юбимая>.

Сейчас, в ½ 8 утра 16. 5 (пятница), я все еще сижу в Брауншвейге! Вчера вечером были огромные проблемы с пассажирским поездом, от которого я, впрочем, совершенно отказался, иначе мне пришлось бы в 2 часа ночи в Берлине либо искать ночлег, либо возможность ехать далее — с залом ожидания я уже знаком достаточно! Зато вчера после обеда я замечательно провел время у матушки, занимаясь своей рецензией. <...> И далее все должно было быть хорошо, я планировал через ¼ часа сесть уже на пассажирский.

Но получилось так: поезд дальнего следования на 3:15 и оба следующие за ним ночные скорые все еще не пришли. На Ганновер, похоже, сброшено столько бомб (здесь тревога длилась около ½ 1 ч.), как никогда раньше. Железнодорожники, старые солдаты, сказали, что ураганный огонь был не хуже, чем в мировую войну! И я, поскольку ни о каких других поездах, кроме вчерашнего поезда дальнего следования и речи не было, с часу до десяти был у матушки. <...>

Во время воздушной тревоги (я слегка задремал у стола) нам пришлось около ½ — 1 ч. прятаться в ужасно холодной грязной траншее, но около ½ 2 меня вновь разбудил один из товарищей: «Отбой». Однако все еще продолжалось до 3 ч., и только тогда вновь дали свет и открыли зал ожидания. О скорых поездах объявляли, что они «задерживаются на неопределенное время», — я задремал снова, пока в 6 часов товарищ вновь не разбудил меня, потому что должны были подметать зал ожидания. Про скорый поезд Ганновер—Берлин на 7:15 тоже объявили, что он задерживается, — также и про пассажирский. В пункте питания Красного креста вдоволь выдали некоего подобия кофе и хлеба к моему обильному сухому пайку (смалец, масло и большой кусок салами), так что у меня все идет хорошо, и путешествие продолжается. От всего сердца поздравляю тебя с Днем матери.¹

Ваннае, 18 мая 1941 г.

М<оя> л<юбимая>.

Вновь мы провели воскресенье вместе (с шурином Вальтером) — и с лодкой! В пятницу после обеда я — с полного моего согласия! — был снова направлен в свою старую часть со знакомым тебе номером 22347, и дружеское приветствие всех товарищей по

¹ День матери отмечается во второе воскресенье мая как дань уважения матерям. Впервые праздник отмечали в США по решению Конгресса — в 1914 году. В Германии День матери празднуется с 1933 года.

батарея доставило мне огромную радость. Только здесь я чувствую себя вполне хорошо, и я так и сказал командиру радистов, что совсем не хочу, чтобы во мне видели какого-то полусолдата. Вопрос уже решен, и, как Алекс и говорил, совсем скоро все переменится, и это хорошо. Шлем тебе нашу сердечную любовь, твои Вальтер и И. Г.

Берли-Марнифельде, 19 мая 1941 г.

М<оя> л<юбимая>. <...>

После чудесного воскресенья на Ваннзее спешу тебе сообщить, как это действительно здорово, что я снова здесь — во всяком случае в том, что касается жизни среди товарищей. И дело здесь не только в том первом сюрпризе, которым для меня оказалась славная и сердечная встреча братьев. Это совершенно естественно среди людей, с которыми столь многое пережито вместе (позиции в Айфеле,¹ а также первая фаза войны: 6-недельный французский поход ранним летом год назад). Именно эти зазорные предприятия во Франц. камп. и т. п. (т. е. последующее подготовительное турне по северным областям Германии) (а также истории попоек!) укрепили в парнях убеждение, что я не только на словах, но и на деле того же сорта, что и они, то есть солдат и товарищ. <...>

Берли-Марнифельде, еще на старом месте, 22 мая 1941 г.

Моя дорогая жена.

<...> Мою рецензию я вчера окончательно отослал. Тут для такого спорта действительно мало времени. Но жизнь все равно гораздо свежее, чем в Вольфенбюттеле, если даже при обстругивании религиозных взглядов часто летят здоровенные щепки. Наслаждение особого рода — посещение по утрам сортира, откуда открывается прелестный вид на дюнный ландшафт огромного песчаного карьера, около которого стоит наш барак. В первое же солнечное утро передо мной резвились влюбленные кролики, и вечером я вновь долго наблюдал за ними. От фильма «Еврей Зюсс», который мы вчера (Вознесение!) посмотрели всем составом бесплатно, я в ужасе. Как ты вообще пишешь мне о нем? Подло возбуждать ненависть столь низменными инстинктами; я имею в виду историю с девушкой. Отвратительная картинка до сих пор стоит у меня перед глазами.

Тут многое связано с политическими лозунгами и нынешней ситуацией. <...>

¹ Немецкое название Альсдорфа, города на границе Германии и Бельгии.

Марненфельде, 26 мая 1941 г., 20 часов

В вышине, за темными облаками, далеко от людских толп, ссорящихся в мрачных залах из-за грошей и в крике и давке не замечающих солнца и света в столь дивный день Девы Марии, — благодарю тебя, Отче, Господи, давший мне свободу и среди шума: пройдет гроза с громом и дождем, останется тишина в потоке воплей. Все помыслы о тебе, любимая спутница и жена. Повсюду все едино, ибо двери любви отверзаются нам двоим. Жаль только, что звуки голоса все заглушают, а слова больше не хотят соединяться в танец помыслов. Но я должен еще немного сказать тебе о красоте созерцательных вечеров, соединяющих нас в одно целое. Когда вечером в пятницу я совсем устал от рева и пустой траты времени днем, и мне захотелось почитать, без чего прогулка уже более не радовала меня, я направился из барака на крутой склон карьера. Тропа увела меня на извилистую дорогу, которая проходит совсем близко от нашего расположения и ведет через поля к цветущим белым диким вишням и яблоням. Там я читал о Христе написанное в тетради Хельмута Кернса ясными, сильными словами и, освеженный и набравшийся сил, отправился «домой». Дрозды и славки пели мне сладкую песню о любви, надувшийся фазан токовал рядом с дорожкой, и пахнувший липами майский воздух увлекал меня в свою мягкую гармонию. И даже если вчера, воскресным утром, вместо службы Божией, мне пришлось драить око в уборной, мне по-прежнему вспоминалась уютная прогулка с Вальтером на веслах, и меня наполняла новая радость перед продолжительной службой. Это ведь служба в ожидании: мы ждем наступления, борьбы. Бог дарует нам бдительное сердце, которое не устает. «... Вы искали Меня и нашли, и найдете Меня в своем сердце, потому что Я хочу, чтобы вы нашли Меня, говорит Господь». Сегодня днем я кое-что заметил в цветочном уборе «моей» песчаной дорожки — несколько залитых солнцем ветвей цветущей яблони. Так возникает на пути красота. Еще я хотел бы сердечно поблагодарить тебя за миндальные пирожные, которые я взял с собой сюда, и за посыпанный сахаром пирог для Вальтера, которым мы в субботу чудесно полакомились за кофе в нашей комнатухе в бараке, а также за сливочное масло, которое мы намазывали на пайковый хлеб, когда вчера устроили прогулку по узкой цепи озер до замка Бабельсберг (рядом с Потсдамом, оттуда чудесный вид через водную гладь на башни нарядного города) и обратно через озеро Ваннзее, вокруг Павлиньего острова. У Вальтера и фрау Арндт, кроме всего прочего, практически не бывает кофе в зернах! — Кланяюсь тебе с большой любовью. С креслом поступай, как хочешь. Хотя мне оно (кресло) кажется лишним. Большое тебе спасибо за трогательный рассказ о моей дорогой маленькой Уте. Как смог ребенок додуматься до столь осмысленных стихков? Я поражен! <...>

Твой И. Г.

Берлин-Марненфельде, 27 мая 1941 г.

Моя дорогая жена.

Сегодня ты получишь только краткую весточку. Надеюсь, ты получала мою почту все это время. Я желал бы больше никогда не расставаться с тобой так надолго, потому что это действует на меня очень сильно. <...>

Сегодня у нас были практические занятия по радиосвязи, день прошел быстро и оживленно. Но, к слову сказать, оказалось в итоге так мало времени, «т. е. хорошего тихого времени для внутренней сосредоточенности», что это уже действует опустошающе! <...>

Милая матушка пишет мне такие трогательные письма. Только сегодня я получил письмо от Хуго, чтобы переслать его дальше, тебе больше не связаться с ним через «Берлин». Внутрь было вложено совершенно очаровательное письмо Герхарда матушке к Дню матери, которое Хуго, наверное, пошлет еще раз и тебе. Дорогая жена, в мечтах твой И.-Г.

31 мая 1941 г. [Марненфельде]

Сегодня снова ты получишь только короткую весточку, потому что мне хочется еще немножко поваляться с книжкой на солнышке. С деньгами, несмотря на все энергичные меры по экономии, непорочно: обед обошелся мне в 7,55 марок, и в 3 марки обошелся ремонт моих часов. Эти 10 марок (помимо прежних 5-ти) я вновь был вынужден одолжить у Вальтера и прошу тебя перевести их мне полевой почтой (половинный тариф). Еще мне пригодились бы мои солнечные очки, которые, наверное, лежат в ящике для перчаток или в самом правом ящике моего письменного стола — нет, в среднем ящике зеркального комода. — Только что пришло твое письмо от 27 мая, спасибо тебе за него. Как я рад, что у детей в эти чудесные майские дни все хорошо, и ты счастлива. Что касается твоей поездки, мы могли бы — раз уж мы все еще здесь — в субботу и воскресенье, 6–7 июня, до 24 часов воскресенья, вместе побыть в Берлине, так как с сегодняшнего дня такая поблажка позволяет раз в месяц тем, у кого семья в Берлине или рядом. Если у тебя есть такое желание, напиши сразу же. Это было бы прекрасно: в субботу выставка цветов, а в воскресенье — Ваннзее и Потсдам! <...>

3 июня 1941 г. В блиндаже 1-й батарее, огневая позиция, рано утром, незадолго до 2 часов (я сидел там до 3:15).

Моя дорогая жена.

Так как Томми после долгой паузы — под самый финал дня Пятидесятницы — снова подняли нас с постелей, ты получишь (впро-

чем, возможно, совсем короткое) сообщение об этих двух прекрасных праздничных днях.

Позавчера, в первый день Троицы, я был с Г. Х. Ульрихом в соборе на Жандарменмаркт, на «Академическом богослужении» проф. Фендта, и необычайно благодарен ему за эту службу. Я ездил в город без отпускного свидетельства, так как получал отпуск только для Мариенфельде. Но я уже потихоньку привык к тому, что старшина по старой дружбе мне многое позволяет. Продолжаю писать только теперь [карандашом вместо чернил и на бумаге меньшего формата — горизонтально развернутом DIN A 5], потому что командир, долго слонявшийся вокруг, очень странно смотрел на то, как я пишу письмо во время дежурства. Для рассказа о проповеди я еще не совсем успокоился. Сейчас в высшей степени было интересно следить, как всеми средствами преследовали вражеского летчика, как он уверачивался от выстрелов, а его преследовали вновь и вновь — и наконец сбили. Я был счастлив видеть большую вспышку при его ударе о землю. А теперь уже снова «в укрытие»! Напряжение растет!

В соборе был и Вальтер, с которым я договорился о дальнейших встречах. Ему тоже понравилось, что проф. Фендт не произносил «политической проповеди». Но я надеюсь, что и он услышал хоть немного о действии духа Божия, несущего свет во все стороны. Как могущественно было слово! Генрих Херманн [Ульрих] и я остались ужинать, а Вальтер поехал домой; а потом в 12 часов я отправился на Клостерштрассе послушать музыку Троицына дня, программку концерта прилагаю [в оригинал вложен буклет; в программу включено и русское хоровое пение!], в старейшей берлинской церкви, величественной монастырской церкви со скромной кирпичной готической архитектурой. <...> сердце вспарило так высоко, что уже и без церковной службы было готово внимать и молиться.— Теперь уже день, и я пишу тебе из передвижной радиостанции рядом со штабом, потому что мы должны еще потренироваться перед скорым отъездом. <...>

- Здесь теперь оживленные приветствия и радостные встречи: радисты батареи так сильно привязаны друг к другу! И мне всегда доставляет такую радость осознавать, что я полностью влился в товарищеский крут и могу совершенно жить этим. Старшина — единственный, кто, по-видимому, пытается подогреть старые комплексы, хотя я ему определенно не давал для этого никаких поводов в своем новом качестве. Но и в этом пункте мы еще наведем порядок, благодаря богослужению или же по милости Божией на Троицын день, меня это совершенно не беспокоит. После обеда я с легким сердцем уехал к Вальтеру на Ваннзее, и солнце и вода, покой и мелькающие там и сям женские тела в купальниках (ты ведь понимаешь меня? Ведь красота природы может радовать нас и таким образом?) меня полностью успокоили. Как благодарен я за этот праздник Троицы и за то, что все мы во власти Отца нашего. Нужно постоянно молиться об этом: «Прииди, Дух Святый, Господи Боже...».

Мариенфельде, 3 июня 1941 г.

Только что в обеденный перерыв улучил время написать тебе. Самое важное: Из действительно достоверных на этот раз источников я узнал, что ты, по всей видимости, еще можешь приехать сюда на ближайшие выходные, так как ожидаемое наступит только после них. Мне очень хотелось бы, если это соответствует твоим планам, чтобы мы смогли устроить долгое и основательное свидание. Если да, то, пожалуйста, сразу же ответь на имя Вальтера, можно телеграфом, чтобы он мне перезвонил и заказал вам с Утой гостиницу. Если ты хочешь жить на частной квартире в Малове, я могу подыскать комнату там. Мне даже кажется, это будет более практично. Вы можете приехать так, чтобы мы постарались прихватить четверг или хотя бы пятницу после обеда или понедельник и вторник до 18.00 на следующей неделе. И тогда мне легче будет провести мою службу в воскресенье в Мариенфельде. Кроме того, пришли мне поскорее проповедь на Иоанна 3, 1-15 на Троицу 1937, или 38-го, или 39-го года, далее проповедь о благословении (4-я книга Моисеева), также на Троицу, наверное 1936 или 37 года.— В театре на Курфюрстендаммы мы были вместо «Волшебной флейты», все билеты на которую распроданы, на прелестной вещице венгерского автора с Идой Вюст. Прекрасные костюмы и декорации в стиле рококо! Вальтер все-таки славный парень!

Мариенфельде, 6 июня 1941 г.

Коротенький привет письменным принадлежностям, которые я совсем забросил. Вчера после обеда я был в Оскар-Хеленен-Хайме. Г-н Найдхарт был в восторге от моего визита (из товарищей по казарме был еще один, но он был со своей семьей) и дал мне карточку, которую я прилагаю к письму. В «Бурхардхаусе» нашел любопытные книги и выслал их на твой счет вместе с 10-ю духовными брошюрами. Назначение я приписал на листке бумаги. Сегодня мы предприняли отличную поездку Ф. [Funker? — радистов] в Потсдам.

Вчера вечером мы с Вальтером еще были на выставке цветов в радиобашне, где видели замечательную гимнастическую программу молодых девушек с ренрадской почты в миленьких платьицах с подобранными подолами, пленивших нас своей грацией и красивыми ножками: не решилась ли ты еще вдруг приехать? У нас ведь тоже было столько насыщенного и прекрасного времени, так что от одного дня ничего не зависит.

Берлин—Мариенфельде, 10 июня 1941 г.

Теперь дело стронулось с места. Один вагон уже битком набит багажом и товарищами, и нас бросило к отъезду, как подкидной до-

ской. Завтра, в среду, или самое позднее послезавтра мы должны выступить сначала, как гласят слухи, в какой-то город [Тильзит] <...> Возможно, у нас там еще будет достаточно времени, так как — но о таких слухах писать не следует. Какой у меня будет номер полевой почты, пока не знаю. <...> Возможно, у нас несколько недель не будет переписки. Жаль, что я теперь не смогу получить сабо и деньги, а также пленки, но, может быть, что-то придет еще завтра? Твой рассказ о детях доставил мне большую радость. <...>

В брошюре Колбенхегера, которую я тебе вчера послал, есть очень тонкая и важная для понимания «шалостей» Уты новелла «Маленькая Рега», а также беседа о добродетелях и о причинах того, почему мы сегодня часто так жестко и бессердечно судим о других людях, так что хорошо, что я отправил тебе эту книгу. <...>

Я пережил забавное воскресенье. В субботу в 10 ч вечера Вальтер вышел из квартиры фройляйн Хехт, с которой ужинал (он все еще с ней «на вы»! Для женитьбы она явно не годится), и уехал в Эльберфельд, чтобы со вчерашнего дня (понедельник) до четверга монтировать в Хамме установку [инженер-энергетик]. Он предупредил меня в четверг, что фрл Хехт очень хочет в воскресенье прокатиться на лодке — конечно, вместе со мной. Как договаривались, я приехал на Ваннзее, но дождливая погода не выпустила нас на воду, да и ветер был неподходящий для плавания под парусом. Что теперь предпринять? У меня были одолженные у Альбрехта Хана 2 марки — как раз стоимость проезда обратно в Малов. У фрл Хехт были пирожные (у меня тоже: твои потрясающие медовые пирожные, за которые я тебе так благодарен!), и она хотела выпить кофе на вокзале. Мне пришлось одолжить у нее 5 марок, которые потом нужно будет вернуть. После этого мы поехали в город, потому что я хотел послушать 6 сюит Баха для виолончели в исполнении Амадео Бальдовино (фрл Хехт не проявляет интереса к хорошей музыке, но пошла вместе со мной). Концерт оказался перенесен на 14 часов дня. Тогда мы пошли в кино на «Милый Августин». Миленький, но вовсе не выдающийся фильм. К сожалению, музыкальная передача (Венский филармонический оркестр) не превзошла его, — теперь я потерял свою старую авторучку и вынужден писать дальше простым карандашом. Если сможешь, купи где-нибудь авторучку — качественную, с острым, но не слишком, пером, монблановскую «Н», а не «М». После кино мы поехали домой к фрл Хехт, чтобы съесть паек, который я захватил с собой — колбасу, сыр и японского тунца (от старшего сына Эльбрехтца). Разговор вращался вокруг необязательных вещей — музыки, театра, актеров (особое увлечение фрл Хехт, причем и актрисы, и актеры), производства стекла [в Грюненплане есть стекольный завод] и т. д. От отношения Вальтера к женщинам вообще мы перешли к его отношениям с фрау Эльбрехтц в частности. Конечно же, она думала, что ему нужна женщина, которая в отношениях с ним про-

являла бы инициативу и стремление руководить. Но я полагаю, она все-таки заметила, что я чересчур устал от тесного общения с ней. Тем не менее мне понравилась та сдержанность, которую она проявляет в этих вещах. <...>

Мое богослужение, впрочем, еще не состоялось, так как суперинтендант в ту неделю, что я провел при штабе, назначил прежнему проповеднику (который уже всех достал своими полемическими высказываниями не по делу) нового помощника, и в пятницу, когда я позвонил, уже была утверждена его служба. Кстати, мне сейчас очень нравится старый табак из удобной дедушкиной трубки, положи мне, пожалуйста, еще пакет «Portorico» (белую упаковку) из моего шкафа, ладно?

Устроить наше общее воскресенье в Берлине не получится. Но у нас с тобой были такие прекрасные дни в мой последний отпуск, что эти 2 ½ дня не могут иметь такого уж особенного значения для нашей супружеской жизни. В любом случае тебе пришлось бы потратить столько усилий, что даже лучше, что ты поступила так. Ведь то, что лодочные прогулки без тебя становятся для меня все тяжелее, не совсем верно. Потому что они все равно никогда не будут такими, каким я воображал себе наше совместное путешествие в Финляндию. На Ваннзее толчется слишком много лодок, так что едва ли можно хотя бы поцеловаться без любопытных глаз. Нет, ты еще слишком мало думала о том, как нужны человеку простая жизнь друг с другом, разговор и общие взгляды, ветер, солнце и вода! Кроме того, если погода не будет благоприятствовать, нам придется слоняться по городу, меж чужих людей, как двум отставшим от части солдатам. Меня так радует, что ты с благодарностью носишь под сердцем дорогое маленькое «неизвестное» существо [6-й месяц беременности, 4-й ребенок].¹ Моя любимая, храбрая жена! Надеюсь, что вернусь к тебе, когда придет время. Ты не должна превратно истолковывать мою злость на отдалившую нас друг от друга разлуку. Каждый живет своей жизнью, и нити, которые при совместной жизни сплетаются многими словами и многими поступками в единую ткань, теперь стали только слабыми и редкими связями в неспешном обмене письмами. Ты воспитываешь наших детей, словно это только твои дети, и не можешь поступать иначе. Ты заботишься о крепости нашей семьи, насколько это в твоих силах, и пока не получаешь отклика. <...>

Дорогая, понимаешь теперь, как я жду того, чтобы мы снова могли вместе творить, заботиться и поддерживать друг друга советом. Все, что предстоит, лежит в руце Божьей. И не будем сейчас о том, быть может очень большом пути, которым теперь поведет меня война. Я очень рад тому, что целиком и полностью нужен также и на войне, и могу вступить за людей. Мое пребывание в Вольфенбют-

¹ Сын Петер.

теле было лишено смысла и необходимости. Я казался сам себе жалким типом, как будто я даже и не жил. Слава Богу, который дал мне другое, важное задание! Я в любом случае вернулся бы сюда, даже без этого определенного, ясного сообщения, потому что командир и без того приложил все старания, чтобы снова заполучить меня. Потому что я совсем не раздумывал о том, что опять подвергаю себя опасности, переводясь в действующую армию, да и что говорить теперь об опасности. Так что Хуго с полным правом написал мне: «Наконец-то мы снова при зенитках!» Да и как бы я выглядел перед своими товарищами по той и нынешней войнам!

Итак, предоставь нам в радостной вере участвовать в этой борьбе, потому что мы сражаемся не только с плотью и кровью (и с нашей собственной плотью и кровью), но и с духом тьмы. <...>

Поэтому даже хорошо, что я не обязан и дальше играть роль победоносного бывалого ландскнехта, уже выпавшую мне в Вольфенбюттеле. Я больше не рассматриваю свою солдатскую жизнь как возможность продемонстрировать окружающим свои достижения, но скорее как хорошую школу духа для того, кто до этого на своем месте так мало подвергался критике и потому так легко ускользал от искушения, потому что так мало знал об искушениях. <...>

М<арненфельде>, 11 июня 1941 г.

Вчера я имел счастье снова получить отпускное свидетельство в Берлин [в город]. В качестве причины я указал «концерт» и целый час выплачивал за это тяжкую плату в часовне Эозандера Шарлоттенбургского замка [органная музыка, среда 11 июня]. <...>

Музыкальные фразы вставали одна за другой и ширились, как мощные крылья, взмахам которых нельзя противиться. В этой музыке есть ясность и размах, буквально захватывающие человека, даже если он не вполне понимает себя и не может полностью последовать за этой музыкой. Хорал «Три ангела пели...» начался легкой, немного печальной мелодией, пока не вступили, плача и жалуясь, чудесные флейты; тихий диссонанс воззвал через пространство в огромной арке, чтобы смягчить плачущий, всхлипывающий и местами даже, как маленький ребенок, срывающийся на визг голос, какой я прежде никогда не слышал у органа. Он был почти безвкусен в своей тоске и временами напоминал мне шарманку на заднем дворе бедняка или звучал как банальная пародия Сатаны на людской плач, как злобное предчувствие их стенаний. Но потом он вновь становился таким подлинным, что мне казалось, я слышу тоску духов нижнего мира, который к великой печали всего мира остается частью его, утратившей теперь власть над миром. Демонические голоса стонали о падении своего господства. Печаль в музыке была такова, что в ней не осталось больше никакой надежды. Страдание без утешения — страдание

Сатаны и тех, кто в смерти Христовой оплакивает гибель бральной жизни. Но зазвучало воскресенье — после беспокойного рева сотрясающегося мира — кратко, но сияя, чтобы вселить свет в сердца слушателей. Мощь и проникновенность произведения для меня несомненна, но его рассудочная суровость не всегда доходила до меня; возможно, пьесы, которые часто казались мне атональной музыкой, мы или наши потомки позже будем слушать с особой благодарностью, но сейчас для меня они порой отталкивающи. <...>

До воскресенья [15 июня] мы еще будем здесь, и каждый день после обеда, с 5 ч (до 12 ч) я буду полностью свободен. <...>

На железной дороге, 16 июня 1941 г. [понедельник, направление на Кенигсберг, Тильзит]

Вот мы уже в пути. Судя по направлению, нас ожидают прекрасные впечатления. <...> Также нас ожидает разнообразие ландшафтов. Сейчас поезд опять начало раскачивать, так что ты получишь письмо с каракулями.— Я рад, что нашлась моя старая авторучка: один из товарищей нашел ее засунутой вместе с другой в карман шинели. Однако мне очень хотелось бы и новую ручку. <...>

К сожалению, до Вальтера мне больше не добраться. Вечером в пятницу я забегал к нему перед «Женитьбой Фигаро» в Немецкой опере. У меня было чудесное место в 14-м ряду партера за сравнительно небольшие деньги. <...>

Когда я потом ночью вернулся домой (перед этим я с одним из товарищей с 11 до 12 ч утешался бутылкой арвайльского позднего бургундского за 5,40 марки — по 2,70 марки на человека — в долг!), я услышал, что сразу после 6 часов меня хотел навестить Ханс Файерабанд. Я покинул местечко Мариенфельде как раз в то время, когда он пришел с нашей позиции к нам на квартиру. <...>

«Женитьба Фигаро» была потрясающей. Декорации очень праздничные и с большим вкусом, завораживающие костюмы (рококо) и действительно хорошие актеры. Жаль только, что я не знал текста и поэтому слишком напряженно следил за тем, чтобы понять происходящее. Поэтому многое из музыки Моцарта прошло мимо меня. Было несколько арий, которые своей чарующей нежностью пробуждали блаженство. И персонажи были так подлинно грациозны, что только совсем изредка в них ощущалась некоторая актерская самовлюбленность. Фигаро танцевал с темпераментом венского танцовщика, заражая своей жизнерадостностью, а чувствительные любовные грезы пажа отзывались в самых восприимчивых уголках сердца.

Спасибо тебе за прекрасную книжку Марка Клавдия. Она подарила мне целый день приятного чтения. И в томике Хильды Бёлер «Народ перед Богом» есть несколько столь добрых и христианских

стихотворений, что меня удивляет, как это они оказались под одной обложкой с такими стихами, которые ожидают от Бога только хлеба, поднятия собственного духа и укрепления своей силы, и даже с такими, в которых красота мира или биение жизни в крови или в суете <...> понимаются как откровение Божье. Но в стихах есть сильная готовность, даже большая потребность наших поэтов ощутить любящую и помогающую длань Божью. И они знают все, что мы — неумехи, смертные люди и что никто нам не должен предлагать тленное как вечную ценность. Они не хотят поддаваться обману быстрого успеха человеческих дел, значение которых переоценивается и которые объявляются «вечными». Но ведь многие из них вновь возвращаются к земле и пристраиваются в ряд своих предков, как будто тем самым обретут твердую почву под ногами.

Вчера, в воскресенье после обеда, я прожил прекрасные, наполненные смыслом часы с книгой и надеюсь, отвлекаясь от всех неотложных сиюминутных обязанностей и полезного (духовного) воспитания батареи, в которой каждого из своих старых товарищей мало-помалу узнаешь наиточнейшим образом, также все больше и больше обратиться к поиску источников доброго жизненного содержания. На прошлой неделе было много речей о любви, в которой каждый служит другим, и все в жизни должны быть связаны узами общности и мира. Они все в основе стремятся к этому, и у нас есть слово, которое служит миру. Если Бог будет милостив к нам, мы будем жить согласно ему и только этим самым можем послужить этому миру. <...>

Наш поезд следует через прекрасные пышные леса и яркие краски цветов, которыми заросли маленькие лужайки и болотца — уединенная, прекрасная старая облагороженная культурой немецкая земля [Восточная Пруссия]! <...>

В пути, 18 июня 1941 г. [недалеко от Тильзита]

Теперь мы снова в боевой готовности. <...>

Путь, по которому мы, по всей вероятности, должны отправиться, совсем другой, чем мы себе представляли. Но я, несмотря на все эти обстоятельства, очень рад. У меня еще не было ни минутки покоя. Кроме всего прочего, мое колено побаливает при каждом длительном стоянии и многих марш-бросках, но обстоятельства складываются так, что я вынужден с этим мириться, потому что сделать для меня исключение не получится. И если с нами что-то случится (кроме всего прочего, кажется, есть шансы, что нам придется столкнуться с наихудшим), я все же выполнил свой долг, и ты знаешь ведь так же хорошо, как и я: «Благословен полагающийся на Господа. Он подобен дереву, посаженному у воды и на ручье укореившемуся...»

Я беседовал вчера утром с двумя дамами, они рассказывали мне о родных, которые ждут спасения от нас и через нас и надеются на нас, «как на мессию». Услышав подобное, вновь испытываешь стремление к выпавшей нам войне. Мы не хотим противиться Господу, который привел нас сюда. Даже ужасная борьба народов друг с другом относится к его благой власти. Кто из нас не хотел бы определить, что из этого выйдет. <...>

Мы хотим только размышлять при этом: «Проклят полагающийся на людей, отступающий в сердце своем от Господа». Только его имя поддерживает правильную уверенность, что наше военное ремесло благо и приведет к благому окончанию. <...>

«Если ты обращен ко мне, то и я хочу обратиться к тебе, и ты должен оставаться исповедующим меня». И доверенное нам дело будет исполнено верно, если мы избежим раздоров, но нарисуем ясные границы <...> так что будем укрепляться в благочестии и не уступим ни пяди богохульникам и клеветущим на Бога. В этом отношении у меня хороший опыт. «Так как я вновь укрепил в вере этот народ, железную стену воздвиг [«избранную Германию»] <...> я обещал Тебе помочь, и я спасу тебя, говорит Господь <...> я избавлю тебя от рук тиранов». Так мы хотим радостно и с поднятой головой идти навстречу Господу и вновь служить. О нашей поездке я, к сожалению, ничего сообщить не могу. Многие прекрасные картины старинных готических сельских церквей, маленьких озер в лесной глуши с усыпанными цветами лужайками на их берегах, обширный похожий на крепость красный замок с изящными четырехгранными башнями по углам и рядом с ним — просторная, с высокими нефами готическая церковь с изящной башней, увенчанной куполом (расчлененный надвое шпиль с колонными проемами) — оставили во мне глубокое впечатление — и — хранящие царственное молчание в серьезном величии высокие леса!

В дороге, 21 июня 1941 г. [окрестности Тильзита, перед наступлением на Литву, за день до нападения Гитлера на Советскую Россию]

После восхитительной прогулки вчера вечером должен быстренько тебе написать. Я очень полюбил широкие луга, в которых мы валяемся, прямо как в первые дни. <...>

В эти дни мы были заняты в сосновом бору за городом (чудесная закаляющая работа с топором и колуном в залитом жарким солнцем подлеске из молодых сосен и берез, с обнаженным торсом, который, правда, приходилось постоянно защищать от комаров) <...>

Мой путь привел в низину, которую большая река [Мемель] затапливает каждую весну, разливаясь на много километров. Я видел мощную квадратную <...> крепость <...> 12 века, у которой нет

иных украшений, кроме стрельчатых окон, нынче уже частично переделанных в квадратные. Но ее пропорции так выверены, что она производит совсем иное впечатление, чем нынешняя казарма, хотя выстроена точно так же функционально и экономно. У реки путь шел через поросшие камышом и ивняком илистые наносы, их я преодолел с усилием, которое приходится делать при беге по песку, и быстро покинул это место. Небольшой паром направлялся к противоположному лесистому берегу реки и возвращался обратно под широким белым парусом. На крутом лесном берегу с той стороны в темной зелени пристроилась деревенька с крохотными крестьянскими домиками, затерянная в непроходимой глуши. Отдельные усадьбы прячутся между старыми каштанами, березами, соснами и тополями за защитным валом или спасаются от воды на маленькой возвышенности. Но крестьянин, которого я встретил рыбаками на речной старице, рассказал мне, что вода в его доме уже, бывало, поднималась до высоты колена. Ни одного нормального пути не связывает их с внешним миром, только редкие колеи затерялись где-то в лугах. Вечернее солнце позолотило соломенную крышу и выветренные кирпичные стены его соседа и, пока я искал верное направление среди запутанных луговых тропинок, переместилось через широкую воду и разрозненные дворы, окруженные живой изгородью, и зашло. Крестьянин сквозь кувшинки протолкнул свой челнок через промоину, чтобы поставить сеть на линей, и соловьи взяли несколько меланхолических нот ночной песни. Громкое воркование раздалось там и сям в тишине — я не смог определить, что за животное кричит так печально. Я думаю, что это особый крупный вид саранчи. Чибисы облетали вокруг моей головы с возбужденными криками, так что я несколько раз почти ожидал, что они хотят заклевать своими острыми клювами чужака — нарушителя спокойствия. Красивые серые птицы с лимонно-желтой грудкой садились передо мной на луг, когда я вспугивал их из дорожных колеи, и разглядывали меня со стрекотанием, напоминающим щебетание жаворонков. Здесь царило доверие между человеком и животными, которое так редко встречается у нас на родине. Скот на лугу, коровы и лошадь доверчиво подходили к чужому путнику, чтобы дать заговорить с собой, а жеребец стоял неподвижно, пока я шел рядом с ним по луговой тропинке. Очень широкое древнее речное ложе простиралось передо мной до самого горизонта. На его берегу рыбаки выбирали сети. Вдалеке на фоне прозрачного серебристого вечернего неба высился черный острый силуэт города с церковной башней. Мощный рокот моторов разбивал тонкий воздух и настойчиво напоминал о цели нашего пребывания здесь. — Когда я вернулся, я был так рад дать покой моему хромому колену. Но на гладком полу оно больше почти не доставляло мне неприятностей.

«Вы же свидетели сему. И Я пошлю обетование Отца Моего на вас; вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше». Иисус сказал нам в сегодняшнем чтении (Лк. 24: 44–49), что через него должно придти страдание — оно не пощадит и нас. Но он должен восстать из мертвых, чтобы всех, кто предан смерти, освободить из ее когтей. <...>

Поэтому Бог — наша уверенность и сила, добрая уверенность в любой нужде, которая случится с нами. Кроме того, те люди, которые что-то знают о политическом положении, ожидают, что не произойдет крупных событий, в которые мы можем оказаться впутаны.— Не могла бы ты, пожалуйста, прислать мне табаку, а также <...> хорошую книгу: Вихерта или «Великого тирана»! Надеюсь, что трое малышей больше не будут ссориться из-за гармоник!

В пути, 22 июня 1941 г.

Теперь у тебя будет ясное представление, куда и в каком направлении мы странствуем. Вчера вечером я узнал о том, что нам предстоит, и это было впечатляющее переживание; как все развернулось, и уютные пивные посиделки оказались у самого края первой схватки. В последние дни мы нередко ездим в город,¹ и меня поразило, с какой жизнерадостностью и женским кокетством чистые девушки целыми днями охотно блуждают по улицам прежде столь отдаленного сельского городишки, позволяя окликать и поддразнивать себя заполонившей все улицы солдатне. В последние полгода, благодаря общению с ландскнехтами, они совсем впали в русло какой-то беспутной жизни. Это, в сущности, очень печально, если задуматься об их определенном такой переменой будущем. Первоначальная, естественная чистота их существования выбита из нормальной колеи и расточается здесь со всем человеколюбием и гостеприимством на проезжий люд <...> И вчера, когда мы предчувствовали, что скоро уже заговорят орудия, они наслаждались раздающимися со всех сторон озорными ухажерско-вождеденными голосами — у самого края ужаса, который в любой час мог разразиться из-за возможного вторжения врага.² «C'est la guerrre!»³ — Вчера вечером мы снова нацедили из бочки немалую толику Pilsener Urquell,⁴ и я тоже изрядно приложился. Между тем меня так плотно накормили в вагоне, что я только после 8-ми часов сумел с новыми силами подсесть к кофейному столику,

¹ Часть, в которой служил Вике, располагалась около Тильзита.

² Свидетельство о вере простых солдат в утверждения немецкой пропаганды о предполагаемом «нарушении границы русскими, наступлении Красной армии»; предлог для гитлеровской «превентивной войны».

³ Это война (фр.)

⁴ Сорт пива.

на котором были разложены выпеченные девушками из окрестных маленьких селений сахарные печенья и пряники. Худенькая молодая девушка, которая однажды уже встречалась мне в пути несколько дней назад и понравилась мне своим ясным, чистым взглядом, принесла кофе, и я немного поболтал с ней. В течение вечера она садилась в «пестром ряду» (5 девушек на примерно 40 солдат) поближе ко мне, так что я смог найти случай и перекинуться с ней несколькими словами. Она так радостно сверкала потом своими светлыми глазами, что мой сосед по столику сказал: «Она положила на тебя глаз!» Я возразил: «А я на нее!» — и он просто выпал. Позже, когда для танцев под гармошку Хофманна (к сожалению, я не мог в них участвовать из-за грубого зольного пола постоянного двора) ряды скамеек были сдвинуты, и я еще около часа сидел рядом с ней. Она оживленно рассказывала о своем шефстве над одним классом местной школы во время обязательной летней практики (это коммерческая деятельность, «к сожалению»), а когда она, к своему удивлению, услышала, что я был пастором, мы в кругу сидевших поблизости 8–10 товарищей обратились к старой теме «пастор и политика, вера или неверие». Она хорошо поняла мое беспокойство относительно воспитываемой в гитлерюгенде надменности, о так широко распространенной ныне беспечной жизни одним днем и т. д. Без двадцати двенадцать она ушла с подружкой домой, ее твердое, крепкое рукопожатие было прекрасным знаком установившегося между нами скромного товарищества, столь отличного от повсеместно практикуемых ныне подчеркнута чувственных отношений солдат к девушкам. Ее чистый вид был тотчас замечен и всеми товарищами — у чистых девушек красота словно броня, она влечет, не вызывая желания злоупотребить их женственностью! Таких людей как раз нет среди вояк, которые пока еще весьма далеки от чувства, что между мужчиной и женщиной возможны свободные, честные и сдержанные взаимоотношения. Хотя, естественно, были товарищи (и не из худших!), которые сегодня утром удивленно сказали: «По-моему, тебе следовало проводить ее до дому». И если бы я прошелся с ней немного, я автоматически попал бы под подозрение, что «взял» ее. Так вояка без всяких сомнений берет все, что попадает ему в руки.

Едва я около 12 часов улегся в палатке, как началась наша служба в условиях военного времени; по улицам непрерывно покатила самая тяжелая техника. Тремя часами позднее я проснулся от раздающегося в непосредственной близости дикого грохота тяжелейших орудий. Светало, и птицы в парке пели беззаботную многоголосую чудо-песню, приветствуя солнечный воскресный день. Вскоре появились первые вражеские летчики и сбросили на городок бомбы, посеяв сильное беспокойство среди еще столь безмятежного в предшеству-

ющие дни населения.¹ Но нападению противника уже через несколько часов, как говорят, был дан столь же мощный отпор. Грандиозно было вновь наблюдать нашу пальбу. Впрочем, все это мало обеспокоило птиц, хотя, возможно, некоторые в этой дикой охоте были подстрелены. Теперь мы снова в эпицентре больших событий, и, Господи, направь нас по своей милостивой воле на верный путь. Мы только начали свою службу и хотим нести ее со всей свойственной нашим людям энергией. Сейчас опять стоит прекраснейшее мирное воскресенье, и скоро снова забудется все, что здесь в действительности разыгралось. Но едва ли у меня сейчас найдется свободное время для тихого библейского чтения. В то время как вы ожидаете «сбора» к церковной службе, я стираю у колонки кое-какие вещички, потому что никому не известно, когда и где еще представится к этому возможность.

Только что получил твое милое письмо от 14. 6., и сердечно благодарю тебя за радость, которую ты мне этим доставила. <...>

С дороги [еще окрестности Мемеля / Тильзит], 24 июня 1941 г.

Ожидание отъезда — отъезда из этой прекрасной богатой страны, от ее таких дружелюбных людей, от обеих непорочных девушек, которые скрасили мне этот вечер немногими нежными словами и своими ясными глазами, отъезда с родины. Завтра мы уже будем в великом путешествии. Мы не знаем, как и каким маршрутом вернемся домой, но мы идем, исполненные надежд, за тем, кто ведет нас [Бог или фюрер?]. Не дай нам устать, удерживая общность в молитве. Я думаю, это ты помогла мне вечером после 10 часов сложить руки <для молитвы>, возблагодарить Господа и предать всего себя Его любви. Я благодарен тебе за всю твою верность и за твое сильное, исполненное любви присутствие в моей жизни. Дай нам, Боже, вскоре увидиться вновь и дай нам и нашим детям, нашей общине и нашему народу скорого доброго мира.

Вчера после обеда я пережил чудесное время. Я должен был доставить аккумулятор на расположенную в полчасе отсюда огневую позицию и провернул это дело, сделав по дороге крюк: я прошел через начало города на реке Мемель <нем. название Немана> и уселся на плоту на реке. Передо мной пенился волнуемый ветром Мемель, на горизонте обрисовывался темный силуэт города с изящными башенками, мосты широко изгибались над рекой, и молоденький восточ-

¹ С Шауляйского аэродрома успели подняться в воздух три девятки самолетов на боевое задание по бомбардировке войск противника в районе Тильзита и ст. Киллен. Самолеты вылетели без поддержки истребителей, и десять из них были сбиты (см.: Трагедия 1941 г. Причины катастрофы / Редактор-составитель Г. Пернавский. М.: Яуза, Эксмо, 2008.).

но-прусский парнишка карабкался из воды ко мне на бревна, чтобы снова и снова нырять вниз головой в коричневые волны. Я шел вдоль темных деревянных домиков на речном берегу, пока не встретил молоденькую девушку в льняном синем платье, которая вела свою лодку вдоль берега. Когда она опрокинулась и при этом намочила в воде подол, я напросился к ней в лодку погрести «вторым». Она охотно приняла предложение, и мы безопасно перевели ее лодочку в гавань, т. е. до рыболовной баржи, на которой лодка хранится с тех пор, как места стоянки в гавани повреждены бомбами [русская бомбардировка?]. Мы вскарабкались на большую баржу, а оттуда я слез в плещущие волны. В конце концов, мы уместились на корме баржи и болтали о тополях Южной Франции и о старых серебристых тополях на кладбище большого имения, откуда родом ее матушка, о скитаниях солдат и т. д. Это было новое, хотя и не особенно заманчивое, дело — смотреть в неведомую даль. Ее естественная самостоятельность пришлась мне по вкусу. Потом путь вел по берегу, вверх по течению, даровав мне еще один чудесный отрезок до леска, за которым стоят наши орудия. Крайне возбужденный водой, ветром и солнцем, я вернулся в часть. Сегодня, набирая в имении воду, я встретил светловолосую девушку с пивной вечеринки с ее подругой, которая живет здесь. Мы немного прошли вместе, пока я не должен был возвратиться на службу. Говорили друг с другом только о неважном, но сам любезный способ нашей прогулки был таким замечательным противовесом против материального, обезличенного функционирования солдат в своей среде. Завтра, наверное, уже можно будет помахать ей на прощание, проезжая мимо, — и светлый солнечный луч на нашем пути останется за спиной.

Немногими словами обращай к нашему Богу, но бойся Бога и не позволяй твоим мечтаниям господствовать в твоих помыслах — будь чист и тверд в исполнении [обетов], чтобы плоть твоя не могла помыкать тобой. <...>

С дороги в Литве [Тауроогген <ныне г. Таураге в Литве>], 27 июня 1941 г.

Мы совершили изрядный дневной переход и далеко продвинулись по упорно оборонявшейся русскими литовской земле. Мы многое видели, и как раз сейчас я вполуха слушаю беседу с местными жителями, которые просвещают нас о русском коллективном хозяйстве, насильственной коллективизации и т. д. В высшей степени интересно сравнивать мероприятия их правительства с нашими условиями. Собственность в России, кажется, фактически отменена, но обязательные поставки и т. п. регулируются подобно тому, как у нас при военизированной экономике. Только здесь это принцип, а у нас регулирование от необходимости (система пунктов и т. д.).

Также товарищей увлекла легкость расторжения брака (за 50 рублей, это около 5 марок, можно постоянно разводиться со своей женой, а за 1–3 рубля брать новую). Характер местности здесь в основном напоминает юг Финляндии. Все дома из дерева, крыты дранкой, маленькие, но, в противоположность Финляндии, неухоженные. Люди позволяют своим полям зарастать сорняками, сидят целыми днями вокруг и ничего не делают. Мы живем сейчас на маленьком хуторке, принадлежащем еврею. Люди влачат жалкое существование, но, как кажется, не предпринимают никаких усилий, чтобы его улучшить. Ну да об этом позднее устно.

Позавчера вечером [25 июня, еще под Клайпедой] мы проехали через бесконечные мемельские луга до большого моста, удаленного от Куршского залива [рядом с Хайдекруг]. Наша машина остановилась на дворе судебного исполнителя. Ночью я отошел от машины поискать лучшего обзора и заблудился, долго бродил по сырому лугу, пока наконец не встретил кого-то, кто знал, где стоит наша машина. После трехчасового дежурства у радиостанции я улеся в 3 часа в комнате, из которой открывался дивный вид на реку, тихо струящуюся под серебристо-серым утренним небом. Когда я в 10 часов снова зашел в машину, в вазе на столе стоял букет из жасмина с одним белым пионом, который передала нам хозяйка дома! Когда я после этого фотографировал прелестный соседский двор, я разговорился с крестьянкой, которую тоже щелкнул. Она была так сердечна, приглашала нас всей толпой вечером на молоко и изо всех сил старалась нас накормить. Когда я сказал ей, что уже через два часа нас снова и след простынет, она очень огорчилась и очень хотела знать, скоро ли мы вернемся с победой по домам. Я обещал написать ей письмо и прислать снимок ее двора и ее самой. Мы говорили о вере. Она думала, что тот, кто молится и верует в Бога, непременно вернется домой невредимым. На мой ответ «Да свершится воля Твоя» она сразу же спросила: «Я должна спросить, не духовное ли Вы лицо». Как сияла она при нашем разговоре! Как я был благодарен за ту сердечность, с которой принимали нас эти восточные пруссаки. Когда мы вскоре после остановились в городке перед ресторанчиком и спросили пива, девушки из «отеля» вновь и вновь прибежали с полными бокалами. «Сколько стоит?» — «Ничего!» Этого с нами еще никогда не случилось. Только представь себе, Конрад Ланге [очевидно, деревенский погребок в Грюнненплане] раздал бы солдатам больше 100 кружек пива бесплатно!

И купание в Мемеле, в 100 метрах от «нашего» дома после подъема было прекрасно! Чаще всего мы привольно чувствовали себя в «ольховом уголке» с его кустами и пышно разросшимися ивами и рады были бы подольше остаться в этой прекрасной стране. Даже когда вчера речь зашла о врагах, мы и этим были довольны. Вид меж ивовых ветвей на зеленую долину, чудесный хутор с крытыми со-

ломой домиками, стоящими прямоугольником вокруг двора, и обсаженный старыми деревьями, широкий, врезающийся многочисленными бухтами в прибрежные луга рукав Мемеля с группой плоских темно-серых крытых гонтом домиков в пышной зелени берега, и обшитой деревом большой ветряной мельницей над поблескивающей в бледном свете водой, — все это оформилось в прекрасное прощальное воспоминание о гостеприимной, милой стране. Я хотел бы вскоре вместе с вами еще раз съездить на хорошие каникулы в Пляйсс или Первелк, или как там зовутся эти маленькие местечки на Куршской косе поблизости от Нидденса (здесь так немного людей). Но не хотите ли вы в этом году попробовать съездить туда одни, провести несколько прелестных недель в тишине? Тебе нужно только найти названия местечек в атласе или на географической карте Воллерманна и справиться в приходской управе об именах людей, сдающих комнаты. Я убежден, что в это время из-за опасности воздушных налетов — по моему мнению, уже ликвидированной — там не должно быть много отдыхающих. А как там прекрасно!

Мы снова проезжали через Тильзит, и это была чудесная поездка по окрестностям Мемеля. Далеко-далеко синели леса, перед которыми в пространной низине колышутся травы, тучные коровы вольготно возлежат на солнышке, и красные черепичные крыши разбросанных там и сям хуторов окружены таким миром и дружелюбием, что невозможно представить себе, что всего 4 дня назад здесь были бои. Однако проволочные заграждения поперек полей, маскировочные полотнища на улицах, оставленные позиции тяжелой артиллерии и узкие пехотные траншеи все же достаточно напоминают об этом. Первые могилы павших русских и кресты с немецким стальным шлемом у дороги наводят на серьезные размышления, а рядом с таможней на литовской границе на нас уставились около 20 русских пленных с ужасными серыми, у некоторых отчетливо азиатскими лицами.¹ Жалкие здешние дворы почти все получили по меньшей мере по одному хорошему попаданию, разрушившему крышу и часть дома. Но еще чаще дома были просто сровнены с поверхностью земли, только печная труба одиноко торчала среди развалин, и курилось пепелище. Некоторые дворы обратились в пепел, видимо, в них русские вели оборону; один крупный городок сожжен почти дотла [Тауроген]. Он предоставил русским хорошую возможность обороняться благодаря обращенному на запад крутому берегу речки [Юра]. От каменных домов остались только стены, но целая часть города, застроенная в основном деревянными домами, была уничтожена буквально до каминов и печных труб. Железный мост переломлен пополам взрывом. Однако наши саперы уже построили два добротных деревянных моста, через которые можно двигаться вперед. Длинные

¹ Ср. с замечанием в дневнике Гальдера от 28 июня.

транспортные колонны окутали нас, двигаясь во встречных направлениях, плотными клубами белой пыли. Взвихрившиеся над жалкой щебеночной дорогой клубы пыли, как огромный шлейф дыма, ложились на раскаленные солнцем леса и бедные поля. В кюветах лежали тяжелые русские тракторы с разбитыми тяжелыми орудиями сзади, разбитые танки и груженный большим количеством пулеметов русский грузовик. То здесь, то там виднелись на дорогах распухший труп лошади, роющиеся на пепелищах своих домов крестьяне, тянущие телеги мужчины и женщины, чаще всего без багажа. Но на дворе бедного еврея, где мы остановились, едва ли можно заметить, что идет война. Только когда сегодня утром один солдат из отделения, расквартированного на соседнем дворе, угрожая автоматом и под ложными утверждениями забрал у крестьянина кур, наш старшина тотчас устроил ему разнос, и его спасло от военного трибунала только вмешательство его лейтенанта. Слава Богу, в этом отношении в Вермахте четкий порядок, который не дает немногим бандитам вести свой промысел. <...>

Удобно устроившись за еврейским столом, наши с некоторых пор вовсю ругающие евреев товарищи играют в скат, а Ханс Хофманн чистит картошку для жаркого вместе с молоденькой хорошенькой еврейской девушкой. 60 яиц, за которые честно уплачено 5 марок, ждут в прелестном медном котелке пока их поджарят. Мы еще далеко за линией фронта, поэтому гул орудий едва слышен. Дым от лесного пожара поблизости представляет слабую отраду для глаз, и только что Г. Х. Ульрих (которого, кстати, на батарее терпеть не могут из-за его хвастливого гримасничанья) с несколькими другими <солдатами> умчался ловить 10 спавших в кустах русских. — Между тем настало утро — уже снова суббота [28 июня], — и у меня уже снова появились разнообразные переживания. Ульрих и компания схватили только одного из 10 русских. Отбившиеся от своих частей солдаты попали в окружение в лесах, а вечером они пошли в дома, хозяева которых (литовцы) выгнали их на ночь из-за страха перед захватчиками. Один из них в гражданской одежде, вооруженный винтовкой и пистолетом, полностью зарылся в солому в доме, который указала прибежавшая к нам женщина, в то время как остальные 9 ускользнули. Это происшествие в любом случае показало, что и здесь, так далеко в тылу, нельзя терять бдительности.

Вчера мы купили 60 яиц за 5 марок. Из них для начала каждому досталось по 5 штук на ужин. А благодаря тому, что теперь мы снова ежедневно получаем вместо 40 по 70 грамм сливочного масла, внезапно возник избыток масла, который нужно быстро ликвидировать из-за сильной жары. Мы поджарили себе по полной сковородке картошки, плававшей в масле (так что готовая она напоминала скорее картофель фри, несмотря на то, что добрая порция расплавленного масла еще оставалась на сковороде, в ней мы зажарили еще и глазу-

ню из 5 яиц!), и наконец-то исполнилась преследовавшая нас всю долгую зиму мечта «как следует наесться», как выражался страховой служащий Тхара. Однако это не помешало мне сегодня в 5 утра (с 4-х я уже снова дежурю у рации) снова разбить два яйца на сковороду. Так что можешь не волноваться: у нас все хорошо! А прежде чем сесть писать письмо, я начал сегодня учить русский алфавит с помощью «касс букв».

Сегодня — 28 июня — читают св. Иоанна (21 и 22) о величии Града Божия: Не нужно ему для сияния ни солнца, ни луны, ибо светильник его — Агнец. И язычники обращаются в его свете, и короли скрывают в нем свое величие, и ворота Града не закрываются на ночь, потому что нет ночи в его стенах.¹ <...>

Теперь хочу еще кое-что рассказать дополнительно о нашем хозяине квартиры: он получил в возмещение убытков за 5 куриц 2 марки и заявил нам, что полностью удовлетворен такой платой. Вчера вечером он позволил нам жарить яичницу на его плите (картошку мы жарили на собственном примусе), любезно снабдил нас два раза двумя с половиной литрами молока и дал много картошки, любезно давал нам больше, чем мы хотели, предоставил нам стол, стулья к нему и т. д. И когда ночью в 11:15 один обычно очень славный товарищ из автозвода, пьяный, с карабином и в каске, без поясного ремня, ввалился «как квартирьер», чтобы «проинспектировать нашего Ицика и слегка здесь прибрать», мы только с трудом смогли отослать его домой, напомнив об истории с курами. С ружьем в руке он встал у открытого окна хибары, где все они спали на лавках и т. п. и засунул туда голову (занавесок у них нет). К счастью, в это время вошел лейтенант и по-дружески увел его. Он счел, что легкомысленно спать в открытом сарае у еврея, как будто тот мог нам что-нибудь сделать! Печальный результат пропаганды!

С дороги [под Таурогеном], 29 июня 1941 г.

В эту ночь наконец-то добрались до меня отправленные тобой 12. 6 пакетик миндального печенья и карточка. Спасибо тебе за это. Надеюсь также получить и «Великого тирана». Посылаю тебе еще несколько фотографий (как жаль, что камеру не удастся везти дальше!). Пожалуйста, обрати внимание на номера, которые ты должна сохранить для нас. Это будет слишком большая работа, позднее сравнивать негативы с имеющимися отпечатками и выискивать недостающее, и, кроме того, это не определится само собой, как мы смогли заметить по моим фотоснимкам, сделанным в июле 1940 г. и частично прошлой зимой. То, что ты получала так мало почты из Берлина, происходило потому, что в бараке я не мог сконцентрироваться на письме и пы-

¹ Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис).

тался провести свободное время как можно дальше от места службы. Теперь мы снова ведем свою собственную приятную жизнь, и во время дежурства у рации у меня больше покоя и времени, чтобы писать письма. Мой почерк так же небрежен, потому что я снова вынужден сидеть по 4–8 часов и немного устаю. Сейчас я хочу умыться и снова разбить на сковородку два яйца, так как уже половина седьмого. Наш ежедневный рацион колеблется сейчас от 7 до 11 яиц на человека каждый день, мы покупаем их по 5 пфеннигов за штуку, при том что здесь принята цена 25 копеек (2 ½ пфеннига!), поэтому яйца нам доставляют сотнями и продают их постоянно голодным товарищам. Масла мы также получаем изрядное количество, фунт за 0,30 марки (тридцать пфеннигов!!), очень свежее, и золотисто-желтый картофель для жарки, и много молока бесплатно — чего еще желать? Как видишь, у нас все хорошо. Однако у еврея по уши хлопот и страхов. Евреев отправляют отсюда на работу в Польшу [на фабрики боеприпасов в окрестностях Освенцима], где им найдут целесообразное применение [описывается здесь с солнечным, наивным ощущением]. Но как же семьи?

Скажи [возвращаясь к банальному распорядку дня], разве твоя матушка виновата, что ты не можешь поехать в Вильдунген [на лечение]? Насколько я знаю, заявка пришла слишком поздно — я ведь советовал, по собственному опыту, оставить заказ по телефону в начале июня! Однако вы еще можете совершить прекрасное путешествие куда-нибудь в тихий пансион. Не хочешь попробовать съездить в Рибниц к фрау Бюнте? Даже если Балтийское море окажется «закрыто», туда в любое время можно будет добраться на поезде!

Вот уже подъезжает кухонная развозка, которая забирает почту, поэтому быстро заканчиваю — теперь ты получишь почту всего 24 часа спустя!

2 июля 1941 г., половина второго утра. С дороги [граница Литвы и Латвии; дорога из Тауроггена в Якобштадт]

Хотя я действительно устал после долгой дороги, но раз уж я должен до трех часов сидеть здесь в машине, хочу коротко написать тебе о нашей поездке, насколько позволят мне воспоминания. Но нет, у меня все сильнее слипаются глаза. Так что, пожалуй, воздержусь от этого. Только что снова был воздушный бой между нашими истребителями и русским бомбардировщиком. Парень сбросил свои бомбы, так что даже воздух здесь задрожал. Но поймать его, кажется, не смогли.

- Продолжение. -

Мы остановились лагерем в маленьком городке на небольшой улочке, которая сильно напомнила мне финские улицы в Каролине (провинция Йервенпяя): одноэтажные деревянные домики один под-

ле другого, все, в отличие от «необработанных» срубных домов за городом, обшиты вертикально поставленными досками и выкрашены в зеленый или коричневый цвета. Витрины магазинов были закрыты, а на двери наклеены маленькие плакатики: «Грабежи запрещены. Наказание — смертная казнь». Оконные стекла в основном выбиты, а на стенах разнообразные следы от огня из карабинов. Внезапно над городом появились три спокойно летящих русских бомбардировщика. Зенитная батарея разразилась стрельбой, и далее один из них со вспыхнувшим мотором медленно полетел в сторону русских позиций. Но оба других оказались довольно дерзкими, еще раз вернулись, сделав крюк, и несмотря на яростную стрельбу трассирующими пулями, а также рвущиеся в непосредственной близости гранаты, один из них сбросил большую часть своих бомб, около 10 штук. Однако их взрывы потонули в неистовстве орудий. После этого взлетели три наших истребителя. Но, к сожалению, вскоре спектакль скрылся из наших глаз. Вскоре, уже будучи в дороге, мы смогли наблюдать издали воздушный бой: истребитель атаковал бомбардировщик сзади, пронесся рядом с ним по дуге, но получил попадание из русской зенитки, еще раз устремился на русского тяжеловеса, а потом вместе со многими другими истребителями остался барражировать над городом, в то время как бомбардировщик, теряя высоту, устремился в сторону своей родины. Как это радует солдатское сердце!

Но возвращаясь к дорожным впечатлениям. Непрестанно капающий на крышу нашего фургона дождь поет свою монотонную песню, передо мной стоят красивые горичьветы, которые заполнили здесь прекрасным ковром целые поляны. Перед окном между гранитными булыжниками цветет вереск, который тоже во многих местах образует низкий плотный фиолетовый ковер на лесной или луговой почве. Молодые луковки вместе с четырьмя яйцами ожидают своей очереди попасть в яичницу. Сосновые и березовые рощицы надежно окружают нашу машину и ежедневно служат прекрасным укрытием. Когда нам бывает слишком тесно в фургоне, мы находим пристанище в сарае того хутора, на «дворе» которого ставим машину. Но сейчас все спят в палатке, кроме еще одного товарища, который пишет рядом со мной. Теперь время кофе. Жаль, кофе здесь нет!

[Жирная клякса на плохого качества писчей бумаге]: След избытка масла у нас!

У двора нет никакого ограждения, так как земля здесь не очень высоко ценится. Довольно вместительный деревянный дом, двускатную крышу которого вчера вечером, за три часа до нашего появления, пробил бомба, разрушен; несколько небольших деревьев, неровным рядом высаженных вокруг лужайки; лесок поблизости — вот наше ближайшее окружение. Что еще важно: У нас здесь необычайно глубокий колодец с хорошей чистой водой. Великолепная тишина спящего автопарка кажется мне воскресной, и я между делом читаю се-

годняшнее место из Евангелия: О блудном сыне. Он ушел со всем, что у него было, чтобы насладиться жизнью. Однако вместо этого испытал голод. Смысл оказался перевернут, он потерял все, что имел. <...>

К сожалению, я не смог позавчера, 30 июня, до обеда, влезть на тягач, на котором ехали орудийные расчеты, потому что меня заметил шеф, когда я дожидался тягача, сидя в кювете. Так что я вынужден снова копошиться в нашем замкнутом фургоне и выглядывать из окна, как будто из железнодорожного вагона 4-го класса. Вид на волнистую речную долину [Западную Двину], обрамленную холмами, останется для меня прекрасным воспоминанием. Темно-зеленые луга между небольшими группами деревьев, кустами и перелесками похожи на луга в баварских или каринтийских предгорьях Альп. Бревенчатые дома великолепно смотрятся в дружелюбном ландшафте. Потом дорога долго идет через просторные поля и луга, окаймленные вдали лесами, а за ними возвращается в город, где мы уже побывали несколько дней назад. Часть города полностью выгорела. Я наскоро сфотографировал это еще несколько раз. Местность временами напоминает Финляндию: лесные поляны с серыми домишками, болота с раскиданными по ним редкими березками, пруд в густых зарослях, множество аистов на крышах домов и высокие голые деревья, и постоянно широкий обзор через всю зеленую местность. Города были по большей части почти или вовсе не эвакуированы, желто-зелено-красные знамена развеваются на многих домах, и многие люди, особенно старики, снимают шапки, если мы проезжаем мимо. Перед одним крупным городом мы остановились вечером в пол-одиннадцатого, чтобы на следующее утро подняться от столов и со скамеек фургона в полтретьего, а в полчетвертого уже ехать дальше.

Продолженне от 3 июля 1941 г., 8 ч утра

Удивительной оказалась поездка через болото, которое мне сильно напомнило Чертово болото под Бременом [примечание: зенитное подразделение уже странствовало годом раньше по похожей северо-германской местности, так сказать, в качестве подготовки и предвосхищая ту местность, которая ожидалась теперь и здесь; Гитлер и его генералы, однако, навязывали обществу в 1941 г. версию о «превентивной» войне]. В этих клубах тумана прячутся здесь и там над черными торфяными рвами домишки, окруженные поникшими березами и редкими соснами. Чувствующаяся здесь лесная уединенность, на дорогах, которые угадываются по прогалинам в болотной осоке, коровяке, трясине и кустах, заставила мое сердце откликнуться сентиментальными размышлениями. Солнце вышло из дымки в великолепном сиянии. Лес, через который мы ехали по сумасшедшим песчаным дорогам всю первую половину дня, был густым и уютным. Накануне в этих лесах б человек из проезжавшей колонны мотоцикли-

клистов застрелили одного русского, оставшего от своей части. Но мы никого не встретили. В этом уединенном месте внезапно показалось несколько дворов, лежащие меж скудных полей, и снова потянулись сосны, березы и ели. Рядом с одним таким двором лежали две кучи куриных перьев и груды яичной скорлупы — тут устраивали привал наши пехотинцы, ехавшие на велосипедах. У них получилась трудная поездка по песку, там, где наряду с нами прошли еще и длинные колонны артиллерии на конных упряжках. Когда лес закончился, мы в течение часов наблюдали плоское поле, которое вдалеке было ограничено другим лесом. Точнее говоря, я спал, улегшись на столе и видел только, что ничего нового увидеть нельзя. Внезапно Вальтер Хартв позвал меня, и я увидел скопление людей в праздничной черной или темной одежде. Женщины в больших белых головных платках на большой поросшей травой лужайке, обнесенной стенкой из валунов, рядом с величественной белой церковью, собрались вокруг двух пасторов в черных ризах с белыми накидками. Церкви в этих городах все одинаковы: две короткие башни слева и справа от главного портала с луковичными куполами, посередине нефа луковичный купол — башенка на коньке крыши, и слева и справа от алтаря еще по две меньшие башни той же формы.

Сейчас передо мной открылась прекраснейшая картина: деревянная церковь посреди елок и берез на болоте. Скромная, серая, задумчивая посреди болот. Мы чаще видели подобные сельские церкви посреди полей, а в прошлое воскресенье [29 июня; 7 дней спустя после немецкого нападения] вновь должно было после годичного перерыва совершиться богослужение в Несте, где наш штаб расположился в школе, и эту службу посетило множество людей.

Один раз мы снова остановились на болоте. Несколько стройных берез возвышались над красно-зеленым ковром трав, лесная уединенность. <...> Девственная природа — это самое прекрасное, что я могу найти в сельской местности. Когда я на второй день нашего пути несколько часов ехал вдоль берега реки размером примерно с Окер, на меня произвело особенное впечатление отсутствие благоустроенного берега, только изредка какой-нибудь кирпичный дом, и постоянно дикie склоны и крутые повороты коричневой реки. Участки с быстрым течением сменялись болотистыми бухточками, в которых свободно плавающие бревна сбивались в плотный затор плотины. И вдруг в одном уголке на берегу обнаружилось гостеприимное местечко, где мы решили сделать привал и пообедать. Мы въехали в усадьбу, а там уже кричали: «Густав, тащи-ка жестянку с маслом, ты знаешь какую». Конечно, прибежали многие и принесли где-то по килограмму масла прямо в руках. Цена: 0,70 марки! Мы могли купить, сколько захотим, и прихватили с собой 3 кг. Так как люди на здешнем молочном дворе не смогли разменять <денег>, мы заплатили по 1 марке за килограмм. Потом мы получили густые сливки для кофе, сколько хотели, в по-

ходные котелки и фляжки. Цена? Ничего! То, что мы не могли сразу выпить из котелков, мы забрали в двух походных флягах. Хотя теперь сливки прокисли и свернулись, их все равно очень вкусно добавлять в еду, в яичницу и т. п. <...>

Теперь мы снова кладем масло слоями в палец толщиной на галеты (пайковый хлеб не поступает быстро, а галеты — это резервное снабжение); сегодня у нас на обед купленная за 30 марок — это ее нормальная цена — корова. Самые изысканные русские сигареты, произведенные г-ном Саломону в Каунасе, мы с расточительностью покупаем по тысяче штук в ящиках, так что курение трубочного табака наконец закончилось. Также опять имеются в изобилии хорошие сигары. Ну да мы не развратимся! Кроме того, мы уже продвинулись в следующее государство, к северу отсюда [Латвию], и мы все еще в резерве. Подразделение, которое мы должны были сменить, вчера продвинулось вперед и должно было вступить в бой. Теперь мы, как говорят, снова в 100–200 км позади линии фронта. Ну, ты по крайней мере можешь быть спокойна, что со мной ничего не происходит.

Интересен был вчера вечером короткий бой. Мы услышали выстрелы зениток, и когда я выпрыгнул из фургона, прямо над нами из низко нависших облаков вынырнул русский истребитель, зенитные снаряды пролетали прямо у нас над головами. Мы укрылись в щели, и вскоре парень уже улетел. Это все произошло в несколько секунд. Он должен был палить из пулемета по позициям, да вдобавок еще и по нам. Но подвергся обстрелу еще и из карабинов из ближайшего леса. Затем два больших бомбардировщика пронесли над лесом в сторону нашего хутора. Опять беспорядочная стрельба, и вот уже один удрал в леса. Но истребитель, должно быть, был сбит нами. Командир был так горд! Подтверждения, конечно, еще нет. Волнение и воодушевление были так велики, что я больше не могу рассказывать об этом в своем письме.

Вот еще одна картинка с дороги незадолго до нашего прибытия: луга, сплошь красные от горлицев (один из которых я вкладываю тебе <в письмо>) раскинулись под зубчатыми, позолоченными с краев заходящим солнцем облаками, обрамленные лиственным лесом и протекающей по широкой местности рекой с низкими песчаными берегами, в которой отражается свет вечернего неба.

Теперь ты немного знаешь, что мы здесь видим и чем занимаемся. Сейчас, незадолго до часа дня, снова падали бомбы (в городе также стреляли, но я едва заметил это), и сразу же после этого вокруг рвались снаряды, но летающие на большой высоте парни увернулись от них.

Знаешь, у меня все идет отлично, и мы чувствуем себя чертовски хорошо. Опасности для нас нет, так что все в наилучшем порядке. Мне припоминается еще одна картинка, относящаяся к ужасным впечатлениям войны. В городской синагоге перед алтарем у самого

входа лежала на полу мертвая старуха. За несколько часов до того из ее рта вытек густой поток крови, черным ручьем пролившийся на пол. Расстреляли ли ее, потому что она пыталась оказать сопротивление при обыске ее лавки, была ли она убита осколком бомбы (поблизости упала бомба), упав без сил в месте, где в величайшем страхе искала убежища, или это страх вызвал у нее горловое кровотечение?

Будь храброй и спокойной, моя дорогая жена! Как благодарны должны мы быть за то, что война так щадит нас! И во всех испытаниях, что она налагает на нас, «преодолеем мы любящей нас волей: Христом!»

С дороги [Якобштадт — Псков], 4 июля 1941 г.

Сегодня я немного почитал Рильке «О Боге». Спасибо, что прислала мне его! Ани [подруга по учебе с родины Ирмгард] давала его тебе накануне того дня, когда я разыскал тебя в Бонне. У тебя есть то исключительное, что лежит не в нашей области «бытия, составленного из платы и потребления». Ты отринула от себя то, что ставилось превыше всего в нашей частной жизни и выбивало нас из седла,— мы отказались от любви, решимости к ней и связанной с этим опасности. Но если мы все же пытаемся начать все сначала, то мы остаемся неразрывно связанными со Сверхличным. Хотя Рильке неохотно называет это «Нечто» по имени, он прав. Мы используем имя Божье как разменную монету, мы злоупотребляем Его именем. Но Он остается близким нам Отцом, из рук которого мы с благодарностью и готовностью принимаем дар, вновь и вновь говоря «да» связи с Ним, в вере, что он даст правую силу нашей любви — недостаточной, так часто слабой или даже претворившейся в злобное себялюбие. У Рильке хорошие мысли. Они ведут в преддверие святилища, где живут почтение и молчаливое созерцание. <...>

Я заказал Воллерманну «Отче наш» (перевод немецких поэтов). Счет за это придет к тебе. Не хочешь ли воспользоваться случаем и перевести мне несколько десятков марок, чтобы я купил тебе здесь что-нибудь теплое? Я сомневаюсь, что это получится, но ты ведь можешь разок попытаться? Мы вчера купили на убой корову за 30 марок! Это ее нормальная цена! <...>

Мюнстер, мое последнее письмо с дороги. Теперь у меня больше нет охоты писать. Дух так слаб с тех пор, как я больше не ощущаю необходимости в работе проповедника. Думаю, я слишком забросил нашу «общину» из нескольких человечков. Не соберешь ли ты еще раз помощник на вечер, на котором сможешь прочесть им письмо от меня. <...>

**[Письмо к брату Герхарду:] в дороге, 4 июля 1941 г.
[Якобштадт, Латвия]**

Дорогой брат Герхард!

Собственно, я хотел сейчас, отсидев три смены у приборов, почитать «О Боге» Рильке. Это прекрасное чтение <...>

Мы здесь уже пережили несколько воздушных боев. Однако оба случая сбитых нами русских бомбардировщиков пока не подтверждены. Их пока еще не нашли в лесах, где, как говорят местные жители, полным-полно всяких «коммунистов». В остальном писать пока еще не о чем. Беззаботная лагерная жизнь продолжается, но с товарищами по радиостанции, некоторые из которых сумасшедшие верзилы и торгашеские душонки, я вчера серьезно совещался о смешных самих по себе вещах. Мне еще не до конца ясно, в чем, собственно, основание их раздражительности (из-за которой меня дразнят больше, чем нужно). Вероятно, в основном речь идет о том случае, когда я во время пребывания в Берлине не мог выстаивать дежурства [вследствие проблем с выскакивающим коленным суставом]. Но я добьюсь признания. <...>

**[Возвращаясь к письму к Ирмагд] в дороге [Якобштадт],
5 июля 1941 г. [и] 6 июля 1941 г.**

Мы все еще на тех же позициях, и русские самолеты сюда практически не долетают! Но я думаю, что скоро мы двинемся дальше, а пока мы проживаем отличные солнечные дни в тренировочных штанах, скинув все остальное. Я сегодня посылаю тебе несколько русских сигарет, чтобы ты могла чем-нибудь угостить д-ра Мейер-Борхерта. У нас тут такого товара с избытком!

Думаю, эта кампания продлится для нас еще только 6–10 недель [по образцу «тура» во Францию годом раньше: 6 недель, с 11 мая до конца июня 1940 г.]

Перед тем как двинуться дальше (мы думаем, это будет завтра), хочу отослать тебе обратно Рильке. Солнечные деньки здесь были великолепны, а прекраснее всего было плавать по большой реке [Западная Двина]. <...>

Сегодня я часто брал в руки фотографии наших сладких деток, которые сделал в отпуске. Надеюсь, мы скоро снова будем вместе! Я думаю о тебе и желаю тебе побольше доброго покоя для появления нашего четвертого любимого дитяти!

6 июля 1941 г.

Ты снова получишь только короткое сопроводительное письмо, так как мое ночное дежурство (с 12 до 3 часов) через четверть часа

заканчивается. Дорогая жена, когда же мы снова сможем вместе отправиться в наш приход и служить молодым и старым? Дай нам Бог, чтобы мы тогда смогли еще более жить друг для друга и друг с другом. На расстоянии гораздо лучше видно, что «совершенная любовь» разрушается нашими грехами. Часто я хотел бы иметь возможность поступить иначе, снова поступать хорошо и нести тебе свою любовь. Но когда мы снова будем вместе, вновь появится этот старый враг и вновь начнет возводить стену, дабы разрушить то единство, которое мы должны сохранять по воле Божьей.

Я отсылаю тебе обратно письмо к Гермесу, потому что не знаю, не при смерти ли он. Может быть, ты найдешь возможность послать ему его <это письмо> сама? 10 июля ему исполняется 85 лет. Предлагаемые сигареты ты, конечно, можешь просто передать Мейеру, если не сможешь сама туда пойти. Они должны быть не особенно хороши; «Арома», которые я, наверное, еще pošлю тебе, чтобы ты сохранила их до моего возвращения, мне нравятся больше. У меня слипаются глаза, до трех часов осталось пять минут. Вчера (5 июля) после обеда я предпринял грандиозное купание в большой коричневой реке, которая постоянно напоминает мне о дядюшке Эмиле «без головы». Он разрыл на нашем (левом) берегу реки сложенную из кусков известняка отвесную стену высотой 15–20 м <sic!>, которая великолепно защищает нас от обзора с орудийных позиций. Собственно, купание запрещено — видимо, из страха, что кто-то утонет, или потому, что командир старается по возможности никого не выпускать с позиции, — а для спорта или какого-нибудь другого занятия в свободное время ничего другого не остается. При этом мы стоим всего в 200 метрах от реки и нам удобно добираться до нее в плавках по тропинке через хлебные поля. Я при этом даже ни разу на намочил плавков. Если мы устроим купание в уединенном месте при величественном лунном свете, совершенно свободные друг перед другом, тебе наверняка понравится!

**9 июля 1941 г., без 10 минут три утра, [все еще] Якобштадт
[на Зап. Двине]**

Я должен добавить еще один привет, чтобы ты не была разочарована. Вчера, 8 июля, мое тело напиталось солнцем: с 9 до половины 12-го я умывался на [Двине], причем умывание перешло в плавание на дистанцию больше 500 м до места купания у огневых позиций и закончилось роскошной солнечной ванной с двумя товарищами из В II без плавков на плоту, а после обеда с половины третьего до шести я с двумя товарищами в машине-внедорожнике ездил вверх по течению к острову посреди реки, по гальке и плоским обломкам скал на перекатах, чтобы помыть машину и сплавить против сильного здесь течения на остров. Позавчера я получил настоящий

северный ужин — огромную отбивную, которую сам зажарил, от «самим» забитой по дороге свиньи, тайком от Оберкельнера <здесь это фамилия> зарезанной в хлеву и съеденной, — так мы живем все эти дни!

[Прилагаемая] рубашка — с русского склада при аэропорте, она была чистой, когда я ее получил. Можешь переделать ее для детей.

9 июля 1941 г. [На Двине]

Снова ты получишь только короткую сопроводительную весточку. Так как мы по прежнему остаемся на том же месте и я постепенно освобождаю место в рюкзаке (отыскались русские каски и др.) — хочу послать тебе упаковку табака, которая мне, пожалуй, не нужна. Нынче утром, когда солнце вновь величественно засияло на весь мир, я, чтобы умыться, снова окунулся в Западную Двину. Это было такое удовольствие! И целый день носился в спортивных штанах, изображая из себя ветхого Адама, это таааак хорошо! Этой ночью мне приснилось, что ты написала: «Маленькое существо во мне теперь уже совсем женщина или совсем мужчина, еще до того, как я произведу его на свет. Поэтому я хочу избежать всех волнений, которые несет с собой путешествие». Теперь, чтобы не наступили преждевременные роды, будет правильно, если ты будешь избегать лишних усилий. Я желаю тебе хорошо подготовиться, и побольше покоя на солнышке. Еще мне приснилась дамская купальня (наподобие заведения фройляйн Шрадер в Вольфенбюттеле, по соседству с нашей купальней), в которой сидят на солнышке только будущие мамы. Послушай, раньше ведь для женщин было зарезервировано время (вторник и четверг, с 10 до 12 ч)? Используй же его! <...>

Я очень рад, что теперь наладил приемлемые отношения с «птицами» радиостанции, часть которых — очень странные господа. Один из них — коммунист и подчеркнутый любитель секса (Оберкельнер), очень сдержанный и вкрадчивый, самый старший (примерно 38 лет), страховой служащий, любит выпить, любит поесть, постоянно умеет настоять на своем, но в очень обходительной форме. 20-летний изображает, что он студент, но часто не может различить «мне» и «меня» в дательном и винительном падежах и любит хвастаться, что дома может позволить себе все: единственный сын торговца молоком, якобы владеющего тремя магазинами в Магдебурге. Третий совсем сносный, уступчивый, обожающий танго юнец, который ужасающе слащаво распевает новейшие шлягеры. А Хофманна и Хартвагнера ты уже знаешь. Не отошлешь ли ты [фото] пленку Ланге [в Брауншвейг]? Если я пошлю ее в фотофирму, она может не дойти! <...>

В жаркой России, 12 июля 1941 г.

Прошло уже 4 дня, за которые мы столько всего пережили, и я хочу попытаться, несмотря на чрезвычайную жару, что-нибудь занести на бумагу. При всей полноте впечатлений многие из нас, однако, сохранили только неясные припоминания.

Все началось совершенно внезапно днем 9. 7. Местность по своему виду опять была очень похожа на финскую, только плотнее заселена. Холмы, как в Мекленбурге, местами поросли еловым и березовым лесом. Зеленые выгоны со срубными домами и время от времени — широкий вид на плоские болота. Такими представились нам первые сто километров, которые нам пришлось ехать в объезд в основном для того, чтобы переправиться через реку. Переправа под Ливенхофом¹ открыла нам прекрасный вид на реку, которая тянется сквозз леса длинными излучинами. <...> Потом мы снова ехали вверх по течению Двины от Динабурга,² пока к вечеру вновь не оказались у взорванного яacobштадтского моста, от которого в три часа пополудни и начали свой марш.³

На этой стороне — орденский замок [Яacobштадт] — предместье сильно разрушено обстрелом. Сожженные танки и грузовики лежат у дороги, а временами видны и могилы товарищей-немцев. Вдоль дороги протянулся городишко по имени Ливина, состоящий сплошь из грязных деревянных домов — ах да, это был Ливенхоф — на ступеньках крылец сидели многочисленные евреи, выглядевшие безобразно. В городке люди стояли в длинных очередях, чтобы получить кусок хлеба толщиной в 4 ломтя. В одной местности дворы были особенно прелестно заглублены в маленькие клинья леса или луговые долины. Идиллическая, совершенно не испорченная сельская красота. Мне повезло — я сидел в тягаче, тащившем орудие. Оттуда открывался прекрасный вид, а меня обдувал свежий ветерок — при такой сумасшедшей жаре это было важным преимуществом. Когда колонна останавливалась, было ужасно жарко. По улицам мела пыль. Мы все были похожи на работников мельницы. Я еще имел счастье постирать утром свой костюм, одеяло и рубашку с кальсонами. Рубашка просохла наполовину, а костюм — только отчасти и лип к вспотев-

¹ Liwenhof, по-латышски: Ливаны (Livani).

² Немецкое название Даугавпилса.

³ Здесь следует отметить один немаловажный факт. В первые дни войны специально созданная немецкая диверсионная группа «Бранденбург-800» получила задание захватить 8 мостов. Диверсантам удалось захватить только пять. Одной из неудач диверсантов как раз и оказался мост в Яacobштадте (Екабпилс). Охранявшие мост красноармейцы четко выполнили свою задачу и уничтожили всю группу из 15 человек, а затем при подходе немцев взорвали мост. Немецкие саперы быстро навели переправу. Однако она все же не обладала такой пропускной способностью, как полноценный мост, и все «второстепенные» войска следовали в обход.

шему телу — малоприятное ощущение. Но наконец наступил вечер, и когда около 10 часов стало попрохладнее, я снова заполз в фургон. Поездка вдоль Двины предоставила немало прекрасных видов на лесистый берег, местами обрывающийся песчаными кручами. Выше по течению от Кройцбурга местность плоская и в основном застроена, поэтому она уже не так красива. В Прейи, городишке величиной с какое-нибудь небольшое наше село, наподобие Форсфельде, мы остановились «на ночь», с 12 до 3 часов. В большом парке, входы в который украшают готические ворота с лучковыми арками и зубчатыми башенками, стоит овальная, выбеленная известью церковь. Вход в нее образован четырьмя колоннами и пологим греческим перекрытием; своим плоским купольным сводом она сильно напоминает «Французскую церковь» в Потсдаме. Колодец с хорошей водой освежил кожу и горло при ясном свете полной луны, прежде чем я улегся спать на стол в нашем фургоне. Через два часа мы снова отправились через прелестную холмистую местность, так похожую на Финляндию. Населенные пункты все одинаковы. Там, где случился пожар, почти все легкие деревянные строения выгорели, так что кругом видны лишь железные печи или кирпичные печные трубы. В Мальте на улице лежал танк — один из тех, которые были подбиты в башню, его я тоже щелкнул (сфотографировал). На Резекне [ранее Режица], по-немецки Росситен, упало много бомб. Длинные уличные ряды кирпичных домов полностью разрушены бомбами, которые, возможно, предназначались для моста; его я также сфотографировал в плачевном состоянии. Так как наш водитель, останавливаясь, наехал на стоящее перед ним орудие, тягач, к сожалению, должен был остаться «на месте аварии». Так что я снова вынужден влезть в жаркий и дико мотающийся на ужасно плохих дорогах радиофургон.

Когда в середине [следующего] дня мы переехали через русскую границу,¹ то были удивлены ее слабой укрепленностью бункерами, из которых к тому же еще ни один не был готов полностью и даже не засыпан землей. Сверхтяжелые русские танки лежали на дороге, один застрял в болоте. На второй линии бункеров мы устроили полуденный привал. На участке местности диаметром около 150 м лежали почерневшие части одного 52-х тонного танка² в виде мелких и мельчайших обломков, рассеянных по земле. Зенитное орудие <калибром> 8,8-см всадило в него в упор (с расстояния около 200 м) 2 снаряда через боковую броню в 7 см толщиной, пробив ее навывлет и заставив сдетонировать находящийся внутри боекомплект (15-ти см снаряды). Некоторые обломки отлетели на несколько сот метров, а тяжелый мотор швырнуло в воздух примерно на 80 метров. Верхняя часть туловища одного из членов экипажа лежала на солнцепеке, обгорелая

¹ Рядом с Карсава.

² Имеется в виду тяжелый танк KB-1, оснащенный 152-мм орудием.

и изорванная, без головы. Повсюду мы находили разлагающиеся кло-
чья <тел> — смерть в своем наужаснейшем облике заставила самых
толстокожих братьев содрогнуться и задуматься о бренности чело-
веческой жизни. Бункер, от которого он вместе с легкими танками
несся на разметавшее его на мелкие куски орудие, не имел ни одной
пушки и защищался только легким пулеметом. Наши 8,8-см [зенитки]
насквозь пробивали их бетонные стенки у смотровых щелей. Наско-
ро сделанные заграждения из колючей проволоки были расположены
в одной линии с бункерами, а за ними и перед ними было свободное
пространство! По пути через русские земли на дорогах попадалось
все больше танков. Дорогу на Динабург мы скоро покинули и всту-
пили в местность, где ключевые позиции были заняты в результате
жесточких танковых боев. Здесь наше положение наконец-то снова
обрело смысл, и мы снова занялись солдатским делом. Конечно, об
этом я тебе подробно рассказать не могу. Но позднее ты все узнаешь.
Город, рядом с которым мы сейчас расположились¹ (величиной при-
мерно, как Вольфенбюттель. Однако при меньшей здешней плотно-
сти населения он обладает большим значением), страшно опустошен,
в основном бомбежками и пожарами. Они прекратились только в те
самые дни [9–10 июля], когда под вечер мы прибыли сюда. Солдаты
ходят по улицам и домам с карабинами и примкнутыми штыками.
Пожары еще продолжают в больших зданиях с магазинами. И пре-
красные древние православные церкви с их изящно расчлененными
<лопатками> выбеленными стенами и зелеными медными куполами
частью стоят неповрежденными, а частью страшно разрушены и вы-
глядят чужими среди шума машин и беготни любопытных и воз-
бужденных людей. Потрясающе красивая высокая церковь, которая,
собственно, вся является одной башней, увенчанная, как короной,
пятью куполами, возвышается над всем городским видом и заметна
издалека. Она приветствует меня издалека, еще за лугами, в то время
как я сижу в палатке и смотрю на пламенеющее вечернее небо. Здесь
мы опять ведем в основном чудесную жизнь. Весь день я просидел
в большой 4-угольной палатке, которую мы соорудили из 8 новых,
с иголки, русских полотнищ. Боковые стенки мы подняли вверх,
так что ветер приносит немного прохлады покрытым каплями пота
телам. На школьном столе [реквизированном] уложена изнаночной
стороной вверх напечатанная на белом полотне настенная карта из
школы поблизости [использование не по назначению: вместо ска-
терти], а когда она измажется [масляными кляксами], на ее место
уляжется следующая. Вчера вечером я нажарил совсем молодой неж-
ной картошки, которая буквально плавала в масле, сегодня каждому
снова досталось по три яйца на сковороду. Вчера я еще раз проделал
часть пути, который мы проехали позавчера [10 июля], чтобы вместе

¹ Скорее всего, Псков.

с телефонистами собрать в придорожных кюветах все, что нам могло пригодиться. При этом я сумел сделать еще несколько снимков [фотографии от 11 июля] 20 русских бронемашин, которые сгрудившись на маленьком пространстве, лежат разбитые обстрелом у дороги. Наверное, там была жаркая схватка. Поблизости лежат только 4 немецких танка. Немного раньше мы уже видели такую же груду разгромленных русских танков на мосту. Прорыв, очевидно, осуществлялся мощными силами. На месте, куда мы заезжали за трофеями, в одной крупной усадьбе лежали 6–8 русских легких противотанковых орудий, частично еще заряженных, с которыми, видимо, наши танки разделались сами. Также там повсюду лежали разорванные в клочья тела стрелков. На обратном пути мы прихватили из какого-то административного здания ящик хороших карандашей, чернила, готовальни и тому подобные письменные принадлежности. В доме был еще кто-то вроде домовладельца, в синем сатиновом халате и с роскошной неужоженной бородой, который поспешно принес нам наилучшей питьевой воды, взятой откуда-то на заднем дворе между бараками, причем он совершенно самостоятельно первым отпил стакан воды.

У нас в расположении батареи вчера утром получилась совершенно глупая и ненужная история. Старшина примчался как ошпаренный: «Карабины сюда, все наружу, быстро, быстро, там кто-то стрелял». Большинство побежали в указанном направлении к несколько домам, на ходу натянув мундиры (потому что в плавающих и тренировочных майках выглядели точь-в-точь как «вооруженные штатские»). Некоторые на бегу слепо падали куда-то в сторону этих домов, так что находившиеся как раз на поперечной дороге внутри нашего селения беженцы, спасающиеся от близкого фронта, в огромном страхе кинулись бежать, при этом некоторые из них забежали в область обстрела; несколько домов обыскали. Результат: всего два новых телефонных аппарата, присоединенные к перерезанному проводу, который уходил куда-то в хлебное поле, да маленький мальчик лет девяти, которому сторяча прострелил руку бестолково палящий солдат. Что же произошло? Один из наших захотел набрать на поле огурцов и при этом услышал выстрел. Тут он забил тревогу, и вместо того чтобы планомерно окружить подозрительный участок, где за домом или в нем могли укрываться замаскированные стрелки, началась дикая беготня. Когда я увидел большую неразбериху, произошедшую от возбуждения, я предпочел бы в ней вовсе не участвовать, прежде всего, когда увидел, как парни попросту падали в том направлении, куда бежали гражданские. Про бедного мальчонку одна из женщин сказала нам, что он «мертв», но мы тут на радиостанции перевязали ему руку, перетянули ему плечо выше локтя тряпкой, чтобы остановить артериальное кровотечение, дали ему кусок хлеба и попить и отправили его в отрядный перевязочный пункт. Там врач сказал,

что большой палец, указательный и возможно средний останутся неподвижными, попросил переводчика выяснить его родную деревню и отправить домой на крестьянской подводке после того, как утром ему сделают перевязку. Беженцы со вчерашнего дня, с трех часов утра, многочисленными мелкими группками потянулись через наше селение прочь от линии фронта, с постельными принадлежностями на плечах и какой-нибудь скотиной на поводу — коровой, теленком или парой овец. Чаще всего они едут на маленькой полевой тележке со своими пожитками. Один был одет совершенно по-русски. Большой обтрепанный картуз, взъерошенная борода, изжелта-белая льняная рубаха с поясным ремнем, светло-синие льняные шаровары. И особенная обувь: завернутая спереди и по бокам выше пальцев подошва из хромовой кожи, в которой по верхнему краю в углах вырезаны длинные клапаны, скрепленные полосами кожи с широким парусиновым ремнем, который обматывают вокруг ноги наподобие обмоток. Жаль, что я должен был отправляться в срочную поездку с телефонистами и не нашел времени снять его на цветную пленку. —

Остававшиеся в городе люди суетились, как в муравейнике. Они без разбора тащили из разрушенных магазинов и частных квартир все, что только могли: охапки с большими пакетами провизии, мешки поленьев на спинах, рулоны материи и самые разные предметы, какие только можно вообразить. Дряхлая высохшая старуха утащила чан величиной с нашу деревянную бочку для мытья. Хеннеке купил его и взгромоздил себе на голову. В черепках сгоревшей фарфоровой фабрики копошились женщины, собирая уцелевшие чашки, тарелки и тому подобное. Какие-то клочья материи служили им «кошелками для покупок», в которых они торопливо утаскивали оттуда все, поспешно собранное. Похоже, покинули город лишь имущие. Если только лавки и наилучшие квартиры были закрыты, то их «открывали», разбивая окна. Ужасный воздух, пропитанный вонью горячей шерсти и туш животных, заражал целые части города. И среди всей этой суеты, порчи, борьбы за жизнь, выгоду и имущество — стройные белые церкви в своей неприкосновенной тишине и покое. Есть свои добрые причины на то, что люди здесь, несмотря на советские звезды, прикрепленные к рубашкам и курткам (даже крестьянин, рядом с домом которого мы остановились, и который сегодня после обеда при звуках Интернационала из найденного нами граммофона сразу же подошел и внимательно прислушивался к нему, а также к словам Сталина. Когда мы еще раз поставили 36-ю пластинку, он снова пришел из своего дома и подсел к нам, весь обратившись в слух. — Мы нашли в школе 36 пластинок с речами Сталина! — Старик носит звездочку на своей зеленой рубашке. И при этом у него в избе в красном углу висят три иконы!) продолжают иметь в городах и деревнях церкви, хотя окна в них и производят впечатление запыленных.

Загадка, насколько люди подвержены увлекательной пропаганде Советов. Вытеснит ли когда-нибудь это порождение рационалистичной организации и системы мирового соперничества, связанное с рафинированным планированием борьбы «угнетенных» за свои «права», старинную готовность к послушанию и вере?

Снова воскресенье (13 июля). Я сижу на ночном дежурстве и, разморенный жарой, дополняю свои начатые вчера каракули. <...>

Почту нам все еще не принесли, но я все вспоминаю вас, мои любимые <...>

В долгом пути по русским лесам. Вторник, 15 июля 1941 г.¹

С позавчерашнего воскресного полудня мы снова в пути. Мы переживаем монотонность поездок по России и испытали на себе их трудности, но мне, подобно одному из тех жизнерадостных бродяг, даже это доставляет удовольствие. Местность, впрочем, очень однообразна, и леса стали гораздо одноцветнее, хотя их обширность имеет свою прелесть. Прежде чем я расскажу об этом, хочу поведать кое-что интересное о предыдущей позиции [Пскове]. Когда мы заняли ее, перед нами расположилась пришедшая раньше нас маршем по длинному пути через горы и доли, песок и щебень дивизия, а в нашей линии — тяжелая артиллерия, в точности, как в свое время на канале Эн-Уаз. День спустя колонны машин потянулись обратно, потому что вечером вернулись 80 человек из разведгруппы, которых лейтенант выслал 12 июля, и сообщили, что между нами и русскими **никого** нет. Артиллерия рядом с нами сразу же отодвинулась назад, и разведгруппа безнадежно ожидала прибытия полка или дивизии, которая была еще в 250 километрах позади. Группа выслала грузовик им навстречу, чтобы ситуация поскорее прояснилась. В ночь на воскресенье [с 12 на 13 июля], когда я сидел на дежурстве у рации и писал тебе, ожидалось приближение русской артиллерии, которая, по словам двух эстонских пленных, которых мы захватили в субботу, как клин, вбита между нами и большим шоссе в направлении на Псков. Я, пока писал, часто поглядывал в окно, но ничего не мог различить, кроме темных неясных теней над травой в черных облаках, и тени, кажется, не увеличивались. Тут по дороге в 200 м за нами бесшумно проехали 20–30 велосипедистов. Их силуэты мелькнули на фоне неба. Они проехали через наше селение, и никто даже не слышал побрякивания их оружия. Итак, можно было ожидать, что кто-то впереди нас вдруг мог дать бой. Но после проезда велосипедистов мы больше ничего не видели и не слышали. А они далеко продвинулись в сторону русского фронта. В воскресенье в первой половине

¹ Маршрут: Псков—Струги Красные—Новоселье, близ реки Плюссы.

дня вновь застучали пулеметы в стороне аэродрома, приблизительно в том месте, до которого продвинулись русские артиллеристы вдоль дороги, по которой должны были наступать наши части. В полдень мы снялись, но только потому, что на этой позиции больше не было для нас задач. Несколько самолетов, которые еще прилетали, ничего не натворили. Поэтому мы тоже выехали на большую дорогу, и сейчас находимся на марше уже вторые сутки. На дороге там и сям лежат несколько танков, разбитые мотоциклы и повозки. Один раз посреди леса у дороги стояли разбитые и сожженные три тяжелых немецких артиллерийских орудия с тягачами, потом снова зенитные орудия, которые, видимо, были выставлены на позиции против танков и расстреляны ими. Лесной пожар вылизал красноватыми языками пламени широкую полосу в сосновом лесу. К вечеру свернули на небольшую «дорогу» [от Цапелки]. Если уж крупная магистральная дорога по большей части представляла собой песчаную насыпь, всю из холмов и ухабов, на которой нас в нашем тряском фургоне страшно швыряло целый день туда-сюда, то когда наша колымага свернула на проселочную дорогу, какие мы в Германии называем полевыми дорогами среднего качества, началась такая тряска, что машина телефонистов обогнала нас, опасаясь, что мы опрокинемся.

Русские луга с чаще всего очень запущенными избами являют картины мира, не затронутого цивилизацией и одновременно очень неухоженного. Нам приходилось часто останавливаться, потому что отдельные машины увязали в песке или проваливались в выбоины и застревали в них. Вчера вечером мы пропахали по глубокому песчаному пути огромный лес, и пришлось использовать несколько танков, чтобы они своей тягой протаскивали наши тяжелые машины по песку. Мы справились с этим. В то время как мы с помощью регулирующего это движение майора танковых войск тащили свои драндулеты из грязи, наш старшина с очень хвастливым видом стоял тут же и дирижировал! На выезде из этого леса близ большого моста [рядом со Струтами Красными] стояло огромное обшитоое деревом общественное здание с какими-то насаждениями, похожими на парк, и обращенной к нему площадкой, как для народных гуляний, с длинными столами и прилавками под навесом. Мне кажется, что этот дом, если он построен не для учебных занятий и «досуга», мог оказаться своего рода жилым домом для большого количества работающих людей. Вокзал и магазин были похожи на железнодорожный пакгауз, товары всех видов были сложены поблизости. Но поселок, который состоял всего из нескольких жилых домов, мне кажется, указывает на то, что здесь существует коммунистическое общественное поселение [колхоз]. Возможно ведь, что люди в этих сооружениях чувствовали себя прекрасно, так как они, по-видимому, не испытывали особой склонности к самостоятельному продвижению в жизни. Возможно, из отказа от частнохозяйственно-эгоистического образа жизни «бело-

го мира» возникла целая система, подобие которой мы находим уже в средневековых монастырях и которая так осчастлививает нас сегодня в лагерях отдыха? Жаль, что с русскими совершенно нельзя об этом поговорить. Коммунистическая мысль должна также заключать в себе очень существенные психологические мотивы, которые, по моему поверхностному впечатлению, тоже должны были гораздо глубже проникнуть в народ, чем это можно было бы заключить из сведений, доходящих до Германии. Тот крестьянин внимательно слушал речи Сталина с 36 граммофонных пластинок в течение тех нескольких минут, на которые мы завели граммофон, с почти религиозным волнением, и при этом хранил у себя в красном углу избы иконы святых и Божьей Матери, украшенные искусственными цветами.

На вторую ночь нашей поездки мы остановились на привал в половине первого на два часа [в ночь с 13 на 14 июля]. В то время как в предыдущую ночь мы проехали несколько километров, останавливались на 1–2 часа, чтобы потом снова продвинуться на небольшой кусочек. Если всю ночь спать, уместившись в полусогнутом положении на столе, можно охрометь! Но на двухчасовом привале в эту ночь я тоже не мог спать, потому что снаружи, под открытым небом, было слишком душно, а чтобы уберечься от надоедливых туч комаров, приходилось натягивать одеяло до ушей. Потом мы снова уснули, примостив головы на «изголовье», которое я соорудил из 12 русских шерстяных головных платков, вдев их один в другой. Теперь мы продвигаемся на несколько сот метров за каждые полчаса. Прошлой ночью в 4 часа я говорил с радистом танковой части, с которой мы, кажется, теперь вместе продвигаемся вперед. Приятный молодой парень, скульптор по профессии, который что-то мне толковывал о «технике» танковых боев. <...> Впрочем, [наши] танки здесь вряд ли понесут потери: зенитная и тяжелая артиллерия с легкостью расчищает путь от беспомощных русских танков, и уже теперь на нашем участке вряд ли возникнет сопротивление. Кроме того, мы опять едем позади уверенно выдвинувшейся вперед танковой дивизии, так что с нами ничего не может случиться. Для стрельбы у нас есть зенитные орудия. Кроме того, танкисты сказали, что это, в сущности, и не война вовсе; просто продвижение вперед со случаемойся время от времени стрельбой по вражеским танкам.

На передовой, 17 июля 1941 г.¹ [и 18 июля]

Кстати, под «зениткой», названной вчера в связи с танками в донесении одного офицера Люфтваффе славной, имеется в виду только

¹ 16, 17 и 18 июля — бои «группы Рауса» за мосты через Луту на Ивановском плацдарме.

наша батарея — она героически держала здесь предместное укрепление.

Ты действительно должна мне верить, мы, радисты, определенно никогда не находимся в опасной зоне, мне даже неловко, что это приходится оценивать как нечто позитивное.

[Написано карандашом:] Большевицские чернила, будучи смешаны с хорошим немецким «Пеликаном» [чернилами], разложились в воду, так что я снова вынужден хвататься за хороший Montblanc-«Рiх»¹ Вальтера. С окончания последнего письма мы провели насыщенный событиями день — 18.7. В тот день, когда я его <письмо> закончил, здесь, где я сейчас лежу, пали первые товарищи из танкового подразделения, «идущего на острие». Я как раз сегодня сфотографировал могилу одного танкиста-наводчика, расположенную между домами, сгоревшими в результате обстрела с самолета. Но хочу рассказать тебе все по порядку.

Мы проторчали всю ночь около Дома колхозника,² и с 2-х до 5-ти часов умудрились продвинуться лишь на 5 километров, так как та жалкая дорога, которая играет здесь роль главной, была вся забита танками, моторизованной пехотой и т. д. Затем она пошла через открытое пространство, болота и луга с фермами.

Впечатление, которое я испытываю уже несколько дней, еще более усиливает русская широта природы, <проявляющаяся> в свободном росте деревьев и кустов, в почти произвольном расположении необустроенных пашен, в необъятных пустых пространствах. Когда мы вскоре после этого снова попали в протяженный болотистый лес из берез, тополей и елей, продвижение вперед еще более замедлилось. Все, предназначенное для быстрого наступления, — легкие зенитные установки, смонтированные на автомобилях, разведотделения (стрелки-мотоциклисты, вездеходы со спаренными пулеметами и др.), тяжелые и легкие танки — получали безусловное право преимущественного проезда, и ответственный за это генерал лично заботился о том, чтобы они и транспорт с боеприпасами проходили насколько только возможно беспрепятственно. Дорога была без грунтовок, и специально выделенным для этого пехотинцам и саперам повсюду приходилось сначала укреплять ее, наскоро укладывая кругляки и бревна, чтобы могла спокойно пройти тяжелая техника. Я сделал несколько снимков, которые, несмотря на опустившиеся сумерки, все же, наверное, дадут представление о том, с какой ловкостью стрелки-мотоциклисты неслись через глубокие болотистые ямы и по беспорядочно набросанным друг возле друга круглякам, только

¹ Шестигранный металлический механический карандаш, выпускавшийся в Германии с 1930 по 1940 год.

² Так в советское время назывались сельские гостиницы. Судя по всему, речь здесь идет о Доме колхозника в Лядах.

когда они не застревали, и нам не приходилось подталкивать их или вытаскивать из ям. Танки заново укатывали все оставленные нами колеи — это была величественная картина, как они перли через всю эту грязь, а если не было места, то просто ехали по обочине дороги прямо через лес, подминая попадающиеся на пути деревца.

Нам пришлось отправить орудия вперед, потому что нашему транспорту проезда не дали. Два часа передышки на марше с 15 на 16 июля в этом лесу [перед Лядами] не принесли покоя, потому что нам досаждали комары, даже когда мы полностью заворачивались в плащ-палатки, да и шум моторов добавлял свою музыку. Утром в среду [16-го] мы увидели, что вышли из неуютной лесной глуши. В сумерках, за два часа перед нами, были застрелены засевшими в кустах стрелками несколько саперов, строивших дорогу, а вечером мы внезапно услышали самолеты, которые сбрасывали бомбы на битком забитую трассу. Если бы мы шли на пару часов впереди, мы испытали бы силу их ударов на собственной шкуре. Мы как раз переезжали болотистую местность по небольшому мосту, и нам пришлось оставить на топкой дороге одну тяжелую важную машину, даже несмотря на то что был специально выделен танк, чтобы вытягивать застрявшую технику (но эта машина уже второй раз сползала с дороги и по приказу генерала была опрокинута на обочину, чтобы освободить путь), когда прибыли на то место в лесу, где лежали 9 погибших солдат; они двигались по дороге слишком плотно и при атаке русских летчиков на бреющем полете от бомб и пулемета распростились с жизнью. Я остался в деревне, где обосновался штаб, и ближе к вечеру сопровождал погребение короткой речью, чтением «Отче наш» и молитвой <за павших>. Затем быстро вскарабкался в машину с боеприпасами и помчался с колонной на передовую, наслаждаясь на полном ходу с открытой машины прекрасным видом. Мы остановились у одной из наших батарей, где я успел захватить другую машину с боеприпасами, отправлявшуюся как раз на нашу батарею.¹ лейтенант, который указал мне машину, еще побежал вслед, чтобы подать мне мою упавшую папку, и крикнул: «У Вас есть каска?» Так как я по дороге забыл ее в машине, то ответил отрицательно, и он крикнул: «Тотчас же озабейтесь этим; там впереди стреляют!» А я в этом и не сомневался, и мы тронулись через горящие деревни. Мимо еще дымящегося, совсем недавно сгоревшего грузовика. Мимо еще дымящегося мотоцикла, который два остановившихся рядом мотоциклиста оттаскивали в сторону. Мимо холмов, с которых мы могли далеко обозревать темные, бесконечные леса. Так мы добрались до сгоревшего перелеска, где расположились замаскированные I и II вспомогательные позиции с техникой.² Машина с боеприпасами поехала дальше, к орудиям на

¹ В Поречье, на плацдарм.

² Между Верцей и Муравейно.

огневые позиции, но, по совету весьма серьезно настроенных парней из батареи, я остался здесь на I замаскированной линии, пока меня рано утром в половине третьего [18 июля] не подобрала возвращавшаяся машина нашей батареи. Отправившись с ней, я попросил рассказать мне о том, что творится на плацдарме, где наши зенитчики уже в первый день¹ (16 июля) подбили 8 тяжелейших танков. Правда, в бою уже пятеро погибли, но это произошло потому, что у расчета не было времени окопать орудие и боеприпасы. Они прибыли сразу после обеда, когда залегшая там пехота и т. д. уже отступала. И оставались одни только наши танки, которые (как говорят) из-за отсутствия горючего и боеприпасов в этот момент были беспомощны. Когда ближе к вечеру после ураганного огня артиллерии выползли «толстые стрелялки»,² как называет их Г. Х. Ульрих, они все были расстреляны или отогнаны **нашей батареей!** После этого стало жарко: пехота стреляла из пулеметов в сторону дороги, идущей к огневой позиции так, что водители, которые должны были туда ехать, были рады-радехоньки, когда удавалось благополучно вернуться назад. Потери произошли оттого, что выстрел из танковой пушки противника угодил в боеприпасы одного из наших орудий, выдвинутого вперед, что стоило жизни четверым товарищам — настоящим парням. Командир орудийного расчета, прекрасный унтер-офицер, был убит двумя очередями из танкового пулемета. Вечером вернулся начальник отряда телефонистов, который на своей быстрой и маневренной машине должен был привезти еду, но съездил напрасно. Он не застал батарею на прежней позиции плацдарма, потому что она продвинулась дальше в сторону врага и, как сказал какой-то фельдфебель в деревне у моста, едва ли до нее можно добраться, так как повсюду у дороги засели и стреляют русские. Опасались, что все три орудия отрезаны и уже подлежат списанию, когда я в наступивших сумерках добрался до товарищей. На следующий день выяснилось, что они не отрезаны, но получили поддержку от следовавшей за ними артиллерии и мотопехоты, с которой прошли и наши машины с боеприпасами, в то время как передовые отряды первой и второй батареи столкнулись за мостом с отступающими перед сильным натиском русских пехотинцами и вынуждены были отойти. Два шофера машин с боеприпасами нашей батареи, с которыми я ехал 38 км обратно с передовой, пережили сильное душевное потрясение от артиллерийского, танкового и пулеметного огня, когда вместе с нашими артиллеристами заливали бензин в лишившийся возможности маневрировать танк, после чего тот снова ожил.

¹ В первый день, когда зенитки прибыли на плацдарм.

² «Ballermänner» — так немцы называли советские тяжелые танки KB, а свои противотанковые пушки за то, что их снаряды отскакивали от брони KB, не причиняя танкам никакого вреда, они называли «армейскими колотушками» («Heeresanklopfergerätes»).

На следующий вечер после продолжавшегося час ураганного артиллерийского огня русские снова предприняли атаку на мост. При этом были подбиты еще 9 танков без потерь с нашей стороны — 17 штук за 2 дня, это прекрасный баланс в пользу нашей прославившейся тем самым батареей!¹ Русские, должно быть все отборные ученики некой большевистской военной школы, устроенной на манер орденских замков, прущие напролом — наступали с дикими криками «Ура! Ура!», но в ночь на 17 июля мы получили достаточное пополнение пехотой и тяжелой артиллерией, чтобы отразить эту атаку. Русские атаквали 3 или 4 раза, неся тяжелые потери. Наши орудия — между прочим, все три были выкачены вперед — молотили частью по танкам, приканчивая их наверняка, частью по пехоте снарядами с дистанционными взрывателями, позволяющими производить взрыв на высоте, так что снаряды, предназначенные для самолетов, разрывались над русской пехотой, что должно было наносить чудовищный урон. <...>

Пехота, которая здесь находится на передней линии фронта, на одной линии с нашими орудиями и танками, прямо обнимала наших храбрых парней. Люди радовались, что «мы» пришли (а мы — к сожалению!! — снова прозябаем в 54-х километрах позади этого фронта² в спокойной безопасности в доме одного из тех жителей, которые бежали в лес, покинув деревню). К радости пехотинцев добавилась радость танкистов, встречавших парней возгласом: «Наконец-то вы здесь, мы вас ждем уже два дня!» Теперь уже у всех есть верное представление о нашем оружии, которое и здесь уже прошло героическую проверку. Под вечер 17 июля разразилась невероятная пальба с обеих сторон, при которой никто толком не знал, кто в кого стреляет. Люди, доставившие на передовую снаряжение, 2–3 часа пролежали, уткнувшись носами в грязь, чтобы не схлопотать снаряд от русской артиллерии. Одна машина получила большую дыру в ветровом

¹ Вот свидетельство о тех днях другого немца: «Русские, знакомые с непросматриваемой местностью, показали здесь свое умение воевать изощренными способами. Они применяли свои танки там, где с учетом всего опыта войны это считалось до сих пор невозможным. Бронейность наших противотанковых орудий была недостаточна для того, чтобы колоть броню тяжелых танков. В лексикону солдат вошло понятие „Heeresanklopfgerätes“» (*Römhild H. Geschichte der 269. Infanterie-Division. Dorheim: Podzun-Verlag, Bad Nauheim, 1967. S. 126*). Последнее слово, обозначающее противотанковые пушки немцев, можно приблизительно перевести как «войсковые колотушки». Там же приводится другое свидетельство: «В сводном отчете о работе дивизионного врача за период с 22. 06 по 15. 07. 1941 сообщается:

„Очень жесткое сопротивление русских так же поразило нас, как и их отличное вооружение. Потери за отчетный период почти столь же велики, как общие потери дивизии во Франции. С точностью установлено, что русская пехота стреляет разрывными пулями. В целом самой трудной проблемой была эвакуация раненых“» (*Ibid. S. 127*).

² Лагерь был размещен в деревне Заручье у озера Долгое.

стекле, а машина телефонистов была повреждена многочисленными осколками, [разбившими] мотор, выхлопную трубу, радиатор; диск и кузов, а также две покрывки были продырявлены, и наш славный Бернхард Лер до известной степени «обессилел». Он выехал из огня, проехал еще два километра без воды <в радиаторе?>, но был страшно рад, что вырвался из этой переделки.

Симпатичный молодой подполковник, который понравился мне еще в Тильзите своей естественной и разумной манерой руководить «людьми», сделал во время боя потрясающую штуку. Один из самых мощных танков обошел орудие, которое стреляло по его собрату, и по каким-то причинам потерял способность к управлению. Однако стрелял он по-прежнему без передышки. Фон Зекендорф с еще одним человеком зашел к нему сзади, где у толстяка нет пулеметов, влез на него, стрелял из пистолета в смотровые щели, а затем кинул ручную гранату в выхлопную трубу, которая у этих штук расположена довольно высоко. И коробка взлетела на воздух!¹ <...>

Вчера, 18 июля, было «тихо», и только сильная артиллерийская стрельба вечером вызвала некоторое беспокойство, хотя и не причинила какого-либо вреда. Сегодня я ездил днем на легкой машине повышенной проходимости, которая подвозит довольствие на огневые позиции, чтобы отвезти командиру на подпись радиограмму и навестить товарищей <...>. Это была чудесная поездка по залитым светом болотистым лугам и лесам. Я читал проповедь на могиле девятерых товарищей из штаба, которую повторял в дальнейшем, укрывшись в траншее в лесу во время неожиданной для нас атаки русских с бреющего полета <...>. Те немногие фразы, которые я смог произнести, быть может, сказали растерянным товарищам из штаба и не так уж много. Но я говорил о том, что страх, который возникает из чувства естественного человеческого самосохранения в часы осознания, что мы так близки к бездне, исчезает, если мы с помощью Христа выдерживаем борьбу с самими собой и совершенно готовы прожить жизнь в Боге. Исчезает, даже если неверующие убивают нас и хотя бы взяли все, что для них обозначает «жизнь». Кроме того, русские летчики со вчерашнего дня больше не атакуют дороги и огневые позиции, поскольку у нас теперь есть здесь немецкие истребители, которые во взаимодействии с отныне по-настоящему представительной зенитной артиллерией могут подбить любого наглого парня. <...>

¹ См. также письмо от 16. 9. 41. Вике, находившийся во время этого боя за 54 км от места действия в д. Заручье, явно передает гуляющий из уст в уста рассказ, украшая его еще более и добавляя вымышленные детали.

**[Дополнение] к письму от 17—18—19 июля 41 г.
[отсутствует первая часть]**

В лесу, где у нас вышла задержка из-за строительства дороги, увидели мы сзади 3 русских <самолета -> бомбардировщик и истребители. Они летели прямо над дорогой, поэтому мы тотчас же взяли ноги в руки <и бросились> искать укрытие в густом подлеске. Сразу затрещали вокруг пулеметные очереди, и я успел увидеть, как летят верхушки деревьев и щепки из стволов берез, а справа от меня примерно в метре просвистели подобно светлым штрихам трассирующие пули, — после чего я плюхнулся на брюхо, набросив на голову в виде укрытия китель, и тут задрожали земля и воздух от сотен взрывов. Когда мы снова собрались, невозмутимый старина Тхара все еще ел хрустящие хлебцы с ливерной колбасой. В 5-ти метрах от него лежал громадный кусок металла, отвалившийся от самолета. Он прыгнул вперед — и тотчас рядом с ним промчался серый металлический цилиндр длиной около 2 м. Это был корпус авиаторпеды (снабженный на случай торможения крылышками), сброшенной наподобие бомбы, которая промчалась над самой поверхностью земли и изрядно разворотила стоящую непосредственно перед нами машину с личным составом.¹ Только несколькими товарищам удалось убежать подалее в лес. Девять из них нашли свою смерть! Девять были ранены, и еще один из них умер при последовавшей сразу же после несчастья транспортировке. Впрочем, следует уточнить; при первом налете погибли двое. Но едва мы поднялись, как последовала вторая атака на бреющем полете. Она, очевидно, была нацелена намного точнее. Я пробежал несколько шагов (собственно, я хотел найти и взять с собой осколок, который уже на излете упал рядом с моим ботинком — возможно, это была патронная гильза), чтобы снова броситься наземь. На этот раз бомбы упали так точно, что кроме убитых и раненых были сильно повреждены еще 15 машин колонны, из которых 8 пришлось совсем бросить. В машине телефонистов в углу, когда я подошел, сидел один молодой артиллерист. Он сидел так, словно еще спал, когда ему пробило сзади голову пулеметной очередью. Другие были разом убиты разорвавшейся прямо над самой землей торпедой. Наш добряк военврач во время и после второй атаки с великолепной, бесстрашной самоотверженностью пытался помочь пострадавшим. Стрелок-мотоциклист, который как раз собирался слезть со своего мотоцикла, сраженный, лежал рядом с ним. Другой промчался около нас на мотоцикле с простреленной ногой. — Повсюду на дороге лежали неразорвавшиеся снаряды, которые нужно было сначала взорвать, прежде чем мы сможем ехать дальше. Мы провели в этом ужасном месте несколько часов и даже не заметили, как они пролетели. Все

¹ Ефрейтор Вике в это время находился на пути от деревни Заручье к плацдарму.

произошло в $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ 6-го утра. Когда нам удалось наладить связь с радиостанцией штаба, находящейся с командующим на фронте, было уже 8 часов. Атака длилась всего 20 секунд, но часы после этого летели так быстро, что мы поразились, увидев, что показывают часы. Когда мы с нашими машинами вернулись в ближайшую деревню, чтобы дать место саперам, которые должны были взорвать неразорвавшиеся снаряды, была $\frac{1}{2}$ 11-го, мы были поражены. А один из нас, напротив, удивился, что еще так рано. Когда мы в полдень расположились между домами, последовало еще несколько авианалетов на дорогу. Армейская зенитная установка с легкими орудиями, смонтированными на подвижной платформе, ехала по обочине дороги или просто оставалась стоять на проезжей части и стреляла, напрягаясь изо всех сил.

Воскресенье, 20 июля 1941 г.

Сегодня опять приходили разные интересные и следующие друг за другом сообщения о дороге, связывающей огневые позиции впереди нас и рядом с нами. Русские хотели ее перерезать, но вскоре снова отступили и теперь, как сообщил наблюдавший из самолета майор, улепетывают длинными плотными колоннами.¹ Так что положение здесь окончательно прояснилось, и расположенные здесь части уже рассчитывают в недалеком времени быть в Петербурге. Кроме этого, ничего нового. К отосланному утром письму могу еще добавить, что Германн Гротьян ранен осколком в голову. Я думаю, будет лучше, если фрау Гротьян сначала узнает об этом из личного сообщения. Хотя я не знаю, известили ее уже из лазарета или нет. Но я не мог раньше приняться за письмо, так как был довольно активный радиообмен, а также при многих новостях с фронта, которые привозят с собой шоферы, нечасто удается найти где-нибудь в сторонке тихое местечко для письма. Сегодня мы уже установили палатку, так как с появлением наших истребителей можно не опасаться больше русских летчиков, и там я могу писать без помех. У рации же для этого уже не остается времени. Первые ночи, т. е. с 15-го на 16-е с 4 до 7 утра и с 16-го на 17-е с часу до семи, я вместе с прочими товарищами с батареи провел в одном из немногих каменных домов деревни, надеясь найти тем самым защиту от атак на бредущем полете. Потом мы из-за тесноты и ужасной духоты перебрались в прекрасный чистый деревянный дом поблизости. Но уже через час раздался возглас: «Михель, глянь, здесь клопы!» <...> Хайнц Опперман, телефонист с сердечной и богобоязненной натурой, нашел еще двух на бревнах стены. Тут мы подхватили наши манатки и вылезли на свежий воздух. Конечно, там на нас накинудись комары, так что даже под толстой шинелью

¹ Вероятно, здесь имеются в виду отошедшие части 191-й стрелковой дивизии.

не было покоя, и спина у меня чесалась так, что я поминал и укусы клопов и, может быть, вшей или уж, по меньшей мере, блох. Но после серьезной стирки и основательного встряхивания всех вещей, включая рубашку и кальсоны, я больше ни о чем таком не вспоминал. Остальные три <ночи?> мы, т. е. Вальтер Хартвагнер и я, спали снаружи и оценили шмотки, свободные от клопов.

21 июля, половина четвертого утра

Только что небо, покрытое легкими полосами облаков, осветилось сияющим золотом восходящего солнца. Здесь я каждый вечер, а если в это время дежурю, то и утром, смотрю на небо, которое уже приобрело ясную пастельно-мягкую и так своеобразно светящуюся окраску, какую я три года назад видел в Финляндии. Она хотя и мягче, чем в северных широтах, но и здесь в самое темное время ночи можно точно различить на фоне неба самолеты, а полоса света на севере сохраняет свой темно-желтый насыщенный цвет, который виден около получаса после захода солнца. Огромная белая церковь с зеленой медной крышей и 4-мя маленькими башенками по 4-м углам нефа, широко и сильно вырисовывающейся на фоне неба высокой башней над входом, видна над плоским болотом за много километров. А на ней, над единственным алтарем, стоит изгибающийся византийский купол, как раз над слабо светящимся оранжевым первым солнечным сиянием перед темно-серой стеной облаков, а перед всем этим, как обрамление этой прекрасной картины, на фоне неба видны печные трубы двух сгоревших домов. Три дня назад вечером она <церковь> была залита раскаленно-красным светом заходящего солнца, так что даже завзятые зубоскалы дивились красоте постройки, возникшей явно где-то в период грюндерства <1870-е гг.>. При этом ведь речь снова идет о русских крестьянах, не покинутых своим Христом, хотя они как минимум затронуты большевизмом, и во всяком случае его пропаганда, в соответствии с примерами в Германии [вероятно, подразумевается Геббельс], должна была проникать к ним в течение долгого времени. В церкви теперь, задолго до войны, устроена авторемонтная мастерская. По-прежнему удивляет, что большие богатые церкви находятся посреди убогих нищих деревушек.

Я нашел действенное средство против комаров: я поджигаю пачку русского трубочного табака (крупной резки) вместе с бумагой и оставляю тлеть. Он очень дешев (50 грамм за 3,5 пфеннига!), так что он такого же плохого качества, как наш только что введенный пайковый табак за 0,30 марки. Маленькие сигареты, за которые мы в Германии — хотя и лучшего качества — платим по 2 ½ пфеннига за штуку, здесь стоят от 35 копеек (3,5 пфеннига) за 25 штук и выше: 65 коп., 83 коп. (уже совсем хорошие) до 6 руб. 35 коп. Именно эти, 25 штук за 63,5 пфеннига, самые лучшие, которые здесь имеются!

Спички здесь завозят в деревни в огромном количестве, пакетами по 1000 коробков. Я надеюсь один пакет привезти домой. Позавчера сюда пришел табун из примерно 12 свежих лошадок, размером с казацких лошадей, они радостно бросились в огороды (здесь крестьяне возделывают картофель, капусту, репчатый лук и кормовую свеклу). Каждый, у кого была охота, поймал какую-нибудь из них веревкой и прокатился верхом. Каждый, кто умел ездить верхом, гордо ехал рысью, кто не умел — быстро падал, сброшенный! Жаль, что я больше не могу доставить себе такого удовольствия с моим больным коленом [поврежденном при падении с мотоцикла].

Тут я хочу закончить, чтобы сходить умыться. Я провел в палатке 6 спокойных часов, а теперь началось дежурство в первой половине дня. И мне еще надо написать фрау Гротьян. Надеюсь, после моих откровенных рассказов ты не беспокоишься обо мне, моя дорогая жена? Думаю, ты уже поняла из них, что я — я даже ничего не могу с этим поделать! — в полной безопасности. И положение войск теперь так благоприятно, что повторения этих событий ожидать не приходится. Думаю, что будет правильно, если ты узнаешь, что случилось. У нас ведь есть слово этой недели: «Не бойся, Я спас тебя. Я звал тебя именем твоим, ты Мой!» и в сегодняшнем чтении (Исайя 43, 1–7) это великое обещание чудесно исполняется. Моя дорогая жена, мы не хотим перестать в молитве «обращать наши надежды к Господу». <...>

Письмо к фрау Гротьян напишу позже, сейчас у меня больше нет времени!

22 июля 41 г.

Вчера днем пришло твое письмо от 10 июля — первое, которое дошло до меня с Тильзита (или даже Малова?) после письма от 14 июня! Спасибо тебе! Но Вильдунген, Вильдунген, если это еще как-нибудь возможно! Попробуй еще раз! Только что второпях мы расположили нашу установку поближе к огненным позициям и теперь у нас масса хлопот с наладкой и т. д., а кроме того, мы ходим купаться в речушку в 100 метрах отсюда! Не возьмешься ли ты отнести письмо фрау Гротьян? — Здесь теперь тихо и уютно, я наслаждаюсь запахом сосновых лесов, чистой родниковой и речной водой и свободной жизнью на природе.

В поле, 25 июля 41 г.

Хочу наконец-то теперь ответить на твое милое письмо от 10 июля. Оно доставило мне огромную радость как **первое** письмо от тебя в этом походе. В тот единственный раз, когда мы за несколько дней до того получали почту, для меня было только ничего не знача-

щее личное письмо от Репке! Хотя я «должен» бы позаботиться о твоём воспалении почек. Но, знаешь ли, здесь часто ничего не известно о том, как проживешь ближайшие минуты (этот поход так богат на неожиданности вроде разбитых машин, сгоревших деревень, передвижений линии фронта и т. д.), что все помыслы легче обращаются к словам Иисуса: «Не заботьтесь!» Достаточно того, что каждый день приносит новую жалобу. Я сердечно признателен Руд. Ал. Шредеру за то, что он говорит в толковании на «Отче наш» о четвертой просьбе: «Та манна, которую израильтяне хотели собрать про запас, стала издавать зловоние и была пожрана червями». Бог поддерживает нашу жизнь сегодня и здесь — «а завтра ты уже можешь <увидеть>, как все твоё имущество и заботы обратятся в прах и станут кормом для червей». «Человек живет не хлебом единым, но всяким словом...» Мы должны не суетиться в заботах, но настойчиво просить «с обещанием послушания, ведая о том, что если Бог определил мне претерпеть голод, то мой хлеб освятится в те дни, в которые я пребуду в радости, и принесет мне снопы...». Все заботы и нужды, которые доставляет нам хлеб насущный, наше здоровье и все, что Лютер причисляет к 4-й просьбе, прокляты (Быт. 3). Тщетны усилия «борьбы за жизнь», борьбы за все, что «постоянно необходимо», чтобы после краткого промежутка времени освободиться от своих «вынужденных и переходящих обязанностей», когда на первый план выходит смерть, чтобы того, кто однажды сотворен по образу Божию, растереть в прах, из которого он создан.

Из борьбы за пропитание, которая находится под этим проклятием тщетных забот и усилий, должно произрасти благоговение, с которым мы, как наследники Христа и сопричастники Его Тела, на земле можем и должны просить о хлебе нашем насущном. Это хлеб паломников, милостыня, дарованная нам Господом для нашего странствия. Мы проживаем жизнь, которую Бог дал нам на время. <...>

Твои письма о Хильдегарде и Ренате снова доставили мне большое удовольствие. И дай Уте также в полной мере ощутить твою материнскую любовь! Она будет так благодарна за это, будет так жаждать этого и отблагодарит тебя большим доверием и ласковым послушанием. О себе ничего нового написать не могу. Я ежедневно наслаждаюсь потрясающим купанием в речке в 150 метрах отсюда, которая протекает через болота и леса и рядом с нашим расположением огибает отдельно стоящую усадьбу,¹ а на ее водной глади с расточительной пышностью цветут чудесные белые кувшинки. Кроме того, на ее берегу есть бурлящий чистый ключ, где можно помыть голову и почистить зубы. Поблизости лежат всевозможные предметы снаряжения 43-х русских, которые погибли здесь 5 дней

¹ Вероятно, река Долгая.

назад [20 июля] при попытке прорыва. Среди этих предметов мы нашли скорострельный карабин, который выпускает 10 пуль одна за другой (очередью).

Сосновый лес источает насыщенный, пряный воздух. Мы целый день бегаем здесь в спортивных штанах (а купаемся только голыми!). Как прекрасно было бы пожить здесь туристской жизнью вместе с семьей! Так хочется, несмотря на все спокойствие, снова предаться беспечному течению времени. Но мысль, что я могу не вернуться, пусть тебя не пугает. Во-первых, совершенно ясно, что радисты вместе с кухней и т. д. подвергаются наименьшей опасности, и, во-вторых, мы живем по воле Господа. <...>

(Извини за мазню. Авторучка уже так изношена, я сижу здесь с 4 часов утра (сейчас 8). Сейчас пойду купаться в ручье!) <...>

В русском сосновом бору, 28 июля 41 г.

Теперь я могу тебя успокоить — и прежде всего, успокоить фрау Борхерс, сообщив, что через полтора часа мы отходим на 40 км назад, чтобы встать на отдых, потому что наши храбрые бойцы наконец вышли из злого артобстрела. Мы в наших лесах только слышали его раскаты вдаль (с гораздо большего расстояния, чем в начале этой войны в Тильзите!) На нашей речке продолжалась столь идиллическая бивачная жизнь, что лучше не могло бы быть и в отпускной турпоездке. Сегодня днем я выдержал славный шахматный турнир с Альбрехтом Ханом (Albrecht Hahn). Проиграл 2:1. Каждое утро, а нередко и после обеда я с восхищением купался в нашей речушке среди белых и желтых кувшинок, а когда нам доставалось холодное гороховое пюре, мы его тушили и жарили с луком или чем-нибудь другим, что оказывалось под рукой, на маргарине (литовское и латвийское изобилие сливочного масла миновало! Мы жили в нищем, полностью разоренном советском раю), и много спали.

Недавно ночью я беседовал с Хайнцем Опперманном и нашим изнеженным «мальчиком танго» с 22 часов до часу ночи о национал-социалистическом мировоззрении и Христовой вере. <...> У этой беседы получилось хорошее продолжение — прекрасная церковная музыка и богослужение, которое по случаю воскресенья передавала финская радиостанция. Я от всего сердца благодарен нашему Отцу, за то, что Он шаг за шагом идет с нами, чтобы мы снова и снова могли в наших молитвах благодарить Его за Его милостивую защиту и за Его помощь в повседневной жизни среди временами довольно тяжелых товарищей. И мы не хотим перестать отдавать на Его попечение дни с их заботой, усталостью, тяжестью и хлопотами, от всего сердца просить его за наших любимых детей, за веру нашего прихода и нашего нестойкого в вере народа. <...>

Самая моя любимая, дай тебе Бог силы перенести все и даруй праведную радость в твой дом, во все твои дела!

29 июля 41 г., в том же месте, приблизительно в 60 км за линией фронта, 15 часов [продолжение письма от предыдущего дня]

Я еще раз вернулся к письму, чтобы сообщить тебе, что мы снова заняли прекрасное место, хотя все товарищи им очень недовольны, потому что здесь нет питьевой воды, только углубление в болоте, выкопанное радистами батареи, которую мы сменили. И при этом куча комаров. Но зато всего в 10-ти минутах отсюда огромное озеро с питьевой водой. Остальные, вплоть до «мальчика танго» и фотографа Штайнхемеля, слишком ленивы, чтобы «так далеко» бежать по солнцу, но я собираюсь туда через 2 часа, вместе со Штайнхемелем и Хайнцем Опперманном. Мы сидим совсем одни на холме между сегодня утром скошенным лугом и перелеском из ив и молодых берез. Мы наблюдали это прекрасное зрелище. Около 8-ми русских крестьян и 4 женщины, выстроившись в ряд в утреннем тумане, в так махали своими косами, продвигаясь по цветущему лугу. И затем белая церковь, украшенная пятью изящными луковичными башенками, покоящаяся среди высоких елей и лиственных деревьев, вынырнула из тумана. И открылся вид на зреющие хлебные поля (посреди них стоят наши орудия), кустарник и далекие леса! Порыв свежего ветра принес приятную прохладу. Высокий навес от солнца из русской парусины (новенькой, с иголки!) простирается над теневой и освещенной сторонами фургона. Он накрывает сколоченный из березовых стволов стол и скамейки, также сооруженные из березовых стволов. Против комаров помогает душистый огонь из свежих березовых поленьев. Мы наслаждаемся сельским покоем и простотой.

31 июля 41 г.

С тех пор как позавчера утром отправил тебе письмо, я получил 4 твоих. Они доставили мне много радости. Прежде всего, я очень рад, что твое почечное воспаление снова более или менее преодолено. Первой пришла весточка от 10-го, потом — от 15-го и от 4-го июля; сегодня от 18-го и 19-го июля. Так что теперь я смог сложить картину твоей жизни за 14 дней и ранее, а ты в критические дни 15–18 июля, кажется, так мало подозревала, что здесь творится. Но теперь ты можешь быть совершенно спокойна, слышишь? Радисты другой батареи две недели сидели здесь до нас без всякой охраны, и им никто не мешал. Но когда возникла угроза прорыва попавших в окружение русских, наш командир не бросил нас в одиночестве. Это доказывает только то, что он очень заботится о своей радиостанции. А это надежное основание быть совершенно спокойной и тебе!

Но я не сомневаюсь в том, что ты волновалась и поэтому захворала гораздо серьезнее, чем это случилось бы при нормальных обстоятельствах. Но пусть будет наш девиз на август: «Я превозмогу все благодаря Тому, Кто делает меня сильным: Христу!»

Наш добрый Вилли Борхерс побывал на передовой. Когда я его встретил, он был совершенно присмирившим. Там я сказал ему нечто подобное, потому что он никак не мог собраться с силами и написать домой, хотя уже дважды принимался за это. Он, как все, кто там впереди, действительно заслуживает «Железного креста». Но он получит крест только второй степени, так как он, насколько я знаю, не подбил танка. Когда я сам ездил на батарею, у меня было несколько комическое настроение, хотя вокруг свистели снаряды и совсем рядом на землю сыпались осколки. Однако эта обстановка не произвела на меня такого впечатления, как на других моих товарищей, которые ехали вместе со мной. Хотя кое-кто и вызвался добровольцем доставлять снаряжение на плацдарм. Я сдержал свое желание присутствовать на этом опросе, потому что вспомнил о вас и решил, что не должен искать опасностей на этой войне, а участвовать в боевых действиях лишь постольку, поскольку этого потребуют моя служба, сиюминутное положение и необходимость. Я знаю, что ты была бы очень рада, если бы я получил награду. Но важнее, чтобы я вернулся к вам невредимым, тем более что будущее нашей церкви и наша вера не слишком нуждаются в воинской славе пастора и знаках отличия, купленных ценой крови. Кроме того, существует распоряжение, по которому служащие при кухнях, канцеляриях и радиостанциях не могут получать отличий, дающихся за боевые действия. Отсюда проистекает, что наша служба исключает опасность оказаться в гуще боевых действий. Теперь ты спокойна?

О том, что ты всегда так боишься моих упреков. Если бы они были безосновательны, они бы не задевали тебя так. Вильдунген — да, ты не смогла оплатить двойной номер, чтобы поправить собственное здоровье и восстановить работоспособность. А то, что ты снова можешь слечь, ты во внимание не приняла. <...>

Надеюсь «в самое ближайшее время» лично с тобой поговорить об этом! Может быть, после благополучного окончания этой, кажется, куда более масштабной, чем планировалось, операции против русских здесь на востоке? Сводки позволяют надеяться на это; в этом отношении они пока достаточно осторожны, так что не готовят никаких разочарований. «Завтра ведь еще не наступило — не заботьтесь о завтрашнем дне». Дети должны стать нам примером в таком полном веры ожидании, моя дорогая!

Хорошенько позаботься, чтобы наша милая Ута не росла с комплексом второго ребенка. У нее есть полное право побороться за свое равенство. <...>

Пожалуйста, заботься о детях, особенно не позволяй им во время шалостей ощущать твое неприятие и дурное настроение, старайся смягчить их ложное упрямство и направить их в нужное русло. <...>

1 августа 1941 г., 5 ч утра.

<...>

В крестьянском саду лежал чудесный латунный самовар, который я охотно купил бы у владельца. Но все люди сидели по лесам (они разбросали свои скудные пожитки в саду, потому что решили, что их дом сгорит от трассирующих пуль или артиллерийского обстрела), а красть самовар я не захотел.

Позавчера, перед моим ежедневным купанием в озере Долгом, я зашел в белую церковь. Сколько прекрасных украшений скопили эти греческие православные церкви в своих стенах! В домах вряд ли найдется хоть один предмет, который не относится к самым необходимым в повседневной жизни. Но в церквях русские с необычайной любовью и усердием собрали все искусство и все мастерство. Однако несмотря на ужасающее опустошение (вероятно, большевистские отряды перед своим уходом похозяйничали тут), я еще смог в ней увидеть чудом сохранившиеся прекрасные старинные вещи. Роскошные золотые оклады с вынутыми из них иконами стояли и лежали без разбора повсюду. Алтарь и царские врата, выполненные в барочном и ренессансном стиле («врата» играют в греческом богослужении главную роль — через них проходит Святой Дух в образе священника) в основном не повреждены. Алтарные образа в нижнем ряду — роскошные иконы, но в несколько расплывчатой, слащавой манере, распространенной перед Первой мировой войной, что сегодня царит и в нашей католической церкви, — все вырезаны из окладов и в основном порезаны или даже полностью разломаны на куски. Разбитые вазы лежат грудой осколков в одной из трех ризниц. Многие старые красивые иконы, написанные на деревянных досках и потому не так легко поддающиеся разрушению, сложены в кучу в одной из двух боковых ризниц, которые полукругом группируются вокруг алтаря под пятью луковичными башенками. Три некрасивые старые бабы сидели на пороге бокового входа в церковь и грелись на солнышке. Может быть, как молчаливые стражи? А бородатый старик, который как раз выходил из церкви, попытался что-то объяснить мне по-русски и согреть мое сердце «своей церковью». На мой вопрос [жестами], коммунисты ли устроили запустение, он дал мне многословный ответ, в котором главную роль сыграли движения, изображающие полет снарядов и «бум-бум». Перед иконами и алтарем сидел какой-то солдатик в одних тренировочных штанах и делал наброски прекрасных резных узоров по дереву. Благодаря ему, я обратил

внимание на прекрасные колонки и розетки, переплетающиеся орнаментальные пояски и покрытые листьями побеги. Он рассказал мне про икону «Крещение Иоанна», которая была необычайно красива. И теперь ее здесь нет. Наверное, заинтересовала кого-то, кто в этом разбирается. Картина была только маленькой полоской холста. Нужно было взяться за середину и посылнее рвануть, чтобы прихватить с собой такое «воспоминание»!

Поскольку ты кое-что знаешь о произошедшем с господином Гротьяном, напиши мне об этом, пожалуйста, поскорее. Наверное, посещая тебя, фрау Гротьян поступает верно — бедная молодая женщина страшно боится, не будет ли серьезных последствий ранения. Но я не хотел бы наврать ей что-нибудь, раз это ранение в голову. Кроме того, по рассказам единственного уцелевшего при орудии ефрейтора Шрота (Schroth), танковый снаряд попал в заряд, который заряжающий Эрнст Бок уже держал в руках. Это был бой на короткой дистанции, настоящая схватка, так сказать глаза в глаза. [Русский] танк остался на поле, лишенный способности маневрировать и был подожжен пехотинцами, облившими его бензином.¹ Экипаж не стал из него выбираться и сгорел вместе с танком. Этика командира погибавшего корабля? Г. Х. Ульрих думает, что парни и не собирались покинуть машину, несмотря на смертельную опасность. Но ведь мы видели, как другие вдалеке высказывали и бегом возвращались в русские порядки — впрочем, одно другое не исключает. Мощный дух борьбы укоренился в этих большевиках. <...>

1 августа 1941 г.

Опять только коротенький привет, потому что я наконец-то должен написать «твоему викарию». Может быть, тебя также заинтересует часть фронтовой газеты, которую я прилагаю. А пленку, которая также скоро должна прийти, пожалуйста, сразу же по получении отошли в фирму Ланге [Брауншвейг] для проявки, и по 2 фотоснимка 6×9, увеличенных, пожалуй, лучше всего сразу <прислать> мне. О моих 4-х пленках, отосланных тебе 5–8 июля, я еще ничего не слышал. Ты их еще не получила?

У нас снова были чудесные деньки. Во время дежурства от 4 до 7 часов пополудни я написал еще письмо для Норманни [в Тюбинген]. Опять потрясающее купание. А перед тем около часа провел рядом с моими любимыми миниатюрными росписями в овалах на царских вратах. «Крещение Иоанна» вдруг нашлось в куче наваленных друг на друга икон. Бедняга, вероятно, хотел сказать «крестящий

¹ Здесь подтверждается случай, произошедший на Ивановском плацдарме 18 июля.

Иоанн»,¹ потому что это изображение Крещения Христова — прекрасная по композиции и выразительности ликов икона. Наряду с ней на меня особенное впечатление произвела Вечеря. У юношей по-детски вдохновенные волнение и любовь в больших глазах, и, хотя она выцвела и сильно потемнела от грязи, все еще хорошо различимы яркие цвета. Красный напоминает мне неизвестного мастера около 1500 г., чьи картины я однажды видел в Гамбурге. Ах, в этих картинах вообще так много от суровости наших средневековых мастеров. Я должен написать об этом немного больше, поэтому начинаю второй листок: Испытание Христово. Бородатый торговец невыразительного, немного еврейского типа говорит Господу. Второй раз мы видим обоих на вершине горы: «Все это дам Тебе...»² На заднем плане, за романтической долиной, видны покачивающиеся на море едва намеченные корабли. В изображении местности много от Питера Брейгеля. Преображение Иисуса: чудесно сияющий вокруг Него свет, и юноши, скорчившиеся на земле, — выражение человеческой ничтожности, слабости и беспомощности. Резкий синий и красный цвета их одежд только подчеркивают трудность их отягощенного грехами бытия перед величием Христовой святости. 12-летний Иисус в храме — воплощенное Слово — это подчеркнуто многоцветьем <изображения>, испуганным удивлением в лице его Матери, пышностью одежд священника и величием храмовой архитектуры. Сюда же, очевидно, относится и икона с изображением двух ангелов, сидящих за столом у человека,³ которая произвела на меня меньшее впечатление. На боковой стене есть еще большая старая деревянная доска с бесчисленным количеством изображений, изучить которые в подробностях у меня не хватило терпения. Я сегодня повстречал в церкви двух женщин, которые, несмотря на ужас разорения, благочестиво осеняли себя крестным знаменем. Одна вместе со своим ребенком преклонила колени перед хорошим старым изображением, пятькратно наклоняла голову почти до земли, скрестив руки и крестясь. И девочка лет десяти делала то же самое — в большевистской России! Коммунисты должны были в самом деле разорить (этот храм) непосредственно перед отступлением. Какой-то солдат встретил меня у входа с серьезным лицом и словами «Мерзость запустения!»⁴ Напоминание о временах крещения? Люди должны были бы теперь еже-

¹ По всей видимости, ни Вике, ни его сослуживец не знали русского варианта названия иконы — Иоанн Креститель.

² Мф., гл. 4.

³ Скорее всего, это была «Троица». Возможно, Вике не узнал ее из-за плохого состояния иконы. А может быть, он и не знал русской иконописи, в частности Андрея Рублева.

⁴ К великому сожалению, храм Успения Пресвятой Богородицы в Заручье и к 2011 г., когда мы с Питером Вике 28 августа, в престольный праздник, посетили его, все еще не был восстановлен.

дневно совершать здесь утренние молебны. Но здесь должен быть поп, он, наверное, сейчас в бегах!¹

4 августа 1941 г. [Заручье]

Вчера в праздник воскресенья я снова провел час в здешней церкви и сделал 16 снимков икон [несколько диапозитивов сохранилось]. Чем подробнее я рассматриваю их, тем больше замечаю, что они собой представляють. Скорее всего, лица и руки, и лишь изредка весь облик прописывал мастер, а все остальное — складки одежд и окружающий пейзаж — потом дорисовывали подмастерья. Простые линии одежд, деревьев или домов напоминают орнамент из вьющихся растений на моем хинделоповском² «Вакji».³ Но композиция и цвета всегда очень удачны, и духовное содержание икон от их некоторой примитивности не проигрывает. Не знаю, насколько удачно я выбрал освещение (снимки между тем должны до тебя добраться. Пожалуйста, храни их бережно, особенно оберегай от детей!), ты сможешь увидеть это сама. Прекраснее всего я по-прежнему считаю Вечерю и Крещение Иисуса. Икона Преображения Господня вовсе не так впечатляет колоритом, как мне поначалу показалось. Она вся построена на отчетливо выраженном противопоставлении обликов трех парящих в небесах святых и трех учеников в пестрых одеяниях прикинувших прямо под ними к земле, согнувшихся в своей человечности перед Небесным. Но я обнаружил здесь настоящее сокровище: Благовещение. Вновь богатство сочного красного цвета в одеждах и завесах и яркое золотое сияние вокруг глав ангела и Марии торжественно освещает все вокруг. Мария преклонила колени перед ангелом в преданной покорности, ее молитвы исполнены. Уверен, лики на иконах типичны, но именно потому, что они повсюду повторяются в одной и той же манере (не производя впечатления конкретных людей), они действуют так неотразимо и совершенно пленяют своим вневременным величием.

Позавчера ватага примерно из 10 солдат, одетых только в штаны и сапоги, видимо воспользовавшись паузой в дорожных или каких-либо других работах, вломилась в церковь. Тут сорвали некоторые позолоченные рамы икон, там пнули лежащее на полу, вывернули позолоченные колонночки, при этом свистели, а также чрезмерно громко и на разные тона разговаривали. Потом начали, кривляясь, изображать пение молитв, в то время как русские женщины, рыдая и плача, стояли на коленях и целовали пол перед исполненным величия

¹ Настоятель храма отец Николай Покровский был в 1940 году осужден за «сокрытие бандитов из банды Булак-Балаховича» и расстрелян. Осуждена была и певчая церкви Мария Родионова на 10 лет за то, что помогала настоятелю.

² Хинделопен, небольшой городок в Голландии (Фрисландия); в живописи Хинделопена есть специфические черты.

³ Вакji — Лоток (голланд.).

престолом Христа и перед распятием. Тут один из них начал громко смеяться над этим, однако, обернувшись, все же немного устыдился, но издевательские замечания на этом не прекратились. Наш «танго-мальчик» Штайнхфельд пожалел, что не взял с собой фотик, чтобы зафиксировать весь этот «театр», который они там устроили. Его иронические высказывания вскоре показались мне чрезмерными, так что я вынужден был ему сказать, что эти живые люди, над которыми он так уничижительно насмехается, правы в своем проявлении покорного благоговения перед Господом. Но он продолжал стоять с шапкой на голове (немногие снимают их в разоренной церкви) и при этом с дымящейся сигаретой, когда один товарищ разъяснял швабскому лейтенанту, что эту церковь так отделали большевики и что он никогда не замечал, чтобы церкви опустошали немецкие солдаты. Во Франции кое-кто входил в церкви тихо и благоговейно с «шапочками» в руках. Это было воистину радостно, вновь здесь услышать разумные и уважительные речи. Одна взволнованная женщина возбужденно рассказывала капитану о злых большевиках и радовалась, что мы освободили ее от гнета. Это можно было заключить уже из того, что она преданно, как собачонка, следовала за ним, жалуясь на перенесенные страдания, чтобы в конце концов ласково погладить его рукой. Славный парень — на гражданке он, должно быть, был налоговым инспектором, адвокатом или учителем — он не знал теперь, что и сказать на это, вероятно, думая: «Все образуется». А перед этим, увидев здесь разбросанный всюду хлам, он сказал: «Ну и свинарник!»

Я вышел оттуда с тяжелым сердцем. Я попытался продемонстрировать Гейнцу Опперману всю прелесть старых (возможно, только в их традиции старых) икон. Но он, однако, увидел лишь внешнюю роскошь богослужения, как будто я говорил ему про Доберан,¹ не более. В результате и сам я не получил удовольствия от разглядывания икон. Но вчера было тихо и красиво. Женщина полчаса стояла на коленях и плакала перед Распятием и, наверное, жаловалась ему на все перенесенные страдания. Возможно, она тревожится за ушедшего на войну сына или уже оплакивает его и ищет утешения в смирении и покорности судьбе, целуя пол и ноги Распятого. Трое стариков — одному, пожалуй, только 40 лет — пришли из соседней деревни и молились тихо и сдержанно. Они обрадовались, когда я захотел вставить икону обратно в раму, и забрали ее у меня. Ах, они были так трогательны и чистосердечны и держали себя, подобно детям в матушкиной гостиной, в которой старший брат разбил весь фарфор. С какой охотой я толковал бы этим людям Божье слово и молился бы с ними — но язык!

¹ Бад-Доберан, город в Померании, почетным гражданином которого был Адольф Гитлер.

Ах да, здесь от Матфея, 7:¹ Немецкие солдаты предстали как спасители от большевизма и в то же время как освободители истинной веры. Они возмутились безбожием, однако «Не всякий, говорящий Мне: „Господи! Господи!“, войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного...»²

**В кузове, 6 августа 1942 г., рано утром;
все еще в том же прекрасном спокойном месте [Заручье]**

Из-за недостатка времени и бумаги ты получишь только краткий привет. Да и хочу немного поспать после ночного дежурства (с часу до четырех), во время которого писал поздравление бабушке с днем рождения. Как видишь, я симпатизирую моей теще настолько, что ппинес в жертву для нее прекраснейшие ночные часы. Мы сейчас стараемся оставлять у рации на ночь только одного человека. Твое письмо от 24 июля с рассказом об отказе от <услуг ?> Марии Лаах пришло вчера — большое спасибо. Но что я написал на «последней странице» моего длинного письма от 12–13 июля, я теперь уже не могу вспомнить — разве что угадать. [Эпизод с сосредоточенными крестьянами при проигрывании речи Сталина, с божницей и др.] Рассказывала ли ты что-нибудь о ранении Герм. Гротьяна в деревне прежде, чем фрау Гротьян получила мое письмо напрямую? Она написала на батарею, что три недели не имела известий о нем и слышала, что он ранен и что она просит сообщить, где он лежит. Надеюсь, из лазарета скоро дадут ей знать.

Листок Евангелия (вероятно, Матфей, конец главы 5 и начало 6-й) я взял из единственного «Священного писания», которое нашел расстрепанным в церкви: оно содержало только 4 Евангелия, но было не крепко переплетено.³

Теперь, наверное, скоро двинемся дальше. Мы сменили наше идиллическое, но сыроватое по ночам для палаток место лагеря вблизи от озера Самро на стоянку в сосновом бору, который превращен в настоящий большой военный лагерь. Вплотную одна к другой стоят едва различимые под камуфляжем машины, а каждое свободное место между ними занято лошадьми и палатками. Маленький, немного мутный ручей, совсем рядом в лесу, предоставил мне сегодня привычную возможность выкупаться, а чистую воду для питья и умывания мы берем из родника прямо перед входом в палатку. Обед вот уже две-три недели состоит из говядины — в виде жаркого, гуляша, рубленого мяса с соусом и хлебом, — к которому по очереди

¹ Глава начинается словами: «Не судите, да не судимы будете».

² Мф. 7: 21.

³ Этот листок из Евангелия Петер Вике, сын Иоганна Генриха, вернул в церковь в Заручье.

горох, чечевицу, лапшу и так далее. Отсутствующие витамины я получаю только из молодой жареной картошки и лука, а последние восемь дней — из регулярно притаскиваемого с картофельных полей сочного хрена, который нарезаю маленькими кубиками и сыплю на сало, масло или пайковый хлеб со смальцем, бросаю в мясную порцию или обжариваю в жире до золотисто-коричневого цвета. Вкуснее всего он, если, сняв кожицу, обжарить его в жире и есть с молодой картошкой фри или хлебом!

[Вложенное письмо к брату Герхарду; младший штаб-врач; Северо-восточный фронт, 7 августа 1941 г.]

Ты благословляешь нас на поход, и ты прав, потому что непосредственно здесь у всех чувство, что в этой войне лишних солдат не будет, хотя сама по себе радиостанция могла бы обойтись и без меня (в других батареях на одного человека меньше). Но пока еще слышен гром русской артиллерии или рокот летающих даже сюда штурмовиков (днем, несмотря на бешеный огонь наших зениток и атаки наших истребителей!), кто-нибудь может задать вопрос: «А следовало ли самому пускаться в опасность?» Ведь я не хотел бы пожелать своей жене и детям, чтобы они однажды получили домой искалеченного отца или даже похоронку на него. Однако ведь до сих пор я не был в непосредственной опасности, хотя как-то раз по пути на плацдарм все же оказался близко от нее, когда мы остановились из-за застрявших штабных машин. (Возможно, ты получил от матери мои письма об этом. Я не хочу тратить много времени на повторяющиеся описания, так как мне нужно написать еще много писем.) Об этом у меня есть еще часть письма, которую из-за своей реалистичности я предпочел не отправлять Ирмгард, чтобы не беспокоить ее. Это все пригодится потом для моего дневника, поэтому я предпочел бы его получить от тебя назад. [Брат] Херрманн получил черновик письма, которое я написал для Норманни о том, как наши подбили 21 танк, среди них были средние и тяжелые (32, 52 и 72 тонны!). Если тебе это интересно, попроси его переслать тебе, но это письмо тоже не нужно показывать матушке и Ирмгард, пока я не вернусь домой.

Я ведь больше хвастаюсь, на самом деле здесь почти ничего не происходит (наш радиофургон не настолько проходим, чтобы подтягивать его к постоянно подвергающейся атакам, хотя и железно удерживаемой передовой). Да и не там происходит самое главное. Однако это было очень интересно хотя бы однажды пережить сильный бой между отдельно стоящим орудием (наполовину вкопанным) и катящейся на него крепостью. Хотя все же не следует подвергаться опасности только из чистой любви к военным операциям. Так что я удовольствовался всего двумя визитами на передовую, когда отвозил еду на полевой кухне 18 июля.

Мысль без нужды лезть на передовую приходит прежде всего в те моменты, когда чувствуешь себя под угрозой. Но именно это является для меня и доказательством ее бессмысленности, и тотчас же она вытесняется отрезвляющим ощущением того, что довольно и имеющегося! Кроме того, из многочисленных здешних солдат только некоторые в течение последних 14 дней и в редких случаях были «пойманы» на том, что вызывались на передовую, а в основном все также чуть что стремятся в надежное укрытие.

Сама по себе дорога через леса и деревни России вполне интересна. Но деревни и сосновые леса очень похожи друг на друга, так что достаточно посмотреть, например, на место стоянки нашей батареи. Так же и церковь, которую большевики разрушили перед своим отступлением. Обо всем этом ты можешь прочесть в сообщениях, посланных к Ирмгард. Я как раз собираюсь ей писать.

В общем, все снова происходит, как во время Большой прогулки [воспоминания о поездке в Финляндию в 1938 г.]. Уже 6 недель у нас почти каждый день есть возможность искупаться: то в Мемеле, то в Западной Двине, то в лесной речушке за плацдармом, в узком, длинном и очень чистом глубоком озере; также и здесь, где мы сейчас стали на отдых, по меньшей мере в небольшой и чистой речушке. Я думаю, после того как уже три недели мы тут бездельничаем, скоро тронемся дальше — надеюсь, это будет последний мощный удар!

[Далее: письмо к Ирмгард] воскресенье, 10 августа 1941 г.

Какая-то маленькая нежная мелодия финской радиостанции (Лахти-Хельсинки) только что в первый раз за эту кампанию разбудила во мне тоску по дому. Ты в этот час — незадолго до 8-ми — молишься с детьми на ночь и при этом также думаешь об Отце. Сейчас вечернее богослужение заканчивается, и я погружаюсь, наконец, в тихие, созерцательные мысли. Сегодня во время утреннего богослужения меня в моих размышлениях о евангельской притче о нерадивом домоправителе прервали из-за неотложных работ по приведению в порядок песчаной дороги, которая ведет через наш лес. Потом я раскладывал сушиться на жарком солнце промокшие за два дня дождей (первых за русскую кампанию!)¹ полотнища палаток, шинели, одеяла и т. д. Еще раз поработал на дороге и сделал наши семь «кроватей». Любимая, молю Бога, чтобы эти одинокие воскресенья и остальные дни

¹ Это странный факт. Многими свидетельствами зафиксированы ливни с грозами в середине июля. О том же свидетельствовала и патологическая жара этого лета — зной перед дождем.

были для тебя добрыми и тихими духом Отца нашего, который (I Кор. 10, 1–13) непокорных, ропщущих,¹ похотливых на злое, страстно желающих «золотого века», златого тельца — сокрушил, и который наверняка «не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести».

Поэтому ты не должна тревожиться обо мне, ибо «Он все устроит благополучно».

Кроме того, мы с нашими зенитками — как и все моторизованные и потому постоянно готовые к быстрому перемещению части — вновь располагаемся довольно далеко позади, отсиживаясь в безопасности. Мы с тягачом продвигаемся вперед только тогда, когда воздух чист. Пушечная пальба позавчера, в первый день наступления [8 августа], была действительно оживленной, это нужно сказать. Но нам ни разу не пришлось прятаться в блиндажи, предусмотрительно оборудованные располагавшимися здесь до нас и вместе с нами вплоть до позавчерашнего дня артиллеристами (конными, из Восточной Пруссии). Огонь концентрировался на дороге, мостах и в особенности на бойцах атаки, происходившей на всем широком фронте плацдарма. О ходе этой акции я исключительно хорошо информирован. Но, конечно, не могу писать об этом подробнее. Скажу только, что мы видели много различных отрядов, проходивших вперед, и много санитарных машин, возвращавшихся обратно. Сегодня у нас над головами зловеще пролетела целая стая немецких бомбардировщиков, которые произвели серьезное опустошение там, на той стороне. Расскажу позднее. Теперь хочу лучше запомнить детали. <...>

12 августа 1941 г.

Хочу использовать мгновение покоя, обретенного сейчас в машине (сейчас 9, и вот-вот вся свора сползется в ее тесное пространство), чтобы передать тебе короткую весточку. То, что ты опять слегла, меня, конечно же, огорчает. Возможно, ты не соблюдаешь диету — или неправильно одеваешься? Предписания врачей — носить бандаж!!! есть без соли, никаких соленых огурцов и т. д. (неужели тебе нужен учитель?) нужно выполнять неукоснительно. <...> Здесь совершенно тихо, после того как наши отряды за последние 4 дня в результате ожесточенных и тяжелых боев достигли существенных успехов и пробитые строившиеся три недели русские укрепления. Но впереди еще много трудной работы. Впрочем, у нас самих работы больше нет, с тех пор как стало необходимым «всего только» сби-

¹ Текст Евангелия интересен в синодальном переводе: «Не ропщите, как некоторые из них роптали и погибли от истребителя» (1 Кор. 10: 10).

вать самолеты. Разумеется, в этом мы достигли прекрасных успехов: позавчера один (возможно, даже 2, но только один подтвержден очевидцами), сегодня еще один — как на конвейере. Кроме того, мы ежедневно наблюдаем интересные воздушные схватки между истребителями и бомбардировщиками. Мы могли бы потихоньку продвигаться вперед, но пока вынуждены и дальше занимать давно знакомые укрытия.

Потрясающий новый рецепт: кусочки хлеба обжарить в польском маргарине до коричневого цвета и смешать с разогретыми на жире в сковороде белыми бобами (или горохом). Иногда еще подрумянивают в жире вместе с горохом или бобами молодые луковки. Но они не всегда есть. На завтра есть оставшаяся с сегодняшнего дня вермишель, разогреем ее с жиром в духовке, должно тоже получиться здорово.

<...>

[К брату Герхарду] 12 августа 1941 г.

Сердечное спасибо за твои милые письма и прежде всего за твой визит в Грюненплан 27 июля! Ты, к сожалению, приехал не совсем вовремя, а потому так и не смог нормально поговорить с Ирмгард, как надеялся, так же, как и она. Но все же у нее осталось прекрасное впечатление, и больная была очень рада твоему визиту.

Наша стрельба продолжалась помимо прочего и ночью, пока я писал. Результат улучшился еще, всего теперь подбито 21. 21-й и предыдущий перед ним были 64-тонниками, настоящими мощными гигантами. Все они еще не осмотрены, так как местность очистилась только сегодня утром или вчера вечером. Бои последних четырех дней здесь были очень, очень тяжелыми. Однако зенитная артиллерия продвигается вперед только тогда, когда над ней уже небо чистое. Это значит, что одна из наших батарей с утра четверга находится там. О двух орудиях, к сожалению, пока ничего не слышно. Но я надеюсь, что они добились значительно больших успехов за эти дни, чем мы на нашей позиции за тринадцать. О «сплетении судеб» на этой войне я пока говорить не в силах. Системы в своих основных устремлениях столь различны и в то же время очень сходны своей организацией. <...> Созидать мир посреди боев этой жизни — вот наша служба. У нас здесь нет постоянного града. <...> Однако на столе барабанит дикая охота Лютцова (из Хельсинки-Лахти). Я не могу сейчас под нее ни писать дальше, ни думать. Впрочем, я чувствую себя здесь в отряде радистов вполне неплохо, как и ты со своими 80 % поля под паром, потому что мы учимся здесь только дремать да попусту тратить время.

Как тяжело мне написать хотя бы одно нормальное письмо, даже если есть время и покой для этого, или вдумчиво читать текст из

Библии или толкования на «Отче наш» дольше, чем полчаса! Живешь в полной апатии — в сущности, ужасное существование, если задуматься. Но так как мы «при», на ум даже не приходит мысли о том, чтобы вырваться. Страшная напрасная трата времени!

[К Ирмгард] 14 августа 1941 г.

<...>

Пока ничего нового сообщить не могу, так как фронт уже далеко впереди нас, и наступление, после тяжелых первых дней, теперь, очевидно, продолжается с новой силой. Мы располагаемся на прежнем месте, у моста через Лугу. Теперь рядом с нами батарея Алекса [Рольфса]. Но самое упорное сопротивление, наверное, уже сломлено, и есть люди, которые думают, что дела здесь закончатся уже через три недели. Но я скептик.

О, моя дорогая жена, как мне жаль, что ты должна на этот раз произвести на свет малышку в мое отсутствие, и я не могу тебе предложить ничего иного. Но ты не грусти, хорошо? Путешествие отсюда домой в любом случае продлится не более 8–12 дней!

Цветную пленку задержали еще на две-три недели. Она должна быть проявлена только в октябре 1941 г. (согласно надписи). Я опасуюсь, что некоторые цветные снимки с разбитыми нашими машинами и т. д., может быть, придется уничтожить, если время для их публикации еще не пришло.

Твои 50 марок пока не дошли, но еще могут придти. Выяснилось, что в России нечего покупать, потому что ничего нет. А остатки уже унесены большевистскими отрядами! Так что не строй надежд. Ленты для шляп и другие вещи, которые у нас всегда делают из кожи, в русском государстве изготавливаются из льна. Наверное, все меха они пустили на экспорт!

17 августа 1941 г.,¹ воскресное утро, 7 ч 30 мин

Фронт продвинулся еще километров на 25–30 вперед и расширился на 7–10 км. Артиллерийский обстрел больше не слышен. Полная тишина. Лесок, в котором мы стоим, своими разрозненными высокими елями, ольховым подлеском и прогалинами похож на окрестности Фойерштайн Ширка.²

Так как Герх. Штайнхфельд спит в машине на скамье-сундуке производства Хофманна, где лежит моя авторучка, пытаюсь писать чернильным карандашом. Позавчера, 15 августа, мы снова немного

¹ На подступах к Луге.

² Местечко в Гарце, Германия.

продвинулись вперед [Юрки/Ивановское?], так как наш мост {через Лугу} самолеты больше не атакуют. Сразу же за деревней, перед которой наши орудия подбили 21 танк, начался болотистый и холмистый буковый <так в тексте!> лес. Мы ехали не в направлении местности с твердой почвой, где были добиты нашими орудиями танки (направление марша на большой город [Кингисепп?]), но правее, к востоку. Итак, теперь я снова в пути.

Соня Штайнхфель наконец проснулся, и Иоганн Генрих снова получил свою ручку в 5 часов пополудни. У меня осталось еще немного почтовой бумаги, но поскольку мне хочется еще написать швейцарцу Масту, семье Ланге и фрау Шифф (он в самом деле погиб?), ты получишь письмо на листке из тетради с портретом папаши Сталина, я подобрал ее во Пскове на складе школьных принадлежностей.

На краю деревни нам уже утром, когда мы ездил той же дорогой в соседнюю деревню накопать картошки, бросились в глаза прочные бункеры наших стрелков (пехоты). Некоторые воронки, между прочим, несут значимые для нашей части даты 15 и 16 июля.¹ Примерно в 2 км дальше встретилось первое танковое заграждение — ров шириной около 2 метров, который по направлению езды понижается совсем постепенно, а с вражеской стороны возвышается совсем круто, так что дальнейшее продвижение танков становится невозможным. В крутой стенке находятся еще стрелковые амбразуры, хорошо замаскированные. В других местах располагались торчащие из земли примерно на метр бревна, на которых должны были застрять танки. В этой линии, кроме того, для защиты от прорыва мотострелков была натянута колючая проволока. У некоторых противотанковых рвов в задних линиях были вкопаны линии надолбов из бетонных глыб, изготовленных прямо на месте, частично они заходили и на дорогу. На краю дороги, где был узкий проход, были вывески с предупреждением «Осторожно, мины!» На месте, где заградительная линия из бревен оставляла рядом с дорогой свободную полосу заболоченного луга, вплотную к краю дороги была натянута веревка с предупреждающими вывесками, а сама дорога была сильно разрушена. Наши саперы уже несколько дней зло ругались, что не так-то просто найти русские мины, потому что эти штуки очень хорошо замаскированы. Но я думаю, это сортирные сплетни.²

¹ Трагические бои на Ивановском плацдарме.

² Другой немецкий источник подтверждает, что это все же не «сортирные сплетни»: «Впервые дивизия понесла потери также из-за мин, которые противник заложил очень умело, а еще от изоэрошено замаскированных огневых позиций артиллерии и ПТО, которые можно было захватить только с большим трудом» (Rolf O. G. Stoves. I. Panzer-Division 1935–1945. Chronik einer der drei Stamm-Divisionen der deutschen Panzerwaffe. S. 237–238. Podzun, Bad Nauheim, 1962).

В деревне, где мы 15 августа спозаранку копали картофель (у нас теперь вдоволь молодой картошки, чтобы жарить!), мы нашли прелестную записку, которую я позднее отошлю тебе.¹ Кроме того, в подвале единственного каменного дома, который, конечно, тоже сгорел, был русский склад снаряжения с множеством ручных гранат, боеприпасов к пулеметам и так далее. И кроме того, были обычные боевые принадлежности для русских солдат, специально обученных на снайперов, которые оставались далеко за линией немецкого фронта, чтобы из лесов уничтожать склады боеприпасов и машины, а также поджигать дома, в которых расквартированы немецкие солдаты: бутылки с бензином (обычные стеклянные литровые бутылки [коктейль Молотова], «чудо-свечи», которые не гаснут при броске и распространяют жар, и резиновые кольца, которыми чудо-свечи крепятся к бутылкам. Если брошенная бутылка разобьется о машину, бензин загорится, а машина...², и если бутылка упадет в сено или деревянный дом, она тоже вызовет пожар. Эта организация «партизан» специально создана для тыловой войны против маршевых колонн, <они действуют> из лесов, которые мы не можем полностью очистить. Но хотя это и рискованные парни, они, однако, никогда не смогут расстроить непоколебимость наших рядов. Время от времени, может быть, звучит в сумерках или на утренней заре выстрел где-то далеко позади, но что он по сравнению с единством и мощью нашей машины!

Теперь нужно еще написать тебе о внезапных изменениях в наших условиях жизни, хотя идет уже третий «круг» дежурств (с 1 ч 43 м ночи 18 августа). Вчера после обеда мне нужно было много всего сделать, а отправить тебе письмо без этой прекрасной последней части я не мог. У нас, кроме тех немногих, кто набрал картошки на скудном маленьком поле русского крестьянина близ озера Долгого, целыми неделями картофеля для еды не было. Теперь у нас на обед постоянно молодой картофель. По вечерам мы жарим его на ежесуточно выдаваемом топленом сале (60–75 гр) на нашей сковороде. К тому же в последней перед нашей нынешней стоянкой деревне [Беседа / Пустомержа?] рядом с сельскохозяйственной школой было огромное поле с огурцами величиной с корнишон. Мы набрали оттуда большой запас. Теперь добавляем их к еде на завтрак, обед и ужин. К тому же есть привезенные из деревни в километре отсюда толстая редька длиной 20–30 см и луковицы. Коровы, овцы и частным порядком сваренная сегодня на троих курица к вечерней жареной картошке составляют роскошное дополнение, просто пир. Посреди удаленной отсюда на 10 км последней деревне Б. [Беседа?] на деревенской пло-

¹ Сын Вике ничего не знает об этой записке. По всей видимости, не была послана или затерялась.

² Здесь часть текста восстановить не удалось.

щади, обсаженной дубами (или ольхой?), стояли три больших русских танка. 52-тонный (того же типа, как на моем снимке, с широкой башней и орудийным стволом калибра 7,5 см, еще довольно целый) я смотрел и поражался.

Из воскресных размышлений, с которых я хотел начать вчерашнее утро, мало что получилось, в то время как текст Лк. 19, 41–48¹ (слезы? об Иерусалиме и очищении храма) вновь так актуален! Спасибо за ваши молитвы обо мне!

20 августа 1941 г.

Так как я только что заполучил в руки [пишущую] машинку, могу я позволить себе написать тебе письмецо на этом стучащем инструменте?

Мы все еще стоим в покоем на парк леске с полянами, ольховыми зарослями и редкими большими елями. Нового сообщить нечего. Фрау Гротьян в своем письме, конечно, заподозрила, что я преждевременно написал домой, не зная ничего точно о ранении и прежде, чем из лазарета пришло официальное сообщение. К сожалению, шеф еще не знает, что в тревогах фрау Гр. виноват Герм. Рунге со своим необдуманном сообщением. Ну, при случае он еще получит за это. Для твоего спокойствия хочу сказать, что фронт за два дня нашего пребывания здесь отдалился на 30 и больше километров. Так что тебе в самом деле не следует беспокоиться. Кроме того, ты ведь знаешь, что мы с нашими функциями не относимся к «непосредственно воюющим частям», а обстрел с воздуха здесь случался только два раза. Это существенно реже, чем в Берлине или Ганновере. Однако Алекс Рольфс, находившийся на огневой позиции батареи, в течение целых трех недель стоявшей там же, где и мы, испытал однажды удивительное спасение: в 10 метрах от окопа, в котором он лежал с одним товарищем, упал артиллерийский снаряд. Двое людей, посланных с батареи, очень удивлялись, что он цел и невредим. В другой раз сгорела палатка, в которой находилось все его барахло, включая куртку и папку для документов с личными вещами! Но что такое эти потери при таких переживаниях и перед лицом такой опасности! Г. Х. Ульрих только что рассказал мне по телефону (между прочим, во время этого разговора у меня снова забрали пишущую машинку), что 8 дней тому назад он встретил Алекса и подумал, «надо же, этот парень вопреки всему остался

¹ «И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем и сказал: о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего».

весел, как всегда». Добрый Алекс! На Г. Х. Ульриха время, проведенное на боевых позициях, напротив, произвело гнетущее впечатление. В выпущенной на батарее к Рождеству 1940 г. юмористической газете про него был такой насмешливый стишок (в этой газете был высмеян каждый присутствовавший): «Ульрих словно стакан с молоком непрозрачен, и поступки этого существа неописуемо коварны». Сказано очень остро и при этом безжалостно о скрытности его характера и холодности его натуры. Но ведь в том-то и дело: тот, кто здесь «хочет чем-то стать», вынужден прорывать фронт и казаться «коварным». Жаль, что его честолюбие так уязвимо. Он был «усилителем» (какой включают между радио и громкоговорителем) шефа при пешем патрулировании, когда тот напускался на людей. Но я сохранил хорошее отношение к нему. Кроме того, я только что узнал от него, что наши снова подбили много танков: 2 64-тонника (мощные передвигающиеся крепости с 15-см орудиями (один такой взорванный я сфотографировал на линии Сталина), 6 52-тонных (на моих снимках такой показан на № 15, рядом с кюветом) с 7,5-см орудием, 4 25-тонных (как тот с откинутой крышкой, без гусениц), рядом со срубным домом среди берез, у кювета, и наконец легкие танки — 12-ти и 10-титонный. Вилли Борхерс в перестрелке третьего дня получил легкий ожог правой щеки и уха, когда при обстреле снаряд разворотил укрытие, его (заряжающего) обдало сквозь пробойну горячей волной. Ранение не причинило ему большого ущерба, и зрение не повредилось. Я пишу это тебе сейчас, чтобы больше не пугать тебя. Ты ведь знаешь, что я не при орудии и не окажусь при нем, и поэтому было бы нелепо тебе бояться, что раз двое из Грюненплана уже погибли, к ним может присоединиться и третий. Письмо от Хуго, пожалуйста, отошли обратно матери, ладно? 50 марок, между прочим, мне больше не нужны, потому что я за предоставленные мной фотографии получил уже больше, чем 50 марок. Сейчас у меня в кармане около 150 марок. Сейчас все «топеу» у меня в кармане, и мне воюется легче. Кроме того, я могу легче и быстрее опустошать карман. Приложенную записку написал Вальтер Хартваген из Лангвайля. Там есть точные характеристики. Если люди в течение года день за днем и ночь за ночью вместе, они узнают друг друга очень хорошо!

Не нужно беспокоиться, что ты меньше пишешь. Ты должна, прежде всего, пребывать в покое, чтобы лучше выносить ребенка и быть в тепле днем и ночью (бандаж!). Я надеюсь, боли, связанные с твоей болезнью почек, прошли? Дорогая жена, я все время думаю о тебе — нет, о вас. От тоски по детям перед моим мысленным взором то и дело встают живые сцены. Умные, вопрошающие глаза нашей Хильдегард, когда она прибегает к отцу послушать какую-нибудь историю, что-нибудь нарисовать и т. д. Требовательное, восприимчивое и одновременно такое самостоятельное бытие Уты.

Просто радостная или бездумно следующая своему дурному настроению Рената. И теперь в тебе вновь чудесное сокровище — ах ты моя любимая жена, я благодарен тебе от всего сердца! И вот теперь мы оба нашей общей любовью хотим изгладить все острые уголки в нашем браке. Когда мы вернемся домой из этой кажущейся почти бесконечной страны, трудно пока сказать. Но шеф считает, что нас должны вернуть в Германию уже к зиме. Впрочем, пока еще об отпусках речи нету, потому что (вот уж не ожидал!) мой отпуск для восстановления здоровья здесь, вообще-то, не расценивается как «отпуск» в чистом виде, иначе в отпуск засобираются и многие другие отцы семейств и товарищи, которые с сент./окт. 1940 г, не считая рождественских каникул, не были дома. Однако это все еще не ясно. Я терпеливо жду, так как время у нас еще есть, а ты сейчас, прежде всего, нуждаешься в спокойствии. Возможно, как для твоих нервов, так и для нормального протекания предстоящего тебе большого свершения — кроме, может быть, часов самих родов — было бы хорошо, если бы ты могла просто быть дома и вести свою привычную женскую жизнь. И я желаю тебе доброго покоя, сил и мира, который Бог поселит в твоём сердце, дорогая моя жена!

Сегодня вам хотел еще написать Август Фрике (твое письмо от 10 августа — вовремя ли матушка получила мое письмо с поздравлениями? [день рождения 6 августа, писалось незадолго до того] — пришло вчера, 19 августа), а фрау Хартман я уже написал. Ведь эта смерть потрясла меня сильнее всего, что до сих пор происходило. Бедная молодая женщина ведь была так рада, столь поздно выйдя замуж, и теперь потеряла все, что было у нее в этой жизни! Как, напротив, я рад, что Август Фрике так счастливо спасся. Какой у Августа Фрике был адрес? Пожалуйста, ответь поскорее! <...>

22 августа 1941 г.

Хотя сегодня нечего особенно рассказывать, ты должна знать, что я думаю о тебе. Герман Гротьян написал мне прилагаемое письмо. Я поражен длиной и обстоятельностью его письма. После критики шефа он стал особенно хладнокровен и выказывает полное спокойствие в этой сумасшедшей войне. Водитель тягача нашего орудия описывал последний бой, насколько он мог наблюдать из своего укрытия, следующим образом: неслыханное достижение Гротьяна и Лаутерберга (и также Шрота!) — втроем эти крутые парни подбили 52-тонник (ср. № 15 наших снимков), несмотря на описанный недостаток боеприпасов. Лаутерберг уже хотел отводить орудие назад, так как положение казалось безвыходным, но шофер обратил его внимание на то, что в спешке в тягаче оставили кое-что из боеприпасов. <...>

Насколько далеко мы все еще «позади», ты можешь судить по тому, что обозы, которые всегда остаются в тылу, теперь в 35–40 км перед нами!

Сегодня я из-за пасмурной погоды проспал до 12 часов, а потом съел густую чечевичную кашу. Наша батарея нашла в сгоревшем поезде 30 мешков русской чечевицы. Этого нам хватит на какое-то время! Каждый вечер мы жарим на наших 50–60 граммах смальца маленькие чудесные молодые картофелины с луком, огурцами и т. д. На кур у нас вследствие хорошего мясного снабжения уже даже нет аппетита. Кроме того, мне кажется, что неправильно, учитывая малочисленность скота у русских крестьян и то, что вместе со сгоревшими домами люди зачастую потеряли почти все, лишая их последнего оставшегося в маленьких огородах и на лугах. С больших полей коллективных хозяйств и государственных школ и т. д. я в то же время, не раздумывая, беру все, что потребуется.

Надеюсь, ты сохранишь мой монблановский карандаш; я отослал его тебе вчера с полевой почтой. <...>

Вторник, 26 августа 1941 г., три четверти второго утра

Спасибо тебе за твое милое напоминание о 17 августа — едва я только встал — в дурном расположении духа (как и всегда по ночам, когда вынужден вылезать из «кровати»!) — оно уже лежало передо мной. Так только ты можешь успокоить меня, когда я оцетиниваюсь во все стороны. Спасибо тебе за твою любовь, мы живем только благодаря любви.

Здесь в России люди постепенно становятся все замкнутее, поскольку эта безликая служебная жизнь затянулась. То, что я забыл дату нашей свадьбы — знак того, что у меня здесь отсутствует твоя оживляющая все любовь. Темные тучи, которые затеняют землю, оказываются даже менее внешними обстоятельствами, чем наша усталость и оцепенелость. Ты сегодня разогнала мне их, и я благодарен тебе за это.

Позавчера в воскресенье (день рождения [сестры] Клэрхен) в час пополудни я был так признателен за шведское богослужение из Хельсингфорса, в котором мог участвовать полтора часа почти без помех от болтовни товарищей (они сидели снаружи). Как было хорошо вновь услышать глубокое благоговение общины, поющей литургию, молитвы смиренных сердец и, сквозь сито часто непонятного чужого языка, с тихой теплотой произнесенные слова самопожертвования прораба благочестия и избавителя от тяжких грехов всемилостивого Господа из Мф. 23, 1–12! Вообще, это последнее воскресенье было прекраснейшим, хотя мы и занимались рано утром сменой позиции. Но как редкое исключение, это было именно то воскресенье, когда постоянно помнишь, что это именно воскресный день. Мы проехали

(Штайнхёфель и я) совсем немного (опять, таким образом, стоим далеко в тылу, наверное, для охраны немецкого аэродрома) и за 6–7 часов обустроили нашу новую площадку в этом симпатичном леске. Об этой небольшой поездке я потом еще расскажу специально. Мы все были в радостном настроении. Когда я собирал оставленные бывшими тут незадолго до нас пехотинцами доски для стола и скамеек (из которых, добавив два полотнища от русских палаток, Ханс Хофманн на этой позиции в приступе неутомимого созидания сколотил для нас на свежем воздухе рядом с машиной подобие летней беседки), я внезапно заметил, что было 10 ч 20 мин, и подумал о вас в тишине. Начиная с часу я засел в фургоне и вплоть до половины третьего слушал божественную службу (добрых 40 минут проповеди!), а после обеда достал из своих запасов 2 сигареты и книгу «Фирма» Мюллер-Партенкирхена [вероятно, из национал-социалистской литературы по хозяйственным проблемам]. Именно теперь я получил доступ к военной библиотеке: дверца ее шкафа снята с крючка! Воскресенье получилось совершенно созерцательным. Прежде всего, я могу подписаться под словами о высокомерии тех, кто хочет оправдаться перед Богом и людьми своим набожным поведением. И на пути через поля и леса под восходящим солнцем я радовался сердцем, что Иисус, который умер за наши грехи, восстал на третий день. Мы ведь не напрасно получили нашу веру, но чтобы через нее спасти свои души. <...>

Моя дорогая, мы странствуем по этой стране, словно дети света! 17 августа, впрочем, было для нас все же не совсем правильным воскресеньем. С утра сияло солнце, я слушал отрывки из утренней церковной службы, но около обеда нам пришлось заняться маскировкой радиостанции, и поэтому у нас случилась ссора с вахмистром. Он, конечно же, не мог позволить нам вольничать. Но это, разумеется, было неприятно. Каждый на этой войне становится все холоднее и своенравнее, особенно в России, потому что едва ли кто-то найдет в себе силы отвлечься от бедности страны (где нечего делать) и с живым интересом следить за событиями; <все эти> мучения от плохих дорог, длительных дозоров, от засевших по лесам русских и неприятностей от случающихся воздушных тревог.

Ах, часто у меня такое ощущение, что я стал раздражителен из-за регулярных дежурств (три часа каждую ночь: один раз с 10 до 1, потом с 1 до 4 и с 4 до 7 попеременно) и от затянувшейся на этой стоянке нехватки воды, и от предосторожностей против завистников, и от постоянного отстаивания своих прав на каждый маленький упрек или каждое, чаще всего тоже безосновательное, обвинение, сделанное с большой песью; отыгрываюсь за счет товарищей!

Фарисей и мытарь! «Раб не больше господина своего...»¹ Величайший из нас должен быть лишь слугой. (Сегодня читать историю о Давиде и хвастливом Голиафе!)

Теперь мое время закончилось. Когда я только что сидел в уборной посреди луга, небо затянуло темными тучами, как плотным покрывалом, и светящееся звездное небо образовало чистый небосвод над еще темной распростертой под ним землей. Еще одна прекрасная картина на нашем пути в наступающие времена!

Важно: пошли мне сразу 1 или 2 больших гребня и побольше конвертов!

28 августа 41 г.

Мы уже дважды поменяли позицию. В воскресенье я писал тебе из леска, на восточном краю которого мы так хорошо обустроились в небольшой рощице, что по утрам солнце светило нам прямо в открытую дверь. Мы радовались просторному виду, открывающемуся за большим лугом, и нашей уютной летней беседке, построенной Хофманном. Он делал это на каждой стоянке, начиная с озера Долгого, если не шел дождь или не было слишком холодно. Во вторник, позавчера, мы прошли тем же самым путем через деревню, которую проходили по пути сюда, и прошли еще кусок дороги дальше на запад. Мы наткнулись на некоторые из тысяч мелких осколков от разбившихся и потому совершенно неузнаваемых самолетов. Про отдельные из них даже нельзя было сказать, русские они или немецкие. Опять видели упавший немецкий бомбардировщик [FW 189], лесную опушку, на которой мы солнечным воскресным утром укрывались, пока немецкий истребитель не сбил русский самолет, с ювелирной точностью сбросивший бомбу на переезд нашей дороги через важную железнодорожную линию [Кингисепп—Красногвардейск—Ленинград] (одноколейную, как в Финляндии!), увидели и прекрасный указатель с надписью «Берлин, центр 1665 км», рядом с другим — «Петербург — ... км» [Ленинград — 75 км] — число я, конечно, не могу здесь написать! — стоявшим еще на своем месте.

Позавчера мы снялись с места под вечер и выгрузились на огневой позиции около 10 часов [предположительно Ополе], чтобы шеф мог добраться до нас на удалении от батареи. Мы раскатали брезент и одеяла (мы ведь справили себе много русского брезента!) и чудесно спали под открытым небом. В середине ночи я проснулся от давления воздуха на мой затылок, сильного треска и от того, что мне на голову с шумом попадали комья грязи. Я удивился, так как принял этот треск за стрельбу наших орудий, которые падали прямо у нас

¹ Ин. 13: 16.

над головами. Не знаю, летел порох или стреляные гильзы снарядов, но, посмотрев из под навеса, увидел, что самолет, уже удалявшийся от нас, стрелял по нашей батарее трассирующими. Я тотчас спокойно уснул снова, потому что больше самолетов не прилетало, и, значит, опасности больше не было. Ханс Хофманн еще сказал при этом: «Я думаю, нам лучше залезть под машину», — а я ответил: «Если прилетит еще самолет, заберемся (часовой получил от нас приказ разбудить нас в этом случае!)».

Вчера ясным солнечным утром мы осматривали хлам на железнодорожных путях недалеко от нашей машины. Там были обломки русского самолета, а может быть, даже двух, сбитых и грохнувшихся так, что различимы были лишь пропеллер и шасси. Рядом с ним лежал почти полностью сгоревший парашют, расколотая камера с пленкой и пластинками для разведывательной съемки и много новеньких вещей из снаряжения летчика, которые, кажется, высыпались из железнодорожного вагона: телетайпная машина, много радио- и телефонных принадлежностей, уже изрезанная большая палатка, маленькие парашютики для светящихся бомб, сумка и ремни от уже упомянутого парашюта и множество мелочей, которые так быстро было и не осмотреть. Я взял кусок палатки, чтобы подкладывать под нашу палатку на сырых местах и три парашюта для светящихся бомб, один из которых, к сожалению, порвался. Ханс Хофманн набрал большую картонную коробку радиоламп!

Наконец мы снова добрались до позиции. Однако успели на ней всего лишь позавтракать, потом пообедать и вздремнуть полтора часа после обеда, как снова раздалось: «Меняем позицию». Проехали всего 10 км и теперь снова сидим в уютной рощице из молодых берез и чудесно колышущейся осоки, которая образует отливающую красноватым, обширную поверхность луга. <...>

29 августа 41 г., [для контроля] письмо № 1

Мне очень жаль, что краткость моей записки несколько огорчила тебя. Я против обыкновения был слишком краток, и ты, привыкнув к моим пространным писаниям, просто неправильно восприняла это мое намеренно деловое «сопроводительное письмо». <...>

Что письма от меня не приходили, тоже странно. Ведь я пишу тебе практически каждые два дня. Теперь для контроля я буду нумеровать их. Может быть, не пропустили то безобидное письмо, где я обмолвился про наши поездки? Сегодня могу тебе сообщить только то, что мы снова немного продвинулись дальше, но по-прежнему на приличном удалении от передовой, так что с нами ничего произойти не может. Вчера мы просидели в кузове весь дождливый день напролет (со времени наступления 8 и 9 августа здесь это первый действительно затяжной дождь). Но при этом было вполне уютно. Совсем от-

даленно до нас доносился стук пулеметов развивающегося немецкого наступления. Сегодня утром продвинулись еще немного вперед. Мы заняли место рядом с противозенитной батареей и получили свою порцию шума от разрывающихся в окрестностях снарядов. В перелеске, видимо, обезвреживали неразорвавшийся снаряд — но я нашел только один свежий осколок, который еще почти обжигал руки. Однако эти штуки так редко прилетают в наши места, что у нас их можно считать прямо-таки редкостью. Кроме того, снаряды всегда глубоко зарываются в трясину и уже поэтому ничего не могут натворить. Около обеда в деревне перед нами и в лесу за ней продолжительно застучали пулеметы и карабины. Немецкие отряды неуклонно продвигаются дальше, хотя при этом они также несут потери. При упорстве русского сопротивления это почти чудо, что мы смогли после обеда, меняя позицию, продвинуться вперед еще на большой отрезок, около двух часов езды по отбитой <у врага> дороге. Нас почти совсем ничто не беспокоило, не считая убитых русских и некоторых наших товарищей на пути, где мы натыкались на многочисленные следы русского отступления.

Поездка через местность, еще сегодня утром находившуюся во вражеских руках, мне сегодня понравилась особенно, так как мы проехали только кусок пути над протекающей в долине глубоко под нами речушке, а потом по верховому болоту. Мы наконец-то увидели не лес и снова лес, а широкие пространства, за которыми в сочной низине поднимался туман наступающего вечера, а вдалеке до самого горизонта виднелись синеватые леса. К северу на фоне закатного неба стояло настоящее облако дыма. Это было, как прекрасный вечер поздним летом на вершине Айфеля или на горных лугах Гарца рядом с Клаусталем или Андреасбергом! Наша позиция расположена на возвышении, на хлебном поле, глядя с которого на запад, вновь можно любоваться долиной и лесами. Открытый горизонт позволяет понять, как «глубоко» в тылу мы сидим. Ни один артиллерийский выстрел нас больше не беспокоит. А там — 3–4 столба дыма над деревнями, за которые идут бои. Когда опустилась тьма, они превратились в отчетливо видные, освещаемые жарким пламенем горящие деревни. Было 6, 7 или даже больше пожарищ, освещавших горизонт.

Я так рад, что мы теперь снова непосредственно участвуем в больших событиях, не подвергаясь при этом никакой опасности. Мы не видели немецких танков: все они уже далеко впереди. Мы, радисты, тоже выполняем теперь необходимые функции, участвуя в мощном натиске на демонического колосса. Наконец-то солдатское бытие вновь обрело смысл!

Предстоящая ночная тишина (на моем дежурстве она начнется в час, 30 августа), однако, нарушена, так как непосредственно у внешней стенки сарая, в котором мы устроили мягкое уютное лежбище

из снопов, через час после нас пристроилось тяжелое (15 см) орудие. И скоро нас разбудит бьющий по ушам шум. Но даже из того, что мы лежим рядом с тяжелым, дальнобойным орудием, ты видишь, как далеко мы за линией фронта. Так что ты можешь совершенно утешиться и набраться смелости, любовь моя.

То, что я не могу сейчас быть рядом с нашими любимыми детками, с их чарующими, столь непохожими друг на друга манерами, конечно, больно. Но сейчас наша служба важнее, и поэтому я охотно приношу эту жертву! В честь праздника такого значимого переживания я уже раздобыл прекрасную сигариллу, а сегодня вечером будет первоклассный бельгийский шоколад из пайка (Левеск?, Брюссель!). Жаль, что я не могу сейчас им поделиться с тобой.

Письмо № 2, 1 сентября 41 г.

К сожалению, мое последнее письмо два дня пролежало у нас в машине, потому что не было возможности отправить почту. Мы каждый день, до позавчерашнего, все понемногу продвигались вперед, чтобы не отставать от орудия, о соседстве с которым я тебе писал в прошлом письме. В ночь на вчера мы последний раз были в пределах досягаемости артиллерии. Русских очень быстро заставили замолчать на нашем участке фронта. Танки уже неделю не появлялись, и о них не слышно. 29 августа в 6 утра пехотный полк запросил по радио 2 наших орудия, потому что они опасались танковой атаки. Но в 12 дня на соответствующих позициях последовала только фланговая атака русской пехоты из вновь образовавшегося котла, которую полк вместе с нашими орудиями быстро отбил. Парням пришлось выдвинуться на 100 м вперед. Но выстрелы из опущенных на 85° зениток снарядами с дистанционными взрывателями сотворили чудо! К сожалению, один снаряд ударил прямо в тягач, ожидавший, пока починят мост, и убил одного товарища. Когда два офицера вместе с унтер-офицером санитарной службы поспешили вытащить из горящей машины боеприпасы, пока те не взорвались, осколками второго снаряда убило старшего лейтенанта, совсем недавно бывшего на нашей батарее, и унтер-офицера санитарной службы. И позавчера, 30 августа, я участвовал в погребении троих товарищей; нас был совсем маленький кружок из 6-ти человек, которые копали могилы.
<...>

Когда мы вечером 29 августа ехали по высокой равнине, о которой я тебе писал, в хлебном поле на горизонте светились огромные пожары русских жилищ. Область между нами и ними была в те дни еще не свободна от русских. Но когда мы проезжали эту местность днем 30 августа, врагов больше не было видно. Это просто сказка — повсюду применяемый здесь метод создания котлов путем быстрого безостановочного продвижения по дорогам и тем

самым пресечения любой возможности сообщения русских между дорогами. Наш фронт постоянно сдвигается вперед, так что преимущество, которое есть у русских в непроходимых лесах слева и справа от дороги, полностью ими утрачивается. В должный срок встречаются отряды с разных флангов, и петля медленно, но неотвратно затягивается!

Ты снова видишь, что я с интересом участвую здесь в движении вперед, и в то же время снова можешь не беспокоиться: ведь я в том подразделении, которое не подвергается прямой угрозе.

Сейчас мы сидим в грязи и сырой глине. Это похоже на Эльфген. Но зато я наслаждаюсь видом свободного неба над нами и широким горизонтом. Мне кажется, что здесь уже потихоньку (потихоньку, говорю!) виднеется конец нашей задачи. Мы все будем рады, когда это предприятие, которое постепенно наскучивает нам, подойдет к скорому концу. Но пока следует быть терпеливыми и ожидать дня, когда мы снова воссоединимся. <...>

Письмо № 3, 3 сентября 41 г.

Хочу сейчас коротко вспомнить о тебе. Я ведь вспоминаю о тебе много раз ежедневно, и по ночам тоже. Но ты должна получить весточку от этой ночи. Сперва о внешних обстоятельствах нашей жизни: мы по-прежнему, с 29 августа, сидим на глинистом поле. Вероятно, снова назначено наше продвижение вперед с артиллерией в качестве «первой линии». Сейчас же мы настолько глубоко в тылу, что едва ли только не раз в день слышим орудия и почти не различаем огни пожарищ на далеком горизонте. Вот уже несколько дней нет и опасности попадания «случайного» артиллерийского снаряда. Самолетов у русских здесь, кажется, больше нет, по крайней мере мы их больше не видим. Танки тоже больше не попадают. У всех нас отчетливое впечатление, что боевые действия в России заканчиваются; 8 погибших — это немного в сравнении с тем, что наша батарея значит на этом участке фронта в наземном бою! Хотя мы все чаще утыкаемся носами в грязь и опасаемся за свою жизнь, мы все же прекрасно защищены. <...>

Письмо № 4, 5 сентября 41 г.

Снова продвинулись на 35 км, и нет поблизости грохота орудий. Хотя вдалеке еще рокочут пушки; но уже так далеко, как ранним утром 21 июня¹ в Тильзите. И мы ломаем головы над тем, что же мы здесь, собственно, должны сейчас делать. Так тихо вокруг, как в свое время во Франции. Русские больше не посылают самолетов и танков.

¹ По всей видимости, в ночь с 21 на 22 июня.

Или они все «распроданы», или же, как я полагаю, русские копят их для обороны большого города, на который мы скоро обрушимся всей своей мощью.

Моя дорогая жена, сейчас у тебя наступает тяжелое время. Мои мысли и добрые пожелания с тобой. <...>

В этот раз я не смогу быть рядом, и это меня огорчает. Но Иисус с тобой. Сила Его Духа больше, чем присутствие находящегося рядом с тобой человека. Я много раз писал это молодым женщинам, мужья которых уже не вернутся домой с этой войны. Он не является «заменой», но поскольку он всегда рядом с тобой, у тебя есть все, чего ты лишена из-за этой войны. <...> Именно в длительности и ожесточенности этой войны я вижу милостивую руку Творца. <...>

Письмо № 4 [второй раз] 8 сентября 41 г.

<...>

Со вчерашнего дня, естественно воскресенья, мы продвинулись к нашей цели еще на добрых 30 км. Нового о дороге сказать нечего: разбежавшиеся по луку немецкие грузовики, заграждения из колючей проволоки, противотанковые рвы, линии стрелковых окопов поперек дороги. И там и сям на обочинах погибшие русские или немецкие товарищи. Леса, луга и плохо обработанные поля. Здесь нельзя удаляться от дорог и колеи, если не хочешь нарваться на мину. Впрочем, они лежат на местности открыто, так что их можно увидеть. И, кроме того, у нас нет никакой необходимости бегать вокруг, так как в машине для связи с огневыми позициями есть телефон. Мины сильно мешают только рассматривать окрестности. Мы опять расположились на возвышенной равнине. Поля густо усыпаны валунами, а горизонт снова образуют черные еловые леса. Дождь вчера прекратился. Он так размягчил боковые дороги, по которым мы удалялись в лес от большой асфальтированной трассы на несколько километров, что мы тратили там часы, пытаясь вытолкнуть машину из ямы, или должны были ждать, пока нас не вытянут проезжающие машины с более высокой проходимостью. <...>

Письмо № 5 от 10. 09. 41, 2 часа ночи

Еще немного продвинулись! Чувствуешь некое удовлетворение, когда постоянно и неуклонно движешься вперед. Мы уже в непосредственной близости от цели, причем, следует заметить, при большом напряжении сил с обеих сторон. Боевая жизнь наших пехотинцев очень утомительна и тяжела. Унтер-офицер санитарной службы и пастор из Восточной Пруссии, с которыми я познакомился на главном месте сбора в непосредственной близости от наших

передовых позиций на последних колхозных полях, рассказывали, что эти товарищи приходят с фронта ужасно грязные и вследствие этого часто очень слабые и измотанные. Они лежат едва ли не неделями в своих лисьих норах — а время от времени им приходится выкапывать новые — и ползают на карачках из-за прячущегося в лесу и в поле врага. Мы сегодня прихватили в машину некоторых из тех, кто все 150 км от родного гарнизона протопал досюда пешком. Ноги у них стали плоскими, как доски. Они часто просили у нас сухари, так как их снабжение еще не прибыло. В последнее воскресенье, пожалуй, 3–4 человека обращалось с подобной просьбой в нашу машину, и так уже несвободную, так что нам приходилось отдавать последние горбушки. Когда такая большая масса уподобляется «обезьянам» и со всем багажом переходит вброд все ответвления главной дороги, где грязь на 30–40 см, — а пехотные полки находятся в этом состоянии с 14. 07 — начинает приходиться истинное понимание того, как обстоят наши дела! Это не просто ворчание — несмотря на все успехи, начинает возникать ощущение, что все впустую.

Вчера вечером мне и Альбрехту Хану представилось великолепное, хотя и весьма печальное зрелище. После обеда Альбрехт указал мне на огромное облако дыма на горизонте, которое, по всей видимости, образовалось от охваченной огнем большей территории. Когда мы снова посмотрели туда уже в наступившей темноте, там были только слабые отблески пробивавшегося сквозь дымку огня. Взошла луна, залив нас своим холодным светом из-за тонкой полоски облаков, как вдруг в деревне, находящейся примерно в 1 ½ километрах, возникло красноватое облако. Резко взметнулось пламя, и кроны деревьев, стоящих перед горящим домом, отчетливо обозначились на фоне светлого яркого облака, быстро сгустившегося в высоте прозрачного ночного неба в настоящее кучевое облако. Одна половина черно-серая и зловещая, другая раскаленно-красная, постоянно стремящаяся ввысь — предвестник войн. И пламя снова и снова все ударяло в облако снизу. Минут через 20 они вновь соединились, сведя свою работу в ничто. Но это произошло не из-за обстрела. Эта позиция находилась так далеко позади, что можно было слышать почти каждый далеко разносящийся выстрел. Также мы легко могли разглядеть огонь в сухой части дома! Сегодня мы в течение часа наблюдали привязной аэростат и многократно предпринимаемые русскими летчиками попытки его сбить. Он на самом деле значительно облегчал работу нашей артиллерии. Но и рус. артиллерия тоже его обстреливала.

Я очень устал. Мы снова чрезвычайно горды: вчера утром между 9.00 и 9.40 «мое» орудие Цезарь разнесло в пух и прах без всякого для себя ущерба четыре толстых стальных бункера, укрытых стволами деревьев и большим количеством земли, — опять замечательный

успех! Поскольку я находился рядом с «Е», я тоже теперь удачно приду домой, украшенный ЕК.¹

Я верю, так же, как и ты, дорогая, что однажды я, живой и здоровый, вернусь к тебе в родной дом.

<...> Как незаслуженно, с другой стороны, я нахожусь в хорошем и безопасном месте в нашем отряде радистов! Однако меньше чести — ничто не приобретается без жертв.

У Вилли Борхерса дыра в барабанной перепонке, скорее всего, служба для него закончилась. Но он получил ЕК II, и я очень рад за него. <...>

Письмо № 6 от 11. 09. 41, 17 ч.

Благодарю тебя за письмо от 1.9, которое теперь — наконец — снова дошло до меня за 10 дней. Причем из-за того, что нас в последнее время то и дело переводят из подразделения в подразделение, полевая почта могла бы не знать — куда.

Одна 25-пфенинговая сигара, которая была куплена сегодня в столовой, чашка хорошего (настоящего) чая — мы получаем почти каждый второй вечер чай в полевой фляге — притом с лимонным соком, — добрый обед из молодой картошки в мундире, что-то вроде телячьего филе и сало — в желудке, и удобное место в прикаченной вчера новой машине радистов (наконец-то нормальная радиомашинка, которая вместе с другими батареями была доставлена младшим капралом из Берлина — это длилось более 3-х недель!) создают прекрасное настроение, какое бывает у меня на этой войне совсем редко. К тому же с новой машиной кроме сигар прибыли также конверты, зубные щетки, расчески и т. д., так что тебе больше нет нужды слать вещи такого рода.

«Телячье филе» — кусок, который пехотинец принес на груди завернутым в газету после последнего «боевого праздника», проведенного в покое. Он знал, что поскольку теперь идет вперед, не сможет это использовать — но мы!

<...>

Ты и твой ребенок, вы придаете моему покою простор и длительность <...> я теперь часто сплю, почти всегда помолвившись, «в Божьем мире» хорошо и спокойно, даже если в походе гремит артиллерия и бьют зенитки. Недавно здесь было все в волнении, так как нас за пару часов до этого побеспокоил рус. летчик, а перед сном опять загудели моторы. Но меня больше ничего не может беспокоить. Поскольку мы не можем больше ничего предпринять для нашей безопасности, то тревожно прислушиваться к шуму нет

¹ Железный крест — от немецкого Eisene Kreuz. Таким образом, предыдущее «Е», вероятно, означает — железо.

смысла. «Все происходит по Божьей воле...» Я часто чувствую, что ты тоже молишься за меня. И ты не плачь теперь — самые великие страдания будут покрыты более великой любовью Господа. Поэтому твой намек на то, что мы можем больше не увидеться на этом свете, здесь потрясает меня не так сильно, как в том случае, когда подобная мысль часто во всей отчетливости вторгается к вам в полный жизни семейный круг. Тем не менее я не могу себе представить, кто или как мог бы однажды стать моей «второй женой». Потому что ты — женщина моей жизни. Всякое сравнение было бы бессмысленным, ибо ты моя единственная и нескончаемая любовь. То, что это действительно так, я узнаю хотя бы из того, что даже не смог бы пойти с «чужими».

Я на несколько часов прервался — помогал Хансу Хофманну поддерживать радиосвязь — и вот уже 11 ч., и я подумал о тебе, что ты теперь, быть может, еще ворочаешься в постели. Посмотри, <в нашей совместной жизни> было не только 4 года. Даже и весь этот год войны для нашей любви не потерян. А были еще и дни отпуска! Поэтому я все просиживаю над письмом к тебе. Хотя я прекрасно знаю, что нам не следует пытаться прилагать силы, чтобы это продолжилось, потому что Бог, быть может, уже завтра заберет нас. Но я желаю с благодарностью обладать всем этим так долго, как только Бог мне позволит.

Моей дорогой Хильдегарде не нужно беспокоиться о жизни в палатке: в палатке у нас всегда невероятно тепло, благодаря множеству пальто и одеял — в этом отношении нам досталось так много русских вещей с армейских складов! А если земля влажна для установки палаток, мы спим в прекрасно укрытых тягачах, где каждый вытягивается на отдельной скамье. Впрочем, Хофманн обзавелся очень уютной палаткой, около 1.70 см высотой, в которой мы прекрасно устраиваемся вместе. Тебе, Хильдегарда, нужно потом попутешествовать (Бог даст, будем живы!) — ведь уже неоднократно испытано, как прекрасно можно жить и спать в палатке. И если дождь колотит прямо по ее крыше, это что-то наипрелестнейшее. Если холодно, мы ставим внутрь большую бензиновую печь, которая поддерживает постоянную комнатную температуру 15–18°.

Теперь хочу передать благодарность матери за пару сладких посылок из Шпиндлерува Млына. В одной были кексы, в другой — пралине. Подобные лакомства, когда единственное удовольствие составляют сигары, порой радуют человеческие сердца. Но у нас хорошее, постоянно очень хорошее и сухое довольствие — что должно поддерживать и укреплять «правильных» солдат, пехоту!

Когда ты получишь это письмо, цель нашего «путешествия» сюда будет давным-давно достигнута. Все лежащие перед нами укрепления уже разрушены, одно наше орудие незадолго до этого без

всякого для себя ущерба разбило 4 мощных стальных бункера, крытых землей и бревнами! Куда наши войска последуют дальше, никто, естественно, не знает, но мы об этом мало беспокоимся. Наша новая машина очень комфортабельна, удобна и, кроме всего прочего, сделана так, что подходит для любой местности. Итак — однажды мы поедем полные радости домой по воле Божьей. <...>

[Приписка] 11. 9. 41

Позволили послать пленку, и, несмотря на то, что перед этим ее нам испортили, хотим все же рискнуть: может быть, какие-то кадры сохранились. Эти козлы правильно отреагировали. Некоторые мои посылки с табаком были отправлены не без тайничков — счастье, что они при этом успешно дошли! Твое письмо от 23. 8 пришло сегодня вечером (старая почта; переслано), а то, которое было от 1. 9 — вчера вечером! Сегодня с батареи пришла телеграмма, отправленная 6. 9 — надо полагать, по крайней мере с 5-дневной задержкой — так же как и вести по «Товарищеской службе» [Радио].

Письмо № 7 (или № 6?) от 15. 9. 41, перед обедом

С последнего письма мы поменяли, я думаю, уже 2 позиции. А 12. 9, едва пала тьма, мы оказались под часто повторяющейся угрозой «Железных Густавов»¹, очень маневренных, весьма неприятно и неистово стреляющих из пулеметов маленькими разрывными снарядами (ок. 1,5 см величиной) бронированных рус. штурмовиков. Они шли в направлении известного города прямо над на удивление безупречно асфальтированной дорогой, находящейся несколько в стороне от основной дороги в зарослях ольхи на широкой возвышенности. На огневых позициях едва успевали устанавливать орудия, чтобы прикрыться от буршей,² так часто они жужжали вокруг, словно надоедливые мухи. Благо еще, что эти нарушители спокойствия не могут причинить никакого вреда, если вовремя их за-

¹ Одно из немецких прозвищ советского штурмовика Ил-2. К началу войны их было выпущено всего менее 300 штук, но они быстро заявили о себе; немцы называли их «мясники», «мясорубки», «черная смерть». Что же касается употребленного здесь прозвища «железный Густав», то любопытно отметить, что в конце тридцатых годов в Германии вышел роман Г. Фаллады с таким названием. Главный герой романа — пруссак, склонный к чрезвычайной пунктуальности. Но еще более любопытно, что прозвище «железный Густав» имел в Германии другой чрезвычайно пунктуальный человек — главный оружейник вермахта Крупп. Именем его жены была названа самая мощная пушка, выпущенная концерном — «большая Берта».

² Штурмовик Ил-2 имел производственную маркировку БШ-2 (бронированный штурмовик).

метить. И мы следим! Тотчас прячемся в ямы, в соседний лесок или под машины. Железный Густав может преспокойно следовать своей дорогой, потому что самое большее, что может он повредить, — это транспорт. Рядом с нашими кустами находится огромный бункер, а также якобы расположенный под землей бункер для самолетов, замаскированный дерном и прочими изысками. Утром (13. 9) я нес вахту с 4-х часов, а потому не мог там ничего осмотреть. А после обеда мы снова двинулись дальше — это знак того, как быстро наши войска продвигаются к городу. И здесь уже лавине самолетов препятствовал «контроль» главной дороги. Мы преспокойно прибыли в наш высокий лес — на этот раз высоко разросшиеся сосны. И это настоящее благоденствие, что не нужно больше шлепать по влажной листве, в высоко возносящемся блуждании. На опушке леса под крестом, на скорую руку сооруженным из 2-х дощечек над двумя товарищами, стоят на холмике 2 крупнокалиберных пулемета, наполовину расстрелявших ленту. Дата — 10. 9. 41, а мы пришли сюда только 13. 9. И ты видишь вновь, как чисто и спокойно было, наверное, здесь до нашего появления!

В непосредственной близости находится очень глубокий и широкий бункер, очевидно, уже приготовленный русскими для зимы. Удивительны проложенный под землей свинцовый кабель, предназначенный для обеспечения связи, большая новая бензиновая лампа из жести, удобные телефонные и беспроводные средства связи. Но, к сожалению, все части совершенно оторваны и разбиты, валяются большие штабеля досок, много листов промасленной бумаги для отделки пола и стен и некоторые другие принадлежности. Например, целые пропагандистские плакаты по обучению действиям против немецкой артиллерии и зениток, где на самом деле совершенно не учтено, что все эти стальные бункеры перед «безопасными» позициями будут быстро разбиты нашими орудиями. Я уже писал о том, что только наши орудия разбили четыре, разогнав соотв. личный состав (а возможно, даже и убив — ближайших сообщений я еще пока не смог получить). А кроме этого они подстрелили 2 тяжелых 52-х тонных танка, так что на нашем счету уже весьма серьезный баланс, включающий два 64-х тн,¹ восемь 52-х тн, шесть 25-ти тн² и семь 12-ти тн³ танков соотв.! Однако вопрос о том, войдем ли мы внутрь самого города, вызывает теперь большие сомнения. <...>

Остается только дожидаться, что из этого выйдет, но я почти уверен, что мы останемся здесь на долгое время, и в таком случае я, воз-

¹ Имеются в виду KB-2, оснащенные 152-мм орудием. На самом деле они весили тоже 52 т.

² Т-34.

³ БТ-2, БТ-5, БТ-7.

можно, однажды попробую заикнуться о положенном отпуске. Это все, естественно, лишь предположения, которые могут быть в любой момент опровергнуты. Сегодня орудие вновь наводилось на дорогу против танка.

Вилли Борхерс, однако, так ничего и не написал домой о повреждении барабанной перепонки и не хочет вообще ни о каких несчастьях писать домой. И я прошу тебя тоже молчать об этом. Он теперь, пока рана не зажила, на кухне в положении хвастуна и заметно преуспевает в этом! Вчера, в воскресенье, я не досчитался своей Библии и был очень огорчен этим, так как мог умудриться создать лишь некий эрзац вместо проповеди. Но вечером она нашлась в палатке в моих вещах, и я был очень рад.

О моей «кровати» в машине Хильдегард может не беспокоиться. Я ей об этом сам все напишу. Я сплю на самом деле на вполне сухом и теплом месте!

<...>

Покупаем тебе хорошую шубу: все 10 дней я получаю в дополнение к окладу 300 м. и еще 23 м. и ни в чем не нуждаюсь при этом! Никаких лошадиных шкур!..

Только что слышал из Хельсинки две прекрасных арии из «Свадьбы Фигаро» и «Дон Жуана» Моцарта — радио здесь для нас все же прекраснейшая вещь! <...>

Из Санкт-Петербурга, 15. 9. 41 [вложение для детей]

Дядя Герхард прислал мне ваши фото. Видно, что вы все трое немного подросли и стали разумнее. У Ренаты уже настоящие локоны, и ты можешь смеяться, моя милая плутовка, но я этому сильно обрадовался! Но мама мне написала, что ты часто упрямисься. Ты же так любишь маму, поэтому могла бы не огорчать ее. А ты, дорогая Ута, почему все еще воешь, когда тебе что-нибудь не позволяют?.. Когда ты весел, даже еда намного вкуснее. И мы должны все съедать, что положено на тарелку. У папы такая большая кастрюля, что туда входит так же много, как в нашу суповую миску дома. Мне ее наполняют каждый обед до краев (1 ½–2 л), и я все съедаю. Вчера мы ели картошку в мундире и мясной рулет, позавчера целый горшок чечевицы, а потом гороховый суп, рисовый бульон, суп из перловки, суп из бобов с картофелем и кусочками мяса или лапшу. Если вы хотите стать такими же большими, как папа, дядя Герхард и тетя Эльза, вы должны всегда очень хорошо есть. <...> Мои дорогие дети, как было бы здорово, если бы я смог опять вернуться домой. Но русские все еще не собираются прекращать стрельбу. Поэтому мы должны оставаться здесь, чтобы они не пришли и не перестреляли всех нас. Иначе однажды они придут в наш Грюненплан и захотят жить в на-

ших домах, и у вас тогда не будет такой прекрасной еды, а они будут постоянно ругаться и орать в домах — мы же не хотим этого. Поэтому я все еще остаюсь солдатом, чтобы русские не пришли в Германию и всех нас не выгнали. Когда они сдадутся и на земле наступит мир, тогда и я приду к вам домой насовсем.

Хильдегард, ты недавно спрашивала мать, мог ли я дома спать во время дождя. Знаешь, люди здесь в России подметают свои комнаты не каждый день, а умываются, лишь порой слегка ополаскивая лицо. Их платья, костюмы и кровати пахнут и при этом грязные, а нормальных кроватей здесь совсем нет, а лишь какие-то скамьи у стены. Они ложатся ночью на соломенный тюфяк и спят в комнате. И еду готовят также в комнате, в большой печи, какую ваша бабушка, может быть, показывала вам как-нибудь на картинке. Так как печи из камня или иногда из железа, то они остаются целыми, когда дома, построенные из бревен, сгорают. Вот в такой грязной кухонной комнате я не смог спать. В нашей палатке намного лучше. Мы кладем только пару больших палаточных лоскутов на землю. Они покрыты лаком, русские тоже всегда из таких делают свои палатки, но у нас новые, которые еще грязными русскими не использовались. Через эти палаточные подкладки почти совсем не проходят дождь и влага с земли. А я еще кладу сверху толстое суконное русское пальто, которое тоже было совершенно новое. Также у меня есть двое толстых штанов, которые набиты ватой и прошиты как лоскутное одеяло. Они такие же мягкие и теплые, как ваши матрацы и одеяла. А чтобы укрываться, у меня есть еще 2 толстых шерстяных одеяла и 2 совсем толстых зимних пальто, которые также толсты, как мое большое зимнее пальто дома. И когда идет дождь, мы лежим в пуху и тепле и слушаем, как дождевые капли падают на крышу палатки, а затем сползают на землю. Мы весь день и всю ночь в лесу. Это превосходно, дорогие дети! И нам здесь совсем не надо далеко идти, если мы хотим погулять! <...>

Письмо № 7 (или № 8?, последнее было письмо детям) [без даты]

Спасибо тебе за милое письмо от 7. 9. Я как раз написал Доррит, но ей так нелегко говорить что-либо о том месте, где мы вновь пребываем в доброй надежде. Так ее Хартмут все же убит? Вы обе пишете «также второго парня» — я должен был ей признаться, что совершенно ничего не знал об этом. Живем на самом деле лишь от мгновения до мгновения, и все, что до меня доходит через письма, так легко скрывается в подсознание. Жаль, что у меня нет теперь больше великолепного досуга, когда я от 4 до 7 ч. сидел в машине один. Теперь братья судачат о теплой пище, о сильном ветре, который всю ночь тщетно пытается сорвать палатку, и т. п.

А ты, я очень благодарен тебе за то искусство, с которым ты при всей тяжести твоей сегодняшней жизни открыта к переживаниям близких тебе людей.

Вести о детях в твоих письмах всегда, как изюм в пироге! Ведь для малышей так же, как и для нас взрослых, хорошо, когда они ждут и стараются не отчаиваться в своих надеждах на мир и возвращение домой отцов. Дорогая жена, как я благодарен тебе за то, что ты так уверенно и отважно несешь свою долю. <...>

Ефрейтор Вике
В поле, 16. 9. 41

[Специальное послание; вероятно, предназначавшееся для передачи в публикацию; с пометками на полях; содержит информацию, широко известную уже несколько недель в войсках; ср. статью «Зенитная батарея удерживает плацдарм» в «Фолькишер беобахтер» от 9. 9. 41.]

Когда наша зенитная батарея в начале июля продвигалась сквозь сталинскую линию, наткнулись мы где-то в 500 м от «взлетной полосы» на остатки русского 64-тн танка. Его расстреляла зенитка, хорошо замаскированная щитами рядом с ветхим срубом, с расстояния 80 м двумя попаданиями в заднюю часть, приведшими к взрыву. Броня толщиной 15 см была пробита, как будто она из картона, а затем его весь разбросало. Некоторые части отлетели примерно на 400 м. По колее, оставленной танком, мы увидели, что колосс, вместе с легким танком, мчался к бункеру, в котором, впрочем, был лишь один пулемет, чтобы пресечь его обстрел. Но 8,8-см гранаты точными попаданиями остановили оба танка. Двенадцатицилиндровый мотор подлетел метров на 70 вверх. Одна часть танка оказалась в непосредственной близости от орудийной установки. И мы были полны зависти и восхищения зенитчиками, которые в такой непосредственной близости нанесли убийственные выстрелы опасному противнику.

Шесть дней спустя наша батарея столкнулась с таким же противником. Одно орудие в жаркой битве за плацдарм вывело из строя 8 танков, прежде чем остальные орудия даже успели выйти на позиции. Снова и снова тяжелейшие танки выдвигались на орудие. Но парни держались просто восхитительно! Несмотря на то что часто снаряды отскакивали от мощной брони, все танки в конце концов были повержены. В течение 2-х суток 3 орудия уничтожили 20 танков, причем один 64-тонный и 6 весом в 52 т.

Днем позже вновь появился 64-тонник. Снаряды не попадали в середину и не могли пробить толстую броню. Он ехал как раз вдоль по дороге, прорвав передовые линии пехоты, в которых находились

наши орудия, и проехал при этом в метре от нашего орудия. Чтобы прикрыть наступающую пехоту, шел он по дуге вокруг нашего орудия примерно в 80 м перед пехотными линиями. Тут один снаряд попал ему в колеса, и от мощного взрыва 15-см гранаты он загорелся и в четверть часа превратился в огромный столб огня и дыма. Затем он весь от ужасного взрыва разлетелся на куски, и некоторые части пролетели буквально над головой орудийного расчета. Один большой осколок упал в бункер к нашим товарищам. Благодаря тому, что наши зенитки уничтожили все яростно наступавшие на плацдарм танки, мы смогли также отбить ежедневно повторяющиеся атаки русской пехоты. Мы прибыли как раз вовремя, чтобы его [плацдарм] удержать. С тех пор как мы все дальше продвигаемся по дороге, перед нашим стволом появились и пали 3 52-хтонника. На рис. 5 виден один танк такого класса. Кроме 24 красных украшают наши стволы еще 9 белых колец в знак того, что нами сбиты и самолеты, а также в последние дни разбиты 4 стальных бункера, что должно придать еще больше веса силе слова наших гранат.

[Письмо, вложенное для брата Герхарда] Перед городом, 17. 9. 41.

<...> Между прочим, вчера подбили 24-й и 25-й танк и опять 2 толстых 52-х тонника. [Итого]: 2×64, 10×50, 6×25 и ост. 10-ти и 12-ти тонник; притом 9 самолетов и 4 огромных стальных бункера! <...>

[Ирмгард; письмо без №] от 19. 9. 41

Когда ты получишь это письмо, твои самые тяжелые часы, должно быть, будут уже позади.¹ Я думаю о тебе! И если все прошло хорошо, и Бог вновь послал нам живое и здоровое дитя, ты чувствуешь себя радостной и благодарной <...>

Я пережил совершенно чудесный час: северное сияние! Я выглянул из машины, чтобы посмотреть на последствия артобстрела (вчера наши промостили «красную площадь» 24-см гранатами). Это было около ½ 3 утра, но так светло, как через ½ часа после захода солнца. Я увидел на северном горизонте 3 или 4 тонкие светлые полосы, сияющие на полвысоты от зенита, в то время как более тонкие темные полосы как бы были освещены отдельными лучами солнца, но не красноватыми, а совершенно бледными, они сияли зеленовато-бежево-белым светом, как при полнолунии.

Я взглянул на небо: вокруг зенита мерцали и трепетали (плоские)² дуги, которые вслед за тем стали расширяться, светясь

¹ Сын Вике, Петер Вильгельм, родился чуть позже — 23 сентября 1941 года.

² Надписано сверху (П. В.)

на фоне светлого звездного неба туманными полосами, и вскоре исчезли. Теперь запылало на северо-востоке, где много тонких лучей, быстро разрастались от горизонта; устремилось прямо к зениту, тени метнулись от них вниз, чтобы затем вновь побежать к самой верхней точке неба. С севера, с востока теперь по всему горизонту, за исключением южной стороны, поднимались эти лучи в небо, чтобы сплестись прямо надо мной в некий молочно-стеклянный, нежно-нежно светящийся шар. Ни облачка, ни дымка — только светлая пелена над темно-голубым сводом. Восходящие лучи накрывали остатки тьмы целыми грядами света, это зарницы вспыхивали и гасли, чтобы затем вновь и с еще большей силой накрыть светящимися пучками тьму. Ночь была светла, как при полнолунии, и при этом на востоке в красноватом отсвете пожара слегка светился на три четверти круга видный серп. Он отдыхал на нежной гряде облаков, в которых красноватые отблески пожара отражались настельными тонами.

Вскоре заполнявший собой целые три четверти огромного неба световой собор уменьшился, чтобы осветить небо отдельными еще более яркими полосами света. Свечение вознеслось вновь и затем опять медленно снизошло в мягком ритме.

Из этого описания ты поймешь еще и то, что над нами теперь наконец-то снова чистое небо. Вчера вечером я совершил небольшой поход к краю невысокого холма, у которого мы расположились, — на 200–400 м, более я не мог себе позволить, чтобы не быть замеченным врагом. Там в отдалении за широкой равниной видна темная полоска леса на побережье. Высокая церковная башня указывает на небольшой город, еще дальше около голубеющей у горизонта горы¹ уже открывается выступающий мыс. Я так рад, что над нами снова чистое небо, и вдали открывается прекрасный вид!

<...>

Вот такое замечательное свидетельство сохранил для нас простой немецкий ефрейтор.

Кстати говоря, благодаря этому письму планировавшаяся немцами на осень следующего года операция «Северное сияние» начинает выглядеть в совершенно ином свете. Вся немецкая сторона явно знала об этом чудесном явлении. Но почему же полное молчание хранят наши источники?

В том, что это явление действительно имело место, можно не сомневаться. Как сообщил мне пресс-секретарь ГАО РАН Сергей Смирнов, полярное сияние и сопутствующие геофизические события в те дни наблюдались многими не только у нас на Кольском полуостро-

¹ Скорее всего, гора Ореховая. Путем сопоставления различных мелочей мы с Петером Вильгельмом ограничили район, в котором находился в этот момент И. Г. Вике, окружностью с радиусом в пять километров и с центром в Ропше.

ве, но и в США в Южной Каролине, в Нью-Йорке, в Пенсильвании, в Индиане. Вторая половина сентября 1941 года характеризуется чрезвычайной активностью солнца.

Приведу краткую заметку из одной американской газеты от 18 сентября 1941 года.

Буря плей-офф

Эта буря имела несчастье разразиться во время домашнего матча команд Бруклин Доджерс и Питтсбург Пайрэтс. В течение всего дня бейсбольные фанаты ждали 16:00, чтобы услышать трансляцию игры с Редом Барбером на радиостанции WUR. В какой-то момент при счете 0:0 в течение 15 минут передача было практически не слышно. К тому моменту как трансляция возобновилась, Пираты успели набрать не одно, а целых четыре очка. Уже через несколько минут фанаты окружили радиостанцию, требуя объяснения подобной «технической неисправности». Но в ответ они получили лишь малоубедительное заявление о том, что винить во всем нужно солнце. Результаты воздействия подобных «солнечных вспышек» проявлялись тогда регулярными перебоями трансатлантической коротковолновой связи с Европой, которой не бывало большую часть дня. Но на неудачном бейсбольном матче в Нью-Йорке солнце не успокоилось. Бруклин Доджерс продолжил матчи, несколько недель спустя встретившись с Нью-Йорк Янкиз в Мировой серии, но проиграл семь матчей к четырем.

Эта солнечная активность предвляла полное затмение Солнца, которое произошло 21 сентября 1941 года. Ученые Ленинградской Пулковской обсерватории находились в это время в полосе полной фазы в Средней Азии, где проводили тщательные наблюдения за этим затмением вместе с иностранными астрономами.

Само же Пулково было уже прифронтовым...

Однако для ленинградских ученых это явление не осталось незамеченным.

Цитирую статью профессора Д. Я. Мартынова из «Астрономического календаря на 1943 год»:

«Несмотря на падение солнечной деятельности, на поверхности Солнца не раз появлялись мощные группы пятен. <...>

В 1941 г. особенно эффективна была группа 17 сентября, достигшая площади в 2000 миллионных [долей площади диска Солнца]. Она вызвала сильную магнитную бурю, возмущения в ионосфере и красное полярное сияние, замеченное участниками экспедиций на солнечное затмение в районе Алма-Ата и в Америке».

И все же может показаться странным, что такое редкое и почти волшебное явление осталось совершенно незамеченным ленинградцами и особенно жителями ленинградской области, поскольку упоминаний о нем не встречается ни в одном из известных мне на данное время многочисленных блокадных воспоминаний. Однако не надо спешить с выводами. Время обнаруживает все, и, быть может, именно эта публикация станет той точкой опоры, которая не только позволит опровергнуть убеждение тех, кто не верит в возможность настоящего северного сияния в наших краях, но и всколыхнет новый пласт пронзительных воспоминаний о тех непростых днях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ И АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Афрамеев* — *Афрамеев Э. А.* Хроника 158 истребительного авиационного полка. Ленинград — 1941. СПб.: Петрополис, 2011.
- Бардин* — *Бардин С.* «...И штатские надели шинели». М.: Советская Россия, 1974.
- Беляев* — *Беляев С., Кузнецов П.* Народное ополчение Ленинграда. Л.: Лениздат, 1959.
- Бычевский* — *Бычевский Б. В.* Город-фронт. М.: Военное издательство министерства обороны СССР, 1963.
- Венок славы* — *Венок славы. Т. 1.* Вставай страна огромная... 2-е изд. М.: «Современник», 1987.
- ВИЖ, 1974* — Военно-исторический журнал. 1974. № 6.
- ВИЖ, 1988* — Военно-исторический журнал. 1988. № 6.
- ВИЖ, 2013* — Военно-исторический журнал. 2013. № 2.
- Винницкий* — *Винницкий Л. Г.* Бойцы особого фронта. Л.: Лениздат, 1980.
- Гальдер, 2004* — *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. М.: ОЛМА-ПРЕСС «Звездный мир», 2004.
- Гальдер, 2007* — *Гальдер Ф.* Русская кампания. Хроника боевых действий на Восточном фронте 1941—1942. М.: Центрполиграф, 2007.
- Еременко* — *Еременко А. И.* В начале войны. М.: Наука, 1965.
- Жуков* — *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 2-х т. М.: Министерство обороны. Военное издательство, 2010.
- Иванов* — *Иванов С. П.* Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: «Воениздат», 1990.

- Исаев, 2005* — *Исаев А.* «Котлы» 1941-го. История ВОВ, которую мы не знали. М.: Яуза, Эксмо, 2005.
- Исаев, 2011* — *Исаев А.* Иной 1941. От границы до Ленинграда. М.: Яуза, Эксмо, 2011.
- Карелл* — *Карелл П.* Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на восток. 1941–1943. М.: Изографус, ЭКСМО, 2003.
- Колесник* — *Колесник А. Д.* Народное ополчение городов-героев. М.: Наука, 1974.
- Кринов* — *Кринов Ю. С.* Лужский рубеж. Год 1941-й. Л.: Лениздат, 1983.
- Лашкевич* — *Лашкевич А.* В воздушных боях. Балтийское небо. М.: Яуза, Эксмо, 2010.
- Лебедев* — *Лебедев Ю.* Ленинградский «Блицкриг». М.; СПб.: Центрполиграф, 2011.
- Маништейн* — *Маништейн Э. фон.* Утерянные победы. И.: Феникс, Ростов-на-Дону, 1999.
- Михайлов* — *Михайлов В.* Ленинград. Героическая оборона города в 1941–1944 гг. М.: Издательство политической литературы, 1980.
- Мощанский* — *Мощанский И. Б.* У стен Ленинграда. М.: Вече, 2010.
- Непокоренный Ленинград* — *Непокоренный Ленинград.* Л.: Наука, 1970.
- Нератова* — *Нератова Р.* В дни войны. Семейная хроника. СПб.: АОЗТ «Журнал „Звезда”», 1996.
- Новиков* — *Новиков А. А.* В небе Ленинграда. М.: Наука, 1970.
- Оборона Ленинграда* — *Оборона Ленинграда. 1941—1944.* Воспоминания и дневники участников. Л.: Наука, 1968.
- Ополченцы* — *Ополченцы.* Л.: Лениздат, 1975.
- Пограничные войска* — *Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1941.* Сб. документов и материалов. М.: Наука, 1976.
- Полубояров* — *Полубояров П. П.* «Крепче брони» // На Северо-Западном фронте. 1941—1943. М.: Наука, 1969.
- Поражение Германского Империализма* — *Поражение Германского империализма во Второй мировой войне.* Статьи и документы. М.: Воениздат, 1960.
- Раус* — *Раус Э.* Танковые сражения на восточном фронте. М.: АСТ, 2005.

- ЦАМО* — Центральный архив министерства обороны (г. Подольск).
- ЦГАИПД* — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.
- Kriegstagebuch* — Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab) 1940–1945. Geführt von Helmuth Greinert und Percy Ernst Schramm. San Francisco (California), 2007.
- NARA* — The U.S. National Archives and Records Administration.
- Paul* — *Paul W. Brennpunkte. Die Geschichte der 6. Panzerdivision (1. leichte) 1937–1945.* Krefeld: Höntiges-Verlag, 1977.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Прибалтийская стратегическая оборонительная операция	14
Начало ленинградской оборонительной операции	58
Оперативная пауза	344
Вместо послесловия.	361
Приложение 1	362
Приложение 2	371
Приложение 3	387
Список сокращений литературных и архивных источников	477



Командир 114 мотострелкового полка 6-й танковой дивизии
подполковник барон Эрих фон Зекендорф высматривает путь



Встреча подразделений 1-й и 6-й танковых дивизий — обсуждение дальнейших совместных действий



Рейд 7-й роты 11-го полка 6-й танковой дивизии по псковским лесам



Стояние в Лядах (?)



Sdkfz-7 — полугусеничный тягач с орудием
и расчетом 12 человек



Мотоциклисты из мотострелкового полка
6-й танковой дивизии на BMW R12



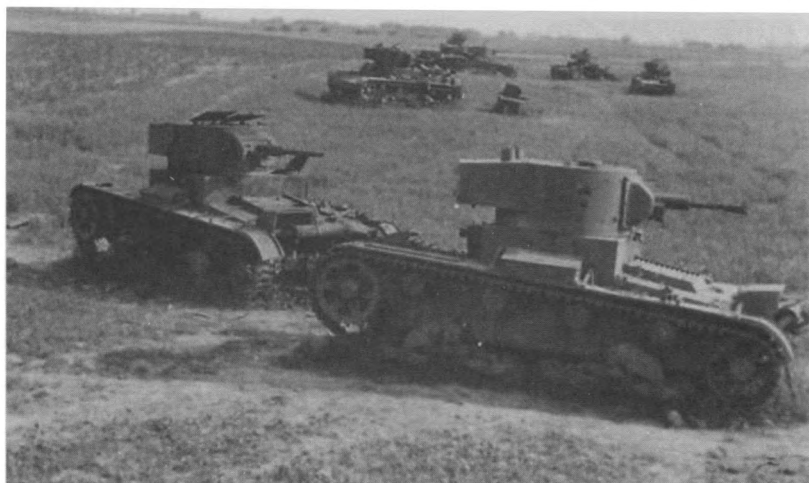
Противотанковая 50-мм пушка Pak 38 6-й танковой дивизии



Мотострелки 6-й танковой дивизии изготовились к атаке



Мотострелки 6-й танковой дивизии в атаке



Танки Т-26 из сводного полка ЛКБТКУКС перед плацдармом



Танки сводного полка ЛКБТКУКС после атаки



Командующий
Лужской оперативной
группой
генерал-лейтенант
К. П. Пядышев



Командующий
Северным фронтом
генерал-лейтенант
М. М. Попов



Командир 2-й ДНО
Герой Советского Союза
полковник Н. С. Угрюмов



Начальник Инженерного
управления Северного фронта
полковник Б. В. Бычевский



Командир сводного
танкового полка
ЛКБТКУКС
Д. Г. Беспрозванов



Ефрейтор Иоганн Генрих
Вике накануне вторжения
немецких войск на
территорию СССР



Командир боевой группы
6-й танковой дивизии
полковник Эрхард Раус



Командир батареи
2-й ДНО политрук
Павел Данилович Бархатов



Начальник Ленинградского
Краснознаменного пехотного
училища имени
С. М. Кирова полковник
Герасим Васильевич Мухин



Мост в Поречье. Фотография И. Г. Вике,
сделанная 8.7.1941 года

Gültig für alle Züge, auch Eil- und D-Züge

Kleiner Wehrmachtfahrtschein, Teil 2

(Eilt als Fahrtafelweis und ist bei Beendigung der Reise auf dem Zielbahnhof abzugeben)

für in Buchstaben Personen in der 1. Klasse
für in Buchstaben Personen in der 2. Klasse
für in Buchstaben Personen in der 3. Klasse
für in Buchstaben Diensthund
für Reisegeld von in Buchstaben Personen
zur einmaligen Fahrt auf der Eisenbahn

von Bahnhof Berlin
nach Bahnhof Wassow
über Flöbitz

Das Fahrzeug ist zu benutzen am 24. 11. 1941
Reiseklasse P. Nr. 22 347
(Kontingenz)
Imbau
(Hafelshof, Brest-Lit., Westpreußen)
Oberlt. u. Batr. - Graf./

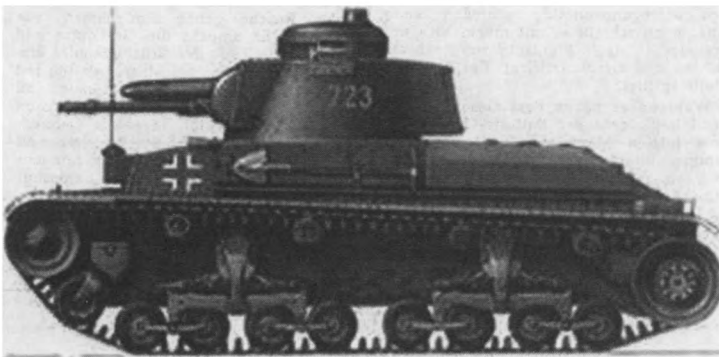
543a neu. Satz 10/11/33 Berlin 1932.

Dieser Fahrtschein gilt nicht für Straßenbahnen, Grubenbahnen und private Kraftwerkseisenbahnen, sondern nur für Straßen der Eisenbahn

Dienstgrad und Name des Reisenden: Gefr. Johann - Heinrich
(bei mehreren des Transportführers) W i o l e

Arzt und Beendigung der Reise:
Rückkehr zu r. Truppe

Eigenmächtiges Benutzen einer höheren Wagenklasse ist verboten.
Die Inanspruchnahme von Wehrmachtsfahrkarten oder Fahrkarten des öffentlichen Verkehrs für die im Wehrmachtsfahrtschein bezeichnete Strecke ist verboten.



Танк Pz.Kpfw.35(t) (Шкода)

Trotz schwerster Angriffe

1/4

Flakbatterie hält Brückenkopf

Zu einem der hart umkämpften Brückenköpfe an der Nordfront ging der Marsch dieser Flakbatterie — tagelang im Staub der Straßen: Dann war das Ziel erreicht, das sie gegen die feindlichen Fliegerangriffe sichern sollte. Die Luftaufklärung hatte aber die Bereitstellung feindlicher Panzer festgestellt, und so änderte sich der Auftrag der Batterie sehr schnell. Noch während die neue Stellung vorbereitet wurde, kam schon der Befehl, den Panzerschutz im Brückenkopf zu übernehmen.

Eins der Geschütze wird sofort in die vorderste Linie gezogen; kaum war es feuerbereit, schoß es auch schon den ersten Panzer mit einem Schuß zusammen, dem kurz darauf drei weitere und ein LKW, mit gehängtem Geschütz folgten. Es gab ein Duell mit den angreifenden Panzern, bei dem der LKW und zwei Panzer vernichtet wurden. In die Freude über den Erfolg aber bricht die Detonation eines Treffers in ihr Munitionslager, den der dritte Panzer angebracht hat. Tot oder verwundet liegt die Bedienung neben der Kanone. Der Batterieoffizier, der Geschützoffizier und zwei Mann — das ist alles, was am Geschütz steht und noch weiterkämpfen kann. Und diese vier vernichten dann den Panzer, der weiter auf sie anrollt, mit wenigen Schüssen. *Obwohl*

Sowjetpanzer rollen an *Östwärts*

Während dieses Kampfes war es einem anderen Bolschewistenpanzer gelungen, sich nahe heranzuarbeiten. 35 m vor sich sieht ihn die Bedienung, als sie ihn schließlich bewegungsunfähig schießen kann. Aber noch schießt er mit einem MG und verwundet den Richtschützen schwer, ebenso den Geschützführer, der an seine Stelle springt.

Während er neben dem Geschütz sterbend liegt, geht der Batterie-Offizier mit dem letzten Mann der Bedienung und einigen Infanteristen gegen den Panzer vor; sie übergießen ihn mit Benzin und zünden ihn an. Das ist das Ende dieses 52-Tonnern.

Inzwischen sind die anderen Geschütze ebenfalls vorgezogen und können jetzt in den Kampf eingreifen. Etwa 75 m links

von dem ersten feuert ein weiterer 52-Tonner, dem ein Geschütz der Artillerie Treffer beibrachte, die ihn ebenfalls bewegungsunfähig machten. Aber bei dem folgenden Feuerwechsel wurde es vom Panzer zusammengeschoßen. Der muß nun vernichtet werden. Und ein Geschütz der Flak kann ihn dann auch mit zwei Granaten erledigen.

Kaum ist dieser Panzerkampf vorüber, da erfolgt ein mit ungeheurer Heftigkeit geführter Infanterieangriff. Der Bolschewik setzt seine Massen an, um den Brückenkopf wieder in seine Hand zu bekommen. Mehr als einmal dringt er bis in die nächste Nähe der Geschütze vor. Dann wird der Flaksoldat zum Infanteristen und kämpft wie diese mit dem Gewehr, kämpft um die Stellung, kämpft um sein Geschütz. Sieben Stunden dauert dieser Versuch der Bolschewisten, uns den Brückenkopf zu entreißen. Erst als es Abend ist, ist der Angriff zusammengebrochen.

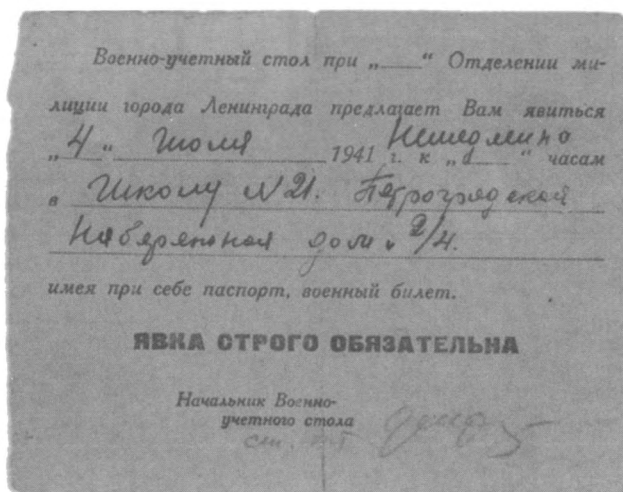
Der nächste Tag verläuft ruhig. Was man vorn so ruhig nennt! Zwei mittlere Panzer werden vernichtet. Aber sonst tut sich nichts Besonderes. Da beginnt um 18 Uhr Trommelfeuer von vier oder fünf Batterien: eine Stunde hämmert es pausenlos auf die Geschützstellungen, die durch ihre Gefechtstätigkeit vom Feinde erkannt worden sind. Und im Schutze dieses Feuersegens setzt nun der neue feindliche Panzerangriff ein. Fünf rasseln da heran, davon einer von 64 Tonnen. Vier kann die Batterie schnell vernichten, aber die gepanzerte Festung kommt immer näher heran. Büsche geben ihm immer neue Deckung. Er umgeht die Geschütze und dringt in die Tiefe des Brückenkopfes ein. Da bleibt kein anderes Mittel, als ihn mit Handfeuerwaffen und Handgranaten zu vernichten. Drei Volltreffer hat er schon erhalten und beginnt, in einem Gebüsch liegend, zu brennen. Zwei Offiziere und zwei Mann gehen jetzt gegen ihn vor und geben ihm den Rest. Durch eine Explosion ist er endgültig vernichtet.

Vier Panzer erledigt

Schon folgt ein neuer Infanterieangriff. Vier Panzer begleiten ihn — zwei zu

Kriegsberichterstatter:
Rudolf Eiche

Fortsetzung...
S. 2.



Повестка



Ополченцы осваивают орудие



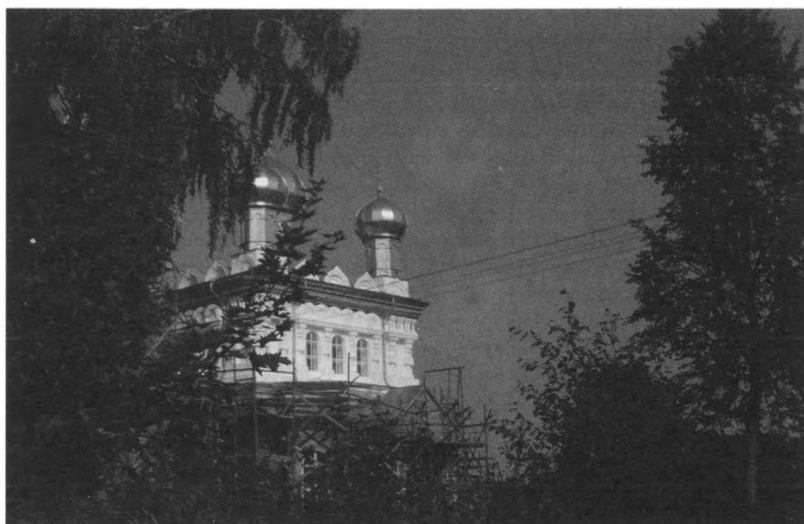
Коктейль Молотова 492



Петер Вильгельм Вике
в краеведческом музее
в Стругах Красных



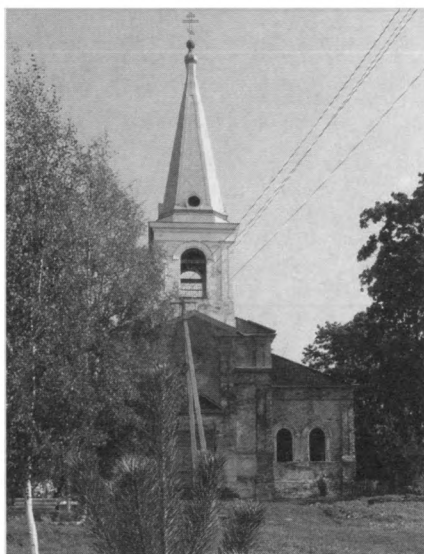
Храм Иоанна Богослова в селе Ивановском после боев за плацдарм



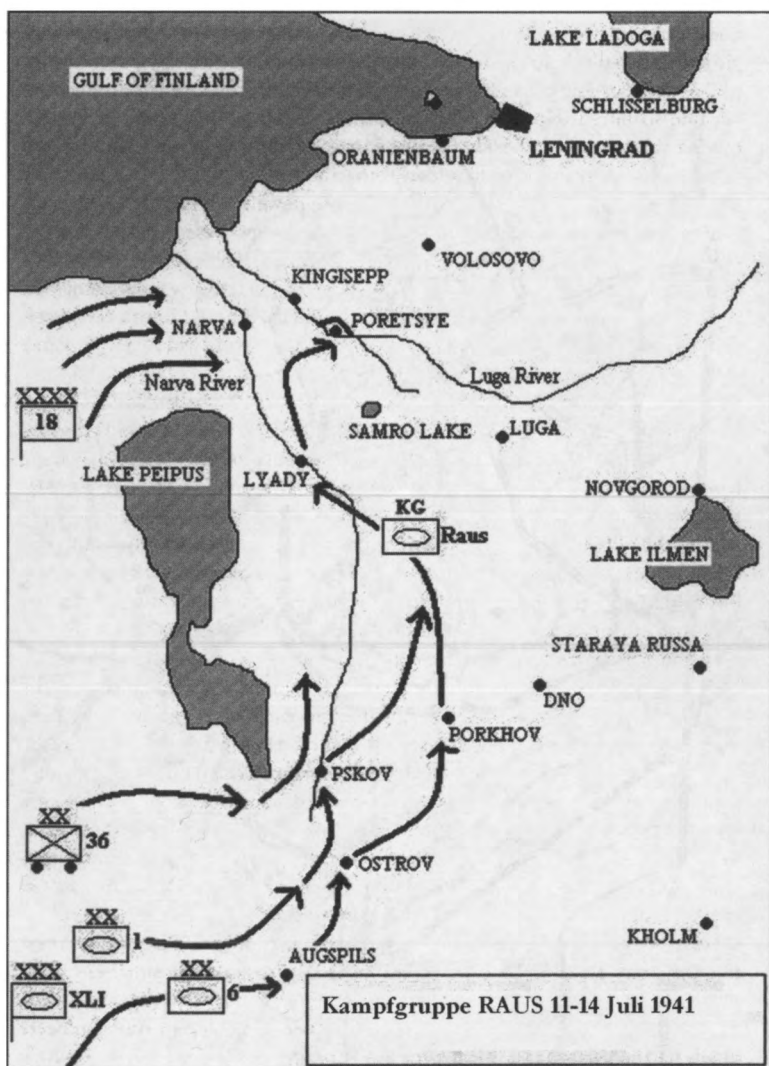
Храм Иоанна Богослова в селе Ивановском летом 2011 года



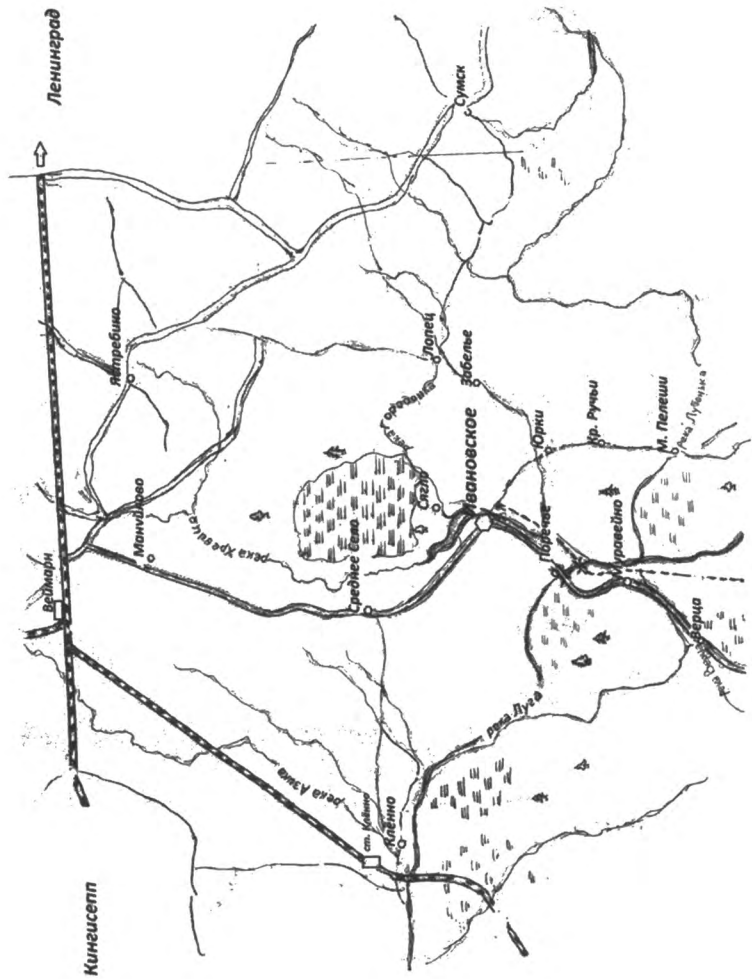
**Церковь Успения Пресвятой Богородицы в Заручье
летом 1941 года. Фотография И. Г. Вике**



**Церковь Успения Пресвятой
Богородицы в Заручье летом
2011 года.
Фотография П. В. Вике**



Планидарм "Ворога Ленинграда"



Владимир Геннадьевич Рохмистров

ДИВИЗИЯ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ

**Несколько дней июля 1941 года
на Лужском рубеже обороны Ленинграда**

Редактор *Н. М. Пак*

Корректор *Н. М. Пак*

Верстка *Н. Н. Репевой*

Подписано в печать 20.10.2014. Формат 60 × 90 ¹/₁₆,

Бум. офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,00.

Тираж 1000 экз. Зак. № 675

Некоммерческое партнерство

«Научно-образовательное культурологическое общество»

191011, Санкт-Петербург, н. реки Фонтанки, д. 15, лит. А

Отпечатано в типографии «Контраст»

192029 Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 38

ISBN 978-5-905625-11-4



9 785905 625114

Научно-образовательное
культурологическое общество
Санкт-Петербург
2014